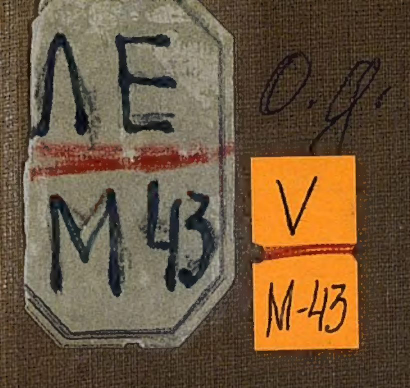

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ II

4696

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

1933
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА / ЛЕНИНГРАД

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
по изданию документов эпохи империализма

| М. Н. ПОКРОВСКИЙ | председатель комиссии и главный редактор

Я. А. БЕРЗИН, зам. пред. и главн. ред., Н. М. ЛУКИН, В. В. МАКСАКОВ, Е. Б. ПАШУКАНИС, Ф. А. РОТШТЕЙН.

1933

ТОМ ВТОРОЙ

14 МАРТА — 13 МАЯ 1914 г.

Подготовил к печати А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

при участии Б. Г. ВЕБЕРА

Огиз № 242. Сдано в набор 6/V-31 г. Подписано к матрицированию 28/II-33 г. Набор произведен фабрикой книги «Красный Пролетарий», Москва, Краснопролетарская ул., 16. Заказ № 3127. Бумага 62х94/16. 36¼ л.

Отпечатано в июне 1933 г. фабрикой книги „Красный пролетарий" в количестве 5000 экземпляров Уполн. Главлита № Б—2717. Редактор — комиссии при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма. Тех. ред. Т. Соколова.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПОКРОВСКИЙ

(1868—1932)

10 апреля 1932 г. после продолжительной болезни умер инициатор и главный редактор издания «Международные отношения в эпоху империализма», один из виднейших деятелей большевистской партии и марксистско-ленинской науки, М. Н. Покровский.

Начав свою педагогическую и научно-литературную деятельность в 90-х годах прошлого столетия, Покровский в то время, по его собственным словам, прошел «период демократических иллюзий и экономического материализма», но уже накануне первой русской революции он определился как историк-марксист и революционер-большевик, а в дальнейшем вся его практическая и научная работа была тесно связана с революционным движением рабочего класса России.

Активный участник революции 1905 года и Октяброской революции, Покровский в послеоктябрьский период занимал ряд руководящих государственных постов в Советском союзе. С 1918 он — бессменный заместитель Народного комиссара просвещения, с 1919 — председатель Гос. ученого совета, с 1920 — заведующий Центральным архивным управлением. Одновременно он являлся организатором и руководителем ряда крупнейших научных учреждений и учебных заведений СССР (Коммунистической академии, Института красной профессуры, О-ва историков-марксистов и т. д.), непременным участником многочисленных научных съездов и конференций, редактором научных журналов («Красный архив», «Историк-марксист» и др.) и т. д. В 1929 г. он был избран действительным членом Академии наук.

Несмотря на громадное значение общественно-политической и научно-организаторской деятельности Покровского, в историю его имя войдет прежде всего как имя историка-марксиста. Уже своими трудами, написанными в эмиграции в период между двумя революциями («История России с древнейших времен», многочисленные работы по истории XIX в., «История русской культуры»), он произвел глубокий переворот в русской исторической науке. Рассматривая историю России с классовой точки зрения, он подверг уничтожающей критике все старые дворянские и буржуазные концепции русского исторического процесса и противопоставил им цельную марксистскую концепцию. После 1917 года Покровский добавил к этим трудам ряд новых крупных исто-

рических работ («Русская история в самом сжатом очерке», «Борьба классов и русская историческая литература», «Очерки по истории революционного движения в России», «Марксизм и особенности исторического развития России», «Октябрьская революция», «Империалистская война»), а также много ценнейших изданий архивных документов, журнальных статей, докладов и т. д.

В своей научно-исторической работе Покровский с самого начала уделял много внимания вопросам международной политики. В его трудах мы находим блестящий марксистский анализ внешней политики царизма, начиная со времен Московского государства и кончая империалистской войной. Его работа в этом направлении особенно расширилась после Октябрьской революции, когда он, получив возможность изучать архивы царского правительства, приступил к опубликованию подлинных документов по внешней политике царизма.

Эту работу должна была увенчать настоящая систематическая публикация внешнеполитических документов из архивов царского и Временного правительств. В 1928 г., когда при ЦИК СССР была создана комиссия по изданию документов эпохи империализма, Покровский был назначен ее председателем и главным редактором издания «Международные отношения в эпоху империализма». Организации и руководству этого дела Покровский посвятил много труда. Первые 5 томов, охватывающие период с 1 января (ст. ст.) по 4 августа 1914 года, были проредактированы им лично; под его руководством проходила также первоначальная стадия работы по подготовке 6-го и 7-го томов (август 1914 — май 1915). Ходом этой работы Покровский продолжал интересоваться до самых последних дней своей жизни и, находясь уже в больнице, он в промежутках между повторными операциями просил посылать ему для просмотра новые подборы материала и гранки готового набора. Смерть прервала эту работу.

В лице Михаила Николаевича наша комиссия потеряла своего надежного руководителя, но опыт, приобретенный нами в ходе продолжительной совместной с ним работы, и полученные от него методологические и конкретно-исторические указания облегчают стоящую перед нами задачу — довести до конца настоящую публикацию в начатом направлении.

Октябрь 1932.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.

Депеша — деп.

Доверительно — довер.

Докладная записка — докл. зап.

Константинополь — К-поль.

Литографская копия — лит. копия.

Военное министерство — воен. м-во

Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.

Морское министерство — мор. м-во.

Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.

Министерство финансов — м-во фин.

Министр — м-р.

Посольство — пос-во.

Правительство — прав-во.

Памятная записка — пам. записка.

Телеграмма — тел.

Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922—М.

Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, herausgegeben von B. von Siebert. Berlin und Leipzig 1928 — Siebert (I), (II), (III).

Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911—1914, herausgegeben von Friedrich Stieve — Stieve (IV).

Un Livre Noir. Diplomatie d'avant guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — Juillet 1914. Paris 1923 — L. N. (I), (II).

Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre herausgegeben von B. von Siebert, Berlin und Leipzig 1921 — Siebert.

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette — Gr. Pol.

Сборник тайных документов Синяя книга, изд. НКИД, 1918 г. — Синяя кн.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ.

(14/1 марта — 13 мая/30 апреля 1914 г.)

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
36	17/4. III	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	35
37	17/4. III	Тел. № 91	Коростовец — Сазонову	К. 141	39
38	18/5. III	Тел. № 511	Сазонов — Коростовцу	П. ст. 95	39
39	18/5. III	Письмо № 189	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 1526	40
40	18/5. III	Тел. № 79	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	41
41	18/5. III	Тел. № 80	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	42
42	18/5. III	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 277	43
43	18/5. III	Деп. № 8	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	45
44	18/5. III	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	47
45	19/6. III	Тел. № 524	Клемм — Коростовцу	П. ст. 95	48
46	19/6. III	Тел. № 81	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	49
47	19/6. III	Тел. № 77	Извольский — Сазонову	К. 178	49
48	19/6. III	Тел. № 93	Коростовец — Сазонову	П. ст. 156	50
49	19/6. III	Тел. № 95	Коростовец — Сазонову	К. 141	50
50	19/6. III	Тел. № 97	Коростовец — Сазонову	П. ст. 150/н	51
51	19/6. III	Тел. № 13	Бахметев — Сазонову	К. 206	52
52	19/6. III	Тел. № 14	Бахметев — Сазонову	К. 206	52
53	20/7. III	Тел. № 84	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	53
54	20/7. III	Тел. № 78	Извольский — Сазонову	К. 206	54
55	20/7. III	Тел. № 60	Демидов — Сазонову	К. 83	54
56	20/7. III	Пам. записка № 61	Росс. миссия в Пекине кит. министру ин. дел	К. ст. 657	55
57	20/7. III	Деп. № 73	Миллер — Сазонову	К. ст. 568	55
58	21/8. III	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	59
59	22/9. III	Тел. № 534	Сазонов — Миллеру	К. 206	63
60	22/9. III	Тел. № 163	М. Гирс — Сазонову	К. 206	63
61	22/9. III	Деп. № 24	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	64
62	22/9. III	Тел. № 100	Коростовец — Сазонову	П. ст. 3016	65
63	22/9. III	Тел. № 102	Коростовец — Сазонову	П. ст. 150/н	66
64	23/10. III	Тел. № 538	Сазонов — Бахметеву	К. 244	66
65	23/10. III	Тел. № 541	Сазонов — Коростовцу	П. ст. 95	67
66	23/10. III	Тел. № 81	Извольский — Сазонову	К. 178	67
67	23/10. III	Деп. № 10	Обнорский — Сазонову	В. Б./Ч. 94	67
68	23/10. III	Деп. № 11	Обнорский — Сазонову	В. Б./Ч. 94	69
69	23/10. III	Письмо	А. Гирс — Сазонову	В. Б./Ч. 94	70
70	23/10. III	Тел. № 166	М. Гирс — Сазонову	К. 206	74
71	23/10. III	Деп. № 25	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	75
72	23/10. III	Деп. № 26	М. Гирс — Сазонову	К. 206	79
73	23/10. III	Тел. № 103	Коростовец — Сазонову	П. ст. 4560	81
74	23/10. III	Тел. № 134	В. Крупенский—Сазонову	К. 106	81
75	23/10. III	Тел. № 77	Миллер — Сазонову	К. 121	82
76	24/11. III	Тел. № 553	Сазонов — Коростовцу	П. ст. 95	82
77	24/11. III	Тел. № 559	Нератов — Извольскому	П. А. 219	84
78	24/11. III	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	84
79	24/11. III	Деп. № 18	А. Крупенский—Сазонову	С. А. 1788	90
80	24/11. III	Письмо	А. Крупенский—Сазонову	К. 98	91
81	24/11. III	Тел. № 172	М. Гирс — Сазонову	К. 206	94
82	24/11. III	Тел. № 105	Коростовец — Сазонову	П. ст. 319 и 246	95
83	24/11. III	Пам. записка	Китайск. м-во ин. дел — посланнику в Пекине	К. ст. 657	95
84	24/11. III	Деп. № 24	В. Крупенский—Сазонову	К. ст. 138	97
85	25/12. III	Тел. № 564	Сазонов—Бенкендорфу, Свербееву, А. Крупенскому и Бахметеву	К. 263	99
86	25/12. III	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 44	100
87	25/12. III	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 206	103
88	25/12. III	Деп. № 14	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С. 121	106

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
89	25/12. III	Деп. № 16	Гартвиг — Сазонову	К. 206	108
90	25/12. III	Тел. № 83	Миллер — Сазонову	К. 121	109
91	26/13. III	Тел. № 579	Нератов — Извольскому	П. А. 1357	110
92	26/13. III	Тел. № 82	Извольский — Сазонову	К. 178	110
93	26/13. III	Тел. № 83	Извольский — Сазонову	К. 178	111
94	26/13. III	Деп. № 7	Извольский — Сазонову	К. 206	111
95	26/13. III	Деп. № 8	Извольский — Сазонову	К. 206	114
96	26/13. III	Письмо	Демидов — Сазонову	В. Б./Г. 95	116
97	26/13. III	Тел. № 17	Обнорский — Сазонову	К. 183	118
98	26/13. III	Тел. № 18	Обнорский — Сазонову	П. А. 219	118
99	27/14. III	Журнал комитета финансов		МФ № 1 1914	119
100	27/14. III	Тел. № 51	Ягов — Пурталесу	К. 58	130
101	27/14. III	Деп. № 7	Неклюдов — Сазонову	К. 190	131
102	27/14. III	Деп. № 17	Коростовец — Сазонову	П. ст. 4976	134
103	27/14. III	Деп. № 25	В. Крупенский — Сазонову	К. ст. 138	139
104	27/14. III	Деп. № 28	В. Крупенский — Сазонову	К. ст. 138	141
105	27/14. III	Тел. № 37	Малевский — Сазонову	К. 206	142
106	28/15. III	Тел. № 590	Клемм — Эльзенгеру	П. ст. 150/н	142
107	28/15. III	Тел. № 592	Сазонов — В. Крупенскому	С. А. 1819	143
108	28/15. III	Письмо № 215	Сазонов — Янушкевичу	П. А. 214	144
109	28/15. III	Деп. № 29	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	144
110	28/15. III	Тел. № 111	Коростовец — Сазонову	П. ст. 3955	145
111	29/16. III	Тел. № 602	Сазонов — Гартвигу	П. А. 219	145
112	29/16. III	Тел. № 88	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	146
113	29/16. III	Тел. № 89	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	145
114	29/16. III	Тел. № 182	М. Гирс — Сазонову	К. 206	149
115	30/17. III	Тел. № 606	Севастопуло — Извольскому	П. А. 1357	149
116	30/17. III	Тел. № 31	Шебеко — Сазонову	К. 206	150
117	30/17. III	Тел. № 71	Демидов — Сазонову	К. 83	150
118	30/17. III	Тел. № 104	Гартвиг — Сазонову	К. 206	151
119	30/17. III	Тел. № 104	Гартвиг — Сазонову	К. 206	151
120	30/17. III	Тел. № 184	М. Гирс — Сазонову	К. 206	152
121	30/17. III	Деп. № 31	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	153
122	30/17. III	Донес. № 105	Введенский — м-ву ин. дел	П. ст. 1428	155
123	30/17. III	Законопроект морского м-ва в Госуд. Думу.		С. А. 219	157
124	30/17. III	Письмо № 3097	Сухомлинов — Сазонову	В. Б./С. 222	160
125	31/18. III	Докладная записка	Сазонов — Николаю II	К. ст. 1481	161
126	31/18. III	Тел. № 610	Сазонов — Крупенскому	К. 206	162
127	31/18. III	Тел. № 93	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	162
128	31/18. III	Письмо	Демидов — Сазонову	В. Б/Г 95	162
129	31/18. III	Тел. № 92	Миллер — Сазонову	К. 121	164
130	31/18. III	Тел. № 95	Миллер — Сазонову	К. 121	165
131	31/18. III	Деп. № 93	Миллер — Сазонову	К. ст. 568	165
132	1. IV/19. III	Меморандум	Англ. пос-во в СПБ м-ру ин. дел	К. 50	168
133	1. IV/19. III	Письмо	А. Крупенский — Сазонову	К. 101	168
134	1. IV/19. III	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	171
135	1. IV/19. III	Тел. № 109	Гартвиг — Сазонову	К. 206	174
136	2. IV/20. III	Тел. № 634	Сазонов — Бенкендорфу	П. ст. 95	175
137	2. IV/20. III	Письмо № 23	Сазонов — Извольскому	С. А. 214	176
138	2. IV/20. III	Тел. № 95	Бенкендорф — Сазонову	К. 206	177

2*

14 МАРТА—13 АПРЕЛЯ 1914 г.

№ 1. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

14/1 марта 1914 г.

His Majesty's Government have received from Sir P. Harvey, the British Delegate on the Paris Financial Commission, a memorandum respecting two matters which await settlement by that Commission.

The first point raises the question whether existing mining or other concessions in the annexed territories, granted by the Turkish Government before their annexation shall be subject to the right of the annexing State to expropriate the concessionnaires under its own laws. Sir E. Grey is disposed to think that where the annexing State so desires, this should be allowed by the Commission, subject to a proviso that no expropriation shall be permissible without good cause being shown and without fair compensation.

The Commission might make provision for arbitration on these points should occasion arise, as it appears improbable that the final decision could be satisfactorily entrusted to the Tribunals of the country concerned.

The second point deals with the question of compensation to Servia and Montenegro in respect of the non-retention by them of their conquests in Albania. It does not appear to Sir Edward Grey that the Powers ought to admit any claim on the part of these countries based on the sole ground that they have not been allowed to retain the entire territory occupied by them in the course of the war. Even if a right to an indemnity on this ground were to be admitted in principler, there is, so far as Sir E. Grey is aware, no source from which such compensation could be made available as neither the Powers nor Albania could be expected to pay.

His Majesty's Embassy is instructed to ascertain the views of the Imperial Government on the above points and to enquire what instructions they would propose to give their delegate in readiness for the reassembling of the Paris Commission [1].

---

[1] В своем ответе от 24/11 марта росс. прав-во выразило свое согласие с соображениями, высказанными в публ. документе.

Перевод.

Правительство его величества получило от сэра П. Гарвей, британского делегата в Парижской финансовой комиссии, меморандум относительно двух вопросов, которые должны быть разрешены этой комиссией.

Первый пункт касается вопроса о том, распространяется ли на существующие горнопромышленные и другие концессии, находящиеся на аннексированных территориях и предоставленные турецким правительством до их аннексии, право аннексировавшего государства экспроприировать концессионеров согласно его собственным законам. Сэр Э. Грей склонен думать, что в случаях, когда это желательно аннексировавшему государству, это должно быть допущено комиссией, с той оговоркой, что экспроприация не может быть разрешена без приведения достаточных оснований и без справедливого вознаграждения.

Комиссия может, в случае надобности, принять особое постановление об арбитраже по этим вопросам, так как сомнительно, чтобы вынесение окончательного решения может быть спокойно поручено трибуналам заинтересованной страны.

Второй пункт касается вопроса о компенсации Сербии и Черногории в связи с утратой ими их завоеваний в Албании. Сэр Э. Грей не считает, чтобы державы должны были признать какие-либо претензии этих стран, основанные лишь на том, что им не было разрешено удержать всю занятую ими во время войны территорию. Даже если бы в принципе было признано на этом основании право на вознаграждение, то не имеется, поскольку это известно сэру Э. Грею, источника, из которого могло бы быть получено такое вознаграждение, ибо нельзя предполагать, что державы или Албания будут платить.

Посольству его величества поручено выяснить мнение по вышеуказанным пунктам императорского правительства и осведомиться о том, какие инструкции оно намерено дать своему делегату к новому собранию Парижской комиссии.

№ 2. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме—Извольскому, Бенкендорфу, Свербееву, Шебеко и Крупенскому.

Телеграмма № 469. 14/1 марта 1914 г.

Сообщается в Константинополь и Гаагу.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Константинополе № 136[1] и на свою телеграмму № 255[2].

Циркулярно.—Прошу вас сообщить правительству, при коем вы аккредитованы, что после тщательных изысканий наиболее подходящих кандидатов на посты генерал-инспекторов мы пока остановились на двух бельгийских офицерах, отвечающих всем требованиям, а именно генерал-майор Дегиз и вице-губернатор Конго подполковник Анри.

Ввиду желания нашего предоставить Порте выбор из четырех

---

[1] См. т. I, № 437.
[2] См. т. I, стр. 354, прим. 5.

кандидатов, мы надеемся в ближайшие дни представить дополнительно имена еще двух кандидатов, с коими находимся в переговорах. Промедление в представлении кандидатов происходит исключительно в силу необходимости самого тщательного их выбора. Прошу вас представить правительству, при коем вы аккредитованы, желательность выждать наше сообщение, дабы в этот вопрос, в коем Россия заинтересована более других держав, не было внесено отдельных предложений, способных нарушить столь счастливо установившуюся солидарность между кабинетами.

Сазонов.

№ 3. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 471[1]. 14/1 марта 1914 г.

Обсуждавшее вопрос о нашем железнодорожном строительстве в Манчжурии совещание[2] признало нужным добиваться от китайского правительства обещания сохранить за русскими преимущественное право на постройку следующих линий[3]: 1) Благовещенск—Харбин с веткой на Цицикар; 2) Харбин—Бодунэ; 3) Имянопо—Нань-тянь-мынь, на нижнем течении Сунгари; 4) Цицикар—Бодунэ и 5) подъездных путей к Китайской Восточной железной дороге в Барге. Способ осуществления этих линий не решен, но не исключается возможность образования с этой целью особого общества по примеру английских, французских и бельгийских и осуществление поименованных предприятий применительно к условиям, принятым за последнее время для иностранного железнодорожного строительства во внутреннем Китае.

Так как представители главнейших наций, помимо получения железнодорожных концессий, обеспечили за собой попутно право разработки естественных богатств Китая, то совещание признало желательным добиваться принципиального согласия китайского правительства на предоставление русским концессионерам права разработки горных, лесных и прочих богатств в районе названных линий.

---

[1] Лит. копия. Опубл. Siebert, III, S. 267, № 1045.

[2] Имеется в виду состоявшееся 4 февр./22 янв. заседание „особой комиссии для выработки схемы постройки в Сев. Манчжурии новых железнодорожных линий". В деле имеется копия журнала комиссии.

[3] У Siebert'a: „Nach Prüfung der Frage unserer Eisenbahnpolitik in der Mandschurei halten wir es für notwendig, von der chinesischen Regierung das Versprechen zu erhalten, dass sie Russland das Vorzugsrecht zum Bau folgender Linen gewährt":

Благоволите войти в соответствующие объяснения с министром иностранных дел, указав ему, что мы добиваемся пока лишь принципиального обещания китайского правительства в вышеизложенном смысле, основываясь как на факте предоставления аналогичных прав японцам в Южной Манчжурии, так и на заявлениях китайских властей в Манчжурии, заверявших Вентцеля в готовности привлечь русские капиталы к железнодорожному строительству и разработке богатств Манчжурии.

О последующем благоволите телеграфировать.

[Сазонов.]

№ 4. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 73. 14/1 марта 1914 г.

Télégramme de Grey au ministre d'Angleterre à Athènes: „11 Mars. Ilearn from Mr. Gennadios, that in reply to the communication which, as you have informed me, was made at Athens by the Ministers of Austria and Italy with the support of the Minister of Germany, Mr. Venizelos observed with regard to point 2 and 3, that kasa of Koritsa boundaries were not fixed and that difficulties must therefore arise. With regard to point 1 and 4 he asked for more explicit details. The Minister of Greece said, that he had been instructed to point out that the communication made at Athens was on behalf of Italy and Austria only: that it did not mention the islands and thus only dealt partially with the reply given by Greece to the Powers. And that a further communication would ... ly [1] be made by the Powers.—I said, that some surprise had been caused by fact, that two Powers acting alone had made a communication to the Greek Government, and that I was of opinion that the communication to be made on behalf of all the ... [1] must now be considered. I would bear in mind the points raised by Mr. Venizelos during the necessary consultations. The Minister of Greece said, that, as his Government were in a situation of extreme difficulty, he would urge, that the ... [1] should be made as soon as possible».

Copie Paris.

Benckendorff.

Перевод.

Телеграмма Грея английскому посланнику в Афинах: „11 марта. Я узнал от г. Геннадиоса, что в ответ на сообщение, которое, как вы осведомили меня, было сделано в Афинах австрийским и итальянским посланниками при поддержке

[1] Пропуск в подлиннике.

германского посланника, г. Венизелос заметил относительно пунктов 2 и 3, что границы казы Корицы не установлены, в связи с чем должны возникнуть затруднения. По пунктам 1 и 4 он просил сообщить более точные детали. Греческий посланник сказал, что ему поручено указать, что сообщение в Афинах было сделано только от имени Италии и Австрии, что в нем не упоминаются острова, и таким образом оно лишь частично касается ответа, который Греция дала державам и что державами... будет сделано еще одно сообщение. Я сказал, что некоторое изумление вызвал тот факт, что две державы, выступающие самостоятельно, сделали сообщение греческому правительству, и что я того мнения, что следует рассмотреть вопрос о сообщении, которое должно быть сделано от имени всех... Я принял во внимание вопросы, поднятые г. Венизелосом во время неизбежных совещаний. Греческий посланник сказал, что вследствие крайне тяжелого положения его правительства он настаивает, чтобы... было сделано как можно скорее.

Копия в Париж.

Бенкендорф.

№ 5. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 75. 14/1 марта 1914 г.

Grey informa aujourd'hui Cambon et moi qu'après notre entretien de mercredi, le ministre de Grèce était venu lui faire une communication à laquelle il avait répondu comme dans mon télégramme № 73[1]. Grey nous dit qu'il s'était servi de cette communication pour ses entretiens avec les ambassadeurs d'Italie et d'Allemagne et d'Autriche. Il avait vu hier les trois ambassadeurs. L'ambassadeur d'Italie lui dit au nom de son gouvernement que celui-ci n'avait jamais entendu faire aucune démarche, sinon de toutes les Puissances, que par conséquen le ministre d'Autriche n'avait parlé qu'au nom de son gouvernemen seul. Grey, après avoir remarqué que cette explication n'était pas entièrement corroborée par celle de l'ambassadeur d'Autriche, lui remit copie de son entretien avec le ministre de Grèce et le pria de s'informer des vues de son gouvernement au sujet des observations grecques et des intentions du gouvernement italien pour une réponse de toutes les Puissances. L'ambassadeur d'Autriche avait dit à Grey que le ministre de l'Autriche à Athènes, en parlant au nom de son gouvernement et du gouvernement italien seulement, n'avait pas entendu donner une réponse officielle, laquelle, si elle est nécessaire, ne peut être faite que par toutes les Puissances, mais que les deux gouvernements pour encourager et faciliter la tâche difficile et les intentions loyales du gouvernement grec au sujet de l'évacuation de l'Epire, avaient cru utile d'informer confidentiellement Vénizélos des

[1] См. выше № 4.

vues de ces deux Puissances, qu'elles pensaient devoir être favorablement accueillies. Comme à l'ambassadeur d'Italie Grey dit à l'ambassadeur d'Autriche que l'explication de l'Italie était différente. En appréciant la réponse de Berchtold Grey fit observer à l'ambassadeur d'Autriche les inconvénients du procédé, l'impression produite et les conséquences d'une réponse très incomplète. Remettant à l'ambassadeur d'Autriche la copie de son entretien avec le ministre de Grèce, il pria l'ambassadeur de lui procurer l'opinion du gouvernement autrichien sur chacun des points relevés par Grèce aussitôt que possible. A l'ambassadeur d'Allemagne Grey tint le langage prévu dans mon télégramme № 70[1] en insistant sur nécessité d'une réponse complète, la seule qui aurait l'assentiment de toutes les Puissances. Il nota spécialement la question des îles. Grey nous dit que de cette manière la parole est encore une fois aux Puissances de la Triple Alliance qui resteront responsables de leurs propositions, que nous serons libres ou d'accepter ou de refuser selon le cas. A ce moment l'ambassadeur français nous donna lecture d'un télégramme de Doumergue, disant avoir appris que dans l'opinion de votre excellence un projet complet de réponse devait être présenté à Londres et que la Triple Entente devait prendre initiative de cette proposition. Ce télégramme donnait aussi détails de vos entretiens avec les ambassadeurs de la Triple Alliance. Grey répondit que le sort de sa première proposition ne lui permettait pas pareille initiative, que si elle venait d'une Puissance de l'Entente, c'est la Triple Entente qui aurait à relever la question des îles, mais aussi celle des garanties, que celle-ci serait positivement refusée par l'Allemagne, de sorte que aucun résultat ne serait obtenu sinon qu'en prenant sur elle le „odium" de la proposition, l'influence de l'Allemagne [à] Constantinople aurait grandi de proportion et au détriment direct de celle des Puissances de l'Entente sans aucune compensation. Substituer la garantie des Puissances de l'Entente à celle de toutes aurait les mêmes résultats. Une initiative, à laquelle la Triple Alliance se trouverait forcée, peut toujours être acceptée ou refusée, ce qui nous laisse, selon Grey, en situation plus forte et en tout point préférable.— Je dis à ce moment avec quelque amplification que l'opinion qui préoccupait le plus le gouvernement impérial était le fait concret du danger probable des complications greco-turques dans quelque temps. Grey répondit que pour ce cas même si nulle entente sur garantie des îles n'était établie par la faute de la Triple Alliance, les trois autres auraient au moment des complications les mains entiè-

[1] Тел. Бенкендорфа за № 70 в делах б. мин-ва ин. дел не обнаружена.

rem nt libres d'agir comme elles l'entendaient et comme elles auraient concerté. Ambassadeur de France dit que dans son opinion personnelle il tenait le programme développé par Grey comme le meilleur. Je dis que je n'avais pas connaissance que vous avez exprimé le désir que Grey prenne initiative du nom de Triple Entente pour projeter réponse, mais que je savais pour avoir reçu à ce sujet de vous plusieurs communications que vous étiez frappé du danger de complications greco-turques et qu'il fallait la préparer. Grey nous dit que ce matin même ambassadeur d'Allemagne était venu lui apporter une explication de l'effort ...[1] de mettre plus d'unité dans celles de l'Autriche et de l'Italie. Grey lui rappela celles fort peu concordantes que les deux ambas sadeurs lui avaient apportées la veille.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сообщил сегодня Камбону и мне, что после нашей беседы, состоявшейся в среду, греческий посланник явился к нему с сообщением, на которое он ответил, как указано в моей телеграмме № 73. Грей сказал нам, что он воспользовался этим сообщением для бесед с итальянским, германским и австрийским послами. Он видел вчера этих трех послов. Итальянский посол сказал ему от имени своего правительства, что последнее никогда не намеревалось предпринимать каких-либо шагов иначе как совместно со всеми державами, что, следовательно, австрийский посланник говорил только от имени своего правительства. Грей, заметив, что это объяснение не было вполне подтверждено объяснением австрийского посла, вручил ему текст своей беседы с греческим посланником и просил его выяснить мнение его правительства относительно греческих замечаний и намерений итальянского правительства по вопросу об ответе всех держав. Австрийский посол сказал Грею, что австрийский посланник в Афинах, говоря только от имени своего и итальянского правительств, не намеревался давать официального ответа, который, если он необходим, может быть дан лишь всеми державами, но что оба правительства, в целях содействия и облегчения трудной задачи и лояльных намерений греческого правительства в вопросе об эвакуации Эпира, считали полезным конфиденциально информировать Венизелоса о видах этих двух держав, которые, по их мнению, должны были встретить благожелательное отношение. Как итальянскому, так и австрийскому послу Грей сказал, что объяснение Италии было иное. Входя в рассмотрение ответа Берхтольда, Грей указал австрийскому послу на неудобства такого способа действия, на произведенное впечатление и на последствия такого весьма неполного ответа. Вручив австрийскому послу текст своей беседы с греческим посланником, он просил посла сообщить ему как можно скорее мнение австрийского правительства по каждому из пунктов, относительно которых Греция имеет замечания. С германским послом Грей говорил языком, который я предсказал в моей телеграмме № 70, настаивая на необходимости исчерпывающего ответа,—единственного, который может получить одобрение всех держав. Он особо отметил

---

[1] Пропуск в подлиннике.

вопрос об островах. Грей сказал нам, что таким образом слово еще раз принадлежит державам Тройственного союза, ответственным за свои предложения, которые мы сумеем принять или отвергнуть, смотря по обстоятельствам. Тут французский посол прочел нам телеграмму Думерга, который будто бы узнал, что, по мнению вашего превосходительства, полный проект ответа должен быть представлен в Лондоне и что Тройственному согласию следует взять на себя инициативу такого предложения. Эта телеграмма заключала также подробности ваших бесед с послами Тройственного союза. Грей ответил, что участь его первого предложения не позволяет ему проявить такую инициативу, что если бы она исходила от одной из держав Согласия, то Тройственному согласию пришлось бы поднять вопрос об островах и также о гарантиях, что последний вопрос был бы определенно отклонен Германией, так что не было бы достигнуто никаких результатов, за исключением того, что эта держава взяла бы на себя „odium" предложения и что Германия усилила бы свое влияние в Константинополе в прямой ущерб влиянию держав Согласия, без предоставления им какой-либо компенсации. Замена гарантии всех держав гарантией держав Согласия привела бы к тем же результатам. Инициатива, на которую был бы вынужден Тройственный союз, может быть всегда принята или отвергнута, что делает, по мнению Грея, нашу позицию сильнее и во всех отношениях благоприятнее. Тут я несколько распространился о том, что возможность возникновения через некоторое время греко-турецких осложнений представляет конкретную опасность, которая сейчас более всего занимает императорское правительство. Грей ответил, что в том случае, если бы по вине Тройственного союза не было достигнуто никакого соглашения относительно гарантии островов, то три другие державы имели бы в момент осложнений совершенно свободные руки для принятия мер, которые они сочли бы нужными и о которых они бы условились. Французский посол сказал, что, по его личному мнению, программа, развитая Греем, представляется лучшей. Я сказал, что мне было неизвестно выраженное вами пожелание, чтобы Грей взял на себя от имени Тройственного согласия инициативу составления ответа, но что я знал, получив от вас по этому вопросу несколько сообщений, что вас беспокоит опасность греко-турецких осложнений и что следует подготовить ответ. Грей сказал нам, что в это самое утро германский посол был у него, чтобы известить об усилиях, которые применяются для внесения большего единства в ответы Австрии и Италии. Грей указал ему на весьма малую согласованность ответов, которые оба посла показали ему накануне.

Бенкендорф.

№ 6. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁰/₀ Телеграмма № 37. 14/1 марта 1914 г.

Министр иностранных дел сказал мне, что воспользуется заседанием бюджетной комиссии, чтобы успокоить общественное мнение, встревоженное газетной кампанией против России. Вчера же в „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" появилась заметка вполне успокоительного характера, которую я поручил представителю „Вестника" дословно протелеграфировать.

Свербеев.

№ 7. Генеральный консул в Будапеште министру иностранных дел.

Телеграмма № 15. 14/1 марта 1914 г.

Узнаю из секретного источника: на 26 июня назначены четырехнедельные маневры. Запасные офицеры уже получили повестки. Место сбора не указано. Вероятно, маневры будут на юге Венгрии и в Боснии по сербской границе, примут участие четыре корпуса: Рагузский, Загребский, Темешварский и Надь-Себенский, в присутствии наследника.

Приклонский.

№ 8. Посланник в Брюсселе министру иностранных дел.

Депеша № 5. 14/1 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Бельгийская печать снова забила тревогу по поводу возводимых Голландией у устьев Шельды укреплений и посвящает этому вопросу целый ряд статей, в которых обвиняет, с одной стороны, нидерландское правительство в стремлении обратить в голландские внутренние воды этот международный водный путь, нейтралитет коего был гарантирован Лондонским трактатом 1839 года и подтвержден всеми последующими международными соглашениями о реках, проходящих через территорию нескольких государств, с другой же стороны, упрекает бельгийское правительство в непростительном пренебрежении к интересам отечества и в преступной угодливости по отношению к Голландии.

По мнению местной печати, разделяемому здешним французским военным агентом, сооружаемая около Флиссингена крепость расположена таким образом, что защитить этот город и соседний с ним остров Вальхерен от неприятельского вторжения она не будет в состоянии, зато в сфере ее огня будет находиться весь фарватер устьев р. Шельды, так что подступ со стороны моря к бельгийской крепости Антверпен будет стоять в полной зависимости от доброй воли голландцев, вследствие чего эта последняя крепость, которая до сих пор считалась главным опло ом го у ар тв н ой обороны Бельгии, должна будет потерять всякое значение. Другими словами, постройка крепости у Флиссингена не столько вызвана, по мнению бельгийской печати, необходимостью обороны нидерландской территории, сколько связана с идеей о полном владычестве над Шельдою и о заграждении прохода к Антверпену эскадре дружественной Бельгии державы на случай международного вооруженного столк-

новения и нарушения нейтралитета королевства одной из воюющих сторон.

Бельгийское правительство однако иначе смотрит на этот вопрос и не придает ему столь важного значения, основывая, как мне на-днях сказал министр иностранных дел, свой взгляд на том соображении, что в случае войны между соседними великими державами в план кампании ни одной из них не может быть логически включен вопрос об овладении Антверпеном. Действительно как для Франции, так и для Германии путь к военной оккупации Бельгии ближе и легче с суши, нежели с моря. Что же касается до Великобритании, то навряд ли последняя рискнула бы послать дорого стоящие суда в извилистый и постоянно меняющийся, благодаря песчаному дну, фарватер реки, где к тому же они легко могут быть запертыми. Между тем как для английских войск высадка в Остендэ или в иной гавани побережья Северного моря всегда возможна, и, конечно, более безопасна.

Ввиду сего королевское правительство не считает Флиссингенскую крепость ни угрозою для Бельгии в военное время, ни преградою для ее судоходства в мирное время, а потому, преклоняясь перед принципом, что Нидерланды, как всякое суверенное государство, имеют полное право возводить укрепления на своей территории, не считает для себя возможным протестовать и против постройки означенной крепости.

Что же касается до Антверпена, то правительство придает ему главным образом значение укрепленного склада военных припасов, откуда могли бы получать подкрепления и снабжение войска, предназначенные для обороны государства.

Примите и пр. Кн. Кудашев.

№ 9. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 52. 14/1 марта 1914 г.

Копия в Вену.

По заслуживающим известного доверия сведениям нашего агента министерства торговли, болгарскому правительству обещан в Вене заем в 300 миллионов франков, которые даются, будто бы, по личным сношениям короля Фердинанда, не банками, а частными лицами, эрцгерцогами.

Савинский.

№ 10. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 115. 14/1 марта 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 372[1]. Ссылаюсь на телеграммы Усатого №№ 15 и 18[2].

Перечисленные Усатым пожелания баргутов представляются мне в большинстве совершенно неосуществимыми, так как в таком случае Барга была бы поставлена в одинаковое положение с Халхой. Мне казалось бы возможным предъявить китайцам условия, изложенные Усатым в пунктах 1 и 2, и из пункта 4-го недопущение колонизации земель китайцами. Непосредственное подчинение Барги центральному правительству вряд ли особенно желательно, так как в таком случае китайцы настаивали бы на содержании особого представителя в Хайларе, вмешательство которого было бы еще более неудобно, чем надзор со стороны цицикарских властей. Что касается вопроса о доходах, то самым простым способом его разрешения являлось бы возвращение к прежнему порядку с некоторым увеличением отпускаемой китайским правительством на содержание баргутских чиновников суммы. Другой альтернативой

---

[1] См. т. I, № 357.

[2] Тел. консула в Хайларе за №№ 15 и 18 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены. Имеется несколько экземпляров лит. копий тел. Усатого за № 16 от 7 марта/22 февраля и за № 19 от 13 марта/28 февраля. Первая сообщает о постановлении, вынесенном правителем Хулунбуира и старшими чиновниками управления, согласно которого они желали бы остаться под властью монгольского богдохана, но в случае неосуществимости этого желания подчинились бы Китаю при соблюдении следующих условий: „1) Все должностные лица избираются населением из местных жителей; 2) правитель избирается местными чиновниками и утверждается президентом; 3) уплата долгов Китая Барги не касается; 4) колонизация земель китайцами [не допускается], также не допускаются китайские чиновники и солдаты; 5) для охраны границ предоставляется попрежнему иметь своих солдат; 6) торговлей Хулунбуира и всеми доходами местные власти распоряжаются по своему усмотрению; 7) Барга образует самостоятельную область с непосредственным подчинением центральному правительству и 8) порядок, который будет установлен, не может нарушаться китайским правительством, что гарантируется Россией".

В тел. за № 19 сообщаются сведения о правовом положении и устройстве Барги, согласно „старому порядку". Содержание публикуемой тел., в которой со ссылкой на тел. №№ 15 и 18 разбираются перечисленные Усатым требования баргутов (тема цитированной выше тел. за № 16) и упоминается „прежний порядок" (тема указанной выше тел. за № 19), дает основание предполагать, что упомянутые Крупенским телеграммы Усатого за №№ 15 и 18 совпадают по своему содержанию с имеющимися в делах тел. за №№ 16 и 19. Расхождение в нумерации может быть объяснено тем, что консул в Хайларе, отправляя оригинал тел. за одним № в Пекин, сообщал в м-во копию ее за следующим №; в имеющихся экземплярах тексту тел. действительно предшествует фраза: „телеграфирую в Пекин".

было бы предоставление всех местных доходов в полное распоряжение баргутских властей с освобождением китайского правительства от всяких уплат, но это предложение встретило бы самое упорное сопротивление со стороны китайцев.

Прошу указаний.

Крупенский.

№ 11. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 12. 14/1 марта 1914 г.

Штейн телеграфирует:

Несмотря на денежные затруднения, здешнее правительство под давлением общественного мнения решило не продавать судов и отказало Турции и Греции. Выгоды нашего предложения, повидимому, поколебали это решение. Прошу телеграфировать, надлежит ли мне попытаться склонить здешнее правительство к продаже нам, или ограничиться получением заверения, что в случае уступки первенство останется за нами.

Бахметев.

№ 12. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 484[1]. 15/2 марта 1914 г.

На предложение правления нашего банка выяснить желательные Морнару условия взноса в учреждения банка государственных доходов Северной Персии управляющий банком в Тегеране [9 марта] 24 февраля телеграфировал следующее:

„Морнар предварительно требует ответ на следующие вопросы:

1) Желает ли банк инкассировать доходы во всех городах Северной Персии, даже там, где нет учреждений банка, и все ли суммы, или только часть?

2) Будет ли банк платить казначейству сарф в городах, где большой спрос на краны?

3) Какой % банк будет платить на внесенные суммы?

4) До какой суммы банк откроет казначейству кредит под доходы и из каких %-ов?

5) Обязуется ли банк не требовать от казначейства возмещения сумм, выданных другим лицам без ведома казначейства (этот пункт очень неясен)?

[1] Лит. копия.

6) Какому суду банк обязан подчиняться в случае недоразумений относительно текста соглашения, непредвиденных случаев?

На мою просьбу сообщить желательные для него условия Морнар ответил уклончиво".

Подобное отношение Морнара, имеющее, повидимому, целью затянуть дело, ставит правление банка в затруднительное положение. Правление в общем желало бы исходить из условий прежнего своего соглашения с Морнаром 1913 г.; оно готово было бы сделать некоторые уступки, но для этого необходимо знать пожелания самого Морнара и условия истекающего соглашения его с Шахиншахским банком.

Благоволите посему выяснить то и другое и телеграфировать

Для личного вашего сведения:

Банк намечает пока по поставленным Морнаром вопросам следующее:

1) Все поступления малиата и прочих правительственных доходов Северной Персии вносятся полностью учреждениям банка, где таковые имеются, на тех же основаниях, как это было в 1912 году, то есть в каждом округе поступления пересылаются агентами казначейства в ближайшее учреждение банка.

2) Банк не только затрудняется платить сарф, но желает получать на прежних основаниях ½ % комиссии за инкассо и 1 % за перевод, готов однако итти в этом отношении на значительные уступки, в крайнем случае вплоть до отказа.

3) и 4) Под означенные доходы казначейству открывается кредит в 200 000 томанов, причем банк начисляет по долгу казначейства 7 %, на суммы же, остающиеся в распоряжении казначейства за покрытием долга,—из обычных %, уплачиваемых банком по текущим счетам.

5) Допущение распоряжения правительственными доходами без ведома казначейства откроет Морнару возможность не вносить этих доходов в любое время, ссылаясь на их расходование без его ведома. Потому банк настаивает на внесении всех сумм без исключения.

6) Банк, как русское учреждение, подчиняется лишь арбитражу миссии.

Вышеуказанные условия желательно пока не сообщать Морнару, побудив его высказать свои пожелания без излишней притязательности и уверток и во всяком случае поскорее закончить дело.

Содержание настоящей телеграммы благоволите сообщить упра-

вляющему банком, коему даны указания действовать солидарно с вами.

Сазонов.

№ 13. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 487[1]. 15/2 марта 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Орлова за № 234[2].

Министр считает выборы представителей Азербайджана в Тегеране вовсе нежелательными, так как при этом в меджлис могли бы попасть совсем неподходящие люди.

Гораздо полезнее, чтобы депутаты были посланы из Тавриза, где, без сомнения, изберут, на кого секретно укажет Шоджа-эд-Доуле.

В Тегеране следовало бы дать понять, что выбранные там представители, вероятно, не будут признаны Азербайджаном и что такой способ решения вопроса мог бы только еще усилить неудовольствие азербайджанцев.

Сообщается в Тавриз.

Клемм.

№ 14. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 491[3]. 15/2 марта 1914 г.

Персидские армяне через члена Государственной думы Пападжанова просят нашего содействия к предоставлению им шести мест в меджлисе вместо двух или даже одного, коими они ныне располагают. Они указывают, что армяне исфаганские и других местностей на юге ничего общего с азербайджанскими не имеют и что последние не могут поэтому служить выразителями мнений всех персидских армян.

Пападжанов уверяет, что в персидских армянах мы теперь будем иметь самый преданный элемент, благодаря нашему заступничеству за их сородичей в Турции.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. Орлова от 13 марта/28 февраля за № 234: „Здесь имеются сведения, что центральное правительство решило произвести выборы азербайджанских депутатов в Тегеране из проживающих там уроженцев провинции. Прошу императорскую миссию уведомить меня, насколько эти сведения основательны, так как такой способ выборов значительно облегчил бы мою роль в них, и я мог бы ограничиться платоническими разговорами о желательности созыва меджлиса".

[3] Лит. копия.

Мы ответили, что армяне должны сами поднять этот вопрос в Тегеране, причем вы могли бы довести до сведения шахского правительства, что их просьба представляется нам обоснованной.

Сазонов.

№ 15. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Депеша № 18. 15/2 марта 1914 г

М. г. Сергей Дмитриевич,

Поставив себе главной задачей возвращение Румынии в русло австрийской политики, здешняя австро-венгерская миссия принимает все меры к тому, чтобы вызвать охлаждение русско-румынских дружеских отношений. Для достижения сей цели официоз ее „Bukarester Tageblatt" не останавливается ни перед какими средствами, не пренебрегая даже клеветой и распространением совершенно нелепых выдумок относительно каких-то наших завоевательных планов, имеющих де в виду Балканский полуостров и представляющих грозную опасность для румынской независимости.

Так, вчера в названном органе появилась статья под заглавием „Русская политика и балканские государства",—в газетной вырезке у сего представляемая,—в коей России приписываются воинственные замыслы и на нее возлагается вся ответственность за переживаемый Европой тягостный период постоянной тревоги и усиленных военных приготовлений. В настоящий чреватый опасностями момент спасение Румынии заключается в теснейшем сближении ее с Австро-Венгрией—такова основная мысль означенной статьи, возлагающей большие надежды на примирительную политику графа Тиссы по отношению к трансильванским румынам.

До сих пор однако вся эта антирусская кампания не приводит ни к каким существенным результатам: румынское общественное мнение почти не обращает внимания на патетические увещевания официоза австро-венгерской миссии, которые читаются и смакуются преимущественно членами здешней обширной немецкой колонии.

При таких обстоятельствах естественно, что австрийская дипломатия начинает проявлять некоторую нервность и нетерпеливое раздражение, которые ярко вылились в сегодняшней передовой статье „Bukarester Tageblatt" „Румыния между Австро-Венгрией и Россией" (равным образом при сем представляемой на благоусмо-

трение вашего высокопревосходительства). В статье этой, после ссылки на сделанное графом Витте венгерскому журналисту заявление, „что чувства Румынии по отношению к Австро-Венгрии изменились“, румынскому правительству прямо ставится вопрос: справедливы ли утверждения графа Витте, и если да, то как оно намерено согласовать традиции своей внешней политики с тем влиянием, которое на него оказывает франко-русская дипломатия.

Примите и пр.[1].

С. Поклевский-Козелл.

№ 16. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 493[2]. 16/3 марта 1914 г.

Телеграмма № 115[3] получена.

Создание из Барги автономной области на предположенных баргутами условиях соответствовало бы нашим интересам. С другой стороны, мы не хотели бы брать на себя отказывать баргутам в поддержке их требований перед китайским правительством. Если эти требования окажутся для китайцев неприемлемыми, то на основании сделанных ими контр-предложений мы можем выступить в роли примирителей между противоположными пожеланиями китайцев и баргутов.

Мы считали бы поэтому полезным сообщить китайскому правительству основания устройства Барги, как они формулированы самими баргутами, за исключением 7-го пункта[4], так как гарантия Россией неприкосновенности этого устройства будет вытекать из самого факта нашего участия в выработке его оснований.

Что касается непосредственного подчинения Барги центральному пекинскому правительству, то если бы это повело к требованию о назначении в Баргу китайского представителя, баргуты сами, вероятно, предпочли бы остаться при старом порядке подчинения цицикарскому губернатору.

Сазонов.

---

[1] К депеше приложены в газетных вырезках статьи: „Die russische Politik und die Balkanstaaten“ и „Rumänien zwischen Oesterreich-Ungarn und Russland“.

[2] Лит. копия.

[3] См. выше № 10.

[4] См. выше стр. 13, прим. 2.

№ 17. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 495. 16/3 марта 1914 г

Сообщается дипломатическому агенту в Монголии.

Ссылаюсь на телеграмму Миллера № 68 [1].

Благоволите объяснить министру иностранных дел [2], что ввиду колебаний монгольского правительства относительно участия в тройных переговорах, потребуется, очевидно, некоторое время, чтобы убедить монголов помириться с мыслью, что их отношения к Китаю должны быть построены на заключающихся в декларации [5 ноября] 23 октября [3] основаниях.

Вместе с тем благоволите предупредить китайское правительство от попытки вступить в непосредственные переговоры с монгольским правительством. Мы увидали бы в этом открытое нарушение принятых на себя Китаем перед Россией обязательств.

[Сазонов.]

№ 18. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 496 [4]. 16/3 марта 1914 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Телеграмма № 68 [5] получена.

В ближайшем времени рассчитываем выслать вам инструкции для вашего руководства при тройных русско-китайско-монгольских переговорах.

Благоволите предупредить об этом монгольское правительство, объяснив, что если бы оно задумало, уклонившись от этих переговоров, вступить в отдельные переговоры с китайцами, то побудило бы нас решить подлежащие обсуждению при тройных переговорах вопросы непосредственным соглашением с Китаем, в котором монгольское правительство не приняло бы участия.

[Сазонов.]

---

[1] Тел. от 15/2 марта за № 68 Миллер сообщал о решении монг. совета м-ров „отложить тройные переговоры до начала осени“. По словам Миллера, решение это состоялось благодаря Да-лама, который предполагал войти в отдельные переговоры с китайцами.

[2] В тел. Крупенского от 14/1 марта за № 113 сообщалось, что „китайцы настойчиво осведомлялись, когда начнутся переговоры в Кяхте“

[3] Имеется в виду русско-китайская декларация от 5 ноября/ 23 октября 1913 г.

[4] Лит. копия.

[5] См. выше прим. 1.

№ 19. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

Письмо [1]. 16/3 марта 1914 г.

Секретно.

М. г. Аркадий Александрович,

В дополнение к секретной моей телеграмме от [14] 1 сего марта, за №...[2] считаю долгом сообщить для личного вашего сведения, что известия о сношениях Шоджа-эд-Доуле с Мохамед-Али-шахом получены нами от состоящего при его величестве подполковника Хабаева, который указал и лиц, посылавшихся Шоджею, а именно Харлар-хана и Сеид-Вели-хана.

Ввиду этого представляется необходимым сделать Шодже надлежащее внушение, разъяснив ему более подробно точку зрения императорского правительства. Вы могли бы при этом высказать ему примерно следующее.

Импер. прав-во преследует в Персии одну лишь цель: скорейшее восстановление возможно прочного порядка. Оно пришло уже давно к выводу, что реставрация бывшего шаха не имеет никаких шансов на успех. У Мохамед-Али, быть может, и есть немало сторонников в Персии, но они никогда не были сплочены и потому никогда не выступали открыто, тогда как его противники являются фактическими хозяевами положения в Персии. Это ясно сказалось при предыдущей неудачной попытке экс-шаха вернуть себе престол. Поэтому русское и английское прав-ва, давно уже признавшие нынешнего шаха султана Ахмеда, окончательно решили поддерживать настоящее персидское правительство, которое благодаря этому уже и успело в значительной мере упрочить свою власть.

При таких условиях новая попытка Мохамед-Али вернуться в Персию была бы бесцельною и повлекла бы за собою только совершенно излишние кровопролития и беспорядки, которые опять отсрочили бы на долгое время окончательное умиротворение страны.

---

[1] Черновой отпуск написан рукой Клемма.

[2] Пропуск в подлиннике. Тел. ген. консулу в Тавризе от 14/1 марта за № 472 Клемм сообщал о сношениях Шоджа-эд-Доуле с Мохамед-Али-шахом и предлагал Орлову „предостеречь против этого Шоджа-эд-Доуле, если он хочет сохранить благожелательное с нашей стороны к нему отношение“. Тел. от 16/3 марта за № 245 Орлов сообщил: „Шоджа-эд-Доуле ответил, что он не скрывает, что находится в переписке с приближенными экс-шаха, но переписка эта касается имущественных дел. Не скрывает и того, что был бы рад снова видеть Мохамед-Али-шаха в Персии, но сознает, что без дозволения императорского правительства этого не может случиться, и преклоняется. Ввиду необычайного волнения, охватившего Шоджа-эд-Доуле во время этого разговора, я поспешил его прекратить“.

С другой стороны, с предстоящим в ближайшем будущем провозглашением молодого шаха совершеннолетним и принятием им в свои руки управления государством участь его отца и каджарских принцев, несомненно, улучшится.

На это нами уже неоднократно указывалось Мохамед-Али-шаху, который категорически заверял нас об отсутствии у него каких-либо замыслов против персидского прав-ва. Нами вместе с тем было ясно дано понять шаху, что в случае каких-либо новых авантюр он рискует совершенно лишиться нашего благорасположения и нашей поддержки, в результате чего он может попасть в самое тяжелое положение.

Сообщив изложенное доверительно Шодже, вам надлежит настоятельно предложить ему, как нашему стороннику, прекратить сношения с Мохамед-Али, которые способны только смутить и сбивать с толка этого слабохарактерного человека. Вместе с тем вы могли бы рекомендовать Шодже приложить все старания к тому, чтобы наладить по возможности скорее свои отношения к молодому шаху и его правительству.

Одною из главных причин неудовольствия против него в Тегеране является, по всем вероятиям, то, что он не дает никаких подачек шаху и министрам, хотя он, повидимому, человек состоятельный и мог бы кое-что на это потратить. Эту мысль разделяет и Исаак-хан, с которым я беседовал на эту тему и который в общем скорее расположен к Шодже. Если это так, то было бы полезно склонить последнего к тому, чтобы он не поскупился на некоторые подношения в Тегеране, что в совокупности с обращением к регенту, о котором я вам телеграфировал [1], вероятно, способствовало бы прекращению той бури, которая поднялась ныне против правителя Азербайджана не только в столице Персии, но и в Англии.

Добавлю для вашего сведения, что со стороны лондонского кабинета за последнее время к нам поступил ряд жалоб на недопустимое, по его мнению, поведение Шоджа-эд-Доуле и намеки на необходимость устранения его от управления Азербайджаном.

В ожидании вашего сообщения о последующем, пользуюсь случаем, чтобы возобновить вам, м. г., и пр. [Клемм.]

---

[1] В тел. от 12 марта/27 февраля за № 444 Клемм высказывал пожелание, чтобы Шоджа-эд-Доуле обратился „непосредственно к регенту с телеграммой, в которой он подтвердил бы категорически свою верность султану Ахмед-шаху и полное отсутствие сепаратистских стремлений, в коих его подозревают“. Ср. ниже № 27.

№ 20. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 71[1]. 16/3 марта 1914 г.

Получил № 69[2]. Копия в Лондон.

Сообщил ее содержание Думергу, который сказал мне, что французское правительство, само собою разумеется, примет наших кандидатов. Он прибавил, что было бы, может быть, осторожнее, дабы не вызвать возражений со стороны держав Тройственного союза, предложить от имени России лишь двух кандидатов и попросить лондонский кабинет предложить остальных двух по соглашению с нами. Из слов Думерга я мог заключить, что он не будет настаивать на имевшихся им в виду норвежцах.

Извольский.

№ 21. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 72. 16/3 марта 1914 г.

Получил ваши телеграммы №№ 479[3] и 480[4]. Копия в Лондон.

Объяснился по их содержанию с Думергом, который сказал мне, что он вполне согласен с соображением Стрейта об эвакуации указанных местностей Албании без предварительной сдачи их албанцам. Что касается мысли Демидова о непосредственном албанско-эпирском соглашении, он против нее не возражал, но заметил, что державы не могут признать правоспособности временного правительства Зографоса.

Извольский.

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 72, № 1293.

[2] В лит. копии, очевидно, ошибка, следует читать: № 469. См. выше № 2.

[3] Тел. от 14/1 марта за № 479 была передана Извольскому и Бенкендорфу тел., полученная из Афин от 12 марта/27 февраля. В последней Демидов сообщал, что при „сдаче албанцам местностей, находящихся под управлением временного правительства Зографоса... надо предвидеть, что греческим войскам придется стрелять в эпиротов... либо присоединиться к последним и стрелять в албанцев". По сообщению Демидова, Стрейт просил росс. прав-во поддержать его предложение „об эвакуации этих местностей... без предварительной их сдачи албанцам". Демидов рекомендовал, кроме того, непосредственное албанско-эпирское соглашение.

[4] Тел. Сазонова от 14/1 марта за № 480 Извольскому и Бенкендорфу: „Ссылаюсь на телеграмму посланника в Афинах от [12 марта] 27 февраля (см. выше прим. 3). Прошу вас по содержанию ее переговорить с правительством, при коем вы аккредитованы, запросив, не признает ли возможным дать соответствующие инструкции представителям в Албании".

№ 22. Посол в Париже министру иностранных дел.

%. Депеша № 6. 16/3 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В заседании 12 марта нов. ст. французская палата депутатов приступила к обсуждению внесенного военным министром закона о новых кадрах армии, являющегося результатом и закреплением закона о 3-летней военной службе.

Законопроект этот предусматривает сформирование некоторых новых частей по всем родам оружия, причем командный состав армии увеличивается на 515 офицеров и на 8 853 унтер-офицеров. Связанные с ним расходы исчислены в 27 миллионов франков единовременных и 17½ миллионов постоянных.

Как и следовало ожидать, главное сопротивление к принятию означенного закона исходило со стороны элементов, непримиримо враждебных 3-летнему сроку службы под знаменами. Депутат-социалист Жорес вновь развил свою идею о необходимости перейти к милиционной системе комплектования армии и высказал, что если к 3-летнему сроку службы пришлось возвратиться вследствие некомплекта частей, то нынешнее увеличение кадров создает в этом отношении роковой круг и, во всяком случае, делает окончательно невозможным в будущем сокращение срока службы.

Социалистическому оратору возражал в блестящей речи известный своей компетентностью в военных вопросах молодой депутат Лефевр, выдвинувшийся во время предыдущих прений о 3-летней службе. Он доказал, что принятие означенного закона имело уже к 1 января с. г. результатом усиление французской армии с 560 000 человек до 790 000, а в частности, войск, стоящих на границе (troupes de couverture) с 110 000 до 245 000 человек. Чрезвычайно важно также, что эти последние войска ныне имеют по 155 человек в роте, а потому, в случае мобилизации, им достаточно принять в свой состав всего по 45—50 человек тут же на месте, так что теперь эти войска действительно можно считать готовыми к действию с первого же дня объявления мобилизации.

Выслушав засим военного министра, г. Нуланс, отстаивавшего законопроект, палата приняла его большинством 415 голосов против 105, что является весьма знаменательным, ибо сам закон о трехлетней службе был в свое время вотирован меньшим числом голосов, а именно всего 358 против 204.

Примите и пр.

Извольский.

№ 23. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 38. 16/3 марта 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 469[1].

Переговорил с Яговым в указанном смысле. Ягов просит вас уведомить, что он будет ждать дальнейших ваших предложений. По его личному мнению, было бы, быть может, предпочтительнее предложить Порте кандидатами не одних бельгийцев, но и лиц других национальностей, причем упомянул швейцарцев.

Свербеев.

№ 24. Генеральный консул в Будапеште министру иностранных дел.

Телеграмма № 17. 16/3 марта 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 15[2].

Секретно.—Германские запасные офицеры в Венгрии получили от своего консула предупреждение быть готовыми к призыву в двадцать четыре часа.

Приклонский.

№ 25. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 16/3 марта 1914 г.

Секретно

М. г. Сергей Дмитриевич,

Препровожденный мне при доверительном письме вашего высокопревосходительства от [21] 8 минувшего февраля за № 104[3] и полученный мною с очередным курьером лишь [9 марта] 24 того же месяца, появившийся в № 675 газеты „Вечернее время" текст якобы заключенного между Турцией и Болгарией тайного договора

---

[1] См. выше № 2.

[2] См. выше № 7.

[3] В доверит. письме в Софию (копия в Константинополь) от 21/3 февраля за № 104 Сазонов указывал на то, что помещенный в № 675 газеты „Вечернее время" от 12 февр./30 янв. „текст якобы заключенного между Турцией и Болгарией тайного договора" как по форме, так и по содержанию „не может не остановить на себе внимания и не может быть причислен к разряду документов, апокрифичность коих не подлежит дальнейшей проверке". (В черновике последняя фраза написана вместо вачеркнутого: „означенный текст содержит в себе данные, соответствующие настоящему положению на Балканах, вследствие чего существование такого договора получает некоторую вероятность".) Сазонов просил на месте проверить сообщаемые газетой сведения и, в частности, „спросить г. Радославова при свидании, как нам отнеситься к упомянутому документу".

был мною своевременно замечен и показан тогда же нашему военному агенту. Полковник Романовский имел уже ранее агентурным путем сведения, будто бы договор между Турцией и Болгарией если и не подписан, то во всяком случае существует, о чем он доносил своему начальству; между тем как известный вашему высокопревосходительству телеграфный циркуляр Радославова к болгарским представителям за границей категорически отрицает факт соглашения с Турцией.

Получив ныне ваше вышеупомянутое письмо, я показал Радославову присланный вами текст договора и спросил его, как согласовать его со сделанными им заявлениями. Председатель совета министров и на этот раз категорически отверг подлинность договора, сказав, что таковой ему неизвестен, что если бы он существовал, то он был бы подписан не им и Фичевым, а королем (sic!), а что с Турцией у Болгарии только приятельские, соседские отношения. Добиться от Радославова чего-либо иного, конечно, я и не мог ожидать; других же способов осведомиться об этом деликатном вопросе у меня нет. По всему, по чему можно судить, нужно скорее предположить, как это делает и гофмейстер Гартвиг в своей депеше от [10 февраля] 28 января с. г. за № 3[1], что письменного акта нет, но возможно устное соглашение. Во всяком случае есть признаки, указывающие на известное сближение между Болгарией и Турцией, и даже на военной почве: нынешний турецкий посланник в Софии Фетхи-бей—молодой военный, герой триполитанской войны, назначенный сюда на первый дипломатический пост; его миссия, нужно полагать, главным образом военная. В Константинополе недавно провел продолжительное время теперешний начальник главного штаба Жеков, и трудно предположить, чтобы его пребывание не имело целью военные вопросы. Затем одним из средств предвыборной борьбы, при этом далеко не совместимым со столь ревниво охраняемым в других случаях достоинством страны, явился объезд секретарями здешней турецкой миссии округов, населенных мусульманами, голоса которых эти секретари, при содействии местных турецких же консульских агентов, старались завербовать в пользу правительства; означенные секретари разъезжали по стране в министерских вагонах и при всех удобствах, оказываемых болгарскими властями. Наконец, турецкие дипломаты, вопреки тому, что наблюдалось раньше, теперь приняты самым радушным образом во всех болгарских домах.

[1] См. т. I, № 224.

Все эти обстоятельства могут служить указаниями на известное сближение, наступившее за последнее время между Болгарией и Турцией, но, конечно, не являются доказательством какого-либо конкретного соглашения, о существовании которого мне не удалось, к сожалению, узнать ничего определенного.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 26. Посол в Константинополе управляющему министерством финансов Барку.

Письмо № 31. 16/3 марта 1914 г.

М. г. Петр Львович,

Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от [2 марта] 17 минувшего февраля за № 3667 [1], при коем вы любезно препроводили мне две справки по вопросам о возобновившихся в Париже переговорах относительно приобретения Русско-Азиатским банком участия в Салоникском банке и об оказании названным русским кредитным учреждением содействия к получению банкирами бр. Маврокордато концессии в Ираклийском угольном бассейне.

Прося ваше высокопревосходительство принять мою искреннюю признательность за это любезное сообщение, считаю долгом отметить безусловную, по моему мнению, необходимость, чтобы места в совете реорганизованного Салоникского банка, предоставляемые русской группе, были заняты действительно русскими, а не двумя французами и одним русским, как то предполагалось раньше.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 27. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 243. 16/3 марта 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграмму посланника № 82 [2].

---

[1] Имеется в виду препроводительное письмо Барка. Первую справку, приложенную к этому письму, см. т. I, № 362. Содержание второй справки указано в публикуемом документе.

[2] В тел. Коростовца от 15/2 марта за № 82, являющейся ответом на тел. Орлова от 13 марта/28 февраля за № 234 (см. выше стр. 16, прим. 2), сообщается, что возможность произвести выборы азербайджанских депутатов в Тегеране предусматривается как крайняя мера при неудаче выборов в Азербайджане.

Шоджа-эд-Доуле напишет министру внутренних дел открытую телеграмму с протестом против распускаемых из Тегерана слухов о сепаратистских стремлениях и выражением преданности шаху. Телеграмма эта затем будет опубликована в „Тавризской газете“[1]. Если азербайджанские выборы будут произведены в Тегеране, то здешнее население будет их игнорировать, а решения меджлиса не считать для себя обязательными постолько, поскольку это делается и теперь.

Надобности в этом, по моему мнению, нет, так как выборы здесь будут произведены, если императорская миссия не изменила свою точку зрения на их желательность под впечатлением возможности выбора уже выяснившихся кандидатов в депутаты от Тегерана из крайних элементов.

Окончательное решение императорской миссии по данному вопросу мне необходимо знать возможно скорее, чтобы начать энергичней подготовлять почву и дать Шоджа-эд-Доуле возможность объяснить перемену его политических убеждений моим личным на него влиянием.

Заявляя о готовности следовать указаниям императорского правительства и в вопросе о выборах, Шоджа-эд-Доуле обращает внимание императорской миссии на нижеследующие два пункта:

Если в Тегеране не успели выбрать умеренных кандидатов, то нет оснований надеяться, что и азербайджанцы, предоставленные самим себе, не выберут анархистов, а если стараниями генерал-губернатора и генерального консульства будут выбраны умеренные, а тем более реакционеры, будут говорить, что выборы незаконны. На Азербайджан ныне обращены взоры всей Персии. Все области ждут, как он отнесется к выборам, чтобы в свою очередь занять ту или иную позицию.

У Шоджа-эд-Доуле имеются фактические доказательства этого. Умеренные азербайджанские депутаты приедут в Тегеран и добьются в неполном составе меджлиса принятия их взглядов и соответственного изменения конституции. Немедленно все области, колебавшиеся до тех пор, пошлют и своих кандидатов. Боль-

[1] В тел. от 17/4 марта за № 245 Орлов передавал текст тел. Шоджи, отрицавшего приписываемое ему намерение объявить Азербайджан самостоятельным или присоединить его к соседним державам и заверявшего в своей преданности династии. Однако Коростовец в депеше от 11 апреля/29 марта за № 20 сообщал, что последнее заявление Шоджи, приписанное настояниям России, было понято в Тегеране в смысле преданности бывшему шаху Мохамед-Али, с которым Шоджа, по слухам, продолжает сноситься.

шинство, предводительствуемое азербайджанцами, утонет в массе депутатов, а деятельность меджлиса примет характер прежнего.

Ввиду таких опасений Шоджа-эд-Доуле, мог ли бы я заверить его, что и при наличии меджлиса отношение наше к нему не изменится, что азербайджанские депутаты могут заявить протест против несогласного с их взглядами направления деятельности меджлиса, сложить свои полномочия, а самому Шоджа-эд-Доуле будет предоставлена возможность вести по отношению к меджлису ту же политику, которой он ныне придерживается по отношению к министрам.

Орлов.

№ 28. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 116[1]. 16/3 марта 1914 г.

Получил № 471[2].

Я объяснился с министром иностранных дел в предписанном мне смысле по вопросу о нашем железнодорожном строительстве в Манчжурии. Он обещал дать мне ответ по обсуждении дела в совете министров, пока же ограничился замечанием, что в других соглашениях о постройках железных дорог не упоминается о разработке естественных богатств в районе таковых[3] за исключением соглашения о Шандунской железной дороге с немцами, которые однако ныне отказались от своих прав в этом отношении.

Крупенский.

№ 29. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме—Извольскому, Бенкендорфу, Свербееву, Шебеко и Крупенскому.

Телеграмма № 497. 17/4 марта 1914 г.

Сообщается послу в Константинополе.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 469[4] и телеграммы посланника в Гааге №№ 23[5] и 24[6].

---

[1] Опубл. Siebert, III, S. 268, № 1046.

[2] См. выше № 3.

[3] У Siebert'a, III „в районе таковых" пропущено.

[4] См. выше № 2.

[5] Тел. от 14/1 марта за № 23 Свечин сообщал, что кандидат на пост генерал-инспектора Вестенек является главой провинциальной администрации в Нидерландской Индии.

[6] Тел. от 15/2 марта за № 24 Свечин сообщал сведения о втором нидерл. кандидате на пост генерал-инспектора Дорман—генеральном секретаре воен. м-ва.

Циркулярно.—Прошу вас сообщить правительству, при коем вы аккредитованы, имена двух голландских кандидатов, поименованных в телеграммах посланника в Гааге, и просить, не признает ли оно возможным, в случае согласия на кандидатуры двух бельгийцев и двух голландцев, предложить своему представителю в Константинополе, сговорившись с коллегами, сделать представление Порте, которая заинтересована в ускорении ответа на свое обращение к державам.

Вслед за сим, когда Порта остановится окончательно на выборе двух кандидатов из числа ей предложенных, представители держав в Брюсселе или Гааге могут обратиться с соответственным официальным приглашением данных кандидатов.

Прошу вас обратить внимание правительства на то обстоятельство, что избранный нами способ наиболее отвечает желанию Порты ускорить разрешение вопроса, что требуется также интересом самого дела.

Сазонов.

№ 30. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву.

Телеграмма № 500[1]. **17/4 марта 1914 г.**

Ваша телеграмма № 38 [2] получена. Ссылаюсь на телеграмму № 497 [3].

При случае объясните министру иностранных дел, что в наших поисках подходящих кандидатов мы обращались к державам, имеющим администраторов с колониальным опытом, каковому условию не отвечает Швейцария [4].

Сазонов.

№ 31. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 503. 17/4 марта 1914 г

Как вы смотрите на курдское движение в Битлисе в связи с осуществлением армянских реформ? Не признаете ли соответственным, чтобы мы попытались воздействовать на курдов через нахо-

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 23.

[3] См. выше № 29.

[4] Тел. от 19/6 марта за № 42 Свербеев сообщал, что Ягов, настаивая на включении швейцарцев в список предлагаемых Порте кандидатов, указывал на „административные способности и колониальную опытность“ швейцарцев, проявленные ими, напр., в Нигерии и в Абиссинии.

дящегося здесь еще Абдуррезака, который, повидимому, имеет связи в Битлисе и Ване?

[Сазонов.]

№ 32. Меморандум английского министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу[1].

17/4 марта 1914 г.

On December 18th last the Russian Chargé d'affaires made communication at this Office in regard to the question of the incorporation of the Chinese Currency Loan Agreement in the Reorganisation Loan Agreement.

Monsieur de Etter was then informed that the Russian Embassy would be notified as soon as the groups had instructed their representatives at Peking to act in the sense desired by the Russian Government.

On the 9th instant the groups authorised the representatives by telegraph to approach the Chinese Government with the object of obtaining their consent in principle to the amalgamation of the two Loan Agreements, stipulating, however, at the same time that the rights of the three groups under the Currency Loan Agreement shall be maintained until the conclusion of an Agreement for a second issue of the Chinese Reorganisation Loan, among the objects of which currency reform shall have been included.

Перевод.

18-го прошлого декабря русский поверенный в делах сделал сообщение нашему министерству по вопросу о включении соглашения о китайском валютном займе в соглашение о реорганизационном займе.

Г. Эттер был затем осведомлен, что российское посольство будет извещено тотчас, как только группы дадут инструкцию своим представителям в Пекине действовать в том смысле, как это желательно российскому правительству.

9-го текущего месяца группы телеграфно уполномочили представителей вступить в переговоры с китайским правительством с целью получения его принципиального согласия на объединение обоих соглашений о займах, настаивая, однако в то же время на том, чтобы права трех групп, установленные соглашением о валютном займе, были сохранены впредь до заключения соглашения относительно второго выпуска китайского реорганизационного займа, одной из задач которого будет также и валютная реформа.

---

[1] Копия. На ней написано: „В дополнение к телеграмме № 84". См. ниже № 53.

№ 33. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 76. 17/4 марта 1914 г.

Reçu votre télégramme No 460 [1].

Copie à Paris.

Nicolson me dit que Grey était jusqu'ici sous impression que gouvernement impérial désirait candidats hollandais pour postes inspecteurs en Arménie. Il avait reçu à ce sujet informations diplomatiques,—il est vrai indirectes, entre autres de la Haye où Svetchine aurait aidé Nubar Pacha, venu pour s'aboucher avec gouvernement hollandais. D'un autre côté il craignait que Belgique pourrait, comme ayant trop d'intérêts économiques, rencontrer de l'opposition tant turque, qu'arménienne. Il a été question de candidats hollandais à deux de nos réunions sans que j'aie été en mesure d'intervenir. Ceci avait donné à projet candidature hollandaise caractère de combinaison préférée par groupe de l'Entente contre laquelle opposition était peu probable. En outre hier l'ambassadeur d'Allemagne est venu dire que pour rendre choix plus facile il faudrait ajouter des Suisses à liste des candidats possibles. Nouvelle de notre choix de deux candidats belges lui est venue par conséquent à l'improviste. Nicolson me prie vous soumettre état de la question d'où pourrait surgir retard nominations très regrettable. Grey lui-même n'a aucune préférence et ne se prononcera en aucun sens avant avoir reçu de nouvelles indications de vous.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 460.

Копия в Париж.

Никольсон сказал мне, что Грей находился до сих пор под таким впечатлением, что императорское правительство желает голландских кандидатов на посты инспекторов в Армении. Он получил по этому вопросу дипломатические сообщения, правда косвенные, между прочим из Гааги, где Свечин будто бы содействовал Нубар-паше, прибывшему для переговоров с голландским правительством. С другой стороны, он боится, что Бельгия, будучи экономически слишком заинтересованной, может встретиться как с турецким, так и с армянским противодействием. О голландских кандидатах речь шла на двух наших совещаниях, причем я не имел возможности вмешаться. Это дало проекту голландской кандидатуры характер комбинации, предпочитаемой группой Согласия, противодействие которой мало вероятно. Кроме того, вчера германский посол сказал, что для облегчения выбора следует к списку возможных кандидатов добавить швейцарцев. Известие о выборе нами двух бельгийских кандидатов явилось для него, следовательно, неожиданностью. Никольсон просит меня поставить вас в известность о положении вопроса, которое может повлечь

---

[1] В лит копии, очевидно, ошибка: следует читать: № 469. См. выше № 2.

весьма досадную отсрочку назначений. Грей сам не оказывает предпочтения ни одному из решений и не выскажется в том или ином смысле до получения от вас новых указаний.

Бенкендорф.

№ 34. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 77. 17/4 марта 1914 г.

Reçu No No 479[1] et 480[2]. Copie Paris.

Nicolson me dit que Grey ne croit pas que intervention des représentants en Albanie puisse être utile dans situation actuelle et plus prudent s'abstenir.

Benckendorff.

Перевод.

Получил №№ 479 и 480. Копия в Париж.

Никольсон сказал, что Грей не считает, чтобы вмешательство представителей в Албании могло быть полезным в настоящем положении и что было бы более осторожным воздержаться.

Бенкендорф.

№ 35. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 7[3]. 17/4 марта 1914 г.

В отдельном секретном письме от [16] 3 сего марта[4], в ответ на ваш запрос, я имею честь представить вашему высокопревосходительству свои соображения по вопросу о существовании между Турцией и Болгарией тайного военного соглашения.

Этот же вопрос не может не занимать и сербов, что отмечено в депеше императорского посланника в Белграде от [10 февраля] 28 января с. г. за № 3[5], копию которой ваше высокопревосходительство изволили мне препроводить.

По этому поводу гофмейстер Гартвиг говорит, что „по имеющимся в Белграде сведениям, болгары согласны открыть по своей территории свободный путь турецким войскам для наступления на Грецию с тем, чтобы одновременно или тотчас по разгроме последней приступить к расправе с Сербией, подняв предварительно восстание в Македонии и Албании".

В секретных телеграммах поверенного в делах в Константи-

---

[1] См. выше стр. 22, прим. 3

[2] См. выше стр. 22, прим. 4.

[3] Лит. копия.

[4] См. выше № 25.

[5] См. т. I, № 224.

нополе от [15] 2 и [18] 5 февраля с. г. за №№ 92 [1] и 101 [2], наоборот, заключаются указания на страх болгар перед турецким нашествием,—мысль, которая в иной форме была мне высказана и здесь Тодоровым, о чем я имел честь доносить в секретном письме от [18] 5 мин. февраля [3]. С тех пор последовало официальное заявление румынского правительства, что оно сочтет выступление Турции против Греции за нарушение Бухарестского мирного договора и не останется безучастной зрительницей событий. Благодаря этому, мне кажется, теперь отпадает то опасение, которое могло существовать насчет планов Болгарии по отношению Сербии после разгрома Греции.

Да и вообще я полагаю, что в данную минуту у болгар нет агрессивных намерений; даже самые непримиримые из них не могут не видеть, что шансы их на успех, в случае нового военного столкновения, ничтожны, и что им нужно собраться с силами. Что будет через некоторое время,—трудно сказать, так как, конечно, внутри себя даже такие благоразумные люди, как Малинов, не мирятся с положением, созданным Бухарестским договором, на что есть прямые указания в другом письме моем от [17] 4 сего марта [4].

Ввиду всего этого, я не думаю, чтобы „король Фердинанд и Радославов решились на ту последнюю ставку и безрассудную авантюру“, о которой говорит посланник в Белграде. По моим сведениям, король уже учитывает возможность ухода теперешнего правительства; а правительство Радославова после выборов хотя и делает вид, что готовится продолжать управлять страной, но видит, что это ему не под силу, и, когда придет момент, уступит свое место новому правительству, постаравшись лишь освободить себя от возбужденного против некоторых его членов уголовного

---

[1] Очевидно, ошибка: имеется в виду № 95 (см. т. I, стр. 332, прим. 1).

[2] Тел. от 18/5 февр. за № 101 Гулькевич передавал донесение болг. консула в Адрианополе, указывавшего „на непрекращающееся движение турецких войск к границе... Военные, будто бы, только и мечтают о немедленном занятии Западной Фракии, рассчитывая на то, что дезорганизованная Болгария не будет в силах сопротивляться нашествию и что Европа преклонится, по прежним примерам, перед совершившимся фактом“. Гошев, — сообщает далее Гулькевич, — обнаружил крайний упадок духа и просил о вышеизложенном довести до сведения Сазонова. В заключение Гулькевич передавал просьбу Талаата сообщить в СПБ. „об отсутствии у [турецкого] правительства каких-либо воинственных намерений“.

[3] Имеется в виду секретное письмо Савинского от 17/4 февраля. См. т. I, стр. 366, прим. 1.

[4] См. ниже № 36.

преследования и унеся в своих карманах те значительные суммы, в израсходовании коих они не могли дать отчета.

У меня также нет впечатления, чтобы в Болгарии считали Сербию накануне развала и находили, что „расправа с нею не потребует особого напряжения", напротив, здесь, быть может, с некоторой досадой, но отдают должное Сербии и ее силе и хотели бы сблизиться с нею, сознавая, что в этом сближении—залог дальнейшего преуспеяния страны.

Будучи совершенно согласен с гофмейстером Гартвигом, что „единственное спасение Болгарии не в союзе с враждебной славянам мусульманской Турцией, а в тесном сближении с единоверными балканскими государствами", я не перестаю говорить с болгарами в этом смысле, как ваше высокопревосходительство могли убедиться из моих предыдущих донесений.

Как приступить к этому сближению, и в какую оно может вылиться форму,—это другой вопрос, которого мне также приходилось неоднократно касаться в предыдущих письмах.

Более чем вероятно, как предполагает и гофмейстер Гартвиг, что появившееся в газетах известие о территориальных уступках Сербиею Болгарии пущено было из Софии в виде пробного шара. Если это так, то болгары могли убедиться из недавних прений в скупщине, насколько эта проба неудачна. Впрочем, всякая слишком категорическая попытка осуществить это сближение обречена на неудачу: так, например, открытое обращение белградских студентов к софийским, с предложением выступить инициаторами сближения двух стран, не имело никаких последствий.

Резюмируя все вышесказанное, я прихожу к заключению, что болгарское правительство не строит теперь никаких планов войны; это мнение вполне разделяется и моим сербским сотоварищем, человеком очень осведомленным, осторожным и дельным; Чолак Антич говорил мне на-днях, что он в этом смысле доносил неоднократно в Белград.

Но если, рассуждая хладнокровно, болгарское правительство понимает, что пускаться теперь на новую авантюру было бы безумием, оно, по всей вероятности, не только не будет препятствовать частной инициативе, но возможно, что будет даже поощрять ее под рукой. У меня есть уже кое-какие указания на то, что оно относится сочувственно к образованию во вновь присоединенных землях шаек из турок, которые, вооруженные болгарскими ружьями, будут с началом весны переходить сербскую и греческую границы и поддерживать тот непорядок, который при напряженном

состоянии умов может всегда быть злополучной искрою. Я буду неослабно следить за этим движением, средством против которого, конечно, могло бы послужить то предложение, которое Радко Димитриев делал мне еще в Петербурге, а именно, что Болгария обяжется не только не поощрять деятельности шаек на новых сербских землях, но силой будет ее прекращать, если Сербия даст ей доказательство своего благожелательства по отношению к болгарскому населению Македонии.

Насколько можно доверяться обещаниям Болгарии,—это другой вопрос, который однако, может быть, и можно было бы поставить в известные рамки.

А. Савинский.

№ 36. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 17/4 марта 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В сегодняшней депеше за № 5 [1] я отдаю вашему высокопревосходительству отчет о ходе и результате выборов, завершившихся окончательно лишь в прошлое воскресенье. Благоприятный для нас исход их следует отчасти приписать атмосфере, созданной благодаря своевременно данной мне вами возможности широко распространить здесь Оранжевую книгу, а также благодаря моим бесконечным разговорам с самыми разнообразными лицами: политическими и общественными деятелями, журналистами болгарскими и русскими, среди которых я старался на основании фактов и неопровержимых доказательств распространить убеждение, что единственно возможная и здоровая для Болгарии политика—это политика единения с Россией.—Ближайшее знакомство с документами Оранжевой книги, столь ярко обрисовывающими дружественную роль России в последнем кризисе, имело последствием, что, кроме трех либеральных партий—радославистов, стамбуловистов и тончевистов, остальные, даже социалисты, высказались против политики нынешнего правительства и выставили своим девизом руссофильство. Незначительное большинство, полученное правительством вся-

[1] В депеше от 16/3 марта за № 5 Савинский сообщал о том, что результаты выборов в XVII обыкновенное народное собрание, произведенные 8 марта/23 февраля, принесли правительству самое незначительное большинство. Далее Савинский подробно описывает террор, примененный либеральным блоком для получения этого большинства.

кими правдами и неправдами, лишит его, конечно, возможности плодотворно работать с имеющим собраться дней через десять народным собранием. Таким образом становится на очередь вопрос о замене нынешнего либерального правительства оппозиционными партиями, и взоры всех обращаются на главу демократов Малинова, единственное лицо, способное образовать новое правительство. Из моего письма от [19] 6 февраля с. г. [1] ваше высокопревосходительство изволили уже видеть, что и король, отзывавшийся в разговоре со мной отрицательно о представителях оппозиционных партий, сделал исключение в пользу Малинова, учитывая наперед вероятность поражения правительства Радославова. При этих условиях мне было интересно узнать, как смотрит на этот вопрос сам Малинов, с которым я и постарался иметь на-днях весьма обстоятельный разговор.

Широкий государственный ум и искренний патриотизм берут в нем верх над узкими партийными счетами, и он находит, что, хотя нынешнее правительство и обречено уже бесповоротно на смерть, он и его политические друзья не имеют однако пред нуждающеюся в отдыхе и правильном труде страною нравственного права подвергать ее новому испытанию, и поэтому они не намерены сразу атаковать и низвергнуть нынешнее правительство. Они понимают, что для блага страны нужно дать ей возможность спокойно проработать с народным собранием, по крайней мере, хоть в первую чрезвычайную сессию, дабы провести те законопроекты и утвердить те акты, которые являются необходимостью для правильного течения государственной жизни. К таковым относятся, кроме проверки избирательных мандатов, утверждение бюджета, одобрение Константинопольского и Бухарестского договоров, проведение займа; на эти работы потребуется приблизительно около двух месяцев, после чего чрезвычайная сессия народного собрания могла бы быть закрыта в половине мая, и палата была бы созвана снова на очередную сессию, согласно конституции, [28] 15 октября.

Патриотический долг представителей оппозиции, по словам Малинова, мешает им нарушить эту очередную работу народного собрания, и хотя заключение займа, если таковое удастся, и укрепит несколько положение правительства в ущерб оппозиции, тем не менее последняя готова пойти и на это. Возможно, что не один долг руководит оппозицией при принятии подобного решения:

---

[1] См. т. I, № 291.

с одной стороны, она хочет дать возможность нынешнему правительству сделать ряд промахов и ошибок с тем, чтобы впоследствии с тем большей силой обрушиться на него; с другой—предвидя, что если правительству и удастся провести заем, то вследствие того малого престижа и кредита, которым оно пользуется за границей, заем этот будет сравнительно ничтожный и условия его будут особенно обременительны,—предвидя это, говорю я, оппозиция хочет и в самых условиях займа иметь в будущем возможность постоянного укора и упрека либералам. Когда правительство достаточно скомпрометирует себя, оппозиция его атакует и постарается свалить. По болгарской конституции для перемены правительства не требуется, чтобы она произошла в период занятий народного собрания; наоборот, на практике обыкновенно случалось, что одно правительство удалялось короною, а другое призывалось во время перерыва занятий законодательной палаты. Малинов рассчитывает, что так случится и ныне и что к открытию осенней сессии народного собрания у власти будет уже оппозиция.

За несколько дней перед разговором с Малиновым мне пришлось беседовать с разными членами партии народняков, между прочим, с бывшим посланником в Петербурге Бобчевым. Говоря о переходе власти к оппозиции, последний указал мне на возможность, что Малинов захочет образовать самостоятельное министерство, не обращаясь к другим оппозиционным партиям, и предупредил меня, что в таком случае он встретит страшное сопротивление со стороны народняков.

Вследствие этого в дальнейшей беседе с Малиновым я спросил его, каков будет его образ действия, в случае если ему будет поручено образование кабинета, т. е. прибегнет ли он к коалиции, или будет стремиться образовать самостоятельное министерство.

Малинов ответил, что сначала у него была мысль образовать кабинет исключительно из своих единомышленников и только потом в самом собрании искать поддержки других партий, но что впоследствии он переменил эту точку зрения и решил сразу для образования министерства обратиться к другим партиям, а именно радикалам, ради того нравственного впечатления, которое это произведет в стране, и народнякам, успевшим уже реабилитировать себя в общественном мнении за последние события. Я приветствовал это решение Малинова, указав ему, что было бы неблагоразумно для его партии не стараться соединиться со столь многочисленной и близкой по программе партией, как народняки, считающей в

своих рядах многих талантливых деятелей и ораторов и испытанных друзей России, вроде Тодорова, Бобчева и других.

В заключение Малинов спросил меня, оговариваясь, что это он делает исключительно для личного осведомления и пользуясь только тем, что наш разговор принял такой дружеский и откровенный характер и сознавая всю трудность задаваемого вопроса,— считают ли в Петербурге если не пересмотр Бухарестского договора, то, по крайней мере, ректификацию созданных им границ за нечто совершенно несбыточное. Этот вопрос, по словам Малинова, ему подсказывается теми первостепенной важности соображениями политическими, стратегическими, экономическими и этнографическими, по которым общественное мнение Болгарии никак не может признать настоящих границ страны достаточно обеспечивающими ее интересы. На это я поспешил ответить, что этого вопроса лучше и не касаться из-за тех осложнений, которые он может вызвать; установить предел между пересмотром договора и ректификацией границ никак не удастся, и что поэтому для Болгарии будет гораздо целесообразнее постараться сначала улучшить свои отношения с Сербией и, найдя в этом сближении новые силы, стать на ноги, не прибегая к мерам, которые могут только снова возбудить против нее не только соседей, но и общественное мнение всей Европы.

При всем желании исправления болгарских границ Малинов не мог не сознать справедливости моего замечания, и наш разговор кончился на весьма важном признании с его стороны, что будущее и сила Болгарии заключаются в общении и новом союзе с Сербией, который под покровительством России явился бы тем славянским ядром, кругом которого сгруппировались бы остальные балканские государства. На мое замечание, что Болгарии следовало бы теперь же примкнуть к несомненно обрисовавшейся группировке— Сербии, Греции и Румынии, и, примкнув, стараться больше не враждовать со своей вековой соперницей—Сербией, Малинов ответил, что это и его мысль, но что он идет далее и находит, что если сближение Сербии с Грецией и может оказаться впоследствии недостаточно жизненным, то сближение Болгарии с Сербией после пережитого урока не может на этот раз не быть прочным. Я приветствовал его на этой мысли, которая, как мне кажется, должна быть руководящей в дальнейшем ходе балканской политики.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 37. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 91. 17/4 марта 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 423 [1], [15] 2 марта [2]. Копия в Тавриз.

Считал бы более выгодным для нас, чтобы выборы азербайджанских депутатов были произведены в Тегеране, на что, повидимому, пойдут регент и председатель совета министров в случае оппозиции Тавриза и трудностей предотвратить там выступления недовольных. Предлагаемый выход сохранил бы нам право, если бы обнаружилась неудовлетворительность состава меджлиса, сослаться на незаконность выборов по Азербайджану, как произведенных под давлением и не на месте, и дал бы возможность действовать сообразно с нашими интересами и обстоятельствами.

Коростовец.

№ 38. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 511 [3]. 18/5 марта 1914 г.

Телеграммы за №№ 82 [4] и 91 [5] получены.

Производство выборов по Азербайджану в Тегеране было бы действительно крайней и с нашей точки зрения весьма нежелательной мерой, так как это явилось бы подтверждением нежелания Шоджа-эд-Доуле подчиниться воле правительства, на что указывают персы и англичане. После этого нам было бы очень трудно отстаивать этого нужного нам деятеля.

Мы предвидим также, что было бы трудно впоследствии протестовать против незаконности выборов, ибо нам по справедливости могут тогда поставить вопрос, почему мы своевременно против этого не возражали.

Что касается результатов выборов в Тегеране, то есть много оснований опасаться, что окажутся выбранными весьма нежелательные элементы.

Ввиду этого считаем предпочтительным производить дальнейшее давление на Шоджа-эд-Доуле, дабы выборы произошли в Тавризе.

Копия в Тавриз.

Сазонов.

---

[1] См. т. I, стр. 540, прим. 1.

[2] См. выше № 13.

[3] Лит. копия.

[4] См. выше стр. 26, прим. 2.

[5] См. выше № 37.

№ 39. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Письмо № 189. 18/5 марта 1914 г.

Доверительно. Спешно.

М. г. Михаил Николаевич,

Член Государственной думы Пападжанов обратился ко мне с просьбой сообщить, как отнеслось бы императорское пр-во к учреждению в Малой Азии особого банка, район действия коего простирался бы на армянские вилаеты. Средства для означенного предприятия предполагает дать „Коммерческий банк в Тифлисе", собственник коего г. Манташев намерен оказать самое широкое свое содействие этому делу как в смысле капитала, который был бы вложен в предприятие, так и личного состава нового учреждения, для которого имеются готовые кадры из русских армян. Г. Манташев, желающий пока сохранить свое участие в этом деле в строгой тайне, ставит два условия его осуществления, с целью выяснения коих и обратился к нам г. Пападжанов: 1) покровительство новому банку со стороны русского пр-ва на случай возникновения в Армении каких-нибудь событий, 2) отказ в каких-либо привилегиях русским банкам в тех местах, где будет действовать означенный банк.

В случае принятия этих условий г. Манташев предоставляет нам полный контроль над деятельностью банка. Я ответил г. Пападжанову, что принципиально вполне сочувствую этому предприятию, но что его предположение требует, конечно, предварительного рассмотрения.

Доводя о вышеизложенном до вашего сведения, имею честь покорнейше просить вас сообщить в возможно непродолжительном времени заключение ваше по сему вопросу. Со своей стороны я полагал бы весьма желательным оказать содействие осуществлению проекта банка, в коем приняли бы участие крупные капиталисты из русско-подданных армян под нашим непосредственным контролем.

Подобный банк имел бы для нас большее значение, чем преобразованные отделения Салоникского банка, где наше участие все же оставалось бы ограниченным.

До сведения мин-ва доходит, что предположение об учреждении банка имеется и со стороны других армянских капиталистов, вследствие чего было бы желательно установить между ними предварительно известное соглашение, что мы и не преминем сделать, когда самый вопрос получит принципиальное решение.

Ввиду завязанных нами однако уже переговоров в связи с участием в Салоникском банке, быть может, окажется затруднительным осуществить требования, которые ставит Манташев. Во всяком случае я просил бы вас по возможности безотлагательно высказаться по затрагиваемому вопросу для принятия своевременно мер в целях осуществления указанного предположения, если бы оно представлялось вам по местным условиям желательным.

[Сазонов.]

№ 40. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 79[1]. 18/5 марта 1914 г.

The islands which were adjudicated to Greece are to become Greek property automatically after the fulfillment of the condition laid down with regard to Albania. If, in addition to that, Greece desires Turkey to abandon forever any warlike measures against the islands or to promise the final acceptance of the decision of the Powers, it rests with her to obtain those concessions directly from Constantinople. The same applies to the guarantee which Greece requests with regard to the Greek population on the Turkish islands. In the same way as the Powers engaged themselves in the note of the 13 February to work in Athens for the fulfillment of the condition stipulated for the Greek islands, they will also, if necessary, work in Pera by friendly advices for the observance of their decisions.

Benckendorff.

Перевод.

Острова, присужденные Греции, должны автоматически стать греческой собственностью после исполнения условий, установленных по отношению к Албании. Если Греция желает, сверх того, чтобы Турция навсегда отказалась от всяких военных мероприятий против островов или обещала окончательно признать решение держав, она сама должна добиться этих уступок непосредственно от Константинополя. То же самое относится к гарантии, требуемой Грецией, относительно греческого населения на турецких островах. Подобно тому как державы обязались в ноте от 13 февраля действовать в Афинах для исполнения условий, выговоренных для греческих островов, так же они будут в случае необходимости действовать в Пере путем дружеских советов в пользу соблюдения их решений.

Бенкендорф.

---

[1] Из тел. Бенкендорфа от 18/5 марта за № 78 видно, что в публикуемой тел. передается германский меморандум относительно ответа, который должен быть дан греческому правительству по вопросу об островах. Росс. посол получил этот документ от Грея. Тел. от 19/6 марта за № 82 Бенкендорф, со слов Никольсона, сообщал, что ав.-венг. прав-во заявило о своем присоединении к германской точке зрения.

№ 41. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 801. 18/5 марта 1914 г.

Copie à Paris.

The German Ambassador gave me this afternoon the document, of which a copy is enclosed herein, as representing the view of the German Government as to the reply, that should be made ...[2] Greece about the question of the Aegean islands. The Ambassador told me that his Government observed, that the Powers had undertaken to come to a decision about the islands, but not to execute it. He also said, that he believed, that what the Austrian and Italian Governments had said in Athens about the southern Albanian frontier had now been communicated to me officially. I gathered from what he said that the German Government were of opinion that, on this subject, the Powers might adopt the communication already made by Austria and Italy. I said, that the Austrian Ambassador had told me verbally, the content of the communication, but did not think, that we had been given anything in writing. The German Ambassador said, that he understood, that the Austrian Ambassador had communicated it officially on the 10th inst. I replied, that I did not remember his having done that, though he had given a very emphatic explication of the mistake made by the Italian Minister in Athens.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Германский посол вручил мне сегодня документ, копия коего при сем прилагается, содержащий мнение германского правительства относительно ответа, который следует дать... Греции по вопросу об Эгейских островах. Посол сказал мне, что его правительство считает, что державы намерены принять решение относительно островов, но не выполнять его. Он также сказал, что, по его мнению, то, что австрийское и итальянское правительства заявили в Афинах относительно южной албанской границы, сообщено мне теперь официально. Я заключил из сказанного им, что германское правительство того мнения, что по этому вопросу державы могли бы принять заявление, уже сделанное Австрией и Италией. Я сказал, что австрийский посол изложил мне устно содержание этого сообщения, но я не думаю, чтобы нам было представлено что-либо в письменном виде. Германский посол сказал, что, насколько он знает, австрийский посол сообщил это официально 10 текущего месяца. Я ответил, что

---

[1] Из тел. Бенкендорфа от 18/5 марта за № 78 видно, что публикуемый документ передает текст депеши Грея, посланной великобрит. послу в Берлине. Документ получен был Бенкендорфом от Грея.

[2] Пропуск в подлиннике.

не помню, чтобы он сделал это, хотя он делал весьма определенное объяснение ошибки, следанной итальянским посланником в Афинах.

Бенкендорф.

№ 42. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 18/5 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Французский посол в С.-Петербурге г. Палеолог, находящийся здесь в отпуску, сказал мне, что в милостивом разговоре, коим государь император удостоил его вслед за вручением им верительных грамот, его величеству угодно было, между прочим, затронуть вопрос о роли Англии в Тройственном соглашении и о желательности привести лондонский кабинет к сознанию необходимости принять на себя более точные и связывающие обязательства по отношению к России.

Приблизительно год тому назад я имел честь писать вам (весьма доверительное письмо от 15/2 февраля 1913 г. [2]) о происходившем в то время между парижским и лондонским кабинетами оживленном обмене сообщений по вопросам, касавшимся секретных соглашений между французским и английским генеральными штабами. Обмен этот, как я мог с тех пор удостовериться, привел к подписанию особого политического соглашения, точный текст коего мне неизвестен, но смысл коего заключается в том, что оба правительства заявляют, что, в случае, если обстоятельства приведут Францию и Англию к совместным активным действиям, они обязуются принять в соображение выработанные их генеральными штабами военные соглашения.

Таким образом в настоящее время англо-французские отношения определяются двумя актами, а именно военно-морским и политическим соглашениями. Первое из этих соглашений, военно-морское, по словам, сказанным мне бывшим министром иностранных дел, г. Жонаром, в техническом отношении еще более разработано, нежели такое же соглашение между Францией и Россией; но, с другой стороны, в отличие от русско-французской военной конвенции (и дополняющей ее морской конвенции), оно носит лишь факультативный характер. Политическое соглашение, хотя и из-

---

[1] Опубл. М., стр. 494—496.

[2] Содержание в. доверит. письма от 15/2 февр. 1913 г. в основном изложено в этом письме Извольского.

ложено на письме, также не имеет связывающего значения; вопрос о том, примет ли Англия или нет участие в войне, будет решен великобританским правительством сообразно с обстоятельствами; но если по ходу событий Англия решится на совместные с Францией активные действия, военно-морское соглашение вступит автоматически в силу. Я уже писал вам, что руководители французской внешней политики считают, что, при наличности как французского, так и английского государственного устройства вряд ли возможно заключить между Францией и Англией более связывающее соглашение [1]. Год тому назад французское правительство, основываясь на общем характере получавшихся им от лондонского кабинета заявлений, не сомневалось в том, что в случае, если бы Франция была вовлечена в войну, она могла рассчитывать на вооруженную помощь Англии; хотя с тех пор в общем политическом положении Европы не произошло никаких коренных перемен, лондонский кабинет, под влиянием внутренних затруднений, по-видимому, ныне менее склонен к активной внешней политике и охотнее прислушивается к голосу сторонников сближения с Германией. Как я мог убедиться из последних разговоров моих с г. Думергом и президентом республики, здесь думают, что недавняя кампания германской печати против России произвела большое впечатление на английское правительство, которое, как это видно из несомненно инспирированной сегодняшей статьи газеты „Times“, опять пробуждается к сознанию опасности, грозящей европейскому миру со стороны Германии, и необходимости серьезного отпора попыткам германской гегемонии.

Я воспользовался последними свиданиями моими с г. Думергом и президентом республики, чтобы коснуться вопроса о русско-английских отношениях; как тот, так и другой оказались вполне точно осведомленными о том, что государю императору благоугодно было высказать г. Палеологу. Г. Думерг сказал мне, что он вполне согласен с мыслью, что, после недавнего опыта во время балканского кризиса, и ввиду сплоченности и единства действий держав Тройственного союза, было бы весьма желательно побудить Англию принять на себя по отношению к нам более определенные обязательства; он прибавил, что предстоящий приезд сюда сэра Эдуарда Грея, который будет сопровождать короля Георга, даст ему случай лично поднять этот вопрос в разговорах своих с английским министром. Г. Пуанкаре высказался в том же

[1] У Stieve, IV, S. 73, № 1297, вся эта фраза отсутствует.

смысле и выразил намерение обратить на тот же вопрос внимание короля Георга. Приезд великобританской королевской четы назначен на 21/8 апреля; поэтому, если бы вы считали, что гг. Думерг и Пуанкаре могли бы в этом отношении оказать полезное влияние на лондонский кабинет, я просил бы вас заблаговременно снабдить меня инструкциями о том, каким образом вы понимаете настоящий вопрос; лично мне кажется, что предстоящие беседы между руководителями французской и английской внешней политики могли бы подать весьма удобный случай для выяснения того, до какой степени лондонский кабинет был бы склонен вступить на путь более тесного соглашения с Россией, но что вопрос о форме и содержании подобного соглашения должен обсуждаться непосредственно между нами и англичанами.

Примите и пр.

Извольский.

№ 43. Посланник в Софии министру иностранных дел.

%. Депеша № 8. 18/5 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Заключение внешнего займа, более или менее значительного, представляет главнейший предмет забот кабинета Радославова.

Заем необходим для консолидации летящего долга [1] — Народному банку до 145 миллионов, по реквизициям до 200 миллионов и по билетам казначейства до 160 миллионов франков.

Заем нужен для улучшения разменного курса болгарских левов, достигающего ныне 9% и чрезвычайно затрудняющего торговые сделки с заграницей.

Он нужен для некоторой хотя бы реабилитации нынешнего правительства в глазах страны, начинающей справедливо укорять его в отсутствии доверия со стороны Европы к мнимым „спасителям" Болгарии, и, наконец, он нужен для членов кабинета и трех коалиционных партий, чающих и для себя лично немаловажных благ при заключении сделки на крупную сумму.

Отдавая себе ясный отчет в особой для нас важности того или иного направления вопроса о болгарском займе в настоящее время, я не перестаю тщательно следить за его развитием и доводить до сведения вашего высокопревосходительства даже о слухах, более

---

[1] Так в подлиннике.

или менее правдоподобных, и о неосуществимых намерениях правительства на этот счёт. Исходя из этого взгляда, я счел долгом [14] 1 сего марта за № 52[1] протелеграфировать, впрочем с оговоркой, как вам, так и послу в Вене, известие о помещении крупного займа у частных лиц в Австрии,—известие, повидимому, ныне не подтвердившееся.

Нет сомнения, что Радославов и Тончев в поисках за потребными им миллионами стучались во все двери: в Берлине в „Deutsche Bank“ и „Disconto-Gesellschaft“, в Лондоне в банк Ротшильда и в Вене во все сколько-нибудь значительные банки поочередно, но нигде пока определенных обещаний не получили, хотя директор местного Кредитного банка, филиала „Disconto-Gesellschaft“ и Блейхредера, получил от министра финансов уверения в согласии правительства на предоставление реальных гарантий в обеспечение займа.

После всех малообещающих попыток на немецких рынках инспирированные министерством финансов органы печати стали заявлять, что правительство не помышляет искать денег нигде, кроме Парижа. Но ваше высокопревосходительство изволите знать, что я имею постоянные уверения моего здесь французского коллеги, что парижский кабинет, разделяя наше недоверие к теперешнему болгарскому правительству, попрежнему ответит в вопросе о займе Радославову категорическим non possumus.

Для успокоения общественного мнения правительство время от времени пускает слухи вроде недавнего сообщения газеты „Утро“ о заключении 350-миллионного займа, уже будто бы обещанного Радославову частью в Берлине (250 милл.), частью французскими банками (100 милл.).

Для покрытия некоторых неотложных платежей правительство недавно выпустило внутренний заем на 10 миллионов франков. Говорят, заем этот, выпущенный слишком крупными для болгарских обывателей свидетельствами, был реализован группою заграничных банков. Сумма эта, конечно, слишком незначительна, чтобы сколько-нибудь чувствительно отразиться на состоянии местных казначейства и денежного рынка.

Примите и пр.

А. Савинский.

---

[1] См. выше № 9.

№ 44. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁒ Письмо. 18/5 марта 1914 г
Доверительно. Лично.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Спешу принести вашему высокопревосходительству искреннюю и глубокую благодарность за те указания, которые вам угодно было преподать мне в доверительном письме от [2 марта] 17 мин. февраля за № 129[1].

Они явились для меня тем более ценными, что сопровождались замечаниями, доказывающими, что некоторые мои взгляды удостоились вашего одобрения.

Я был бы очень огорчен, если бы мое отношение к любезностям короля Фердинанда или мои сношения с его теперешним правительством были бы неправильно истолкованы.

Делая вид, что я ценю внимание, проявляемое королем к российскому представителю, я хотел обеспечить лишь за собою те отношения с ним, которые, помимо соображений элементарной учтивости, столь необходимы для успешного выполнения возложенной на меня задачи, особенно если принять во внимание то исключительное влияние, которое имеет король на ход дел и политики; но наряду с этим, как ваше высокопревосходительство изволили видеть из моих предыдущих писем, в которых я старался воспроизводить дословно свои разговоры с королем, я говорил как ему, так и начальнику его тайного кабинета для передачи ему самые тяжелые истины.

Если я позволяю себе сегодня остановиться на этом вопросе, то это потому, что до меня дошли слухи, что мой английский коллега, в общем очень расположенный к России человек, но не совсем уравновешенный и переоценивающий свое знание людей и положений, сообщал как в Лондон, так и в С.-Петербург свои опасения, что я подпал будто под обаяние личности короля Фердинанда и сообразую даже с этим свою деятельность.

Мои донесения и письма, в которых я просил только ваших указаний на случай, если кабинет Радославова закрепит за собой положение, и в которых я выражал свое глубокое убеждение, что России и русскому посланнику в Софии нельзя оставаться безучастным зрителем событий,—к счастью, налицо, чтобы доказать всю неосновательность опасений г. Бакса Айронсайда.

Впрочем, это подтвердил мне и французский мой коллега,

[1] См. т. I, № 358.

г. Панафье, присутствовавший однажды при разговоре Б. Айронсайда со мной и отметивший затем, по собственному почину, беспричинность и преувеличенность рассуждений последнего.

Из вышеизложенного отнюдь не следует, что установившиеся у меня с английским посланником личные отношения не хороши; наоборот, они не оставляют желать ничего лучшего, и я дорожу их поддержанием: он часто заходит ко мне, а я к нему, чтобы обменяться мыслями, и, встречаясь в обществе, мы всегда подолгу беседуем. Но по характеру он скорее экспансивен, что видно, между прочим, из его слов, сказанных настойчиво и громко в течение вышеупомянутого нашего разговора втроем с французским посланником: „J'ai voulu m'entendre avec Nekludoff, mais cela n'a pas réussi; maintenant je me mets à vos pieds (подлинные слова) et je constate avec plaisir que la Triple Entente nulle part et jamais n'a été aussi forte et efficace qu'actuellement à Sofia“[1].

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 45. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 524[2]. 19/6 марта 1914 г.

Банк желал бы ныне безотлагательно выступить с ходатайством о концессии на соединение Зейендеруда с верховьями Каруна [3]. Концессию желательно было бы получить непосредственно на имя банка, но в случае затруднительности этого она могла бы быть испрошена на имя Акбера-Мирзы, который должен будет однако дать надежные гарантии в том, что затем концессия будет переведена на имя банка. В том и другом случае банк признает желательным, чтобы Акбер-Мирза и его компаньоны вошли участниками в предприятие.

Благоволите телеграфировать, считаете ли вы возможным поднять ныне этот вопрос. Если вы признали это полезным, то вы можете вызвать Кавера и Акбера в Тегеран для объяснений.

Материалы и чертежи высылаются вам вместе с сим.

Клемм.

---

[1] „Я хотел притти к соглашению с Неклюдовым, но это не удалось; теперь я склоняюсь перед вами и с удовольствием констатирую, что Тройственное согласие нигде и никогда не было так сильно и действенно, как теперь в Софии“.

[2] Лит. копия.

[3] Ср. т. V, № 13.

№ 46. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 81. 19/6 марта 1914 г.

Reçu télégramme No 497[1].

Copie Paris.

Nicolson me dit que Mallet a reçu instruction procéder à proposer Porte les candidats belges et hollandais indiqués dans vos télégrammes, dès que tous les ambassadeurs auront reçu mêmes instructions.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 497.

Копия в Париж.

Никольсон сказал мне, что Маллет получил инструкцию приступить к предложению Порте бельгийских и голландских кандидатов, указанных в ваших телеграммах, как только все послы получат такие же инструкции.

Бенкендорф.

№ 47. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 77[2]. 19/6 марта 1914 г.

Копия в Константинополь.

Н. Рафалович просит сообщить: „При переговорах относительно Салоникского банка увеличение числа русских членов правления встретило возражения. Предвижу также затруднения в будущем при выполнении русских пожеланий касательно открытия и деятельности отделений банка в Армении. Наиболее правильным выходом было бы возвращение к прежнему проекту поглощения Салоникского банка Русско-Азиатским, коему прошлым летом воспротивилось французское правительство[3]. Ныне однако французские банки уверяют, что они добьются осуществления этого плана при условии быстрого решения. При поглощении придется ликвидировать или передать другим банкам некоторые балканские отделения, равно как отделения в Смирне и Сирии, а также преобразовать греческие отделения в особый банк. Необходимо также установить относительно дел в Турции соглашение с французскими банками. Полагаю, что эти предположения соответствуют вашим

---

[1] См. выше № 29.

[2] Опубл. Stieve, IV. S. 76, № 1299.

[3] У Stieve пропуск, начиная со слов „коему прошлым летом“ до конца предложения.

взглядам, но ввиду приезда в понедельник в Париж Путилова и необходимости принять решение [1] просил бы срочных указаний [2].

Извольский.

№ 48. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 93. 19/6 марта 1914 г.

Телеграфирую Орлову, ссылаясь на вашу телеграмму за № 487 [3] и на телеграмму Орлова за № 243 [4]:

В Тегеране избраны умеренные и солидные депутаты, что, впрочем, не может еще служить гарантией их будущей деятельности в меджлисе.

По поручению министерства переговорил с Восуг-эд-Доуле, который со своей стороны заявил, что правительство не желало бы устраивать выборы для Азербайджана в Тегеране, ибо это было бы не конституционно, и такие депутаты могли бы не получить признания законных представителей Азербайджана.

Оставаясь лично при высказанном мною уже мнении, что для нас выборы в Тегеране были бы выгоднее, прошу вас тем не менее принять к руководству непосредственные указания Петербурга.

Шоджа-эд-Доуле благоволите заявить, что он может в дальнейшем рассчитывать на полную поддержку императорской миссии, пока он сам будет неуклонно руководствоваться в своих поступках и заявлениях указаниями генерального консульства.

Коростовец.

№ 49. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 95. 19/6 марта 1914 г.

Получил № 437 [5].

Восуг сообщил, что ввиду несочувствия английского посланника мое обращение к регенту касательно Эйн-эд-Доуле не даст

[1] У Stieve пропущены слова: „и необходимости принять решение“.

[2] Копия публикуемой тел. была препровождена м-вом ин. дел в м-во фин. при письме от 21/8 марта за № 203 с просьбой „в возможно непродолжительном времени“ „сообщить свое заключение“.

[3] См. выше № 13.

[4] См. выше № 27.

[5] Тел. от 11 марта/26 февраля № 437 Сазонов, ссылаясь на свою тел. Бенкендорфу от 9 марта/24 февраля за № 422 (см. т. I, № 398), сообщал: „Исаак-хан по поручению Восуга сообщил, что последний считал бы удаление Эйн-эд-Доуле из кабинета сейчас нежелательным, ибо это подняло бы еще его значение в главах демократов и могло бы создать кабинету лишние затруднения. Он просил поэтому, чтобы вы сговорились с Восуг-эд-Доуле, который мог бы вам сообщить, когда наступит благоприятный момент для удаления Эйн-эд-Доуле“.

благоприятных результатов и усилит лишь значение популярного этого сановника, обнаружив в то же время разногласие между двумя миссиями, что нежелательно. Он постарается объединить своих коллег для коллективного настояния перед регентом об устранении Эйн-эд-Доуле и надеется на успех. В таком случае место последнего занял бы Каввам-эс-Солтане, а пост военного министра предоставился бы Сепехдару. Восуг указал также на желательность замены Ала-эс-Солтане, являющегося благодаря возрасту тормозом в деятельности правительства. Повидимому, Восуг надеется на нашу помощь для проведения собственной кандидатуры, хотя знает, что не встретит поддержки англичан.

Коростовец.

№ 50. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 97. 19/6 марта 1914 г.

Телеграммы №№ 350 [1] и 477 [2] получены.

Я не преминул сделать министру иностранных дел официальное представление касательно концессии Раис-эт-Туджара на Мешедо-Гауданскую дорогу. Восуг-эд-Доуле также официально ответил мне, что по сему поводу им наводятся справки в министерстве общественных работ и у главного казначея. Не отрицая крупной задолженности названного перса нашему банку, Восуг-эд-Доуле в своей ноте заявил, что обеспечением долга служат доходы с имений Раис-эт-Туджара, но ни в каком случае не концессия, которая в свое время была дарована Раис-эт-Туджару лишь при условии непередачи ее в иностранные руки или нашему банку.

Несмотря на означенные заявления Восуг-эд-Доуле, я снова официально обратился к нему с предложением изъятия концессии из рук Раис-эт-Туджара и передачи таковой нашему банку, так

[1] Тел. от 26/13 февраля за № 350 Клемм просил Коростовца проверить полученные сведения о том, что „персидское правительство будто бы уничтожило концессию Раис-эт-Туджара на Мешедо-Гауданскую дорогу и собирается взять это дело в свои руки при помощи бельгийцев". Клемм сообщал далее о крайней желательности перехода этой концессии к Учетно-Ссудному банку.

[2] Тел. от 14/1 марта за № 477 Клемм сообщал: „По сведениям нашего [Учетно-Ссудного] банка германские товары из Багдада начинают успешно конкурировать в Хоросане с нашими, вследствие вздорожания последних в связи с высокими фрахтами, вызываемыми плохим состоянием дорог". Далее указывалось на крайнюю желательность, вследствие этого, скорейшего разрешения вопроса о переходе концессии на Мешедо-Гауданскую дорогу к Учетно-Ссудному банку.

как полное бездействие концессионера, до сих пор ничего не предпринявшего в деле приведения дорог в порядок, сильно тормозит развитие торговых сношений между Россией и Персией.

По получению ответа Восуг-эд-Доуле сообщу дополнительно[1].

Коростовец.

№ 51. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 13. 19/6 марта 1914 г.

Морской министр телеграфировал Васильеву, что „главная цель—не допускать продажи в другие руки и надо настаивать на нашем первенстве, не упоминая о цене, чтобы при перемене обстоятельств, было возможно купить дешевле". Так как Штейн уже предложил 43 миллиона долларов, то мне кажется, что ему будет весьма трудно теперь не упоминать о цене и что он и все дело будут поставлены в весьма неудобное положение перед аргентинским правительством, которое едва ли согласится оставить за нами первенство на таких неопределенных условиях. Морской агент разделяет мое мнение.

Бахметев.

№ 52. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 14. 19/6 марта 1914 г.

Продолжение №№ 10 и 11[2].

Аргентинский посланник сказал мне, что, желая доставить мне еще более авторитетные сведения, чем те, которые были получены от морского министра, он запросил также министра иностранных дел, который категорически подтвердил первый ответ, а именно, что правительство никому не продаст суда. Представители строительного завода вчера обращались к нему с таким же предложением как наше, но он не обратил на него никакого внимания и даже не передал его по телеграфу в Буэнос-Айрес.

Бахметев.

---

[1] Тел. от 29/16 марта за № 112 Коростовец сообщил, что официальной нотой перс. прав-во категорически отклонило предложение о передаче Учетно-Ссудному банку концессии Раис-эт-Туджара на Мешедо-Гауданскую дорогу.

[2] См. т. I, № 418 и прим.

№ 53. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 84. 20/7 марта 1914 г.

Телеграмму № 357 [1] получил.

Ссылаюсь на телеграмму № 824 [2].

Три группы консорциума уполномочили на-днях своих представителей по телеграфу обратиться к китайскому правительству с целью добиться его принципиального согласия на слияние монетного и реорганизационного займов. Одновременно эти три груп-

---

[1] Вероятно, имеется в виду тел. Сазонова от 13 дек./30 нояб. 1913 г. за № 3357 (а не № 357, как указано в публикуемой лит. копии). Текст тел. следующий: „Японский поверенный в делах сообщает, что германское и французское правительства согласились сделать заявление китайскому правительству о скорейшем включении займа на монетную реформу в новый реорганизационный заем. Только английское правительство ответило, что английская группа консорциума считает такое заявление преждевременным, так как находит невозможным делать новые ссуды Китаю. Меж тем на бывшем в апреле сего года собрании консорциума вопрос о включении займа на монетную реформу в реорганизационный заем был уже решен в положительном смысле, и, по сведениям японского правительства, китайское правительство немедленно согласится на такое включение, как только группы консорциума этого потребуют. С другой стороны, означенное включение, устраняя деликатные вопросы о гарантиях займа на монетную реформу доходами Манчжурии, не предрешало бы вопроса о том, когда и на каких условиях был бы выпущен новый китайский реорганизационный заем. Японское правительство поручает своему послу в Лондоне объясниться в этом смысле с английским правительством и просить его побудить английскую группу консорциума отказаться от противодействия предъявлению китайскому правительству требования о незамедлительном включении займа на монетную реформу в реорганизационный заем.

Благоволите, сговорившись с вашим японским сотоварищем, сделать аналогичное с ним представление в вышеизложенном смысле министру иностранных дел и о последующем нас уведомить".

[2] Имеется в виду телеграмма Бенкендорфа от 18/5 декабря 1913 г. за № 824, которая содержит ссылку на телеграмму, приведенную в предыдущем примечании. Бенкендорф сообщает о том, что английское правительство поручило английской группе предписать ее представителю „в Пекине возбудить перед китайским правительством вопрос о необходимости для него согласиться в принципе на включение монетного займа в реорганизационный", отложив определение его условий до начала переговоров о следующем выпуске реорганизационного займа. „Германская и французская группы... соответствующего заявления в Пекине также не делали, и противодействие подобному выступлению исходит от всех трех групп". Бенкендорф добавляет, что по получении англ. м-вом ин. дел ответа от англ. группы он будет немедленно ему сообщен.

Ответ, о котором говорится в заключении тел., содержится в меморандуме великобританского м-ва ин. дел от 17/4 марта, пересланном в копии Бенкендорфом в Петербург при препроводительном письме от 20/7 марта. Основное содержание меморандума изложено в публикуемой тел.

пы выговаривают себе сохранение прав, вытекающих из соглашения о монетном займе, до заключения соглашения о вторичном выпуске китайского реорганизационного займа, имеющего включить между прочим монетную реформу.

Бенкендорф.

№ 54. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 78. 20/7 марта 1914 г.

Копия в Белград.

Австрийское правительство пригласило представителей французской группы приехать в Вену, дабы принять участие в австро-сербских переговорах об интернационализации Восточных железных дорог.

Извольский.

№ 55. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 60. 20/7 марта 1914 г.

Копия в Константинополь.

Срочно.

Здешний сербский посланник сейчас получил официальное сообщение из греческого генерального штаба с просьбой передать в Белград, что Турция собирается атаковать Митилену и Хиос, куда будто бы направлен „Гамидие“ [1]. Сегодня ночью отправлено наскоро десять пушек к названным островам в надежде, что поспеют их во-время поставить, причем крейсер „Аверов“ немедленно получил приказание отплыть туда же [2].

Демидов.

---

[1] Тел. от 21/8 марта за № 162 Гирс, ссылаясь на публикуемую тел. Демидова, сообщал из Константинополя в СПБ. (копия в Афины): „Гамидие“ стоит в Золотом Роге и пока никуда не выходил“.

[2] Тел. от 21/8 марта Демидов сообщал, что „тревожные сведения“, переданные в публикуемой тел., подтверждаются, но что „Венизелос не особенно беспокоится“, морской же штаб, по заявлению Венизелоса серб. посланнику, „относится более недоверчиво к возможности такого опрометчивого со стороны Турции выступления“, чем главный штаб, принявший военные меры.

№ 56. Памятная записка российской миссии в Пекине китайскому министру иностранных дел Сунь Бао-ци [1].

№ 61. 20/7 марта 1914 г.

Императорский российский посланник неоднократно указывал китайскому правительству на интриги различных неответственных лиц, ведущих переговоры с монголами якобы от имени китайского правительства, и просил положить предел этим проискам.

Результат помянутых интриг ныне сказался в том, что благодаря влиянию тех лиц из числа монгольских князей и министров, с которыми велись из Пекина помянутые сношения, монгольское правительство начинает колебаться в вопросе о своем участии в тройных переговорах и намерено, повидимому, стараться отложить их до будущей осени. При таких условиях естественно потребуется долгое время, чтобы убедить монголов помириться с мыслью, что их отношения к Китаю должны быть построены на основаниях русско-китайской декларации от 5 ноября/23 октября 1913 г.

Ввиду вышеизложенного императорский посланник вынужден снова предупредить китайское правительство об опасных последствиях всяких попыток с китайской стороны выступить в непосредственные переговоры с монголами и считает долгом заявить согласно полученным из С.-Петербурга инструкциям, что императорское правительство увидало бы в этом открытое нарушение принятых на себя Китаем перед Россией обязательств.

№ 57. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 73. 20/7 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Известие об аресте и высылке в Россию Чжа-Ламы, полученное в Урге [4 марта] 19 февраля с. г., массой населения и ламами было встречено равнодушно. Ламы, объясняя эту меру русским подданством Чжа-Ламы, высказывали даже свое удовлетворение

---

[1] Копия. Этот документ вместе с ответной запиской кит. м-ра ин. дел от 24/11 марта (см. ниже № 83) был препровожден в СПБ. при отношении от 27/14 марта за № 59. Изложение обеих записок содержится в тел. Крупенского от 25/12 марта за № 144, в которой указывается, что памятная записка составлена посланником на основании тел. м-ра ин. дел от 16/3 марта за № 495 (см. выше № 17).

по поводу ареста человека, пролившего много крови и сильно притеснявшего население Западной Монголии [1].

Монгольские министры, в особенности Да-Лама, были встревожены нашим энергичным выступлением в Кобдо, но через неделю успокоились. На следующий день по получении известия об аресте Чжа-Ламы из ургинской тюрьмы были освобождены все 22 солдата его врага Тайчжи-Баира, состоящего под нашим покровительством.

Сайн-Ноин-хан принял печать председателя совета министров в конце февраля. [16] 3 марта у меня было первое деловое свидание с ним, произведшее на меня неприятное впечатление и вызвавшее во мне тревогу за дальнейший образ действий монгольского правительства, ставшего, по моему мнению, на ложный путь.

На мой вопрос относительно совместного со мною обсуждения железнодорожного соглашения и договора о постройке телеграфной линии Монды—Улясутай Сайн-Ноин-хан заявил мне, что оба вопроса уже решены на бывшем [14] 1 марта заседании совета министров: железнодорожное соглашение решено целиком отклонить [2], что же касается постройки вышеупомянутой телеграфной линии, то постановлено просить императорское правительство изменить направление, а именно продолжить телеграфную линию Кош-Агач—Кобдо до Улясутая, откуда вести ее в Ургу [3].

О состоявшемся решении передано в монгольское министерство иностранных дел для письменного сообщения мне.

В течение трех часов я доказывал Сайн-Ноин-хану неосновательность приведенного решения, указывая ему на то невыгодное впечатление, которое оно произведет на императорское правительство. Постройка телеграфной линии Монды—Улясутай, законченная почти одновременно с таковой же линией Кош-Агач—Кобдо, даст возможность монгольскому правительству в сравнительно ближайшем будущем сноситься с местными властями и извлекать

---

[1] В докладной записке от 6 марта/21 февраля 1914 г. сообщалось, что „вскоре по изгнании монголами китайцев из Кобдо в Кобдосском округе появился неизвестно откуда неведомый авантюрист [Чжа-Лама], который... стал именовать себя малым богдо, явно претендуя на равное с ургинским хутухтою духовное достоинство и замышляя образовать в Западной Монголии независимое от Урги царство“.

[2] Сообщение об этом повторяется в тел. Миллера от 21/8 марта за № 76. „Вновь постараюсь провести это соглашение во время переговоров о новом займе, к которым приступлю [23] 10 марта“,—добавляет Миллер.

[3] О решении монг. „совета министров просить императорское правительство построить телеграфную линию Кобдо—Улясутай, а не Монды—Улясутай“ сообщается также в тел. Миллера от 21/8 марта за № 75.

доход. Последний, несомненно, будет довольно значительным, так как можно смело рассчитывать на развитие русско-монгольской торговли и связанной с ней телеграфной корреспонденции. Изменение направления телеграфной линии по целому ряду соображений технического и денежного характера невозможно.

Что касается железнодорожного соглашения, то подписание такового необходимо ради выгоды самого же монгольского правительства, так как никакие переговоры с Россией о проведении в Халхе каких-либо железнодорожных путей невозможны без заключения предварительного соглашения общего характера о железнодорожном строительстве в пределах Внешней Монголии. Иностранцы никаких железных дорог в Халхе строить не будут, ввиду отсутствия у них в этой стране интересов. Если же монгольское правительство после всех оказанных ей Россией благодеяний выдаст кому-нибудь концессию на постройку железной дороги Калган—Урга или в другом для нас невыгодном направлении, то подобный шаг будет сочтен явно недружелюбным актом, против которого Россия сумеет принять соответствующие меры для обеспечения своих специальных интересов в соседней Монголии.

Сайн-Ноин-хан не мог представить мне ни одного возражения против какой-либо статьи этого соглашения, упорно ссылаясь на решение совета министров. Я поправил его, сказав, что решение это, известное мне уже давно, исходит от Да-Ламы, направление деятельности которого за последнее время приняло явно враждебный России характер. Предостерегши Сайн-Ноин-хана от невыгодных для Монголии последствий вступления на указанный Да-Ламой ложный путь сближения с Китаем и Японией, я в интересах сохранения дружественных отношений с Россией, освободившей Халху от вековой зависимости от китайцев, настойчиво посоветовал Сайн-Ноин-хану в самой дружеской форме передумать решение монгольского правительства, о котором я не решаюсь даже немедленно же донести в Петербург, опасаясь того невыгодного для монголов впечатления, которое оно, несомненно, произведет на императорское правительство.

Сайн-Ноин-хан обещал мне это сделать, причем, указав на недовольство монгольского правительства по поводу неуспеха его миссии в Петербурге в вопросе о присоединении Внутренней Монголии к Халхе, спросил меня, нельзя ли добиться этого через посредство Японии и России.

Я ответил ему, что об этом и речи быть не может, ввиду уже давно состоявшегося между обоими государствами соглашения от-

носительно размежевания сфер политического влияния в Монголии вообще. Я напомнил ему в деликатной форме об известном уже ему отказе японского императора принять письмо его святейшества хутухты.

На мой вопрос, когда же выедут в Кяхту монгольские делегаты для участия в тройных переговорах, Сайн-Ноин-хан сообщил мне решение совета министров отложить начало таковых до осени, дабы посоветоваться с князьями Внутренней Монголии, съезд коих в Ургу ожидается во время летних празднеств (цама).

На это я выразил опасение, как бы Россия и Китай, ввиду такого уклонения монголов от выступления в роли автономного государства, признав их неспособность к таковой, не решили все касающиеся Внешней Монголии вопросы путем непосредственных переговоров без участия представителей Халхи. Я подчеркнул все важное значение участия монголов в тройных переговорах, которое послужило бы доказательством пред всем миром автономных прав Внешней Монголии.

Приведенная беседа моя с Сайн-Ноин-ханом служит ярким отражением взглядов враждебного нам Да-Ламы, о котором я имел честь доносить вашему высокопревосходительству раньше [1].

Боясь после своей поездки в Петербург прослыть подобно Ханда-цинь-вану руссофилом, Сайн-Ноин-хан, по своему характеру типичный оппортунист, будет некоторое время держаться выжидательной политики, не вступая в открытую борьбу за власть с Да-Ламой.

Несмотря на все предупреждения, очень возможно допустить новые попытки со стороны монголов войти в тайное сепаратное соглашение с Китаем или даже с Японией.

Получив от России все, что им нужно было, и не сделав для нас в сущности ничего, монголы рассчитывают так же поступить и с другими государствами. О своем будущем, о благе народа или о каких-либо реформах монгольские министры и не думают, а имеют в виду лишь свою личную материальную выгоду.

Разные русские аферисты уверили монголов, что самое выгодное для них дело—это продавать через них всевозможные концессии иностранцам.

У русских нет достаточно свободных капиталов для предприятий в Монголии, а русское правительство задалось, будто бы, целью не давать Монголии развиваться в экономическом отношении. В

---

[1] См. т. I, стр. 350, прим. 2, и т. I, № 439.

доказательство своих антигосударственных взглядов некто Москвитин приводил неиспользование нами банковской концессии Юферова и сокращение деятельности акционерного общества „Монголор“. Ссылаясь на неуспех деятельности полковника Надежного, эти господа советовали даже монгольскому правительству пригласить, при их участии, конечно, германских военных инструкторов.

4 марта меня посетил Ханда-цинь-ван, с которым я имел продолжительную беседу по тем же вопросам, что и с Сайн-Ноинханом. Вскоре после отъезда Ханда-цинь-вана из генерального консульства в канцелярию явился чиновник монгольского министерства иностранных дел с просьбой вернуть ноту с сообщением решения совета министров.

Переговоры о новом трехмиллионном займе еще не начинались, так как монголы выжидают, повидимому, результатов данных ими гг. Москвитину и Прокину поручений достать денег у иностранных банкиров.

Донося вашему высокопревосходительству об изложенном, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется императорскому посланнику в Пекине.

Примите и пр.

А. Миллер.

№ 58. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 21/8 марта 1914

Cher Сергей Дмитриевич,

Si, comme vous le savez, les intérêts russes dans la Société d'Etudes sont, dans mon opinion, bien plus pratiquement défendus en restant aux mains de notre agence financière de Paris, il ne s'ensuit en aucune façon que la confiance, que j'ai en mon collègue Rutkowsky soit le moins du monde ébranlée quand il s'agit de juger, d'apprécier le marché financier de Londres. Outre une parfaite honnêteté réellement impartiale, il voit, je crois, extérieurement clair et sait soutenir son opinion sans arrière-vue d'aucune sorte à quoi il faut ajouter une longue expérience locale et des connaissances fort profondes.

C'est dans cet esprit que je vous transmets ci-joint une lettre qu'il écrit au ministre des finances [1]. Je n'ai pas provoqué cette lettre. C'est les circonstances du séjour à Pétersbourg et de celui à Londres de L. Revelstoke, l'ont provoqué et je l'ai fortement engagé à ne pas

[1] Упоминаемое письмо в делах б. м-ва ин. дел отсутствует.

hésiter à écrire. Très avare de paroles et ne s'aventurant jamais sur les questions personnelles, le dernier m'a un peu donné le change sur ses impressions pétersbourgeoises se bornant à se louer de l'accueil qui lui aurait été fait par vous et par le ministre des finances et aussi le nouveau président du Conseil des Ministres. C'est moi qui lui ai demandé s'il avait vu Mr. Crisp, il m'a répondu affirmativement, sans un mot de plus. Ce qui a frappé Rutkowsky c'est qu'il a home à la Cité. Cette Cité n'est ni si mystérieuse, ni si compliquée qu'on le croit, et tout incompétant que je suis il me revient de côtés étrangement différents et indépendants les uns des autres des bruits, qui confirment tout ce que dit Rutkowsky.

Je ne répéterai rien de ce qu'il écrit; c'est plutôt de l'impression à la Cité, impression très importante que je voudrais vous parler. Elle est celle d'un profond étonnement, que notre gouvernement qui dispose d'un groupe composé de ce que cette Cité a de plus solide et de plus honorable, un groupe qui après avoir couru de très gros risques a repris toute la cause du crédit russe à Londres en main, l'a nourri organisé et préparé pour toute éventualité, que ce gouvernement préfère user d'un boursier de ...[1] ordre qui grandit par nous, et, je crois, à nos dépens, en gaspillant en petit, le crédit organisé par d'autres. Un homme de grosse expérience m'a dit: que la Turquie aux abois s'adresse aux sous-sols de la Cité, n'est que naturel, mais pourquoi vous? Demander au groupe Baring de s'associer à des éléments pareils est absolument illusoire, rien de ce qui appartient à la haute banque ne peut le faire.

Mr. Crisp en est-il aux abois, je n'en sais rien, mais, s'il est vrai et je le crois, que de son côté on passe à une certaine menace, qui à vous le dire franchement ressemble à s'y méprendre à ce qu'on nomme vulgairement du chantage, je crois, que, sans plus gratter, il y faut mettre bon ordre. Qu'à la Cité on le croit, c'est un fait.—Il y a plus, laissez-moi vous le dire tout de suite, en toute franchise; ici on s'explique tout cela reluctantly que par un seul moyen qui n'aurait jamais dû poindre, qui est infiniment désagréable à formuler, mais qui était fatal, à sortir du giron de la haute banque. La réputation établie de Mr. Crisp, y prête d'ailleurs. Intelligent, très entreprenant, sans être étouffé par aucun scrupule. Il me semble que je vous en ai dit assez, pour vous dépeindre toute la situation. Nous disposons de ce que Londres a de mieux, c'est nous mêmes qui lui jetons des bâtons dans les roues. Jusqu'à quand cela peut-il durer, je n'en sais rien. Je

[1] Слово неразборчиво.

sais qu'à Pétersbourg on m'a parlé de l'utilité de la concurrence et d'en créer une. Je trouve le moyen étrange. Ces concurrences ne se créent d'ailleurs pas, il faut d'abord fonder le crédit, nous faisions l'opposé. Quand il sera en pleine force, la concurrence des autres groupes de haute banque viendra toute seule. Et non pas à Londres seulement. Il y aura à cela profit et dignité. C'est le point de vue auquel je me place, et c'est pourquoi je n'hésite pas à vous en parler, malgré mon incompétence technique sur la base pourtant d'observations continuelles, qui remontent bientôt à 10 ans.

Je n'ai pas besoin de vous signaler, combien ce que je vous dis là est confidentiel. Je mets trop de points sur les i pour ne pas vous prier d'user de ce que je vous dis avec la plus extrême prudence. Je n'ai rien contre le Russian Trust dans la sphère d'entreprises soit industrielles, soit minières ou d'autres malgré Mr. Crisp, c'est une bonne chose, mais dire qu'il s'agit d'emprunts petits comme grands, même de chemins de fer, du moment qu'il s'agit de mettre des valeurs d'Etat russes sur le marché de Londres. Elles n'y doivent entrer ce me semble, que par grandes portes et non pas subrepticement et très malheureusement comme cela est déjà arrivé.

Mille excuses de vous entretenir de tout ceci, mais je crois que je ne pourrais m'abstenir de vous prévenir de ce que je vois.

Mille très sincères amitiés.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Если, как вам это известно, русские интересы в Обществе по-моему практически защищены гораздо лучше, оставаясь в руках нашего финансового агентства в Париже, то из этого никоим образом не следует, чтобы доверие, которое я питаю к моему коллеге Рутковскому, было хоть в малейшей степени поколеблено, когда речь идет об оценке лондонского финансового рынка. Помимо безусловной, действительно нелицеприятной честности, он обладает, мне кажется, чрезвычайно ясным суждением и умеет защищать свое мнение без всякой задней мысли, к чему следует добавить длительный опыт в местных делах и очень глубокие знания.

Имея это в виду, я пересылаю вам при сем письмо, написанное им министру финансов. Я не вызывал его на это письмо. Его побудили к этому обстоятельства пребывания в Петербурге и Лондоне Л. Ревельстока, а я усиленно склонял его писать не колеблясь. Очень скупой на слова и никогда не касающийся личных вопросов, последний ввел меня отчасти в заблуждение относительно своих петербургских впечатлений, ограничиваясь тем, что хвалил прием, который, будто бы, был ему оказан вами и министром финансов, а также новым председателем совета министров. Я спросил его, не видал ли он г. Криспа; он ответил утвердительно, не прибавив к этому ни одного слова. Что поразило Рутковского, это то, что он в Сити чувствует себя как бы дома. Это Сити не так таинственно и не так сложно, как это думают, и при всей моей некомпетентности

до меня доходят с совершенно разных сторон, не соприкасающихся друг с другом, слухи, подтверждающие все, что говорит Рутковский.

Я не буду повторять ничего из того, что он пишет. Мне хотелось бы сообщить вам о впечатлении, создавшемся в Сити,—впечатлении очень важном. Это—глубокое изумление по поводу того, что наше правительство, располагающее группой, в которую входят наиболее солидные и почтенные представители Сити и которая, неся очень большой риск, взяла в свои руки все дело русского кредита в Лондоне, поддержала его, организовала и подготовила ко всем возможностям, что это правительство предпочитает пользоваться услугами биржевого деятеля... ранга, выдвинувшегося благодаря нам и, я думаю, за наш счет, растрачивая понемножку кредит, который был создан другими. Одно лицо, обладающее большим опытом, сказало мне: тот факт, что Турция в состоянии крайности обращается к низам Сити, вполне естественен, но почему это делаете вы? Совершенно безнадежно просить группу Беринга вступить в отношения с подобными элементами, никто из принадлежащих к высшему банковскому миру не может этого сделать.

Находится ли г. Крисп в крайне затруднительном положении,—об этом мне ничего неизвестно, но если, как я верю, правда, что он прибегает к некоторой угрозе, которая, откровенно говоря, весьма напоминает то, что на вульгарном языке называется шантажем, то я думаю, что надо, не углубляясь, навести порядок. Что в Сити в это верят,—это факт. Более того: позвольте мне сейчас же сказать, вам это совершенно откровенно: здесь видят себя вынужденными объяснить все это одной причиной, которой никогда бы не следовало проявляться, которую крайне неприятно формулировать, но которая становится роковой, когда это объяснение исходит из недр высшего банковского мира. Впрочем репутация, установившаяся за г. Криспом, подает для этого повод. Он умен, очень предприимчив, не отличается разборчивостью. Мне кажется, что я сказал вам достаточно для изображения всего положения. Мы можем располагать всем лучшим, что имеется в Лондоне, и мы сами вставляем палки в колеса. До каких пор это может продолжаться,—я не знаю. Мне известно только, что в Петербурге мне говорили о полезности конкуренции и о создании ее. Примененный способ я нахожу странным. Впрочем эту конкуренцию нельзя создать; сначала следует укрепить кредит, мы же делаем обратное. Когда он вполне укрепится, конкуренция других групп высшего банковского мира явится сама собой. И не только в Лондоне. В этом будет и выгода, и честь. Такова точка зрения, на которую я становлюсь, и поэтому я не колеблюсь вам об этом писать, несмотря на мою техническую некомпетентность, основываясь однако на постоянных наблюдениях, которые продолжаются скоро уже десять лет.

Мне не нужно указывать вам, сколь конфиденциально то, что я вам сообщаю. Я ставлю слишком много точек над i, и потому я не могу не просить вас пользоваться тем, что я вам сообщаю, с крайней осторожностью. Я ничего не имею против русского треста в сфере предприятий, будь они промышленные, горнозаводские или другие, несмотря на г. Криспа; это было бы хорошо; но трудно подумать, что речь идет о займах, мелких или крупных, даже железнодорожных, поскольку дело идет о помещении русских государственных бумаг на лондонском рынке. Они должны войти туда, кажется мне, только через широкие двери, а не тайно и так, как это, к величайшему несчастью, уже делалось.

Тысяча извинений за то, что я вам обо всем этом пишу, но я полагаю, что мне нельзя воздержаться от сообщения вам того, что я вижу.

Тысяча выражений искренней дружбы. Бенкендорф.

№ 59. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 534[1]. 22/9 марта 1914 г.

Телеграмма № 76 [2] получена.

Крупенский телеграфирует:

„Поверенный Бадмаева телеграфировал сюда, что последний получил концессию на железную дорогу от Манчжурии до Урги“.

Благоволите запросить монгольское правительство, справедливо ли это известие, объяснив вместе с тем, что если такая концессия действительно была выдана, то она не может быть осуществлена за невозможностью найти нужные капиталы. Если же с концессией связаны какие-либо монопольные права, то она противоречит 5 статье Ургинского протокола [3], и осуществление этих прав не будет нами допущено. Поэтому мы не утвердим концессии Бадмаева, и она не имеет юридической силы.

Действуя таким образом, мы имеем в виду благо Монголии, обязанной нам своим государственным бытием, ибо видим, что монгольское правительство вовлекается в невыгодные сделки международными авантюристами и готово продать свои истинные интересы за возможность немедленно получить деньги, которые будут истрачены без пользы для страны [4].

Сазонов.

№ 60. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 163[5]. 22/9 марта 1914 г.

Копия в Париж [6].

В доверительной беседе французский посол сообщил мне, будто бы французское правительство обратило наше внимание на несвоевременность наших настояний о немедленном допущении нашего представителя в Совет оттоманского долга. Оно подало, будто бы,

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше стр. 56, прим. 2.

[3] Имеется в виду протокол, подписанный представителями росс. и монг. прав-в в Урге 3 ноября/21 октября 1912 года. Опубл. в Собр. узаконений и распоряжений правительства [2 января] 19 декабря 1912 г. № 255, отдел 1.

[4] Тел. от 24/11 марта за № 79 Миллер ответил: „Сайн-Ноин заверил меня, что никакой концессии на железную дорогу от Манчжурии до Урги ни Бадмаеву, ни кому-либо другому не было выдано и не может быть выдано без ведома и согласия императорского правительства [и] (просит) навести справку об этом“.

[5] У Stieve, IV, S. 76, № 1300, опубл. копия этой тел., посланная в Париж.

[6] У Stieve: „ich drahte nach Petersburg“.

совет удовлетвориться получением обязательства от Порты[1] с целью потребовать его исполнения, лишь когда нам удастся непосредственно заручиться предварительным согласием остальных держав. Не сомневаюсь, что если мы ныне не добьемся допущения, то впоследствии встретим к тому еще больше затруднений. Поэтому полагаю, что нам необходимо приложить все старание к достижению ныне же этой цели. Содействие Франции необходимо, так как главным образом ей придется принести жертву в видах облегчения нашей задачи. В противном случае Германия предъявит Порте требования, не соответствующие получаемой нами пользе и могущие нанести крупный ущерб нашим интересам. Поэтому я считал бы крайне желательным окончательно выяснить намерения Франции еще до начала переговоров Порты с Берлином, дабы знать, на какие французские уступки Порта могла бы в случае крайности опереться.

Гирс.

№ 61. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 24. 22/9 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из секретного источника мне сообщают данные о действиях греков на о. Митилене и по малоазиатскому побережью. Считаю долгом оговорить, что данные эти подлежат однако проверке.

Согласно донесению смирнского вали, за последнее время на о. Митилену было отправлено из Греции несколько отрядов регулярного войска и большое количество орудий крупного калибра и военных припасов. Некоторые стратегические пункты острова, расположенные против малоазиатского берега, укрепляются, и на них сооружаются форты. В то же время греческие миноносцы по ночам крейсируют вдоль малоазиатского побережья от Смирнского залива до входа в Дарданеллы. Вали обращает внимание оттоманского правительства на такие действия Греции, противоречащие данным как ею, так и Европою обещаниям, и указывает, что приготовления Греции к войне, производимые совершенно открыто, могут вызвать сильное возбуждение среди мусульманского населения Смирнского вилаета.

В опасениях вали отражаются, по всем вероятиям, взгляды

---

[1] У Stieve: „man solle sich einer positiven Verpflichtung seitens der Pforte versichern“.

местных мусульман, настроение коих без того уже сильно приподнято под влиянием рассказов мухаджиров о пережитых ими бедствиях и вследствие бесспорно упорно ведущейся пропаганды агентов комитета „Единения и Прогресса", призывающих мусульман к бойкоту всего греческого.

Примите и пр.

Гирс.

№ 62. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 100. 22/9 марта 1914 г.

Продолжение телеграммы № 96[1].

В разговоре с Восугом, настаивавшим, чтобы узнать наши desiderata касательно бригады, я заявил, что ввиду предполагаемого увеличения численности жандармерии до девяти тысяч, мы будем требовать доведения бригады, по крайней мере, до шести при соответственном числе офицеров. Восуг возразил, что совет министров наверно воспротивится такому увеличению прежде всего по бюджетным соображениям, и возобновил настояние о сохранении жандармов на севере, хотя бы в некоторых местах для охраны путей. Он также повторил просьбу о реорганизации бригады и определении заблаговременно пунктов расположения отдельных отрядов. Полагая, что все эти детали могли бы быть выработаны по сношении командира бригады с нашим военным министерством, прошу предупредить последнее, ибо убежден, что выгоднее самим выступить с компромиссным предложением, чем позволять персам придумывать ограничительные условия. Вадбольский в случае запроса готов представить соображения[2].

Коростовец.

---

[1] Тел. от 19/6 марта за № 96 Коростовец сообщал о том, что начальник жандармерии полковник Яльмарсен передал ему „проект дальнейшего развертывания кадров жандармерии и увеличения бюджета ее" с просьбой „о поддержке его ходатайства перед шахским правительством". „Не найдя возможным устранить от обсуждения с шахскими министрами проекта и ходатайства Яльмарсена, переданных им одновременно и английскому посланнику,—сообщал Коростовец,—переговорил с Восугом, указав ему категорически на необходимость одновременного урегулирования вопроса о казачьей бригаде".

[2] В письме на имя Коростовца от 1 апреля/19 марта за № 184 начальник персидской казачьей бригады кн. Вадбольский сообщал, что в настоящее время Персии „необходимы достаточной силы гарнизоны в административных центрах.. Значение шведов, рассеявших жандармов в сфере русского влияния, все усиливается и усиливается". Вадбольский высказывает предположение, что шведское прав-во имеет в виду „ослабить русское влияние в Персии, в чем может ожидать

№ 63. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 102. 22/9 марта 1914 г.

Благоволите передать Подгурскому:

„Ввиду заявления мною шахскому правительству об ускорении выдачи урмийской концессии и необходимости вести дело энергичным образом, ваше личное присутствие и поддержка были бы нелишними.

Без крупного куртажа дело, повидимому, не обойдется".

Коростовец.

№ 64. Министр иностранных дел послу в Вашингтоне Бахметеву.

Телеграмма № 538. 23/10 марта 1914 г.

Réfère № 12[1].

Благоволите телеграфировать Штейну:

Так как главною нашей целью является недопущение продажи строящихся аргентинских броненосцев в другие руки, вам поручается по возможности получить заверение аргентинского правительства, что в случае возобновления переговоров об уступке этих судов, первенство останется за нами. При этом никаких упоминаний о цене делать не следует, дабы при перемене обстоятельств можно было купить суда дешевле заявленной ныне цены[2].

Сазонов.

помощи не только от Германии и Австро-Венгрии, но и от опасливого друга России—Англии". Персидская армия должна, по мнению Вадбольского, обеспечивать благоприятный для России нейтралитет Персии и обезопасить тыл кавказской армии. Он предлагает далее территориально разграничить сферы деятельности русских офицеров и шведских инструкторов: „нам—наша сфера влияния и во всяком случае Урмийский округ, Азербайджанская провинция, Курдистан, Керманшахский, Хамаданский округа, Гилянская провинция, Хоросанская провинция до линии Шахруд—Мешед—Феримун — Кяриз, Мазандеранский, Астрабадский, Казвинский, Тегеранский округа; шведам—весь остальной юг" (Клемм подчеркнул слово „остальной" и поставил на полях знак вопроса). Препровождая письмо Вадбольского, Коростовец в письме на имя Нератова от 8 апреля/26 марта за № 591 указывал, что на выставляемые росс. прав-вом требования перс. прав-во не согласится иначе, как при условии реорганизации бригады и, в частности, подчинения ему русских инструкторов. (На полях против последних замечаний поставлено рукою Клемма *NB*) На письме надпись: „Полагал бы это письмо не посылать государю. В. Клемм".

[1] См. выше № 11.

[2] Текст тел. повторяет содержание первой части письма мор. м-ра Сазонову от 21/8 марта за № 1098/190.

№ 65. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 541[1]. 23/10 марта 1914 г.

Личная.

Телеграмма № 95[2] получена.

В словах Восуг-эд-Доуле несколько просвечивает всегдашнее стремление персов пользоваться разногласиями между русской и английской миссиями.

Считаю нужным привлечь на это ваше внимание, так как этот излюбленный персидский прием может легко привести к трениям между вами и Тоунлеем.

Сазонов.

№ 66. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 81[3]. 23/10 марта 1914 г.

Копия в Лондон и Константинополь.

Думерг только-что сообщил мне, что французскому послу в Константинополе поручено сговориться со своими русским и английским коллегами по вопросу об инспекторах для Армении. При этом, ввиду высказанного нами желания и во внимание к нашим специальным интересам, Бомпару предписано поддержать выбранных нами кандидатов.

Извольский.

№ 67. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

⅟. Депеша № 10. 23/10 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

С установлением после двух балканских войн общей сербо-черногорской границы естественным образом стал на очередь вопрос о дальнейших взаимных отношениях двух родственных сербских племен, из которых одно является достаточно многочисленным и культурным, притом победоносным в только-что завершившейся борьбе балканских народов, а другое малочисленно, бедно культурою и еще беднее экономическими ресурсами.

При этих условиях наиболее на первый взгляд естественным

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 49.

[3] У Stieve, IV, S. 77, № 1301, опубл. копия этой тел., посланная в Константинополь.

представляется слияние обоих этих государств в одну политическую единицу.

Такое мнение уже и было не раз высказываемо как в политической печати, так и в некоторых политических кругах у нас и за границею, не исключая и самих заинтересованных в разрешении вопроса сербских государств.

Однако как очерченная мною в ряде донесений политическая обстановка на месте, так и, в особенности, положение, занятое двумя наиболее заинтересованными соседними государствами—Австриею и Италиею, как известно императорскому министерству, хотя и допускающими возможность и даже естественную неизбежность подобного разрешения вопроса в будущем, но серьезно опасающимися последствий такого слияния, если бы оно совершилось ныне же, пока обе эти державы не успели принять мер к ограждению своих весьма серьезных интересов,—показывают, что наиболее целесообразным выходом является хотя бы временное поддержание Черногории в качестве самостоятельной политической единицы под традиционным покровительством России.

К такому разрешению вопроса, как известно, и направлены усилия всех держав вообще, занятых ныне устройством 40-миллионного займа для упорядочения черногорских финансов, так и, в особенности, императорского правительства, обсуждающего новые условия, на которых могла бы быть восстановлена столь жизненно необходимая для Черногории военная помощь со стороны России.

Что в таком именно направлении желают видеть разрешенным вопрос о своей судьбе и король Николай и народная скупщина,—свидетельствуют недавняя тронная речь короля при открытии народного собрания и ответный адрес депутатов, указывающие на желание народа самостоятельно работать по устроению государства в братском единении с Сербиею и под защитою своей вековой покровительницы—России.

С своей стороны считаю долгом засвидетельствовать, что к такому положению сводятся и отзывы всех здешних представителей держав, опасающихся серьезных осложнений в случае, если бы вопрос о судьбах Черногории получил другое направление.

В предыдущих донесениях я уже имел случай сообщать [1], что

[1] В депеше от 23/10 февр. за № 5 Обнорский писал, что в ответ на его сообщение о принятом в Петербурге „решении продолжать русскую военную помощь и военно-инструкторскую деятельность в Черногории на новых основаниях“ черногорский король Николай заявил о своей полной готовности подчиниться всем условиям, какие могут „быть предложены Черногории со стороны России“.

черногорским правительством, с нетерпением ожидающим решения вопроса о восстановлении нашей военной помощи, выражена полная готовность принять все условия, какие императорскому правительству было бы угодно,—в случае благоприятного для страны оборота этого дела,— предъявить в видах ограждения русской великодержавной политики от случайностей неустойчивой политики черногорских правителей.

Примите и пр.

Н. Обнорский.

№ 68. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 11. 23/10 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В секретной телеграмме за № 16 [1] по поводу внезапного занятия многочисленным австрийским отрядом доминирующего над черногорскими позициями пункта Сенокос на северной границе Санджака я имел честь высказать мнение, что вся обстановка захвата, указывающая на заранее обдуманное намерение, подает мало надежды на очищение австрийцами этого важного стратегического пункта.

Австрийское военное ведомство, повидимому, давно рассчитывало занять в северном Санджаке доминирующую позицию на случай всегда возможных в будущем осложнений с Сербиею или Черногорией и привело этот план в исполнение теперь, в минуту полного затишья, являющуюся весьма благоприятной для всякого рода подобных авантюр.

Формально, впрочем, австрийцы основывают свой захват на невыясненности северной границы этой области еще в турецкие времена.

Черногорское правительство предъявило требование об очищении Сенокоса австрийскими войсками и назначении особой смешанной комиссии для установления границы. Определенного ответа на это требование до сих пор не последовало и, судя по ходу переговоров, которые с обеих сторон ведутся в весьма спокойном и умеренном тоне, все дело, надо полагать, сведется к вознаграждению Австриею нескольких пострадавших при столкновении черногорцев.

---

[1] См. т. I, стр. 515, прим. 1.

Инцидент этот, хотя и вопиющий по форме, не вызвал здесь ни особого озлобления, ни опасения новых захватов со стороны австрийцев, что можно объяснить сознаваемым черногорцами благоприятным отношением Австрии к их стране, поскольку она проявляет способность к самостоятельному политическому бытию без резко выраженных великосербских тенденций и преждевременного, с точки зрения Австрии, объединения с Сербиею [1].

Примите и пр.

Н. Обнорский.

№ 69. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Письмо [2]. 23/10 марта 1914 г.

Тотчас по окончании балканской войны императорское правительство поставило на очередь вопрос о том, в какой мере и при каких условиях представляется целесообразною дальнейшая выдача военной субсидии Черногории.

Запрошенный в свое время по сему предмету императорским министерством, я имел честь представить справки и соображения, сущность которых сводилась к нижеследующему.

За время военных действий как против турок под Скутари, так и против болгар в Брегальнице черногорское войско не оказалось на должной высоте и, помимо своей непригодности с точки зрения современных военно-технических требований, проявило непонимание задач деятельности наших офицеров-инструкторов, а равно и отсутствие истинной военной дисциплины. Как на глав-

---

[1] В депеше от 25/12 марта за № 15 Гартвиг сообщал, что „король Николай через своего посланника в Белграде обратился к сербскому правительству с просьбой о поддержке энергического протеста цетиньского правительства по поводу насильственного захвата боснийскими военными властями новой черногорской территории. На это Пашич ответил, что если Черногория защищает действительно правое дело, то протест ее и без вмешательства Сербии должен будет получить законное удовлетворение. В противном же случае, он советовал цетиньскому правительству принять все меры к полюбовному улажению возникшего инцидента во избежание более опасных для Черногории осложнений с соседней монархией". Депешей от 6 апр./24 марта за № 14 Обнорский сообщал, „что австрийцами выражено ныне согласие на предложенное черногорским правительством учреждение специальной смешанной комиссии". Австр.-венгр. посланник в Цетинье Отто дал понять Обнорскому, „что вопрос о Сенокосе считается его правительством предрешенным в смысле австрийской точки зрения".

[2] Лит. копия. Настоящее письмо написано Гирсом во время пребывания его в СПБ.

ную причину такого положения дела я указал тогда и указываю поныне на вмешательство короля Николая в порученное нашим офицерам дело, благодаря чему, как в этом пришлось убедиться, двухлетняя деятельность наших инструкторов практических и полезных результатов не дала.

Исходя из этих соображений и из других общеполитических, вашему высокопревосходительству известных из целого ряда моих донесений и телеграмм, я высказался в смысле желательности,—если будет признана необходимость для нас не отказываться от дальнейшего военного инструкторства в Черногории,—видоизменить таковое, предложив черногорцам обучаться за счет русской казны в наших военных учебных заведениях и при наших воинских частях. При этом я доносил императорскому министерству о необходимости считаться с новым политическим фактором, имеющим влиять на выбор того или другого решения по этому вопросу, а именно с возникшим стихийным стремлением черногорцев к скорейшему соединению с сербами королевства.

Прибыв в настоящее время в Петербург и ознакомившись с новейшим фазисом этого дела, я усмотрел наличность новых решающих данных, а именно: высочайше одобренных предположений вашего высокопревосходительства относительно продолжения оказывания военной помощи Черногории и необходимости изменить положение наших инструкторов в видах придания должной самостоятельности и независимости их действиям.

Эти руководящие начала положены в основу переговоров, которые императорское министерство ведет в настоящее время с военным ведомством на предмет осуществления поставленной им задачи. Так как окончательного решения еще не принято, и я располагаю некоторыми данными, могущими послужить императорскому министерству материалом по этому делу, почитаю долгом представить их на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Близко зная настроения короля Николая, его отрицательное отношение к русским военным инструкторам и домогательство получения лишь денежной и материальной помощи, я склонен думать, что без обеспечения абсолютного невмешательства его в дело обучения и снаряжения его войска наши новые инструктора, сколько бы их ни послали, едва ли достигнут лучших результатов. Равным образом под каким бы усиленным контролем ни находились денежные суммы, передаваемые нами в кассу черногорского воен-

ного министерства, уклонение некоторых из них, по распоряжению короля, от прямого назначения, предотвратить едва ли возможно.

Практически добиться от короля Николая отречения от всякого вмешательства в дело обучения и снаряжения черногорского войска представится делом трудно осуществимым, если не будет видоизменена вся обстановка оказания нами военной помощи Черногории, и это тем более, что едва ли можно рассчитывать на то, что король неуклонно будет держаться выраженного им намерения ныне беспрекословно подчиняться вообще высочайшей государя императора воле и указаниям императорского правительства в каждом отдельном случае. Между тем без обеспечения за собою невмешательства короля в дело оказания нами военной помощи на новых основаниях как труды наших офицеров-инструкторов, так и все заботы наши о снабжении черногорской армии всем необходимым и постановке ее на должную высоту могут быть обречены на неуспех.

Предварительно изложения схемы намечаемого мною порядка оказания Черногории военной помощи позволяю себе высказать нижеследующие принципиальные соображения.

Можно считать установленным, что приглашение Черногорией сербских инструкторов исключено по политическим и финансовым причинам, что король Николай не решится просить таковых у Австрии и что последняя сама уклонится от выступления в этом деле, зная, что население Черногории не пожелает иметь в своей армии австрийских офицеров и что Италия также с этим не примирится. Ввиду этого при решении данного вопроса мы занимаем господствующее положение.

Поскольку мне позволяют судить мои наблюдения за бывшею и будущею ролью Черногории в связи с событиями истекшего года, нам предстоят, как смею думать, две военно-политические задачи:

1) Выяснить значение черногорской армии с точки зрения наших общеевропейских стратегических требований. Вопрос этот всецело входит в компетенцию нашего военного ведомства.

2) Не мешать процессу уже под Скутари начавшегося братания черногорских и сербских войск, а с этим и ходу стихийного объединения двух сербских народов при непременном однако условии не только не торопить событий, но и удерживать и черногорцев и сербов от слишком поспешных и решительных действий.

При сочетании этих двух задач и исходя из установленной как военным ведомством, так и императорским министерством

оценки тех неблагоприятных условий, при которых нам доселе приходилось и несомненно придется обучать, оборудовать и содержать черногорскую армию, я полагал бы наиболее сообразным с указаниями опыта придерживаться в оказании нами Черногории военной помощи основных положений, которые вкратце и общих чертах сводились бы к нижеследующему:

1) Ныне же командировать в Россию известное число черногорских офицеров, из лучших, по строгому выбору и с одобрения нашего военного агента, для подготовки их к инструкторской деятельности у себя дома; прикомандировать их к нашим военным частям и к военным учебным заведениям.

Наших унтер-офицеров вовсе не командировать. Пребывание их в рядах черногорской милиционной армии, доселе не усвоившей истинных понятий воинской дисциплины и весьма склонной к политиканству, может неблагоприятно отозваться на самих инструкторах.

Через два-три года обучавшиеся у нас офицеры легче всяких других иностранных инструкторов справятся с задачей упорядочения службы черногорского войска и автоматически составят кадр собственных инструкторов. Этим способом будут обойдены разнородные трудности и препятствия, связанные с организацией в большом масштабе инструкторства русскими офицерами.

За это переходное время свести численность черногорского войска до минимального мирного состава. Это будет громадным облегчением для истощенного двумя войнами населения страны и отнимет у нее всякий повод увлекаться политикой воинских приключений, к которой черногорское правительство, в лице его господаря и окружающих его лиц, проявляет при всяком удобном случае известную склонность; а это представляется для нас особенно важным в такую смутную пору, когда Албания, только-что созданная, не приняла еще определенного государственного облика.

2) Материальную помощь отпускать не деньгами, а исключительно натурой, пополняя запасы воинского снаряжения постепенно, не по требованиям черногорского правительства, а по исчислениям нашего военного агента и под его контролем.

3) Кадетского корпуса пока не открывать; но, если бы это было признано делом неотложным, поставить его под руководство и надзор особого училищного совета, состоящего под председательством нашего военного агента, под наблюдением которого дело управления корпусом и обучения кадет могло бы быть временно возложено на черногорских офицеров из числа обучавшихся в Рос-

сии, или на всяких других по предложению и выбору училищного совета корпуса.

Представляемые на благоусмотрение вашего высокопревосходительства положения вытекают из личных наблюдений моих над результатами деятельности наших офицеров-инструкторов в Черногории, над тою обстановкою, при которой им приходилось работать и над степенью усвояемости черногорцами преподаваемых им наставлений чинами чужестранной армии. На случай, если бы императорское министерство не признало возможным осуществлять оказание военной помощи Черногории на вышеприведенных основаниях, а военное ведомство со своей стороны предъявило бы технические или иные возражения—позволяю себе высказать, что, по крайнему моему разумению, остается лишь один путь для достижения цели, преследуемой нами выдачею Черногории военной субсидии: передача управления черногорским военным министерством в русские руки. Пример Болгарии доказывает, что таким путем могут быть достигнуты блестящие результаты, и я не сомневаюсь, что поставленный нами в Черногорию русский офицер в качестве военного министра, при небольшом числе необходимых для него помощников, являясь хозяином всего дела, поставит черногорскую армию на надлежащую высоту.

Гирс.

№ 70. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 166. 23/10 марта 1914 г.

Срочная.

№ 597 [1] получен. Прошу срочных указаний.

Германский посол посетил меня сегодня утром, чтобы сообщить, что его правительство настаивает на включении швейцарцев в список кандидатов. Я ответил Вангенгейму, что переговоры о кандидатурах ведутся между правительствами непосредственно, а не через послов в Константинополе, о чем он и донесет в Берлин. Вслед затем днем, на дипломатическом приеме, великий визирь обратился ко мне с спешною просьбою просить императорское правительство не включать в список кандидатов управителей Конго, так как общественное мнение в Турции будет, будто бы, обижено тем, что великие державы сравнивают оттоманских подданных с

[1] В лит. копии ошибка: имеется в виду, очевидно, № 497. См. выше № 29.

неграми[1]. Я возразил великому визирю, что его просьба меня удивляет, тем более что Порта всегда имеет возможность из четырех кандидатов остановить свой выбор не на бывшем губернаторе Конго. Великий визирь однако доказывал, что будто бы один факт включения такого кандидата обидно[2] для Турции, тем более что Порта нисколько не возражает против бельгийцев вообще, но исключительно против губернатора Конго. Я склонен думать, что щепетильность Порты навеяна ей Германией, имеющей, вероятно, своего швейцарца, которого она желает провести. Думаю, что при этих условиях трудно настаивать на оставлении в списке Генри, но было бы желательно немедленно заменить его другим бельгийцем или голландцем, исключив всякую швейцарскую кандидатуру. Весьма желательно принять в этом вопросе возможно быстрое решение, дабы избежать всякой дальнейшей инициативы Германии в этом деле[3].

Гирс.

№ 71. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

//. Депеша № 25. 23/10 марта 1914 г

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тревожные известия, усиленно распространяемые западно-европейскою прессою, побуждают комитет партии „Единение и Прогресс", наряду со сложною работою, предстоящею ему в области внутренних реформ в Турции, заниматься также и внешнею политикою в надежде извлечь пользу из могущих возникнуть между европейскими государствами осложнений.

В заседании комитета, имевшем место [14] 1 сего марта, как мне сообщают из секретного источника, председатель его, Мидхат-Шукри, сообщил содержание полученного Талаат-беем письма от оттоманского посла в Берлине.

---

[1] Тел. от 18/5 марта за № 19 Крупенский со слов итал. м-ра ин. дел также сообщал, „что Порта относится отрицательно к бельгийцам,... усматривая в выборе их как бы умаление ее достоинства и приравнение Турецкой империи к провинции Конго". На документе имеется помета Николая II: „Глупо". „Царское Село [19] 6 марта 1914 г."

[2] Так в подлиннике.

[3] Ссылаясь на эту тел., Гирс тел. от 23/10 марта за № 168 сообщал: „английский и французский послы получили разрешение принять наш список кандидатов в генеральные инспектора. Итальянский посол уполномочен принять его „si omnes". Австрийскому послу лишь передан из Вены наш список с предупреждением, что венский кабинет запрашивает мнение Берлина",

Махмуд-Мухтар-паша указывает, что предположенное Россиею увеличение численности ее войска происходит по настоянию Франции. С 1870 года и почти до настоящего времени в Германии относились скептически к военным приготовлениям последней, полагая, что в силу деморализации, охватившей все слои французского общества, Франция не в состоянии создать сколько-нибудь сильную армию.

Ныне однако на основании добытых различными путями данных Германия изменила свое мнение и пришла к заключению, что пробиться через восточную границу Франции, крайне сильно защищенную, было бы весьма трудно, а быть может, и совершенно невозможно и что во всяком случае пришлось бы изменить прежнюю немецкую тактику атаки большими массами.

По сведениям главного германского генерального штаба, в случае войны французы перейдут немедленно в наступление. Немцы будут держаться скорее оборонительной тактики, стараясь отвлечь возможно большее число французских войск и нанести им урон. Вместе с тем они прибегнут к наступлению на Францию, если окажется возможным, со стороны Бельгии и, главным образом, на Россию; против последней они будут действовать совместно с Австро-Венгриею. Что касается Италии, то она будет поддерживать своими войсками Австрию.

Особенно тревожит немцев действие неприятельского флота. По сведениям германского генерального штаба, большая часть английского флота, поддерживаемая частью французского, будет пытаться уничтожить германский флот. В то же время остальная часть французского флота и сильная английская эскадра будут сдерживать итальянский флот и блокировать порты Италии и Адриатического моря, через которые только и будут в состоянии получать продовольствие армии Тройственного союза.

К этим опасениям Германии присоединилось ныне увеличение численности русской армии и совпавшее с ним воинственное настроение Франции. В Берлине полагают, что если принять в соображение, что в силу нового соглашения между державами Тройственного согласия, всякий обмен мыслей между ними по политическим вопросам должен завершаться и получать свое разрешение в Лондоне, станет ясно, что между этими державами был выработан новый план действий. Увеличение численности русской армии именно со стороны Германии имеет целью заставить последнюю в свою очередь увеличить число своих войск на русской границе, в ущерб границе французской. Это увеличение должно быть тем

значительнее, что последние вооружения России и ее энергия в этом отношении доказывают, что в военных сферах вполне уверены в настроении армии, а в правящих кругах считают внутреннее положение России вне опасности.

Принимая во внимание все эти соображения, а также экономическое и финансовое положение Германии и роль, которую в ней играют социалисты, германское правительство решило сделать все, чтобы избежать войны и, по крайней мере, выиграть время.

Решено прежде всего постараться сблизиться с Англией и убедить ее сохранить нейтралитет в случае войны. С этой целью Германия постарается доказать Англии, что усиление России, преследующей одинаковые с нею цели, является опасностью как для нее, так и для ее азиатских владений. В случае неуспеха в этом направлении Германия попытается вызвать новую войну на Балканском полуострове. В этих видах она всячески подталкивает и поощряет через посредство Австро-Венгрии Болгарию, между тем как сама она покровительствует Греции, почему она и поддержала последнюю в вопросе об островах.

Наряду с этим Германия старается убедить Швецию, что в случае России в предстоящей войне [1], Швеция погибнет. Поэтому в ее прямых интересах действовать заодно с Германиею. Наконец, в Берлине решено расширить сферу германского влияния в Марокко и попытаться приобрести симпатии Египта.

Это письмо Махмуд-Мухтара-паши произвело сильное впечатление на членов комитета, и для его обсуждения было собрано [19] 6 сего марта чрезвычайное заседание.

Мидхат-Шукри сообщил, что в дополнительном донесении оттоманский посол в Берлине указывает на недовольство германского правительства поведением Турции за последнее время. В Берлине жалуются, что, несмотря на свыше тридцатилетнюю дружбу Германии с Турцией, последняя в целях заключения займа предоставляет Франции различные концессии и преимущества и производит там свои военные заказы, между тем как различные требования Германии и данные ей обещания не исполняются.

В качестве своего личного мнения Махмуд-Мухтар-паша, указывая на поведение Германии во время переговоров между Франциею и Турциею о займе и благоприятное для Турции отношение ее в вопросе об армянских реформах, а также подчеркивая все, что сделала Германия для Турции, полагает, что последняя не

[1] Так в подлиннике.

только не должна отворачиваться от Германии, но должна особенно благоприятно относиться к Тройственному союзу, предводительствуемому Германиею.

Донесения Махмуд-Мухтара-паши и высказанные в них соображения послужили предметом оживленного обмена мнений между членами комитета.

Один из них, доктор Назим, подверг мнение посла строгой критике. Касаясь вопроса об отношении Германии к Турции, он высказал, что Германия всегда старалась эксплоатировать Турцию в тяжелые для последней минуты. Полагая, что Англия желает его низложения, султан Абдул-Гамид отдался всей душою Германии. С этого времени надо считать начало всех несчастий Турции, потерявшей симпатии Франции и Англии—двух держав, всегда ей покровительствовавших и даже защищавших ее с оружием в руках. Получив от Турции все возможные выгоды, Германия не поддержала ее однако ни в вопросе о реформах в Македонии, ни в критском вопросе. Во время последней войны Германия категорически заверила Турцию, что каков бы ни был результат войны, территориальная неприкосновенность Оттоманской империи будет сохранена. В вопросе об островах Германия поддерживала Грецию. Наконец, в финансовых вопросах Германия непрестанно вредила интересам Турции.

В противоположность всем другим державам, эксплоатирующим полученные ими концессии и повсюду способствующим развитию и обогащению страны, где они работают, и ее жителей, Германия заботится только о своей выгоде в ущерб интересам турецких жителей.

Ввиду этого, по мнению доктора Назима, в случае европейской войны, Турция ни в коем случае не должна поддерживать Германию.

Доктору Назиму ответил Мидхат-Шукри. Подчеркнув особенно сильное неприязненное отношение доктора Назима к Германии, оратор заявил, что он вполне разделяет мнение его о том, что в случае европейской войны Турция никоим образом не должна играть активной роли. Наоборот, она всячески должна стараться не раздражать Францию и особенно Россию, при условии хороших отношений с которой Турция может рассчитывать сохранить свои азиатские провинции. Ни оттоманское правительство, ни в частности военный министр не думают о каких бы то ни было враждебных действиях против Греции, и все усилия их направлены к созданию армии, могущей в случае надобности защищать страну.

Вышеприведенные мнения членов комитета правящей партии

представляются мне небезынтересными, как показатель постепенно меняющегося среди турок отношения к Германии и взглядов их на помощь, которую они могут впредь ожидать от последней.

Примите и пр.

Гирс.

№ 72. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 26[1]. 23/10 марта 1914 г.

Состоявшееся недавно массовое увольнение от службы офицеров армии и флота, хотя и происшедшее с ведома комитета „Единение и Прогресс", тем не менее побудило его заняться вопросом о положении дел в военном и морском министерствах. С этою целью председателю комитета Мидхату-Шукри было поручено переговорить с обоими министрами и сделать затем доклад комитету о предстоящих преобразованиях в армии и флоте.

Доклад Мидхата-Шукри сводится к следующему.

Первою работою Энвера-паши при принятии им портфеля военного министра было очистить армию в смысле увольнения тех офицеров, которые занимались политикой и преданность коих младотурецкой партии могла подлежать сомнению. Затем Энвер-паша обратил особое внимание на воспитание армии. С этой целью он издал циркуляр, предписывающий командирам отдельных частей обратить особое внимание на обучение солдат и внушение им понятий долга, дисциплины и любви к отечеству.

Меры эти уже дали свои результаты, и некоторые части оттоманской армии, как, например, расположенные в столице 1-я, 2-я и 3-я дивизии и, особенно, Адрианопольский корпус благодаря энергии и способностям командира его Хассана-Ризы-паши, могут считаться образцовыми.

Вопрос о пополнении вакансий, открывшихся по увольнении в отставку более тысячи высших и низших офицеров, был разрешен сравнительно легко по отношению к высшим офицерам, число коих все же оказалось более чем достаточным. Что касается низших офицеров, то для пополнения их рядов Энвер-паша принял на службу всех окончивших упраздненную ныне школу „Ихтиат".

Особенно озабочивают военного министра недочеты в материальной части армии, недостаток лошадей и отсутствие хороших дорог.

[1] Лит. копия.

С этой целью им внесена в бюджет 1330 г. (с [14] 1 марта 1914 года) сумма, необходимая для начатия постройки путей, могущих облегчить перевозку войск и производство мобилизации. Равным образом при военном министерстве работает комиссия, состоящая из офицеров генерального штаба и инженеров и составляющая планы новых стратегических путей.

Вопрос о численности армии в мирное время не мог еще быть разрешен Энвер-пашою, точно так же как и вопрос о службе немусульман, о которых он отзывается самым лучшим образом на основании опыта минувшей войны. Но большинство офицеров генерального штаба придерживаются мнения Иззета-паши, стремившегося к совершенному исключению из военной службы не-мусульман.

Несмотря однако на все усилия и при всех благоприятных условиях, по мнению военного министра, оттоманская армия не ранее как через пять лет станет вполне организованной и могущей соперничать с европейскими.

Что касается флота, то и в нем замечается значительный прогресс благодаря деятельности английских инструкторов. Особенное внимание правительства обращено на приобретение крупных морских единиц, и в настоящее время, как известно, Турция имеет два дредноута. Кроме того, решено приобрести достаточное количество миноносцев и контр-миноносцев. С этой целью были командированы в Европу офицеры для посещения различных верфей. По их донесениям, в случае заказа Турциею миноносцев, последние не могут быть готовы ранее, чем через 14 месяцев. Те же офицеры обращают внимание морского министерства, что в Европе особенное значение в настоящее время придается подводным лодкам. Лучшими из последних офицеры признают лодки французской системы Лобеф, обладающие скоростью в 15 узлов на поверхности воды и в 9—10 узлов под водою.

Помимо этого, морское министерство озабочено приобретением одного или двух крейсеров, которые оно рассчитывает или приобрести уже готовыми в Италии или заказать.

Из имеющихся ныне у Турции 20 миноносцев лишь 8 находятся в исправном виде. Тем не менее правительство делает все возможное, чтобы осуществить намеченную программу преобразования флота в течение двух лет, и только тогда Турция будет в состоянии занять подобающее ей место в Эгейском море.

В общем данные этого доклада совпадают со сведениями, сообщенными мне нашими военным и морским агентами.

В частности, что касается флота, то состоявшееся недавно назначение на пост морского министра Джемаля-паши, человека весьма энергичного, даст, несомненно, толчок к его усовершенствованию, поскольку на то хватит денежных средств и наличного состава.

Что касается до заказа подводных лодок во Франции, таковое[1] не считается невозможным, хотя по контракту Турция обязана строить суда на заводе Армстронга. Однако французы, рассчитывая на расположение Джемаля-паши, допускают возможность, что он найдет способ обойти контракт и сделать заказ во Франции.

М. Гирс.

№ 73. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 103. 23/10 марта 1914 г.

Получил телеграмму № 484[2].

Морнар обещал сообщить свои пожелания и выразил готовность работать совместно с Учетно-Ссудным банком на намечаемых нами условиях. Я предложил ему обсудить условия непосредственно с Видеманом и лишь в случае полного разногласия обращаться в миссию. Полагаю выждать несколько дней и, если Морнар будет затягивать, поставить вопрос ребром.

Коростовец.

№ 74. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 134. 23/10 марта 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 69[3].

Ко мне явился с письмом от генерала Хорвата г. Спицын и объяснил факт заключения им, с одобрения генерала, контракта с цайлунцзянским дуду без предупреждения о том Петербурга и императорской миссии, необходимостью спешить, чтобы не пропустить благоприятного момента. Вместе с тем Спицын категорически отрицает, чтобы он принимал участие в переговорах китайцев с баргутами или даже был осведомлен о них и обещает

---

[1] Так в подлиннике.

[2] См. выше № 12.

[3] В тел. Крупенского от 25/12 февраля за № 69 излагалась тел. на его имя управляющего К. В. ж. д. ген. Хорвата, в которой, между прочим, сообщалось, что „ни о какой политической интриге со стороны Спицына, в особенности клонящейся ко вреду русских интересов, не может быть и речи“.

не предпринимать никаких политических выступлений без указаний миссии. Ввиду этого считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, что при таких условиях я со своей стороны не встречаю препятствий по существу к сохранению за Спицыным поста советника при хэйлунцзянском губернаторе и полагаю даже, что он может быть полезным как осведомительный орган, а также главным образом ...[1] способствованию улажения на месте в благоприятном для наших интересов смысле многочисленных вопросов, возникающих между нашей железной дорогой и китайскими властями. Желательно только, чтобы Спицын был снабжен точной инструкцией касательно его будущей деятельности, в которой между прочим было бы категорически указано о необходимости ему постоянно давать отчет о своих действиях императорской миссии и осведомлять о них подлежащих наших консулов.

Крупенский.

№ 75. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 77. 23/10 марта 1914 г.

Сегодня начал переговоры с монгольским правительством о новой трехмиллионной ссуде. Монголы просят ссудить им эти деньги на условиях прежней ссуды, но не частями, а выдачей всей суммы сразу. Сайн-Ноин просит ускорить приезд Козина, отсутствие которого до сего времени толкуется в невыгодном для нас духе[2]. По мере развития переговоров о ссуде и о дальнейшей деятельности наших инструкторов буду настаивать на подписании железнодорожного и телеграфного соглашений.

Миллер.

№ 76. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 553[3]. 24/11 марта 1914 г.

Телеграмма № 100 получена[4].

Советник персидской миссии высказал, выдавая за свою личную мысль, что, ввиду непопулярности казачьей бригады, для персид-

[1] Пропуск в подлиннике.

[2] Сообщение о просьбе Сайн-Ноина содержится также в тел. Миллера от 24/11 марта за № 80. „Ввиду царящего здесь со времени возвращения Сайн-Ноина антирусского настроения я... рекомендую Козину возможно скорее приехать в Ургу", добавляет от себя Миллер. То же повторено и в тел. Миллера от 1 апр./19 марта за № 97.

[3] Лит. копия.

[4] См. выше № 62.

ского правительства было бы, может быть, более приемлемо предложение организовать для Северной Персии особый корпус жандармерии под начальством русских офицеров, при условии, что этот корпус был бы поставлен в одинаковые условия с ныне существующим в смысле подчинения правительству и т. д.

Благоволите, не входя ни в какие переговоры по этому поводу с персами, сообщить ваше заключение[1].

Со своей стороны не видели бы особых препятствий к таковой постановке вопроса, но необходимы предварительные сношения с военным ведомством[2].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 31/18 марта за № 115 Коростовец ответил: „Реорганизация бригады является единственным способом сохранить ее дальнейшее существование и развитие в намеченном нами направлении. По моему убеждению, при реорганизации следует взять основные начала шведской жандармерии..." Реорганизацию казачьей бригады Коростовец представлял в виде „превращения ее в жандармерию под руководством русских инструкторов".

[2] В секретном письме от 28/15 марта за № 220 на имя В. А. Сухомлинова Сазонов, присоединяясь к точке зрения военного министра, высказался „за противодействие приглашению в Персию военных инструкторов других государств, кроме России, и за сосредоточение в наших руках всего дела реорганизации персидской армии, причем нынешняя казачья бригада стала бы естественным, уже подготовленным кадром будущей регулярной армии". Далее Сазонов между прочим писал: „Первой мерой, которая должна быть принята нами в деле реорганизации бригады, должно быть непосредственное формальное подчинение командующего ею не русской власти, а персидской. Само собою разумеется, что дело идет тут не о существе, а лишь о форме; в действительности командующий будет попрежнему в полной зависимости от русского правительства и его органов и будет, как и раньше, исполнять даваемые ему предначертания во всех подробностях. Но в глазах персов его связь с шахским пр-вом и его подчинение органам персидской власти будет явственно подчеркнуто, самолюбие местного пр-ва и властей будет удовлетворено, и почва для прежних нападок уничтожена, чем и будет достигнута преследуемая цель безо всякого ущерба для дела. При этом наиболее естественным было бы непосредственное подчинение командира военной части местному военному министру, за что и считаю необходимым высказаться.

Затем, главное внимание должно было бы быть обращено на численность бригады, которая в настоящее время уже значительно уступает шведской жандармерии Последняя доведена до 6 000 человек при 36 шведских офицерах и 120 туземных причем надо полагать, что на этом увеличение ее не остановится. Конкурировать с такой силой можно будет только, неуклонно развивая бригаду в самом Тегеране и учреждая без замедления отделы ее в наиболее важных для нас провинциях Персии. В Азербайджане отдел бригады уже основан; необходимо, не теряя времени, настоять на том, чтобы были образованы дальнейшие отделы для главных провинций, входящих в нашу сферу влияния, а именно для Курдистана, Гиляна, Мазандерана и Хоросана. Чем скорее это будет сделано, тем лучше, так как это фактически отнимет почву у персов для всяких попыток распространить функцио-

№ 77. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 559. 24/11 марта 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Константинополе № 163[1] и на ваше письмо от [26] 13 февраля[2].

Французский посол до сих пор не касался в своих разговорах вопроса о делегате в Совет долга.

С своей стороны считаем весьма желательным предложение Францией какой-либо формулы, могущей служить основанием дальнейших переговоров.

Нератов.

№ 78. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо[3]. 24/11 марта 1914 г.

J'ai à rendre compte à votre excellence de l'incident qui a émotionné l'Angleterre ces derniers jours plus qu'aucun autre au cours de la crise de l'Ulster. Il s'est agi rien moins que du rôle de l'armée, de sa discipline et de sa mission.

Pour expliquer les choses, il me faut remonter à la séance de la Chambre des Communes de jeudi dernier, dont j'ai transmis les principaux discours par poste au ministère impérial.

Dès ce jour s'étaient répandus à Londres des bruits encore sourds sur des difficultés surgies en Irlande dans l'armée. La séance dont je parle s'en est évidemment ressentie. Des nouvelles avaient circulé comme quoi le gouvernement se préparait à quelque action d'énergie, signalée entre autre par l'arrestation de certains chefs du mouvement ulsterien et par des mesures militaires.

En ces conditions, la proposition subite de Mr. Bonar Law de soumettre la question de l'exclusion de l'Ulster à un referendum ne pouvait guère aboutir à un examen et une discussion suffisamment appro-

---

нирование жандармерии на Север, а кроме того, даст нам возможность отозвать, наконец, из Персии слишком уж долго засидевшиеся там наши войска; последняя мера желательна во всех отношениях, как с точки зрения нашей политики, так и с точки зрения интересов нашего военного ведомства. Нужно только иметь в виду, что при образовании новых отделов бригады и при увеличении ее численности в самом Тегеране следует снабдить ее русскими офицерами и урядниками в бо́льшем размере, чем это делалось до сих пор, так как, по свидетельству наших дипломатических представителей, число русских офицеров в бригаде в настоящее время безусловно недостаточно".

[1] См. выше № 60.

[2] См. т. I, № 335.

[3] Лит. копия.

fondis pour un résultat définitif. Mr. Asquith ayant demandé au chef de l'opposition s'il se tiendrait comme engagé pour le cas où ce referendum se prononcerait en faveur du projet ministériel, Mr. Bonar Law répondit dans l'affirmative. La même question adressée à Sir E. Carson ne provoque de la part de ce dernier qu'une sorte de fin de non recevoir, suivie d'un discours dont l'éloquence incontestable était évidemment inspirée par des doutes sur la bonne foi de l'attitude semi-conciliante adoptée par le Cabinet. Sans attendre la fin de la discussion, Sir E. Carson quitta ostensiblement la Chambre et s'embarqua pour l'Irlande.

Telle était la situation qui aurait présenté quelques chances sérieuses de solution finale, sans les bruits sur les intentions du gouvernement en Ulster même. Pourtant, le Cabinet avait clairement démenti le bruit concernant les arrestations.

Dès vendredi, à son arrivée à Belfast, Sir E. Carson avait lancé une proclamation destinée à calmer les esprits et leur inspirer prudence.

Mais, à peu près en même temps que parvenait à Londres cette nouvelle rassurante, y parvenait aussi l'étonnante nouvelle d'une démission de quelques généraux et une centaine d'officiers mis, disait-on, en présence d'un ultimatum du ministère de la guerre apporté par Sir Arthur Paget, le Commandant en chef en Irlande.

Malgré la portée infiniment plus grande de la question dans son ensemble, la discussion d'hier à la Chambre des Communes, dont je oins ci-près un résumé [1], a porté sur cet ultimatum.

Mr. Bonar Law, s'appuyant sur une source qu'il n'a pas nommée, prêta à Sir A. Paget un langage où il prévenait qu'on était à la veille d'opérations de guerre sérieuses et posait aux officiers le dilemme d'obéir aux ordres qu'ils recevraient en les prévenant des conséquences d'un refus. Mr. Bonar Law opina avec force que si Sir A. Paget avait agi en vertu d'instructions reçues jeudi à Londres même, ces instructions dénotaient de la part du Cabinet des intentions diametralement opposées à l'esprit de conciliation qu'il professait à la Chambre, et accusa les ministres, pour mieux dire une partie du ministère, de vouloir par une démarche aussi inopportune que provocatrice créer des troubles et des complications qui justifieraient dès aujourd'hui aux yeux du publique emploi de la force rien que pour se tirer d'affaire de l'impasse où le gouvernement s'était mis.

Mr. Asquith répondit par un récit de ce qui s'était passé. Il dit que dès le mois de décembre le commandant en chef en Irlande avait été

[1] В основном изложено в публ. документе.

prévenu de la possibilité de mesures militaires, qu'une large marge a été laissée à son initiative personnelle, que le tout se résumait en somme à un avertissement, que depuis rien de spécialement neuf ne s'était passé sauf pour un point, en réalité, secondaire. Il dit que dans plusieurs des comtés de l'Ulster étaient disséminés des entrepôts militaires d'armes, munitions et provisions de toutes sortes, dont la sécurité en présence de l'attitude militante d'une grande partie de la population de l'Ulster, était très insuffisamment garantie. Selon Mr. Asquith, l s'était agi de pourvoir à cette sécurité et rien d'autre; qu'une garde upplémentaire pour ces dépôts devait être prise dans une brigade tationnée à Curragh, commandée par le général-major Gough, celui-même dont la démission à cette occasion avait entraîné celle des autres officiers. Que le tout, par conséquent, reposait sur un malentendu-dissipé d'ailleurs, attendu que le général Gough et les officiers avaient déjà repris leurs fonctions.

Le colonel Seely, ministre de la guerre, déclara de son côté que jamais le général Paget n'avait reçu aucune instruction qui ressemble à celle dont Mr. Bonar Law avait entretenu la Chambre.

Au cours d'une séance dont le caractère orageux et houleux, où le lien entre les partis semblait dissout et qui contrastait étrangement avec la froide solennité de la séance de jeudi, aucun fait entraînant la responsabilité spéciale de tel ou tel ministre ou de tel ou tel général, spécialement celle de Sir A. Paget, n'a pu être élucidé. Le gouvernement a nié les instructions que l'opposition lui avait prêtées, mais il n'a pas divulgué celles qui en réalité ont dû être données, soit verbalement, soit par écrit, à Sir A. Paget. Rien de ce que celui-ci a dit en réalité n'a été mis au jour et surtout le ministère n'a rien trouvé à répondre au reproche que lui adressa Mr. Balfour dans un de ses meilleurs discours d'une politique à double face où Mr. Asquith en toute bonne foi personnelle penche vers la conciliation, tandis que le lendemain même deux de ses collègues font en province des discours d'une violence toute spéciale.

L'incident, comme tel, semble clos; il n'en reste pas moins un échec moral incontestable pour le ministère. En effet, les officiers démissionnaires ont reçu avant de reprendre leurs postes l'assurance que le gouvernement n'entendait pas user de coercition en Ulster. Il est facile de tirer des conséquences de ce fait et il est indiscutable que l'opinion de l'armée, comme d'ailleurs il y avait lieu de le prévoir, a exercé une action politique de sérieuse importance.

Il est possible que, traitée avec plus de délicatesse et d'habileté, la question n'eut pas surgi aussi ostensiblement, mais il n'aurait pas

fallu oublier que le corps d'officiers de l'armée dans son immense majorité est conservateur et unioniste, plus spécialement, peut-être, le corps de troupes en garnison en Irlande dont une partie, comme le général Gough, appartient à l'Ulster même.

De son côté, Sir A. Paget, tory entièrement, n'était peut-être pas, quelque puissant ne soit sur lui l'esprit militaire, l'homme indiqué pour la circonstance. Il y a de ce peu de semaines qu'il avait prononcé dans un cercle militaire un discours où il avait dit: „Que Dieu préserve que nous soyons appelés à intervenir, mais si les ordres viennent, il faut obéir". La correction de cette phrase ne me semble pas une garantie suffisante pour la sagesse et la prudence de ses paroles lorsqu'il s'est agi pour lui de s'assurer, avec ou sans instructions, des dispositions de son corps d'officiers qu'il devait connaître douteuses. Servira-t-il de bouc émissaire, c'est ce qui n'est pas encore clair, mais ce qui reste, je le crains, possible.

Jugés à la mesure de l'esprit militaire qui règne par tout autre pays monarchique, ces événements paraissent incompréhensibles, mais en toute justice il faut se rappeler que les circonstances du cas sont tellement exceptionnelles et spéciales que la mesure générale ne leur est guère applicable. Pour le dire en deux mots, ces officiers sont plus royalistes que le roi et en même temps soumis à un gouvernement qui de jour en jour leur devient de plus en plus antipathique. Tirer de ces faits, pour lesquels il est difficile de trouver des précédents dans l'histoire moderne, des conclusions sur le degré de discipline dans l'armée anglaise pour le cas de complications ou de guerres étrangères, serait, je crois, aussi injuste que mal fondé. Il ne reste pas moins le fait capital que pour la question d'Irlande le Cabinet actuel ne peut compter sur l'armée que dans un degré tout-à-fait insuffisant en cas extrêmes. La situation et la puissance du gouvernement, s'en trouvent profondément altérées. La base finale leur manquant les ministres auront à considérer à quel degré ils peuvent modifier leur programme, sans se voir obligés de se retirer. Pour le moment je ne crois pas qu'ils en aient l'intention.

Veuillez agréer etc.

Benckendorff.

Перевод.

Я должен дать вашему превосходительству отчет об инциденте, взволновавшем на этих днях Англию более чего бы то ни было другого в течение ульстерского кризиса. Дело шло ни более ни менее как о роли армии, ее дисциплине и ее миссии.

Для объяснения событий мне надо вернуться к заседанию палаты общин

в прошлый четверг; главные речи я переслал почтой императорскому правительству.

С того дня по Лондону стали распространяться пока еще глухие слухи об осложнениях, возникших в Ирландии в армии. Заседание, о котором я говорю, явно находилось под их впечатлением. Ходили слухи, будто правительство готовится к какому-то решительному шагу, между прочим, к аресту некоторых руководителей ульстерского движения и к военным мерам.

В таких условиях неожиданное предложение г. Бонар Лоу сделать вопрос об исключении Ульстера предметом референдума не могло быть подвергнуто достаточно глубокому рассмотрению и обсуждению с целью окончательного его решения. На вопрос г. Асквита, обращенный к главе оппозиции, будет ли он считать себя связанным в том случае, если референдум выскажется в пользу министерского проекта, г. Бонар Лоу ответил утвердительно. На тот же вопрос, обращенный к сэру Э. Карсону, последний дал уклончивый ответ и произнес речь, бесспорное красноречие которой было, конечно, внушено ему сомнениями в добросовестности полупримирительной позиции, занятой кабинетом. Не дожидаясь конца прений, сэр Карсон демонстративно покинул палату и сел на пароход, чтобы ехать в Ирландию.

Таково было положение, представлявшее серьезные шансы на окончательное разрешение вопроса, если бы не слухи о намерениях правительства в самом Ульстере. Впрочем кабинет определенно опроверг слух об арестах.

В пятницу, сейчас же по прибытии в Бельфаст, сэр Э. Карсон выпустил воззвание, которое должно было успокоить умы и внушить осторожность.

Но почти одновременно с этим успокоительным известием в Лондон пришла вызвавшая изумление весть об отставке нескольких генералов и о предъявлении ста офицерам категорического требования военного министерства, доставленного им сэром Артуром Педжетом, главнокомандующим в Ирландии.

Несмотря на неизмеримо бо́льшее значение вопроса в его целом, вчерашние прения в палате общин, краткую сводку которых я при сем прилагаю, касались именно этого требования.

Г. Бонар Лоу, ссылаясь на источник, который он не назвал, приписывал сэру А. Педжету, будто он сделал предупреждение, что предстоят серьезные военные операции, и ставил перед офицерами дилемму подчиниться приказаниям, которые они получат, предупреждая их о последствиях отказа. Г. Бонар Лоу энергично высказался в том смысле, что сэр А. Педжет действовал в силу инструкций, полученных в четверг в Лондоне, которые обнаруживали со стороны кабинета намерения, прямо противоположные тому духу примирения, в котором кабинет высказывался в палате, и обвинил министров, правильнее сказать—часть министерства, в желании создать при помощи столь же неуместного, сколь провокационного шага, беспорядки и осложнения, которые оправдали бы уже теперь в глазах публики применение силы только для того, чтобы выпутаться из тупика, в который правительство попало.

Асквит ответил описанием событий. Он сказал, что с декабря месяца главнокомандующий в Ирландии был предупрежден о возможности принятия военных мер, что большой простор был оставлен его личной инициативе, что все сводится в итоге к предупреждению, что с тех пор не произошло ничего особенного и нового, за исключением одного вопроса, в сущности второстепенного. Он сказал, что в нескольких графствах Ульстера были устроены военные склады оружия, боевых припасов и продовольствия всякого рода, без-

опасность которых была слишком недостаточно обеспечена ввиду воинственного настроения значительной части населения Ульстера. Согласно мнению г. Асквита, дело шло об обеспечении этой безопасности и ни о чем больше; дополнительную охрану для этих складов пришлось взять у бригады, расположенной в Курра и находившейся под командованием генерал-майора Гофа, того самого, отставка которого по этому случаю вызвала отставку других офицеров; следовательно, все дело было основано на недоразумении, впрочем, рассеявшемся ввиду того, что генерал Гоф и офицеры вернулись уже к исполнению своих обязанностей.

Полковник Силай, военный министр, заявил с своей стороны, что генерал Педжет не получал никакой инструкции, подобной той, о которой г. Бонар Лоу говорил в палате.

Во время заседания, бурный и беспокойный характер которого представлял странный контраст с холодной торжественностью заседания, происходившего в четверг, причем партии, казалось, потеряли всякую связь между собой, не мог быть разъяснен ни один факт, за который отвечает специально тот или иной министр или тот или иной генерал, в частности сэр А. Педжет. Правительство отрицало издание инструкций, которые приписывала ему оппозиция, но оно не огласило тех инструкций, которые были действительно даны устно или письменно сэру А. Педжет. Ничто из сказанного последним не было освещено, и в особенности министерство не нашло, что ответить на упрек, обращенный к нему Бальфуром в его речи, являющейся одной из лучших, произнесенных им,—упрек в двуличной политике, выражающейся в том, что г. Асквит склоняется лично с полной искренностью к примирению, а между тем на другой же день двое из его коллег произносят в провинции исключительно резкие речи.

Инцидент, как таковой, может считаться оконченным; тем не менее он означает несомненное моральное поражение министерства. В самом деле, офицеры, подавшие в отставку, получили прежде, чем они вернулись на свои посты, заверение, что правительство не намеревается прибегнуть в Ульстере к принуждению. Из этого факта легко сделать выводы. Бесспорно, что настроение армии оказало серьезное политическое влияние, что, впрочем, можно было предвидеть.

Возможно, что если бы в разрешение вопроса было внесено больше осторожности и ловкости, то он не получил бы такой остроты, но не следовало упускать из виду, что офицерский состав армии в громадном своем большинстве настроен консервативно и унионистски, в особенности, может быть, личный состав войск, находящихся в гарнизонах в Ирландии, часть коих, как генерал Гоф, происходит из самого Ульстера.

С своей стороны сэр А. Педжет, совершеннейший тори, был, вероятно, неподходящим человеком в данных условиях, как ни силен в нем военный дух. Только несколько недель тому назад он произнес в одном военном клубе речь, в которой говорил: „Да предохранит нас бог от необходимости вмешаться, но если будет дан приказ, то мы должны будем подчиниться". Корректность этой фразы не кажется мне достаточной гарантией мудрости и осторожности его слов в тот момент, когда дело шло о том, чтобы осведомиться, имея или не имея на то инструкции, о намерениях офицерского состава, которые он считает сомнительными. Послужит ли он козлом отпущения,—еще неясно. на я боюсь, что это возможно.

События эти кажутся непостижимыми, если подходить к ним с меркой того военного духа, который господствует во всякой другой монархической стране, но, чтобы быть справедливым, следует помнить, что условия данного случая столь исключительны и особенны, что общая мерка к ним совершенно не приложима. Говоря в двух словах, эти офицеры бо́льшие роялисты, чем король, и вместе с тем они подчинены правительству, которое становится им со дня на день все более неприятно. Делать из этих событий, для которых трудно найти прецеденты на протяжении новой истории, выводы относительно состояния дисциплины в английской армии на случай осложнений или внешних войн, было бы, я полагаю, столь же несправедливо, как и необоснованно. Тем не менее основным фактом является то, что в ирландском вопросе существующий кабинет может рассчитывать на армию в случае крайних событий лишь в совершенно недостаточной степени. Это резко ухудшает положение и ослабляет власть правительства. Лишенные основной опоры, министры должны будут обсудить, в какой мере им придется изменить свою программу, чтобы не быть вынужденными уйти в отставку. Я не думаю, чтобы они имели это намерение в настоящий момент.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 79. Посол в Риме министру иностранных дел.

Депеша № 18. 24/11 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Моими предшествующими донесениями[1] я уже имел честь сообщить вашему высокопревосходительству о происходивших в Лондоне между Италией и Англией переговорах относительно соединения английской линии Смирна—Айдин с Адалиею.

Со стороны Италии в переговорах участвовали маркиз Империали и итальянский представитель в комиссии Оттоманского долга г. Ногара. Целью их было добиться согласия английского общества Смирна-Айдинской железной дороги на разрешение итальянцам построить рельсовый путь, от 40 до 50 километров длины, имеющий соединить итальянскую железную дорогу с означенною английскою линиею, в пределах Адалийской провинции, где преимущественное право проведения подъездных путей принадлежит Англии.

Переговоры эти привели ныне к заключению соглашения, в силу которого Италия получила желаемое разрешение, каковое означает для нее несомненный успех, так как теперь только итальянская линия Адалия—Бурдук получит действительное экономическое и одновременно и политическое значение.

Отдавая должное умелому руководительству маркиза ди Сан-Джулиано, итальянская печать с удовольствием отмечает, что до-

[1] См. т. I, № 311.

стигнутый результат свидетельствует вместе с тем о существовании вполне дружественных отношений с Англией, которая, таким образом, из конкурента Италии на малоазиатском побережьи, сделалась ее соучастницею в деле экономического развития этой страны.

Достигнутое таким образом соглашение является первым пунктом программы итальянского проникновения в Малую Азию и, несомненно, облегчит собою и последующие переговоры с Портою, каковые, с одной стороны, должны будут узаконить экономическое завладение Италиею Адалийским мутессарифатом, а с другой— приведут к решению наболевшего вопроса об островах Эгейского моря.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 80. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо. 24/11 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По своему политическому составу новое итальянское министерство, как ваше высокопревосходительство благоволите усмотреть из депеши за № 17 [1], которую я поручил составить советнику посольства Н. В. Поггенполю, мало чем отличается от министерства, оставившего власть. Оно однако немного полевело, и один из его членов, г. Фердинандо Мартини, бывший генерал-губернатор Эритреи, придает ему несколько антиклерикальную окраску. В остальном же кабинет Саландра является продолжателем кабинета Джиолитти. Сам Саландра, перешедший из крайних правых фракций в политические группы, признающие Джиолитти своим главой, был в последнее время ближайшим сотрудником последнего и, став теперь председателем совета, будет исполнителем его намерений.

Оставляя власть по собственному желанию, г. Джиолитти передал ее в надежные и верные руки, из которых он получит ее обратно, коль скоро он этого пожелает.

Морской министр остался тот же. Военный, будучи давно уже серьезно болен, принужден был подать в отставку, и его место было предложено генералу Порро, командующему дивизией в Милане. Но до сих пор еще между председателем совета министров, министром финансов и названным генералом идут переговоры об увеличении военных кредитов, без которых генерал Порро не со-

[1] В депеше от 24/11 марта за № 17 Крупенский сообщал о составе нового итальянского кабинета.

глашается принять предлагаемый ему портфель. В минуту отправления курьера вопрос этот еще не решен.

Министром иностранных дел, и это для нас главное, не перестает быть маркиз ди Сан-Джулиано, который, уступая настояниям короля и г. Джиолитти и желанию всего парламента, отказался от своей отставки. Светлые и темные стороны его политики давно вам известны, и мне нечего останавливаться на них.

Если бы маркиз ди Сан-Джулиано должен был удалиться, его заместителем был бы г. Фузинато, один из самых видных государственных людей Италии. Он был сразу намечен в члены кабинета, и так как маркиз ди Сан-Джулиано остался министром иностранных дел, то ему предлагали другое министерство—народного просвещения, которого он не пожелал принять. Г. Фузинато, которого вы наверно знаете лично со времени вашего пребывания в Риме, вероятно, еще придется играть первостепенную политическую роль. Профессор международного права, бывший парламентский товарищ министра иностранных дел, член Гаагского международного трибунала и депутат Фузинато заключил с Турцией Лозанский мирный договор. Я много лет нахожусь с ним в дружеских отношениях, не прекращавшихся во время моего шестилетнего пребывания в Норвегии. Этим объясняется откровенность, с которой он, только косвенно на это вызванный, высказался со мной на-днях, к немалому моему удивлению, об австро-итальянских и русско-итальянских отношениях. Он мне сказал,—я привожу его слова с возможной точностью,—что итальянское правительство, „comme vous devez le savoir“[1],—подчеркнул он,—весьма недовольно Австрией, что оно тяготится ее руководительством на Балканах и что он, Фузинато, не сомневается, что, освободившись от этой непопулярной опеки, отношения Италии и России неминуемо станут еще более интимными. Политический вес, осведомленность моего собеседника и перспектива, что он может быть министром иностранных дел, придают его речи значение, которое еще усугубляется, если сопоставить ее с словами генерального секретаря министерства иностранных дел, о которых я доносил вам в письме моем от 24/11 февраля[2]. Более осторожный маркиз ди Сан-Джулиано воздерживается, правда, от подобных признаний, но я полагаю, что, если он и не вполне разделяет мнения г. де Мартино и Фузинато, он тем не менее не может не желать избавиться от необходимости всегда подчинять политику Италии австрийским

[1] „Как вы должны это знать“.

[2] См. т. I, № 312.

указаниям и по всякому мелкому вопросу обмениваться с Веной мнениями и стараться достигнуть компромиссов. Но это, разумеется, не помешает ему быть впредь, как и до сих пор, послушным исполнителем политики Тройственного союза и еще более прислушиваться к берлинским веяниям.

Верный своей политике, маркиз ди Сан-Джулиано увидит опять императора германского в Венеции, куда он сопровождает короля Виктора-Эммануила. Вам, разумеется, сообщили из Берлина все подробности путешествия императора германского и его намерения остановиться в Венеции, проездом в Корфу, для встречи с королем Италии в этом городе. Хотя это свидание, которое состоится послезавтра, и не имеет особого политического значения, но ежегодно повторяющиеся встречи обоих монархов не могут, конечно, не способствовать упрочению германско-итальянских отношений.

Так как маркиз ди Сан-Джулиано находится в свите короля, то в Венеции, без сомнения, не будут молчать о злободневных балканских вопросах. Одним из них является ожидаемый в Афинах ответ на последнюю греческую ноту, на которую так непрошенно и бестактно уже пытались ответить Австрия и Италия. Здешний греческий посланник очень озабочен этим подготовляемым ответом держав. Будет ли в нем упомянуто об островах или нет, и как отнесутся в нем державы к просимой гарантии от нападений Турции? Г. Коромилас неоднократно просил меня сказать ему, что мне известно об этом из Петербурга и о чем умалчивает в беседах с ним маркиз ди Сан-Джулиано. Я уже потому не мог удовлетворить любопытства моего греческого коллеги, что и мне в точности неизвестно наше отношение к этому вопросу. В разговорах же со мною маркиз ди Сан-Джулиано до сих пор ограничивается общими местами и малозначащими словами и только повторяет: „On échange entre Cabinets des idées et cet échange est d'autant plus long et difficile que les idées manquent. Nous continuons cependant à penser que les Puissances, ne pouvant s'engager à toute éventualité, il serait impossible d'accorder à la Grèce une garantie contre la Turquie et qu'il vaudrait mieux lui permettre de fortifier les îles conquises par elle et notamment Khios et Mitilène“ [1].

Относительно греко-албанской границы маркиз ди Сан-Джули-

---

[1] „Кабинеты обмениваются взглядами, и этот обмен тем более длителен и труден, что взглядов нет. Мы продолжаем тем не менее считать, что так как державы не могут взять на себя обязательства в предвидении любой случайности, то невозможно предоставить Греции гарантию против Турции и было бы лучше разрешить Греции укрепить завоеванные ею острова, именно Хиос и Митилену“.

ано мне сказал, что Греция желала бы также, чтобы державы гарантировали ей неприкосновенность ее. Римский кабинет не встретил бы к этому препятствий, но в Вене предпочитают предоставить албанскому правительству и главе эпиротов Зографосу сговориться непосредственно между собою.

При донесении моем за № 19[1] я препровождаю вашему высокопревосходительству статью „Giornale d'Italia", испирированную маркизом ди Сан-Джулиано, в ответ на появившиеся в „Times" нарекания на итальянскую политику. Маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал по этому поводу, что если он лично нашел нужным вызвать опровержение этих обвинений, то это только потому, что они были основаны на явно подложных документах. Г. Стиду, автору статьи, и французскому послу Камбону был предъявлен поддельный документ о несуществующем между Италией и остальными державами Тройственного союза дополнительном соглашении. При этом случае маркиз ди Сан-Джулиано мне еще раз самым положительным образом повторил, что договор Тройственного союза возобновлен без всяких изменений или добавлений в той его редакции, которая существовала до соглашения с Францией 1902 г.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 81. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 172. 24/11 марта 1914 г.

Ссылаюсь на ваше письмо № 159[2].

Горячо приветствуя всякое проявление наших начинаний в сопредельных с нами областях Малой Азии, я не имею никаких возражений против основания в армянских вилаетах банка Манташева. Я считаю также вполне естественным обещание ему русским правительством покровительства. Тем не менее я полагал бы невозможным обеспечение ему какой бы то ни было монополии, ввиду резко националистического оттенка сказанного учреждения. Такая монополия не могла бы оградить его от иностранной конкуренции, но служила бы препятствием к основанию в армянских вилаетах учреждений чисто русского направления, которые несо-

---

[1] Препровождая в вырезке статью „Times" e la nostra politica nazionale", помещенную в „Giornale d'Italia" от 21/8 марта, Крупенский в депеше от 24/11 марта за № 19 отмечает те же моменты, что и в публикуемом документе.

[2] В лит. копии ошибка; следует читать: № 189, см. выше № 39.

мненно явились бы более надежными проводниками нашего влияния в граничащем с нами районе[1].

Гирс.

№ 82. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 105. 24/11 марта 1914 г.

Дополнение моего № 100[2].

Тоунлей сообщил мне содержание беседы вашего высокопревосходительства с английским послом касательно жандармерии (и) бригады. Он недоумевает, почему мы противимся допущению в нашу сферу жандармерии, которая в ней организовалась и где ныне пре(бы)вает более половины жандармов. Он думает, что ваше высокопревосходительство имели в виду не русскую сферу, а Север Персии, в каковом смысле мною сделано было здесь заявление. Согласно полученным инструкциям, он готов поддержать перед персами наше требование об увеличении бригады, но под условием реорганизации последней и допущения жандармерии на Север для охраны дорог. Тоунлей намекнул, что, потребовав исключения жандармов из нашей сферы, мы можем с таким же основанием настаивать на замене бельгийских чиновников русскими. Мне кажется, что, ввиду преувеличенных здесь слухов о предъявлении ультиматума касательно недопущения жандармов на Севере, нам лучше безотлагательно формулировать наши требования относительно бригады в возможно конкретной форме.

Коростовец.

№ 83. Памятная записка китайского министерства иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому[3].

24/11 марта 1914 г.

В памятной записке от 20/7 марта сего года[4], лично переданной вашим превосходительством, значилось, что в последнее время безответственные лица ведут переговоры с Внешнею Монголиею,

---

[1] Содержание своего письма Гирсу и публикуемой тел. Сазонов подробно изложил в доверит. письме от 30/17 марта за № 223 на имя Барка. Полностью соглашаясь с точкой зрения М. Гирса, Сазонов высказывался в том смысле, „что предположение об учреждении банка в армянских вилаетах Малой Азии могло бы... быть рассмотрено в связи с вопросом о поглощении Русско-Азиатским банком Салоникского банка, переговоры о коем приняли неудовлетворительное направление, ограничивая, повидимому, район действия этого банка областями Анатолии“.

[2] См. выше № 62.

[3] Копия. Перевод сделан в росс. миссии в Пекине.

[4] См. выше, стр. 55, прим. 1.

результатом чего является колебание среди внешних монголов и возникает мысль отложить срок тайных переговоров до осени.

По поводу вышеизложенного считаю долгом своим заявить, что в отношениях своих к Внешней Монголии Китай желает воспользоваться посредничеством почтенного государства, каковое желание его ясно оговорено в декларации, и, руководствуясь неукоснительно этим соглашением, Китай никогда не возлагал на безответственных лиц непосредственных ведений переговоров с Внешнею Монголиею, о чем я имел честь неоднократно заявлять при личных свиданиях.

Ныне, по получении упомянутой выше памятной записки, я считаю долгом своим снова подтвердить, что со стороны китайского правительства поистине не было допущено подобных действий.

По моему мнению, с момента подписания декларации прошло очень значительное время, в течение которого Китай еще не вступал в формальные сношения с Внешней Монголиею, что и дало повод к возникновению разного рода вздорных слухов, которые способствуют к вселению в каждой из сторон подозрений. При желании удалить все эти подозрения представляется безусловно необходимым в самом непродолжительном времени окончательным образом разрешить вопрос о Внешней Монголии, так как иного способа не усматривается; помимо сего тройные переговоры основываются на русско-китайской декларации.

В свое время мною и вашим превосходительством было решено, что переговоры эти начнутся весною в Кяхте. При единомыслии обоих правительств по этому вопросу, конечно, нельзя допускать, чтобы Внешняя Монголия единолично внесла в оный какие-либо изменения.

Ныне, с наступлением весны, оба правительства давно уже назначили уполномоченных, и нельзя никоим образом допустить, чтобы Внешняя Монголия под разными предлогами оттягивала начало переговоров. Китайское правительство готово теперь же предложить своим делегатам в течение определенного срока выехать в Кяхту в надежде на скорейшее разрешение настоящего вопроса и в соответствии с прекрасным намерением почтенного правительства оказать свое посредничество.

Смею надеяться, что российское правительство, с своей стороны, придерживается такого же взгляда на настоящий вопрос.

№ 84. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 24. 24/11 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За последние несколько месяцев здесь замечается чрезвычайное, в давно невиданной в Пекине степени, оживление погони за железнодорожными и другими концессиями со стороны предпринимателей различных соперничающих между собой национальностей.

На первом плане в этом отношении стоят Франция, Великобритания и Япония. За последнее время подданными означенных держав получен ряд крупных железнодорожных концессий, о коих, равно как о железнодорожных линиях, доставшихся на долю немцев и бельгийцев, я имел честь доносить вашему высокопревосходительству [1]. Ныне, при дальнейшем осуществлении означенными державами своих планов железнодорожного строительства в Китае, взаимные их интересы естественно сталкиваются. В возникающей таким образом борьбе особо привлекают на себя внимание, во-первых, тот факт, что последняя железнодорожная концессия, полученная французами в южных провинциях Китая, является помехой к осуществлению давно лелеянной англичанами мечты о соединении Шанхая непрерывным рельсовым путем, который находился бы под английским контролем, с британскими владениями в Бирмании, а во-вторых, то обстоятельство, что проектируемые англичанами железнодорожные линии от Нанчанга в провинции Цзян-си [2] воспрепятствуют сооружению имевшейся в виду японцами

[1] В депеше от 20/7 февраля Крупенский сообщал „о состоявшемся подписании представителем французского „Banque Industrielle de Chine" с китайским правительством займа в 600 000 франков на постройку железной дороги Ямчжоу — Чу-кин См. также т. I, № 444.

[2] В депеше от 3 апр./21 марта за № 31 Крупенский сообщал, „что в прошлый вторник китайским правительством был подписан с British and Chinese Corporation контракт о пятипроцентном займе в восемь миллионов фунтов стерлингов на постройку железнодорожной линии, которая пойдет от Нанкина в Нанчанг, а затем через Пинсян в Чжучжоу, где она примкнет к Ханькоу-Кантонской магистрали. От главной линии предусматриваются ветки на Вуху и Ханчжоу, и предвидится равным образом линия от Нанчанга до Учана. Гарантией займа будет служить сама линия и ее доходы... На домогательство японцев о допущении их к участию в означенном предприятии великобританское правительство заявило, что готово было бы согласиться на таковое под условием английского участия в японском железнодорожном строительстве в Южной Манчжурии... Японцы ответили на это готовностью действовать в будущем совместно с англичанами при постройке новых железных дорог в означенной области, очевидно исключая при этом те линии, относительно которых у них уже имеются соглашения с китайцами. При таких условиях нужно полагать, что повторенные недавно японцами в Лондоне настояния их относительно Нанкин-Нанчангской железной дороги и ее продолжения вряд ли могут увенчаться успехом".

железной дороги от этого города к юго-востоку до Фучжоу, которая обратила бы помянутую провинцию в „хинтерланд" Фуцзянской и распространила бы таким образом сферу японского влияния от Фуцзяна вплоть до Ян-цзы. Весьма естественно, что при таком положении вещей англичане добиваются от французов допущения их к участию в постройке французской железнодорожной линии на интересующем их, главным образом, ее протяжении в провинциях Гуй-чжоу и Юн-нани, японцы же, со своей стороны, домогаются,— повидимому, тщетно,—предоставления им Англией некоторой доли участия в английских железных дорогах в провинции Цзян-си. Сведения, которые мне удалось получить по вопросу о железнодорожном строительстве в Китае от моих французского, великобританского и японского сотоварищей, дают, в связи с данными, имевшимися в распоряжении здешнего представителя Русско-Азиатского банка надв. сов. фон Гойера, весьма интересную картину нынешнего положения вещей в этой области. Г. фон Гойером составлена по моей просьбе и отсылается сегодня в правление банка обстоятельная записка по этому вопросу, копию с коей я считаю долгом представить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства[1]. Помимо железнодорожного строительства, за последнее время замечается живая деятельность со стороны иностранцев и в деле организации других промышленных предприятий. На этом поприще наиболее успешно действуют французы и, главным образом, недавно учрежденный Banque Industrielle de Chine, о коем я уже имел случай неоднократно упоминать в прежних моих донесениях. Ныне выясняется, что оборудование порта Пукоу, имевшееся в виду при подписании с этим банком контракта о займе в 15 000 000 франков, обойдется значительно меньше этой суммы, и остающийся таким образом излишек решено использовать на сооружение в Пекине трамваев и выполнение других городских общественных работ, причем гарантией уплат по займу будут служить муниципальные сборы в Пекине и свободный остаток от акциза на спирт во всех провинциях Китая, за исключением трех манчжурских, согласно уверению, данному мне французским посланником.

В самое последнее время французами получен также опцион на учреждение нового франко-китайского банка, в котором примет участие китайское правительство и который, ввиду этого, получит право выдавать ссуды под залог недвижимых имуществ вне открытых для иностранцев портов, что создаст в его пользу фактическую

[1] К депеше приложена записка фон Гойера, озаглавленная: „Le conflit des intérêts anglo-japonais dans la Chine de Sud".

монополию, ибо вообще иностранные банки этим правом в Китае не пользуются. Подписавший с китайским правительством контракт на означенный опцион известный здесь банкирский делец Бушар выехал на-днях в Париж, дабы найти необходимые для этого дела капиталы, и здесь считают вероятным, что этот новый франко-китайский банк сольется с Banque Industrielle de Chine.

Говоря о промышленных предприятиях, следует также отметить старания японцев воспользоваться заключенным ими еще при Манчжурской династии контрактом о займе на нужды Ханъянских железных, оружейных и машиностроительных заводов, чтобы наложить руку на это огромное учреждение, представляющее первостепенный интерес для всего Китая. Вопрос этот привлекает к себе здесь в настоящую минуту большое внимание, и китайское правительство весьма озабочено тем, чтобы не допустить установления японского контроля над заводами, имеющими для него самого столь громадную важность.

В ближайшем будущем ожидается также прибытие в Пекин известного японского финансиста барона Сибусава, посещение коим Китая связано, как говорят, с проектами учреждения здесь новых японских финансовых и промышленных предприятий.

Германские банки и торговые фирмы в Китае равным образом не остаются бездеятельными, и постоянно приходится слышать о переговорах о каком-нибудь займе, которые ведутся ими с властями то одной, то другой провинции, причем часть займа неизбежно должна быть употреблена на какие-либо заказы в Германии. Подобные переговоры идут в настоящее время в Кантоне между представителями фирмы Круппа и местными китайскими властями о займе в 60 миллионов марок, треть коего должна пойти на покупку у Круппа оружия и снарядов, а остальные две трети—на выкуп местных банкнот, выпущенных в провинциях Гуань-дун и Гуань-си. По имеющимся здесь сведениям, сделка эта не имеет шансов быть утвержденной центральным правительством.

Примите и пр. В. Крупенский.

№ 85. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Берлине, Риме и Вашингтоне — Бенкендорфу, Свербееву, Крупенскому и Бахметеву.

Телеграмма № 564. 25/12 марта 1914 г.

Для нашего морского ведомства[1] имеет большое значение часто возникающий вопрос о продаже некоторыми государствами

[1] Текст тел. повторяет содержание второй части письма мор. м-ра Сазонову от 21/8 марта за № 1098/190 (ср. выше, стр. 66, прим. 2).

строящихся или уже готовых военных судов, а также сведения о заказах военных судов, артиллерии и снарядов, передаваемых одними государствами на верфи и заводы в других государствах. Ввиду сего благоволите иметь постоянное наблюдение за этими вопросами и безотлагательно сообщать возможно полные сведения по сему предмету[1].

Сазонов.

№ 86. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 25/12 марта 1914 г.

Très personnelle.

Cher Сергей Дмитриевич,

A mon grand regret, je n'ai rien à vous mander qui puisse éclaircir nos affaires en cours de la situation étrangère. Je dois me borner à nos télégrammes, moins fréquents que de coutume. Grey devait nous réunir aujourd'hui. Cambon est malade, cela remet les choses de quelques jours. Cambon est chargé de parler et de la Grèce, et de l'emprunt albanais, et de la réponse à la Grèce. La crise est telle que je ne doute pas que Grey préfère ne pas nous réunir ni aujourd'hui, ni demain. D'ailleurs cela ne servirait à rien. Lui demander, où les choses en sont, de prendre des résolutions est peine perdue. Je ne le tente pas. Je crains plutôt que pour des raisons à lui il ne soit que trop retiré des affaires du Cabinet, où sa tête froide, claire et énergique aurait pu rendre de sérieux services. Les fautes que le Cabinet a commises sont par trop palpables. Les uns disent faiblesse d'Asquith, d'autres, et ils sont là non plus près de la vérité, imputent le tout à, son désir de rester responsable quand même, et de même devoir couvrir ses collègues. Le résultat est le même. Quitte à se reprendre maintenant, peut-être trop tard, Asquith a été débordé. Je vous ai écrit hier une lettre[2] plus officielle, où il m'était difficile de mettre les points sur les i, d'ailleurs elle n'est plus entièrement vraie. Cette affaire des officiers a mis le comble au désarroi, et a fait dévier toute la crise et l'a rendue plus sérieuse. D'après tout ce qui me revient tandis que Churchill allait de son côté, Lloyd George du sien, le ministre de la guerre, par incapacité politique, commettait faute sur faute, jusqu'au point, je le crains, d'aller à l'encontre des décisions du premier ministre. Paget peut être responsable, pour avoir pris trop

[1] Тел. от 25/12 марта за № 565 Сазонов предложил Бахметеву передать содержание публ. тел. росс. представителям в Рио-де-Жанейро и в Буэнос-Айресе, прибавив, что Штейну „надлежит распространить свое наблюдение и на Чили".

[2] См. выше № 78.

simplement les choses, ce qui se comprend, mais toute cette procédure, où en réalité on a proposé au général Gough comme un choix entre se soumettre ou se démettre temporairement est due au colonel Seely. Et ce qui pire est d'avoir réinstallé le général Gough moyennant une promesse est encore du fait au colonel Seely seul. La maladresse de tout cela est inimaginable. Seely se retirera, mais la situation n'en deviendra guère plus simple. Aux yeux de tout le parti libéral, l'armée paraît avoir fait la loi. Où penchent les sympathies du roi—ne peut être douteux. Le roi, qui devait partir, est rentré à Londres. Le roi a vu les ministres tous les jours, et hier pour la première fois dans les temps modernes le nom du roi et celui de l'armée ont été accouplés en pleine Chambre des Communes, par un membre de labour party Ce symptôme, dont il ne faut pas exagérer l'importance, est vilain pourtant. Cette intervention d'un général et de quelques officiers, le général un des plus populaires et maintenu de toute l'armée, se nomme déjà intervention de l'armée. Combien facilement avec un peu de prudence et d'unité d'action, tout cela aurait pu être évité. Heureusement que les ministres étaient absents, lorsque que W. Ward poussa cette conclusion extrême. Car en somme c'est en eux, s'ils savent s'épurer et reprendre l'autorité qu'est encore la meilleure chance de solution. Si aujourd'hui l'opposition venait au pouvoir, cela ne pourrait être guère qu'avec une faible majorité. Comment pourrait-elle tenir suffisamment tête à une campagne électorale qui n'aurait plus l'Ulster comme plate-forme, mais le pouvoir du roi, l'armée et les liens entre le roi et l'armée. Le mieux me semble être que les ministres restent au pouvoir encore quelque temps. L'affaire de l'Ulster, aujourd'hu presque secondaire, s'arrangera comme elle pourra. Mais en revanche cela donnera le temps au groupe plus solide et nombreux des libéraux modérés non seulement de se grouper sous Asquith, mais de se rapprocher des leaders des conservateurs modérés. Ce mouvement difficile s'accentue pourtant de point en point avec une étonnante rapidité. Le chef indiqué serait Lord Rosebery, mais quand il s'agit d'action, il n'y a guère à compter sur lui. Il est malade d'ailleurs. Les développements de la crise, ne se feront guère attendre, chaque jour amène du neuf. S'il y a lieu je télégraphierai. Je ne voudrais pas que cette lettre passe en litographie. Je dois me tenir à quatre ici pour ne pas être compromis, à cause de mes relations personnelles avec les uns et les autres. Quant à la fidélité de l'armée au point de vue extérieur, il est bien entendu, que cela n'a jamais été mis en question.

Mille amitiés bien sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Совершенно личное.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

К моему большому сожалению, я ничего не могу вам сообщить, что могло бы осветить наши дела, связанные с внешнеполитической ситуацией. Я вынужден ограничиться не столь многочисленными, как обычно, телеграммами. Грей должен был собрать нас сегодня. Но Камбон болен, и благодаря этому дело откладывается на несколько дней. Камбону поручено говорить о Греции, об албанском займе и об ответе Греции. Кризис так силен, что я не сомневаюсь в том, что Грей предпочтет не собирать нас ни сегодня, ни завтра. Впрочем, это ни к чему бы не привело. Просить его при теперешних обстоятельствах о принятии решения—это напрасный труд. Я даже не пытаюсь это делать. Я опасаюсь, что он из особых соображений слишком устраняется от дел кабинета министров, где его хладнокровие, здравый смысл и энергия могли бы оказать серьезные услуги. Ошибки, которые совершил кабинет, слишком очевидны. Одни приписывают их слабости Асквита, а другие,—и они не ближе к истине,—приписывают все его желанию сохранить, несмотря ни на что, ответственность и даже прикрывать своих коллег. Результат все тот же. Когда Асквит наконец спохватился, может быть слишком поздно, то оказалось, что его уже опередили. Вчера я написал вам более официальное письмо, в котором я не мог поставить точки над „и" кроме того, оно уже не совсем верно. Это дело об офицерах довершило смятение, изменило характер всего кризиса и сделало его более серьезным. По всему, что я знаю, в то время как Черчилль вел свою линию, а Ллойд Джордж—свою, военный министр совершал, вследствие своей политической бездарности, ошибку за ошибкой, дойдя, как я боюсь, до противодействия решениям премьер-министра. Педжет, может быть, виновен в том, что он слишком легко отнесся к событиям, это и понятно. Но все это дело с предложением генералу Гофу выбора между подчинением или временной отставкой обязано своим происхождением полковнику Сили. Но еще хуже, что восстановление генерала Гофа, связанное с [его] обещанием, вызвано также одним полковником Сили. Трудно себе представить, как все это неловко сделано. Сили удалится, но положение отнюдь не станет проще. В глазах всей либеральной партии, армия диктует закон. Нет сомнения относительно того, куда склоняются симпатии короля. Король, который должен был уехать, вернулся в Лондон. Король видел министров ежедневно, и вчера, впервые в наше время, имена короля и армии были связаны одним членом рабочей партии вместе перед всей палатой общин. Этот симптом, значение которого не следует преувеличивать, все же плох. Вмешательство одного генерала, притом одного из самых популярных генералов, и нескольких офицеров, поддерживаемых всей армией, уже называется вмешательством армии. Как легко можно было бы всего этого избежать при небольшой осторожности и единстве действия. К счастью, министры отсутствовали, когда В. Уорд пришел к этому крайнему выводу. Ведь в конечном итоге именно министры могут дать наилучший исход делу, если они сумеют признать свои ошибки и восстановить свой авторитет. Если оппозиция могла бы теперь притти к власти, то лишь с помощью слабого большинства. Каким образом могла бы она удовлетворительно вести выборную кампанию, имея в качестве платформы не Ульстер, но вопрос о власти короля, об армии и об отношениях между королем и армией? Мне кажется, что лучше всего было бы, если бы министры остались еще на некоторое время у власти. Ульстерский

вопрос, ставший теперь почти второстепенным, как-нибудь разрешится. Зато более солидная и многочисленная группа умеренных либералов выиграет время не только для объединения вокруг Асквита, но и для сближения с лидерами умеренных консерваторов. Это сложное движение все же от времени до времени с поразительной скоростью усиливается. В качестве вождя намечается лорд Розбери, но когда дело идет о действии, то не следует на него рассчитывать. Впрочем он болен. Развития кризиса не придется ждать, так как каждый день приносит что-нибудь новое. Если что-нибудь произойдет, то я буду телеграфировать. Я не хотел бы, чтобы с этого письма были сняты литографские копии. Я должен быть здесь очень осторожен, чтобы не скомпрометировать себя, вследствие своих личных отношений с теми и другими. Что касается верности армии с точки зрения внешней [политики], то, конечно, она никогда не подвергалась сомнению.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 87. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо[1]. 25/12 марта 1914 г.

Со времени моего последнего письма здесь разыгрались бурные события, последовательный рассказ о которых вы найдете в сегодняшнем моем официальном донесении[2]. По всеобщим отзывам, переживаемый здесь ныне период напоминает знаменитые „панамские“ дни: опять та же картина разнузданных партийных страстей и глубокого упадка политических нравов. Выстрел г-жи Кайо послужил сигналом к раскрытию самых изумительных вещей. Несмотря на видимое стремление заседающей под председательством г. Жореса парламентской комиссии по возможности затянуть и загладить дело, теперь уже не остается никакого сомнения в том, что обвинения против г. Кайо и г. Мониса в общем основательны: бывший председатель совета и его министр финансов, путем грубого давления на прокуратуру, добились отсрочки суда над известным банкиром Рошеттом и способствовали этим не только его уклонению от ответственности, но и совершению им новых мошенничеств; при этом гг. Монис и Кайо, вероятно, действовали под страхом угрозы со стороны г. Рошетта опубликовать список лиц, участвовавших в выгодах его операций.

Весьма вероятно, что комиссия г. Жореса постарается несколько прикрасить свои выводы и до известной степени спасти лицо кабинета г. Думерга, в котором г. Кайо играл первенствующую

[1] Лит. копия.

[2] Имеется в виду депеша Извольского от 26/13 марта. См. ниже № 91

роль. Казалось бы, что этот кабинет, лишившийся при таких скандальных обстоятельствах двух членов, должен быть близок к падению: вчера и сегодня было много толков об его отставке и о сформировании нового, „концентрационного“ министерства; до сих пор слухи эти не оправдались, и надо ожидать, что г. Думерг и его товарищи приложат отчаянные усилия к тому, чтобы остаться у власти до окончания предстоящих парламентских выборов, которые начнутся ровно через месяц. Катастрофа с гр. Кайо, как мне рассказывали, особенно чувствительна для кабинета, ибо в его руках сосредоточивалась специальная негласная касса, предназначенная для ведения выборной кампании; пополнение этой кассы, как вы изволите вспомнить, явилось одним из поводов для обвинений со стороны г. Кальметта; уверяют, что г. Кайо до сих пор еще не сдал ее своему преемнику и что обладание ею является в его руках орудием давления на министерство и косвенно на парламентскую комиссию.

Все вышеизложенное рисует в самом неприглядном свете современное внутреннее политическое состояние Франции. Если верить тому, что слышно в парижских гостиных и в клубах, т. е. среди консервативно-оппозиционных элементов французского общества, настоящий скандал наносит такой удар режиму третьей республики, что, если бы сейчас явился сильный и талантливый претендент, он имел бы на своей стороне все шансы успеха; лично я подобным суждениям не придаю значения и думаю, что республика, как таковая, не подвергается никакой опасности, но если в широких слоях французской нации мало-мальски сохранились понятия чести и политической нравственности, позволительно надеяться, что настоящие события не останутся без влияния на исход выборной борьбы и облегчат благоразумным и умеренным элементам победу над только-что опозорившим себя радикализмом.

В парламентской комиссии некоторыми ее членами была сделана попытка не только расследовать поступки г. Кайо, раскрытые мемуаром генерального прокурора Фабра, но также снова выдвинуть против него известное обвинение, касающееся его роли в переговорах с Германией, окончившихся уступкой ей части французского Конго. Вы, вероятно, не забыли, что именно это обвинение послужило в январе 1912 года поводом к падению кабинета г. Кайо, после того, как в сенатской комиссии, рассматривавшей франко-германское соглашение о Марокко, выяснилось, что г. Кайо, в качестве сперва министра финансов, а затем и председателя совета, вел помимо министра иностранных дел с германским правитель-

ством темные закулисные сношения. Истинный характер этих сношений остался в то время не вполне разъясненным; противники г. Кайо, среди которых первую роль играл г. Клемансо (ныне являющийся его энергическим защитником и опорой кабинета Думерга), утверждали, что сношения эти имели целью не только разрешение марокксκого инцидента путем предоставления Германии территориальных компенсаций, но также общее сближение с Германией на экономической и даже политической почве. Сведения о тайных переговорах г. Кайо с германским посольством были почерпнуты г. де Сельвом из перлюстрации шифрованных телеграмм, отправлявшихся бароном фон Шеном своему правительству; материал этот был сообщен г. де Сельвом г. Клемансо и послужил последнему орудием для свержения г. Кайо. Ныне оказывается, что копии с перлюстрированных телеграмм германского посла попали в руки не только г. Клемансо, но и некоторых других лиц и, между прочим, г. Кальметта, который намеревался воспользоваться ими для своей кампании против г. Кайо. Г. Барту рассказал парламентской комиссии, что несколько недель тому назад г. Думерг, осведомленный об этом намерении, обратился к нему с просьбой употребить свое влияние на г. Кальметта, дабы предотвратить публикацию, способную вызвать крупный международный инцидент. Г. Барту удалось не без труда убедить г. Кальметта отказаться от опубликования целиком вышесказанных документов; но уверяют, что г. Кальметт тем не менее собирался воспользоваться их содержанием для нападок на г. Кайо, и весьма возможно, что редакция газеты „Figaro“ еще выполнит это намерение.

Вышеописанные события настолько поглощают внимание г. Думерга, что с ним почти невозможно, да и было бы бесполезно, видеться и разговаривать о внешних делах; результатом этого является не только замедление в получении ответов на делаемые ему сообщения, но и больше чем когда-либо влияние на дела подведомственных лиц министерства иностранных дел. Это для нас весьма невыгодно; вы, конечно, не могли не заметить, что мне удалось лишь после долгих усилий добиться вполне удовлетворительного ответа по делу об армянских инспекторах, в котором у Франции не было однако никаких собственных интересов, но в котором в полной мере проявилась мелочность здешних департаментов: при таких условиях другое дело, в котором Франция гораздо более заинтересована, а именно вопрос о введении нашего делегата в Совет турецкого долга, вряд ли может здесь успешно разрешиться, ибо мы должны считаться не только с упорным сопротивлением

со стороны бюро, но также и с боязнью г. Думерга вызвать теми или другими уступками нападки со стороны парламента.

Весьма трудно предвидеть, сколько времени будет продолжаться здесь настоящее натянутое положение. Выборы начнутся 25 апреля нов. ст., и до тех пор вряд ли можно ожидать, что разыгравшиеся страсти улягутся. Между тем 21 апреля того же стиля ожидается приезд в Париж английской королевской четы на четырехдневное пребывание. Король и королева прибудут в сопровождении сэра Эдуарда Грея и особенно многочисленной свиты и будут жить не в своем посольстве, как это делал покойный король Эдуард, а в здании министерства иностранных дел, где обыкновенно останавливаются посещающие официально Париж иностранные государи. Надо надеяться, что этот визит, если ему не помешают разыгрывающиеся ныне в Ирландии события, произойдет при более спокойном настроении умов и в менее сгущенной и отравленной политической атмосфере.

Примите и пр.

Извольский.

№ 88. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 14. 25/12 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Непомерно долго длившиеся сербо-турецкие переговоры завершились, наконец, 14/1 марта подписанием мирного трактата, восстановляющего нормальные между обоими государствами отношения, прерванные полтора года тому назад первою балканскою войною. Затяжка в этом деле происходила вовсе не потому, чтобы поставленные на очередь с той и другой стороны вопросы представляли какие-либо необычайные трудности к полюбовному разрешению,—нет, в данном случае несомненно возбуждающее влияние на турок оказывала Болгария, стремившаяся тайными обещаниями склонить их к военному соглашению против своих недавних союзников—Греции и Сербии, что могло в самом деле породить в известных кругах Константинополя надежды на обратный захват оттоманских земель, доставшихся счастливым победителям.

Справедливость этих предположений, мне кажется, подтверждает тот факт, что за все время вышеозначенных переговоров с сербами Турция проявляла резкие, по существу, ничем не оправдываемые колебания, в полной зависимости от настроений и образа действий софийских правителей. Оказывали болгары какие-либо

попустительства в пользу турок, и тотчас последние становились требовательнее по отношению к сербам; и, наоборот, малейшая несговорчивость в Софии явно вызывала в среде оттоманских деятелей готовность пойти на мировую с Сербией. Одну минуту совсем наладившиеся переговоры неожиданно были прерваны, и это по времени как раз совпало с пресловутым свиданием Геннадиева с Талаат-беем в Мустафа-Паша, когда усилились толки о будто бы состоявшемся болгаро-турецком военном союзе.

Однако дальнейшие события показали, что почва для такового союза далеко не была подготовлена. Возникшие вскоре между обоими соседними государствами недоразумения из-за торговой конвенции, а потом и по острому вопросу о помаках, заставили турок круто повернуть в сторону Сербии. С этого момента было ясно, что стамбуловцы проиграли и эту кампанию на почве политических интриг: сербо-турецкие переговоры двинулись ускоренным темпом и привели к соглашению, которое нельзя не приветствовать и в интересах всеобщего мира. Оно рассеяло одну из грозовых туч, нависших над Ближним Востоком и, помимо сего, вероятно, заставит Болгарию отказаться от противоестественного союза с враждебною славянам Турциею и искать единственно выгодного для нее сближения с православными государствами Балканского полуострова.

Как бы то ни было, сербы с облегченным сердцем встретили заключение мирного трактата с Турцией и выражают искреннюю признательность императорскому посольству в Константинополе за оказанную сербским делегатам нравственную поддержку и всестороннее содействие к благополучному разрешению неоднократно за этот долгий период возникавших на месте недоразумений.

Договор [14] 1 марта сдан ныне в типографию и подлежит ратификации в течение настоящего месяца. Но для выигрыша времени г. Пашич любезно предоставил в мое распоряжение прилагаемый у сего наскоро снятый список договора [1].

Из ближайшего рассмотрения этого акта явствует, что оба государства вынуждены были отказаться от некоторых первоначальных своих требований, причем за Сербиею все же сохранены суверенные права в завоеванных краях, на которые было покушались в Константинополе.

Я позволяю себе обратить особливое внимание вашего высокопревосходительства на 8-ю и 9-ю статьи трактата, касающиеся

[1] К депеше приложен экземпляр „Мирного договора, заключенного между Сербией и Турцией 14/1 марта 1914 года“ (машинописная копия).

религиозного и школьного вопросов в Новой Сербии. На них отразилась в полной мере широта свободолюбия, положенного в основу сербской конституции. Большего обеспечения прав инородцев в деле исповедания и национального обучения не существует, конечно, ни в одном государстве.

Это лишний раз свидетельствует, насколько неосновательны были выступления Австрии и Италии на Лондонской конференции, настоятельно указывавших на необходимость потребовать от Сербии каких-то специальных гарантий в пользу инославного меньшинства в завоеванных ею краях.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

P. S. Депеша эта была закончена, когда в одной из здешних газет появилась корреспонденция из Константинополя, в которой сообщалось, что пред самым завершением сербо-турецких переговоров австро-венгерский посол маркиз Паллавичини и болгарский посланник Тошев, посетив великого визиря, настоятельно уговаривали его не подписывать мирного трактата с Сербией. Но великий визирь, по словам корреспондента, категорически отклонил просьбу названных дипломатов.

Ut in litteris. Гартвиг.

№ 89. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 16[1]. 25/12 марта 1914 г.

Приведенное мною в депеше от [10 марта] 25 февраля 1914 г. № 12[2] предположение Пашича о том, что в Вене затевают что-то недоброе по делу Восточной железной дороги, начинает, повидимому, оправдываться. Судя по доходящим сюда из секретного источника сведениям, австро-венгерское правительство, под давлением ли Германии и Италии, либо по иным каким-либо соображениям, готовится уклониться от состоявшегося с французскими капиталистами соглашения об интернационализации Восточной дороги, продолжая одновременно под рукой распускать слухи, будто бы все затруднения в этом деле создает Сербия.

Яркий свет на двуличную роль Австрии бросает разговор, который на-днях имел здешний представитель ее с Пашичем, доверительно сообщившим мне содержание его.

---

[1] Лит. копия.
[2] См. т. I, № 417.

Начав с упреков по адресу Сербии, неразумно затягивающей дело, которое при ее доброй воле возможно было бы оборудовать в кратчайший срок к обоюдной выгоде соседних государств, имеющих непосредственные торговые связи,—барон Гизль совершенно неожиданно для собеседника заявил, что самым простым решением вопроса представлялся бы выкуп Сербией Восточной железной дороги. Оговорив, что он высказывает лишь свое личное мнение, посланник добавил, что указанное решение, по всем вероятиям, встретило бы всеобщее сочувствие.

На замечание Пашича, что, после состоявшегося уже с Францией и самой Австро-Венгрией соглашения об интернационализации Восточной дороги, для Сербии представлялось бы затруднительным снова поднимать вопрос о „выкупе“, барон Гизль воскликнул с лукавой усмешкой: „Да, но ведь это дело может легко провалиться на совещаниях“.

Диалог весьма характерный и, кажется, не требует комментарий.

Секретной телеграммой от [20] 7 марта[1] наш посол в Париже сообщает, что австро-венгерское правительство пригласило делегатов французской группы приехать в Вену, дабы принять участие в австро-сербских переговорах об интернационализации Восточных железных дорог, а официальный представитель его в Белграде почти накануне открытия совещания доверительно пророчествует о том, что дело это обречено на провал.

Для Пашича более не представляется сомнения в том, что в Вене сделают все возможное, дабы сорвать совещание, возложив, пожалуй, вину на Сербию, проявляющую, будто бы, дерзкую несговорчивость.

Гартвиг.

№ 90. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 83. 25/12 марта 1914 г.

Дополнение к моей телеграмме № 76[2].

Монгольское правительство официально нотою уведомило, что заключить с Россией соглашение о постройке всех вообще железных дорог в Монголии оно не может ни в каком случае согласиться. Если же императорское правительство найдет необходимым для развития своей торговли и для пользы обоих государств

[1] См. выше № 54.

[2] См. выше стр. 56, прим. 2.

теперь же построить на средства двух правительств или частных предпринимателей железную дорогу между Кяхтой и Ургой, то монгольское правительство, дорожа великой дружбой обоих государств, конечно, согласится на это. Вчера я вновь высказал Сайн-Ноину сожаление, что монгольские уверения в дружбе с Россией не соответствуют образу действий монгольского правительства в настоящее время, и предостерег его от опасных для молодого государства последствий нового курса. Я все-таки буду всячески проводить это соглашение.

Миллер.

№ 91. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 579. 26/13 марта 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 77 [1].

Министр финансов сомневается [2], обеспечивает ли поглощение Салоникского банка большие для нас выгоды, чем состоявшееся в январе соглашение между Русско-Азиатским банком, французской группой и Салоникским банком о предоставлении нам участия в международном предприятии, имеющем целью слияние Салоникского и Национального турецкого банков и эксплоатацию договорных прав, принадлежащих последнему банку.

Ввиду этого министр может высказать окончательное заключение лишь по ознакомлении с детальными условиями нового предложения, каковые могли бы быть определены переговорами Путилова с представителями французской финансовой группы.

Нератов.

№ 92. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 82 [3]. 26/13 марта 1914 г.

Получил № 559 [4].

Объяснился по ее содержанию с Думергом, который сказал мне, что он лично поручил отъезжавшему в Петербург Палеологу

---

[1] См. выше № 47.

[2] В письме от 26/13 марта за № 119 Барк указывал Сазонову, что он „признавал бы предпочтительным изыскать решение вопроса о Салоникском банке, дающее возможность превращения этого кредитного учреждения в чисто русское предприятие“. Относительно предполагаемого поглощения Салоникского банка Русско-Азиатским банком, Барк высказывал соображения, передаваемые в основном в публ. тел.

[3] Опубл. Stieve, IV, S 78, № 1303.

[4] См. выше № 77.

объяснить вам причины, по которым французское правительство не считает возможным сделать требуемые Германией уступки и надеется, что мы удовольствуемся покуда обязательством Порты отложить его исполнение до более удобного времени. В результате длинной беседы я убедился, что нам не удастся добиться предложения какой-либо приемлемой формулы от Думерга, который находится в очень затруднительном парламентском положении и, очевидно, опасается подать лишний повод к нападкам на правительство.

Извольский.

№ 93. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 83. 26/13 марта 1914 г.

Получил №№ 442[1] и 562[2].

Сообщил их содержание Думергу, который вполне согласен с высказанными в них мыслями и обещал телеграфировать в указанном вами смысле французским представителям в Афинах и Валоне.

Копии в Лондон, Афины и Валону.

Извольский.

№ 94. Посол в Париже министру иностранных дел.

Депеша № 7[3]. 26/13 марта 1914 г.

Из моих последовательных телеграмм и газетных сведений вашему высокопревосходительству уже известны в общих чертах происшедшие здесь за последнее время сенсационные события.

Ожесточенная кампания, предпринятая на страницах „Figaro" г. Кальметтом против министра финансов г. Кайо, как я писал вам, повидимому, не особенно озабочивала последнего, который ограничивался от времени до времени простым отрицанием возводимых на него обвинений. Тем сильнее поразило всех распространившееся с быстротою молнии по городу вечером 16/3 марта известие, что в тот же день днем супруга министра финансов г-жа Кайо, явившись в редакцию „Figaro" и быв принята г. Кальметтом, пятью выстрелами из браунинга смертельно ранила последнего. Преступ-

---

[1] Тел. № 442 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Тел. Нератова комиссару в Валоне (сообщена в Париж, Лондон и Афины) от 24/11 марта за № 562 предлагала „в согласии с представителями Англии и Франции" „оказывать поддержку князю в его стремлениях к установлению компромисса с эпиротами".

[3] Лит. копия. Опубл. М., стр. 496—499.

ница, сохранившая поразительное самообладание, заявила, что поступок ее объясняется выяснившейся для нее невозможностью добиться во Франции иным путем правосудия. Она была арестована и после краткого допроса в полицейском комиссариате водворена в тюрьму Сен-Лазар. В тот же день стало известно, что г. Кайо, глубоко потрясенный происшедшим, представил председателю совета свою отставку.

На следующий день в палате депутатов произошло знаменательное заседание. Следует припомнить, что в числе возведенных г. Кальметтом на г. Кайо обвинений одно касалось давления, которое, по наущению г. Кайо, было в 1911 г. произведено тогдашним председателем совета (ныне морским министром) г. Монисом на прокуратуру, в целях добиться отсрочки суда над известным банкиром Рошеттом, прославившимся своим грандиозным мошенничеством и поныне находящимся в бегах. По этому поводу ходили глухие толки о существовании, будто бы, особого по сему предмету мемуара, составленного генерал-прокурором г. Фабром, но где именно находится этот документ,—оставалось неизвестным.

Правый депутат г. Делахе в горячей речи обрушился на г. Кайо и потребовал от присутствовавшего в заседании г. Мониса категорического ответа, было ли,—да или нет,—произведено им давление на генерал-прокурора. Г. Монис долго отмалчивался, но, побуждаемый негодующими кликами центра и правой и после краткого обмена словами с г. Думергом, встал и заявил, что все это неправда. За ним на кафедру вышел сам председатель совета и в резких словах обрушился на оппозицию за ее ни на чем не основанные нападки на членов кабинета. Каково же было общее изумление, когда вслед за сим на кафедре появился бывший председатель совета г. Барту и после краткого вступления извлек из бокового кармана своего сюртука знаменитый мемуар прокурора Фабра. Последний категорически утверждает в нем, что он был дважды вызван Монисом, который, по желанию г. Кайо, отдал ему приказание убедить председателя суда отложить процесс Рошетта. Боясь за свою карьеру, Фабр после мучительной нравственной борьбы подчинился этому приказанию и известил об этом г. Мониса. „Председатель совета показался мне очень довольным, я же был гораздо менее доволен. В жизни моей я еще не переживал подобного унижения“,—заканчивает свой доклад генерал-прокурор.

Оглашение означенного документа после категорического отрицания г. Монисом своего вмешательства в дело Рошетта произвело

на палату впечатление громового удара. Из дальнейшей речи г. Барту выяснилось, что предъявленная им палате копия с мемуара г. Фабра была вручена последним г. Бриану в бытность его министром юстиции в кабинете Пуанкаре и им передана своему преемнику Барту. Последний же признал этот документ имеющим скорее частный, а не официальный характер и потому своему преемнику его не передал, а сохранил у себя. Объяснения эти вызвали бурные нападки друзей гг. Кайо и Мониса, обвинявших г. Барту в краже официального судебного документа и использовании его в своих партийных целях. Затем произошло общее смятение и среди негодующих кликов не только правой и центра, но и крайних социалистов, один из последних, г. Марсель Семба, охарактеризовал все происшедшее словами: „Это нравственная ликвидация режима".

Палата тут же единогласно постановила возобновить полномочия анкетной парламентской комиссии по делу Рошетта, придав ей судебные функции. Решение это, требовавшее утверждения сенатом, получило вслед за сим одобрение верхней палаты, с некоторыми впрочем изменениями, а именно в смысле установления лишь судебной ответственности за ложные показания в комиссии.

Г. Монис подал в отставку, и комиссия под председательством г. Жореса приступила к своим занятиям.

Комиссия эта допросила уже целый ряд политических деятелей и лиц судебного ведомства, но доклад ее палате едва ли будет готов ранее будущего вторника. Во всяком случае и ныне уже не может подлежать сомнению, что большинство возводившихся на гг. Кайо и Мониса обвинений следует считать подтвердившимися. Вмешательства своего в дело Рошетта они сами не отрицают и утверждают лишь, что вмешательство это отнюдь не имело характера давления на судебные власти. Последнее пока не вполне выяснено, точно так же, как остаются темными истинные мотивы, ими руководившие.

Впечатление, произведенное всеми описанными выше событиями, следует признать громадным и едва ли меньшим того, которое в свое время произвело знаменитое письмо Эмиля Золя о дрейфусовском деле, известное под названием „J'accusé".

За последние дни в Париже неоднократно происходили уличные манифестации, направленные против ушедших министров. Полиция довольно легко справлялась с этими демонстрациями, но возбуждение в народных слоях, без сомнения, продолжает быть значительным и, конечно, отразится на предстоящей выборной

кампании. Подавляющее большинство газет высказывается за необходимость энергически положить конец господству преобладающих ныне в парламенте элементов, внесших, как это видно из вышеописанного, полное растление не только в политические нравы, но и в судебные и административные круги в стране.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. Следствие по делу г-жи Кайо ведется энергично, и она была уже трижды допрошена судебным следователем. Свой поступок она объясняет опасением, что г. Кальметт опубликует попавшие в его руки интимного свойства письма г-жи Кайо к своему мужу еще до их брака. Однако в общественном мнении все сильнее укрепляется убеждение, что убийство следует скорее приписать боязни близких г. Кайо лиц, что опубликован будет именно тот мемуар г. Фабра, который потом оказался в руках г. Барту. По поводу этих толков характерно восклицание депутата Делахе в описанном в начале этого донесения заседании палаты, что ранее разоблаченные министры кончали самоубийством, а ныне посылают своих жен убивать разоблачителей.

Ut in litteris.

Извольский.

№ 95. Посол в Париже министру иностранных дел.

Депеша № 8[1]. 26/13 марта 1914 г.

В прошлый четверг французская палата депутатов обсуждала вопрос, внесенный двумя депутатами-социалистами, по известному делу о предполагавшемся, будто бы, приобретении фирмою Крупп предприятия Путиловских заводов. Запрос этот потерял значительную долю своего интереса вследствие состоявшегося урегулирования настоящего дела, и, действительно, развивший его депутат Альбер Тома направил свои нападки не столько против России и императорского правительства, сколько против фирмы Крезо, которую он обвинял в пренебрежении патриотическими соображениями и в том, что, действуя почти всегда по взаимному соглашению с большими иностранными предприятиями вроде Армстронга, Виккерса и Круппа, она прибегает к защите правительства республики и поощряет шовинистские выпады газет лишь тогда, когда

[1] Лит. копия. Опубл. L. N. II, p. 254—255.

ей почему-либо не удалось за спиною правительства столковаться со своими конкурентами.

С разъяснениями по делу Путиловских заводов выступил председатель совета г. Думерг, ограничившийся изложением фактов. Он заявил, что фирма Крезо вела переговоры с обществом Путиловских заводов относительно ссуды средств, необходимых на значительное расширение этого предприятия. Когда ведший эти переговоры агент Крезо был вынужден покинуть на время С.-Петербург по семейным обстоятельствам, то фирма Крупп воспользовалась этим перерывом и через частный банк сделала Путиловскому обществу подобное же предложение. Об этом правительство республики было немедленно осведомлено и тотчас поручило г. Делькассе обратить на сей вопрос внимание императорского правительства. Благодаря, с одной стороны, деятельным шагам французского посла в Петербурге, а с другой стороны, предупредительности императорского правительства, заявившего, что оно не допустит приобретения фирмою Крупп влияния на Путиловское предприятие, дело было быстро урегулировано. Представители Крезо выехали в Россию, и через короткий срок соглашение о финансировании Путиловских заводов было подписано.

После речи г. Думерга выступил социалист Брак, повторивший излюбленный тезис своей партии, что франко-русский союз не дает Франции тех выгод, на которые она могла бы рассчитывать в силу услуг, которые она нам оказывает. Этот выпад вызвал немедленно возражение со стороны председателя совета. Г. Думерг заявил, что он не видел причины затрагивать по настоящему поводу вопрос о франко-русских отношениях, о которых он уже сделал палате официальное заявление. Но если этот вопрос теперь затронут с другой стороны, то он может лишь повторить, что, по его убеждению, франко-русский союз дает Франции большую силу для отстаивания всех ее интересов и является в то же время вернейшим залогом сохранения мира. „Если вам желательно, чтобы я повторил эти слова, то я делаю это с величайшим удовольствием“.

В заключение палата вотировала переход к очередным делам, принятый правительством и гласящий, что „палата, рассчитывая, что правительство будет следить за деятельностью больших металлургических предприятий, дабы последняя не могла вредно отразиться на внешней политике Франции, переходит к очередным делам“.

Примите и пр. Извольский.

№ 96. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 26/13 марта 1914 г.
Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Certaines rumeurs me parviennent ici, qui ne sauraient entrer dans mes rapports plus officiels de ce jour[1]. Il s'agit de menées antigouvernementales de personnalités proches—trop proches—à la cour. On commence à escompter la position délicate de Mr. Vénizélos dans la question d'Epire, on veut en battre monnaie. Les adeptes d'un rapprochement avec l'Allemagne, avec la Triple Alliance, dont la puissance selon eux ne peut être niée en regard de la faiblesse de l'Entente et dont le concours est par conséquent plus nécessaire à la Grèce, ces adeptes, dis-je, veulent profiter de la situation pour ébranler le prestige et la confiance du roi en son premier ministre. Il y a, sans doute, aucune campagne en règle, intrigue sourde.

Le prince Nicolas de Grèce serait à la tête du mouvement. Tout dernièrement encore, son altesse aurait convoqué des journalistes de l'opposition pour leur enjoindre une action concertée dans la presse. En relations d'amitié avec Mr. Theotokis, il lui aurait inspiré son récent discours oppositionnel; assez influent auprès de son frère, le roi, il lui ferait de continuelles insinuations sur le rôle néfaste de Mr. Vénizélos et entretiendrait sa majesté dans un état de défiance à l'égard du président du Conseil. J'en devine assez les motifs: ambitions personnelles, vieilles rancunes, peut-être aussi convictions réelles, doublées de manque de sympathie envers la Russie et la France.

Toujours est-il que l'arrivée de l'empereur d'Allemagne à Corfou provoque ici un véritable exode des princes; le roi et la reine partent aujourd'hui à la rencontre de Guillaume II. Le chancelier, Mr. de Bethmann-Hollweg, rejoindra sous peu, paraît-il, son souverain à Corfou; il est à présumer que Mr. Vénizélos partira également à la rencontre du ministre allemand. Une députation des habitants de Cavalla doit aller saluer l'empereur pour lui présenter les témoignages de reconnaissance de la ville pour son intercession en leur faveur.

A Corfou il y aura certainement échange de vues politiques. Je ne sais encore si ces manifestations ont un caractère spécial par suite de la situation délicate de la Grèce vis-à-vis de la Turquie, d'une part, de l'Albanie, de l'autre. Mais sans nul doute il y a frais considérables et exceptionnels, et les intentions politiques peuvent tourner sur une

---

[1] Депеша от 25/12 марта за № 6 посвящена вопросу о морской обороне новых островных владений Греции; в письме от 26/13 марта сообщалось о переговорах относительно торгового договора между Австро-Венгрией и Грецией.

axe plus étendue. Je ne m'en étonnerais guère et, seule, la présence de Mr. Vénizélos m'est une garantie de pondération et de stabilité. Je n'en nourris que plus de craintes devant les bruits inquiétants qui circulent sur les menées du prince Nicolas,—coïncidant avec certains symptômes que je n'ai pas manqué de noter. La présence, entre autres, en ce moment de futur ministre de Grèce à Berlin, Mr. Théotokis-fils, dont les tendances germanophiles ne sont un secret pour personne, et l'intimité de ce dernier avec le prince Nicolas me donnent assez à penser.

Je me permets de vous transmettre ce qui précède sous toute réserve; il se peut que je m'exagère mes appréhensions. Mais je ne puis pas passer sous silence un état de choses, dont le développement pourrait amener de graves conséquences pour le pays.

Veuillez agréer etc.

Démidow.

Перевод. Доверительно.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

До меня доходят здесь слухи, которые не могут быть сообщены в моих более официальных сегодняшних донесениях. Речь идет о противоправительственных происках лиц близких, слишком близких ко двору. Начинают учитывать щекотливое положение г. Венизелоса в эпирском вопросе и хотят извлечь из этого выгоду. Сторонники сближения с Германией, с Тройственным союзом, могущество которого, по их мнению, нельзя отрицать в сравнении со слабостью Согласия, и в помощи которого Греция, следовательно, более нуждается,—эти сторонники хотят, по-моему, воспользоваться создавшимся положением, чтобы поколебать престиж премьер-министра и доверие к нему короля. Нет никакого сомнения, что ведется не последовательная кампания, а глухая интрига.

Королевич Николай греческий стоит, повидимому, во главе движения. Будто бы совсем недавно его высочество созвал оппозиционных журналистов, чтобы предложить им согласованное выступление в прессе. Находясь в дружеских отношениях с г. Теотокисом, он, будто бы, внушил ему его недавнюю оппозиционную речь; довольно влиятельный у своего брата, короля, он, будто бы, постоянно внушает ему мысль о роковой роли г. Венизелоса и поддерживает в его величестве недоверие к председателю совета. Я угадываю его мотивы, именно личное честолюбие, старые размолвки, может быть, и действительные убеждения, подкрепляемые отсутствием симпатий к России и Франции.

Во всяком случае прибытие германского императора на Корфу вызвало здесь настоящий поход принцев; король и королева выезжают сегодня навстречу Вильгельму II. Канцлер г. Бетман-Гольвег, кажется, скоро присоединится к своему государю на Корфу; надо предполагать, что г. Венизелос тоже выедет навстречу германскому министру. Депутация от населения Каваллы будет приветствовать императора и представит ему заверения в благодарности города за его заступничество.

На Корфу произойдет, конечно, обмен политическими взглядами. Я не знаю еще, носят ли эти демонстрации особый характер, вследствие щекотливого положения Греции в отношении Турции, с одной стороны, и Албании—с другой.

Но несомненно предприняты большие и исключительные усилия, так что политические перспективы могут сильно расшириться. Я бы этому не удивился, и только присутствие г. Венизелоса кажется мне гарантией равновесия и прочности. Вследствие этого еще большие опасения внушают мне тревожные слухи, распространяющиеся об интригах королевича Николая, которые совпадают с некоторыми отмеченными мною симптомами. Присутствие в настоящее время среди прочих будущего греческого посланника в Берлине г. Теотокиса-сына, германофильские тенденции которого ни для кого не являются секретом, и близость его с королевичем Николаем наводят меня на размышления.

Я позволяю себе передать вам вышеизложенное, не ручаясь за его достоверность; возможно, что мои опасения преувеличены. Но я не могу обойти молчанием положение вещей, которое способно привести к дальнейшим и серьезным для страны последствиям.

Примите и пр. Демидов.

№ 97. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 17[1]. 26/13 марта 1914 г.

Копия в Белград[2].

На-днях после долгих колебаний король Николай распорядился о вручении уже несколько времени назад доставленного в Белград собственноручного его письма королю сербскому, в коем сербы приглашаются к скорейшему соглашению с Черногорией в видах объединения деятельности сербского племени в области военной, дипломатической и финансовой,—при непременном условии сохранения независимости и единоправия обоих государств и их династий. В заключение король Николай призывает на этот договор, могущий быть столь „полезным для еще не освобожденного сербства", благословение вековой покровительницы славян—России[3].

Обнорский.

№ 98. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 18[4]. 26/13 марта 1914 г.

Продолжение моей телеграммы № 17[5].

Копия в Белград[6].

---

[1] Опубл. Siebert, S. 624.

[2] У Siebert'а это указание отсутствует.

[3] У Siebert'а, последняя фраза передана так: „Am Schlusse des Schreibens hebt König Nikolaus hervor, dass eine derartige Vereinbarung «für das noch nicht befreite Serbentum sehr nützlich sein werde" und „im Sinne des ewigen Beschützers der Slawen—Russlands—sei".

[4] Опубл. Siebert, S. 624—625.

[5] См. выше № 97.

[6] У Siebert'а это указание отсутствует.

Хорошо зная истинное настроение черногорского короля и принимая во внимание совершенно определенное положение, занимаемое в этом вопросе Италией и Австрией, из которых последняя относится к немедленному слиянию обоих сербских государств с нескрываемыми опасениями и враждебностью, я полагал бы, что объединительный договор между этими братскими народами возможен пока лишь при условии соблюдения вышеуказанных основных положений короля Николая, гарантирующих самостоятельность Черногории. При этом лучшим способом обеспечения мирной эволюции сербо-черногорского единения я попрежнему считал бы восстановление нашей военно-инструкторской деятельности в Черногории, согласованной с сербской военной программой, но совершенно свободной от допущения хотя бы минимального количества сербских инструкторов, которые неизбежно вели бы здесь преждевременную унионистскую агитацию, могущую при нынешней политической обстановке привести к самым опасным и едва ли легко в таком случае устранимым осложнениям, включительно до занятия Австрией Санджака и вооруженного столкновения с Сербией[1].

Обнорский.

№ 99. Журнал комитета финансов[2].

27/14 марта 1914 г.

Комитет финансов. В заседании [27] 14 марта 1914 года комитет финансов рассматривал представленные управляющим министерством финансов записки о суммах министерства за границей и об операциях Государственного банка за 1910—1913 гг.

За последнее время в начале почти каждого года комитетом финансов обсуждалась денежная и кредитная политика министра финансов. При этом рассмотрении комитет уделял особое внимание вопросу о желательных и допустимых размерах заграничной наличности казны и Государственного банка и о способах хранения таковых сумм, а также отчасти—вопросам об операциях Государственного банка как эмиссионного учреждения, призванного регу-

[1] На лит. копии имеется надпись рукою Трубецкого „Гартвигу. Сообщ. Обнорскому не содействовать, сослаться на мнение Пашича о несвоевременности“.

[2] Копия. На документе надпись: „На подлинном собственною его императорского величества рукою начертано: „Исполнить“, и г. управляющим министерством финансов написано: „Собственною его императорского величества рукою начертано: „Исполнить“. В Ливадии, [24] 11 апреля 1914 г. П. Барк“.

лировать в стране правильное денежное обращение, основанное на беспрепятственном обмене на золото, и о состоянии и правильном развитии оборотов русских банков и биржи.

По первому вопросу комитет финансов признавал неизбежным, ввиду большой нашей внешней задолженности, держать крупные суммы у иностранных банкиров, находя при этом, что перевод за границу части наличности не может лишить страну средств, необходимых для удовлетворения государственных потребностей. Вместе с тем однако комитет затруднялся определить нормальный размер заграничной наличности, так как таковой зависит от условий и практических соображений данного времени, и лишь нашел нужным установить предельную норму до 700 милл. руб., т. е. в размере двухгодовой потребности в платежах России за границей.

За прошлый 1913 год заграничная наличность казны и Государственного банка уменьшилась с 651 до 594 милл. руб., и лишь в начале текущего года, в связи с заключением железнодорожного займа и покупкой у железнодорожных обществ иностранной валюты по этому займу, заграничные суммы вновь повысились до 669 милл. рублей.

Для уменьшения этой наличности еще с прошлого года производится покупка золота. Всего Государственным банком куплено и доставлено в Петербург золота в слитках и монете на сумму 34,4 милл. руб. и, кроме того, до [14] 1 июля текущего года будет еще сдано на 30,7 милл. руб.

При обсуждении вопроса о размерах в настоящее время наших сумм за границей, по указанию управляющего министерством финансов, необходимо иметь в виду, что за весь прошлый год вследствие малой активности нашего баланса и неблагоприятных курсов министерством финансов не только не было приобретено валюты, но даже часть имеющейся уже была предоставлена для нужд русской торговли. В текущем году положение дел не улучшилось, обязательства же наши по оплате гарантированных займов увеличились, и, кроме того, предстоят крупные казенные заказы за границей, в частности лишь по одному морскому ведомству в сумме около 70 милл. рублей.

С другой стороны, однако, по мнению комитета финансов, нельзя упускать из виду, что вследствие предположенной программы строительства нам придется заключать гарантированные железнодорожные займы или государственные займы, выручка которых, по устанавливаемым всегда иностранными банкирами усло-

виям, должна оставаться некоторое время у них на счетах, увеличивая, таким образом, наши заграничные суммы.

В сих соображениях комитет финансов, не изменяя принятой предельной нормы для заграничной нашей наличности до 700 милл. руб., полагал желательным в мере представляющейся возможности и не производя существенных пертурбаций на денежных рынках, продолжать перевод наших сумм из-за границы внутрь империи.

В связи с вопросом о заграничной нашей наличности в последнее время, вследствие осложнившихся международных политических отношений, возник вопрос о сохранности сумм, находящихся у заграничных банкиров. Произведенное министерством финансов исследование этого вопроса показало, по мнению комитета финансов, что на почве существующих конвенций, и в частности Гаагской конференции, нельзя признать вопрос этот разрешенным в благоприятном для нас смысле. Во всяком случае поныне не устранено сомнение в возможности захвата принадлежащих русским казне и Государственному банку денег, фондов и долговых требований воюющим с Россией государством, и притом, по указанию действительного тайного советника Голубева, не только в этом самом государстве, но и на занятой сим последним территории той страны, которая в союзе с Россией приняла бы участие в происходящей войне.

Несомненно однако, что ближайшей опасности подлежат суммы, находящиеся у банкиров страны, с которой придется непосредственно начать военные действия. В этих соображениях министерство финансов, как уже выше было указано, принимало меры к уменьшению нашей золотой наличности за границей. В частности наличность наша в Германии в последние годы была значительно уменьшена, и в настоящее время из общей суммы около 670 милл. руб. нашей заграничной наличности на Германию приходится всего 59 милл. руб. Но и эту сумму управляющий министерством финансов признал возможным несколько уменьшить.

С своей стороны комитет финансов признал весьма желательным подвергнуть вышеозначенный принципиальный вопрос компетентному обсуждению, поручив с этой целью управляющему министерством финансов выяснить его при участии министров иностранных дел и юстиции. Засим, если таковое исследование укажет сколько-нибудь на основательность опасений, возникающих по этому вопросу, необходимо было бы министерству финансов обсудить дальнейший вопрос о способах, какими могло бы быть избегнуто нахождение государственных сумм в Германии, при необходимости

оплачивать некоторые наши займы, по условиям их выпуска, в этой стране.

На первый взгляд представляется возможным организовать такую оплату на комиссионных началах и при посредстве банков иных стран, имеющих лишь в Германии свои отделения или корреспондентов. Но такое решение, сопряженное с изъятием наших сумм из немецких банков, представляет большие трудности ввиду того, что некоторые из сих банков издавна были русскими корреспондентами и оказывали существенные услуги русскому кредиту по размещению займов. И в будущем не только не исключена, но даже вполне вероятна возможность заключения займов в Германии при посредстве означенных банков.

Изъятие же из них наших сумм закрыло бы совершенно для нас германский рынок, не говоря уже о том, что такая мера могла бы быть сочтена актом явного недружелюбия и, в качестве такового, резко осложнить международные отношения. Ввиду этого, чтобы не прибегать к полному устранению немецких кредитных установлений, надлежало бы, по мнению комитета финансов, сообразить, не окажутся ли на случай войны огражденными от захвата наши суммы, предназначенные для наших платежей в Германии, если они будут доверены не непосредственно находящимся в ее пределах кредитным установлениям, а учрежденным вне ее отделениям немецких банков. Во всяком случае всестороннее обсуждение мероприятий для безопасности наших сумм за границей требует участия министра иностранных дел, и он должен быть осведомлен об установленном в этом направлении способе действий.

Другая неблагоприятная сторона хранения золотой нашей наличности за границей заключается в предоставлении слишком больших сумм заграничным отделениям русских банков. На [14] 1 января 1914 года сумм этих было свыше 200 милл. руб., к [27] 14 марта, в зависимости от изменений, происшедших от заключения железнодорожного займа, они понизились до 135,7 милл. руб., но и на таковом уровне наличность казенных сумм у наших банков представляется излишней. В действительности предоставление этих сумм русским банкам равносильно открытию им кредита, и притом вне порядка обычного кредита в банке, с истребованием соответственного обеспечения и строгою проверкою такового. Между тем предоставленные суммы могут быть затрачены банками в долгосрочные операции, переведены в Россию, и в случае надобности министерство финансов едва ли в состоянии

будет скоро вернуть их себе, тем более, что трудные минуты государственной нашей жизни будут таковыми же и для наших банков, и правительство не может не считаться с этим.

По сим соображениям комитет финансов полагал желательным уменьшить количество сумм Государственного банка и казны в заграничных отделениях русских банков, производя это уменьшение в осторожной, но неуклонной постепенности.

Переходя к операциям Государственного банка, председателем комитета финансов было высказано, что обозрение баланса банка по сравнению с состоянием счетов на [14] 1 января 1904 года приводит его к убеждению, что в настоящее время в финансовом отношении мы гораздо менее подготовлены к войне, чем 10 лет тому назад. Правда, золотой фонд банка, вследствие значительных заграничных займов, увеличился с 903 до 1 688 милл. руб., но зато сумма кредитных билетов в обращении увеличилась с 578,4 милл. руб. до 1 665 милл. руб., т. е. почти в три раза. При этом часть золотого запаса (163 милл. руб.) находится за границей в иностранных банках и отделениях русских банков. По мнению статс-секретаря Голубева, вся эта сумма, как не представляющая собой золота в натуре, а лишь обязательства банков в золотой валюте, не может быть причислена к требуемому законом фонду обеспечения кредитных билетов. Мнение это граф Витте не вполне разделяет, но находит, что из сумм золота за границей во всяком случае должны быть исключены суммы, предоставленные русским банкам, по изложенным уже выше соображениям.

По вычете же этих сумм кредитные билеты на 17 милл. руб. будут уже не иметь за собой золотого обеспечения. Хотя по эмиссионному нашему закону и можно выпустить кредитные билеты без золотого обеспечения на сумму 300 милл. руб., но к такой эмиссии следовало бы прибегать лишь при особых бедственных условиях, а не в нормальное время жизни страны.

Сильный рост кредитного обращения есть прямое следствие крайне интенсивного развития активных операций банка. С 1904 г. по 1914 г. учет и ссуды выросли с 481 милл. руб. до 1 065,5 милл. руб. Из этих операций даже общие с другими эмиссионными банками учетные операции у нас, как известно, по особым условиям жизни, всегда значительно более долгосрочны; за сим в числе других операций имеются уже несвойственные вообще эмиссионному банку, как, например, ссуды под товары, промышленные, учреждениям мелкого кредита, не говоря уже о по-

стройке элеваторов, совершенно недопустимой для Государственного банка, выпускающего кредитные билеты и обязанного оплачивать их безостановочно золотом. Таким образом, при наличности обязательств у Государственного банка по вкладам и текущим счетам на 1 191 милл. руб., в случае необходимости по каким-либо обстоятельствам скорого их возвращения, банк был бы поставлен в крайнее затруднение, не имея никакой возможности реализовать в короткое время своих активов по их долгосрочности. В частности, в случае нужды банк был бы не в силах при наличном эмиссионном праве менее чем в 300 милл. руб. удовлетворить казну по ее текущему счету, превышающему свободное эмиссионное право банка почти вдвое. По своей сумме означенный текущий счет казны лишь немного превышает свободную ее наличность и большую часть этой наличности банк затратил в операции. Между тем в случае наступления каких-либо политических осложнений наличность эта еще до начала войны понадобится немедленно, освободить же ее банк будет в состоянии лишь по прошествии немалого времени.

С своей стороны, не входя в оценку банковой политики последних годов, тайный советник Шипов добавил, что затруднительное положение для банка может наступить не только в случае войны, но и при других каких-либо осложнениях государственной жизни и народного хозяйства. Стоит вспомнить лишь имевший место совсем недавно случай, когда, под влиянием опасений политических осложнений, встревоженное население Австрии бросилось истребовать свои суммы в местных сберегательных кассах и банках. При огромной наличности вкладов в наших банках и сберегательных кассах, составляющей 5 миллиардов рублей, начавшийся по какой-либо причине run на них может поставить Государственный банк в необходимость притти к ним на помощь, как это было в трудные годы, в начале нового столетия, и этим еще более осложнит его положение. При этом нельзя упускать из виду, что в 1905—1906 гг. суммы вкладов и текущих счетов были значительно меньше, чем в настоящее время.

С своей стороны другими членами комитета финансов было высказано:

Статс-секретарем Харитоновым,—что интенсивное развитие операций Государственного банка и, в частности, подтоварных ссуд, было вызвано усиленными денежными оборотами в соответствии с экономическим подъемом страны и развитием торгово-промышленных оборотов и притом в значительной степени под сильней-

шим напором общественного мнения, настойчиво требовавшего, опираясь на постановления устава банка 1894 г., расширения всех видов кредита. В связи же с развитием выдачи хлебных ссуд возникла необходимость в зернохранилищах Государственного банка, которые за сим, по соображениям уже экономическо-государственным, решено было строить более усовершенствованных типов, а именно элеваторы.

Действительными тайными советниками Дмитриевым и Сабуровым,—что в самое последнее время учетно-ссудные операции Государственного банка значительно опустились, составив на [14] 1 марта 1914 года около 678 милл. руб. против 948 милл. руб. на [14] 1 января сего года. Засим эмиссионный закон наш, повидимому, ныне уже не соответствует развившимся денежным оборотам страны и требует изменения даже при нормальных мирных обстоятельствах. Что же касается до военного времени, то вообще в таких случаях воюющие государства почти всегда прибегали к приостановлению размена, чего удалось избегнуть против всех ожиданий только нам во время японской войны. К этому мнению присоединился и тайный советник Тимашев.

По поводу сих соображений графом Витте было отмечено, что наблюдаемое на [14] 1 марта понижение учетных операций Государственного банка обусловлено исключительно железнодорожным, по его мнению, весьма невыгодным займом, суммы которого были распределены между частными банками под условием уменьшения их задолженности Государственному банку.

Вообще за последние четыре года задолженность наша по гарантированным займам возросла на 1 008 милл. руб. (с 3 192 милл. руб. до 4 200 милл. руб.), чем в значительной части объясняется и рост наших золотых запасов. Но строить равновесие денежного обращения на системе последовательных заграничных займов, очевидно, нельзя. Засим и изменение эмиссионного закона возможно лишь при пересмотре активных операций банка в смысле допущения исключительно краткосрочных, так как правильное билетное обращение иностранных банков, имеющих более широкое эмиссионное право, покоится отнюдь не на одном фонде обеспечения, но и на легкой реализуемости их активов и насыщенности монетного обращения в стране. В связи с сим приостановление размена этими банками, в случае войны, имело бы значение лишь страхования, тогда как у нас, при существующем положении операций банка, пришлось бы добывать с самого начала средства на ведение войны путем печатного станка.

По обмене мнений комитет финансов пришел к заключению о желательности, чтобы свободное эмиссионное право выпуска кредитных билетов без металлического обеспечения не было затрагиваемо в обычное время, для чего активные операции Государственного банка не подлежали бы дальнейшему развитию, в частности же представлялось бы более осторожным сократить с известной постепенностью принявшие слишком большие размеры специальные счета под процентные бумаги, каковая операция представляет другие неблагоприятные стороны, засим, может быть, также некоторые долгосрочные товарные операции, за исключением хлебных ссуд.

Последняя операция, хотя и является несколько долгосрочною, тем не менее правильно погашается в течение года, в существе же своем представляется крайне полезною для нашей страны. Признавая затем безусловно необходимыми продолжение кредитования учреждений мелкого кредита и оборудование страны сетью элеваторов, комитет финансов полагал, что для оказания кредита учреждениям мелкого кредита, задолженность которых в общем представляет последовательный и довольно крупный рост (30 милл. руб. ежегодно), желательно найти другие источники вне эмиссионного права Государственного банка. Сему последнему равным образом совершенно несвойственно устройство элеваторов, затраты на каковую операцию и до разрешения общего о постройках и заведывании ими вопроса во всяком случае подлежат отнесению не на операционные средства Государственного банка, а на его прибыли, что представится вполне возможным ввиду интенсивного роста таковых.

По этому поводу комитет выслушал заявление председателя совета министров, объяснившего, что совет министров, с своей стороны, уже пошел навстречу усвоенному комитетом финансов изъясненному взгляду. А именно, названный совет в заседании [26] 13 сего марта, озабочиваясь всемерным охранением устойчивости эмиссионного права Государственного банка, при обсуждении вопроса об оборудовании нашего отечества сетью зернохранилищ, высказался в том смысле, что сооружение элеваторов за счет операционных средств Государственного банка возможно лишь в ограниченных пределах, поскольку оно оправдывается операциею выдачи банком ссуд под хлеб. Что же касается дальнейшего оборудования страны названными складами, в сеть коих предполагается ввести также железнодорожные зернохранилища, то оно должно последовать за счет прибылей Государственного банка или прямых

на эту потребность ассигнований из государственного казначейства. В частности для выяснения всех подробностей практического осуществления сказанной задачи советом министров намечено образование особого, под председательством министра торговли и промышленности, комитета, обязанность коего и составит, между прочим, урегулирование всех сторон настоящего дела.

Засим комитет финансов полагал желательным возобновить прежние предписания Государственному банку об увеличении выдачи его кассами золотой монеты вместо кредитных билетов. В настоящее время в обращении почти не видно золота, и, по данным Государственного банка, наблюдается обратный прилив золотой монеты за последние пять лет в сумме 85 милл. руб. Между тем комитет финансов постоянно признавал необходимым условием устойчивости денежного обращения насыщение его каналов золотой монетой. Ввиду же наблюдаемого уклонения нашей публики от приема золота, следовало бы опять обратиться к неоднократно применяемой с успехом мере уменьшения выпуска в обращение кредитных билетов 5- и 10-рублевого достоинств. Усиленный выпуск золота в обращение имел бы еще то благоприятное последствие, что несколько уменьшились бы наши золотые запасы в банке, количество которых в огромных размерах благоприятствует преувеличенным требованиям на операции всевозможных видов кредита.

Обращаясь к положению банков и биржи, комитетом финансов было обращено внимание на все шире и шире развивающееся за последнее время участие частных банков во всякого рода промышленных делах. Отметив, что такое явление замечается не только у нас, но повсеместно и в известной степени полезно для промышленности, снабжая ее капиталами, комитет не мог не обратить внимания на темные стороны наблюдаемого явления. В некоторых видах промышленности участие банков принимает уже форму захвата, с обычными последствиями образования синдикатов, повышения цен и ухудшения в то же время качества изделий. Независимо от сего возникает и немаловажное опасение затрат краткосрочных средств банков в иммобилизуемые помещения.

Несомненно, что на эти затраты пошла и часть тех значительных средств, которые предоставлены кредитным учреждениям Государственным банком и казною в сумме 754,8 милл. руб. Другая часть этих сумм пошла на спекуляцию, что видно из роста затрат банков на онколь, увеличившихся за 2 года с 534,3 до 765,5 милл. руб., т. е. на 231,2 милл. руб. Тем не менее комитет

финансов признал невозможным возложить на Государственный банк наблюдение за употреблением его кредитов, полагая, что, независимо от закона о борьбе с синдикатами, таковой надзор мог бы быть выполнен лишь кредитной канцелярией в мере предоставленных ей законом способов.

По отношению к бирже управляющим министерством финансов было указано, что при наблюдающемся за последнее время постоянном понижении курсов министерство финансов забрасывается требованиями поддержать биржу путем интервенции и приостановить, как это, будто бы, неоднократно делалось, экзекуцию частными банками по уменьшившимся в обеспечениях онкольным счетам. Эту последнюю меру управляющий министерством финансов, с своей стороны, признал совершенно незаконной и недопустимой, так как, вмешиваясь в частноправовые отношения банков и их клиентов и препятствуя первым осуществлять установленные договором права, министерство финансов тем самым приняло бы на себя ответственность за все могущие быть для обеих сторон последствия сего вмешательства.

Что касается до поддержания ценностей, то для этой цели служит образованный уже давно консорциум частных банков с предоставлением ему кредита в Государственном банке, доведенного ныне до 30 милл. руб. Полагая, что искусственная поддержка ценностей со стороны министерства финансов в настоящее время неправильна и в особенности недопустима в периоды промышленного подъема, когда на бирже создается лишний стимул для ажиотажа, управляющий министерством финансов полагал бы однако неосторожным прекратить ее ныне, когда биржа переживает депрессию и, будучи приучена к поддержке извне, не в силах справиться самостоятельно с усиленным предложением бумаг. Крутое прекращение интервенций, практикуемых уже несколько лет и, несомненно, повлиявших на состояние курсов, могло бы, в особенности в настоящее тревожное время, привести к последствиям, которые трудно заранее предугадать. В качестве же нормального средства противодействия к понижению ценностей на других биржах служат срочные сделки на medio и ultimo месяца, каковую операцию управляющий министерством финансов полагает небесполезным ввести и на русские биржи.

Комитет финансов присоединился к соображениям управляющего министерством финансов о недопустимости вмешательства министерства финансов в приостановление экзекуционных распоряжений частных банков по онкольным счетам, а также о нежелательности

практикуемой за счет крупного кредита Государственого банка интервенции для поддержания курса процентных бумаг и в то же время об опасности крутого прекращения этой интервенции. Что же касается введения на биржи срочных на определенные числа сделок по купле и продаже, то для обсуждения в комитете финансов целесообразности этой меры требовалось бы представление ведомством обстоятельных объяснений ее положительных и отрицательных сторон.

На основании всего изложенного комитет финансов полагал:

I. По вопросу о заграничной наличности.

1. Не изменяя установленной ранее предельной суммы нашей заграничной наличности до 700 милл. руб., признать желательным постепенное и осторожное ее уменьшение путем переводов части означенных сумм внутрь империи, в особенности же сумм, находящихся в заграничных отделениях русских банков.

2. Предоставить управляющему министерством финансов выяснить вопрос о возможности, при возникновении войны, конфискации заграничных наших сумм правительством враждебной нам страны и, в случае могущих возникнуть сомнений в небезопасности таковых сумм, обсудить возможные к предотвращению сего положения меры.

II. По операциям Государственного банка.

1. Признать желательным, чтобы свободное эмиссионное право выпуска кредитных билетов без золотого обеспечения не было затрагиваемо в нормальное мирное время страны, для чего не расширять активных операций Государственного банка, направив в частности к постепенному сокращению специальные счета под процентные бумаги.

2. Предоставить управляющему министерством финансов найти другие источники для кредитования учреждений мелкого кредита, а устройство элеваторов отнести на общие государственные средства, до изыскания же таковых—на прибыли Государственного банка.

3. Принять меры к усилению выпуска кассами Государственного банка в обращение золотой монеты, уменьшив с этой целью выпуск кредитных билетов 5- и 10-рублевого достоинства.

III. По вопросу о банках и бирже.

1. Признать желательным выяснить вопрос о возможных мерах надзора через кредитную канцелярию за затратами частных банков полученных ими средств и предоставленных кредитов в промышленные предприятия.

2. Предоставить управляющему министерством финансов с боль-

шой постепенностью и с должной осторожностью прекратить кредитование консорциума частных банков, образованного в целях интервенции при падении курсов на бирже, приступив к сокращению кредита в то время, когда восстановится спокойствие в биржевых оборотах, и обсудить, какие иные меры могли бы более нормальным образом служить той же задаче.

О сем комитет финансов полагал представить через управляющего министерством финансов на благоусмотрение вашего императорского величества.

Подписали: Граф Витте, И. Горемыкин, П. Сабуров, Иван Голубев, М. Дмитриев, П. Харитонов, Иван Шипов, С. Тимашев, С. Рухлов, Петр Барк, А. Никольский.

Скрепил управляющий делами комитета финансов

Д. Никифоров.

№ 100. Германский статс-секретарь по иностранным делам Ягов германскому послу в Петербурге Пурталесу.

Телеграмма № 51[1] 27/14 марта 1914 г.

Nach Petersburger Zeitungsnachrichten wird telegraphiert, dass Seine Majestät der Kaiser im Sommer bei Empfang des russischen Kriegsministers demselben gesagt habe, Oesterreich mache eine schwere Krisis durch, im Ernstfalle könnte er sich auf Hülfe Oesterreichs nicht verlassen, daher sei Dreibund Deutschland, Russland, Frankreich nötig. Eine solche Combination könnte die Politik Oesterreichs verändern. Suchomlinow habe dann die Frage mit dem französischen Generalstabchef besprochen.

Seine Majestät der Kaiser haben nach Kenntnissnahme dieser Zeitungsnachricht heute plötzlich telegraphiert:

„Das ganze Gespräch ist erlogen. Ich habe mit Suchomlinow nur über militärische Dinge gesprochen".

Falls die Mitwissenschaft des Kriegsministers erwiesen ist, verlangen Seine Majestät der Kaiser sofortige Remedur und Abbitte.

Sollte der Kriegsminister Ausflüchte machen, sollen Ew. Excellenz Audienz beim Zaren erbitten und strenge Bestrafung verlangen.

Ew. Excellenz wollen über Wortlaut und Herkunft des Artikels mir sofort berichten.

---

[1] Телеграмма, расшифрованная в российск. м-ве ин. дел.

Перевод.

На основании петербургских газетных известий телеграфируют, что его величество император сказал русскому военному министру во время приема летом, что Австрия испытывает тяжелый кризис, и он не может положиться в серьезных обстоятельствах на ее помощь, поэтому необходим тройственный союз Германии, России, Франции. Такая комбинация может изменить политику Австрии. Сухомлинов, будто бы, обсуждал затем этот вопрос с начальником французского генерального штаба.

Его величество император неожиданно телеграфировал сегодня по ознакомлении с этим газетным сообщением: „Вся беседа вымышлена. Я говорил с Сухомлиновым только на военные темы“. Если будет установлено, что сообщение дано с ведома военного министра, его величество император требует немедленного опровержения и принесения извинения.

Если военный министр станет прибегать к отговоркам, то ваше превосходительство должны испросить аудиенцию у царя и требовать строгого наказания.

Ваше превосходительство благоволите сообщить мне тотчас текст и происхождение статьи.

№ 101. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Депеша № 7. 27/14 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На другой же день после торжественной аудиенции у их шведских величеств министр иностранных дел выехал в Париж по финансовым делам, связанным отчасти с его обычным кругом деятельности самого выдающегося и богатого из шведских банкиров. Как мне передавали, главною целью поездки г. Валленберга было привлечь еще большее участие французских и английских капиталов к делам учрежденного им крупного банковского учреждения — „Banque des Pays du Nord“.

Немедленно по возвращении г. Валленберг принял меня, и я имел с ним продолжительную и интересную беседу на общеполитические темы. Г. Валленберг сообщил мне, что он виделся в Париже со своим давнишним знакомым г. Думергом и долго с ним разговаривал. Поехав затем в Лондон по тем же делам „Банка Северных стран“, он счел уместным посетить сэра Э. Грея. На возвратном пути и ввиду этих последовательных свиданий с французским и великобританским министрами иностранных дел, г. Валленберг нашел приличным заехать на несколько часов в Берлин, чтобы сделать визит г. фон Ягову. Говоря об этом свидании, г. Валленберг ограничился лишь одним, но не лишенным значения, сообщением, а именно, что он заявил германскому министру иностранных дел о непреклонном желании Швеции сохранить и обеспечить „при всяких возможных событиях“ свой нейтралитет.

Я счел долгом заметить г. Валленбергу,—в виде однако частного мнения,—что я отнюдь не считаю наступление подобных событий ни близким, ни даже вероятным. С Германией нам делить нечего, и, несмотря на обоюдные излишества и подстрекательства политической печати, как оба царственные дома, так и оба правительства одушевлены искренним желанием охранения[1] мира и столь давнишних добрососедских отношений. Война между Россией и Германией и поражение одной из сторон послужили бы сигналом к такому подъему социалистических и анархических движений в стране побежденной, который, в свою очередь, представил бы самые страшные опасности и для победителя и для всей Европы. Это отлично понимают и в Германии, и в России все люди благоразумные, и в особенности лица, на которых лежит тяжелая ответственность государственного управления и судеб страны. Г. Валленберг вполне согласился со мною, но указал на опасности для всеобщего мира, не перестающие возникать на юго-востоке Европы. Я ответил на это, что события последних двух лет доказали наглядно, насколько мудрая и благожелательная политика России озабочена сохранением европейского мира и согласия в тех случаях, когда не затрагиваются самые существенные интересы и освященные историею права русского народа; если за последние два года не произошло, благодаря русской умеренности, европейского столкновения из-за ближне-восточных дел, то есть все основания надеяться, что такового удастся избегнуть и впредь.

Г. Валленберг отдал полную дань уважения мудрости и умеренности политики государя императора и его правительства и поспешил дать мне самые определенные заверения, что и шведское правительство одушевлено желанием жить с Россией в полном и нерушимом мире и согласии.

Вопрос об усилении шведских армии и флота, по словам шведского министра иностранных дел, представлял собою больное место внутренней политики страны в течение долгого ряда годов, и королю Густаву V пришлось волею-неволею разрубить этот запутанный узел страстных пререканий и борьбы партий, апеллировав к шведскому народу; но определенных и в особенности аггрессивных целей не властно будет преследовать никакое правительство, ибо шведский народ в огромном большинстве миролюбив и крайне благоразумен. „Нас подозревают некоторые русские круги в замыслах отвоевания Финляндии; но поверьте мне, если

[1] Так в подлиннике.

бы нам на подносе поднесли Финляндию, я бы поспешил отказаться от подобного подарка, и огромное большинство шведов мыслит совершенно так же, как и я",—сказал при этом г. Валленберг.

Я счел своим долгом заверить моего собеседника, что и у нас никто решительно не питает к шведскому народу иных чувств, кроме благожелательности и уважения к его плодотворной и мирной работе, принесшей стране за последние сто лет такое благосостояние и такой образцовый порядок. „Мне не зачем убеждать вас в отсутствии каких-либо враждебных Швеции настроений в русской правительственной среде,—прибавил я,—вы это сами знаете". „Но могу уверить вас, как человек, всегда внимательно следивший за русскими общественными настроениями различных оттенков, что и в русском мыслящем обществе никто и никогда не относился к Швеции и к шведскому народу иначе, как с искренними симпатиями. Заметьте себе, что и те наши печатные органы, которые зачастую нападают на шведоманов в Финляндии, до сих пор никогда не нападали на Швецию и на шведский народ; и если под влиянием нынешней агитации, господствующей в вашей стране, и под впечатлением таких произведений, как брошюры Свена Гедина, в нашей печати начнут указывать на шведскую опасность и на необходимость устроить ей отпор, то не придавайте подобным статьям преувеличенного значения; они представляют собою лишь естественное эхо того шума, который подняли у вас же". „С своей стороны очень прошу вас,—подхватил немедленно г. Валленберг,—не придавать никакого значения всей этой нашей шумихе. Наша пресса еще менее благоразумна, осведомлена и выдержана, чем ваша; и в ней преобладают мнения отдельных немногочисленных групп и отдельных политиканов над здравым смыслом народа и умудренных деловым и жизненным опытом граждан".

Считаю еще долгом отметить, что в отзывах г. Валленберга по поводу его недавнего путешествия в Париж и по предметам общеевропейской политики сказывались неоднократно весьма искренние симпатии к Франции.

Г. Валленберг—человек весьма положительный, спокойный, совершенно независимый и занимавшийся доселе исключительно делами промышленными и финансовыми. Шведы вообще редко лгут, а нынешний министр иностранных дел имеет репутацию человека особенно честного и уравновешенного. Поэтому его заверения показались мне не только интересными, но и знаменательными. Тем не менее им не следует придавать вполне решающего значения.

Настоящий шведский кабинет призван, равно как и выбираемый через несколько дней риксдаг, только чтобы провести и решить так или иначе вопрос об увеличении военных и морских сил страны. Вероятнее всего король Густав обратился при этом к содействию г. Валленберга, и последний принял предложенное ему видное место в кабинете и притом на поприще, доселе ему чуждом, именно для того, чтобы внести начала умеренности и мудрой осторожности в предстоящую борьбу и в предстоящие решения. Но после того, как эти решения будут приняты, кабинет и риксдаг должны будут в силу конституции уступить место другому правительству и новому составу народных представителей.

От исхода новых выборов будет тогда зависеть дальнейшее направление внутренней и внешней политики Швеции.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 102. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 17[1]. 27/14 марта 1914 г.

Письмом от [14] 1 минувшего февраля № 86[2] ваше высокопревосходительство изволили спрашивать заключения моего по вопросу о колонизации русскими переселенцами туркменских земель в районе реки Гюргена и целесообразности проектируемых для сего мероприятий.

Вследствие сего позволяю себе прежде всего высказать, что польза от закрепления за Россией этого района, не отделенного от нас естественной границей, чрезвычайно слабо привязанного к Персии и населенного кочевниками, совершенно не считающимися с персидской властью, настолько очевидна, что едва ли требует пространных рассуждений. Вопрос лишь в том, как легче и беспрепятственнее осуществить эту цель. В этом отношении весьма рациональным представляется мне способ, указанный совещанием, упомянутым в письме вашего высокопревосходительства, а именно постепенная скупка имеющихся свободных земель в означенном районе частными лицами или даже специально образованными для сей цели компаниями, но не Учетно-Ссудным банком Персии, выступление коего в роли скупщика земель не может не вызвать совершенно законных протестов шахского правительства при наличии § 2 концессии банка, запрещающей банку заниматься зе-

[1] Лит. копия.

[2] См. т. I, № 255.

мельными сделками. Пренебрежение же нами этим параграфом банковской концессии, при желании постановки дела скупки земель на юридическую почву, скомпрометировало бы на первых же шагах все это дело. Оросительные работы и иные улучшения могли бы быть произведены ведомством земледелия. Вообще незамаскированное выступление казны в роли покупателя и распорядителя нельзя рекомендовать, ибо это возбудило бы недоверие персидского правительства, враждебно относящегося ко всем нашим начинаниям, в коих можно заподозрить политическую подкладку. По этой же причине я не могу признать целесообразным предупреждение персов, что ввиду важных политических соображений мы не можем допустить выдачи иностранцам концессий в означенном районе и что таковая выдача будет сочтена нами за акт недружелюбия. Таким заявлением мы лишь подчеркнем наш политический интерес в названной части Персии и вызовем новые подозрения. Весьма вероятно, что персы усмотрят тут покушение на территориальный захват и прибегнут к обычным препирательствам или, что хуже, привлекут иностранцев. Между тем у нас пока есть возможность фактически препятствовать возникновению там иностранных предприятий, не вызывая персидского шовинизма. Ввидах лучшего противодействия проникновению иностранных предпринимателей, являлось бы, по моему мнению, более желательным образование специальной русской компании, связанной обязательством ни в коем случае не переуступать скупленных земель в иностранные руки. Подобную гарантию легче получить от компании, особенно если она будет субсидирована правительством, чем от частных лиц, которые склонны будут войти в сделку с иностранцами, соблазнившись выгодными условиями. В моих объяснениях с членами шахского правительства по поводу положения дел в Астрабадской провинции (запросы относительно русской иммиграции), я неизменно повторял, что у нас там первостепенные экономические интересы, причем давал понять, что мирное проникновение русского элемента выгодно для самих персов, ибо оживит и обогатит пустынный край и создаст новый источник доходов для шахской казны. Такое же заявление сделано мною недавно редактору здешней газеты „Раад“, интересовавшемуся русскими предпринимателями и колонистами в Мазандеране и Астрабаде.

Изыскивая лучший путь для развития русского землевладения в Гюргенском районе, я позволю себе остановиться на обстоятель-

ном донесении консула нашего в Астрабаде от [29] 16 декабря м. г. № 62[1]. Рекомендую покупку земель пустопорожних и туркменских, ст. сов. Иванов говорит, что участки, намеченные нашими ходоками, нельзя приобрести открыто легальным путем, ибо персидское правительство не признает за туркменами права собственности на землю, рассматривая ее как предоставленную всем туркменам в общее пользование. Отсутствие отдельных собственников и невозможность найти лицо, с кем можно заключить договор купли или аренды, в связи с открытым и тайным противодействием персидского правительства[2], делают приобретение туркменских земель весьма сложным. Чтобы обойти все эти затруднения, наш консул вошел в соглашение с муджтеидом шейхом Мохамед-Багиром—сторонником России, который скупил документы на земли в персидско-туркменской полосе, а затем переуступил их русским подданным и переселенцам. В случае опротестования этой сделки другими претендентами на земли или персидским правительством, ст. сов. Иванов предлагает заявить, что земли эти выморочные и так как обрабатываются русскими, то по шариату принадлежат последним, в крайнем же случае признать земли туркменскими и заключить договоры с туркменами непосредственно. Последний способ кажется мне более простым и практическим, но для применения его необходимо добиться от персидского правительства отказа от прежней точки зрения и признания за туркменами права собственности на занимаемые ими земли.

Выводы, к которым приходит ст. сов. Иванов, в главных чертах своих совпадают с заключениями генерального консула нашего в Тавризе, высказанными им в донесении от [4 марта] 19 февраля с. г. № 1007[3]. Оба названные представителя констатируют прежде всего отсутствие в северных провинциях Персии каких бы то ни было юридических норм, господство произвола и насилия и полную неопределенность как иностранного, так и ту-

---

[1] Донесение росс. консула в Астрабаде Иванова от 29/16 декабря 1913 г. за № 62 в основном излагается в тексте депеши. Ср. также т. I, стр. 66, прим. 1.

[2] В мае 1913 г. „тегеранское правительство циркуляром под страхом тяжкой ответственности предписало всем своим властям всячески препятствовать русско-подданным не только в покупке, но и в аренде земель в Персии“ (секрет. донесение консула в Астрабаде от 29/16 дек. 1913 г. за № 62).

[3] Донесение ген. конс. в Тавризе Орлова в основном изложено в публ. документе,

земного землевладения. Большая часть земельных имуществ, принадлежащих русским в Азербайджане, приобретена шариатским путем, и представители духовенства никогда не протестовали против законности русского землевладения. С водворением нового режима шахское правительство, опираясь на постановления Туркманчайского договора[1], начало принимать меры к стеснению русских приобретателей, предписывая властям настаивать на явке крепостных актов у каргузара и запрещая последним являть купчие крепости на недвижимость, приобретенную русскими. Образ действий шахского правительства весьма неблагоприятно отразился на развитии русского землевладения в означенной провинции, особенно ввиду обнаружившегося с нашей стороны колебания в вопросе о праве русских подданных приобретать недвижимость в Персии. Ст. сов. Орлов между прочим замечает, что императорская миссия стала на точку зрения буквального, то есть персидского толкования Туркманчайского договора, что неизбежно отразилось на отношении к этому вопросу наших консульских учреждений, которые, руководствуясь директивами миссии, стали проявлять нерешительность в деле защиты русского землевладения от поползновений шахского правительства. Так, например, подобное толкование допущено тегеранским генеральным консульством по спорному делу между русским и персидским подданными Хаджи-Абасом-Кули и Хаджи-Мирзой-Якубом-Амини, разбиравшемся в смешанном суде мухакемата. В признанном нами постановлении означенного суда от [12 августа] 30 июля 1913 года заключается упоминание о неправильном владении русско-подданного землей, как несогласном с трактатом. Хотя постановление это было затем опротестовано императорской миссией, но само собой разумеется, что проявленная уступчивость ободрила персов и побудила их с еще большей настойчивостью отрицать наше право, базируясь на официальном русском толковании.

---

[1] В своем отношении от 1 марта/16 февраля 1913 г. за № 3019 м-р торг. и пром. Тимашев писал м-ру фин.: „Персидское правительство, придерживаясь буквально текста статьи 5 особого Туркманчайского акта 1828 г., согласно коей русским подданным предоставлено право приобретать в Персии в собственность дома для их жительства, а равно места и кладовые для хранения товаров,—истолковывает приведенную статью в ограничительном смысле, не распространяя на русских подданных право приобретения земельных участков“. Тимашев предлагал обусловить предполагавшуюся тогда реализацию в России займа персидск. прав-ва разрешением вопроса о согласии на истолкование ст. 5 Туркманчайского договора в благоприятном для русских интересов смысле. В деле имеется проект изменений в Туркманчайском договоре. М. Ф. Дело Персия, инв. № 7.

Ввиду вышеизложенного и нежелания шахского правительства урегулировать этот вопрос с соблюдением обоюдных интересов, я должен признать целесообразность мер, предлагаемых консульскими представителями нашими в Астрабаде и Азербайджане для противодействия принятой персами тактике. Прежде всего мы должны дать понять персидскому правительству, что не можем допустить толкование Туркманчайского договора в смысле запрещения русским приобретать и арендовать земли. Мы должны настаивать на этом праве, даже если б текст договора допускал иное толкование. Ведь в случае признания правильности персидской точки зрения земельные имущества многих сотен и даже тысяч русских подданных в Персии окажутся спорными и незаконно приобретенными, что значительно осложнит положение и нанесет непоправимый удар русскому экономическому и политическому влиянию в стране.

Принимая во внимание несвоевременность пересмотра трактата, в каковом смысле высказалось совещание под председательством графа Коковцова[1], на коем я имел честь присутствовать, и, имея ввиду невозможность при настоящих обстоятельствах заставить персов признать изложенную точку зрения, нам остается осуществить наше право фактически, применяя способы, указанные названными консульскими представителями. Первым шагом должно бы быть признание законности прав владения русско-подданных на землю, приобретенную шариатным путем, и предоставление консульствам права удостоверять купчие и арендные сделки, не требуя обязательства явки соответственных документов в каргузарии. Консулам должно быть дано право защищать законность подобных сделок, невзирая на протест персидских властей. Вместе с тем русско-подданным следует предоставить возможность приобретать как земельную собственность, так и промышленные предприятия, рудники, плантации и т. п. Для успешной борьбы с иностранцами, и особенно немцами, встречающими поддержку своих правительств, желательно привлечь на помощь Учетный банк, который мог бы выдавать ссуды и субсидии тем русско-подданным, которые приобретают земли не для спекуляции, а ради личной промышленной и хозяйственной деятельности. Во избежание обвинений в стремлении поставить русско-подданных в обособленное положение сравнительно с туземцами и другими иностранцами, консулам следует наблюдать за тем, чтобы русские собственники и арендаторы

[1] См. т. I, №№ 194, 206 и 255. Протокол совещания в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

земель и недвижимостей уплачивали все следуемые с них законные налоги и малиат.

Нельзя, конечно, поручиться, что применение перечисленных условий побудит шахское правительство отказаться от усвоенной им точки зрения на смысл и значение Туркманчайского трактата, но возможно, что, убедившись в неизменности принятого нами курса, персы проявят бо́льшую сговорчивость и под влиянием чисто практических соображений начнут подыскивать приемлемый для обеих сторон компромисс.

Пребывающий здесь генерал-майор Потапов сообщил мне, что пока отказывается от осуществления обширного плана, изложенного в записке, представленной им в императорское министерство касательно концессии на оросительные работы и эксплоатацию земель в бассейне реки Гюргена, и намерен домогаться концессии на проведение дороги между Бендер-Гязом, Астрабадом и Шах-рудом [1], на условиях, предоставленных дороге Джульфа—Тавриз [2]. Он объяснил, что предпочитает не обращаться пока к содействию императорской миссии и что уже начал переговоры с министром иностранных дел. Ввиду довольно подозрительного отношения персов ко всем нашим начинаниям, особенно вблизи границы, едва ли домогательства генерала Потапова увенчаются успехом, если он не прибегнет к обычному в Персии приему убеждения.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 103. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

⁒. Депеша № 25. 27/14 марта 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я неоднократно уже имел случай доносить вашему высокопревосходительству о неприязненном по отношению к нам направлении германской политики в Китае и постоянных ее стараниях восстановить китайцев против России. Недавно я имел новое доказательство усилий, делаемых немцами в этом смысле.

---

[1] 30/17 янв. 1914 г. А. С. Потапов, представлявший, по его словам, „группу русских капиталистов, заинтересованных в предприятиях Астрабадской провинции", указывая на политическое, экономическое и стратегическое значение для России этой провинции, обратился в м-во ин. дел с просьбой содействовать в предоставлении ему концессии на постройку колесной дороги от порта Бендер-Гяз через Астрабад в Шах-Руд.

[2] Имеется в виду концессия, предоставленная Учетно-Ссудному банку Персии 2 апр./20 марта 1902 г.

Французский военный советник при Юань Ши-кае, полковник[1] Бриссо-Демайлье, сообщил мне, что он случайно увидел в помещении, где германский советник военного министерства майор Динкельман только-что перед тем прочитал лекцию китайским офицерам, чертеж на доске, служивший иллюстрацией к словам автора, а затем узнал подробности и о самой лекции от присутствовавших на ней двух его учеников. Оказывается, что майор Динкельман развивал перед своими слушателями план нападения китайских войск на русские силы в Северной Манчжурии, с направлением главной атаки на железную дорогу у Цицикара, с захватом Хинганского туннеля и даже с переходом на русскую территорию под Айгуном с целью набега для разрушения Амурской железной дороги. Переданная мне подполковником Бриссо копия с чертежа майора Динкельмана, вместе с его объяснением по этому поводу, была сообщена мною нашему военному агенту, который, конечно, более компетентен, чем я, чтобы высказать мнение по такому техническому вопросу.

Подполковник Бриссо сообщил мне также, что ему достоверно известно, что майор Динкельман, действуя, очевидно, не по собственной лишь инициативе, не теряет ни одного случая, чтобы указать китайцам на необходимость для них воспользоваться удобным моментом во время возможного общего столкновения между державами в Европе, чтобы взять обратно все уступки, сделанные ими нам недавно в монгольском вопросе, и положить конец нашему привилегированному положению в Северной Манчжурии. С этой целью он постоянно советует им как можно более увеличивать количество их войск в Северной Манчжурии, чтобы быть готовыми ко всяким случайностям. Вместе с тем он обращает внимание китайцев и на то обстоятельство, что, сосредоточивая значительные силы в Северной Манчжурии, они тем самым заставят и нас удержать в Восточной Сибири соответственное количество наших войск, и, таким образом, окажут услугу Германии, которая в свою очередь, в благодарность за это, не откажет Китаю в своей мощной поддержке против агрессивных попыток со стороны России.

Я нисколько не сомневаюсь, что сообщение, сделанное мне подполковником Бриссо, соответствует истине, ибо описанный им образ действий майора Динкельмана находится в полном согласии с обычными приемами германской политики, всюду старающейся окольными путями вредить нам. Но я все же полагаю, что

---

[1] Так в подлиннике. См. ниже.

у китайцев слишком много здравого смысла и что они слишком хорошо сознают огромную разницу в силах между ними самими и нами, чтобы пойти по указываемому им немцами пути, грозящему им крупной катастрофою.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 104. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 28. 27/14 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В ряде донесений моих за последнее время[1] касательно внутреннего положения в Китае я привлекал внимание вашего высокопревосходительства на ту роль закулисных подстрекателей, которую играли и продолжают ныне играть японцы во всей стране. На прошлой неделе несколько арестов среди китайцев доказали воочию причастность японцев к революционному движению, имеющему целью отстранить от власти Юань Ши-кая. Аресты эти были произведены в помещениях китайцев, причастных к издаваемой японцами газете „Шунь-тянь-ши-бао", и дали возможность обнаружить прибытие в Пекин эмиссара „Белого Волка", некоего Сюй Цин-сина, командированного последним для принятия запасов оружия, которое должен был ему передать комиссионер-японец при посредстве названной газеты. Случайно этот японец был также арестован и выпущен лишь после энергичных протестов японской миссии в Пекине.

На другой день после случившегося редакция „Шунь-тянь-ши-бао" была подвергнута обыску со стороны китайских жандармов, которые пытались открыть в ней те запасы оружия, которые якобы были приготовлены для отправки на юг. Несмотря на категорические протесты проживающих там японцев, жандармы приступили к возложенному на них поручению и препятствовали всяким попыткам разговоров по телефону. Редактору газеты удалось все же предупредить японскую миссию о случившемся, и лишь после вмешательства последней жандармы получили приказание покинуть редакцию. Результаты обыска были на этот раз малоуспешными для китайцев.

[1] В деп. от 6 февр. /24 янв. за № 8 Крупенской сообщал: „за „Белым Волком" стоят революционеры... и, по сведениям китайцев, распространению движения опять всячески помогают японцы". В деп. от 22/7 марта за № 20 Крупенский, сообщая о раскрытии заговора на жизнь Юань Ши-кая, писал: „ходят слухи, что в этом деле замешаны также японцы".

Еще неизвестно, предпримет ли что-либо мой японский сотоварищ по поводу случившегося, кроме обычного протеста, однако нельзя не отметить, что в данном случае положение японцев крайне щекотливо, ибо причастность их к революции стала вообще слишком очевидной. Чувствуя это, они обращались уже к газетам, издающимся иностранцами, с просьбой не печатать чего-либо по сему поводу, по крайней мере до тех пор, пока расследование не прольет свет на случившееся.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 105. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 37. 27/14 марта 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 456 [1].

Выразив удовлетворение по поводу того, что Ямаза отговорил майора Танака от путешествия в Ургу, я просил министра иностранных дел обратить внимание на несвоевременность таких поездок, которые могут затруднить нашу задачу убедить монгольское правительство отказаться от идеи объединения Внешней Монголии с Внутренней. Макино мне ответил, что не получал об этом деле донесений посланника в Пекине, но во всяком случае вполне одобряет действия Ямазы.

Малевский.

№ 106. Заведующий отделом Среднего Востока исполняющему обязанности чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Эльзенгеру.

Телеграмма № 590 [2]. 28/15 марта 1914 г.

Сердар докладывал министру, что представители курдского племени Хейдаранлу командировали специального человека в Тифлис навстречу сердару [3], телеграфно сообщив ему, что имеют передать чрезвычайно важное поручение. — Сердар выразил предположение, что объединившиеся на почве ненависти к туркам курды и армяне предполагают отдаться под покровительство России.

Министр ответил, что это вопрос сложный и серьезный и что ответить на него ничего не может, но разрешил сердару после переговоров с посланцами написать мне.

---

[1] См. т. I, № 440.

[2] Лит. копия.

[3] Ср. т. I, № 419.

Думаю, что об этом сердар и хочет доложить наместнику[1]. Другого ничего не было.

Клемм.

№ 107. Министр иностранных дел посланнику в Пекине.

⅟. Телеграмма № 592[2]. 28/15 марта 1914 г.

Телеграмма № 116[3] получена.

Ввиду доходящих до нас известий о производстве китайцами изысканий для постройки железных дорог к северу от Харбина, считаем необходимым поспешить получением опциона на железнодорожные линии, перечисленные в моей телеграмме № 471[4].

Для вашего сведения добавляю, что при обсуждении порядка осуществления этих линий наши компетентные лица приходят к убеждению в возможности обойтись при этом без предоставления осуществляющим их капиталистам права разработки горных богатств.

Сазонов.

---

[1] Хан макинский 18/5 марта выехал в Тифлис, где, по просьбе м-ва ин. дел (тел. Клемма от 19/6 марта за № 519), был принят наместником гр. Воронцовым-Дашковым. „Хан поведал наместнику о целом плане курдского восстания в Турции в союзе с армянами и просил поддержки России этому движению, указывая, что, в силу вещей, он, как глава персидских курдов, может оказывать влияние на турецких курдов. Наместник ему никакого положительного ответа на это не дал, а просил лишь держать его постоянно в курсе всех перипетий этого движения, указывая, что в случае необходимости для хана быть осведомленным о том или ином отношении России к вопросу он может обратиться к росс. вице-консулу в Маку". (Из частного письма и. об. чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Эльзенгера от 11 апр./29 марта на имя Миллера в Маку.) Упоминаемый в телеграмме курд является Али-беем (тел. Клемма от 12 мая/29 апр. за № 865), находящимся, как гласит тел. вице-консула в Хое от 9 мая/26 апреля за № 53 bis, „на службе у макинского хана". "Али-бей,—сообщал Чирков,—мне известен, как агент-курьер сердара для сношений с турками и турецкими курдами. Его последняя поездка в Ван ставится в связь с ожиданием макинским ханом германского оружия, каковое, по сведениям моих разведчиков, должно прибыть через Турцию". Тел. от 4 июля/22 мая за № 88 Чирков сообщал: „По проверенным сведениям курд Али-бей 29/16 мая доставил заказанное макинским ханом в Германии оружие в турецкое пограничное селение Хачан. Оружие прибыло через Эрзерум—Эртиш—Ван. Дальнейший провоз оружия в Маку поручен людям сердара".

[2] Царск. экз.

[3] См. выше № 28.

[4] См. выше № 3.

№ 108. Министр иностранных дел начальнику генерального штаба Янушкевичу.

Письмо № 215. 28/15 марта 1914 г.

Весьма секретно.

М. г. Николай Николаевич,

Имею честь препроводить при сем к вашему прев-ву копию весьма секретного письма на мое имя находящегося ныне в С.-Петербурге имп. посланника в Цетинье от [23] 10 сего марта[1], по вопросу об условиях дальнейшего оказания нами военной помощи Черногории.

Вполне разделяя в общем высказываемые д. с. с. Гирсом соображения о способах оказания таковой помощи, я считаю однако необходимым отметить, что, по моему мнению, наилучшим путем к достижению преследуемых нами целей была бы передача управления черногорским военным министерством русскому офицеру, и что возможность осуществления этого именно предположения должна была бы быть прежде всего рассмотрена и тщательно изучена.

Если бы тем не менее от мысли этой пришлось отказаться, и принят был указываемый в письме нашего посланника план командирования в Россию черногорских офицеров для подготовки их к инструкторской деятельности, то нельзя терять из виду, что проведение в жизнь этой меры потребует нескольких лет, в течение коих черногорская армия оказалась бы лишенной должного руководительства.

Признавая такое положение весьма нежелательным[2] с политической точки зрения, я считал бы необходимым, чтобы на то время, которое понадобится на подготовку надлежащего кадра инструкторов-черногорцев, продолжена была деятельность в Черногории наших инструкторов, на условиях, более обеспечивающих за их деятельностью необходимую независимость.

[Сазонов.]

№ 109. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 29. 28/15 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из секретного источника мне сообщают, что оттоманский поверенный в делах в С.-Петербурге доносит своему правительству, что военные приготовления в России идут нормальным порядком.

[1] См. выше № 69.

[2] Вариант: „опасным".

По словам Фахреддин-бея, в русских правительственных кругах хорошо сознают превосходство австрийской армии с точки зрения чисто военной организации[1]. Но на это в России не обращают большого внимания, так как на ее стороне имеется численный перевес, а вместе с тем русские рассчитывают, будто бы, на содействие славянского населения Австро-Венгрии, ждущего первого случая, чтобы доказать свою приверженность России.

Примите и пр.

Гирс.

№ 110. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 111. 28/15 марта 1914 г.

Ссылаясь на телеграмму князя Дабижа за № 9[2], телеграфирую в Мешед.

Морнар предупрежден и выразил готовность уничтожить соглашение с английским банком, предупредив своих агентов в Хоросане. Но просит сделать это в связи с предстоящим пересмотром отношений главного казначейства к банку.

Коростовец.

№ 111. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 602[3]. 29/16 марта 1914 г.

Сообщается в Цетинье.

Ссылаюсь на телеграмму Обнорского № 18[4].

Сербская инструкторская деятельность в Черногории представлялась бы ныне с политической точки зрения трудно осуществи-

---

[1] Против этих слов рукою Николая II поставлен знак вопроса.

[2] В тел. кн. Дабижа от 15/2 марта за № 19 (а не за № 9, как ошибочно указано в публ. лит. копии) указывалось, что „соглашение английского банка с персидским финансовым ведомством касательно поступления всех малиатных, акцизных и иных сборов Северной Персии в кассы английского банка" „ведет на деле к полному подчинению персидских фискальных установлений английскому влиянию", и к тому, „что деньги английского банка через его корреспондентов оперируют поблизости русской границы в Дерегезе, Кучане и Бурджирде". „Таким образом,— заключает Дабижа,—несмотря на внешне добрые отношения, замечается прежнее стремление вредить русским интересам в Хоросане, что, конечно, противоречит соглашению 1907 года. Поэтому настоятельно необходимо уничтожить... прошлогоднее соглашение английского банка, возвратиться к прежнему порядку и передать указанные сборы всего Хоросана Учетно-Ссудному банку".

[3] Опубл. Siebert, S. 625.

[4] См. выше № 98.

мой. Благоволите объясниться с Пашичем, который в свое время высказывался в этом смысле[1].

О последующем телеграфируйте.

Сазонов.

№ 112. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁒/. Телеграмма № 88. 29/16 марта 1914 г.
Urgent.

Absent moi-même hier, j'ai reçu aujourd'hui un billet de Cambon, me transmettant projet de réponse des Puissances au gouvernement de Grèce proposée par lui et approuvée par Grey. Grey, sauf consentement des Cabinets de St.-Pétersbourg et de Paris, en prendrait initiative. Il me paraît qu'il contient tout ce qui peut être dit. Il n'est pas fait mention du mot „garantie". Ce mot ferait avorter projet pour sûr.— Prie instructions d'urgence.

Benckendorff.

Перевод.

Спешно.

Ввиду того, что я вчера отсутствовал, я получил сегодня записку от Камбона, сообщающую мне проект ответа держав греческому правительству, предложенный им и одобренный Греем. При условии согласия петербургского и парижского кабинетов, Грей возьмет на себя инициативу. Мне кажется, что проект содержит все, что может быть сказано. Слово „гарантия" не упоминается. Это слово наверное привело бы к провалу проекта. Прошу спешных инструкций.

Бенкендорф.

№ 113. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁒/. Телеграмма № 89[2]. 29/16 марта 1914 г.
Urgent.

Me réfère à mon № 88[3].

„Le soussigné ministre de France à Athènes a été chargé par son gouvernement de faire au ministre royal des affaires étrangères la communication suivante: Le gouvernement de la République a apprécié la valeur des assurances que le gouvernement de Grèce a données par

---

[1] У Siebert'a документ приведен в следующей редакции: „Ich beziehe mich auf die Telegramme aus Cetinje Nr. 17. und 18. Der Versuch Serbiens, militärische Instrukteure nach Montenegro zu schicken, scheint augenblicklich politischen Schwierigkeiten zu begegnen. Ich bitte Sie, Paschitsch hiervon vortraulich in Kenntniss zu setzen".

[2] В публ. тел. передается текст сообщения французского посланника в Афинах греческому министру ин. дел.

[3] См. выше № 112.

sa note en date du [1]... février dernier en ce qui concerne l'exécution des décisions collectives des Puissances relatives aux frontières de l'Albanie et l'attribution des îles de la mer Egée. Il prend acte des engagements contractés par le gouvernement de Grèce de procéder à l'évacuation des territoires occupés par ses troupes et attribués à l'Albanie; de ne seconder ni directement ni indirectement aucune résistance à l'état de choses établi par les Puissances en Albanie Méridionale; de restituer à la Turquie les îles Imbros, Ténédos et Castellorizo; d'obtenir le vote de la loi nécessaire à la cession de l'île de Sasseno; d'accorder toutes les garanties désirables aux minorités musulmanes des îles qui lui ont éte attribuées. En notifiant son acquiescement aux décisions des Puissances le gouvernement de Grèce a formulé un certain nombre de voeux qui ont depuis lors fait l'objet du bienveillant examen des 6 gouvernements. Il a été déjà décidé par la Commission Internationale de Contrôle de l'Albanie qu'une complète égalité serait assurée aux populations dans toute l'étendue de cet Etat en ce qui concerne les droits des différentes religions et l'usage de toutes les langues. Le gouvernement de la République se déclare prêt comme ceux des autres Puissances à exercer toute son influence, afin que le principe posé par la Commission de Contrôle de l'Albanie soit mis en pratique et que des mesures effectives en assurent le bénéfice matériel et moral aux populations albanaises, notamment à celles des territoires qui doivent être évacués par les troupes grecques. Il est disposé à recommander au gouvernement albanais de concert avec ceux des autres Puissances de prendre en considération la suggestion formulée par le gouvernement grec en ce qui concerne l'enrôlement d'éléments locaux dans la gendarmerie de l'Albanie Méridionale.—Le gouvernement de la République comme ceux des autres Puissances se déclare prêt également à exercer toute son influence auprès du gouvernement turc afin que les populations grecques des îles Imbros, Ténédos et Castelloriso reçoivent sous la souveraineté ottomane les garanties efficaces nécessaires à la sauvegarde de leurs intérêts religieux et scolaires et que l'île de Castellorizo jouisse d'un régime spécial qui sera, ultérieurement, stipulé pour le Dodécanese.— Le principe de la neutralisation du canal de Corfou ayant été posé par la Réunion des ambassadeurs à Londres, le gouvernement de la République se déclare prêt également comme ceux des autres Puissances à participer à un accord international destiné à en fixer les

[1] Пропуск в подлиннике. Нота Греции от 21/8 февраля 1914 г. частично опубл. в „Gr. Pol.", Bd. 36, Teil II, № 14294, прим.

conditions.—Un arrangement est intervenu entre diverses Puissances et le gouvernement grec sur l'éventualité d'une rectification de la frontière greco-albanaise dans la région d'Argirocastro. Le gouvernement de la République déclare comme ceux des autres Puissances ne pas voi, d'inconvénients à ce que le projet de rectification reçoive effet.—Par contre le gouvernement de la République déclare s'en tenir au tracé de la délimitation qui a été adopté par les gouvernements pour la région de Koritza, sans s'opposer à ce que, lors de l'établissement définitif de la frontière, il soit examiné si les voeux du gouvernement grec peuvent se concilier avec les directions indiquées dans ce tracé.—En ce qui concerne enfin les îles de la mer Egée attribuées à la Grècer le gouvernement de la République se déclare prêt, comme ceux des autres Puissances, à user de toute son influence auprès de la Sublime Porte pour que le gouvernement ne puisse pas être troublé dans la possession de ces îles et que la décision collective de l'Europe touchant eur neutralisation, soit respectée par le gouvernement ottoman".

Benckendorff.

Перевод.

Спешно.

Ссылаюсь на мой № 88.

„Нижеподписавшемуся французскому посланнику в Афинах было поручено его правительством сделать королевскому министру иностранных дел следующее сообщение: Правительство республики оценило значение заверений, данных греческим правительством в его ноте от ... прошлого февраля, относительно исполнения совместных постановлений держав, касающихся границ Албании и владения островами Эгейского моря. Оно принимает к сведению обязательства, взятые на себя греческим правительством, приступить к эвакуации территорий, занятых его войсками и отданных Албании; не способствовать ни прямо, ни косвенно никакому противодействию тому порядку вещей, который установлен державами в Южной Албании; вернуть Турции острова Имброс, Тенедос, Кастеллоризо; провести закон, нужный для уступки острова Сассено; дать все желательные гарантии мусульманскому меньшинству на островах, которые присуждены Греции. Уведомляя о своем согласии с решением держав, греческое правительство формулировало ряд пожеланий, которые стали затем предметом благожелательного рассмотрения шести правительств. Международной контрольной комиссией в Албании уже решено, что населению всей территории этого государства будет обеспечено полное равенство в отношении прав различных религий и пользования всеми языками. Правительство республики, как и правительства других держав, заявляет о своей готовности употребить все свое влияние для того, чтобы принцип, установленный контрольной комиссией в Албании, был осуществлен на практике и чтобы действительные мероприятия обеспечили албанскому населению вытекающие из него материальные и моральные преимущества, особенно населению территорий, которые должны быть эвакуированы греческими войсками. Оно готово рекомендовать албанскому правительству рассмотреть совместно с правительствами других держав пожелание,

формулированное греческим правительством касательно набора местных жителей в жандармерию Южной Албании. Правительство республики, как и правительства других держав, заявляет также о своей готовности употребить все свое влияние на турецкое правительство для того, чтобы греческое население островов Имброс, Тенедос и Кастеллоризо получило под оттоманским суверенитетом действительные гарантии, необходимые для защиты его религии и школы, и чтобы остров Кастеллоризо пользовался особым режимом, который будет в дальнейшем установлен для Додеканеза. Ввиду установленного лондонским совещанием послов принципа нейтрализации канала Корфу, правительство республики заявляет, как и правительства других держав, о своей готовности принять участие в международном соглашении, которое определит условия этой нейтрализации. Между разными державами и греческим правительством достигнуто соглашение на случай исправления греко-албанской границы в области Аргирокастро. Правительство республики заявляет, как и правительства других держав, что оно не видит препятствий к осуществлению проекта этих исправлений. Но правительство республики заявляет, что оно придерживается проекта разграничения, принятого правительствами для области Корицы, не возражая против того, чтобы во время окончательного установления границы было рассмотрено, не могут ли пожелания греческого правительства быть примирены с направлениями, указанными в этом проекте. Что касается, наконец, островов Эгейского моря, отданных Греции, то правительство республики заявляет о своей готовности, как и правительства других держав, употребить все свое влияние на Высокую Порту для того, чтобы право Греции на владение этими островами не нарушалось и чтобы оттоманское правительство соблюдало совместное решение Европы касательно их нейтрализации".

Бенкендорф.

№ 114. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 182. 29/16 марта 1914 г.

Из здешних финансовых кругов узнаю, будто бы полный переход Салоникского банка в наши руки обеспечен. Ввиду этого считаю долгом настоятельно ходатайствовать вновь (о) возможно безотлагательном принятии мер к разрешению вопроса в указанном смысле, являющ(емся) наиболее обеспечивающим наши здесь интересы.

Копия в Париж.

Гирс.

№ 115. Советник посольства в Париже послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 606. Петербург, 30/17 марта 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму № 579[1].

В отзыве министра финансов высказывалось между прочим, что он в принципе предпочитает превращение Салоникского банка в чисто русское предприятие.

Севастопуло.

[1] См. выше № 91.

№ 116. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 31. 30/17 марта 1914 г.

Граф Витали, сообщив мне о передаче сербскому представителю в Вене подробного текста договора, выразил надежду, что императорское правительство употребит свое влияние в Белграде, чтобы побудить сербское правительство принять вышеозначенный проект или, по крайней мере, высказаться окончательно по этому поводу. Иованович относится, повидимому, с большим недоверием к заверениям представителей французской группы, особенно смущает его присутствие среди них Адлера, вполне преданного австрийским интересам. Он намекнул мне на предпочтительность для Сербии возвратить железные дороги обществу Восточных дорог и сохранить полную свободу действий по отношению к Австрии.

Шебеко.

№ 117. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 71. 30/17 марта 1914 г.

Complément de mon No. 70[1].

Le gouvernement grec a communiqué à l'instant note identique suivante: „Faisant suite à la note en date du 21/8 février[2] dernier adressée aux ministres d'Allemagne, Autriche, France, Grande Bretagne, Italie et de Russie en réponse à leur communication du 31/13 février[3] le soussigné a l'honneur de porter à la connaissance de votre excellence que le gouvernement grec a déjà donné depuis plusieurs jours à ses troupes en Epire l'ordre de se concentrer et se tenir prêts à évacuer dans le délai fixé les territoires revenants à l'Albanie. Ce délai étant sur le point d'expirer, le gouvernement grec en égard au maintien de l'ordre dans lesdits territoires et dans l'interêt de l'apaisement des populations grecques désirerait connaître les vues des Puissances sur l'opportunité de donner immédiatement l'ordre à ses troupes de se retirer avant qu'une réponse n'ait été donnée à la note précitée et tant que les négociations entre le gouvernement albanais et Monsieur Sographos sont encore pendantes".

Copie par valise.

Démidow.

---

[1] Тел. от 30/17 марта за № 70 Демидов сообщал (копия в Валону) о намерении греч. м-ра ин. дел вручить представителям шести держав в Афинах ноту, текст которой передается в публикуемом документе.

[2] См. выше стр. 147, прим. 1.

[3] Так в подлиннике.

Перевод.

Дополнение к моему № 70.

Греческое правительство сообщило только-что следующую тождественную ноту: „В виде продолжения к ноте от 21/8 прошлого февраля, обращенной к посланникам Германии, Австрии, Франции, Великобритании, Италии и России в ответ на их сообщение от 31/13 февраля, нижеподписавшийся честь имеет поставить ваше превосходительство в известность, что греческое правительство уже несколько дней тому назад дало приказ своим войскам в Эпире концентрироваться и быть готовыми в назначенный срок к эвакуации территорий, возвращаемых Албании. Ввиду приближения этого срока греческое правительство желало бы знать, в интересах сохранения порядка на указанных территориях и для успокоения греческого населения, мнение держав относительно своевременности немедленной отдачи приказа войскам удалиться, до получения ответа на вышеупомянутую ноту и в течение переговоров между албанским правительства и г. Зографосом".

Копия дипломатической почтой.

Демидов.

№ 118. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 104[1]. 30/17 марта 1914 г.

Получил № 602[2]. Копия в Цетинье[3].

О посылке сербских инструкторов в Черногорию не было и речи в объяснениях с Миушковичем, и Пашич действительно считает это дело при нынешних условиях совершенно неосуществимым. Он склонен думать, что если в Цетинье делали по сему поводу какие-либо неосновательные намеки[4], то с единственной целью ускорить прежнее решение вопроса о русских инструкторах, связанного с получением субсидий.

Гартвиг.

№ 119. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 104[5]. 30/17 марта 1914 г.

Получил телеграммы Обнорского №№ 17[6] и 18[6].

Копия в Цетинье.

Письмо короля Николая, о котором говорится в означенных телеграммах, было прочитано мне Пашичем, посетившим меня на-

[1] Опубл. Siebert, S. 625.

[2] См. выше № 111.

[3] У Siebert'а это указание отсутствует.

[4] У Siebert'а: „wenn derartige Erwägungen in Cetinje in Betracht gezogen worden...".

[5] В лит. копии, хранящейся в делах б. м-ва ин. дел, данная тел. имеет тот же номер, что и предыдущая. Опубл. Siebert, S. 626.

[6] См. выше №№ 97 и 98.

днях с этой целью совместно с Миушковичем. Из ясных и откровенных объяснений первого явствовало, что предложение господаря принимается Сербией, как давно жданный шаг к сердечному примирению и сближению в интересах обоих государств, а вовсе не к слиянию, о которых здесь при нынешних условиях и не помышляют. Сохранение династии и полной государственной независимости является основным условием. Соглашение должно иметь скорее культурный характер, коснется областей—финансовой, торговой, таможенной, путей сообщения, дипломатической и отчасти военной, лишь в смысле объединенной защиты владений, а вовсе не инструкторской. Известные вашему высокопревосходительству государственная опытность и осторожность Пашича служат порукой, что неосторожного шага не будет сделано и что предполагаемое соглашение, о ходе которого мы получили своевременное извещение, не вызовет осложнений, упоминаемых Обнорским. Проектированный ответ королю Николаю составлен в весьма умеренном смысле[1]. Я ожидаю курьера, чтобы сообщить копию обоих документов с соответственными подробностями[2].

Гартвиг.

№ 120. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 184. 30/17 марта 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 163[3].

Не признаете ли возможным сообщить мне, в каком положении находятся наши переговоры с Францией касательно возможных с ее стороны уступок в вопросе о нашем представительстве в Совете оттоманского долга? Опасаюсь, что в случае полного ее отказа обстоятельства принудят нас примириться с временною отсрочкой нашего требования. Полагаю, что, если мы окажемся в таковой необходимости, нам надлежало бы обусловить наше согласие на отсрочку следующим заявлением к державам:

„Vu les objections que soulève actuellement l'entrée du délégué des porteurs russes au Conseil de la Dette Ottomane le gouvernement impérial désireux de ne pas retarder les accords définitifs de l'ensemble des Puissances avec la Turquie consent momentanément à surseoir à son insistance sur l'entrée immédiate dudit délégué. Il ne saurait toutefois en aucun cas admettre un changement quelconque dans la

---

[1] У Siebert'a: „... ist in friedlichem Sinne gehalten".
[2] См. ниже № 169.
[3] См. выше № 60.

composition du Conseil de la Dette ou une modification quelle qu'elle soit du caractère actuel de l'organisation et du fonctionnement de la Dette en dehors de lui et sans qu'il y fût représenté"[1].

Гирс.

№ 121. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

% Депеша № 31. 30/17 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопрос о возможных изменениях в составе нынешнего кабинета привлекает за последнее время особое внимание комитета партии „Единение и Прогресс".

На состоявшемся [25] 12 сего марта заседании председатель комитета доложил собранию о своей беседе с Талаат-беем, которому он от имени комитета заявил о необходимости покончить с вопросом о перемене великого визиря, в видах сохранения за этой должностью того значения, которое она должна иметь. Между тем ныне большая часть иностранных представителей и министров сносятся с Талаат-беем помимо принца Саид-Халима.

На это Талаат-бей ответил, что он предпочел бы повременить преобразованием кабинета и приступить к таковому лишь перед самым открытием парламента, чтобы представить последнему однородное и сплоченное правительство. Лично Талаат-бей за последнее время склоняется к принятию должности великого визиря, но полагал бы все-таки, что более подходящим для этого высокого поста был бы Хакки-паша. Вместе с тем, по мнению Талаат-бея, в состав кабинета следовало бы привлечь также нынешнего оттоманского посланника в Софии Фетхи-бея, добивающегося портфеля общественных работ. Кроме того, необходимо сохранить для кабинета нынешнего министра общественных работ Махмуда-пашу. Наконец, необходимо примирить между собою Джемаль-пашу и Джавид-бея. На улажение всех этих подробностей необходимо известное время, и поэтому Талаат-бей держится мнения о необходимости не спешить преобразованием кабинета.

---

[1] „Ввиду возражений, которые вызывает в настоящее время вступление делегата русских держателей в Совет оттоманского долга, императорское правительство, в своем желании не задерживать заключения окончательных соглашений всех держав с Турцией, согласно в данное время отложить свои настояния относительно немедленного вхождения указанного делегата. Но оно ни в коем случае не может допустить какой-либо перемены в составе Совета долга или какого бы то ни было изменения теперешнего характера организации и деятельности долга помимо импер. правительства и без введения его представителей".

Это сообщение Мидхата-Шукри послужило предметом оживленных прений среди членов комитета.

Большинство склонялось к необходимости замены принца Саид-Халима другим лицом. Одни предлагали Хильми-пашу, другие— Талаат-бея. Далее члены комитета полагали бы желательным достигнуть примирения Фехти-бея с Энвером-пашою, находящихся в натянутых отношениях еще со времени последней войны, и Джемаля-паши с Джавид-беем. В случае назначения великим визирем Хильми-паши было признано желательным оставить портфель министра внутренних дел за Талаат-беем, а пост министра иностранных дел предоставить Хакки-паше.

В заключение Мидхат-Шукри обратил внимание комитета на то, что Хакки-паша до сих пор еще не был оправдан по обвинению его в вопросе о Триполитании. Поэтому до такового оправдания он не может быть министром. По мнению председателя комитета, было бы предпочтительнее временно удержать принца Саид-Халима, заручиться доверием парламента, добиться оправдания Хакки-паши и затем назначить его великим визирем. В таком случае пост министра внутренних дел остался бы за Талаатом-беем, а пост министра иностранных дел получил бы Мухтар-бей.

Мидхат-Шукри обещал сообщить о результатах прений и о высказанных во время их различных предположениях Талаат-бею и обсудить с ним таковые.

Как явствует из вышеизложенного, члены комитета сходятся на необходимости удаления принца Саид-Халима, положение которого действительно становится довольно шатким.

Поэтому мне казалось бы особенно желательным поспешить окончанием вопросов об армянских реформах и о выборе генеральных инспекторов, пользуясь пребыванием у власти принца Саид-Халима, как известно, относящегося к этим вопросам более благоприятно, чем его коллеги.

Вообще нельзя будет не сожалеть об уходе нынешнего великого визиря, если он действительно состоится. Принц Саид-Халим с самого времени своего появления у власти относился весьма внимательно ко всем представлениям императорского посольства и неоднократно высказывал убеждение в необходимости для Порты искать сближения с Россиею.

Примите и пр.

Гирс.

№ 122. Вице-консул в Урмии в I департамент министерства иностранных дел.

Донесение № 105. 30/17 марта 1914 г.

Секретно.

Поездка Неймана в г. Тавриз имела своей задачей, помимо выяснения материальной поддержки германского правительства будущим промышленным предприятиям немцев в Урмийском районе, поставленным на очередь здесь энергией К° Нейман и Хонек[1], еще и свидание с новым германским генеральным консулом в г. Тавризе М. Литтеном. Несомненно, появление первого германского консула в Азербайджане, в сфере чисто русских интересов, где иностранному влиянию труднее бороться чем где бы то ни было в Персии, имело огромное значение для разрастающейся германской колонии и ее интересов. Как ни плодотворна была деятельность германско-подданных в Азербайджане до настоящего времени, исключительной энергией и настойчивостью добившихся значительных результатов и влияния, все же чувствовалось отсутствие твердой руки, направлявшей бы деятельность немцев в разных концах Азербайджана по определенному плану и с выгодой и для политических целей германской дипломатии в Персии.

Конечно, трудно еще судить о действительных инструкциях, данных Литтеном Нейману для правильной постановки германского дела в Урмийском районе, но можно сказать с уверенностью, что таковые существуют. В этом убеждают нас следующие новые шаги, предпринятые Нейманом в Урмии по возвращении его из Тавриза:

1. Сознавая оторванность свою от здешнего населения, в особенности от делового купеческого и земледельческого класса, Нейман начал пропагандировать с первых же дней прибытия идею

---

[1] См. т. I, № 297. „Вице-консульство,—сообщает Введенский в донесении от 6 апр./24 марта за № 129,—не могло отнестись безучастно к ... вопросу о появлении в Урмии ... немецких фабрик и заводов“ и поставило себе целью „быстрое предвосхищение идеи немцев“. Воспользовавшись происшедшей у немцев задержкой, урмийский вице-консул „после долгих и бесплодных попыток заинтересовать наше купечество“ в этом предприятии „огромной будущей важности“ привлек „энергичного... русско-подданного Иосифа Афтандилова“, предложив ему „изыскать нужные капиталы для устройства кирпичного завода, паровой лесопильни мельницы и сеялки..., отправиться лично в Россию и заказать все необходимые машины“, что Афтандиловым немедленно же было выполнено. „Позволительно надеяться,—заключает свое донесение Введенский,—что в течение трех ближайших месяцев задуманное предприятие осуществится, дав толчок к развитию нашей промышленности в крае и умерив широкий размах германских вожделений в провинции, всегда тяготевшей к России“.

единения с немцами на почве коммерческих интересов. Указывая на скорый подход к персидской границе Багдадской железной дороги, сулящей неисчислимые выгоды для персидской торговли с Германией, Нейман предлагает основывать акционерные компании или общества на паях для создания под германским флагом промышленных и коммерческих организаций, имеющих целью дать рынку против русского дешевый немецкий товар и развить производительность страны. Мусульманское купечество, косное по своей природе здесь, не откликнулось на этот призыв, и Нейман решил обратиться к протестантским организациям урмийских айсор, наиболее зажиточных и знакомых с условиями европейской торговли. Пока переговоры Неймана не вылились в определенную форму, но особенно он старается привлечь на свою сторону следующих влиятельных лиц: Ага Лазаря, Раби Абуль Азата, Мирза Юсуфа Гейтепей, Шамаша Шамуила, протестантского милет-башия Юханана, Каша Исхада, Шамаша Бабу, Шамаша Ибрагима и др. Существует предположение, что Нейману указана Литтеном именно протестантская организация как наиболее желательная в смысле ассимиляции религиозных стремлений и засим заметного тяготения урмийских протестантов в сторону Германии. Протестантам урмийским Нейманом оказывается в настоящее время самое широкое внимание, чего раньше не было, и можно предполагать, что немцы решили твердо использовать протестантскую общину в ближайшем будущем в своих политических целях.

2. Вторым вопросом, внезапно возникшим по прибытии Неймана из Тавриза, явился вопрос об открытии в г. Урмии выставки образцов германских товаров. Неизвестно на какие средства спешно отделываются два больших магазина под выставку. Придавая большое значение выставке, Нейман в личной беседе со мною указал на придание официального значения открытию выставки, на которую будут приглашены представители германской колонии в Тавризе и иностранной вместе с персидскими и русскими властями в Урмии. Большинство образцов германских товаров выслано маловесными почтовыми посылками и скоро ожидаются в г. Урмии, громоздкие же образцы направлены через Трапезунд.

3. Третьим новшеством, поразившим здешнее население по прибытии Неймана, было его заявление о скором назначении в Урмию германского консула, для которого он якобы уполномочен подыскать уже помещение и нештатных служащих. Не доверяя отчасти этому заявлению, я лично постарался навести справки об этом факте у Неймана и Хонека и получил подтверждение

намерения германского правительства открыть в Урмии штатное консульство.

Копии с означенного донесения препровождаются в российские императорские миссию в Тегеране, генеральное консульство в Тавризе и чиновнику министерства иностранных дел при наместнике его величества на Кавказе.

Введенский.

№ 123. Законопроект, представленный морским министерством в Государственную думу[1].

30/17 марта 1914 г.

Об отпуске средств на спешное усиление Черноморского флота в период 1914—1917 гг.[2].

Значительное усиление турецкого флота, осуществляемое в настоящее время, требует от нас самых решительных мер для удержания нашего многовекового господства на Черном море.

Господство это необходимо потому, что только при нем Россия может вести твердую политику на Ближнем Востоке и надежно защищать свои богатые границы по берегам Черного моря; последнее имеет тем большее значение, что через южные порта идет около 3/4 нашей отпускной торговли. Районы, тяготеющие к Черному морю, представляют из себя житницу Европы, а южный промышленный район является самым богатым и значительным в России.

Наше господство на Черном море имеет значение не только для южных границ: обеспечивая границы с юга, оно дает возможность располагать свободно всей нашей южной армией и перебрасывать ее в случае надобности на другие театры военных действий и таким образом усиливать оборону и других границ. Утеря же этого господства является серьезной угрозой для целости империи.

Необходимость удержания, во что бы то ни стало, нашего господства на Черном море требует такого развития Черноморского флота, при котором он был бы всегда в состоянии выполнить свои оперативные планы. Для этого необходимо иметь значительное преобладание в числе и силе разных категорий судов, причем преобладание это должно быть настолько значительно, чтобы оно не могло быть нарушено неожиданной покупкой соседними государствами нескольких судов, постоянно имеющихся в продаже на мировом рынке.

Имея в виду, с одной стороны, быстроту заграничного судо-

---

[1] Копия.
[2] Заголовок подлинника.

строения и возможность поэтому для соседних держав быстро увеличивать свои флоты, а с другой стороны, невозможность для нас усиления Черноморского флота проводом через проливы новых судов, мы должны иметь на Черном море всегда значительный запас перевеса в силе нашего флота по сравнению с силой флота вероятного противника.

В настоящее время вследствие технической устарелости нашего Черноморского флота мы находимся в весьма неблагоприятном положении. Единственным выходом из него является возможное ускорение нашего судостроения и спешное усиление Черноморского флота закладкой новых судов.

Эти последние, понятно, должны удовлетворять высказанному основному требованию—крайней скорости постройки.

Вследствие этого какие-либо нововведения, требующие новых предварительных испытаний, сложных проектов или необходимости предварительного расширения заводов, становятся недопустимыми.

Этим условием и определяется выбор проектов тех судов, на спешную постройку которых испрашиваются в настоящее время кредиты.

Количество судов, постройка которых должна быть произведена спешно, определяется следующим образом:

а) Линейные корабли.—Турция имеет уже два дредноута „Решад V“ и „Султан Осман“ (бывший „Рио-де-Жанейро“) и строит третий по типу „Решада“. Для того, чтобы противопоставить этим судам силу, способную бороться с ними с надеждой на успех, необходимо сейчас же начать строить, в дополнение к уже строящимся, четвертый линейный корабль с условием иметь его в строю к началу 1917 года.

б) Легкие крейсера.—Для того чтобы крейсера могли выполнить свое назначение—освещать нужные районы моря и защищать линейные корабли от атак миноносцев во время сражения,—их должно быть не менее четырех. Поэтому в дополнение к строящимся двум необходимо заложить еще два того же типа.

в) Эскадренные миноносцы.—Для успешности минных атак необходимо иметь известное число групп миноносцев, причем каждая группа должна состоять из определенного числа миноносцев. По этим соображениям необходимо сейчас начать постройку восьми эскадренных миноносцев.

г) Подводные лодки.—Подводные лодки должны быть увеличены в числе таким образом, чтобы для активной деятельности имелось их не менее двенадцати, т. е. надо заложить еще шесть.

Итак, теперь необходимо приступить к спешной постройке нижеследующих судов:

1 линейного корабля,

2 легких крейсеров типа „Нахимов“ (с приспособлением для мин заграждения),

8 эскадренных миноносцев,

6 подводных лодок.

Кроме того, для удовлетворения требованиям технических условий на подводные лодки относительно способности их корпусов надежно выдерживать наружное давление при погружении на глубину до 300 фут, корпуса лодок должны быть в настоящее время испытываемы эквивалентным внутренним давлением, дабы не подвергать судовой состав лодок риску при действительном погружении их на упомянутую большую глубину.

Ввиду затруднительности достижения полного соответствия между теоретически вычисленным и действительным наружным давлением является необходимым построить специальный док для испытания лодок требуемым наружным давлением.

Вместе с тем такой док даст возможность правильно разрешить многие конструктивные вопросы, не поддающиеся точным теоретическим подсчетам, необходимые для правильной постановки дела проектирования и постройки подводных лодок.

Обращаясь к финансовой стороне вышеизложенной программы спешного усилия Черноморского флота 1914—1917 гг., из прилагаемых при сем подробных исчислений стоимости видно, что потребные для осуществления программы средства определяются суммой в 109 995 189 р. с нижеследующим приблизительным погодным распределением этой суммы:

1914 г.	25 000 000 р.
1915 „	30 000 000 „
1916 „	30 000 000 „
1917 „	15 000 000 „
1918 „	9 995 189 „
Всего . . .	109 995 189 руб.

Означенная сумма в свою очередь по отдельным категориям судов, подлежащих постройке, распределяется следующим образом:

Линейный корабль	45 078 583 р.
2 легких крейсера	25 056 602 „
8 эскадренных миноносцев	27 679 936 „
6 подводных лодок	10 930 068 „
Док для испытания подводных лодок	1 250 000 „
Всего . . .	109 995 189 руб.

Заключение. На основании вышеизложенного морское министерство полагало бы:

I. Определить общую стоимость выполнения представляемой судостроительной программы в сумме не свыше ста девяти миллионов девятисот девяносто пяти тысяч ста восьмидесяти девяти рублей (109 995 189 р.).

II. Отпустить в 1914 году из средств государственного казначейства в счет сумм, указанных в отделе I, двадцать пять миллионов рублей (25 000 000 р.).

III. Определять ежегодно, начиная с 1915 года, потребный отпуск средств на выполнение указанных в отделе I мероприятий в сметном порядке.

IV. Отнести расход, указанный в отделе II, за счет свободной наличности государственного казначейства.

V. Предоставить кредитам, означенным в отделе II, а равно имеющим быть отпущенными на основании предыдущего (IV) отдела и в счет сумм, означенных в отделе I, срок действия в течение двух, следующих один за другим лет.

VI. Распространить на указанные в отделе I операции действие постановлений, изложенных в отделах XI—XIV закона [6 июля] 23 июня 1912 года (Собр. узак., ст. 1121).

Морской министр

генерал-адъютант Григорович.

За начальника морского генерального штаба

капитан I ранга Ненюков[1].

№ 124. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 3097. 30/17 марта 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В ответ на письмо ваше от [9 февраля] 27 января сего года за № 69[2], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что военное ведомство, к сожалению, лишено возможности уступить сербскому правительству необходимые ему артиллерийские, интендантские и инженерные предметы вооружения и снабжения.

[1] При документе имеются два приложения: 1) Объяснительная записка о типах судов, подлежащих постройке, и 2) Подробные исчисления стоимости с краткой объяснительной к ним запиской.

[2] В подлиннике ошибочно указан № 69. Следует читать № 68. (См. т. I, стр. 193, прим. 1).

Принимая во внимание сложность политической обстановки в настоящее время, военное министерство считает себя обязанным прежде всего озаботиться снабжением нашей армии, которая, ввиду ее реорганизации, сама ныне нуждается в большом количестве различного рода запасов, к пополнению которых и направлена теперь усиленная деятельность всех довольствующих армию учреждений.

Поэтому, уделяя в настоящее время различные предметы вооружения и снабжения для нужд сербской армии, военное ведомство сократило бы запасы нашей армии.

Примите и пр.

В. Сухомлинов.

№ 125. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

31/18 марта 1914 г.

Генеральный консул в Индии доставил письмо тибетского далай-ламы на высочайшее вашего императорского величества имя[1].

Письмо это было получено статским советником Набоковым через неизвестного ему тибетца, который рассказал, что находился в свите тибетского уполномоченного на заседающей в Симле англо-китайско-тибетской конференции. Письмо снабжено переводом на плохой русский язык; однако из этого перевода можно понять, что далай-лама желает, чтобы российское правительство приняло участие в сказанной конференции.

Английский посол уже предупреждал меня, что его правительство намерено предложить нам пересмотреть соглашение 1907 года касательно Тибета в смысле отмены ограничительных для Англии его постановлений и предоставления ей свободы действия в этой стране, на что, очевидно, мы можем согласиться лишь за соответствующие компенсации в вопросах, более тибетского затрагивающих наши интересы.

С другой стороны, английское правительство, как известно вашему императорскому величеству, обещало держать нас в курсе происходящих в Симле переговоров, которые, по доходящим до нас сведениям, до сих пор не наладились.

При таких обстоятельствах, осмеливаюсь полагать, что повергаемое при сем на всемилостивейшее благовоззрение письмо далай-ламы могло бы пока быть оставлено без ответа.

Сазонов.

[1] При донесении от 24/11 января за № 1 Набоков препроводил указанное письмо в СПБ. Содержание его излагается в публ. докладной записке.

№ 126. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 610[1]. 31/18 марта 1914 г.

На собрании консорциума в Париже [26] 13 марта решено вступить с китайским правительством в переговоры относительно второго выпуска реорганизационного займа и выдать Китаю аванс до двух миллионов фунтов. В принципе решено включить заем на монетную реформу в организационный заем и не противиться исключению манчжурских доходов из гарантий, предусмотренных контрактом первого из сказанных займов, если того потребует какая-либо группа консорциума. Принято к сведению требование в этом смысле русской и японской групп.

Сазонов.

№ 127. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

$^{c}/_{o}$ Телеграмма № 93. 31/18 марта 1914 г.

Me réfère à mon No. 88[2].

Nicolson me dit que France a accepté projet de réponse à Grèce telle que proposée par Grey et Cambon. Il vous serait reconnaissant répondre à ce sujet sans délai, le gouvernement grec devenant très pressant et position Vénizélos de plus en plus difficile.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на мой № 88.

Никольсон сказал мне, что Франция согласилась на проект ответа Греции, предложенный Греем и Камбоном. Он будет вам признателен, если немедленно ответите по этому вопросу, так как греческое правительство очень торопит, и положение Венизелоса становится все более трудным.

Бенкендорф.

№ 128. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

$^{c}/_{o}$ Письмо. 31/18 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В установленный по взаимному соглашению день, [29] 16 марта, в Афины прибыл болгарский поверенный в делах г. Георгий Радев и тотчас по приезде своем посетил меня в миссии.

Г. Радев произвел на меня впечатление человека обдуманного[3], разумных и умеренных взглядов; родом из Монастыря, он кончил свое образование в афинском университете и, таким образом, пре-

---

[1] Лит. копия.
[2] См. выше № 112.
[3] Так в подлиннике.

красно владеет греческим языком. Служба его прошла всецело в иностранном ведомстве в Софии, нынешнее его назначение будучи первым на заграничном посту[1]. Год назад он был прикомандирован к свите королевича Бориса для присутствия в Афинах на торжественных похоронах короля Георга.

Приветствуя г. Радева с приездом в греческую столицу и выразив ему живейшее удовлетворение по случаю возобновления после столь долгого перерыва дипломатических сношений между Болгарией и Грецией, я, конечно, предложил ему свои услуги и посильное содействие к успешному выполнению задачи, в щекотливости коей он вполне отдает себе отчет.

В продолжительной беседе новый болгарский представитель мне сообщил, что король Фердинанд и его правительство искренно желают примирения и восстановления добрососедских отношений с Грециею. В свою очередь я ему сказал, что, зная настроение здешних правительственных кругов, я не сомневаюсь в соответственном с их стороны благонамеренном отклике. Я прибавил, что мною неустанно прилагались и впредь прилагаться будут все усилия к достижению цели, имеющей обеспечить прочный мир и согласие между обоими государствами, тем самым содействуя их спокойному и плодотворному развитию.

Перейдя к положению в Болгарии, г. Радев высказал убеждение, что чувства лояльности и благодарности к России всегда в конце концов возьмут верх над иными течениями. Страна де постепенно поправляется от нанесенного ей тяжкого удара; прошлогодний прекрасный урожай дал возможность оправиться сельскому населению, весьма мало, по словам г. Радева, экономически пострадавшему от военных бедствий благодаря поразительной неутомимости женского труда; всего более потерпели мелкие торговцы и городские жители вследствие общего оскудения денежных средств и затяжки в расплате по реквизициям. В войсках особой деморализации незаметно, а напротив чувствуется подъем, связанный с сознанием, что им пришлось вести борьбу одновременно на три фронта против пятерной коалиции. Наконец, усилия настоящего правительства в Болгарии исключительно направлены к водворению спокойствия в стране, улучшению пошатнувшегося кредита и закреплению надлежащих порядков в завоеванных областях.

На следующий день по прибытии г. Радева я его представил греческому министру иностранных дел, оказавшему ему самый радушный прием. Г. Стрейт особенно горячо настаивал на необхо-

[1] Так в подлиннике.

димости поставить с обеих сторон прошлое на смарку и приступить к совместной дружной работе в видах восстановления прочных отношений в будущем. На сей первой беседе никаких политических вопросов между нами затронуто не было.

Вернувшись ко мне по посещении им г. Венизелоса, г. Радев однако с некоторым разочарованием отозвался о своей первой встрече с председателем совета. Хотя первый министр и приветствовал его весьма корректными и дружескими словами, все же он с горечью указал г. Радеву на продолжающиеся до сих пор гонения на греков во Фракии и ограничился по вопросу об освобождении болгарских узников в Солуни довольно неопределенными и уклончивыми, будто бы, обещаниями.

Между тем вопрос этот, повидимому, является на первых порах пробным камнем улучшения греко-болгарских отношений. Я неоднократно обращался к г. Стрейту с представлениями о желательности возможно скорее ликвидировать это дело, подводя всех заточенных еще болгар под состоявшийся декрет амнистии, причем министр обещал мне свое содействие и поддержку. К счастью, я мог вчера показать г. Радеву только-что полученную мною от нашего генерального консула в Солуни телеграмму, сообщающую о выпущении на свободу новой партии болгарских политических узников в количестве 45 человек. Таким образом, к сегодняшнему дню осталось всего 54 болгар, осужденных за преступления общие, и 39 человек политических пленных.

В будущий четверг состоится первое деловое свидание г. Радева с министром иностранных дел. В инструкциях болгарского представителя имеется, помимо ликвидации пленных, вопрос о скорейшем восстановлении болгарского консульства в Солуни. Я сказал г. Радеву, что греческое правительство постоянно усматривало параллелизм между названным консульством и греческим представительством в Дедеагаче, на что г. Радев мне ответил, что его правительство, по всей вероятности, никаких более препятствий не встретит к удовлетворению греческих по сему предмету пожеланий.

Примите и пр. Демидов.

№ 129. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 92. 31/18 марта 1914 г.

Ваша телеграмма № 585 [1] получена.

Сайн-Ноин после некоторого отпирательства сознался, что, кроме Геймана, им выдано еще несколько опционов на займы у

[1] См. ниже стр. 166, прим. 1.

частных банков и лиц независимо от их подданства. Он всячески старается достать денег от кого бы то ни было, чтобы поскорее купить у императорского правительства обещанное оружие, в оплате которого из новой ссуды ему было отказано. Не будет ли признано возможным отпустить монголам это оружие в рассрочку, оговорив это в договоре о займе в статье о военных нуждах, но без указания на упомянутое оружие?

Миллер.

№ 130. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 95. 31/18 марта 1914 г.

Ссылаюсь на мой № 75[1].

Не найдете ли, ваше высокопревосходительство, возможным выдать монголам из нашего казначейства при подписании договора о проведении телеграфной линии Монды—Улясутай в счет будущих доходов от нее монгольского правительства 10 000 рублей, оговорив это в особой ноте? Мог ли я в той же ноте указать на готовность императорского правительства оказать монгольскому правительству содействие в проведении телеграфной линии Кобдо—Улясутай—Урга на половинных расходах, когда состояние монгольских финансов позволит это? Последняя линия не будет конкурирующей с линиями Кош-Агач—Кобдо и Монды—Улясутай, и постройка ее представляется маловероятной[2].

Миллер.

№ 131. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Депеша № 93. 31/18 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несмотря на обещание Сайн-Ноин-хана и Ханда-цинь-вана пересмотреть решение совета монгольских министров по вопросам о железнодорожном соглашении и концессии на постройку телеграфной линии Монды—Улясутай, взятые было обратно ноты с отказом по обоим вопросам были возвращены мне без всякого изменения.

Пока никакие мои убеждения относительно выгоды и важности

---

[1] См. выше, стр. 56, прим. 3, а также и № 57.

[2] Тел. от 3 апр./21 марта за № 101 Миллер сообщал: „Ввиду несколько улучшившегося настроения монголов надеюсь провести телеграфное соглашение без всяких выдач“.

для монгольского правительства подписания обоих соглашений, ни указания мои на бестактность его поведения по отношению к России успеха не имеют. Председатель совета министров и министр иностранных дел упрямо ссылаются на решение всех министров, уверяя меня в то же время в неизменной дружбе Монголии к России. Остальные министры следуют их примеру.

Указывая на необходимость доказывать дружеские отношения на деле, а не на словах, я продолжаю предостерегать монголов относительно возможных неприятных для них последствий от принятого ими в последнее время почти враждебного по отношению к России курса.

Переговоры о новой трехмиллионной ссуде монголы начали настолько неохотно, что у меня возникло предположение, что они уже получили откуда-нибудь деньги, или же рассчитывают получить. Представляемое при сем в копии на благовоззрение вашего высокопревосходительства письмо одного из директоров Сибирского торгового банка от [10 марта] 25 февраля с. г. за № 1334 [1] о выданном монгольским правительством некоему барону Б. Гейману опционе на реализацию 10-миллионного займа, казалось бы, подтверждает вышеприведенное предположение.

Как видно из письма в редакцию „Биржевых ведомостей" ([10 февраля] 28 января с. г. № 13975) [2], компаньоном упомянутого лица состоит Т. Прокин, председатель общественного управления в Урге, составивший себе небольшое состояние эксплоатацией хутухты до объявления автономии Монголии.

---

[1] В письме директора Сибирского торгового банка Тарновского на имя Миллера сообщалось, что „на-днях в правление... банка обратился некто барон Б. Гейман, имеющий от монгольского правительства опцион на реализацию 10-миллионного займа". Тарновский запрашивал, не представляется ли возможным, в случае если по политическим соображениям нельзя учредить русский банк, организовать интернациональный банк, наделенный эмиссионным правом, который принял бы участие в финансовом управлении страны.

В тел. Сазонова Миллеру от 27/14 марта за № 585 сообщается ответ, данный министерством барону Гейману по вопросу об отношении к монгольскому займу. Этот ответ гласил: „С точки зрения целесообразности расходования займа мы должны потребовать, чтобы реализованная этим путем сумма была внесена в монгольское казначейство, организуемое русским советником". В заключение в тел. высказывалось убеждение, что заем не состоится и что монгольское прав-во в результате этого обратится к русскому прав-ву „для получения нужных ему средств".

[2] Письмо Прокина в редакцию „Биржевых ведомостей", помещенное в № 13975 этой газеты от 10 февр./28 января, приложено в выписке к подлиннику публикуемого документа.

В бытность мою консулом в Ливерпуле проживавший в Париже мелкий делец барон Б. Гейман выдавал себя за родного брата моего предшественника на упомянутом посту фон Геймана. Как впоследствии оказалось, настоящая фамилия последнего была Хейман, и он был племянником еврейского банкира в Риге Хеймана. Кроме Прокина и Геймана, монгольское правительство поручило устройство займа в Германии или Англии известному здесь аферисту Москвитину. Хотя я и получил на-днях официальную ноту монгольского министерства иностранных дел, отрицающую упомянутое поручение, но я этому не верю. Сайн-Ноин-хан тоже категорически заверял меня, что он никаких финансовых поручений ни Прокину, ни Гейману не давал. Не внушает доверия и опровержение Сайн-Ноином известия о выдаче монгольским правительством д. с. с. Бадмаеву железнодорожной концессии Урга—ст. Манчжурия [1].

В ожидании результатов выданных вышеупомянутым аферистам опционов на реализацию займов монгольское правительство уклоняется от переговоров об условиях нашей трехмиллионной ссуды. В связи с этим затормозятся выработка оснований дальнейшей деятельности в Монголии наших военных инструкторов и деятельность нашего финансового советника с помощниками. Другими словами, монголы стараются всеми мерами парализовать все русские начинания.

Создавшееся невыгодное для нас положение вещей в Монголии усугубляется еще и намерением монголов создать своеобразный трехпалатный парламент, о чем я имел честь донести вашему высокопревосходительству секретной телеграммой [26] 13 марта с. г. за № 85 [2]. Цель этой меры двоякая: снять всякую ответственность с монгольских министров и бесконечно затягивать дела по их усмотрению. В случае осуществления этой затеи Сайн-Ноин-хана отговорок по делам у монголов будет, конечно, значительно больше прежнего.

Судя по частым обращениям ко мне Сайн-Ноин-хана со своим проектом объединения Внутренней и Внешней Монголии под по-

---

[1] См. выше, стр, 63, прим. 4.

[2] В этой тел. сообщалось, что „монгольское правительство намерено учредить род парламента из трех палат: верхней, средней и нижней. В первой заседают министры и их товарищи, во второй—хошунные князья и высшее духовенство, а в нижней—чиновники министерств и хошунных управлений и всякий, кто пожелает“. Монг. м-ру ин. дел, сообщившему об этом, Миллер „выразил свое полнейшее удивление“.

кровительством Японии и России, можно предполагать известную долю участия японцев в настоящем антирусском настроении в Урге.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется мною императорскому посланнику в Пекине.

Примите и пр.

А. Миллер.

№ 132. Меморандум английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

1 апреля/19 марта 1914 г.

His Majesty's Government are anxious to obtain, with a view to the possible purchase for the British navy of similar machines, such information as the Russian Government may be able to impart respecting the Russian aeroplane „Ilya Murometz".

His Majesty's Embassy is accordingly to enquire whether the Russian Government would have any objection to a Representative of the Admiralty having an interview with Mr. Sikorsky with a view to learning his intentions respecting any other aeroplanes which he may be constructing and, if possible, to inspecting plans.

Перевод.

Правительство его величества желает получить те сведения касательно русского аэроплана „Илья Муромец", которые российское правительство могло бы сообщить, ввиду возможного приобретения подобных аппаратов для британского флота.

Ввиду этого посольство его величества запрашивает, не имеет ли российское правительство каких-либо возражений против того, чтобы представитель адмиралтейства имел свидание с г. Сикорским в целях осведомления о его намерениях касательно аэропланов всякого другого типа, которые он, возможно, проектирует, и для просмотра, в случае возможности, чертежей.

№ 133. Посол в Риме министру иностранных дел.

%. Письмо. 1 апреля/19 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя после отправления моей последней экспедиции никаких существенных перемен в международной политике, насколько мне известно, не произошло, я тем не менее пользуюсь отъездом советника посольства и моего полезнейшего сотрудника д. с. с. Потгенполя, чтобы написать вам несколько строк.

Министр иностранных дел, которого я часто вижу, навестил меня тотчас же после своего возвращения из Венеции, куда он, как вам известно, сопровождал своего монарха для свидания с императором германским. Он мне сказал, что он особой политической беседы с императором германским не имел и что свидание обоих монархов происходило без свидетелей. Сообщение газет о том, что маркиз ди Сан-Джулиано сопровождал короля при визите его величества на „Гогенцолерн", неверно. Маркиз ди Сан-Джулиано видел императора, возле которого он имел честь сидеть, только за завтраком и за обедом. Но и при этих случаях он мог убедиться, как я вам телеграфировал 28/14[1] марта за № 20, что император Вильгельм смотрит с совершенным оптимизмом и без всяких опасений на все злободневные вопросы. Его величество затронул в разговоре с министром также и русско-германские отношения, которые он назвал весьма дружественными. Бумажной же войне между русской и германской печатью, о которой он сожалеет, он не придает значения. „Император российский может,—сказал де император германский,—вполне и так же рассчитывать на мою дружбу, как и я могу рассчитывать на его дружбу".

Хотя маркиз ди Сан-Джулиано тоже продолжает быть оптимистом, но в последнее время его несколько более беспокоят беспорядки на греко-албанской границе и неподчинение эпиротов, которое вселяет в него некоторые опасения, так как он сам не отдает себе ясного отчета, каким способом можно будет принудить их подчиниться велениям Европы.

До маркиза ди Сан-Джулиано доходят все более определенные слухи о намерении князя Вида провозгласить себя королем. На этом настаивают де местные влиятельные сферы.

Я заметил министру, что мне совершенно неизвестно, как отнеслось бы к этому императорское правительство, но что мне лично, оставляя в стороне принципиальный вопрос, казалось бы провозглашение албанского суверена королем едва ли своевременным, так как Албания пока еще не успела организоваться и стать на нормальный путь государственного существования. Маркиз ди Сан-Джуалиано, подразумевая князя Вида, мне ответил: „Mais qu'est ce que cela fait si ça lui fait plaisir"[2]. С таким мнением, как бы умаляющим королевское достоинство, мне кажется, трудно согласиться.

---

[1] Ошибка в подлиннике. Содержание тел. от 27/14 марта за № 20 полностью воспроизведено в публ. письме.

[2] „Но какое это имеет значение, если это доставляет ему удовольствие".

В Консульте также относятся не без некоторой заботы, несмотря на опровержение венского „Fremdenblatt'a", к желанию Австрии завладеть Ловченской горой, обладание которой обеспечило бы за Австрией господство в Адриатическом море, делая из Бокки Катарской неприступную морскую базу. Маркиз ди Сан-Джулиано уже давно и неоднократно мне говорил, что Италия не могла бы согласиться на такое умаление своего положения в Адриатике.

Через две недели, то есть 15 апреля по новому стилю, маркиз ди Сан-Джулиано будет иметь свидание с графом Берхтольдом в Аббации. На этом свидании будет присутствовать также здешний австро-венгерский посол г. Мерей. Большинство здешних газет, хотя и защищая необходимость Тройственного союза, относится к этому свиданию без энтузиазма и подчеркивает, что триестские декреты князя Гогенлоэ все еще не отменены, что вопрос об итальянском университете в Австрии продолжает оставаться нерешенным и что вообще итальянские подданные, несмотря на итало-австрийский союз, продолжают подвергаться разным притеснениям.

Маркиз ди Сан-Джулиано затронул также со мною самопочинно вопрос об отношениях Италии и Франции. Он мне сказал, что как он лично, так и все королевское правительство искренно желают добрых отношений с Францией, что Италия готова для этого даже на некоторые жертвы. Сложные и длительные переговоры, о которых я в свое время доносил вашему высокопревосходительству, о подчинении местным тунисским или французским судебным установлениям триполитанских итальянских подданных, оседлых в Тунисе, накануне своего разрешения, сказал министр иностранных дел, и то же подтвердил мне французский посол. Маркиз ди Сан-Джулиано мне прибавил при этом, что он желает как из политических соображений, так и из личной дружбы к г. Барреру укрепить его положение в Париже. Остается еще вопрос о капитуляциях в Марокко, который, по словам министра, является чрезвычайно сложным, тем более, что, как он уверяет, но отрицает г. Баррер, французское правительство, распространяя также и на политику экономический принцип наибольшего благоприятствования,—с чем Италия готова согласиться,—требует его применения там, где он выгоден для Франции, но не признает его там, где он выгоден для Италии. Министр по этому поводу с большим пафосом мне объявил, что Франция забывает, что Италия XX века—не Италия 50-ти[1] лет тому назад, что полвека тому

[1] Так в подлиннике.

назад Франция была величайшей, а Италия—небольшой державой, что значение первой относительно уменьшилось, значение же второй возросло и что поэтому римский кабинет должен требовать, чтобы как в средиземноморских, так и во всех других вопросах Франция относилась к ней, как к совершенно равной ей державе. „Nous ne prétendons pas à une prédominance ni dans la Méditerranée ni ailleurs, mais nous n'admettrons pas celle d'une autre Puissance, et nous exigeons la reconnaissance sincère et inconditionelle d'une égalité parfaite. La France y viendra, mais elle a beaucoup de peine à s'y résigner"[1]. Я, впрочем, с разрешения маркиза ди Сан-Джулиано, сообщил об этом разговоре моему французскому коллеге.

Примите и пр. Крупенский.

№ 134. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 1 апреля/19 марта 1914 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В ожидании открытия народного собрания, назначенного на [2 апреля] 20 сего марта, политическая жизнь в Софии затихла в своих внешних проявлениях; но внутренняя работа различных партий продолжается и, быть может, более оживленно, чем раньше.

До меня стали доходить слухи, с одной стороны, что правительство Радославова, чувствуя, что почва все более и более уходит из-под его ног, старается ликвидировать свои отношения со стамбуловистами, поведение шефа которых г. Геннадиева на суде[2] признается

[1] „Мы не претендуем на преобладание ни в Средиземном море, ни в других местах, но мы не допустим преобладания другой державы и требуем искреннего и безоговорочного признания полного равенства. Франция к этому придет, но ей очень трудно с этим примириться".

[2] Имеется в виду начавшийся 14/1 марта процесс бывших министров Геннадиева, Гудева, Хадачева и генералов Савова и Рачо Петрова, отданных под суд постановлением народного собрания от 26/13 февраля 1911 года, „по обвинению в нарушении конституции путем систематического нарушения законов и в нанесении ущерба государству в корыстных целях". „Подсудимые,—писал Савинский, сообщая о начале процесса,—люди незаурядной энергии, лишенные всяких моральных принципов, без всякого сознания долга гражданина, но с большими связями в армии и среди македонских бездомников. В направлении болгарской политики в недавнем прошлом в русло, враждебное России, они видели средство отстранения от управления так называемых руссофильских партий и возможность для них самих захвата власти, этого главнейшего в Болгарии источника всяких благ. Вот почему из всех политических партий в королевстве они наиболее способствовали разрыву с союзниками, что отнюдь не уменьшает ответственности правительства Данева, не сумевшего обезвредить этих неответственных деятелей закулисного конвента". (Депеша от 16/3 марта за № 6.)

всеми не только недостойным, но и предрешающим как его осуждение, так и отречение от шефства партии; что, порывая со стамбуловистами, правительство Радославова, будто бы, делает попытку сблизиться с демократами, призванными, по единодушному убеждению, взять в свои руки в ближайшем будущем управление страной. С другой стороны, я слышал о заигрываниях Австрии, совершенно разочаровавшейся ныне в правительстве Радославова, с предполагаемым главой будущего правительства Малиновым.

Зная последнего за человека, соединяющего с выдающимся умом и богатым политическим опытом скорее мягкий характер, я пригласил его зайти вчера к себе и в длинной откровенной беседе высказал ему свои опасения. По первому вопросу Малинов дал мне положительные заверения, что Радославов пока к нему не обращался, а что в случае обращения впоследствии он совершенно исключает возможность своего участия в кабинете Радославова. На это я заметил своему собеседнику, что возможен и такой случай, что король, решив удалить теперешнее правительство, будет стараться поручить составление нового одновременно Малинову и Радославову. Эта комбинация кажется вероятной и Малинову, который однако согласился со мной, что итти на это предложение ему не следует. Я усиленно настаивал на необходимости для демократов уклониться от совместной работы с Радославовым, не пользующимся кредитом внутри страны и не внушающим никакого доверия за границей вообще, а в России в частности. Малинов проникся справедливостью моих соображений как по этому вопросу, так и по тому, к которому я перешел затем, а именно, что единственным союзником демократов должна быть сильная партия народняков, о чем я имел уже честь доносить подробно с последним курьером[1].

Когда я ему сказал затем, что вторым вопросом, который меня беспокоит и о котором я хотел бы с ним поговорить откровенно, являются дошедшие до меня слухи, что будто Австрия, в лице своего представителя здесь, собирается сделать ему и его будущему кабинету разные предложения, Малинов выразил искреннее удивление и сказал, что он об этом в первый раз слышит, но что мои слова заставляют его иначе смотреть на некоторые незначительные подробности деятельности графа Тарновского за последнее время,

[1] В письме от 17/4 марта Савинский сообщал о своей беседе с главой демократов Малиновым, который указал, что в случае, если ему будет поручено составление кабинета, он обратится не только к своим единомышленникам, но также к радикалам и народнякам.

которым до сих пор он не придавал никакого значения. Считая необходимым и крайне важным ныне же предостеречь Болгарию и ее будущее правительство от новых неверных шагов, я развил очень подробно мысль о том, как опасно было бы Болгарии доверяться предложениям и обещаниям Австрии, цена которых так хорошо известна славянству по горькому опыту прежних лет и недавнего прошлого. Очертив историческую роль Австрии перед славянством вообще и перед Болгарией в частности, я указал, как на самое типичное проявление австрийского цинизма в области международных отношений, на обещание, которое было сделано в прошлом году в Вене Румынии об уступке последней нашей Бессарабии и выразил предположение, что теперь Австрии, конечно, ничего не будет стоить обещать Болгарии, например, столь желаемый многими болгарами пересмотр Бухарестского договора или что-либо другое, аналогичное по своей несбыточности. При этом я тут же оговорился, что, конечно, ни он, Малинов, ни другие разумные государственные люди не дадут себя поймать на подобную удочку, но что могут найтись люди, даже среди многочисленной демократической партии, которые готовы будут поверить соблазну. Я дорожил высказать эти мысли будущему главе правительства, т. к. не дальше как накануне, во время продолжительной беседы с главным обвинителем в производящемся теперь политическом процессе, профессором Даниловым, последний выражал мне опасения, что, ввиду крайней обескураженности болгар, возможно, что всякое более или менее соблазнительное предложение со стороны может быть принято на веру даже членами дружественной нам демократической партии.

Высказав Малинову эти два волновавшие меня соображения о возможности его сотрудничества с Радославовым и о попытках Австрии привлечь на свою сторону его кабинет, я прибавил, что ему, наоборот, нужно будет при вступлении во власть совершенно определенно и решительно ориентировать свою политику в сторону России, со стороны которой Болгария только и может ожидать столь необходимой для своего возрождения бескорыстной поддержки. Деятельность будущего правительства не должна оставить ни у кого в России и тени подозрения,—сказал я,—насчет своей искренности.

Я вступил в вышеизложенный обмен мыслей, считая, что на моей прямой обязанности лежит предупредить всякие случайности и устранить те препятствия, которые могут возникнуть на пути

будущего болгарского правительства к откровенному и честному сближению его с нами.

А что время, когда Радославов уступит место Малинову, недалеко,—на это указывает все, и, по моим сведениям, король в принципе уже решил покончить с либеральным кабинетом и для приведения в исполнение своего намерения ждет лишь удобного момента. Французский посланник, имеющий личные связи при дворе через своих придворных соотечественников, заходил ко мне третьего дня, чтобы сообщить, что один из сих последних, очевидно, по поручению короля, имел с ним [по] собственной инициативе разговор на эту тему и утверждал, что решение короля удалить Радославова и призвать Малинова готово и что он только ждет „жеста с моей стороны". Г. Панафье, которого я держу в курсе своих политических разговоров, зная, что во время моей последней аудиенции я советовал королю расстаться с Радославовым, обратиться к Малинову и народнякам и не бояться со стороны последних антидинастических выступлений (см. мое секретное письмо от [19] 6 февраля с. г.[1]), мог ответить своему собеседнику, что королю нечего ждать моего жеста, что он уже сделан давно, что, наоборот, теперь король должен сделать этот жест, которого от него давно ждет Россия и Тройственное согласие.

Я очень рад, что г. Панафье знал мои предыдущие разговоры с королем и воспользовался ими для своего ответа. Что касается меня, то я нахожу, что пока мне лучше не делать новых шагов. Король знает мой образ мыслей, и я буду выжидать результата своих прежних разговоров с ним и нарушу это положение, разве если король возьмет инициативу свидания со мной.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 135. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 109[2]. 1 апреля/19 марта 1914 г.

Получил телеграмму Шебеко № 31[3].

Копии в Париж и Вену.

Полагаю, что в данном случае какое-либо давление на сербское правительство не оправдывалось бы обстоятельствами, ибо

[1] См. т. I, № 291.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 84, № 1308.

[3] См. выше № 116.

последнее, как известно, уже давно и окончательно согласилось на французское предложение, выразивши готовность вступить в соответственные переговоры командированием делегатов в Вену. Что касается проекта графа Витали, уже полученного Пашичем, то таковой представляет собой не более как изложение в договорном виде первоначальной французской формулы и посему, конечно, не может встретить здесь препятствий. Затруднения создаются Австрией, которая, видимо, стремится провалить проект, что вновь подтверждается свежими данными. Высказанная Ивановичем мысль о возврате дороги Восточному обществу служила предметом обмена взглядов между Пашичем и Дютаста, но лишь как один из возможных способов решения вопроса в случае неудачи дела интернационализации. Сегодня отбывший в Софию Дютаста настроен был пессимистически и сам допускает, что все может привести к выкупу дороги Сербией, которой французские капиталисты, по всему вероятию, не откажут в финансовой помощи.

Гартвиг.

№ 136. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 634[1]. 2 апреля/20 марта 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 437[2].

Эйн-эд-Доуле подал вновь в отставку, и, повидимому, настоятельно, так как устранился от всяких дел.

Этим необходимо воспользоваться, чтобы устранить из кабинета этого вредного сановника. Между тем, как сообщил весьма секретно здешний персидский посланник, секретарь английской миссии в Тегеране поспешил заявить председателю совета министров Ала-эс-Солтане, что принятие отставки Эйн-эд-Доуле будет актом, недружелюбным в отношении Англии.

Благоволите, отнюдь не упоминая о выступлении означенного секретаря, спешно высказать Грею, что мы считаем необходимым воспользоваться настоящим моментом для удаления из состава кабинета Эйн-эд-Доуле, который относится к нам недружелюбно, своим непримиримым отношением к другим членам кабинета вносит рознь и серьезно мешает плодотворной работе персидского правительства.

Мы рассчитываем на поддержку в этом отношении лондонского кабинета.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше стр. 50, прим. 5.

Что касается Эйн-эд-Доуле, то ему могло бы быть предложено какое-либо генерал-губернаторство на юге Персии.

О результатах ваших переговоров прошу телеграфировать.

Копия в Тегеран.

Сазонов.

№ 137. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Письмо № 23[1]. 2 апреля/20 марта 1914 г.

Весьма доверительное.

М. г. Александр Петрович,

В письме от 18/5 сего марта[2] вы затронули вопрос о более тесном соглашении между Россией и Англией и выразили желание узнать мой взгляд на этот предмет, особенно ввиду того, что его легко могут коснуться руководители французской и английской внешней политики во время предстоящего приезда в Париж короля Георга V.

По этому поводу считаю долгом сказать вам, что дальнейшее укрепление и развитие так называемого „Тройственного согласия“ и по возможности превращение его в новый тройственный союз представляется мне насущной задачей. Вполне обеспечивая международное положение России, Франции и Англии, такой союз, ввиду отсутствия у названных держав завоевательных замыслов, не угрожал бы никому, а явился бы лучшим залогом сохранения мира в Европе.

Между Францией и Англией уже сделаны некоторые шаги в смысле разработки возможного взаимодействия и более точного определения обоюдных обязательств. В том же направлении следует, очевидно, итти и нам, причем обсуждение относящихся сюда вопросов могло бы, пожалуй, быть связанным с назревшими переговорами по целому ряду предметов, близко затрагивающих русские и английские интересы в различных областях.

К сожалению, как вам известно, в настоящую минуту внутреннее положение Великобритании таково, что им поглощается внимание королевского правительства и английского общества. При таких обстоятельствах почва для международных соглашений, особенно столь щекотливого с точки зрения англичан свойства, является довольно неблагоприятной, и поневоле приходится быть весьма осторожным в преследовании намеченной цели.

---

[1] Черновой отпуск написан рукою Шиллинга. Опубл. М., стр. 499—500.

[2] См. выше № 42.

Тем не менее я разделяю вашу мысль, что было бы небесполезно, если бы, пользуясь личным свиданием с королем Георгом и его министром, гг. Пуанкаре и Думерг доверительно указали им, что более тесное соглашение между Россией и Англией приветствовалось бы и во Франции, как счастливое событие, одинаково желательное для всех трех участниц нынешнего Тройственного согласия. Определение условий, на которых могло бы состояться такое политическое соглашение, разумеется, подлежало бы непосредственным переговорам между С.-Петербургом и Лондоном. Но, быть может, французское правительство признало бы удобным предложить сэру Эдуарду Грею совместно сообщить нам содержание заключенного между Францией и Англией упоминаемого вами политического соглашения, каковое могло бы послужить основанием для выработки подобного же соглашения между Россией и Англией.

[Сазонов.]

№ 138. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 95. 2 апреля/20 марта 1914 г.

Copie Paris.

En réponse au contenu de ce télégramme[1] Grey me prie vous supplier renoncer aux ajoutes et modifications proposées. Selon Grey ces ajoutes rendraient illusoires les chances de voir sa proposition acceptée par les gouvernements de la Triple Alliance. D'ailleurs Grey pense que de préciser au delà de ce qui en est dit dans 3-me paragraphe du projet des points concernant le régime à établir en Epire introduirait dans ce document diplomatique un élément tout nouveau, se référant à des négociations locales entre un fondé de pouvoir albanais et un gouvernement provisoire qui n'est pas reconnu, négociations qu'il est préférable de laisser suivre leur cours sans l'intervention officielle des Puissances. Grey pense que la neutralité des îles devrait être mentionnée, attendu qu'il s'agit donc d'une réponse non pas à la Turquie, mais à la Grèce, qui ne peut être qu'utile à la Grèce sans la lier pour ses négociations directes avec la Turquie. En dernier lieu Grey appuya sur les inconvénients aussi fâcheux qu'inévitables d'un

---

[1] Речь идет о тел. Сазонова Бенкендорфу от 1 апр./19 марта за № 618, в которой указывалось на желательность дополнить ответ греч. прав-ву напоминанием о провинциальном собрании, о том, что численное соотношение христиан и мусульман в жандармерии должно быть пропорционально составу населения и что провинциальное собрание должно осуществлять контроль над организацией общин.

nouveau délai. J'ai ensuite montré votre télégramme à Cambon. Il me dit partager entièrement l'opinion de Grey. Il va plus loin. Il craint que la mention des points concernant le régime en Epire mettrait des entraves aux chances de succès des négociations locales qui selon lui ont pris actuellement une tournure différente. Pour ma part je voudrais ajouter que Cambon et moi n'avons obtenu qu'avec difficulté que Grey renonce à attitude qu'il avait adoptée et qu'il ne sera guère disposé à un nouvel échec, que la crise actuelle en Angleterre lui rendrait encore plus sensible que le premier. Comme à Grey et à Cambon cet échec me paraît certain et il me paraît peu désirable que nous soyons seuls à nous opposer à un texte qui a chance sérieuse d'être adopté par toutes les Puissances et à retarder par là réponse à Grèce, si nécessaire à Vénizélos. Prie instructions d'urgence.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

В ответ на эту телеграмму, Грей просит меня уговорить вас отказаться от предложенных дополнений и изменений. По мнению Грея, эти дополнения сделают сомнительными шансы на принятие его предложения правительствами Тройственного согласия. Впрочем Грей думает, что более точное определение пунктов, касающихся устанавливаемого в Эпире режима, чем это делается в 3 параграфе проекта, ввело бы в этот дипломатический документ совершенно новый элемент, относящийся к местным переговорам между албанским уполномоченным и непризнанным временным правительством,—переговоры, которым лучше предоставить итти своим чередом без официального вмешательства держав. Грей полагает, что следовало бы упомянуть о нейтралитете островов, поскольку речь идет об ответе не Турции, а Греции, который может быть Греции только полезен, не связывая последнюю в ее непосредственных переговорах с Турцией Наконец, Грей указал на неудобства столь же досадные, сколь и неизбежные от новой оттяжки. Я показал затем вашу телеграмму Камбону. Он сказал мне, что вполне разделяет мнение Грея. Он идет еще дальше. Он опасается, чтобы упоминание пунктов, касающихся режима в Эпире, не оказалось препятствием для успеха местных переговоров, которые приняли теперь, по его мнению, другой оборот. Со своей стороны, я хочу добавить, что мы с Камбоном лишь с трудом добились от Грея отказа от занятой им позиции, а также, что он совершенно не желает испытать новой неудачи, которая была бы для него, вследствие теперешнего кризиса в Англии, еще более чувствительна, чем первая Эта неудача кажется мне, как и Грею и Камбону, весьма вероятной, и я считаю нежелательным, чтобы мы одни возражали против текста который имеет серьезные шансы быть принятым всеми державами, и задержали благодаря этому, ответ Греции, столь необходимый для Венизелоса. Прошу спешных инструкций.

Бенкендорф.

№ 139. Представитель Русско-Азиатского банка в Париже советнику посольства в Париже Севастопуло[1].

Телеграмма[2]. Лондон, 2 апреля/20 марта 1914 г.

Serons seulement obligés retrocéder français succursales Smyrne Syrie.

Nicolas Raffalowitch.

Перевод.

Будем только вынуждены уступить французам отделения в Смирне [и] Сирии.

Николай Рафалович.

№ 140. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 11. 2 апреля/20 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Весна является обыкновенно на Балканском полуострове временем осложнений и беспорядков. Четническая деятельность, испокон века практиковавшаяся болгарами по отношению к соседям, принимала обычно в это время года более интенсивный характер.

Как я имел уже честь доносить (деп. № 7 от [19] 6 сего марта[3]) и теперь есть указания на то, что Болгария, видя невозможность изменить более серьезным образом в свою пользу существующее положение вещей, намерена причинять неприятность и тревогу соседям путем четнической деятельности.

Распространившиеся и проникшие даже в печать слухи о состоявшемся, будто бы, переходе бандами сербской границы, и при этом в фантастическом числе, оказались, конечно, неверными и были официально опровергнуты болгарским правительством, воспользовавшимся этим случаем, чтобы подтвердить путем правительственного сообщения, что оно не потерпит образования банд на своей территории. Несмотря на это, со всех сторон есть указания на

---

[1] Севастопуло в это время находился в Петербурге.

[2] Нешифрованная. На телеграфном бланке надпись: „Русско-Азиатский банк, с коим я переговорил, повидимому, удовлетворен этой комбинацией. Он полагал бы сохранить в Турции Салоникский банк, т. е. турецкое учреждение; в христианских же государствах переименовать отделения в отделения Р.-Азиатского банка М. Севастопуло“.

[3] Ошибка; следует читать: „от [17] 4 сего марта“; см. выше № 35.

подготовление банд и даже на то, что правительство не только смотрит одобрительно на их образование, но и содействует таковому. Так, на-днях, мой сербский коллега пришел ко мне очень встревоженный и просил меня проверить имеющимися в моем распоряжении средствами дошедший до него слух о том, будто болгарское правительство намеревается снабдить турок, живущих во Фракии, 42 тысячами немецких винтовок, отнятых в свое время болгарами у турок, с тем, чтобы вооруженные этими винтовками турки перешли границу вновь присоединенных земель Сербии.

При этом Чолак Антич прибавил довольно пикантную подробность, а именно, что, по его сведениям, если болгары колеблются еще заключить с турками этот уговор, то лишь из страха, что, заполучив обратно принадлежавшие им когда-то ружья, турки не захотят отдать их им обратно.

Сведения эти я старался проверить агентурным путем через нашего военного агента. Как из слов полковника Романовского, так и из замечаний некоторых благоразумных болгар я убедился, что опасения насчет банд не лишены основания: болгары находятся в постоянных сношениях с пребывающими в болгарской Фракии турками и непрочь этим путем создать затруднения соседям. Сообщавшие мне это болгары высказывали свое крайнее сожаление и беспокойство, не ожидая от подобных мер ничего другого, кроме новых осложнений и потрясений.

Предостерегать нынешнее правительство от задуманных им выступлений было бы совершенно бесцельно, так как оно отозвалось бы неведением, а под рукою продолжало бы свою подпольную игру, находя, что в его безысходном положении все средства хороши. Если найду случай, предпочитаю высказать предостережение через дворец.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 141. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 32[1]. 2 апреля/20 марта 1914 г.

Тревожное положение, создавшееся ныне в Европе, обращает особое внимание оттоманских представителей за границей, подробно ознакомляющих свое правительство как со сведениями, которые им удается получить, так и с личными своими впечатлениями.

---

[1] Лит. копия.

Комментируя недавнее свидание императора Вильгельма с императором Францем-Иосифом, оттоманский посол в Вене указывает, что при этом обсуждались, будто бы, принятые за последнее время Россией меры усиления армии со стороны Германии. Император Вильгельм высказал, что его вера в искренность России ныне сильно поколеблена. Быть может, вооружение России является лишь родом демонстрации держав Тройственного согласия против Тройственного союза, но нельзя отрицать того, что в связи с последними балканскими войнами на очередь стали вопросы, могущие вызвать недоразумения между великими державами и привести к гибельной войне. Поэтому, по мнению императора, является настоятельно необходимым обеспечить точное осуществление уже выработанного между Германией, Австрией и Италией плана военных действий на суше и на море. Вместе с тем необходимо, чтобы австрийское и итальянское правительства приняли меры к устранению каких-либо недоразумений между ними по албанскому вопросу, и император обещал переговорить в этом смысле с итальянским королем.

Эти сведения подтверждаются и оттоманским послом в Риме.

Последний доносит, что император Вильгельм во время свидания своего в Венеции с итальянским королем особо подчеркнул необходимость тесного единения держав Тройственного союза и согласия между Австрией и Италией относительно принимаемых по отношению к Албании мер. При этом император Вильгельм обещал настоять перед королем эллинов на желательности скорейшего мирного улажения эпирского вопроса.

Что касается до совместных действий держав Тройственного союза в случае войны с Россией, то, по сведениям Наби-бея, Австрия сильно озабочена постоянно проявляемыми ее славянским населением симпатиями к России. Ввиду этого, в случае вооруженного столкновения с Россией, австрийский генеральный штаб решил отделить армию, достаточную для сдерживания населения славянских провинций. Но так как этим будет ослаблена действующая австрийская армия, то Италия должна предоставить в распоряжение Австрии армию, необходимую для пополнения австрийских войск.

Считаю долгом отметить, что сведения, сообщаемые Наби-беем и почерпнутые им, по его словам, из вполне компетентных источников, соответствуют донесению оттоманского посла в Берлине,

содержание коего я имел честь передать вашему высокопревосходительству в депеше от [23] 10 сего марта за № 25[1].

Гирс.

№ 142. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 637[2]. 3 апреля/21 марта 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 95[3].

Во внимание к нежеланию Франции и Англии мы согласны не настаивать на сделанных нами предложениях, хотя ясно сознаем, что предположенный ответ произведет в Греции тяжелое впечатление и едва ли будет способствовать достижению желательного результата.

Сазонов.

№ 143. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

½. Телеграмма № 96. 3 апреля/21 марта 1914 г.

Me réfère à mon télégramme No. 95[3].

Personnel. Urgent. Proposition pour réponse à Grèce me paraît indiscutable. Bruits de presse de Vienne parlent de projet émanant de la Triple Alliance. Intention de prévenir proposition de Grey me paraît probable. Il est tout-à-fait douteux qu'un texte émanant de la Triple Alliance puisse être acceptable par[4] la Triple Entente qui devra refu-

---

[1] См. выше № 71. Ссылаясь на публ. депешу Гирса, А. Крупенский указывал, что сведения, сообщаемые в донесениях оттоманских послов относительно бесед герм. императора с австр. императором и итал. королем, „находятся в прямом противоречии со словами императора германского, переданными мне маркизом ди Сан-Джулиано вполне самопочинно“ (ср. выше № 133). К донесениям оттоманских послов Крупенский считает нужным „отнестись чрезвычайно скептически“, даже в том случае если признать, что „Сан-Джулиано сообщал... чистую неправду“, „ибо, — пишет Крупенский, — каким образом оттоманский посол в Риме мог получить столь секретные и столь важные сведения из компетентных источников. Консульта—не Порта оттоманская и не пекинский вай-ву-бу, в которых можно получать подобные сведения за деньги, да и денег таких в распоряжении турецких дипломатов не имеется“. Далее Крупенский говорит о „внутренней невероятности сообщаемых турецкими представителями сведений“ и объясняет это неправдивостью донесений оттоманских послов или сознательной деятельностью фантазеров в Порте оттоманской, составляющих подобные документы, дабы „заслужить таким образом денежное вознаграждение“ (депеша от 5 мая/22 апр.).

[2] Черновой отпуск написан рукой Трубецкого.

[3] См. выше № 138.

[4] Так в подлиннике.

ser ou produire un délai prolongé. D'un autre côté texte de Grey ne laisse à la Triple Alliance aucun motif plausible de refus. C'est là où je vois grand avantage pour nous.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 95.

Личная. Спешная. Предложение для ответа Греции мне кажется бесспорным. Слухи венской прессы говорят о проекте, исходящем от Тройственного союза. Намерение предупредить предложение Грея кажется мне вероятным. Весьма сомнительно, чтобы текст, исходящий от Тройственного союза, мог быть приемлем для Тройственного согласия, которое должно будет его отклонить или вызвать длительную оттяжку. С другой стороны, текст Грея не дает Тройственному союзу никаких убедительных мотивов для отказа. В этом я вижу для нас большое преимущество.

Бенкендорф.

№ 144. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 97. 3 апреля/21 марта 1914 г.

Nicolson me dit que les Puissances de la Triple Alliance ayant écemment procédé à trois dans leurs démarches, Grey pense que projet de réponse à Grèce devrait être proposé aux autres Puissances par les trois ambassadeurs de l'Entente en commun. Nicolson a dit la même chose à Cambon. Nicolson me répéta espoir de réponse prompte et favorable de votre part pour texte, affaire devenant urgente.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон сказал мне, что так как державы Тройственного союза выступали недавно втроем, то Грей полагает, что проект ответа Греции должен быть предложен другим державам тремя послами стран Согласия сообща. Никольсон сказал то же самое Камбону. Никольсон снова выразил мне надежду на ваш быстрый и благоприятный ответ относительно текста ввиду того, что вопрос становится спешным.

Бенкендорф.

№ 145. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо[1]. 3 апреля/21 марта 1914 г.

Monsieur le Ministre,

Pour expliquer avec le plus de clarté possible les péripéties de la crise et les incidents qui s'enchevètrent journellement l'un dans l'autre, plus particulièrement depuis ma dernière lettre[1] à ce sujet, il me faut je le crois, dépeindre à neuf les rapports entre les partis politiques au Parlement.

---

[1] См. выше № 86.

Le Cabinet s'appuie sur la majorité constante du parti libéral, sur celle du Labour Party forcément voué à lui accorder son appui, et sur le parti nationaliste irlandais. Ce dernier parti, en lui même indépendant, appuie le ministre en vertu d'une promesse, que je crois indiscutable, de faire passer le Home Rule Bill dans la cession actuelle. Le Cabinet se trouve par conséquent lié.

Dans l'opposition la situation apparaît, depuis les derniers événements surtout, comme quelque peu différente. Au sein même du parti unioniste il s'est formé sous l'égide de Sir E. Carson un groupe spécial—celui des représentants de l'Ulster, qui compte approximativement 30 voix. Pendant longtemps nulle différence n'avait paru entre ces deux fractions du parti dans leur programme politique. Il en est autrement depuis que Mr. Asquith a porté au Parlement son compromis qui consistait à remettre de 6 ans la solution définitive de cette brulante question. Mr. Bonar Law avait posé la condition qu'avant le passage du bill le pays fût consulté. En réponse à une question du premier ministre, le chef de l'opposition avait déclaré au nom du parti unioniste, que ce dernier se soumettrait au résultat d'une élection générale. Il avait pourtant marqué qu'il s'engageait pour le parti unioniste,—non pas pour celui de l'Ulster. Interrogé à son tour par Mr. Asquith, Sir E. Carson a répondu si évasivement que sa réponse équivaut à une fin de non recevoir.

Par conséquent, si Mr. Asquith, en se tenant à son programme, est sûr de sa majorité, le cas pour Mr. Bonar Law est différent. Il n'est pas sûr des représentants de l'Ulster. Telle est la différence dans la position réciproque des deux champs, le parti de l'U ster est libre de tout engagement et son attitude est devenue de jour en jour plus claire. Il n'accepte pas le principe du Home Rule et il ne l'accepterait même pas si une élection devait se prononcer en faveur de cette loi. Pour ce qui concerne l'Ulster, le parti est décidé, coûte que coûte au maintien du statu quo.

Cette attitude, devenue manifeste plus récemment, était pourtan assez clairement dessinée depuis 3 mois pour que le ministère dès fin de décembre sortant enfin de ses irrésolutions et de son système de temporisation, se vit acculé à la nécessité de certaines mesures de précautions militaires.

Il s'agissait en réalité de s'assurer de 4 points stratégiques—c'est ce que depuis on a nommé plus modestement sauvegarde: de magasins militaires.

Aucune lumière réelle et complète ne s'est faite sur les communications très confidentielles forcément, entre le ministère de la guerre,

impliquant la responsabilité du Cabinet, et le commandant en chef des troupes en Irlande Sir A. Paget. Ce dernier, dès les débuts de l'opération et pour mettre à couvert sa propre responsabilité, a dû faire observer que l'état des esprits était tel que, n'importe quel mouvement des troupes pourrait entraîner des incidents du plus grand danger. Mettant de côté toute considération politique et ne pensant qu'au point de vue purement militaire, le général Paget a dû prévenir que les mouvements exigés n'étaient possibles qu'à condition que d'autres mesures de sauvegarde soient prises pour toute éventualité. Il reste peu de doute que c'est ainsi que les choses se sont passées. Il m'est impossible de relater les incidents journaliers qui s'en sont suivis. Ils ont eu pour résultat la démission du ministre de la guerre et des deux principaux membres du Army Council, Sir J. French et Sir J. Ewart.

C'est une longue suite d'imprudences, de malentendus, voire même d'irrégularités, produites par la pression et la hâte des événements et aussi par la divulgation inopportune, mais inévitable, des actions, d'un côté, du ministère, de l'autre, du général Paget. C'est la question des officiers qui en a été la cause. Je ne voudrais pas ici me porter juge des causes qui n'ont d'équivalent nulle part, pour lesquelles il n'y a aucun antécedant et auxquelles pour cette raison les principes de discipline militaire en vigueur dans toute armée ne me paraissent pas entièrement applicables. Commandant en chef, il va de soi que le général Paget devait avant tout être sûr de l'attitude des officiers appartenant à l'Ulster même, nombreux et importants dans son armée. Le reproche lui a été fait, comme il a été fait au ministère, d'avoir au cours de son enquête offert des conditions à ses officiers. C'est contre ce qu'on a appelé une „opinion", évidemment contraire à toute discipline militaire, que l'attaque a été dirigée. Mais en réalité, c'est contre des éventualités que le général Paget devait s'assurer. Je crois que pour se rendre compte combien la chose a été nécessaire, il suffit de résumer en peu de mots la situation faite à ces officiers, situation que je crois sans exemple. On ne leur demandait pas de réprimer par la force leur propre pays pour le maintenir sous l'autorité de l'Angleterre. On leur demandait de coopérer à ce que ce pays, contre son gré, en soit détaché. De pareils problèmes ne pouvaient rester secrets; c'est ce qui a causé ce qui a été nommé, par le Labour Party surtout, la question de l'armée. Ce dernier parti ne pouvait pas manquer, et n'a pas manqué de lancer cette question en affirmant que l'armée toute entière est une armée rétrograde, toujours prête à soutenir les intérêts conservateurs et toujours prête à frapper quand les intérêts populaires

sont en jeu. De là il n'y a plus qu'un pas à faire pour affirmer que l'armée est l'armée du roi. Je n'ai pas à m'étendre sur les conséquences et la magnitude de la question ainsi posée. J'ai hâte de dire que cette tentative du Labour Party a d'ors et déjà échoué. Ils n'ont pas trouvé de réponse dans le pays. Néanmoins, la situation était telle qu'il fallait en finir avec le désarroi au sein du Cabinet et d'action par trop indépendante de certains de ses membres. Il fallait une mesure de concentration et d'énergie spéciale. C'est pourquoi Mr. Asquith a pris lui-même le portefeuille de la guerre. Cette résolution inattendue a, j'ai hâte de le dire, exercé immédiatement une action calmante et reçu l'approbation de tous les partis. En assumant un nouveau portefeuille, Mr. Asquith a cru devoir se soumettre à une nouvelle élection à la Chambre des Communes. Les opinions légales ne sont pas tout-à-fait d'accord sur la nécessité de pareille démission. La règle constante est qu'une nouvelle élection est nécessaire toutes les fois qu'un membre de la Chambre accepte une fonction publique, rétribuée, Mr. Asquith, ayant renoncé aux émoluments de ministre de la guerre aurait peut-être pu s'en dispenser. Aussi est-il permi de supposer que Mr. Asquith trouve profit à l'occasion de prononcer en province quelque grand discours—programme adopté aux circonstances actuelles. D'un autre côté, en s'abstenant de la Chambre, il a fourni occasion à Sir E. Grey, qui jusqu'ici s'était tenu comme à l'écart, de le remplacer provisoirement. Sir E. Grey aussi a-t-il prononcé un discours d'importance spéciale. Ce discours très étudié, conciliant dans la forme, rénouvelle la proposition et insiste sur la nécessité de pourparlers privés et directs entre les chefs de partis. Il part du point de vue que des propositions faites subitement à la Chambre par l'un ou l'autre des partis n'ont actuellement que peu de chances d'aboutir. Selon Sir E. Grey, si les propositions faites jusqu'ici paraissent écartées, aucune d'elles n'a été positivement rejetée. En se référant aux propositions de Mr. Asquith, Sir E. Grey dit que peut-être elles pourraient être complétées en ce sens qu'au cours des six années quelques projets, sinon de fédération, du moins de décentralisation pourraient être élaborés, qui trouveraient pour l'Ulster un status acceptable à cette province. D'un autre côté, Sir E. Grey affirme à neuf le principe du Cabinet que le bill du Home Rule doit être passé dans la cession actulle sans élections ou referendum préalable, et il ne fait pas mystère que le jour que ce bill, quel qu'en soit le texte, entrera légalement en vigueur (à peu près un an après la sanction royale, conformément au Parliament Act), si la province de l'Ulster s'opposait à son application, il appartiendrait au gouvernement du roi de l'y contraindre. Ce dis-

cours a fait une impression sérieuse par ce que tout en ouvrant la porte plus largement que jusqu'ici à des négociations et des concessions, il maintient pourtant entièrement l'essentiel du point de vue ministériel.

Mr. Balfour a, séance tenante, répondu à ce discours. C'est à cette partie essentielle du point de vue de Cabinet, maintenue par Sir E. Grey, qu'il s'en est pris tout d'abord. C'est à un passage immédiat et tout d'abord que le parti unioniste s'oppose surtout. Mr. Balfour opine que tant que ce procédé sera maintenu, il ne voit que peu de chances d'une solution satisfaisante. Selon lui, revenir sur une loi en vigueur est une opération trop difficile pour que ni le parti unioniste, ni surtout la province de l'Ulster puissent se décider à en courir la chance. Avec une vigueur toute exceptionnelle et usant de toutes ses capacités de tacticien parlementaire, Mr. Balfour rejète sur le gouvernement toute la responsabilité des calamités à prévoir. Il reprend et analyse la situation faite à l'armée; il nie qu'une solution imposée, si tant est que la chose soit possible, soit une solution réelle. A la fin pourtant de son discours, Mr. Balfour reprend un ton de conciliation et semble vouloir se prêter aux ouvertures de Sir E. Grey. Je joins le texte in extenso de ces deux discours[1]. Je ne sais si votre excellence trouvera le loisir de les parcourir. Ils le méritent pourtant, non pas seulement pour leur éloquence, mais pour constituer ce qui jusqu'ici a été dit de plus clair, de plus compréhensif et de plus profond sur toute la question. Ce même mercredi et le lendemain plusieurs discours ont de part et d'autre été prononcé; mais ils n'ont rien changé d'essentiel à la situation telle qu'elle a été formulée par Sir E. Grey et par Mr. Balfour. Il ne manque pas de certain symptôme d'apaisement. Dans le public il est facile de constater quelque lassitude. De même dans les cercles politiques le désir de s'entendre est bien plus marqué. Je ne voudrais pourtant pas conclure que l'espoir soit aussi général que le désir; c'est du moins l'impression de mes derniers entretiens avec les principaux acteurs de l'un et l'autre camp de ce drame. Pour résumer cette impression, je dirai qu'une détente finale est généralement prévue, mais pas pour aujourd'hui. Je crois plutôt que nous sommes à la veille de nouveaux débats, plus difficiles peut-être que jusqu'ici, pour la raison même que la question se resserre et que les dangers deviennent plus manifestes. Il y a lieu d'espérer pourtant que le ton des débats sera de beaucoup plus conciliant dans la forme et plus calme, un progrès qui n'est pas à mépriser.

Veuillez etc. Benckendorff.

[1] При подлиннике имеются две газетные вырезки „The Times"—от 1 апреля и от 3 апреля 1914 г.

Перевод.

Г. министр,

Чтобы изобразить с наибольшей ясностью перипетии кризиса и события, ежедневно вплетающиеся одно в другое, в особенности со времени моего последнего письма по этому вопросу, полагаю, что я должен заново обрисовать отношения между политическими партиями в парламенте.

Кабинет опирается на постоянное большинство либеральной партии и рабочей партии, вынужденной оказывать ему свою поддержку, и на ирландскую националистическую партию. Эта последняя, независимая сама по себе, поддерживает министра в силу обещания, которое я считаю не подлежащим сомнению, провести закон о гомруле в настоящей сессии. Кабинет оказывается, следовательно, связанным.

У оппозиции, особенно со времени последних событий, положение создалось несколько иное. В недрах самой унионистской партии образовалась под эгидой сэра Э. Карсона особая группа представителей Ульстера, насчитывающая приблизительно 30 голосов. В течение длительного периода не обнаруживалось никакой разницы в политической программе этих двух фракций одной партии. Дело обстоит иначе с тех пор, как г. Асквит внес в парламент свое компромиссное предложение, сводящееся к тому, чтобы отложить на 6 лет окончательное решение этого жгучего вопроса. Г. Бонар Лоу выставил условие, чтобы до прохождения билля была опрошена страна. В ответ на вопрос премьер-министра глава оппозиции заявил от имени унионистской партии, что последняя подчинится результатам общих выборов. Вместе с тем он указал, что принимает обязательство от имени унионистской партии, но не от ульстерской. Спрошенный в свою очередь г. Асквитом, сэр Э. Карсон ответил так уклончиво, что ответ его равносилен отказу от ответа.

Следовательно, если г. Асквит, придерживаясь своей программы, может быть уверен в получении большинства, то в отношении Бонар Лоу дело обстоит иначе. Он не уверен в представителях Ульстера. Такова разница в относительном положении обоих лагерей. Ульстерская партия свободна от всяких обязательств, и ее позиция делается со дня на день все яснее. Она не принимает принципа гомруля и не примет его даже в том случае, если бы результат выборов был благоприятен для этого закона. Что касается [самого] Ульстера, то партия решила во что бы то ни стало сохранить status quo.

Позиция эта, выяснившаяся недавно, обрисовалась впрочем три месяца тому назад настолько ясно, что министерство, оставив, наконец, с конца декабря свою нерешительность и свою систему промедлений, было вынуждено принять известные меры военной предосторожности.

Фактически дело шло об обеспечении четырех стратегических пунктов, что с тех пор было более скромно названо охраной военных складов.

Сношения, по необходимости весьма конфиденциальные, между военным министерством, с вытекающей отсюда ответственностью кабинета, и главнокомандующим войсками Ирландии сэром А. Педжет, не получили правильного и полного освещения. Для того, чтобы снять с себя ответственность, последний должен был с начала операций указать, что состояние умов таково, что всякое движение войск может повлечь за собой весьма опасные инциденты. Оставив в стороне все политические соображения и придерживаясь лишь чисто военной точки зрения, генерал Педжет должен был предупредить, что необходимые передвижения возможны лишь при условии, что на всякий случай будут при-

няты другие меры охраны. Не остается сомнений, что события происходили именно так. Мне невозможно описать следовавшие ежедневно инциденты. Они имели результатом отставку военного министра и двух главных членов военного совета, сэра Д. Френча и сэра Д. Юарта.

Обнаружился длинный ряд неосторожностей, недоразумений, даже неправильных действий, вызванных спешкой и давлением событий, а также неуместной, но неизбежной оглаской действий, с одной стороны, министерства, с другой—генерала Педжета. Причиной этого послужил вопрос об офицерах. Я не хотел бы выступать здесь в качестве судьи в обстоятельствах, которые нигде не имеют равных, с которыми нельзя найти ничего сходного в прошлом и к которым, как я считаю, по этой причине не вполне применимы принципы военной дисциплины, имеющие силу во всякой армии. Как главнокомандующий войсками, генерал Педжет прежде всего должен был, само собой разумеется, быть уверен в настроении офицеров, происходящих из самого Ульстера, которые очень многочисленны и имеют большое значение в его армии. Ему, как и министерству, делается упрек в том, что во время расследования он вступил со своими офицерами в переговоры об условиях. Атака велась против того, что называется „собственным мнением“ и что явно противоречит военной дисциплине. Но генерал Педжет действительно должен был обеспечить себя от случайностей. Я полагаю, что для того, чтобы дать себе отчет, насколько это было необходимо, достаточно характеризовать в нескольких словах положение, создавшееся для этих офицеров,—положение, которое кажется мне беспримерным. От них не требовали подавления силой их собственной страны, чтобы сохранить ее под властью Англии. От них требовали, чтобы они содействовали отделению этой страны против ее воли от Англии. Такие проблемы не могли остаться в тайне; это и создало то явление, которое, главным образом, рабочая партия назвала вопросом об армии. Эта партия не могла упустить и не упустила случая дать ход этому вопросу, утверждая, что вся армия в целом ретроградна, всегда готова поддержать консервативные интересы и нанести удар, когда дело идет о народных интересах. Отсюда остается только шаг до утверждения, что армия является королевской. Я не буду распространяться о последствиях и значении вопроса при такой его постановке. Спешу лишь сказать, что эта попытка рабочей партии уже не удалась. Она не встретила отклика в стране. Тем не менее создалось такое положение, что нужно было покончить с разрухой в самом кабинете и с чрезмерно независимым образом действий некоторых из его членов. Потребовалось известное единство и особая энергия. Поэтому г. Асквит сам взял портфель военного министра. Это неожиданное решение произвело немедленно, что я спешу сообщить, успокоительное действие и получило одобрение всех партий. Принимая новый портфель, г. Асквит считает нужным решиться на новые выборы в палату общин. Мнения относительно законной необходимости такой отставки несколько расходятся. Постоянно действующее правило заключается в том, что новые выборы нужны во всех тех случаях, когда член палаты общин принимает платную государственную должность. Отказавшись от жалованья военного министра, г. Асквит мог бы обойтись без выборов. Можно также предполагать, что г. Асквит хочет воспользоваться случаем, чтобы произнести в провинции какую-либо большую речь, заключающую программу, применительную к настоящим условиям. С другой стороны, воздерживаясь от [посещения] палаты, он дает случай сэру Э. Грею, державшемуся до сих пор как бы в стороне, временно заменить

его. Сэр Э. Грей также произнес речь, имеющую особое значение. Эта тщательно подготовленная речь, примирительная по форме, возобновляет прежнее предложение и притом настаивает на необходимости частных и непосредственных переговоров между вождями партий. Он исходит из того, что предложения, внезапно сделанные в палате той или иной партией, имеют в настоящее время мало шансов на успех. По словам сэра Э. Грея, если сделанные до сих пор предложения отклонены, то ни одно из них не было положительным образом отвергнуто. Обращаясь к предложениям г. Асквита, сэр Э. Грей сказал, что, может быть, их было бы возможно дополнить в том смысле, чтобы в течение шести лет были разработаны проекты, если не федерации, то, по крайней мере, децентрализации, которые создали бы для Ульстера положение, приемлемое для этой провинции. С другой стороны, сэр Э. Грей снова подтверждает тот принцип кабинета, что законопроект о гомруле должен быть проведен в настоящую сессию без новых выборов или предварительного обращения к стране, и он не делает тайны из того, что в тот день, когда этот законопроект, каков бы ни был его текст, получит законную силу (приблизительно через год после королевской санкции, согласно парламентскому акту), то в случае, если провинция Ульстер будет противодействовать его применению, королевское правительство должно будет ее к этому понудить. Эта речь произвела серьезное впечатление тем, что, открывая дверь шире, чем до сих пор, для переговоров и уступок, она однако целиком поддерживает в основном точку зрения министерства

Бальфур тотчас же во время заседания ответил на эту речь. Прежде всего он приступил к той ее части, которая с точки зрения кабинета, поддержанной сэром Э. Греем, является основной. Он начал с того, что унионистская партия возражает против немедленного проведения [законопроекта]. Бальфур утверждает, что, поскольку такая процедура будет сохранена, он видит мало шансов на удовлетворительное разрешение вопроса. По его мнению, пересмотр действующего закона—слишком трудное дело, чтобы унионистская партия, и особенно провинция Ульстер, могли решиться на это. С совершенно исключительной энергией и пользуясь всеми своими способностями парламентского тактика, г. Бальфур переложил на правительство всю ответственность за несчастия, которые можно предвидеть. Он возвращается к вопросу о положении, создавшемся в армии, и анализирует его; он отрицает, чтобы навязанное разрешение вопроса, если бы оно и было возможно, могло бы явиться реальным его разрешением. Впрочем к концу своей речи г. Бальфур принял примирительный тон и, казалось, готов был пойти на предложение сэра Э. Грея. Я прилагаю текст этих двух речей in extenso. Не знаю, найдете ли ваше превосходительство время, чтобы просмотреть их. Они однако заслуживают этого, не только вследствие их красноречия, но и потому, что являются наиболее ясным, наиболее понятным и наиболее глубоким из всего сказанного до сих пор. В ту же среду и на другой день было произнесено несколько речей обеими сторонами, но они не внесли ничего существенного в положение, как оно было формулировано сэром Э. Греем и г. Бальфуром. Имеются известные симптомы успокоения. В публике можно констатировать некоторую усталость. В политических кругах также обнаруживается более явное желание соглашения. Я не хочу, впрочем, делать того вывода, что надежда на это соглашение так же распространена, как и желание достичь его; таково, по крайней мере, впечатление от моих последних бесед с главными действующими лицами обоих

лагерей этой драмы. Чтобы резюмировать это впечатление, я скажу, что все предвидят конечное успокоение, но не в ближайшие дни. Я думаю, что мы скорее находимся накануне новых прений, более трудных, может быть, чем до сих пор, по той самой причине, что вопрос суживается, и опасности становятся очевиднее. Однако есть основание надеяться, что тон прений будет гораздо более примирительным и более спокойным,—успех, которым нельзя пренебрегать.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 146. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо[1]. 3 апреля/21 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Поездка румынской наследной четы с принцем Карлом в Россию и антиавстрийские демонстрации культурной лиги в Бухаресте привели в ярость австро-венгерскую печать и серьезно встревожили правительственные круги Австро-Венгрии.

Вопрос об отношении Румынии к Австрии и вместе с тем ко всему Тройственному союзу служил, повидимому, одной из главных тем переговоров во время недавнего свидания императора Вильгельма с руководителями австрийской и венгерской политики. Яростные нападки на балканскую политику графа Берхтольда со стороны большинства органов австрийской и венгерской печати являются, несомненно, отголоском тех внушений, которые пришлось выслушать венскому кабинету во время последнего свидания от своего союзника. Политику графа Берхтольда упрекают в том, что, стремясь всеми силами ослабить Сербию и увлекшись мыслью привлечь Болгарию в лоно Тройственного союза, венский кабинет сам способствовал образованию на Балканах румыно-сербско-греческого блока, с которым ему теперь приходится считаться при разрешении всякого возникающего вопроса.

Стремление всячески усилить Болгарию за счет Сербии и Греции, естественно, должно было оттолкнуть от Австрии Румынию, которая, желая сама занять господствующее положение на Балканах, больше всего опасалась образования великой Болгарии.

Как ни печальна и возмутительна была вторая балканская война с точки зрения славянских интересов, надо признаться, что с точки зрения чисто русских интересов результат ее оказался несомненно выгодным.

---

[1] Частично опубликовано, начиная с четвертого абзаца, со слов: „Как ни печальна..." Siebert, S. 622—624.

Действительно, что было бы, если бы в Софии в момент заключения перемирия с Портою благоразумие взяло верх и софийский кабинет согласился принять в соображение справедливые требования Сербии относительно видоизменения заключенного между ними договора и совершенно необоснованные, но сравнительно скромные требования Румынии. Болгария явилась бы протяжением своей территории и количеством населения самой сильной балканской державой, с которой поспешила бы сблизиться Румыния, и по всей вероятности, Турция и, в случае сближения ее с Австрией,— что, судя по настроению, существовавшему в болгарских руководящих кругах еще до войны с Сербией, я считал не только возможным, но даже вероятным,—получился бы на Балканах крайне враждебный нам блок[1], составленный из Австрии, Болгарии, Румынии и Турции.

Между тем при настоящем политическом положении на Балканах Австрия является совершенно изолированной, и всякое поползновение с ее стороны нарушить status quo вызовет самый энергический отпор со стороны блока, составленного из Румынии, Сербии и Греции.

Вот почему весьма важно теперь избежать всего того, что может поссорить Румынию с Сербией и Грецией, на это несомненно будут направлены все усилия австрийской дипломатии. В этом отношении сильным оружием в руках Австрии является Албания. Белградский и афинский кабинеты должны понять, что всякий неосторожный шаг их в этом направлении выгоден Австрии, так как возбудит против них неудовольствие Румынии, между тем как, предоставленные самим себе в Албании, Австрия и Италия неминуемо должны перессориться.

Вышеозначенное положение и сознание того, что оно создалось, главным образом, по ее собственной вине и благодаря той поддержке, которую она оказала Болгарии во время последнего кризиса, и вызывает то нервное состояние, которое замечается в последнее время в Австро-Венгрии.

В заключение не могу не выразить сожаления о том шуме и тех победных кликах, которые наполняют страницы наших, и в особенности французских, органов печати по поводу еще не вполне определившегося[2] нового направления румынской политики. Шум этот совершенно бесполезен, так как для нас важен факт отторже-

[1] У Siebert'a: „...ein uns feindlicher Block".
[2] У Siebert'a слова: „еще не вполне определившегося" опущены.

ния Румынии от враждебной нам коалиции держав, а не одержанная дипломатическая победа, между тем он сильно раздражает наших противников, побуждая их напрячь все силы для возвращения потерянного. В Румынии шум этот несомненно будет истолкован враждебными нам элементами, как старания со стороны держав Тройственного согласия ее скомпрометировать и отрезать ей путь отступления.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 147. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 29. 3 апреля/21 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме моей от [20] 7 марта сего года за № 125[1], имею честь представить при сем к[2] вашему высокопревосходительству перевод с сообщенных мне вай-цзяо-бу 28/15 марта сего года ответных пунктов китайского правительства на предложенные нами условия примирения Барги с Китаем.

Покорнейше прося снабдить меня указаниями относительно дальнейшего направления настоящего дела, считаю долгом высказать нижеследующие по сему поводу соображения.

Поскольку дело касается первой части первого пункта ответа, то проектируемое китайским правительством в нем установление управления Хулуньбуиром является не чем иным, как восстановлением существовавшего там до 1909 года строя и, таким образом, мне кажется не слишком противоречащим как нашим, так и баргутским интересам. Это тем более, что, по сообщенным мне по поручению министра иностранных дел доверительным сведениям, на место хулуньбуирского фудутуна предполагается назначить находящегося и ныне во главе Барги сановника Шэн-фу. Что касается второй части первого пункта, то выставляемые в ней китайцами требования сводят дело к возвращению к тем порядкам, которые введены были в Барге в последние годы Манчжурской династии по почину назначенного в 1909 году хайларским амбанем китайца Сюн Сяо-ляна и которые именно и вызвали неудовольствие баргут. Ввиду сего, мне представляется необходимым

[1] В тел. Крупенского от 20/7 марта за № 125 сообщалось, что он передал „требование баргут министру иностранных дел, который, смеясь, заметил, что на этих основаниях весь суверенитет Китая сводился бы к утверждению президентом выбора баргутами правителя, и обещал дать... ответ по рассмотрении этого вопроса советом министров".

[2] Так в подлиннике.

или совершенно отклонить домогательства китайцев, вернувшись и в этом отношении к порядкам до 1909 года, или же, в видах „спасения лица“ китайцев, обусловить принятие второй части изменением конечной ее фразы в том смысле, что на должности, учрежденные для оборудования гражданских дел Барги, назначаются лица исключительно из местных уроженцев.

Второй пункт, мне кажется, не может считаться окончательным ответом, так как рассмотрение нами с китайцами сделок, заключенных русскими подданными с баргутскими властями, и утверждение их должны непременно последовать до подписания самого соглашения.

Ответ китайцев по третьему пункту является, по моему мнению, весьма серьезным в том отношении, что он предусматривает право китайцев строить самостоятельно железные дороги в Барге, предоставляя нам это право лишь в случае необходимости обращения их для этой цели к иностранным капиталистам. Хотя при настоящих условиях трудно предположить, чтобы китайцы были в состоянии приступить вскоре к сооружению на собственные средства железнодорожных линий в Барге, тем не менее согласие наше на такую постановку вопроса дает возможность китайцам отклонять все наши проекты железнодорожного строительства в этой области, ссылаясь на собственное их намерение самостоятельно исполнить эти проекты.

Что касается четвертого пункта, то он сводится к отказу признать вознаграждение убытков наших золотопромышленников одним из условий восстановления китайского суверенитета в Барге.

В своем ответе китайцы, повидимому, умышленно ограничились сообщением своего отзыва лишь на те четыре пункта, которые я им предъявил на основании телеграммы вашего высокопревосходительства от [19] 6 февраля за № 290[1], и совершенно умолчали о наших требованиях касательно обязательства не иметь в Барге своих войск и чиновников, не колонизовать баргинские земли и других сообщенных им мною 20/7 марта сего года пожеланий самих баргут.

При первом моем свидании с министром иностранных дел я не премину обратить его внимание на это обстоятельство и настоять на получении какого-либо ответа по сему предмету.

Копия настоящего донесения моего сообщается мною вместе с сим нашему вице-консулу в Хайларе с просьбой представить

[1] См. т. I, № 280.

как мне, так и первому департаменту заключение по поводу ответа китайцев.

Примите и пр.

В. Крупенский.

Приложение.

Ответные пункты китайского правительства на предложенные русским правительством условия примирения Барги с Китаем, сообщенные 28/15 марта 1914 года[1].

1. На должность хулуньбуирского фудутуна, должность коего устанавливается, согласно прежним постановлениям Манчжурской династии, президентом республики, назначается лицо из манчжур или монголов, не ограничивая выбор лицами из местного населения. Вместе с сим разграничивается знаменное управление и управление гражданскими делами области: в составе знаменного управления находятся фудутун, пять ухэрида (цзун-гуань), знаменные чины высших и низших классов и определенный кадр солдат. Оставляя за знаменным управлением исключительное заведывание знаменными делами, для оборудования гражданских дел учреждается должность даотая, уездных начальников и прочих, причем на эти должности назначаются безразлично лица китайского, манчжурского и монгольского происхождения.

2. Все частные сделки, заключенные ныне русскими подданными с Хулуньбуиром, имеют быть рассмотрены китайским правительством и утверждены в отдельности по обсуждении.

3. Китайское правительство признает за русскими подданными преимущественное право в тех случаях, когда возникнут вопросы о производстве иностранных займов для постройки в Хулуньбуире подъездных путей по линии Китайской Восточной железной дороги.

4. Права русских подданных по разработке горных богатств, утраченные после русско-японской войны, имеют быть приведены в точность и урегулированы отдельным делом[2].

№ 148. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма[3]. 3 апреля/21 марта 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 447[4] и на мою № 78[5].

---

[1] Перевод сделан в росс. миссии в Пекине.

[2] Так в подлиннике.

[3] В лит. копии № отсутствует.

[4] См. т. I, № 431.

[5] Содержание тел. Миллера от 23/10 марта за № 78 повторяется в поме-

Монголы, ссылаясь на недостаток средств, невозможность прокормить 1 000 человек и столько же лошадей и на разорительность для населения отрывание[1] его от кочевьев больше чем на три месяца, усиленно просят ограничиться тремястами солдат, включая сюда батарею и пулеметы, при трех наших офицерах и десяти урядниках с трехмесячным сроком обучения. Я продолжаю отстаивать нашу программу, согласно полученным указаниям. Прошлогодний опыт показал, что средняя численность монгольской бригады вследствие побегов, болезней и отсутствия годных солдат не превышает шестисот человек, уменьшаясь временами до четырехсот. Доставить сено за полтораста верст нельзя было за отсутствием достаточных перевозочных средств. В настоящее время бригада без лошадей, большая часть коих пала от бескормицы. Может быть, признано будет возможным удовольствоваться четырьмястами солдат с батареей и пулеметами включительно, при шести офицерах и двенадцати урядниках.

Миллер.

№ 149. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 1819. 3 апреля/21 марта 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Мною получена записка от [30] 17 текущего марта по поводу попыток Китая, при ближайшем участии Германии, содействовать заключению монгольского займа и вообще укрепить преобладание свое в Монголии.

Означенную записку в копии считаю долгом препроводить при сем к вашему превосходительству для сведения и для зависящих, в чем следовать будет, распоряжений, покорнейше прося вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

И. Горемыкин.

Приложение.

Записка о монгольском займе в Китае от 30/17 марта 1914 г.[2].

Монгольский заем в Китае производится при усиленном содействии германского посла в Пекине. Пока в займе участвует Гер-

---

щенном документе, причем в тел. за № 78 сообщается о желании монг. прав-ва ограничиться не тремя, а четырьмя русскими офицерами и заменить урядников обученными унтер-офицерами из монголов.

[1] Так в подлиннике.

[2] Маш. копия. Заголовок подлинника.

мания, но есть основание предполагать, что действуют и другие державы.

Главные требования займа:

1. Занятие совместно с китайцами Урянхайского края, т. е. очищение этого края от русского влияния.

2. Постройка железнодорожных линий от Кобдо к востоку через Ургу в пределы Китая.

Сопоставляя это условие с недавним отказом монгольского правительства от русского предложения на постройку железной дороги Урга—Улясутай—Кобдо и с направлением новых японо-китайских линий, приходится заключить, что эти пути имеют стратегическое значение.

3. Открытие отделения китайского банка в Урге, причем надо полагать, что речь идет о замаскированном частном германском банковом учреждении.

№ 150. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 98. 4 апреля/22 марта 1914 г.

Reçu télégramme No. 634[1].

En ai communiqué contenu à Nicolson. Il constata avec regret la divergence d'opinions sur Ein-ud-Dovleh, considéré à Londres comme membre le plus capable du Cabinet persan. Nicolson me lut télégramme de Townley. Il décrit Ein en ces termes, il constate qu'il a nombreux antagonistes persans, croit son maintien à cause de ses capacités de grande utilité. Suggère l'appui, anonce rapport ultérieur. Nicolson me dit que ce rapport était attendu, mais qu'entretemps il avait télégraphié à Townley que le ministre partage son opinion sur Ein et approuve son attitude favorable à ministre de l'intérieur. Nicolson me lut ce télégramme explicite. Il me dit qu'il croyait que Ein avait auparavant été bien vu par gouvernement russe et qu'il ne pouvait guère simplement contredire instructions expédiées. Je répondis que je ne connaissais pas notre opinion jadis, mais que loin de le favoriser aujourd'hui, le croyons nuisible et voyons en lui obstacle à travail régulier et productif du ministère. Je lui suggérais qu'un poste de gouverneur-général dans le sud pourrait lui être procuré, mais qu'en tout cas il me paraissait urgent trouver solution à difficulté actuelle.

---

[1] См. выше № 136.

Je lui signalai inconvénient de divergence d'opinions sur personnages, dont lui-même avait relevé importance. Nicolson me dit qu'il allait télégraphier à Townley pour l'informer de ma démarche et le charger de s'aboucher avec Korostovetz. Nicolson me demanda de lui répéter ce que j'étais chargé de lui demander. Je lui dis que votre désir était que légation d'Angleterre ne fasse rien pour empêcher démission de Ein et pour son maintien au pouvoir. Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 634.

Сообщил ее содержание Никольсону. Он с сожалением констатировал расхождение мнений относительно Эйн-эд-Доуле, которого в Лондоне считают самым способным членом персидского кабинета. Никольсон прочел мне телеграмму Тоунлея. Он изображает Эйна следующими чертами: отмечает, что он имеет многочисленных противников-персов, но считает его сохранение, вследствие его способностей, очень полезным. Убеждает поддержать, обещает последующее донесение. Никольсон сказал, что донесение это ожидается, но что тем временем он телеграфировал Тоунлею, что министр разделяет его мнение об Эйне и одобряет его положительную оценку министра внутренних дел. Никольсон прочел мне эту ясную по смыслу телеграмму. Он сказал, что, по его мнению, русское правительство сначала хорошо относилось к Эйну и что он никак не может действовать вразрез с уже отправленными инструкциями. Я ответил, что мне неизвестно наше прежнее мнение, но что теперь, далекие от покровительства ему, мы считаем его вредным и видим в нем препятствие к регулярной и продуктивной работе министерства. Я указал Никольсону, что Эйн-эд-Доуле можно было бы дать пост генерал-губернатора на юге, но что во всяком случае мне кажется, что следует спешно найти выход из теперешнего затруднения. Я отметил неудобство, вытекающее из расхождения мнений о лицах, назначение которых он сам указал. Никольсон сказал мне, что он будет телеграфировать Тоунлею, чтобы сообщить ему о моем выступлении и поручит ему переговорить с Коростовцем. Никольсон просил меня повторить ему вашу просьбу. Я сказал, что ваше желание заключается в том, чтобы английская дипломатическая миссия ничем не препятствовала отставке Эйна и не стремилась к сохранению его у власти.

Бенкендорф.

№ 151. Посланник в Христиании министру иностранных дел.

*/. Депеша № 13. 4 апреля/22 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаясь на мои донесения от [20 января] 7 и [2 февраля] 20 января с. г. за №№ 4[1] и 6[2], имею честь довести до сведения

[1] Депеша от 20/7 янв. за № 4 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] В депеше от 2 февр./20 янв. за № 6 Арсеньев сообщал, что, в связи с предстоящей в Христиании публичной лекцией Свена Гедина о внешней политике Швеции и Норвегии, шведский посланник высказал надежду, „что общественное мнение в России не отождествляет резких выходок Свена Гедина со взгля-

вашего высокопревосходительства, что [2 апреля] 20 марта г. Свен Гедин, прибывший из Стокгольма в Христианию, прочел в местном студенческом клубе речь о внешней политике Швеции и Норвегии.

Повторив уже ранее неоднократно высказанные им нападки на Россию по поводу мнимых агрессивных намерений России на северные провинции Швеции и Норвегии, г. Свен Гедин пытался внушить слушателям убеждение, что Швеции и Норвегии необходимо итти рука об руку для предотвращения угрожающей обеим опасности. По поводу отношений Англии и Германии к скандинавским государствам он выразился следующим образом:

„Германия—естественный друг скандинавских государств. На Англию нельзя рассчитывать... мы по опыту знаем, чего стоят обещания Англии оказывать нам поддержку... Германия дала нам понять, что не может взять на себя каких-либо обязательств относительно Швеции, доколе Швеция не усилит своих военных сил до крайних пределов".

Эта часть речи Свена Гедина произвела сильное впечатление на здешнего французского посланника г. Шевалье. Посетив меня на другой день после этой речи, он высказал мне свое убеждение, что Гедин случайно проговорился и своими словами подтвердил давно уже существующее предположение о тайном соглашении между Германией и Швецией.

Примите и пр.

С. Арсеньев.

№ 152. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 52. 4 апреля/22 марта 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова за № 69[1].

Копия в Константинополь и Афины.

Румынское посредничество между Турцией и Грецией в вопросе об островах пока не дало определенного результата. Здесь, повидимому, не без основания надеялись, что Греция, ограниченная ве-

дами шведского правительства". Арсеньев считает вероятным, что „ряд предпринятых Свеном Гедином выступлений... представляется для шведского правительства несвоевременным".

[1] Тел. от 25/12 марта за № 63 Демидов сообщал, что по вопросу об островах Греция не соглашалась приступить к непосредственным переговорам с Турцией и что последняя просила румынское прав-во позондировать в Афинах почву с целью посредничества. Тел. от 26/13 марта за № 64 Демидов извещал о согласии греч. прав-ва войти в обсуждение с Портой вопросов, еще не затронутых состоявшимся решением держав. Об этом же сообщил Сазонову греч. поверенный в делах в СПБ.,

ликими державами в правах обладания островами Хиоса и Митилены, пойдет на соглашение с Портой по вопросам второстепенного значения с целью дать удовлетворение турецкому самолюбию. Вместе с тем румынское правительство никак не ожидало, чтобы Турция, настоятельно просившая Румынию о посредничестве, продолжала надеяться обойти решение держав в вопросе об островах и основывала все свои конкретные предложения эллинскому правительству на обмене Хиоса и Митилены на несколько островов Додеканеза. Министр иностранных дел заявил мне сегодня категорически, что румынское (правительство) не возлагало никакого дипломатического поручения на генерала Коанда и что он очень сожалеет, что генерал, при проезде через Константинополь, вступил в разговор об островах с турецкими политическими деятелями[1]. Вообще министр искренно признал, что в деле румынского посредничества с разных сторон допущено много ошибок.

Поклевский.

№ 153. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому-Козелл.

Телеграмма № 645. 5 апреля/23 марта 1914 г.

Сообщается в Софию.

По сведениям сербского правительства, оружие и боевые припасы для македонского комитета изготовлены австрийскими фабрикантами и находятся в Варне, где пребывает комитет, распределяющий эти припасы между бандами, предназначенными действовать против Сербии и Греции. Румынское правительство решило, будто бы, сделать по этому поводу в подходящую минуту представление в Софии[2].

отметивший, что „по вопросу же об укреплениях Греция... не может допустить уступок“ (тел. Сазонова от 28/15 марта за № 548). Ссылаясь на эту переписку, Демидов тел. от 30/17 марта за № 69 сообщал в СПБ. о последовавшем предложении Стрейта приступить „к обсуждению вопросов, связанных с островами, не касаясь состоявшегося решения держав“ и о том, что на греческие предложения турецкий посланник „ответил уклончиво“.

[1] Тел. от 5 апр./23 марта за № 75 Демидов сообщал, что проезжавший через Афины румынский ген. Коанда заявил Венизелосу о миролюбии турок, не отказывающихся вместе с тем от своей позиции в вопросе об островах. „Неофициальная румынская попытка согласовать оба взгляда,—заключает Демидов,—таким образом потерпела неудачу“.

[2] 3 апр./22 марта в м-во ин. дел. поступило сербское сообщение аналогичного

Для вашего личного сведения, известие это исходит, повидимому, от французского посланника в Бухаресте.

Благоволите под рукой проверить достоверность этого сообщения и телеграфировать нам и в Софию[1].

Сазонов.

№ 154. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 125. 5 апреля/23 марта 1914 г.

Персы встревожены слухами о намерении императорского правительства потребовать совершенного удаления жандармерии из нашей зоны и замены ее бригадой. По словам Восуга, персидское правительство стремится сохранить жандармерию на Севере хотя бы для охраны дорог, предоставляя увеличенной и реорганизованной бригаде военные операции и гарнизонную службу в важных для нас пунктах. Совершенное удаление жандармерии с Севера было бы истолковано как шаг к разделу Персии и побудило бы английскую (миссию) потребовать того же для Юга. Считал бы желательным ускорить разработку и оглашение главных оснований реорганизации бригады и размежевания ее с жандармерией, дабы положить конец вздорным неприязненным слухам.

Коростовец.

№ 155. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 102. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Nicolson m'a remis paraphrase du télégramme expédié aux ambassadeurs d'Angleterre à Berlin, Vienne et Rome. Dès que ambassadeurs russe et français auront été autorisés d'en faire autant, ceux d'Angleterre sont chargés de remettre aux ministres des affaires étrangères copies du projet de réponse à Grèce. Les mots mentionnant directe-

---

содержания.—Ссылаясь на публ. тел., Савинский тел. от 10 апр./28 марта за № 66 сообщал, что „известия о покупке болгарами оружия и боевых припасов относятся к концу года..., что сербские опасения о размерах готовящейся деятельности болгарских банд преувеличены".

[1] Тел. от 7 апреля/25 марта за № 56 посланник в Бухаресте Поклевский ответил, что сообщаемые в тел. Сазонова сведения первоначально исходили от франц. посланника в Софии и что рум. м-р вн. дел подтвердил эти сведения франц. посланнику в Бухаресте, добавив, что „заведывание организацией болгарских банд переведено внутрь страны с тех пор, как в Болгарии убедились, что варненская организация раскрыта Румынией". Поклевский сообщал, что ему ничего неизвестно о намерениях румынского прав-ва сделать представление в Софии.

ment gouvernement ou ministre de France sont laissés en blanc. Ambassadeurs d'Angleterre sont chargés demander que ministres à Athènes reçoivent instructions conformes. Ils sont chargés d'expliquer que cette réponse a pour but direct d'assister premier ministre Grèce, que la partie concernant les îles ne diffère guère des propositions faites par Allemagne à ce sujet et la partie concernant frontière albanaise—des déclarations faites par Autriche et Italie, la seule différence étant que projet actuel est couché en termes plus amicaux pour Grèce et rédigé de façon plus complète. Benckendorff.

Перевод.

Никольсон передал мне содержание телеграммы, отправленной английским послам в Берлине, Вене и Риме. Послам Англии поручено передать министрам иностранных дел копии проекта ответа Греции тотчас же, как только на это будут уполномочены послы России и Франции. Для слов, прямо упоминающих правительство или министра Франции, оставлен пробел. Послы Англии уполномочены просить, чтобы посланники в Афинах получили соответствующие указания. Им поручено объяснить, что прямая цель ответа заключается в поддержке премьер-министра Греции, что часть, касающаяся островов, ничем не отличается от предложений, сделанных по этому поводу Германией, а часть, касающаяся албанской границы,—от заявлений Австрии и Италии, причем единственное отличие данного проекта сводится к тому, что он составлен в более дружеских для Греции выражениях и представляет собой более исчерпывающую редакцию. Бенкендорф.

№ 156. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 35. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Копия в Белград.

Представители французской финансовой группы покинули Вену, не дождавшись ответа сербского правительства на представленный ими проект договора. Из разговоров моих с Иовановичем заключаю, что сербы считают представленный им текст договора совершенно неприемлемым ввиду введенных в него австрийских требований. Шебеко.

№ 157. Посланник в Христиании министру иностранных дел.

ⁱ/. Депеша № 14[1]. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Доверительно.

Долгом считаю довести до сведения вашего высокопревосходительства, что норвежский министр иностранных дел г. Илен, пригласив меня к себе, сказал, что имеет сделать мне сообщение,

[1] Лит. копия.

которому придает немаловажное значение. Затем он высказался по поводу речи, произнесенной г. Свеном Гедином в Христиании, в студенческом клубе, следующим образом: „Я дорожу тем, чтобы русское правительство знало, что норвежское правительство не только относится вполне отрицательно к антирусской агитации г. Гедина, но глубоко сожалеет, что часть студентов здешнего университета была столько бестактна, что пригласила его в свой клуб для прочтения реферата. Ни один из норвежских министров не присутствовал на этом реферате, и большинство норвежских газет, помещая текст речи г. Гедина, воздержалось от обсуждения ее, как бы с целью замалчивать".—„Норвежское правительство,—продолжал далее г. Илен,—в высшей степени дорожит дружбой и благорасположением России. Норвежцы никогда не забудут, что в тяжелую для них годину, когда им удалось, наконец, освободиться от шведов и стать самостоятельными, Россия первая признала независимость Норвегии. О союзе между Норвегией и Швецией не может быть и речи, тем более, что это значило бы примкнуть к враждебной России политической группе Тройственного союза, к которой, повидимому, примкнула Швеция. Норвегия желает остаться нейтральной и весьма дорожит интегритетом своей территории, гарантированным ей державами. Все симпатии Норвегии на стороне держав Тройственного согласия, а не на стороне Германии и ее союзников". Г. Илен высказал это в такой категорической форме, что видно было его желание придать этой декларации особый вес.

Примите и пр.

Арсеньев.

№ 158. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 114. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Доверительно.

Копии в Вену и Париж.

Вчера посетивший меня итальянский посланник между прочим спросил, не известно ли мне, в каком положении находятся переговоры в Вене об интернационализации Восточной железной дороги. Я сказал, что, к сожалению, по сведениям сербского правительства, дело совсем не налаживается. „Да,—заметил Сквитти, улыбаясь,—могу вам весьма доверительно сообщить, что мы делаем все возможное, чтобы его провалить".

Гартвиг.

№ 159. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 12. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами за №№ 17 и 18[1], копии которых были сообщены мною в Белград, я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства содержание переданного недавно королю сербскому собственноручного письма короля Николая, заключающего призыв сербов к скорейшему соглашению с Черногорией в видах объединения деятельности сербского племени в области военной, дипломатической и финансовой, при непременном условии сохранения независимости и единоправия обоих государств и их династий.

По имеющимся у меня сведениям, письмо это, отправленное после долгих колебаний короля Николая, вызвано желанием его величества обеспечить интересы своей династии в случае тесного сближения обоих сербских племен, логическая неизбежность которого становится все более и более очевидною не только в глазах самих сербских народов, но и по мнению руководителей политики окружающих государств, столь разнообразно заинтересованных в судьбах народов сербского корня.

В предыдущих донесениях мне не раз приходилось касаться ставшего на очередь вопроса о дальнейших отношениях между Черногорией и Сербией, причем тщательное изучение всей политической обстановки на месте приводило меня к выводу, что едва ли не единственным практическим и не грозящим осложнениями разрешением задачи являлось бы мирное сотрудничество обоих государств при постоянном содействии и могущественной поддержке со стороны России и при условии сохранения обоими народами своей политической индивидуальности и независимости впредь до того момента, когда естественное слияние двух братских народов, имеющих ныне смежные границы, могло бы совершиться без потрясений и конфликтов с соседями, столь заинтересованными в их разъединении.

Излагая в вышеозначенных двух телеграммах свои соображения по поводу письма короля Николая, я имел целью содействовать выяснению вопроса в определенной форме, и притом в самом начале переговоров о соглашении. Цель эта в настоящее время

[1] См. выше №№ 97 и 98.

достигнута, ибо, как явствует из секретной телеграммы гофмейстера Гартвига за № 102 [1], г. Пашич счел необходимым разъяснить, что в Сербии при нынешних политических условиях не помышляют о слиянии с Черногорией и принимают предложение ее господаря, как давно жданный шаг к сердечному примирению и сближению обоих государств на чисто культурной почве.

Вопрос, таким образом, получил определенное направление в самом начале, и можно надеяться, что благодетельное соглашение, не вызывая преждевременных тревог со стороны соседей, послужит к укреплению свободы и независимости славянских государств, столь важному для поддержания политического равновесия и порядка на Балканах.

Тексты письма Николая, а равно и ответного письма сербского короля, пока еще здесь не полученного, будут, как известно вашему высокопревосходительству, сообщены императорскому министерству из Белграда.

Примите и пр.

Н. Обнорский.

№ 160. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

/. Депеша № 13. 6 апреля/24 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Возникшая в связи с вопросом о дальнейших отношениях между Черногорией и Сербией переписка императорского министерства с миссиями в Белграде и Цетинье дала, между прочим, возможность окончательно выяснить и принципиальную сторону вопроса о русской военно-инструкторской деятельности в Черногории.

Исследование этого вопроса привело, как известно, к заключению о полной невозможности для Черногории при нынешних политических условиях предоставить дело военного инструкторства одному из соседних иноплеменных государств, а равно и о невозможности для этой крайне бедной в материальном отношении страны вести дело обучения и снабжения войск самостоятельно.

Невыясненным оставался лишь вопрос о том, не представляется ли возможным поручить это дело родственному с Черногорией сербскому государству, имеющему ныне общую с Черногорским

[1] Тел. Гартвига от 30/17 марта за № 102 в делах б. м-ва ин. дел. не обнаружена.

королевством границу. Такой взгляд являлся до последнего времени весьма распространенным и среди наших ведомств военного и финансового.

Недавняя телеграмма императорского посланника в Белграде за № 104[1] дает в этом отношении вполне определенный и устраняющий всякие дальнейшие сомнения ответ: председатель сербского совета министров, повидимому, отдавая себе ясный отчет во всех трудностях и осложнениях с Австрией, какие могло бы вызвать участие сербов в деле обучения и снабжения черногорских войск, считает такую комбинацию „при нынешних условиях совершенно неосуществимою", вполне совпадая в этом суждении как с мнением императорского министерства иностранных дел, так и с неоднократно высказанным взглядом вверенной моему управлению императорской миссии.

Наиболее целесообразным выходом из положения представлялось бы, таким образом, возобновление в Черногории деятельности русских военных инструкторов, скорейшего восстановления которой с нетерпением и тревогою ожидает все население Черногории, сознающее, насколько опасным для самого его государственного бытия является дальнейшее неопределенное положение черногорской армии, лишенной ныне и просвещенного руководительства и средств к существованию.

Доставленные императорской миссией при моем донесении № 5[2] соображения о расходах по содержанию и снабжению черногорских войск, исчисленные в сравнительно скромном и значительно меньшем, чем исчисления нашего военного ведомства, но вполне удовлетворяющем нуждам страны размере, быть может, представят осуществимым разрешение в положительном смысле вопроса о возобновлении русской военной помощи и деятельности наших инструкторов в Черногории.

Примите и пр. Н. Обнорский.

№ 161. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 195. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Сегодня представители великих держав передали великому визирю список пяти кандидатов на должности генеральных инспекторов восточных вилаетов[3]. Гирс.

---

[1] См. выше № 118.

[2] См. т. I, стр. 218, прим. I.

[3] Включение в список пятого кандидата последовало в результате дипломатических переговоров, связанных с настоятельными возражениями Турции „против включения в число кандидатов полковника Генри, ввиду предшествующей его деятельности в Конго" (тел. Нератова от 24/11 марта за № 561).

№ 162. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 197. 6 апреля/24 марта 1914 г.

Третьего дня великий визирь в частном письме просил меня о выдаче турецким властям скрывшихся в нашем консульстве в Битлисе Молла Селима и трех курдов[1]. Частным же письмом я вчера отказал ему в этом. Сегодня при личном свидании я подтвердил мой отказ, объяснив, что курдское движение носит все же политический характер и что печальный прецедент с Кавакли побуждает нас быть в высшей степени осторожными в вопросе о выдаче.

Гирс.

№ 163. Нота английского посла в Петербурге министру иностранных дел.

7 апреля/25 марта 1914 г.

Monsieur le ministre,

When the Russian Government first agreed to the exchange of notes respecting the Shatt el Arab Riverain Commission it was intimated to Mr. O'Beirne that, in the event of His Majesty's Government concluding any agreement with any other Power (except Turkey) regarding the Shatt el Arab Commission, the Russian Government would like to have the opportunity of considering whether or not they would wish to make a further agreement of a similar nature with His Majesty's Government.

I have now been instructed to communicate to Your Excellency, for the strictly confidential information of the Imperial Government, the accompanying copies of two articles[2] which are to be embodied in the Anglo-German Convention respecting the Shatt el Arab, the Bagdad Railway and cognate matters.

In communicating the above documents, I am to state that, if the Russian Government are so disposed, His Majesty's Government would be fully prepared to conclude with them a Convention, in terms similar, mutatis mutandis, to the enclosed two articles. In conclusion, I am to add that, if the Imperial Government are desirous to conclude such a convention, Sir Edward Grey is particularly anxious that it should be signed not later than the 20ts instant (n. s.).

I avail myself of this opportunity to renew to Your Excellency the assurance of my highest consideration.

George W. Buchanan.

---

[1] См. ниже стр. 296, прим. 4.

[2] К письму приложено два экземпляра 6 и 7 статей англо-германской конвенции относительно Шатт-эль-Араба.

Перевод.

Г. министр,

Когда российское правительство впервые согласилось на обмен нотами по вопросу о Шатт-эль-Арабской речной комиссии, то г. О'Бейрн было указано, что в случае заключения правительством его величества какого-либо соглашения с любой другой державой (кроме Турции) относительно комиссии Шатт-эль-Араба, российское правительство хотело бы иметь возможность обсудить вопрос, желает ли оно заключить подобное же соглашение с правительством его величества.

Мне поручено, для строго конфиденциального уведомления императорского правительства, передать вашему превосходительству прилагаемые копии двух статей, которые должны быть включены в англо-германскую конвенцию относительно Шатт-эль-Араба, Багдадской дороги и связанных с этим вопросом.

Передавая названные выше документы, я должен указать, что правительство его величества вполне готово заключить с российским правительством, в случае его желания, конвенцию, подобную mutatis mutandis прилагаемым двум статьям. В заключение я должен прибавить, что в случае желания императорского правительства заключить такую конвенцию, сэр Э. Грей очень бы хотел, чтобы она была подписана не позднее 20 числа тек. месяца (нов. ст.).

Примите и пр.

Дж. Бьюкенен.

№ 164. Нота английского посла в Петербурге министру иностранных дел.

7 апреля/25 марта 1914 г.

Monsieur le ministre,

With reference to my note of today's date [1], respecting the draft Anglo-German Convention, I have the honour to inform Your Excellency that His Majesty's Government also propose to include in an explanatory note the following passage:

In regard to articles 6 and 7 of the said Convention, it is agreed that the following recommandations shall serve as a basis for the work of the Commission:

1. The Commission to set to work as soon as possible.
2. The Commission to undertake a preliminary survey, during a period of at least twelve months, before recommending any large expenditure on permanent works.
3. The Commission to aim as a first step at a depth of twenty four feet at high-water springs on the bar.
4. The Channel of the river below Mohammerah to be buoyed as soon as possible so as to indicate the position of a shoal in the river.
5. Fixed mooring buoys, allotted as far as possible to the several companies, to be provided at an early date at Basra.
6. The Commission might with advantage model its arrangements

[1] См. выше № 163.

generally upon the analogy of the Danube Commission, so far as applicable.

I avail myself of this opportunity to renew to Your Excellency the assurance of my highest consideration.

George W. Buchanan.

Перевод.

Г. министр,

Ссылаясь на мою сегодняшнюю ноту относительно проекта англо-германской конвенции, я имею честь сообщить вашему превосходительству, что правительство его величества предлагает включить в объяснительную ноту следующий текст:

По достигнутому соглашению комиссия будет руководствоваться в своей работе, связанной со ст. 6 и 7 указанной конвенции, следующими положениями:

1. Комиссия должна как можно скорее приступить к работе.

2. Прежде чем предлагать большие затраты на постоянные работы, комиссия должна в течение не менее двенадцати месяцев произвести предварительное обследование.

3. Прежде всего комиссия должна стремиться к достижению во время весеннего половодья глубины устья в месте наноса песков в 24 фута.

4. Речной канал ниже Мохаммеры должен быть как можно скорее снабжен бакенами для обозначения речных мелей.

5. В Басре должны быть быстро установлены неподвижные бакены для пришвартования, распределенные по мере возможности между обществами.

6. Комиссия должна в целом руководствоваться в своей деятельности примером Дунайской комиссии, поскольку это окажется применимым.

Примите и пр.

Дж. Бьюкенен.

№ 165. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 653. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму посланника в Белграде № 114[1].

По имеющимся и у нас сведениям, к интернационализации Восточных дорог встречаются большие затруднения. С другой стороны, Австрия ставит, повидимому, условием своего согласия на выкуп их предоставление Сербией австрийским заводам всех заказов потребных для этих дорог материалов.

Благоволите уведомить, как отнеслось бы французское правительство к выкупу дорог, Италия этому сочувствует[2].

Сазонов.

---

[1] См. выше № 158.

[2] Тел. от 8 апр./26 марта за № 91 Извольский ответил, что, по словам Думерга, „французское правительство предпочитает интернационализацию Восточных железных дорог, но что план этот, действительно, встречает со стороны Ав-

№ 166. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 654. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 114[1].

Благоволите выяснить, в каком положении теперь дело и каков взгляд Пашича на вопрос.

Сазонов.

№ 167. Министр иностранных дел председателю совета министров Горемыкину.

Письмо № 276. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Секретно.

М. г. Иван Логгинович,

При письме от [10 марта] 25 мин. февраля № 184[2] я имел честь препроводить вашему высокопревосходительству копию письма моего министрам военному и внутренних дел и товарищу главноуправляющего землеустройством и земледелием[3], в котором я излагал мои соображения о принятии туземного населения Урянхайского края под русское покровительство. Генерал-адъютант Сухомлинов, гофмейстер Маклаков и шталмейстер граф Игнатьев несомненно сообщили вам копии своих отзывов по предмету названного моего письма. Министры военный и внутренних дел присоединились к моему взгляду на настоящий вопрос[4]. Только в

стрии большие затруднения". К выкупу „Франция готова отнестись... сочувственно, но не могла бы согласиться на предоставление Австрии всех сербских заказов для сказанных железных дорог". По сведениям Думерга, „Австрия ставит свое согласие на выкуп в зависимость не только от этого условия, но и от ряда других уступок, на которые Сербия вряд ли может пойти".

[1] См. выше № 158.

[2] В этом письме Сазонов испрашивал разрешение отметить при докладе Николаю II, что его взгляд на урянхайский вопрос разделяется Горемыкиным.

[3] См. т. I, № 409.

[4] В письме от 14/1 марта за № 4253 Сухомлинов сообщал, что он присоединяется к высказанному Сазоновым мнению: „пока можно ограничиться принятием урянхов не в русское подданство, а лишь под русское покровительство". „Однако,—продолжает Сухомлинов,—такая форма утверждения нашего влияния в Урянхайском крае должна, по моему мнению, составить лишь первый этап на пути к полному присоединению к империи всего названного края. Включив в сферу нашего обладания Урянхайский край, куда издавна направляются русские переселенцы, мы достигли бы значительного сокращения в протяжении нашей государственной границы с Монголией и, перенеся таковую за Саяны, на естественный рубеж—хребет Танну-Ола, обеспечили бы открытый со стороны долины р. Иркута участок Кругобайкальской железной дороги и возможность операции в кратчайшем направлении на Улясутай со стороны Иркутска и Тунки... Кроме

отзыве товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием[1], в противность моему мнению, высказывается мысль, что нам следует пойти дальше предположенного мною принятия урянхов под русское покровительство и ныне же принять все население Урянхайского края в полное подданство великой Российской империи со включением в состав государственной территории всех земель и вод этого края. Шталмейстер граф Игнатьев основывается при этом на соображениях, которые не имеют отношения к сфере интересов, находящихся в ведении главн. управл. з[емлеустройства] и з[емледелия], а носят скорее общеполитический характер. Он ссылается на тот факт, что еще в XVIII веке некоторые урянхайские роды платили ясак русским. По сему поводу я должен заметить, что сказанный факт был известен и в 1911 году, когда совет министров занимался вопросом о нашем отношении к Урянхайскому краю[2]. Журнал совета министров [21] 8 ноября 1911 года отмечает те причины, по которым однако этот факт не может создать юридического титула к русскому обладанию сказанным краем, и намечает поэтому нашею задачею мирное проникновение за Саяны.

того, необходимо учитывать, что ближайшие к Урянхайскому краю китайские войска находятся в Алтайском округе, т. е. в 300—600 верстах от названного края и отделены от него территорией автономной Халхи, вступление в пределы которой названных войск явилось бы нарушением нашего договора с Китаем и, кроме того, встретило бы противодействие со стороны наших отрядов, расположенных в Кобдо и Шара-Сумэ". Маклаков в своем отзыве (письмо от 3 апр./21 марта за № 363) указывал, „что по условиям естественного тяготения Урянхая к Российской империи и, в связи с сохранившимися историческими сведениями о принадлежности его в XVIII веке к русской территории, было бы, конечно, желательно принять урянхов ныне же не только под покровительство России, но и в полное русское подданство".

Маклаков все же соглашался, что до окончания постройки Усинской колесной дороги и расчистки порогов по р. Енисею, а также до расположения в крае хотя бы небольших русских войсковых частей, присоединение будет преждевременно и потому надо ограничиться принятием урянхов под русское покровительство.

[1] Письмо гр. Игнатьева от 12 марта/27 февраля за № 271. См. т. I, стр. 537, прим. 1.

[2] „Соображая представленные камергером Нератовым данные, совет министров со своей стороны, рассуждал, что первоначальные дипломатические документы относящиеся еще к XVIII столетию, не могут, как видно, служить для нас твердою опорою для отстаивания принадлежности России Урянхайского края. Что же касается упомянутого договорного соглашения недавнего времени—Чугучакского протокола 1864 года, то заключающееся в нем определение части граничной линии, отнесенной на север от хребта Танну-Ола, равным образом является как бы опровержением возможности заявить наши притязания на Засаянский край". (Особый журнал совета министров от 21/8 ноября 1911 года.)

Взгляд этот удостоился высочайшего одобрения, и им я считаю долгом руководствоваться по отношению урянхайского вопроса.

Другим основанием для отказа от этой осторожной политики тов. главноуправляющего землеустройством и земледелием считает то обстоятельство, что министерством внутренних дел принимаются особые меры к скорейшему окончанию Усинской колесной дороги, а министерство путей сообщения испросило кредит на работы по расчистке порогов на Енисее. Не могу однако не отметить, что меры эти не привели до сих пор ни к окончанию прокладки сказанной колесной дороги, ни к установлению русского пароходства по Верхнему Енисею. Урянхайский край доныне продолжает быть отрезанным от России в течение 6—8 месяцев в году, и наша власть там может опираться лишь на 45 нижних чинов Усинской местной команды.

С другой стороны, мне непонятно, какие практические выгоды мы извлечем из немедленного присоединения Урянхайского края: этим не облегчится ни его заселение русским элементом, ни его оборона от поползновений монгольского правительства.

Я остаюсь поэтому при убеждении, что нам следует продолжать придерживаться в урянхайском вопросе той политики, которая намечена журналом совета министров [21] 8 ноября 1911 г. Колебания урянхов между присоединением к Халхе или отдачею себя под русскую власть вынуждают нас дать определенный ответ на прошения урянхов. Но колебаниям этим можно положить конец принятием урянхов под русское покровительство. Присоединять их земли и воды для этого нет необходимости, так как цели, преследуемые нами в урянхайском вопросе, не требуют немедленного принятия этой радикальной меры, сопряженной с возбуждением сложных и деликатных вопросов в наших отношениях к Китаю и Монголии.

Ввиду вышеизложенного я предполагаю войти к е. и. величеству с всеподданнейшим докладом о принятии пяти урянхайских хошунов под русское покровительство, о чем считаю долгом предуведомить ваше высокопревосходительство.

Примите и пр. **Сазонов.**

№ 168. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Ч. Письмо[1]. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Hier j'ai eu la visite de Mr. de Fleuriau qui gère l'ambassade de

[1] Опубл. L. N., II, p. 311—314.

France en l'absence de Mr. Cambon. En causant de l'avènement plus ou moins rapproché au pouvoir des conservateurs, nous tombâmes d'accord que le candidat le plus probable pour le ministère des affaires étrangères était en ce moment Lord Curson. Dans toute son attitude de nombreux symptômes montrent que lui-même se considère comme tel, ce qui ne pourrait être le cas sans assentiment plus ou moins explicite de Lord Lansdowne. Je ne sais si vous vous souvenez qu'à une date qui remonte à plusieurs années j'ai rendu compte d'un entretien que j'ai eu avec Lord Curson. Son opinion sur l'entente avec la Russie était par lui-même résumée ainsi. „Je trouve que les termes des conventions sont trop avantageux pour la Russie ou plutôt trop désavantageux pour l'Angleterre, mais partisan de l'Entente, je ferai le sacrifice de la mauvaise affaire conclue par l'Angleterre, si l'Entente se maintient et réussit". Depuis je n'ai plus eu d'entretien direct avec Lord Curson, sauf un seul il y a deux ans, à la campagne chez lui, ou à la veille d'un discours qu'il devait prononcer à la Chambre des Lords, et qu'il a en effet prononcé, il me demanda quelques renseignements sur le projet du chemin de fer Transpersan. Je lui en donnai le possible, il en tint compte, tout en me prévenant qu'il ne sympathisait pas avec le projet de rattacher cette ligne avec celle des Indes, un projet qu'il déclarait prématuré et destiné par conséquent à produire plus de difficultés et de frictions que d'avantages réels. Je ne sais quelles sont ses opinions à ce sujet aujourd'hui. Mais assez manifestement Lord Curson tend à se rapprocher de moi. Je n'en fis pas mystère à Mr. de Fleuriau. D'un autre côté je ne lui cachai pas, que, à cause de ses antécédents, l'apparition au Foreign Office de Lord Curson serait mal vue par l'opinion publique russe.

Mr. de Fleuriau me répondit qu'il en serait probablement de même en France. Puis il me demanda si, avant son départ, Mr. Cambon avait eu le temps de me raconter un entretien que Lord Curson a eu avec Sir Arthur Nicolson, tout récemment. Sur ma réponse négative, il me conta ce qui suit, Mr. Cambon tenant le récit de Sir Arthur Nicolson lui-même.

Il paraît que Lord Curson depuis quelque temps s'intéresse de plus en plus aux affaires étrangères, jusqu'à se renseigner dans la mesure du possible au Foreign Office même. C'est là ce qui fournit l'occasion de l'entretien. Sir Arthur Nicolson aurait dit que champion de tout temps de l'entente anglo-russe, son service cessait le jour que cette entente serait remise en question. Lord Curson répondit qu'il partageait entièrement son opinion sur cette entente. Sir Arthur continua pour dire que la paix de l'Europe ne serait assurée que le jour où cette

entente serait transformée en alliance, que telle était sa conviction personnelle. Lord Curson aurait répondu que cette fois encore il partageait son opinion. Mais il ajouta qu'il ne voyait pas comment un ministre des affaires étrangères pourrait aborder le Parlement avec un traité d'alliance avec une Puissance continentale dans sa poche.

Cet entretien me paraît intéressant, puisqu'il dépeint la situation aussi exactement que possible. En Angleterre plus de monde qu'il n'y paraît pense à cette alliance. En ce sens il y a progrès incontestable personne n'ose encore affronter les préjugés du public; et en Angleterre les évolutions de ce genre sont lentes. Nous n'en sommes plus au „splendid isolation", nous en sommes loin. Nous n'en sommes pas encore aux alliances. Celle avec le Japon, en ce sens, ne compte pas, et elle n'est plus maintenue que pour tenir le Japon. — J'ai eu à ce point de vue des entretiens académiques fréquents, le résultat a constamment été le même. Il est vrai que je n'ai pas choisi pour interlocuteurs ceux dont je savais qu'ils seraient adversaires déclarés. Ce mouvement s'indique aussi dans la presse. Le „Times", devenu organe populaire, avec un succès inattendu, insiste de plus en plus sur un resserrement de l'entente, mais sans prononcer le mot d'alliance.

J'ai lu avec beaucoup d'attention la judicieuse lettre que vous avez écrite par le dernier courrier à mon collègue de Paris[1]. C'est ce qui m'a inspiré de vous écrire ce qui précède, fort confidentiellement à cause du récit de Mr. de Fleuriau, et à cause de Sir A. Nicolson, qui, probablement pour motifs de délicatesse n'a pas raconté cet entretien.

Si Mr. Poincaré et Mr. Doumérgue parlent au roi et à Sir E. Grey, je n'y vois non seulement pas d'inconvénients, mais je crois que c'est une bonne chose, qui peut offrir quelque appui aux tendances qui surgissent, et qu'il faut laisser mûrir, pour ne pas provoquer de réaction dans le sens contraire. Mais je ne crois pas qu'il puisse y avoir de résultat immédiat.—Tout d'abord, les Cabinets actuels, tant à Londres, qu'à Paris, absorbés l'un et l'autre par des difficultés intérieures, de nature bien différente, mais aboutissant au même résultat, n'ont pas aujourd'hui l'autorité voulue et nécessaire.

Il ne faut pas se faire d'illusions, le voyage à Paris du roi, tombé dans les circonstances actuelles, n'est pas réellement populaire à Londres. Non pas qu'il y ait objection de principe à cette visite, mais on trouve, que le roi ne devait pas quitter Londres. Cette atmosphère est peu propice aux grandes affaires. La modération presque conciliante

[1] См. выше № 137.

du langage des discours prononcés au sein et au dehors du Parlement prouvent qu'à l'heure actuelle toute l'Angleterre est si pénétrée de la crise, que les excès de langage ne sont plus de mise. C'est déjà quelque chose qu'un pays sache tirer cette conclusion. En ce sens il y a progrès. Mais il se borne à cela. Aucun pas sérieux, aucune proposition réelle d'accomodement n'a encore été faite. La porte n'est pas fermée, c'est tout ce qu'on peut dire. Mais l'absorption de l'attention publique est plus complète que jamais.

Le calme relatif établi a été le résultat, je le crois du moins, surtout de ce qu'on a nommé „la crise de l'armée". Celle-ci a ouvert les yeux à beaucoup de monde et ces yeux se sont reportés, non sans appréhension, sur l'horison de la situation européenne. La seule chose que je puisse dire est que si, à l'heure actuelle, l'Angleterre ne joue pas dans le monde le rôle, qui, après tout, lui revient et qu'elle reprendra bientôt, l'Angleterre commencera à s'en apercevoir, plusieurs discours inattendus, menés au Parlement, l'indiquent et ce qui l'indique encore plus, c'est l'attention avec laquelle toute la Chambre les a écoutés. Je tiens de Mr. Bonar Law et de Lord Curson eux-mêmes qui, il y a peu de jours, se sont rencontrés à dîner chez moi que l'un et l'autre en ont été frappés et Mr. Bonar Law a l'oreille fine pour la politique étrangère[1]. Je suis heureux, je vous l'avoue, que vous ayez, quoique reluctantly, accepté la rédaction franco-anglaise de la réponse à la Grèce. Grey retenu, surtout par les circonstances dont je parle, n'a pu être persuadé qu'avec peine, tant par les arguments de Mr. Cambon et de moi, que par les nouvelles de l'Epire, qu'il était temps d'intervenir. Mais sa condition in petto était de faire à la Triple Alliance une proposition telle qu'il soit presque impossible qu'elle s'y refuse, et qu'au cas de refus, toute la faute retombe sur ces Puissances. Je n'avais rien à reprendre pour le fond à vos ajoutes, sauf qu'elles entraînaient le refus de l'une ou de l'autre des trois Puissances presque nécessairement, que la note ainsi conçue ne serait jamais parvenue à Athènes et qu'il s'en serait suivi des négociations interminables et qu'entretemps les événements eussent marché.

Mille amitiés très sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Вчера меня посетил г. Флерио, который в отсутствие г. Камбона управляет французским посольством. Беседуя о приходе к власти консерваторов, предстоящем в более или менее близком будущем, мы оба согласились, что наиболее вероятным кандидатом в министры иностранных дел является сейчас лорд Кер-

[1] В царск. экз. дальнейшее отсутствует.

зон. Многочисленные признаки в его поведении показывают, что он сам считает себя таковым, что не могло бы иметь места без более или менее явного согласия лорда Лендсдоуна. Я не знаю, помните ли вы, что однажды, несколько лет тому назад, я сообщил о беседе, происшедшей у меня с лордом Керзоном. Его мнение о соглашении с Россией было им самим выражено следующим образом: „Я нахожу, что условия соглашения чрезмерно выгодны для России или скорее слишком невыгодны для Англии, но, будучи сторонником Согласия, я готов забыть о неудачном деле, совершенном Англией, если Согласие утвердится и даст результаты". С тех пор я не имел непосредственных бесед с лордом Керзоном, за исключением одной, происшедшей два года тому назад у него, за городом, когда накануне речи, которую он должен был произнести в палате лордов и которую он действительно произнес, он просил у меня некоторых сведений о проекте Трансперсидской жел. дороги. Я сообщил ему все, что мог; он принял это к сведению, предупредив меня однако, что он не сочувствует плану соединения этой дороги с Индийской, так как считает его преждевременным и способным, вследствие этого, вызвать больше затруднений и трений, чем реальных выгод. Я не знаю, каково его отношение к этому вопросу сейчас. Но лорд Керзон стремится довольно открыто к сближению со мной. Я не скрыл этого от г. Флерио, но с другой стороны я не скрыл от него, что появление лорда Керзона в Форейн Оффисе будет, вследствие его прошлого, плохо принято русским общественным мнением.

Г. Флерио мне ответил, что того же можно, вероятно, ожидать и во Франции. Затем он спросил меня, успел ли г. Камбон перед своим отъездом рассказать мне о недавней беседе лорда Керзона с сэром Артуром Никольсоном. На мой отрицательный ответ он сообщил мне следующее, причем г. Камбон узнал об этом от самого сэра Артура Никольсона.

Интерес лорда Керзона к иностранным делам, как кажется, с некоторого времени все более возрастает, так что по возможности он даже обращается за сведениями непосредственно в Форейн Оффис. Там-то и представилась возможность для этой беседы. Сэр Артур Никольсон, будто бы, заявил, что в качестве поборника англо-русского соглашения, он оставит службу в тот самый день, когда это соглашение будет поставлено под вопрос. Лорд Керзон ответил, что он полностью разделяет его мнение об этом соглашении. Сэр Артур далее заявил, что европейский мир будет обеспечен лишь в тот день, когда это соглашение превратится в союз. Таково его личное убеждение. Лорд Керзон будто-бы ответил, что и в этом отношении он с ним согласен. Но он добавил, что не представляет себе, каким образом какой бы то ни было министр иностранных дел мог бы предстать перед парламентом, имея в кармане союзный договор с континентальной державой.

Этот разговор мне кажется интересным, потому что он с большой точностью обрисовывает положение. Об этом союзе размышляет в Англии больше людей, чем можно думать. В этом отношении нельзя отрицать неоспоримых успехов; пока никто еще не дерзает смело выступить против предрассудков публики; ведь подобного рода эволюция совершается в Англии медленно. Мы уже отошли от принципов „splendid isolation" и отошли далеко. Но мы не готовы для союзов. В этом смысле союз с Японией не идет в счет, он поддерживается лишь для того, чтобы располагать Японией. Я часто имел по этому поводу академические разговоры, и их результат был постоянно одинаков. Правда, я не выбирал таких собеседников, которые были мне известны, как явные противники

[союза]. Эта тенденция проявляется, также и в прессе. „Times“, превратившийся в популярный орган, все более настаивает, притом с неожиданным успехом, на укреплении Согласия, не произнося при этом слова „союз“.

Я прочел с большим вниманием ваше письмо, посланное с последним курьером моему парижскому коллеге, которое содержит много здравого. Оно побудило меня написать вам все предшествующее, что должно остаться совершенно конфиденциальным вследствие того, что это сообщено г. Флерио и что сэр А. Никольсон не рассказал об этой беседе, вероятно, по соображениям деликатности.

Если г. Пуанкаре и г. Думерг будут говорить [об этом] королю и сэру Э. Грею, то я не только не вижу в этом ничего неудобного, но считаю, что это хорошо и что это сможет создать некоторую опору возникающим тенденциям, которым надо предоставить время для созревания, чтобы не вызвать обратной реакции. Но я не верю в возможность немедленного результата. Прежде всего теперешние как парижский, так и лондонский кабинеты не обладают необходимым и нужным для этого влиянием, так как они оба поглощены внутренними затруднениями, весьма различного свойства, но приводящими к одинаковым результатам.

Не следует обманываться в том, что путешествие короля в Париж, совпавшее с теперешними обстоятельствами, действительно непопулярно в Лондоне. Дело не в том, что существуют принципиальные возражения против этого посещения, но считают, что король не должен был покидать Лондона. Такая атмосфера мало благоприятна для больших дел. Умеренность почти примирительных речей, произносимых как в парламенте, так и вне его, доказывает, что сейчас вся Англия настолько охвачена [сознанием] кризиса, что к полемическим резкостям больше не прибегают. То обстоятельство, что страна умеет делать такие выводы, уже означает кое-что. В этом смысле имеются успехи. Но они этим ограничиваются. Еще не сделано ни одного серьезного шага, ни одного реального предложения о соглашении. Дверь не закрыта,—вот все, что можно сказать. Но общественное внимание поглощено [кризисом] более, чем когда бы то ни было.

В результате установилось относительное спокойствие, по крайней мере, мне так кажется, в особенности в отношении того, что называется „кризисом армии“. Последний открыл глаза, и многие увидали не без опасения горизонт европейской политики. Я могу только сказать, что если Англия не играет сейчас в мире той роли, которая, несмотря на все, ей принадлежит и которую она снова возобновит, то скоро она это обнаружит, как видно по несколько неожиданным речам, произнесенным в парламенте, и еще в большей степени по тому вниманию, с которым их слушала вся палата. Я знаю от самих г. Бонар Лоу и лорда Керзона, которые несколько дней тому назад встретились у меня за обедом, что они оба были этим очень удивлены, а г. Бонар Лоу имеет в отношении иностранной политики тонкий слух.

Признаюсь вам, что я счастлив, что вы приняли, хотя и неохотно, франко-английскую редакцию ответа Греции. Отвлеченный в первую очередь изложенными обстоятельствами, Грей был убежден лишь с трудом, как доводами г. Камбона и моими, так и известиями из Эпира, что наступило время для вмешательства. Но его условие in petto заключается в предъявлении Тройственному союзу такого предложения, которое почти не могло бы быть отвергнуто, с тем чтобы в случае отказа вся вина пала на эти державы. Я не могу ничего возразить

по существу против ваших дополнений, за исключением того, что они почти неизбежно должны были вызвать отказ той или другой из трех держав, что таким образом составленная нота никогда не достигла бы Афин и что она привела бы к бесконечным переговорам, а события пока продолжали бы развиваться.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 169. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 17. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Здешний черногорский посланник не раз в доверительных беседах со мною указывал на крайне тяжелое, почти безвыходное положение своей родины, где во всех слоях населения растет и ширится общее недовольство, захватывая собою даже круги, наиболее близко стоящие к королю Николаю. При этом среди не только бывших, но и нынешних членов правительства порою чуть не открыто возлагают ответственность за претерпеваемые Черногорией бедствия на самого господаря, ничего не сделавшего для подъема народного благосостояния и просвещения, для насаждения гражданственности, введения правильной администрации и финансового управления и, в конце концов, своей внешней политикой, противной указаниям России, утратившего благожелательную поддержку исконной покровительницы Черногории.

По словам Миушковича, черногорцы с большою тревогою взирают на будущее, которое рисуется им в весьма мрачных красках; успешная война, правда, имела следствием значительное увеличение государственной территории, но это не только не послужит к обогащению страны, а, напротив, ляжет еще более тяжким бременем на ее бюджет, потребует непомерного напряжения народных сил для организации и защиты новых краев. В Цетинье, говорит Миушкович, теперь можно часто слышать выражение искреннего сожаления по поводу проявленной сербами братской щедрости при обоюдном размежевании завоеванных земель. Особливо тяготятся черногорцы приобретением той самой Печско-Дьяковской полосы, из-за которой король Николай с ближайшими советниками чуть не затеял ссоры с Белградом, настаивая на присоединении к ней и Призрена.

Ныне сознают они свою ошибку, не видя материальной возможности ограждать от враждебных албанских племен свои

новые владения, врезавшиеся клином на юго-восток далеко от метрополии.

При создавшейся на Балканах новой политической обстановке и вышеуказанном внутреннем состоянии ее, Черногория не может долее оставаться одинокой; ей нужны нравственная поддержка, постоянное сочувствие и реальная помощь. И взоры черногорцев невольно обращаются к родной Сербии, сумевшей после тяжелого восточного кризиса занять исключительное положение в славянском мире.

Идея если не о полном слиянии с Сербией, то о самом тесном сближении с нею действительно приобретает все более и более рьяных сторонников в Цетинье. Со времени водворения своего в Белграде черногорский посланник получал много писем от своих друзей, в один голос проповедующих эту идею и убеждавших его на месте серьезно поработать над сближением обоих государств, которое, несомненно, должно встретить сочувствие России и, может быть, вновь привлечь благожелательность ее к Черногории.

Вскоре мой коллега получил и официальное поручение цетиньского правительства сообщить, как относятся сербы к возможному секретному соглашению с Черногорией, а также высказать попутно и его собственные соображения по сему поводу. Осторожный Миушкович, хорошо зная переменчивость настроений господаря, конечно, воздержался от выражения своих личных взглядов на дело, но в весьма толковом донесении обстоятельно изложил сущность непрерывных разговоров, которые он имел на эту тему с здешними политическими деятелями различных партий; все они выражали искреннее сочувствие установлению тесной дружбы с Черногорией; никто не касался вопроса об унии. Напротив, сербы считают безусловно необходимым сохранение династии и полной независимости обоих государств, что вовсе не должно и не может мешать объединению их на почве торгово-экономической, финансовой, военной и др.

Донесение Миушковича, повидимому, произвело весьма благоприятное впечатление в Цетинье и, главным образом, рассеяло неосновательные страхи господаря, всегда подозревавшего сербов в тайных замыслах добиться объединения сербского племени под скипетром Карагеоргиевичей. Успокоенный на этот счет своим же посланником король Николай, в конце концов, решился на столь смелый шаг, который еще так недавно показался бы совершенно неправдоподобным. Очевидно, под влиянием невзгод, переживаемых Черногорией, к которым недавно присоединились и

печальные события чисто семейного характера, господарь сам пожелал выдвинуть дело сербо-черногорского объединения в обращенном к королю Петру собственноручном письме, о коем упоминалось в секретных телеграммах надв. сов. Обнорского от [26] 13 марта № 17[1] и моей от [30] 17 марта № 102[2].

Считая недопустимым, чтобы подобного рода переговоры между Сербией и Черногорией велись без ведома России, Пашич тотчас же совместно с черногорским посланником посетил императорскую миссию, дабы ознакомить меня с содержанием письма короля Николая и заранее, в моем присутствии, предупредить Миушковича о том, в каких именно пределах могло бы, по мнению сербского правительства, состояться предполагаемое соглашение.

Из препровождаемой у сего копии означенного документа в русском переводе ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что в нем заключается гораздо более братских излияний и поэтических красот, нежели реальных предложений. А посему Пашич, во избежание недоразумений, старался свести объяснения с Миушковичем на практическую почву.

Само собою разумеется, что главное поставленное черногорским королем условие—о сохранении державной и династической независимости—он признал непреложным и с сербской точки зрения. На этот счет,—сказал он,—не может быть двух мнений. В дальнейшем же Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о „неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве", а подумать о мероприятиях, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов; облегчить им прямые торговые и иные сношения отменой паспортной системы, введением однообразной монеты; установить общий тип судебных и административных учреждений; совместно приступить к усовершенствованию путей сообщения, телеграфных и почтовых сношений. В области военной, поскольку возможно, образовать однородные кадры, облегчить непосредственные сношения армий, задача коих—совместными усилиями ограждать владения обоих государств. В сфере дипломатической—установление полной солидарности, согласование внешней политики с общими благожелательными указаниями России.

Миушкович вполне присоединился к взглядам Пашича и обещал довести о них до сведения своего правительства. Тем временем в совете министров выработан был проект ответного письма

[1] См. выше № 97.

[2] См. выше стр. 205, прим. 1.

черногорскому господарю, одобренный королем Петром и отправленный по его высокому назначению. Русский перевод этого письма, составленного в более умеренных и осторожных выражениях, равным образом почитаю долгом приложить у сего.

Как видно, вопреки опасениям нашего поверенного в делах в Цетинье, ни черногорское, ни сербское правительства совсем не касались вопроса об инструкторах. Впрочем, как я имел честь уже телеграфировать[1], по мнению Пашича, посылка сербских инструкторов в Черногорию вовсе не вызывается настоящими обстоятельствами и могла бы вызывать лишь осложнения.

Открытым остается лишь вопрос о том, поскольку король Николай был искренним в изъявлении своих братских чувств и в какой мере он действительно расположен к заключению с Сербией соглашения о тесном единении обоих государств.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

Приложение I.

Копия письма короля Николая черногорского королю Петру сербскому от 15/2 марта 1914 г.

Цетинье.
Перевод с сербского сделан в Белграде.

Ваше величество дорогой брат и зять мой,

После стольких страданий, тягостей и мучений нашего народа по милости божией нам суждено было видеть его освобожденным от гнетущего турецкого ярма, счастливым, увеличенным и братскою любовью одушевленным. Да будет ныне и во веки слава и хвала всевышнему.

Наш народ в минувшей войне был, как и всегда, храбрым и выносливым и сознавал задачу свою, которую доблестно исполнил. Слава нашему доброму сербскому народу, который с единодушным порывом и отвагою восстал и двинулся путями, предначертанными ему вашим величеством и мною.

Но, чтобы этому народу, полному достоинств, хотя бы до некоторой степени воздать за им содеянное, я полагал бы, дорогой мой брат, необходимым положить твердую основу для дальнейшей нашей совместной работы.

Мы оба уже в преклонных годах, на нас лежит долг подготовить нашему народу и нашим наследникам вполне надежную почву для будущего их существования, богатства, благоденствия и обеспечить сохранение наследства, а тем самым облегчить им после нас осуществление неразрешенных еще национальных заве-

[1] См. выше № 118.

тов. Чем скорее состоится наше соглашение в этом направлении, тем это полезнее будет для обеих стран.

Безотлагательно необходимо уговориться по вопросам о независимости и равноправии наших государств и династий, с точным определением взаимных обязанностей в области военной, дипломатической и финансовой.

Выполнение этих задач при нашей жизни, дорогой мой брат, послужит к добру и счастью народа и явится утешением в нашем преклонном возрасте.

Да, таким образом мы оставим нашим сыновьям единодушное сербство, земли, богатые плодородными полями, орошенные реками, украшенные лесами, изобилующие рудниками, омываемые синим морем, нашим свободным сербским морем.

На всем пространстве, занятом сербским народом, самом красивом крае в мире, будут процветать сотни тысяч сербских молодцов, которые своей культурной деятельностью все полученное сохранят, украсят и обогатят.

Не только народы Сербии и Черногории, но и неосвобожденные братья-сербы обрадуются этому соглашению, равно как и все южное славянство, надежда коего на грядущее объединение будет укреплять его духовные силы.

Наша вековая покровительница Россия даст нашему соглашению свое материнское благословение.

Укрепленные, мы будем в состоянии еще лучше доказать ей нашу признательность, нашу верность и любовь за все то, что она веками для нас делала; наконец дождалась она нашего освобождения и видит нас способными к самостоятельному существованию и готовыми служить ей как самые благодарные, самые лояльные и самые верные союзники.

Если ваше величество того же мнения, то было бы крайне необходимо, чтобы по одному или по два ваших и моих представителя возможно скорее съехались для выработки на вышеизложенных основаниях плана будущей совместной и согласованной деятельности наших государств.

Вполне проникнутый идеей благосостояния всего сербства, я приступаю к этому делу в уверенности, что ныне наступило самое удобное для того время, и в убеждении, что встречу сердечный отклик любвеобильной души вашего величества и ваших мудрых государственных деятелей.

Вашего величества искренний брат и тесть

Николай.

Приложение II.

Копия письма короля Петра сербского королю Николаю черногорскому от 2 апреля/20 марта 1914 г.

Белград.

Перевод с сербского сделан в Белграде.

Ваше величество дорогой брат мой,

Спешу подтвердить получение письма вашего величества от [15] 2 сего месяца. Читая его, я ощущал непомерную радость, ибо усмотрел, что в заботах о великих интересах сербского народа сошлись оба государя. Обдумывая, после наших славных войн, положение Черногории и Сербии, которых благодаря господу богу и их храбрым сынам, ныне более не разъединяют чужие владения, и мне не раз приходили мысли, коими проникнуты ваше величество.

Вследствие сего, дорогой брат мой, вам может быть заранее известно, с какою доброю водею я принимаю ваше предложение о создании возможно более тесных связей между нашими землями. Так же, как и вы, и я уверен, что подобное братское соглашение могло бы служить наилучшей основой для сербской будущности и для обеспечения нашим наследникам спокойной жизни, благоденствия, благосостояния и сохранения наследия в их землях.

Возлагая надежды на бога, что он поможет сербам осуществить задачи, подобные тем, которые счастливо завершили немцы в Германской империи, я прошу ваше величество принять к сведению, что готов назначить своего делегата для совместного обсуждения с доверенным вашего величества лицом всех вопросов о нашем соглашении. Чем большую пользу обещает сербскому народу наше объединение, тем большее оно может вызвать у других противодействие. Вследствие сего было бы желательно доверить это дело не нескольким лицам, а лишь по одному с каждой стороны делегату.

Не сомневаюсь, что благодаря тем указаниям, которыми мы оба снабдим наших доверенных, дело это будет успешно подвигаться. Таким образом мы при закате нашей жизни увенчаем все наши заботы к преуспеянию Сербии и Черногории. Я совершенно разделяю надежды вашего величества, что таковое наше дело встретит сочувствие великой славянской России, которая всегда давала нам неоднократные доказательства своей драгоценной благосклонности.

Председатель моего правительства получил от меня полномочия

на дальнейшее ведение этого дела в смысле настоящего моего письма.

Вашего величества искренний брат

Петр.

№ 170. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

%. Депеша № 18[1]. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом принести вашему высокопревосходительству искреннюю благодарность за сообщение мне в доверительном письме от [5 марта] 20 минувшего февраля № 130[2] содержания беседы вашей с новым австро-венгерским послом в С.-Петербурге, касавшейся в самом деле животрепещущего ныне вопроса о тесном сближении между Сербией и Черногорией.

Я воспользовался первым же свиданием с председателем совета сербских министров, чтобы осведомить его о взгляде вашем на помянутый вопрос по существу и, конечно, не преминул убедиться в том, что Пашич не только прекрасно сознает всю опасность искусственного ускорения хода нормальных событий, но считает необходимым соблюдать крайнюю осторожность в переговорах с Черногориею даже по таким безобидным делам, которые не касаются прямо области внешней политики.

Мне кажется, что все изложенное мною в предыдущей депеше за № 17[3], служит лучшим тому доказательством[4]. Конечно, как в Сербии, так и в Черногории решительно все отдают себе ясный отчет в том, что после происшедших на Балканах событий рано или поздно слияние обоих государств неминуемо осуществится. Желательно, чтобы это произошло попозже, чтобы оба правительства успели совершить планомерную подготовительную работу. А затем, надо полагать, не найдется в мире такой силы, которая в состоянии была бы остановить предопределенное историческим законом явление. Проектируемое ныне сербо-черногорское соглашение призвано положить основные начала указанной работы. И можно заранее с уверенностью сказать, что со стороны сербского правительства не будет сделано ни одного неосторожного шага.

---

1 Опубл. Siebert, S. 628—629.

2 См. т. I, № 380.

3 См. выше № 169.

4 У Siebert'а эта фраза отсутствует.

В заключение почитаю небесполезным добавить, в виде характерной иллюстрации ко всему сказанному графом Сапари в беседе с вашим высокопревосходительством, нижеследующее:

Не так давно здешний австро-венгерский посланник точно так же заговорил со мною о возможном в близком будущем черногорско-сербском слиянии. На замечание мое, что я пока таковых признаков не усматриваю и что ему, барону Гизлю, пробывшему несколько лет в Цетинье, без сомнения, известны чувства недоверия, питаемые господарем к Сербии и ее монарху, которые, казалось бы, исключают всякую надежду даже на установление вполне сердечных отношений между обоими государствами [1].

Да, да,—возразил барон Гизль,—это верно. Но вопрос тут вовсе не в короле Николае. Вы не забудьте, что он очень стар и серьезно болен. Не сегодня—завтра он может умереть; сыновей его черногорцы не любят и не потерпят,—они, вероятно, с хорошей пенсией уедут за границу. И вот тут-то настанет серьезная психологическая минута, когда сам собою выдвинется вопрос о слиянии Черногории с Сербией. На попытку мою вставить замечание, коллега мой живо воскликнул: нет, не возражайте, это будет так, это должно быть так; я считаю такое событие логичным, естественным; но не думаю, чтобы Австрия, имеющая первостепенной важности интересы на Адриатическом море, осталась при указанных обстоятельствах равнодушной.

Мне кажется,—сказал я,—что вы в слишком мрачных красках рисуете положение в Черногории.—К сожалению, нет,—возразил Гизль,—сведения из Цетинье крайне печальны. Впрочем,—добавил он в заключение,—я высказал вам по дружбе свои личные взгляды, не имея пока никаких предписаний от своего правительства затрагивать эти вопросы в беседах с сербами.

Полная аналогия с оговоркою, сделанною графом Сапари; посему я и счел долгом несколько подробнее изложить беседу мою с бароном Гизлем, который сохранил непосредственные связи с Цетинье и, повидимому, имеет там доверенных лиц, сообщающих ему и о том, что делается в интимном дворцовом кругу.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] Так в подлиннике.

№ 171. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 19[1]. 7 апреля/25 марта 1914 г.

В деле Восточной железной дороги происходит нечто совершенно непонятное, необъяснимое; а между тем со всех сторон почему-то вину за неуспешный ход венских переговоров неукоснительно возлагают на Сербию. Это, не без основания, дает здешнему правительству повод подозревать, что французские капиталисты, так горячо выступившие вначале в защиту сербских интересов, в конце концов стакнулись с венскими банкирами и ныне менее всего стоят за интернационализацию названной дороги, прикрывая ныне этой формулой поползновения забрать в свои руки различные выгодные предприятия в Сербии.

В последних телеграммах моих сообщалось, что побывавший на-днях в Белграде представитель французской группы Дютаста осведомлен был об австрийских интригах и выражал надежду их побороть предоставлением Италии некоторой доли участия в общем деле. Однако в то же время он сам, не выждав окончательного результата совещаний делегатов в Вене, спешит уже заговорить с Пашичем о новых комбинациях, „пожалуй более выгодных для Сербии, нежели интернационализация“. За содействие в этих возможных комбинациях Дютаста поставил условием выдачу французам концессий на проектированные сербским правительством различные железнодорожные линии.

На это Пашич ответил своему собеседнику: если дело интернационализации потерпит неудачу, то самым выгодным решением вопроса окажется, конечно, выкуп дороги, и сербское правительство с благодарностью примет в таком случае финансовую помощь французской группы; но оно не может однако обещать взамен передачу этой группе всех сооружений в Сербии, предполагая, по политическим соображениям, строить некоторые небольшие линии при участии других предпринимателей.

Дютаста казался удовлетворенным этими объяснениями и отбыл в Софию.

Вслед за сим возник вопрос о проекте соглашения, изготовленном графом Витали. Как я имел честь указать в секретной телеграмме моей от [1 апреля] 19 марта № 109[2], означенный проект, по словам Пашича и самого Дютаста, должен был представлять собою изложение в договорном виде уже принятой серб-

[1] Лит. копия.
[2] См. выше № 135.

ким правительством первоначальной французской формулы об интернационализации. Между тем, как оказалось, французы в последнюю минуту, очевидно, под давлением австрийских делегатов, включили в него некоторые дополнительные условия, явно извлеченные из „секретной записки“, переданной в свое время Пашичу здешним австро-венгерским посланником и сообщенной мною при весьма доверительной депеше от [13 января] 31 декабря минувшего года № 66 [1]. Неудивительно, что сербское правительство признало проект с подобными изменениями неприемлемым. Впрочем, полная неприемлемость для Сербии проекта соглашения графа Витали обнаружилась еще и потому, что на запрос здешнего правительства, во что обойдется ему дело интернационализации, французские делегаты указали на колоссальную цифру в 50 миллионов фр. Ввиду таких условий,—заметил Пашич,—нам, конечно, выгоднее заняться выкупом Восточной железной дороги.

Таким образом Австрия и Италия, повидимому, достигли затаенной цели: проект интернационализации на краю гибели. Италия, усерднее других над этим потрудившаяся, по имеющимся здесь положительным данным, готова оказать Сербии всяческое содействие к выкупу Восточной дороги и в этом смысле будто бы снабдила указаниями своего представителя в Петербурге.

До принятия окончательного решения сербское правительство вызвало своих делегатов из Вены для всестороннего ознакомления с происходившими там переговорами. Гартвиг.

№ 172. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 200. 7 апреля/25 марта 1914 г.

По сведениям нашего морского агента, французский судостроитель Норман прибывает на-днях в Константинополь для переговоров с морским министром касательно новых судовых заказов.

Гирс.

№ 173. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 129. 7 апреля/25 марта 1914 г.

Морнар передал мне проект соглашения между казначейством и Учетно-Ссудным банком касательно взноса малиата, акциза и пр. [2] Видеман, которого я ознакомил с соглашением, нашел, что

[1] См. т. I, стр. 9, прим. 2.

[2] Проект соглашения и объяснительная записка к нему (Note du Trésorier Général.—La Banque d'Escompte de Perse et le Trésorier.), в которой Морнар дает

оно заключает неясности и недомолвки, могущие вызвать недоразумения в будущем, а также невыгодные и неприемлемые пункты: так, соглашение предусматривает взносы в отделения банка не всех поступлений, а лишь подлежащих переводу в центральную кассу. Из числа северных отделений исключены некоторые города, якобы для того, чтобы не подчеркивать сфер влияния и не придавать соглашению политического характера. Неприемлемым является постановление, что банк обязуется не пользоваться для погашения персидских долгов теми суммами, кои внесены казначейством в депозит или на текущий счет.

Соглашение повышает сумму аванса с 200 000 до 600 000 томанов из 7% годовых. Наконец, такой же процент выплачивается казначейству за суммы, подлежащие переводу со времени поступления в отделения[1].

общий обзор своих отношений с Учетно-Ссудным банком, были переданы Коростовцу 31/18 марта. В записке Морнар оправдывается перед росс. прав-вом в возводимых на него представителями Учетно-Ссудного банка и некоторыми русскими консулами обвинениях в том, что он на Севере Персии обнаружил тенденцию, враждебную русским интересам, и покровительствовал англ. интересам. В своей записке главный казначей указывает на то, что весной 1912 г. он обратился к Учетно-Ссудному банку за получением аванса в 200 тыс. томанов. Морнар указывает, что, несмотря на тяжелые условия соглашения, он вынужден был подписать контракт вследствие острой нужды в деньгах. В результате этого казначейство, по словам Морнара, превратилось в подчиненное банку учреждение, „принужденное склоняться перед нерассуждающей волей его главы г. Куртэна“ (управл. Учетно-Ссудн. банком в Тегеране). Главное казначейство, — подчеркивается в записке,—стремилось как можно скорее освободиться от обременительного для него договора и, по истечении установленного срока, пошло на очень выгодные предложения Шахиншахского банка. Если будут предложены условия не хуже условий Шахиншахского банка,—указывается далее,—казначейство готово расширить свои деловые отношения с Учетно-Ссудным банком.

В своем препроводительном к этому документу письме от 9 апр./27 марта за № 595 Коростовец признает, „что некоторым соображениям г. Морнара нельзя отказать в основательности и что при существующей ныне постановке дела Учетно-Ссудный банк действительно едва ли может явиться желательным контрагентом для главного казначейства“... „С другой стороны,—подчеркивает посланник,—принимая во внимание постоянно испытываемый нашим банком недостаток в крановой валюте, считал бы необходимым, в ожидании лучшей его организации, все же продолжить наши настояния на заключении г. Морнаром требуемого банком соглашения, побудив однако правление последнего обнаружить более приспособляемости к нуждам персидского казначейства и к его оборотам“. Проект соглашения в основном излагается в телеграмме, помещенной в тексте.

[1] Подробное заключение по проекту Морнара содержится в письме председателя правления Учетно-Ссудного банка Львова на имя Клемма от 29/16 апреля за № 3863. Львов сообщал, что „в общем“ он не имеет „существенных возраже-

Текст соглашения, а равно и объяснительную записку Морнара высылаю почтой.

Коростовец.

№ 174. Меморандум английского посольства в Петербурге министру иностранных дел[1].

8 апреля/26 марта 1914 г.

His Majesty's Government have taken into their most carefu consideration the memorandum of the Russian Government of the (25th) 12th February last, respecting the Trans-Persian Railway[2], and, in reply, submit the following observations:

1. The views expressed by the Russian Government as to the prejudice caused to the Société d'Etudes by the delay in initiating the enterprise are shared by His Majesty's Government, whose present communication represents a sincere attempt to reconcile, by a substantial modification of their original proposals, the divergences of opinion which have manifested themselves during the discussions of the question, and thus enable pratical effect to be given to the desire of both Governments to continue, in the Trans-Persian Railway, that co-operation which should increasingly mark their relations in Persia. For this reason it is necessary to go beyond the specific points dealt with in the Russian memorandum of the (25th) 12th February[2], in order that the ground may, if the views now set forth are accepted, be

---

ний против сего проекта, но тем не менее должен отметить, что настоящий проект представляется значительно менее выгодным для банка, нежели однородное соглашение с Морнаром 1912 года". Намечаемые Львовым изменения в проекте контракта в основном совпадают с возражениями Видемана, приведенными в тексте публикуемой телеграммы.

[1] Меморандум был передан росс. прав-ву англ. послом Дж. Бьюкененом при препроводительной ноте от 11 апреля/29 марта, в которой между прочим говорилось: „Этот документ представляет окончательное мнение правительства его величества по данному вопросу и является серьезной и искренней попыткой удовлетворить, в меру возможного, желания императорского правительства, которое, как не сомневается правительство его величества, оценит широкие уступки, сделанные теперь русской точке зрения.

Сообщая этот меморандум, я выражаю вашему превосходительству серьезную надежду правительства его величества, что на основаниях, изложенных ниже, окажется возможным продолжать то тесное и сердечное сотрудничество в Персии, которое лучше всего соответствует как интересам самой Персии, так и интересам России и Великобритании" (подлинник на англ. яз.)

[2] См. т. I, № 319.

cleared for an immediate beginning of active work on the enterprise[1].

2. It is obvious that the first point which calls for definite settlement is the general principle of the route of the railway between Astara and the Persian Gulf. From Astara to Ispahan there is practical agreement as to the line to be followed, but from Ispahan onwards His Majesty's Government have hitherto maintained that their interests require that the line should run viâ Shiraz to Bunder Abbas, nor can they conceal their sincere conviction that this is the better route, both politically and commercially. They do, however, desire to afford a practical proof of their friendly relations with the Russian Government, and they are therefore prepared to give way on this point and to agree to an alignment by Ispahan, Yezd and Saidabad, with a branch to Kerman[2].

3. On the other hand, His Majesty's Government must firmly adhere to the principle laid down by them from the beginning, that ihe Trans Persian Railway must reach the Gulf at Bunder Abbas or to the west of that town. They do not share the practical objections noted by the Russian Government, in their memorandum of the (14th) 1st May 1913, to the choice of Bunder Abbas itself as a port[3], but they hope-

---

[1] К соответствующим пунктам меморандума ниже приводятся замечания Рафаловича:

„I. Если бы было достигнуто соглашение касательно Трансперсидской железной дороги, то, без сомнения, вступило бы в действие данное русским правительством великобританскому обещание не строить без согласия последнего железных дорог к границе Афганистана. Это обещание, будучи поставлено в зависимость от такого соглашения, несомненно, имеется ввиду англичанами, которые ныне, подводя под название Трансперсидской дороги совершенно иное понятие, конечно, постараются воспользоваться нашей условной уступкой. Граф Бенкендорф, которого я здесь видел на-днях, полагает, что нам не следует злоупотреблять угрозой постройки упомянутых линий, которая уже произвела свое действие. Мне кажется однако, что нельзя оставлять англичанам иллюзию, будто всякая дорога, облыжно называемая Трансперсидской, лишит нас возможности приступить когда-нибудь к сооружению таких линий. Тот факт, что предлагаемая английским меморандумом линия далеко не соответствует „Трансперсидскому" проекту, единогласно признан на последнем заседании правления Société" (замеч. Рафаловича).

[2] „II. Представляется совершенно непонятным, откуда англичане почерпнули согласие, якобы данное Россией, на проведение магистрали через Исфагань. Этот город, разумеется, должен быть соединен веткой с главной линией, примерно около Начна. Société вообще стоит на той точке зрения, что не следует удлинять магистраль, и что отдаленные от нее, но тем не менее важные в коммерческом отношении пункты должны быть соединены с ней ответвлениями" (замеч. Рафаловича).

[3] В „памятной записке, переданной великобританскому послу в С.-Петербурге

that surveys which are now being carried out in the neighbourhood will dispose of this point by proving that a suitable site, free from those objections, exists a few miles to the west[1].

4. There are thus, between Ispahan and the Persian Gulf, two definite limitations which must be respected, if the Trans-Persian

---

14/1 мая 1913 года", было сказано: „Бендер-Аббас как конечный пункт для большого транзитного пути неприемлем. В прилагаемой при сем в копии записке одного из членов русской группы г. Гукасова, составленной на основании авторитетных английских источников, доказывается, что Бендер-Аббас не может быть обращен в сносный порт без очень больших затрат. На всем южном берегу Персии нет ни одного пункта западнее Чахбара, который мог бы быть обращен в подходящий порт. Другой такой же пункт—Гуаттар—находится к востоку от Чахбара на персидско-белуджистанской границе. Казалось бы, что Персия вправе рассчитывать на то, чтобы на ее единственную сносную гавань не был наложен запрет... Относительно продолжения линии от Бендер-Аббаса по направлению к Белуджистану не приходится говорить, так как русская группа вообще не может согласиться на Бендер-Аббас как конечный, хотя бы и временно, пункт железной дороги. Вести же линию на Бендер-Аббас, хотя бы при уверенности в возможности в будущем вывести ее позднее к Чахбару, не представляется целесообразным, так как такая линия проходила бы на протяжении 600 верст по совершенно пустынному берегу Оманского залива. Раз Чахбар является естественным конечным пунктом, то нет никаких оснований подходить к нему кружным путем, вместо прямого от Кермана".

[1] „III. Против Бендер-Аббаса можно выставить два основных возражения. Во-первых, всякое отклонение линии к западу только облегчает дело Багдадской дороги для будущей смычки. Во-вторых, направление на Бендер-Аббас вызывает удлинение линии и к тому же едва ли возможно будет, в силу технических и географических условий, продлить ее по побережью к Индии. На практике очень легко может случиться, что дорога в течение продолжительного времени окажется с Бендер-Аббасом как конечным пунктом. Для того, чтобы Багдадская дорога не смогла конкурировать с такой укороченной Трансперсидской линией, необходимо будет организовать при помощи англичан пароходное пассажирское и грузовое сообщение между Бендер-Аббасом и Индией. Société, видя, что англичане ставят Бендер-Аббас как непременное условие своего согласия, считает необходимым заранее обеспечить себя в этом отношении. Английской группе поручено теперь же заняться этим вопросом. Для беспристрастия нужно отметить, что Риттих в своем труде о Трансперсидской дороге имел в виду Бендер-Аббас и что экономическое значение такого выхода к Персидскому заливу может оказаться весьма существенным для нас. Что же касается до ввоза иностранных товаров в Персию таким путем, то этот вопрос не может быть рассматриваем отдельно для Трансперсидской дороги, вне зависимости от англо-русского и русско-германского соглашений и от других железнодорожных проектов, которые отчасти, как-то: Ханекинская линия, уже близки к осуществлению. Я полагаю, что во всяком случае, даже если бы линия Тегеран—Бендер-Аббас и была решена в принципе, то ее фактическое осуществление потребовало бы еще многих лет, в течение которых придется, вероятно, пересмотреть даже вопрос о транзите иностранных товаров через Батум" (замеч. Рафаловича).

Railway is to take living shape: one, that it cannot go by Shiraz, and the other, that it must reach the Persian Gulf at Bunder Abbas or west of that port. His Majesty's Government accordingly now propose the following definite alignment: Ispahan—Yezd—Anar—Bahrambad (with a short branch line of 70 miles to Kerman)—Saidabad—Ahmadi—Bunder Abbas, or the port on Clarence Straits, which the surveys already alluded to may show to be more suitable, with the reservation that the question of continuing the line east from Bunder Abbas shall form the subject of future consideration by His Majesty's Government and that its continuation shall in no case be undertaken without the express consent. Such a route corresponds with Russian views in full as far as Kerman, and His Majesty's Government feel that they may airly ask that the British standpoint as to connection between Kerman and the Gulf should be accepted[1].

5. The Russian Government will notice that by their present proposal His Majesty's Government abandon their previous condition that they will not commit themselves to any definite alignment in the south until alternative routes have been surveyed and their respective military and political advantages or disadvantages taken into consideration. They have been induced to take this course mainly by the representations of the Russian Government as to the undesirability, on the score both of expense and of time, of insisting on surveys of different routes.

6. His Majesty's Government are also prepared, if the alignment now proposed is accepted, to agree to there being one gauge throughout from Astara to Bunder Abbas[2].

7. The practical point which seems to call for decision next to the determination of the route is the manner of construction. Taking into consideration the particular political circumstances of the Trans-Persian

---

[1] „IV. Трасса, предлагаемая англичанами, представляется весьма замысловатой. Трудно определить, продиктована ли она соображениями коммерческими, техническими или желанием провести линию там, где синдикат г. Гринвея имеет в виду богатые рудные месторождения. Подробное определение направления, конечно, зависит от изысканий, но и тут необходимо применить тот основной принцип, что не следует чрезмерно удлинять магистраль и что лучше выстроить несколько веток" (замеч. Рафаловича).

[2] „VI. Необходимо выяснить, имеют ли ввиду англичане русскую колею или, как то проскальзывало в английской печати, они придумали для Персии особую колею, которая не должна быть ни русской, ни индийской. Конечно, нам нет никакого основания соглашаться на то, чтобы продолжение вглубь русской зоны в Персии наших рельсовых путей было затруднено пересадкой и перегрузкой на нашей границе" (замеч. Рафаловича).

Railway and the fact that Russian trade penetrates from the north and British trade from the south, the fair and obvious arrangement would be that construction should start simultaneously from both ends and continue, so far as possible, both as regards actual work and provision of funds, pari passu, until the junction. His Majesty's Government understand, however, that the surveys for the northern part of the line are nearly, if not quite, complete, whereas they possess only a rough preliminary survey of the southern part, and they recognise that they cannot equitably penalise the Société d'Etudes by insisting that work on the northern section should await the completion of the surveys in the south. If therefore the principle of simultaneous construction from the northern and southern ends be admitted, they would be prepared to agree that construction in the north should begin as soon as the survey starts from the south, provided that the northern line shall in no case proceed beyond Teheran until construction has been actually begun on the southern line, its progress northwards assured as regards funds, and the rate of progress sufficiently calculable as to allow of assigning an approximate date for the junction of the two lines[1].

8. If and when alignment and manner of construction have been agreed upon, it is necessary to settle the question of access to the Persian Gulf. His Majesty's Government have noted with great satisfaction that the Russian Government recognise the special interests of Great Britain in this matter by proposing that the management of ports in the south should be exclusively in the hands of the British group of the Société d'Etudes. His Majesty's Government, for their part, beg the Russian Government to believe that they are fully determined to secure for the Société, so far as it lies with them, every facility for free outlet to the sea, but they must, at the same time, preserve their other interests in the Gulf, which might be unduly limited or hampered were the control of the ports in the hands of even the British group of the Société, since the sole concern of that body is the welfare of the railway. His Majesty's Government would propose that the Société's application for a port should be made under the express condition of its retrocession to a special company to be formed to work and develop the port, whereon the interests of the Soci-

---

1 „VII. В этом пункте англичане, повидимому, закрепляют свое согласие на постройку линии Астара—Тегеран в первую очередь. Одновременная постройка с обоих концов линии Тегеран—Бендер-Аббас может быть принята, если вообще последует соглашение об этой линии" (замеч. Рафаловича).

été and of the important British enterprises in that part of Persia shall find adequate representation[1].

9. These seem to be the three primary questions on which agreement must be reached before the Trans-Persian Railway can come into being. There rem in two subsidiary points of a practical order which it is desirable to have settled, and on both of these His Majesty's Government are happy to be able to meet the wishes of the Russian Government.

10. The first is the question of parity of tariff-rates. If the proposal for simultaneous construction from north and south be adopted, and if the principle of parity of rates be accepted by the Russian Government, His Majesty's Government are prepared to agree that a detailed settlement on this point may be deferred until there is an immediate prospect of the northern and southern sections being united[2].

11. The second point is the method of presenting to the Persian Government the formal request for the option for construction of the railway. Here, too, His Majesty's Government are ready to agree that the request shall be put forward without delay by the Société, and subsequently supported by the representatives of Russia, France, and Great Britain at Teheran separately, provided that it is recognised that, if within a year from the presentation of the option no settlement on the points raised in this memorandum is reached, any claims of the Société d'Etudes to railway construction south of Yezd, in virtue of that option, shall lapse. His Majesty's Government have, in fact, so informed the Société, and have expressed their concurrence in the text of the request as drafted by the Société, subject to a modification of the final paragraph dealing with the control of ports and access to the sea, as explained in paragraph 8 above[3].

---

[1] „VIII. Société придерживается того взгляда, что в обществе, которому поручено будет заведывание портом, английская группа Société должна играть преобладающую роль. При таком условии можно согласиться на участие и других английских элементов“ (замеч. Рафаловича).

[2] „X. Необходимо повторить англичанам, что мы сохраняем свободу тарификации на севере вплоть до момента смычки. Англичане как будто на это соглашаются, но, как это всегда бывает в неприятных для них вопросах, они свою мысль излагают крайне туманно“ (замеч. Рафаловича).

[3] „XI. Этот пункт нас удовлетворяет, но он находится в противоречии с пунктом 15. Выходит так, что прошение об опционе может быть послано в Персию без замедления (пункт 11), но однако надлежит еще исполнить условия пункта 15-го. Годичный срок, установленный в пункте 11, конечно, мал. Я просил англичан о двух годах. Однако я полагаю, что это не так опасно и что можно будет современем по мере хода переговоров продлить этот срок“ (замеч. Рафаловича).

12. It would also seem desirable to take formal note of the fact that the British and Russian Government agree to representatives of the British and Russian groups of the Société being attached to the surveys in the north and south respectively. The offer now made by His Majesty's Government to accept a definite alignment rendres it unnecessary to consider further the question of official representatives of the Russian and British Governments composing, or forming part of the Survey Commission in the south.

13. There still remains one important point which must be settled before the Trans-Persian Railway project can assume a definite form, namely, the question of Russian and British control in the respective sections of the line.

14. The Russian Government will have noticed that the route in the south which His Majesty's Government are prepared to accept lies mainly in the neutral zone, and that, therefore, were the principle of equal rights in the neutral zone laid down in the Russian memorandum of the (14th) 1st May 1913 [1], to be maintained, British control would be limited to an extent of the line so small as to be in practice completely negligible. Such a position is obviously impossible and entirely beyond the original intention of the Trans-Persan Railway scheme. From the outset His Majesty's Government have insisted, as a sine qua non, on having a deciding voice in the southern, while leaving to Russia control in the northern sphere. The natural division would be Russian control from Astara to Yezd, and British control from Yezd to Bunder Abbas. This division should, in the opinion of His Majesty's Government, be observed by considering the railway-belt (i. e. the line itself and any mineral zone that may be attached to it) from Yezd to Bunder Abbas as forming part of the British sphere. An alternative method would be to extend the present British sphere from Bunder Abbas westward to include Lingah on the Persian Gulf, in which case the boundary would run from Ras Bistana (lat. 26° 30′ N., long. 54° 38′ E.) to Mahdiabad and from thence east to its intersection with the line defining the limits of the present British zone. If this alternative be adopted, His Majesty's Government would

---

[1] В русском меморандуме от 14/1 мая 1913 г. было, между прочим, сказано: „Принимая во внимание международный характер предприятия, а равно и то, что намеченная в этом пункте часть пути пролегала бы не по британской, а по нейтральной зоне, представляется справедливым и необходимым, чтобы ни одна из групп общества не пользовалась на ней какими-либо преимущественными правами, а чтобы влияние и право голоса были в совершенно равной мере распределены между всеми тремя группами“.

be prepared to agree to the section of the railway from Yezd to Mahdiabad being regarded as forming part of the northern section, but they consider that it is essential to them to safeguard their interests in Southern Persia by one of these two courses[1].

15. If, as His Majesty's Government earnestly hope, the Russian Government were to find themselves able to accept the various suggestions advanced above, it might seem unnecessary to carry this memorandum any further. But the first result of agreement would be that the Société d'Etudes would at once present its request for the option to the Persian Government, and before it can do so there is a practical difficulty which must be discussed and surmonted[2].

---

1 „XIV. Не вина Société, и еще менее вина русского правительства, что предлагаемая англичанами трасса проходит через нейтральную, а не через английскую зону. Направление на Чахбар, за которое мы стоим, проходило через последнюю. Таким образом это не может служить основанием к подчинению английскому контролю всей части линии, проходящей по нейтральной зоне. Если мы согласимся на такое пожелание англичан, то это во всяком случае не должно было бы служить прецедентом по отношению к нейтральной зоне вообще. Предлагаемый англичанами, как альтернатива, пересмотр британской зоны собственно не имеет никакого касательства к вопросу о железной дороге. Можно воспользоваться этим поводом лишь в случае, если это почему-либо удобно российскому правительству" (замеч. Рафаловича).

2 „XV. Société полагает, что предоставление англичанам годичного срока для разрешения вопросов, касающихся Южной Персии, должно быть распространено на все вопросы, включая и препирательства с группой Гринвея. Ставить в зависимость от вынужденного соглашения с этой группой посылку прошения об опционе и его выдачу значило бы не только затягивать все дело, но и стать в полное противоречие со всеми предыдущими обещаниями Англии, начиная с бальморальского свидания" (замеч. Рафаловича).

Та же мысль развита в официальном письме Хомякова, председателя комитета русской группы Société, на имя Сазонова от 5 июня/23 мая; в препроводительном письме Хомякова Клемму от 6 июня/24 мая говорится: „Ответ по всем пунктам меморандума мы вам представим в самом скором времени. Но, ради бога, помогите получить опцион! Англичане не спят: строительство на юге, ввиду правительственной субсидии, повидимому, пойдет ускоренным темпом, и мы рискуем остаться в хвосте, если будет задержка с получением опциона, без которого у нас связаны руки".

По тому же поводу в письме Клемму от 5 июня/23 мая Рафалович сообщал, что на состоявшемся 5 июня/23 мая в Париже заседании дирекции Société он убедил английскую группу, „крайне недовольную покровительством, оказываемым английским правительством Гринвею", „отложить всякие препирательства до получения опциона, а пока настаивать перед английским правительством на необходимости немедленной посылки в Персию прошения об опционе и на отложении всех прочих вопросов, в том числе и вопроса о соглашении с Гринвеем, который также может быть подчинен годичному сроку, предлагаемому англичанами. Постановление в этом смысле было принято единогласно... Оно даст вам возможность

16. As the Russian Government are aware, His Majesty's Government have from the outset made it clear that their support has been pledged to the legitimate interests acquired and claimed by the Kerman Mining Syndicate and its allied group, the Persian Railways Syndicate, and have throughout insisted that the fusion of those interests with the Société d'Etudes, or co-operation between the two groups, is an essential preliminary to the construction of the southern section of the Trans-Persian Railway. The alignment now proposed for that railway runs, from Mahdiabad to within about 35 miles of Bunder Abbas, through the centre of the area claimed for the Kerman Mining Concession, and will further clash with the Persian Railway Syndicate's option for a line from Bunder Abbas to Kerman. On the other hand, the Société d'Etudes hold that the Trans-Persian Railway should receive mineral rights over a belt of land on each side of the line. There is thus a double negotiation to be carried out, one for mining rights and one for settlement of claims to railway construction[1].

выступить энергично в Лондоне и лишит английское правительство права ответить, что вот, мол, сама английская группа Société считает необходимым предварительное решение ряда вопросов".

[1] „XVI. Напрасно англичане пытаются теперь утверждать, что они „с самого начала" указывали на данные ими обеим группам Гринвея, горнопромышленной и железнодорожной, обещания. На деле, вопрос этот возник уже после образования с ведома и согласия британского правительства, Société. Указания в пункте 16-м на опцион, будто бы принадлежащий Персидскому железнодорожному синдикату, на линию Бендер-Аббас—Керман, насколько мне известно, противоречит фактам, и такой опцион не выдан, а лишь испрашивается. Английская группа Société относится крайне враждебно к навязываемому ей соглашению с группой Гринвея" (замеч. Рафаловича).

„Записка, излагающая в сокращенном виде замечания общества Трансперсидской жел. дороги касательно меморандума английского министерства иностранных дел от 8 апреля 1914 г." содержит по поводу §§ 11, 15, 16 между прочим следующие соображения (подлинник на франц. яз.):

„§ 16 оговаривает, что „слияние интересов группы Гринвея и Société d'Etudes или сотрудничество обеих групп является важным предварительным условием постройки южного участка Трансперсидской жел. дороги".

Подобная редакция, имеющая определенно и исключительно в виду продолжение линии южнее Иезда, позволяет обществу ссылаться на то, что, несомненно, по ошибке, § 15, расходясь с §§ 11 и 16, мог бы служить основанием того, чтобы соглашение с группой Гринвея являлось обязательной предпосылкой для общего требования опциона, каковое касается не только одного южного участка и обнимает всю Трансперсидскую дорогу, но имеет более непосредственное значение, с точки зрения целесообразности в настоящее время для северного района. Поэтому было бы одновременно и логичным и справедливым распространить на самое соглашение между конкурирующими группами, требуемое британским правительством, то же условие, которое оно ставит в отношении будущего политического соглашения

17. Certain preliminary steps to this end have already been taken, and the Greenway group (the two Syndicates above mentioned) have shown themselves prepared to be conciliatory and His Majesty's Government trust that a discussion between the group and the delegate whom, as they understand, the Société propose to send to London for the purpose may lead to a satisfactory settlement[1].

18. A copy of this memorandum is being communicated direct to the Société, in order to facilitate an early opening of negotiations between the Société and the Greenway group, and it may be useful briefly to outline now the main points upon which the latter ask to receive satisfactory assurances. They are as follows:

19. Taking as a basis the suggestion of the Russian Government, in their memorandum of the (26th) 13th February[2] last, that the belt of land necessary to the Trans-Persian Railway should be measured off for it on both sides of the route, along its whole length, on the condition that the Société binds itself to grant the Kerman Mining Syndicate a certain share in the working of any mineral wealth which may subsequently be found in the belt, the Syndicate would make their acceptance dependent on[3]:

между ним и российским правительством в отношении южного района. Таким образом, что касается безотлагательного отправления требования опциона, то никакого условия, откладывающего это отправление, не должно быть поставлено. Но по истечении годичного срока, британское правительство должно было бы обсудить, будет ли достигнуто или нет удовлетворительное разрешение вопросов, поднятых памятной запиской, с точки зрения как политики, так и конкуренции между состязующимися группами. И в этот момент, если понадобится, Форейн Оффис воспользуется оговоркой, включенной в § 11, дабы выставить требование, чтобы права, которых добилось Société d'Etudes на постройку жел. дороги к югу от Иезда, в силу опциона были признаны недействительными".

[1] „XVII. При частных объяснениях как с представителями группы Гринвея, так и с чинами великобританского министерства иностранных дел я указывал на то, что переговоры между группой Гринвея и Société должны иметь место в Париже. Такой способ ведения дела гораздо более способен привести к соглашению, нежели ведение переговоров в Лондоне под руководством враждебной соглашению английской группы Société. Нет сомнения, что русские и французские элементы Société готовы пойти в известной мере навстречу пожеланиям великобританского правительства. Нет сомнения также, что английская группа Société окажется более сговорчивой на совместных совещаниях в Париже, чем в Лондоне. Частным образом я могу, с своей стороны, попытаться продвинуть дело в Лондоне, подготовить почву для таких совещаний, но Société в целом, будучи весьма задето в своем самолюбии явной поддержкой, оказываемой английским правительством второстепенной группе Гринвея, своих представителей в Лондон не пошлет. Было бы крайне желательно разъяснить великобританскому правительству, что указанный путь является наилучшим" (замеч. Рафаловича).

[2] См. т. I, стр. 33, прим. 2.

[3] „XIX. Г. Гринвей как будто идет на соглашение, но вместе с тем исключает

(i) Protection for the interests of the Persian Railways Syndicate, or their fusion, on reasonable terms, with those of the Trans-Persian Railway.

(ii) That the particular mining deposits which the Mining Syndicate have always had in view should be excepted from joint working, even if found to exist within the railway belt. These deposits are few in number, and His Majesty's Government are prepared to ask the Syndicate to indicate to them beforehand their situation and area, so as to safeguard the interests of the Société from any increase of the Syndicates demands when the route is actually determined.

(iii) Assurance of adequate facilities for conveying the Syndicate's mineral products, &c., on the railway and for their despatch from the port of shipment.

(iv) Russian support for, or at least cessation of opposition to, the immediate grant of the Kerman Mining Concession by the Persian Government.

20. (It is of course understood that any mineral rights acquired by the Société d'Etudes or the Kerman Mining Syndicate are exclusive of oil, the rights to which have already been disposed of by the Persian Government throughout the whole of Southern and Central Persia [1].

из него все те горные богатства, которые ему особенно дороги, и тем сводит на-нет самую мысль о соглашении" (замеч. Рафаловича).

„Общество считает необходимым иметь предпочтительные права на копи, расположенные в зоне жел. дороги с обеих сторон полотна жел. дороги и на условиях, которые могли бы быть выработаны по образцу концессии на жел. дорогу Джульфа—Тавриз. В какой мере могло бы быть разрешено участие группы Гринвея? В каких размерах представительство этой группе могло бы быть предоставлено на Южной Трансперсидской жел. дороге и было бы обеспечено в интересах персидского железнодорожного синдиката?— Это —вопросы, кои могли бы быть вероятно разрешены путем переговоров, требуемых в меморандуме английского правительства. Общество должно однако отметить, что притязания группы Гринвея в том виде, в каком они проводятся в меморандуме, явно преувеличены и могут быть рассматриваемы лишь как программа для обсуждения. В частности, недопустимо исключать из намечаемого сотрудничества копи, которые, как указывают §§ 19 и 11, имеет уже в виду „синдикат по разработке копей"; таким образом Трансперсидская жел. дорога устраняется от обладания копями, уже намеченными в виду их богатства" („Записка, излагающая замечания общества Трансперсидской жел. дороги").

[1] „Общество не располагает достаточной информацией касательно концессий на нефть, которые были предоставлены персидским правительством на всем протяжении Центральной и Южной Персии. Оно ограничивается замечанием, что если оно и в дальнейшем будет устранено от использования такого рода преимущества, то оно будет вынуждено тем более заняться другими предметами эксплоатации на зоне жел. дороги.

21. His Majesty's Government consider that it is also desirable to remind the Russian Government that there have been other railway projects discussed in connection with the Trans-Persian line. They think, therefore, that the opportunity should be taken in this paper, which aims at being a final and complete statement of the position of His Majesty's Government on the whole subject, to clear up these points as well.

22. The Russian Government are acquainted with the support accorded by His Majesty's Government to the Persian Railways Syndicate, not only for the Bunder Abbas—Kerman line, dealt with above, but also for lines from Mohammerah to Khoremabad, from Bushire to Shiraz, and from Bunder Abbas via Shiraz to Ahwaz. The Russian Government have in turn expressed the strongest objections to the Bunder Abbas—Shiraz—Ahwaz line, which in their view can only be regarded as designed for a continuation of the Bagdad Railway, and have further, while not raising objections to the other lines, claimed the right to construct, or to share predominantly in the construction of, railways from Ispahan to Shiraz, Ispahan to Ahwas, Ispahan to Khoremabad, Yezd to Shiraz, and Yezd to Kerman [1].

23. The last line will now, if the present suggestions are carried out, be merged in the Trans-Persian Railway, but as regards the others, His Majesty's Government consider that there is scope for both the, Russian and British schemes, and they see no insuperable obstacles to but rather obvious advantages in, those schemes working in co-operation. In their opinion, the first and most important amalgamation would be for the Russian Government to continue the Mohammerah—Khoremabad line to Burujird, Hamadan and Teheran [2].

В заключении оно (общество) делает общие замечания, что когда образовавшая его группа в результате изучения установит, каковы будут размеры финансовых ресурсов, дающие возможность постройки Южной Трансперсидской жел. дороги, то всякое уменьшение уже приобретенных косвенных источников дохода вызовет в виде противовеса необходимость увеличения ресурсов другого рода, предоставления которых южная группа будет добиваться у совместно заинтересованных правительств („Записка, излагающая замечания общества Трансперсидской ж. д.").

[1] „XXII. Линия на Ахваз не имеет, казалось бы, никакого смысла, если в уме ее строителей не имеется задней мысли о соединении с Багдадской дорогой" (замеч. Рафаловича).

[2] „XXIII. Мне представляется, что в настоящее время нет никакой необходимости входить в обсуждение вопроса о продолжении линии от Хоремабада на Тегеран. Это английское пожелание не имеет никакой спешности. Вообще, все перечисляемые англичанами линии представляют собой скорее перечень притязаний, чем практический вопрос настоящей минуты" (замеч. Рафаловича).

24. As regards the Bagdad Railway, His Majesty's Government are anxious to dispel in the completest manner possible the supposition entertained by the Russian Government that British railway projects in Persia aim at linking up the Bagdad Railway with India. No such suggestion has ever been under their consideration[1].

25. In conclusion, His Majesty's Government trust that the Russian Government will realise and appreciate the spirit which has inspired this memorandum. It seeks neither to avoid nor to gloss over those points where political considerations render it impossible for both Governments to see eye to eye; it is founded on the belief that agreement, if it can be reached, can only be loyal and lasting if those points of difference have been clearly realised as factors that must be allowed for, and as constituting the fixed limits within which a working solution is to be found; but it represents a sincere and earnest attempt of His Majesty's Government to go to the utmost limit of concessions consistent with their view of the essential conditions of their political interests, in the hope that the Russian Government, animated by a simular desire, may, by concessions on their side, secure the definite realisation of the Trans-Persian Railway[2].

Foreign Office, April 8, 1914.

---

[1] „XXIV. Из того, что я слышал в министерстве иностранных дел в Лондоне, я заключил, что англичане предполагают дать нам касательно Багдадской дороги заверения относительно будущего. Не знаю, можно ли толковать таким образом пункт 24-го меморандума, однако он как будто говорит лишь о том, что английское правительство, как таковое (а не английские предприниматели), до сих пор никогда не рассматривало даже вопроса о возможности смычки Багдадской железной дороги с Индией“ (замеч. Рафаловича).

В „Записке, излагающей замечания общества Трансперсидской ж. д., говорится следующее: „Общество может лишь предоставить российскому и английскому правительствам обсуждать между собой распределение железных дорог, не входящих в число тех, которые в силу вещей должны принадлежать Трансперсидской жел. дороге. Но оно имеет основание уже теперь указать: 1) на нецелесообразность постройки железных дорог, которые поставили бы под сомнение самую пользу Трансперсидской жел. дороги, напр., таковой была бы дорога от Тегерана к Персидскому заливу, которая преследовала бы с ней одни и те же цели; 2) поскольку соглашение будет подписано между правительствами, на неуместность оказывать кому-либо предпочтение при предоставлении концессии на постройку линий, нахождение коих в руках конкурентов затруднило бы в большей степени задачи „общества“. Во всяком случае следует, по крайней мере путем особых соглашений с конкурирующими линиями и применения тарифов, оградить интересы Трансперсидской ж. дороги“.

[2] „XXV. Почва, на которую стало английское правительство, без сомнения, не облегчает общего соглашения по вопросу о Трансперсидской железной дороге. Впечатление от меморандума таково, что, помимо соображений, изложенных выше по поводу пункта 1-го, английское правительство руководствовалось главным образом желанием удовлетворить Гринвея, притязания коего парализованы проектами

Перевод.

Правительство его величества тщательнейшим образом рассмотрело меморандум российского правительства от 25/12 прош. февраля касательно Транс-персидской железной дороги и предлагает в ответ следующие замечания:

1. Точка зрения, высказанная российским правительством, относительно ущерба, причиняемого Société d'Etudes замедлением в осуществлении предприятия, разделяется правительством его величества, настоящее сообщение которого является искренней попыткой примирить, путем существенного изменения его первоначальных предложений, разногласия, обнаружившиеся во время обсуждения вопроса, с тем. чтобы таким образом получило практическое осуществление стремление обоих правительств продолжать на Трансперсидской железной дороге то сотрудничество, которое должно во все возрастающей степени характеризовать их отношения в Персии. По этой причине следует выйти за пределы тех специальных пунктов, которых касается русский меморандум от 25/12 февраля, для того чтобы, в случае принятия высказанной здесь точки зрения, почва очистилась для немедленного начала активной работы по предприятию.

2. Очевидно, что первым пунктом, требующим окончательного решения, является общий принцип направления железной дороги от Астары к Персидскому заливу. Относительно направления, принимаемого от Астары до Исфагани, практически достигнуто соглашение, но правительство его величества придерживалось до сих пор той точки зрения, что его интересы требуют, чтобы дальше от Исфагани дорога шла по направлению через Шираз на Бендер-Аббас,

---

Société. При таких условиях представляется наиболее целесообразным, не разрушая Société, принять меры к скорейшему осуществлению линии Астара—Тегеран Англичане сами, в свое время, настояли на образовании для севера и юга особых филиальных обществ Société, тем самым дали нам возможность осуществить наиболее спешную для нас линию, выжидая потом дальнейших событий. Поэтому в настоящее время могла бы быть выполняема следующая программа: во-первых должны быть произведены окончательные изыскания между Рештом и Казвином. Для этого Société только-что единогласно ассигновало средства, и эти изыскания будут произведены по соглашению между Сеханским и Подгурским. У последнего имеются на месте свои инженеры шоссейной дороги, которые уже производили изыскания узкоколейной железной дороги; во-вторых, должно быть, наконец, отправлено прошение об опционе. Во время переговоров о получении последнего часть его от Астары до Тегерана должна быть обращена в концессию, к разработке проекта которой Société должно приступить теперь же; в-третьих, поднятые англичанами вопросы, в том числе соглашение с группой Гринвея, должны послужить предметом дальнейших переговоров" (замеч. Рафаловича).

В имеющейся в деле о Трансперсидской ж. д. недатированной справке, в которой кратко резюмируется помещенный в тексте меморандум, сказано:

„Желательно добиться:

1) Наискорейшей выдачи персидским правительством Подготовительному обществу концессии на линию Астара—Тегеран с опционом на продолжение линии на юг.

2) Согласия правительства Великобритании на направление южной части линии через Керман с выходом к Индийскому океану и со смычкой с индийскими дорогами.

3) Ограждения интересов Подготовительного общества в 10-верстной полосе по обе стороны дороги от попытки Керманского горнозаводского синдиката захватить в свои руки все ископаемые юга Персии".

и оно не может скрыть своего искреннего убеждения, что это направление является лучшим как в политическом, так и в торговом отношении. Однако, желая дать реальное доказательство своего дружеского отношения к российскому правительству, оно готово уступить по указанному пункту и согласиться на то, чтобы направление было взято на Исфагань, Иезд и Саидабад с ответвлением на Керман.

3. С другой стороны правительство его величества считает необходимым твердо придерживаться того принципа, установленного им с самого начала, что Трансперсидская железная дорога должна подходить к заливу у Бендер-Аббаса или западнее этого города. Оно не разделяет практических возражений, сделанных российским правительством в его меморандуме от (14) 1 мая 1913 г. по поводу выбора именно Бендер-Аббаса в качестве порта, но оно надеется, что обследования, производимые ныне в прилегающих местах, разрешат сомнения по этому пункту, доказав, что в нескольких милях к западу можно найти подходящее место, не дающее оснований для таких возражений.

4. Таким образом, между Исфаганью и Персидским заливом устанавливаются два предела, с которыми надлежит считаться, если Трансперсидская железная дорога будет осуществлена: один сводится к тому, что она не должна итти на Шираз, а другой, что она должна достигать Персидского залива у Бендер-Аббаса или западнее этого порта. Правительство его величества предлагает ныне, согласно этому, следующее окончательное направление: Исфагань—Иезд—Анар—Бахрамбад (с короткой веткой в 70 миль на Керман)—Саидабад—Ахмади- Бендер-Аббас, или порт пролива Кларенса, относительно которого уже можно предполагать на основании обследований, что он наиболее подходящ, с той оговоркой, что вопрос о продлении дороги на восток от Бендер-Аббаса составит предмет будущего рассмотрения правительства его величества и что продление ее ни в коем случае не должно предприниматься без его определенно выраженного согласия. Такое направление до Кермана вполне соответствует русским видам, и правительство его величества полагает, что оно справедливо может настаивать на принятии британской точки зрения относительно соединения Кермана с заливом.

5. Российское правительство примет к сведению, что своим настоящим предложением правительство его величества отказывается от своего прежнего условия, заключавшегося в том, что оно не свяжет себя согласием на окончательное направление на юге, пока альтернативные направления дороги не будут обследованы и пока не будут приняты во внимание их соответствующие военные и политические преимущества или недостатки. Его побудили пойти на это, главным образом, представления российского правительства относительно нежелательности, вследствие лишних расходов и траты времени, требовать изыскания разных направлений.

6. Правительство его величества готово также в случае принятия предлагаемого ныне направления согласиться на одинаковую ширину колеи всюду от Астары до Бендер-Аббаса.

7. Практическим вопросом, требующим разрешения вслед за определением направления, является способ постройки. Принимая во внимание особые политические условия Трансперсидской железной дороги, и то обстоятельство, что русская торговля проникает с севера, а британская торговля—с юга, справедливым и правильным решением должно считаться одновременное начало работ с обоих концов и продолжение, поскольку это возможно, их обоих в отношении

как работ, так и финансирования pari passu вплоть до момента смычки. Правительству его величества известно однако, что изыскания северной части дороги почти, если не совсем, окончены, в то время как оно имеет лишь грубое предварительное обследование южной части. Оно признает, что было бы несправедливо заставлять общество нести убытки, настаивая, чтобы работы в северной части были отсрочены до окончания изысканий на юге. Поэтому, если будет принят принцип одновременного строительства с северного и южного концов, оно готово согласиться на то, чтобы строительство на севере началось тотчас, как только на юге начнутся изыскания, при том условии, чтобы северная линия ни в коем случае не шла дальше Тегерана до тех пор, пока на южной линии фактически не начнется строительство, пока оно не будет обеспечено средствами и пока ход этого строительства не позволит установить приблизительную дату смычки обеих линий.

8. Если будет достигнуто соглашение относительно направления и способа строительства, то тогда нужно будет разрешить вопрос о выходе к Персидскому заливу. Правительство его величества отметило с большим удовлетворением, что российское правительство признает особые интересы Великобритании в этом вопросе, предлагая, чтобы управление портами на юге находилось исключительно в руках британской группы общества. Правительство его величества со своей стороны просит российское правительство верить, что оно совершенно готово обеспечить обществу, поскольку это зависит от него, все возможности для свободного выхода к морю, но в то же время оно должно сохранять прочие свои интересы в заливе, которые могли бы встретиться с неуместными ограничениями или препятствиями в том случае, если бы контроль над портами находился в руках хотя бы британской группы общества, поскольку единственной целью этой организации является благополучие железной дороги. Правительство его величества предложило бы, чтобы заявка общества на отдачу ему порта была сделана под определенным условием сдачи его специальному обществу, которое должно быть организовано для эксплоатации и развития порта и в котором будут надлежащим образом представлены интересы общества и важнейших британских предприятий в этой части Персии.

9. Это—три первостепенных вопроса, по которым должно быть достигнуто соглашенис раньше, чем будет приступлено к осуществлению Трансперсидской железной дороги. Остается два дополнительных пункта практического характера, которые желательно разрешить. Правительство его величества выражает удовлетворение по поводу того, что по обоим из них оно может пойти навстречу желаниям российского правительства.

10. Первым является вопрос о паритете тарифных ставок. В случае принятия предложения об одновременной постройке с севера и с юга и признания российским правительством принципа паритета ставок, правительство его величества готово согласиться на то, чтобы детальное соглашение по этим вопросам было отложено до того момента, когда будет уже непосредственно предстоять соединение северной и южной части.

11. Второй пункт—это способ представления персидскому правительству формальной просьбы об опционе для сооружения железной дороги. По этому вопросу правительство его величества также готово согласиться на то, чтобы просьба была представлена обществом без отсрочки и затем поддержана в Тегеране представителями России, Франции и Великобритании под тем условием, что если в течение года по представлении опциона не будет достигнуто решения

по вопросам, возбужденным в этом меморандуме, то все права общества на постройку железной дороги южнее Иезда, полученные им по опциону, будут считаться аннулированными. Правительство его величества действительно осведомило об этом общество и дало свое согласие на тот текст просьбы, который составлен обществом, поставив свое согласие в зависимость от изменения заключительного параграфа, который говорит о контроле над портами и о выходе к морю, как это указано выше в параграфе 8.

12. Желательно также формально отметить тот факт, что британское и российское правительства соглашаются на участие представителей британской и русской групп общества в изысканиях соответственно на севере и юге. Предложение, делаемое ныне правительством его величества о принятии окончательного направления пути, делает излишним дальнейшее рассмотрение вопроса о составлении представителями британского и российского правительств изыскательной комиссии на юге или о вхождении в нее.

13. Остается еще один важный пункт, по которому должно быть принято решение для того, чтобы можно было придать проекту Трансперсидской железной дороги окончательную форму, именно вопрос о русском и британском контроле над соответствующими частями дороги.

14. Российское правительство приняло, вероятно, к сведению, то обстоятельство, что направление дороги на юге, на которое правительство его величества готово согласиться, проходит главным образом по нейтральной зоне и что если бы принцип равноправия в нейтральной зоне, установленный в русском меморандуме от (14) 1 мая 1913 г., был соблюден, то британский контроль ограничился бы столь малой частью дороги, что на практике он оказался бы совершенно ничтожным. Такое положение явно невозможно и совершенно не совпадает с первоначальными намерениями, положенными в основу проекта Трансперсидской железной дороги. С самого начала правительство его величества настаивало под условием sine qua non на получении им решающего голоса на юге, предоставив России контроль в северной части. Естественно было бы следующее разделение: русский контроль от Астары до Иезда и британский контроль от Иезда до Бендер-Аббаса. Такое разделение было бы, по мнению правительства его величества, соблюдено в том случае, если бы железнодорожная полоса (т. е. сама дорога и минеральная зона, которая может быть связана с ней) от Иезда до Бендер-Аббаса рассматривалась как часть британской сферы. Альтернативное разрешение может сводиться к расширению теперешней британской сферы от Бендер-Аббаса на запад так, чтобы в нее вошел Линга на Персидском заливе, в каком случае граница шла бы от Рас-Бистана (26° 30′ сев. шир., 54° 38′ вост. долг.) на Махдиабад и оттуда на восток до пересечения ее с линией, определяющей границы теперешней британской зоны. Если бы этот проект был принят, то правительство его величества было бы готово согласиться на то, чтобы часть железной дороги от Иезда до Махдиабада рассматривалась как входящая в северную часть, но оно считает необходимым обеспечить свои интересы в Южной Персии при помощи одного из этих двух проектов.

15. Если, на что серьезно надеется правительство его величества, российское правительство найдет возможным принять различные вышеизложенные предложения, то нижеследующая часть настоящего меморандума становится излишней. Первым результатом соглашения будет то, что общество сразу возбудит

перед персидским правительством ходатайство об опционе, однако до этого нужно обсудить и преодолеть одну практическую трудность.

16. Как известно российскому правительству, правительство его величества заявило с самого начала, что оно обязано оказывать поддержку законным интересам, приобретенным и заявленным Керманским горнозаводским синдикатом и связанной с ним группой, т. е. Персидским железнодорожным синдикатом, и оно всегда настаивало на том, что слияние этих интересов с обществом или сотрудничество обеих групп является важным предварительным условием постройки южного участка Трансперсидской дороги. Направление, ныне предлагаемое для этой железной дороги, идет от Махдиабада до пункта, находящегося приблизительно в 35 милях от Бендер-Аббаса, через центр территории, на которую заявляет права керманская горнозаводская концессия, и дальше оно встретится с опционом Персидского железнодорожного синдиката на линию от Бендер-Аббаса до Кермана. С другой стороны, общество настаивает, чтобы Трансперсидская железная дорога получила права на минеральные залежи в полосе по обеим сторонам дороги. Таким образом приходится вести двойные переговоры: одни—относительно прав на минеральные залежи, и другие—для разрешения вопроса о правах на постройку железной дороги.

17. Некоторые предварительные шаги к этому уже сделаны, группа Гринвея (оба вышеупомянутые синдиката) обнаружила готовность итти на соглашение, и правительство его величества надеется, что обсуждение вопроса группой с делегатом, которого, как оно понимает, общество предлагает для этой цели послать в Лондон, приведет к удовлетворительному разрешению.

18. Копия этого меморандума передана непосредственно обществу с целью ускорения начала переговоров между обществом и группой Гринвея. Поэтому, может быть, будет полезно кратко изложить основные пункты, по которым последняя желает получить удовлетворительные заверения. Они следующие:

19. Полагая в основу предложение российского правительства в его меморандуме от (26) 13 февраля о том, чтобы потребная для Трансперсидской железной дороги полоса земли была отведена ей по обеим сторонам дороги вдоль всей ее длины под тем условием, что общество обязуется предоставить Керманскому горнозаводскому синдикату известную долю в разработке всех минеральных богатств, которые могут быть найдены в этой полосе, синдикат ставит свое согласие в зависимость от следующего:

(I) Защита интересов Персидского железнодорожного синдиката или объединение их на приемлемых условиях с интересами Трансперсидской железной дороги.

(II) Отказ от совместной разработки тех залежей ископаемых, на которые претендовал ранее горнозаводский синдикат, даже если окажется, что они находятся в полосе железной дороги. Эти залежи малочисленны, и правительство его величества готово просить синдикат указать ему заранее их положение и площадь, чтобы обеспечить интересы общества от повышенных требований синдиката, когда направление дороги уже будет фактически выяснено.

(III) Обеспечение достаточных транспортных средств для доставки ископаемой добычи синдиката и т. д. по железной дороге и для ее отправки из порта погрузки.

(IV) Поддержка России или, по крайней мере, прекращение ее сопротивления немедленному признанию персидским правительством керманской горнозаводской концессии.

20. (Конечно, предполагается, что все права на минеральные залежи, получаемые обществом или Керманским горнозаводским синдикатом, не относятся к нефти, поскольку правами на нее персидское правительство уже располагает во всей Южной и Центральной Персии).

21. Правительство его величества считает желательным напомнить также российскому правительству, что в связи с Трансперсидской дорогой обсуждались другие железнодорожные проекты. Оно полагает поэтому, что следует воспользоваться случаем, чтобы осветить и эти вопросы в настоящем документе, который должен окончательно и вполне установить позицию правительства его величества по всему вопросу в целом.

22. Российскому правительству известна поддержка, оказанная правительством его величества Персидскому железнодорожному синдикату не только в отношении линии Бендер-Аббас—Керман, о чем говорится выше, но также и в отношении линий, идущих от Мохаммера на Хоремабад, от Бушира на Шираз и от Бендер-Аббаса через Шираз на Ахваз. Российское правительство со своей стороны заявило решительное возражение против линии Бендер-Аббас—Шираз—Ахваз, которая может рассматриваться, по его мнению, только как продолжение Багдадской железной дороги, и затем, не возражая против других линий, заявило свое право на постройку или на преобладающее участие в постройке железных дорог от Исфагани на Шираз, от Исфагани на Ахваз, от Исфагани на Хоремабад, от Иезда на Шираз и от Иезда на Керман.

23. Если настоящие предложения будут осуществлены, то последняя линия сольется с Трансперсидской железной дорогой, но что касается других, то правительство его величества полагает, что имеется возможность для осуществления обоих, русского и британского, проектов, и оно не усматривает непреодолимых препятствий к одновременному осуществлению обоих проектов, а видит в нем скорее явные преимущества. По его мнению, первое и наиболее важное для российского правительства слияние, которое можно произвести, это продолжить линию Мохаммера—Хоремабад на Буружирд, Хамадан и Тегеран.

24. Что касается Багдадской железной дороги, то правительству его величества крайне желательно самым решительным образом рассеять предположение, имеющееся у российского правительства, что британские железнодорожные проекты в Персии преследуют цель соединения Багдадской железной дороги с Индией. Такое предположение никогда им не рассматривалось.

25. В заключение правительство его величества выражает надежду, что российское правительство поймет и оценит намерения, внушившие этот меморандум. Он не стремится ни избежать, ни сгладить те пункты, по которым невозможно, по политическим соображениям, полное единогласие обоих правительств; он основывается на убеждении, что соглашение, если оно достижимо, может быть лояльным и прочным только в том случае, если эти пункты разногласия будут ясно поняты как фактор, подлежащий признанию и образующий твердую границу, в пределах которой следует найти практически осуществимое решение, но он представляет собой искреннюю и серьезную попытку правительства его величества пойти на крайние уступки, не противоречащие его точке зрения на важнейшие условия, гарантирующие его политические интересы, в надежде на то, что российское правительство, воодушевленное таким же желанием, со своей стороны, обеспечит уступками окончательное осуществление Трансперсидской железной дороги.

Форейн Оффис, 8 апреля 1914 г.

№ 175. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 660. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Телеграмма № 134[1] получена.

Министр финансов разрешил Спицыну принять назначение советником хэйлунцзянского губернатора с сохранением должности редактора газеты „Юань-Дун-бао“. Инструкция Спицына должна быть выработана генеральным консулом в Харбине и управляющим Китайской Восточной ж. д.

Благоволите снабдить Траутшольда соответствующими указаниями[2].

[Сазонов.]

№ 176. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 662[3]. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Телеграмма № 92[4] получена.

Стоимость оружия, испрашивавшегося Сайн-Ноином во время пребывания в Петербурге, доходит до двух миллионов рублей. Нельзя не усомниться в посильности такого расхода для монгольского правительства, не говоря уже о том, что это оружие, если оно будет роздано по хошунам, может представить опасность для власти правительства хутухты. Наши винтовки оказались, например, у Чжа-Ламы, верность которого ургинскому правительству представлялась сомнительной. Отнесение сказанного расхода на новую

---

[1] См. выше № 74.

[2] В доверительном отношении ген. консулу в Харбине от 20/7 мая за № 85 по поводу инструкции Спицыну Граве писал: „Инструкция эта должна, без сомнения, носить секретный характер, и роль названного лица, как осведомительного органа в политическом отношении императорской миссии в Пекине и агентов министерства иностранных дел в Северной Манчжурии и в железнодорожных делах управления Китайской Восточной железной дороги, должна быть в ней точно определена. Кроме осведомления названных учреждений и лиц, г. Спицын должен способствовать улажению на месте в благоприятном для наших интересов смысле многочисленных вопросов, возникающих между нашей железной дорогой и китайскими властями, а равно, в случае обращения к нему наших консулов в Манчжурии, и тех вопросов, которые касаются круга ведения последних. В инструкции имеет быть ясно указано о необходимости г. Спицыну постоянно давать отчет о своих действиях императорской миссии и осведомлять о них подлежащих наших консулов. В случаях, не требующих отлагательства, он сносится с миссией по телеграфу через подлежащее консульство и за счет последнего“.

[3] Лит. копия.

[4] См. выше № 129.

ссуду особенно нежелательно. Не удастся ли вам убедить Сайн-Ноина отложить вопрос о приобретении оружия до приезда Козина, который уже выехал в Ургу. При его содействии могло бы быть определено, какая часть доходов монгольского правительства могла бы разумно тратиться на вооружения. В пределах обещанного нами количества монголы могли бы тогда приобретать у нас партиями желательное им оружие.

Сазонов.

№ 177. Заведующий отделом Среднего Востока управляющему канцелярией наместника на Кавказе.

Письмо № 262[1]. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Секретно.

Сегодня выезжает в Тифлис выходец из Турции курд Абдуррезак, хорошо известный кавказскому начальству. Во время довольно продолжительного пребывания его в С.-Петербурге у меня, по поручению г. министра иностранных дел, было несколько бесед с этим лицом, причем решено было впредь пользоваться услугами его в качестве нашего агента-осведомителя и проводника нашего влияния среди персидских и турецких курдов.

Одна из главных задач, возложенных пока на Абдуррезака,— способствовать возможному сближению курдов с армянами и айсорами, необходимость чего, в интересах самих курдов, он вполне оценил. Во исполнение этого Абдуррезак познакомился со здешними армянскими кругами и склонил их к образованию общества армяно-курдского сближения. По постановлению этого общества, предстоит ныне организовать таковое же в Тифлисе или другом подходящем пункте на Кавказе, чем Абдуррезак и предполагает заняться прежде всего. Это предположение вполне одобрено было гофмейстером Сазоновым.

Что касается непосредственного влияния на турецких курдов, то Абдуррезак развил здесь довольно обширную программу, в которую входили между прочим вопросы о постановке школьного дела, медицинской помощи, кредитных установлений и т. п. Однако многое из того, что им было предложено, представляется пока трудно осуществимым, и подробное рассмотрение этих вопросов отложено впредь до учреждения некоторых дополнительных консульств наших в Курдистане, когда представится возможным всесторонне изучить дело и наметить известную программу. Ему же

[1] Лит. копия.

было указано, что пока ему следует тщательно воздерживаться от каких-либо интриг против турецкого правительства и даже не появляться в непосредственной близости к турецкой границе.

Идея Абдуррезака о принятии им персидского подданства и о получении им, при нашем содействии, какого-либо высокого административного поста в персидском Курдистане представляется пока также неосуществимою. Не подлежит никакому сомнению, что шахское правительство, из-за опасений перед турками, которые неоднократно жаловались в Тегеран на Абдуррезака и настойчиво требовали его удаления из Персии, не рискнуло бы пойти на подобную комбинацию. Нельзя не опасаться и того, что осуществление последней могло бы не только отразиться весьма неблагоприятно на наших отношениях с Портою, но даже скомпрометировать все дело турецко-персидского разграничения, так как турки с полным основанием могли бы усмотреть в назначении Абдуррезака на пост в Курдистан меру явно вызывающего характера по отношению к ним. Поэтому решено, что из Тифлиса Абдуррезак отправится в Тавриз, где он временно будет иметь пребывание и постарается сблизиться с азербайджанским генерал-губернатором Шоджа-эд-Доуле, от которого в значительной мере будет в дальнейшем зависеть то или иное решение вопроса.

Передавая об изложенном, считаю долгом присовокупить, что еще до получения секретной телеграммы наместника его императорского величества на имя гофмейстера Сазонова от 16/3 декабря минувшего года за № 10783[1], а именно в ноябре минувшего года,

---

[1] В тел. гр. Воронцова-Дашкова от 16/3 дек. 1913 г. за № 10783 сообщалось: „Он [Абдуррезак] ходатайствует предложить свою программу организации персидских курдов и предлагает в этом деле свои услуги. В случае нашего отказа от них Абдуррезак намерен просить нашего посредничества в его примирении с турецким правительством. В случае неудовлетворения нами, возможно, что Абдуррезак обратится к германскому правительству, заинтересованность которого он правильно оценивает. Для нас выступление Абдуррезака в роли германского агента в Курдистане было бы весьма невыгодно. От службы германским интересам едва ли могло бы удержать его даже полное примирение с турецким правительством, при нашем посредничестве, ибо эта служба гарантировала бы ему покровительство Германии в Турции. С другой стороны, для нас было бы очень выгодно сорганизовать персидских курдов в желательном для нас направлении, тем более, что такая организация персидских курдов, несомненно, обеспечила бы нам в будущем решающее влияние на турецких курдов. Принимая во внимание, что Абдуррезак, ради принятия нами его услуг в Курдистане, готов отказаться от турецкого подданства и войти при нашем содействии в сношения с персидским правительством о легализации его положения в Персии, полагал бы, что нам следовало бы принять услуги Абдуррезака на определенных условиях; непременным условием является

Абдуррезаку была назначена материальная поддержка от министерства иностранных дел в размере 300 рублей в месяц, каковую он и будет получать впредь до того, когда удастся так или иначе обеспечить его положение.

Примите и пр.

[Клемм.]

№ 178. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Monsieur le Ministre,

J'ai à compléter ma dernière lettre en date du [3 avril] 21 mars ct.[1] en rendant compte de la séance de la Chambre des communes de lundi.

Cette séance consacrée à la seconde lecture du Home-Rule Bill aboutit à un vote, où le Bill passa par ce stage de la procédure parlementaire à une majorité de 80 voix.

Les débats se distinguèrent par beaucoup de modération de style et une prudence particulière. Chacun des orateurs principaux, sans modifier l'essentiel de leurs points de vue s'efforça d'arriver à un pas en avant dans le sens de la conciliation, un pas, il faut le dire, plus apparent que réel.

Mr. Redmond parla le premier. Il dit qu'au point où en étaient les choses, le Bill devait passer tel qu'il était. Pourtant dans l'intérêt de l'Irlande elle-même et pour éviter l'effusion du sang, qui selon lui était un moyen, dont on ne pouvait attendre aucun résultat satisfaisant ni permanent, il admit le projet de Mr. Asquith de l'exclusion temporaire de la province de l'Ulster.

Sir E. Carson répondit au chef des nationalistes après avoir polémisé contre les arguments en faveur du Home-Rule présentés par Mr. Redmond au point de vue irlandais pur par la définition de son opinion au même point de vue irlandais et en déclarant que le Bill actuel, tel qu'il était, ne répondit à aucun des besoins réels de l'Irlande. Cet exposé développé avec un talent tout spécial fut accueilli par la Chambre de manière à ne pas laisser de doute de son influence sur le vote final. Toutefois Sir E. Carson se fit fort de soumettre à l'opinion de l'Ulster un projet qui admettrait l'exclusion de l'Ulster

материальная поддержка его, которая, ввиду его очень стесненного в этом отношении положения, составляет, вероятно, главнейшую цель настоящей поездки в С.-Петербург".

[1] См. выше № 145.

sans terme fixe, mais de manière à ce que le sort final de cette province soit décidé non pas automatiquement, mais par le Parlement Britannique, après de nouvelles élections. En absence de Mr. Asquith et de Sir E. Grey c'est Mr. Birrel, secrétaire d'Etat pour l'Irlande, qui parla au nom du gouvernement. Cet homme d'Etat, dont la popularité a incontestablement pâli au cours des derniers événements ne sut apporter à la discussion rien d'essentiellement neuf. Il renouvela pourtant l'offre du gouvernement de procéder après Pâques à des pourparlers confidentiels.

Mr. Bonar Law, comme chef de l'opposition, prit alors la parole. Son discours, destiné surtout à appuyer le point de vue de Sir E. Carson, en se mettant pourtant au point de vue anglais, souleva à neuf la question constitutionnelle et soutint encore une fois qu'une loi de cette importance ne pourrait entrer en vigueur qu'après avoir consulté le pays par de nouvelles élections. Discutant les paroles tombées des lèvres de Sir E. Grey sur une solution possible par quelques mesures fédérales, il signala toute la difficulté et l'importance majeure d'une question qui demanderait une étude plus approfondie et prolongée que les circonstances ne le permettaient. Il opposa d'ailleurs le même principe d'élections préalables à toute solution de cette nature. Rien n'indique pourtant dans son discours qu'il se refuserait à des pourparlers que les orateurs précédents avaient paru admettre.

Votre excellence se rendra compte, j'en suis sûr, qu'en réalité non pas une question, mais deux se trouvent en jeu, celle de l'Irlande et celle du Parliament Act. Si Mr. Redmond et Sir E. Carson se sont occupés spécialement de la première, cette fois encore, comme dans toutes les discussions précédentes, Mr. Bonar Law et le gouvernement se sont trouvés aux prises au sujet de la seconde. Il pourrait paraître incroyable que le gouvernement se refuse à consulter les électeurs une dernière fois, mais en y consentant, il renoncerait à tout l'ordre de choses établi par le Parliament Act. Comme les choses étaient avant, la Chambre des Lords aurait forcé les élections en rejetant le Bill. Aujourd'hui la Chambre des Lords se trouve en ce sens muselée; c'est tout le parti unioniste et conservateur qui prend sa place pour forcer les élections, ce qui en pratique réduirait à néant l'efficacité du Parliament Act.

Il ne me reste plus qu'à attirer l'attention sur le vote; la majorité en faveur du projet gouvernemental a été de 80 voix, parmi lesquelles il faut compter 72 voix nationalistes et irlandaises; il ne reste par conséquent que 8 voix de majorité britannique. Ce nombre n'est pas absolument exact, accidentellement quelques voix ont pu être déplacées. Je crois que la majorité réelle serait de 12 voix.

Une marge aussi étroite doit pousser le gouvernment à l'extrême limite de la conciliation. Pourtant il reste en son pouvoir de faire passer le Bill en loi. Il faut observer que d'après la teneur compliquée du Parliament Act la sanction du roi ne fait entrer un acte en vigueur qu'après un temps déterminé; à supposer que la sanction royale pût être donnée en juillet, la loi ne serait appliquée qu'à peu près un an après.

D'après une opinion assez généralement répandue, c'est pendant cet intervalle que le gouvernement penserait à procéder à des élections. Quelqu'en soit le résultat, il est à prévoir que toute mesure de coercition serait par là évitée. Des élections suffisantes pour pouvoir porter au pouvoir les conservateurs, remettraient le tout en question, tandis qu'il ne faut oublier que l'opposition britannique a déclaré par la voie de son chef, Mr. Bonar Law, qu'elle accepterait le verdict du pays quel qu'il soit. Le cas échéant l'Ulster se trouverait complétement isolé et ne saurait plus guère porter ses exigences au delà de privilèges locaux qui ne feraient pas de difficultés sérieuses.

Les conclusions auxquelles j'arrive sont, je le sais, plutôt optimistes. Je suis loin de pouvoir rien garantir à ce sujet, mais il ne faut pas méconnaître l'importance de l'atmosphère beaucoup plus calme et très sérieuse qui s'est établie. Elle compte pour beaucoup dans l'opinion que je me permets d'émettre et que je base sur mes observations journalières.

Pour clore cette lettre je ne voudrais pas omettre de mentionner que, depuis peu, certains symptômes montrent qu'après un trop long assoupissement l'intérêt de l'Angleterre pour la politique étrangère semble renaître. On n'en parle pas encore beaucoup, mais on commence à en parler. Ceci pourrait avoir agi, plus qu'il n'y paraît, sur l'esprit qui guide aujourd'hui les partis dans leurs discussions sur la crise actuelle.

Veuillez agréer etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Я должен дополнить мое последнее письмо от [3 апреля] 21 марта тек. г. отчетом о заседании палаты общин, состоявшемся в понедельник. Это заседание, посвященное второму чтению законопроекта о гомруле, завершилось голосованием, которое дало законопроекту в данной стадии парламентской процедуры большинство в 80 голосов.

Прения отличались большой умеренностью тона и особенной осторожностью. Каждый из главных ораторов, не изменяя существа своей точки зрения, старался с своей стороны сделать еще один шаг к примирению, надо сказать, шаг скорее кажущийся, чем реальный.

Первым говорил г. Редмонд. Он сказал, что при существующем положении

законопроект должен быть принят в его нынешнем виде. Однако в интересах самой Ирландии, и для избежания кровопролития, от которого, по его мнению, нельзя ждать удовлетворительного или прочного результата, он принял проект г. Асквита о временном исключении провинции Ульстер.

Сэр Э. Карсон, возражая против доводов, высказанных в защиту гомруля с чисто ирландской точки зрения г. Редмондом, ответил лидеру националистов, став на его же точку зрения и заявив, что этот законопроект в его теперешнем виде ни в какой мере не отвечает действительным нуждам Ирландии. Это мнение, развитое им с исключительным талантом, было принято палатой, так что не оставалось сомнения относительно его решающего влияния на голосование.

Тем не менее сэр Э. Карсон искусно предложил общественному мнению Ульстера такой проект, который допустил бы исключение Ульстера на неопределенный срок, однако с тем, чтобы окончательная судьба этой провинции была решена не автоматически, но британским парламентом после новых выборов. В отсутствие г. Асквита и сэра Э. Грея от имени правительства выступил г. Биррель, статс-секретарь по делам Ирландии. Этот государственный деятель, популярность которого во время последних событий бесспорно потускнела, не мог внести в прения ничего существенно нового. Однако он повторил предложение правительства приступить после пасхи к конфиденциальным переговорам.

Тогда взял слово в качестве лидера оппозиции г. Бонар Лоу. В своей речи, которою он намеревался, став однако на английскую точку зрения, поддержать сэра Э. Карсона, он возбудил снова конституционный вопрос и доказывал еще один раз, что такой важный закон не может вступить в силу без обращения к стране посредством новых выборов. Обсуждая слова, оброненные сэром Э. Греем, о возможном разрешении проблемы посредством некоторых мероприятий федерального характера, он отметил всю сложную и чрезвычайную важность этого вопроса, требующего более углубленного и длительного изучения, чем допускают обстоятельства. Он противопоставлял, сверх того, всякому подобному разрешению вопроса принцип предварительных выборов. Однако в его речи ничто не указывает на отказ от переговоров, которые как будто допускались предшествующими ораторами.

Я уверен, что ваше превосходительство отдаст себе отчет в том, что фактически дело идет не об одном, а о двух вопросах, именно об Ирландии и о парламентском акте. Если г. Редмонд и сэр Э. Карсон занялись специально первым вопросом, то г. Бонар Лоу и правительство оказались на этот раз, как и во время всех предшествующих прений, в состоянии борьбы относительно второго вопроса. Может показаться невероятным, что правительство отказывается обратиться в последний раз к избирателям, но, идя на это, оно отказалось бы от всего порядка вещей, установленного парламентским актом. Если бы положение было такое же, как раньше, то палата лордов, отвергнув законопроект, вынудила бы к выборам. Сейчас палата лордов принуждена молчать: вместо нее к выборам побуждают унионистская и консервативная партии, что практически уничтожает значение парламентского акта.

Мне остается лишь обратить внимание на голосование; большинство в пользу правительственного проекта составило 80 голосов, среди которых насчитываются 72 голоса националистов и ирландцев: в итоге на долю британского большинства приходится лишь 8 голосов. Это число не абсолютно точно, так как несколько голосов могло случайно переместиться. Я думаю, что действительное большинство составляет 12 голосов.

Такая малая свобода действий должна толкать правительство на максимальную уступчивость. Тем не менее у него есть возможность превратить законопроект в закон. Надо заметить, что, согласно сложному парламентскому акту, санкция короля вводит закон в действие лишь по истечении определенного срока; если предположить, что королевская санкция может быть дана в июле, то закон будет применен лишь через год после этого.

Согласно довольно широко распространенному мнению, в течение этого промежутка правительство намеревается приступить к выборам. Каков бы ни был их результат, можно думать, что этим будут устранены все меры принуждения. Такие выборы, которые приведут к власти консерваторов, поставят все дело под вопрос, так как не следует забывать, что британская оппозиция заявила устами своего лидера г. Бонар Лоу, что она примет любое решение страны. В таком случае Ульстер окажется совершенно изолированным, и его требования не смогут пойти дальше местных привилегий, которые не составят серьезных затруднений.

Я знаю, что выводы, к которым я прихожу, являются скорее оптимистическими. Я далек от мысли что-нибудь в этом отношении гарантировать, но не следует недооценивать значительно более спокойной и очень серьезной атмосферы, которая сейчас установилась. Это оказывает большое влияние на мнение, которое я позволяю себе высказывать и которое я основываю на своих повседневных впечатлениях.

Заканчивая это письмо, я не хотел бы упустить случай упомянуть, что с недавнего времени некоторые признаки указывают на то, что интерес к иностранной политике, после очень длительного забвения, возрождается. Пока о ней говорят еще немного, но уже начинают говорить. Это могло оказать воздействие, в большей степени, чем кажется, на характер партийных споров по вопросу о теперешнем кризисе.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 179. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма[1]. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Копия в Лондон.

На сегодняшнем дипломатическом приеме австрийский посол высказал Думергу, что необходимо побудить Грецию немедленно очистить Эпир. Думерг ответил, что мысль о постепенном очищении Эпира возникла в Риме во время пребывания там Венизелоса. Ныне Думерг готов согласиться, что скорейший уход греческих войск весьма желателен, но при условии, что принц Вид по собственному почину представит греческому населению сказанной провинции надлежащие гарантии. Итальянский поверенный в делах высказался в том же смысле, как граф Сечен, и, кроме того,

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 86, № 1310, причем указан отсутствующий в публ. документе делопроизводственный № 90.

прибавил, что, по мнению римского кабинета, державы должны послать в Эпир своих военных агентов для наблюдения над происходящими там событиями. Думерг возразил, что мера эта кажется ему неудобной, ибо присутствие в Эпире иностранных военных агентов может быть истолковано, как признание самостоятельности этой провинции Албании. Князь Русполи пытался также убедить Думерга послать в албанские воды судно для воспрепятствования подвозу контрабанды повстанцам. Думерг отклонил и это предложение[1].

Извольский.

№ 180. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Получив телеграмму вашу от 29/16 марта за № 599[2], я не преминул тотчас распорядиться посильно собирать интересующие наше морское ведомство сведения касательно мер, принимаемых греческим правительством по усилению морских своих сил.

Само собой разумеется, здесь держат мероприятия эти в строжайшей тайне, вследствие чего данные мои пока крайне скудны. С ожидаемым сегодня приездом нашего морского агента значительно облегчится осведомительная задача.

Коснувшись на-днях вопроса усиления греческого флота, г. Стрейт сообщил мне, оставаясь однако в общих и неопределенных выражениях, что правительство все еще пытается приобрести одно или два судна. Насколько мне известно, все усилия в этом направлении до сих пор терпели неудачу. Тем более кажутся преждевременными недавние категорические заявления г. Венизелоса в палате о незыблемом сохранении Грецией в будущем морского владычества в Эгейском море. Слова эти отчасти рассчитаны были на успокоение встревоженного общественного мнения, отчасти же указывали на принятие каких-нибудь экстренных мер. Едва ли пре-

---

[1] Ссылаясь на публ. тел., Сазонов сообщил послу в Париже (копия в Лондон): „В разговоре с итальянским послом я отнесся, так же как и Думерг, отрицательно к предложению о посылке в Эпир военных агентов и об отправлении судна в албанские воды“ (тел. от 9 апр./27 марта за № 675).

[2] Тел. от 29/16 марта за № 599 Сазонов, указывая на то, что „сведения об усилении морских вооружений“ „имеют большое значение для морского ведомства“, предлагал „иметь постоянное наблюдение за этим вопросом“.

мьер основывал свою уверенность на заказанном[1] во Франции в Chantiers de la Loire (Saint Nazaire) боевой единицы свыше 20 000 тонн, имеющей быть готовой лишь через два года, а еще менее на строящемся, как говорят, в Англии 5 500-тонном крейсере. По всей вероятности, здесь продолжают добиваться какого-нибудь более близкого и осязательного результата.

Быть может, принимается в соображение морская программа начальника английской миссии адмирала Карра, о коей я имел честь вам недавно донести[2]. Программа эта, основанная на английском опыте морского дела, как известно, совершенно отрицает необходимость для Греции крупных единиц или дредноутов, что вызвало сильную полемику и возражения со стороны многих офицеров греческого морского штаба.

Из препровождаемого у сего объяснительного конфиденциального письма адмирала Карра на имя греческого морского министра, вы усмотрите, что начальник английской морской миссии убежден в возможности сохранения Грецией господства в Архипелаге и входе в Адриатическое море с помощью предположенной им флотилии легких судов, защищаемой тремя бронированными и тремя легкими крейсерами. В узких греческих водах, по его мнению, нет места крупным судам типа дредноутов; требуется, главным образом быстроходность, присущая крейсерам. Особенно же адмирал напирает на качество морского персонала и на нравственный подъем, считая даже возможным уступить в вопросе о приобретении судов более крупного размера и пойти на излишние затраты, если только действительно „моральный эффект", произведенный на личный состав флота, подчинен факту обладания большими морскими единицами.

При первом же свидании с нашим морским агентом я не премину сообщить ему имеющиеся у меня данные по вопросу об усилении греческого флота и поставить его с кем следует в сношения в целях успешного выполнения его командировки.

Примите и пр.[3]

Демидов.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Депешей от 25/12 марта за № 6 Демидов сообщал об интересе, проявленном общественным мнением Греции к вопросам морской обороны, и прилагал опубликованный греч. прессой секретный рапорт английского инструктора адмирала Карра Венизелосу, содержавший техническую программу создания греч. флота.

[3] Содержание приложенного к документу в копии письма адмирала Карра в основном изложено в тексте.

№ 181. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 119. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Получил № 654[1].

Совещания в Вене явно ведут к провалу дела интернационализации, и здесь укрепляется убеждение, что французская группа в этом отношении стакнулась с венскими банкирами. Доказательством тому служат: во-первых, включение в проект Витали условий, извлеченных из австрийской секретной записки, сообщенной мною при депеше [13 янв.] 31 декабря № 66[2]; во-вторых, предъявление французской группой громадной суммы в 50 миллионов франков, будто бы выпадающей на долю Сербии в случае интернационализации; наконец, в-третьих, то обстоятельство, что французские капиталисты через Дютаста уже теперь забегают вперед, предлагая услуги в иных комбинациях и требуя взамен этого передачи им концессий на железнодорожное строительство Сербии. Ввиду сего Пашич полагает, что Сербии поневоле придется остановиться на выкупе дорог, но окончательное решение может быть принято лишь после обстоятельного доклада сербских делегатов, вызванных из Вены. Более подробно излагаю дело в отправленной курьером депеше № 19[3].

Копии в Вену и Париж.

Гартвиг.

№ 182. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 33. 8 апреля/26 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В последнем заседании комитета партии „Единения и Прогресса“ особое внимание было уделено деятельности двух из наиболее видных членов нынешнего оттоманского правительства—военного министра Энвера-паши и морского министра Джемаля-паши.

Отдавая должное энергии и неутомимости военного министра, председатель комитета отметил ряд намеченных им мер к реорганизации и улучшению турецкой армии. Не довольствуясь усиленными упражнениями находящихся ныне в строю солдат, Энвер-паша решил призвать на известный срок всех способных к военной службе в возрасте от 24 до 31 года. Эта мера будет сперва

---

[1] См. выше № 166.
[2] См. т. I, стр. 9, прим. 2.
[3] См. выше № 171.

применена к столице и ее окрестностям, а затем распространится и на провинции.

Все военные упражнения в столице происходят под руководством германских инструкторов, от решения коих будет зависеть, насколько части войск, ныне находящиеся в Константинополе и его окрестностях, достаточно обучены, и подлежащие увольнению нижние чины могут быть отпущены в запас.

Так как вышеупомянутая мера, несомненно, повлечет за собою расходы для казны, то для облегчения бюджета военного ведомства Энвер-паша проектирует, с одной стороны, чтобы каждый из призываемых принес с собою провизии на сумму 5 пиастров (40 коп.), а с другой — предлагает уменьшить плату солдатам, доведя ее до 5 пиастров в месяц для первого года, 10 пиастров для второго года и 20 пиастров для третьего. Таким образом лишь на третьем году службы нижние чины станут вновь получать ту плату, которая до сих пор выдавалась им с самого вступления их в ряды армии.

Это предложение встретило возражение со стороны некоторых членов комитета не без основания указавших, что подобная экономия может вызвать сильное неудовольствие среди солдат, которое, в связи с существующим еще среди уволенных в отставку офицеров брожением, может привести к нежелательным последствиям.

Подобно военному министру и Джемаль-паша принимает все меры к улучшению личного состава флота. Все морские офицеры разделены на группы и проходят практические курсы занятий в Золотом Роге под непосредственным наблюдением английского адмирала Лимпус-паши. По мере окончания занятий эти группы выходят на миноносцах в Мраморное море и там продолжают упражнения под руководством английских офицеров. По завершении всех упражнений будет произведен выбор из числа принимавших в них участие турецких офицеров, и оказавшиеся неспособными к службе будут уволены в отставку.

Наконец, оба министра заняты изучением организации военно-морских транспортов, могущих в случае войны перевезти, по крайней мере, один корпус численностью в 20 000 человек, со всем багажом, военными припасами, лошадьми и пр. В этих видах главный интендант военного министерства Топали-Измаил-Хакки-паша предполагает заключить заем в 1½ миллиона турецких лир для приобретения для оттоманского пароходного общества, коего он состоит директором, транспортных пароходов, которые в мирное время могли бы обслуживать рейсы этого общества.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 183. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 34. 8 апреля/26 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к строго доверительному письму д. с. с. Гулькевича от [14] 1 мин. февраля[1] считаю долгом представить при сем сравнительную таблицу участия в оттоманском долге Франции, Германии и Англии, составленную в Совете оттоманского долга по поручению нынешнего его председателя г. Ла Булиньера и заключающую, по утверждению последнего, строго проверенные данные.

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из этой таблицы, на долю Франции приходится 53,83 % внешнего оттоманского долга, на долю Германии—34,01 % и на долю Англии—всего 4,96 %.

Примите и пр.[2]

М. Гирс.

№ 184. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 21[3]. 8 апреля/26 марта 1914 г.

Я уже имел честь донести вашему высокопревосходительству по телеграфу[4] сущность бесед моих с сэром В. Тоунлеем по поводу Эйн-эд-Доуле. В беседах этих я сослался на трудность для нас продолжать деловые сношения с министром, который пренебрегает русскими интересами и вообще ведет себя по отношению к нам неприязненно. При этом я указал на то, что губернаторы Решта и Мазандерана, сумевшие установить с нашими властями хорошие отношения, подвергаются, вероятно по этой причине, систематическим гонениям министра внутренних дел с целью прину-

---

[1] См. т. I, стр. 264, прим. 2.

[2] К депеше приложено „Répartition approximative entre la France, l'Allemagne et l'Angleterre de la dette extérieure de la Turquie". В дополнение к этой депеше Гирс препроводил „новую таблицу распределения внешнего оттоманского долга между Францией, Германией и Англией, заключающего в себе первую часть 5% займа 1914 г." „По расчету французского представителя в Совете оттоманского долга, на долю Франции приходится 61,96% всего долга, на долю Германии—28,02% и на долю Англии—4,09%. Остальные 5,93% распределяются между другими государствами" (депеша от 27/14 апр. за № 48 с прилож.: „Répartition approximative entre la France, l'Allemagne et l'Angleterre de la dette extérieure de la Turquie").

[3] Лит. копия.

[4] Тел. от 3 апр./22 марта за № 123, содержание которой воспроизведено в публ. депеше.

дить их покинуть службу, и на губернатора Казвина Зиа-эд-Доуле, которого задерживают в Тегеране и препятствуют ему вернуться к своему посту. Я привел еще и другие случаи, свидетельствующие о недоброжелательстве к нам названного министра. Приведенные примеры показались убедительными моему английскому коллеге, который признал, что при таких условиях мы действительно имеем основание жаловаться на Эйн-эд-Доуле, но в то же время выразил мнение, что, удалив этого сановника, мы создадим еще более запутанное положение, ибо откроем двери для интриг разных бездарных и корыстолюбивых претендентов на министерские портфели. Из нынешних министров единственным способным является Восуг-эд-Доуле, но, к сожалению, он слишком хлопочет за брата, Каввам-эс-Солтане, пользующегося далеко не лестной репутацией, сам же недостаточно импонирует, чтобы играть первенствующую роль. По мнению сэра В. Тоунлея, принятие окончательного решения в этом вопросе тормозится безразличием и колебанием самого регента, который как будто бы желает удаления Эйн-эд-Доуле, видя в нем опасного соперника, и в то же время опасается, что в случае ухода в отставку он сгруппирует вокруг себя недовольных и станет во главе оппозиции.

Непредвиденным инцидентом явилось выступление секретаря великобританской миссии г. Гарнета, который, узнав о намерении Эйн-эд-Доуле покинуть министерство, донес своему правительству (сэр В. Тоунлей отсутствовал из Тегерана), что названный персидский сановник уходит вследствие интриг коллег и настояний русских, и просил об оказании ему поддержки. Из Лондона ответили в смысле желательности оставления Эйн-эд-Доуле. Дело выяснилось по возвращении в Тегеран английского посланника, который поспешил повидаться с регентом и сообщить ему, что он не настаивает на оставлении Эйн-эд-Доуле. Я не счел нужным испрашивать аудиенцию у регента, дабы не подчеркивать нашего участия в этом внутреннем персидском вопросе, тем более, что нам без того припишут уход Эйн-эд-Доуле. Кстати, названный сановник в последнюю минуту просил сэра В. Тоунлея заступиться за него перед императорской миссией, объясняя все происшедшее происками врагов, добивающихся его удаления, чтобы легче поссорить оба правительства.

Пока министерский кризис еще не улажен, ведутся переговоры между регентом и председателем совета министров при участии великобританского посланника, хотя он и заверял, что не примет никакого участия в выборе кандидатов, не желая брать на себя

ответственность в таком деле. Впрочем сэру В. Тоунлею незачем лично вмешиваться во внутреннюю персидскую кухню, ибо эту работу весьма успешно за него исполняет восточный секретарь миссии Черчилль, пользующийся большим авторитетом у персов.

По последним сведениям, на место уходящего Эйн-эд-Доуле прочат не Каввам-эс-Солтане, как предполагалось раньше, а Сепехдара, которого готовы поддерживать и англичане. Я со своей стороны заявил, что с нашей стороны возражений против этого назначения не имеется. Возник также вопрос о замещении поста военного министра, так как Мостофи-оль-Мемалек давно подал в отставку и не занимается делами. На его место выставляют кандидатуру Арфа-эд-Доуле.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 185. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 671. 9 апреля/27 марта 1914 г.

Дополнение к отношению [14] 1 марта № 163[1].

Великобританское правительство сообщило нам конфиденциально текст соглашения своего с Германией относительно Шатт-эль Арабской навигационной комиссии, в котором заключаются следующие постановления, не вошедшие в наше соглашение с Англией по тому же предмету.

1) Британское и германское правительства будут совместно настаивать перед Портой на исправном содержании Шатт-эль-Араба и постоянном открытии его для мореходных судов без различия национальности и безотносительно к свойству груза.

2) Германское правительство будет признавать англо-турецкую конвенцию 29 июля 1913 года до тех пор, пока она не подвергнется существенному изменению и пока комиссия будет исправно выполнять свои обязанности.

3) Если когда-либо комиссия не в состоянии будет удовлетворить разумные требования торговли и откажется устранить причины жалобы, заявленной германским консулом, вопрос будет передан на рассмотрение беспристрастного эксперта, назначенного

[1] В отношении, отправленном в посольство в Константинополе 14/1 марта за № 163, сообщалось, что „первый департамент имеет честь препроводить при сем в имп. посольство для сведения в соответствующих копиях переписку между министерством иностранных дел и великобританским посольством в С.-Петербурге по делу о заключении англо-турецкого соглашения о разграничении к югу от Хавизэ и о судоходстве по Шатт-эль-Арабу“.

по соглашению между обоими членами комиссии и германским консулом; в случае же разногласия эксперт будет назначаться королевой нидерландской. Великобританское правительство приложит старания перед Портой к тому, чтобы указания эксперта были должным образом выполнены. Эксперт, если не будет решено иначе, имеет прибыть в Басру для расследования и даст заключение в течение 4 месяцев со времени предоставления ему материалов или со времени прибытия в Басру. Расходы по экспертизе в равной доле падут на заинтересованные правительства.

4) Комиссия будет по возможности придерживаться порядка, существующего в дунайской комиссии.

Великобританское правительство предлагает нам включить эти пункты в наше соглашение [1].

Благоволите спешно телеграфировать ваше заключение [2].

Сазонов.

№ 186. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 674. 9 апреля/27 марта 1914 г.

Ввиду усиленной деятельности по реорганизации и снабжению нашей армии, военное ведомство лишено в настоящее время возможности уступить сербскому правительству необходимые ему ружья и артиллерийские, интендантские и инженерные предметы вооружения и снабжения.

Благоволите, сообщив об этом Пашичу, выразить ему наше самое искреннее сожаление о невозможности удовлетворить его просьбу и оказать Сербии дружескую услугу. [Сазонов.]

№ 187. Товарищ министра иностранных дел управляющему министерством финансов Барку.

Письмо № 232. 9 апреля/27 марта1914 г.[3]

Секретно.

М. г. Петр Львович,

Ссылаясь на письмо свое от [9 октября] 26 сентября минувшего года за № 851 [4] по вопросу о погашении обязательств сербской

---

[1] В черновом отпуске далее зачеркнуто: „Со своей стороны считали бы эти пункты полезными, за исключением первого, излагающего обязанность производить давление на Порту".

[2] Тел. от 13 апр./31 марта за № 215 Гирс ответил: „Полагаю весьма желательным включить все четыре пункта в наше соглашение с Англией".

[3] Дата отправления письма обозначена неразборчиво: 27 марта или 24 марта.

[4] В письме на имя С. Ф. Вебера от 9 окт./26 сент. 1913 г. за № 851 Нератов сообщал, „что из переговоров... с сербским военным министром генералом Божа-

офицерской Задруги, имею честь уведомить ваше превосходительство, что директор Международного банка сообщил министерству иностранных дел о данном г. Пашичем, в бытность его в С.-Петербурге, обещании ответить к [28] 15 февраля с. г. по вопросу об ускорении платежей по означенному займу. Одновременно с сим г. Габриэль, указав на неполучение ожидаемого отзыва, несмотря на уже состоявшийся выпуск сербского займа в Париже, ходатайствовал о содействии министерства иностранных дел к удовлетворению упомянутых претензий Международного банка.

Императорский посланник в Белграде, коему было поручено войти в соответствующие переговоры с сербским правительством, ныне сообщил, что, ввиду возникших подозрений в неправильном ведении правлением Задруги денежных операций, назначена хозяйственная ревизия означенного учреждения. По выяснении обстоятельств дела сербским правительством будут приняты меры к возмещению Международному банку причитающихся последнему платежей. При этом, по мнению г. Пашича, было бы желательно командирование в Белград представителя банка для участия в ревизии.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать уведомить меня о последующем для поставления о том в известность императорского посланника в Белграде.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 188. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо[1]. 9 апреля/27 марта 1914 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении весьма доверительного письма вашего от [2 апреля] 20 марта за № 23 [2], я воспользовался первым случаем, чтобы еще раз затронуть в разговоре с г. Думергом вопрос о более тесном соглашении между Россиею и Англиею.

Г. Думерг самым положительным образом подтвердил мне свое намерение при предстоящем свидании своем с сэром Эдуардом

новичем выяснилось, что в его распоряжение будет предоставлена сумма, потребная для уплаты просроченных платежей, при реализации заключаемого во Франции внешнего займа в 250 миллионов франков".

[1] Опубл. Siebert, S. 808—809.

[2] См. выше № 137.

Греем высказаться о желательности подобного соглашения; по его мнению, ему будет весьма легко найти в пользу этой мысли убедительные аргументы, ибо вполне очевидно, что раз Франция имеет отдельные военно-морские соглашения с Россиею и Англиею, система эта должна быть координирована и дополнена заключением соответствующего соглашения между Россиею и Англиею; г. Думерг полагает, что русско-английское соглашение должно принять форму морской конвенции и что при этом, может быть, потребуются технические совещания между всеми тремя морскими генеральными штабами. Что касается сообщения нам, по уговору с сэром Эдуардом Греем, имеющегося между Францией и Англиею политического соглашения, то г. Думерг подтвердил мне, что Франция и Англия не связаны никакими положительными политическими обязательствами, но что если по ходу событий обе державы будут приведены к совместным активным действиям, они будут руководствоваться выработанными генеральными штабами техническими соглашениями; г. Думерг присовокупил, что он в точности не помнит, облечено ли вышесказанное в какую-нибудь определенную формулу, но обещал мне навести об этом справку в архиве министерства иностранных дел и иметь в виду высказанное нами пожелание.

До сих пор я не имел возможности возобновить разговор о настоящем предмете с президентом республики, который проводит пасхальные вакации на южном берегу Франции и вернется в Париж лишь накануне или даже, может быть, в самый день приезда английских гостей; но я постараюсь увидеться с ним тотчас по его приезде и объясниться с ним по содержанию вашего письма.

Примите и пр.

Извольский.

№ 189. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 9 апреля/27 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В специальном донесении моем от сего числа[1] подробно изложен ход работ парламентской комиссии по делу гг. Кайо и Мониса; как и следовало ожидать, комиссия эта придала своим заключениям весьма смягченный характер; во время двухдневных прений в палате главнейшие ораторы оппозиции в блестящих речах клеймили

[1] В депеше от 9 апр./27 марта за № 10 Извольский сообщал заключение парламентской комиссии по делу Рошетта.

нравы Третьей Республики и взывали к правосудию; в результате всего этого шума не только сказанные лица не подверглись никакой ответственности, но кабинет г. Думерга, открыто взявший их под свою защиту, получил довольно значительное большинство голосов; в тот же вечер палата депутатов разошлась до производства общих выборов и соберется в новом составе лишь 2 июня н. ст. До тех пор существование кабинета обеспечено, и единственною его заботою теперь является обеспечение собственной партии выборной победы. Чем окончатся выборы,—предсказать весьма трудно. Казалось бы, что недавние скандалы, опозорившие двух главных корифеев крайнего радикализма, должны нанести тяжелый удар этой партии и содействовать успеху умеренных республиканцев; но, по мнению сведущих лиц, на это вряд ли следует рассчитывать, и вероятнее всего, что под влиянием беззастенчивого давления тщательно подобранной администрации выборы дадут палату приблизительно прежнего состава, с некоторым, может быть, усилением социалистов. Теперь, в течение целого месяца, вся политическая и общественная жизнь Франции будет сосредоточена вокруг выборов; большинство министров уже разъехалось по своим избирательным округам; Думерг уезжает завтра; президент республики отчасти ради отдыха, отчасти же дабы подчеркнуть свою непричастность к избирательной борьбе, удалился, вместе с семьей, в нанятую им на южном берегу Франции виллу; он и большинство министров вернутся в Париж на несколько дней, лишь к приезду английской королевской четы, то есть к 21/8 мая, Думерг явится, может быть, к следующему дипломатическому приему, но при настоящих обстоятельствах разговоры с ним бесплодны, и придется, главным образом, обращаться к г. де Маржери, который будет поддерживать с ним сообщения по телефону.

Примите и пр.

Извольский.

№ 190. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Янушкевичу.

Рапорт № 70. 9 апреля/27 марта 1914 г.

Секретно.

Ваше превосходительство м. г. Николай Николаевич,

Не имея возможности сделать личный доклад вашему превосходительству, позволяю себе предпослать прилагаемым при сем двум секретным рапортам №№ 71 и 72[1] несколько слов о том поло-

[1] В рапорте от 9 апр./27 марта за № 71 сообщаются подробности о чрезвычайных военных расходах во Франции. Рапорт № 72 в деле не обнаружен.

жении, в коем находится обмен сведениями между союзными армиями в отношении крупных военных мероприятий, вызванных политическими событиями 1913 года.

Вашему превосходительству небезызвестны следующие главные фазисы военных реформ во Франции:

1) В 1905 году—введение закона о 2-летней службе.

2) Период 1905 по 1912 год—ослабление военного могущества вследствие пагубного влияния этого закона на боевую подготовку конных родов оружия вообще и на подготовку низшего командного состава во всех родах оружия в частности; с этим периодом совпало ослабление духа армии вследствие господства антимилитаристической пропаганды и вмешивания внутренней политики в жизнь армии.

3) 1912 год—начало периода возрождения духа армии при министерстве Мильерана; закон о кадрах артиллерии, который представил начало серии законов того же рода, направленных к повышению боевых качеств полевых и резервных формирований путем усиления и упорядочения вопроса о кадрах и штатах частей мирного времени. Те же законы вносили изменения в организацию родов оружия. (Loi des cadres de l'infanterie 23 déc. 1912, Loi des cadres de la cavalerie 21 mars 1913.)

4) 1913 год ознаменовался лихорадочною деятельностью военного министерства, дерзнувшего заставить страну принести несравнимую ни с чем жертву в виде принятия закона 7 августа о 3-летнем сроке службы, увеличившим[1] численность армии мирного времени приблизительно на 200 000 человек:

1 янв. 1913 г. состояло под знаменами 559 593 чел.
1 „ 1914 г. „ „ „ 792 423 „

Закон этот установил вместе с тем нормы штатного состава мирного времени, воспрещая опускать ниже этих норм численность войсковых единиц в течение круглого года.

Параллельно и независимо от расходов, вызванных введением закона 7 августа, исчисленных при министерстве г. Etiennes в 440 миллионов, а ныне—в 655 миллионов франков, составлена была большая 4-летняя программа технического переоборудования армии. Эта секретная программа была мне конфиденциально сообщена членами бывшего кабинета Barthou и представлена при письме

[1] Так в подлиннике.

на имя генерал-квартирмейстера за № 115 14 марта прошлого года. Она определяла расходы в 420 миллионов франков.

В феврале месяце этого года, будучи в отпуску в С.-Петербурге, я имел личный доклад у начальника генерального штаба генерала Жилинского, причем его высокопревосходительство, в ответ на доверие, оказываемое мне французским военным министерством, счел возможным поручить генерал-лейтенанту Беляеву ознакомить меня с нашей большой программой с тем, чтобы этим я мог не только отплатить доверием союзникам, но и дать в их руки основание для отпора тех упреков, кои начали раздаваться во Франции этой зимой по адресу нашей недостаточной военной готовности.

По возвращении моем из отпуска я устно нарисовал картину наших реформ начальнику французского генерального штаба генералу Joffre и военному министру г. Noulens; последнему лишь в самых общих чертах. Оба были крайне удовлетворены моим докладом, причем военный министр посвятил мне утро воскресного дня. В 3-часовой беседе г. Noulens лично исправлял цифры вышеупомянутой секретной программы, согласно новым данным, и выразил готовность и впредь пополнять те сведения, кои могли бы представить для нас специальный интерес. В разговоре об африканских войсках военный министр предложил мне между прочим сопровождать его в Марокко при проектированном путешествии его осенью этого года.

Вместе с тем в парламенте [в] эти дни происходили обсуждения военных законов первостепенной важности:

1) Новый закон о кадрах, примирявший разноречия, созданные законами о кадрах 1912 года и законом о 3-летней службе.

2) Закон о чрезвычайных расходах, вызванных как этим последним законом, так и программой технического оборудования армии. Детальное распределение расходов, сообщенное мне министром, в общем собрании палаты не приводилось.

Все эти материалы и создали для меня необходимость представить вашему превосходительству настоящие рапорты, из коих явствует, что Франция достигает в данное время предела своего военного могущества, после которого, в силу хотя бы только вырождения нации, надо ожидать падения ее значения как великой державы.

Социалистические депутаты определяют этот момент в 10 лет, но, не входя в обсуждение столь сложных и спорных вопросов, я считаю лишь долгом обратить внимание вашего превосходитель-

ства на выгоды, кои мы можем извлечь из расцвета военного могущества нашей союзницы в отношении ведения внешней политики на пространстве ближайших к данной минуте лет.

Примите и пр.

Гр. А. Игнатьев.

№ 191. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁄. Письмо[1]. 9 апреля/27 марта 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Продолжавшееся здесь всю зиму—с самого начала возникновения дела генерала фон Сандерса—неприязненное отношение к России, значительно улеглось за последнее время. Печать прекратила свои из дня в день повторявшиеся злостные против нас выпады, хотя она и не упускает случая, чтобы сообщить своим читателям тот, либо другой неблагоприятный для России факт, большей частью даже если не вымышленный, то, по меньшей мере, значительно извращенный. Подобное поведение германской печати не дает, очевидно, остыть тому возбуждению, которое так ярко проявилось в течение нынешней зимы.

Относительное это спокойствие, как мне постоянно приходится слышать из разных доверительных источников, однако же только кажущееся, и германское общественное мнение продолжает, будто бы, быть крайне возбуждено против России, а военные элементы и прусские юнкеры даже не скрывают своей воинственности. Возбуждение это и воинственность объясняются, повидимому, страхом перед ростом военного и экономического нашего могущества, а также и убеждением, что настоящий момент, когда далеко еще не закончены намеченные у нас военные преобразования, является для Германии наиболее выгодным для столкновения с ее восточным соседом; а в неизбежности, рано или поздно, подобного столкновения здесь, повидимому, не сомневаются.

В южных германских государствах враждебность против России, как видно, под влиянием Австрии, высказывается еще с большей силой, и проезжающие здесь соотечественники не раз уже передавали мне о слышанных ими в Южной Германии проявлениях этой враждебности.

Проверить самому достоверность доходящих до меня слухов мне, очевидно, не представляется возможным; может статься, что

[1] Опубл. Siebert, S. 714—715.

они сильно преувеличены, но доля правды тем не менее в них должна быть несомненно, тем более, что и само германское правительство, как я имел уже случай вас уведомить в письме от 12 марта/ 27 февраля [1], по моему глубокому убеждению, сильно встревожено мероприятиями, предпринятыми у нас с целью усиления как численного состава, так и боевой готовности нашей армии.

Несомненно также и то, что предстоящее в 1917 г. возобновление нашего торгового договора с возможностью несравненно менее выгодной для Германии конъюнктуры немало смущает берлинский кабинет, который ввиду этого, очевидно, предпочел бы продлить существующий у нас трактат на сколь возможно более продолжительный срок.

Несмотря на все вышесказанное, я склонен думать,—и то же самое подтверждается мне из указанных выше доверительных источников,—что берлинский кабинет не разделяет точки зрения воинственных элементов Германии, которые желают, будто бы, вызвать немедленное военное столкновение с Россией, и что он предпочел бы испробовать до решительного шага все мирные средства, дабы притти с нами к согласованию обоюдных наших интересов. Одним и главным из таковых средств является, конечно, торговый договор, и вот к нему-то здесь готовятся с особой энергией и строго выработанною системою [2].

Я не сомневаюсь, что германское правительство настолько сильно, что оно в состоянии будет сдерживать воинственные порывы германских шовинистов, но задача его была бы, очевидно, в значительной мере затруднена в случае возобновления враждебных против нас выступлений германской печати.

Каждая подобного рода газетная кампания оставляет неминуемо известный осадок, известную горечь, которые с течением времени и при повторениях легко могли бы достигнуть того предела, когда и правительство уже не в состоянии было бы остановить проявление германского шовинизма.

Ввиду того, что и в наших интересах, казалось, было бы избежать серьезного конфликта с Германией, и наша пресса должна была бы изменить враждебный свой тон по отношению к последней и не пользоваться каждым, иной раз даже самым незначительным инцидентом, чтобы упрекать Германию в ненависти ее к России.

Примите и пр.

С. Свербеев.

---

[1] См. т. I, № 434.

[2] Остальная часть письма у Siebert'a не опубликована.

№ 192. Посол в Вене министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 9 апреля/27 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В последние дни австрийская печать, вообще весьма нервно настроенная, разрешилась яростными нападками против венгерской партии независимости (Unabhängigkeitspartei) и в частности против графа Михаила Кароли за враждебное отношение партии к Тройственному союзу.

Поводом к этим нападкам послужила проектированная графом Кароли и другими членами партии поездка в Петербург.

Венгерская оппозиционная и независимая печать действительно в последнее время выступила в целом ряде статей против внешней политики правительства, приносящей, будто бы, с одной стороны, все интересы страны, и в особенности Венгрии, в жертву германской дружбе, с другой стороны, своим образом действия вооружающей против монархии Россию, а также государства Балканского полуострова.

Хотя граф Кароли, известный противник Тройственного союза, не в первый раз высказывает мысль о возможном сближении с Россиею, в особенности на экономической почве, тем не менее нет сомнения, что главным двигателем венгерской оппозиции в настоящем случае является ненависть к графу Тиссе и желание причинить неприятность и затруднить положение нынешнего правительства.

Весьма вероятно, что вышеозначенная поездка в Петербург членов венгерской партии независимости не состоится ввиду того несочувствия, которое проект этот встретил в Вене и в самой Венгрии, но в случае его осуществления нам следует иметь в виду, что инициаторы поездки преследуют главным образом свои личные цели, состоящие в том, чтобы тем или иным путем избавиться от ненавистного им главы венгерского правительства.

Примите и пр. Шебеко.

№ 193. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 9 апреля/27 марта 1914 г.
Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Mes télégrammes consécutifs[1] vous ont mis au courant des incertitudes du gouvernement grec quant aux décisions à prendre dans la question brûlante de l'évacuation de l'Albanie méridionale.

[1] См. выше № 117. Тел. от 7 апр./25 марта за № 78 Демидов сообщал о решении греч. короля „обождать еще ответа держав на последнюю ноту ранее отдачи приказания войскам очистить Южную Албанию",

Attendu que l'armée hellénique d'occupation, concentrée comme elle l'est en vue du départ définitif, ne sert plus au maintien de l'ordre dans les localités d'alentour, le gouvernement grec, désireux d'éviter toute espèce de participation des troupes régulières aux conflits qui se préparent, avait envisagé, ces jours derniers, la nécessité du retrait immédiat de ses effectifs. Mr. Streit m'en avait parlé comme d'une mesure quasi décidée qui devait être soumise à l'approbation du souverain; on n'attendrait point pour la mettre à exécution, la réponse des Puissances à la note hellénique. Les désordres sérieux de Coritza avec menaces d'extension, l'attitude peu conciliante du gouvernement albanais, l'irritation croissante des insurgés, enfin l'attente prolongée des décisions européennes,—étaient autant de motifs qui militaient en faveur de l'évacuation pure et simple. Car la situation, en effet, se tend de plus en plus; les nouvelles d'une mobilisation en Albanie, quelque précaire que puisse être le résultat de celle-ci, ne sont point faites pour calmer les esprits en Epire; il s'agit de parer à des complications extrêmement graves, aux dangers de conflits pouvant dégénérer en rencontres gréco-albanaises.

Toutefois, le lendemain même, [7 avril] 25 mars, jour de la fête nationale grecque, Mr. Streit me confia qu'après délibération avec sa majesté, il fut décidé d'ajourner l'évacuation jusqu'à la réception de la réponse des Puissances; le ministre ajouta qu'il avait reçu des renseignements sur l'imminence de la note responsive, exigeant le retrait à bref délai des troupes grecques. Il est parfaitement évident que le gouvernement, pressentant la substance de la réponse prochaine, a préféré rejeter sur les Puissances la résponsabilité de ce qui pourra advenir et se ménager ainsi une porte de sortie, une échappatoire aux récriminations certaines de l'opposition. Nous sommes restés, dira-t-il, au delà du délai fixé; l'Europe nous oblige à sortir, nous le faisons à contre coeur, sous pression. C'est adroit.

Mais ensuite? On aura beau s'en laver les mains, la situation n'en reste pas moins détestable, et le sang versé n'en rejaillira pas moins sur ceux qui, aux yeux de l'opposition, n'ont pas su défendre leurs frères opprimés.

L'Autriche, m'a dit Mr. Streit il y a quelques jours, avait au début préconisé le maintien de l'occupation, de crainte de troubles pouvant entraîner l'intervention de son alliée, l'Italie. La France, pour sa part, s'était déclarée plutôt en faveur de l'évacuation dans l'intérêt même de la Grèce, dont l'embarras est doublé du fait des divergences intéressées de certaines Puissances.

Le roi Constantin, reparti depuis pour Corfou, m'a de nouveau

longuement exposé ses doléances à l'endroit de la situation pénible qui lui était créée. Il m'a dit connaître le chiffre exact des troupes italiennes qui se concentraient sur le littoral „en face“, prêtes à toute éventualité. Il ne semblait guère trop appréhender la mobilisation d'Essad, qu'il qualifiait de bluff. Sa majesté était portée à croire que ce dictateur albanais travaillait pour son propre compte et que ses agissements étaient très personnellement intéressés: elle penchait pour l'évacuation immédiate de ses troupes. On a vu que le lendemain une décision temporisatrice fut adoptée.

Toujours est-il que la conjoncture actuelle comporte de gros périls; elle est à un tel point avancée que des concessions, en somme acceptables, ne sauraient plus satisfaire les insurgés; et il est désormais difficile de prévoir les événements qui suivront de près l'évacuation des troupes helléniques.

Veuillez agréer etc. Démidow.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Мои последовательные телеграммы ознакомили вас с колебаниями греческого правительства относительно решения, которое надлежит принять в жгучем вопросе эвакуации Южной Албании.

Принимая во внимание, что греческая оккупационная армия, сконцентрированная для предстоящей окончательной эвакуации, не может более способствовать поддержанию порядка в окрестных районах, греческое правительство, желая избежать всякого участия регулярных войск в подготовляющемся конфликте, обсуждало в последние дни необходимость немедленного удаления своих частей. Г. Стрейт говорил мне об этом как о якобы уже решенном мероприятии, которое должно быть представлено на одобрение монарха; для его осуществления отнюдь не будут ждать ответа держав на греческую ноту. Серьезные беспорядки в Корице, угрожающие распространиться, позиция албанского правительства, недостаточно примирительно настроенного, растущее возбуждение повстанцев и, наконец, длительное ожидание европейских решений представляют достаточные доводы просто в пользу эвакуации. Положение, в самом деле, становится все более напряженным; сообщения о мобилизации в Албании, какие бы малые результаты она ни дала, отнюдь не способствуют успокоению умов в Эпире; дело идет о предотвращении чрезвычайно больших осложнений и опасности конфликтов, которые могут превратиться в греко-албанские столкновения.

Тем не менее на другой день, [7 апреля] 25 марта, в день греческого национального праздника, г. Стрейт сообщил мне, что после обсуждения с его величеством, было решено отложить эвакуацию впредь до получения ответа держав; министр добавил, что им получены сведения, что в ответной ноте неизбежно требование об удалении греческих войск в короткий срок. Совершенно очевидно, что правительство, предвидя содержание предстоящего ответа, предпочло сбросить на державы ответственность за то, что может произойти, и таким образом подготовить выход или лазейку при несомненных обвинениях

со стороны оппозиции. Мы оставались, скажет он, сверх установленного срока, Европа обязывает нас уйти, мы это делаем против своей воли, под давлением. Это ловко.

Но что же будет дальше? Можно умыть себе руки, но положение не станет от этого сколько-нибудь лучше, и пролитая кровь все же падет на тех, которые, по мнению оппозиции, не сумели защитить своих угнетенных братьев.

Г. Стрейт сказал мне несколько дней тому назад, что Австрия рекомендовала в начале сохранить оккупацию из опасения осложнений, которые могли бы повлечь вмешательство ее союзника Италии. Франция со своей стороны высказалась скорее за эвакуацию в интересах самой же Греции, затруднения которой возрастают вследствие расхождения между интересами некоторых держав.

Король Константин, уехавший затем на Корфу, мне снова длительно выражал свои сетования по поводу создавшегося для него тяжелого положения. Он сообщил мне, что ему известно точное количество итальянских войск, концентрирующихся на противоположном побережьи и готовых ко всем возможностям. Казалось, он не слишком опасался мобилизации Эсада, которую он определял как блеф. Его величество был склонен думать, что этот албанский диктатор действует в своих собственных интересах и что в его поступках сказывается лишь его совершенно личная заинтересованность. Он склонялся в пользу немедленной эвакуации своих войск. Известно, что на следующий день было принято выжидательное решение.

Во всяком случае нынешнее положение таит в себе большие опасности; дело настолько продвинулось вперед, что уступки, в общем приемлемые, уже не могут удовлетворить повстанцев, и отныне трудно предусмотреть события, которые последуют тотчас же за эвакуацией греческих войск.

Примите и пр.

Демидов.

№ 194. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

% Телеграмма № 21. 9 апреля/27 марта 1914 г.

Ссылаюсь на свой № 19[1].

По имеющимся у меня данным, ходатайство короля Николая о приеме его при высочайшем дворе вызвано желанием путем личных объяснений и во время этого в своем роде покаянного визита попытаться восстановить доброе расположение к Черногории императорского правительства, поколебленное промахами черногорской политики, вполне здесь ныне сознаваемыми и единодушно оплакиваемыми и королем и населением. В частности, ходатайство о приеме у нас князя Данилы вызвано желанием короля упрочить положение своего наследника в глазах черногорского

[1] Тел. от 6 апр./24 марта за № 19 Обнорский, передавая текст ходатайства черногорского короля о приеме последнего в СПБ., указывал на крайнюю желательность этого визита. На царском экземпляре этой тел. имеется пометка Николая II: „Теперь приезд представляется неудобным". „Царское Село, [7 апреля] 25 марта".

населения, видящего в добрых и искренних отношениях своих государей с нашим правительством вернейший залог правильного развития политической жизни страны. Со своей стороны, я полагал бы, что посещение королем Николаем России, не предрешая ни в чем возбужденного ныне вопроса о возобновлении нашей военной субсидии, являлось бы в случае принятия у нас положительного решения по этому делу, естественным и необходимым предварительным шагом черногорского правительства на пути к восстановлению великодушной помощи и покровительства со стороны России.

Обнорский.

№ 195. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Письмо. Петербург, 9 апреля/27 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Положение дел на юге Албании, где восстание эпиротов в резкой форме ставит на очередь вопрос о проведении на месте установленной Лондонским совещанием южной границы нового государства, не могло не влиять на настроение албанских племен бывшего Скутарийского вилаета,—малиссоров, мирдитов и других, среди которых замечается сильное брожение.

Не предрешая вопроса о том, к каким мерам державы могут прибегнуть для окончательного установления по схеме Лондонского совещания южной и северной границ Албании, нельзя—смею думать—не предвидеть, что в случае, весьма вероятном, бессилия албанского правительства собственными средствами покончить с вопросом об Эпире, может последовать согласованное, сепаратное вмешательство в это дело Австрии и Италии, при условной или даже просто молчаливой санкции остальных держав, повидимому, мало склонных единодушно активно выступать на защиту своих решений относительно Албании. Трудно предположить при этом, чтобы в таком случае Австрия и Италия ограничили свое непосредственное вмешательство лишь областью, прилегающею к южной границе Албании, т. е. к Эпиру, и не выступили бы в тех же целях и с теми же средствами воздействия на северной и северо-восточной границе.

Зная настроения черногорских правительственных кругов и в руководстве опытом наблюдений над[1] тем, что происходило в Чер-

[1] Так в подлиннике.

ногории в ожидании и во время балканской войны, я имею основания опасаться, что там не устоят перед соблазном использовать австро-итальянское вмешательство для своих целей и проявят известную предприимчивость,—до вооруженных пограничных столкновений включительно,—способную обострить положение и вновь поставить на очередь вопросы, признаваемые нами ликвидированными.

Опасения мои находят подтверждение в полученных императорским министерством новейших данных о положении дел в Малиссии (донесение вице-консула в Скутари от [29] 16 сего марта за № 55)[1].

Если сообщаемые сведения точны, то уже теперь черногорское правительство, при сотрудничестве сербского представителя в Цетинье, принимает известное участие в возникших распрях между малиссорами, мирдитами и албанцами-мусульманами.

Я позволил себе привлечь внимание вашего высокопревосходительства на происходящее в Албании и на возможность австро-итальянского выступления лишь ввиду связи этих обстоятельств с предстоящим окончательным решением вопроса о форме и условиях оказания нами военной помощи Черногории.

Если бы мы ныне не признали нужным торопиться с решением этого вопроса в положительном смысле, то при обрисовывающемся положении дел на черногорско-албанской границе всякая проволочка может быть лишь полезна. Дело в том, что, как я имел честь доносить в свое время, пребывание наших офицеров в черногорской армии в эпоху войны или даже простых пограничных столкновений, сопряжено для нас с существенными неудобствами, которые более чем когда-либо могут сказаться и теперь в переживаемое смутное время.

Возобновление нашей военной помощи Черногории как раз теперь, несомненно, было бы истолковано черногорцами как поощрение нами скорейшего восстановления боеспособности черногорской армии и призыва ее к участию в разрешении спорных вопросов, могущих возникнуть при окончательном установлении на месте границ Албании.

Быть может, я ошибаюсь в моих предположениях о возможности активного выступления Австрии и Италии и в оценке воздействия в этом деле остальных держав; но, в руководстве не-

---

[1] Доверит. донесением от 29/16 марта за № 55 вице-консул в Скутари Ферхнин, ссылаясь на полученные сведения, сообщал о подготовляющихся новых осложнениях, „и притом пограничного характера".

давним прошлым [1], не могу не опасаться, что правительство короля Николая будет искать всяких предлогов для вмешательства в албанские распри в связи с проведением границы и не воздержится от попыток создать подходящие совершившиеся факты.

Почитаю поэтому своим долгом представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства о крайней, по моему мнению, желательности вполне определенного предупреждения черногорского правительства о том, что к оказанию нами военной помощи Черногории могло бы быть приступлено лишь по окончании всех работ по проведению границ Албании. Такое предупреждение наше умерит предприимчивость правительства короля Николая и оградит нас, как смею думать, от неудобств вроде тех, какие мы уже испытали за время первой балканской войны.

Примите и пр. А. Гирс.

№ 196. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

10 апреля/28 марта 1914 г.

L'aéroplane de Mr. Sikorsky est considéré comme un secret militaire de grande importance. Cependant, désireux de donner un témoignage de ses sentiments amicaux à l'égard de l'Angleterre, le gouvernement impérial serait disposé d'accéder au désir exprimé dans l'aide-mémoire de l'ambassade britannique en date du 1 avril/19 mars a. c. [2].

Le gouvernement impérial aime à espérer que de son côté le gouvernement anglais voudra bien donner une preuve de sentiments analogues envers la Russie et ne refusera pas son concours en vue de faciliter l'acquisition pour le compte du gouvernement russe des bâtiments de guerre en construction en Angleterre sur commande de la république du Chili.

Перевод.

Аэроплан г. Сикорского считается военной тайной, имеющей большое значение. Тем не менее, желая дать доказательство своих дружеских чувств в отношении Англии, императорское правительство склонно выполнить пожелание, высказанное в памятной записке британского посольства от 1 апреля/19 марта тек. года.

Императорское правительство надеется, что английское правительство со своей стороны пожелает дать доказательство подобных же чувств в отношении России и не откажет в своем содействии с целью облегчить приобретение российским правительством военных судов, строящихся в Англии по заказу республики Чили.

[1] Так в подлиннике.

[2] См. выше № 132.

№ 197. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 681. 10 апреля/28 марта 1914 г.

Сообщается в Париж.

Me réfère votre télégramme No. 103[1] et dépêches Hartwig [18] 5 novembre No. 52[2] et [2 décenbre] 19 novembre No. 56[3].

Мы не считаем возможным согласиться на представляющееся нам совершенно необоснованным австрийское предложение, и я уже ответил в этом смысле на подобное же обращение итальянского посла.

Возбуждение настоящего вопроса державами Тройственного союза объясняется, несомненно, образом действий английского делегата в разграничительной комиссии, и я прошу вас поэтому самым дружеским и доверительным образом переговорить с Никольсоном по этому поводу и просить преподать полковнику Гренету более определенные указания в смысле оказания поддержки его русскому и французскому сотоварищам.

[Сазонов.]

№ 198. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 682. 10 апреля/28 марта 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 70[4] получена.

Благоволите сообразоваться с инструкциями ваших француз-

---

[1] Тел. от 9 апр./27 марта за № 103 Эттер сообщил, что Австрия сделала в Лондоне предложение дать полномочия делегатам сев.-албан. разграничительной комиссии „разрешать принципиально все дальнейшие вопросы по разграничению по абсолютному большинству голосов, без предварительного представления их на усмотрение своих правительств, за исключением случаев равенства голосов". Раньше, чем ответить Австрии, Грей желал бы ознакомиться с взглядом росс. прав-ва, так как „Германия и Италия,—как добавляет Эттер,—повидимому, уже выразили свое согласие".

[2] В деп. Гартвига от 18/5 ноября 1913 г. за № 52 сообщалось, что „генерал Потапов... высказывает вполне основательное мнение о желательности временной приостановки занятий комиссии не только вследствие наступивших тяжелых климатических условий, но и ввиду более чем странного поведения английского делегата, который прочно примкнул к блоку комиссаров Тройственного союза, оставляя во всех политических вопросах своих русского и французского коллег в меньшинстве".

[3] В деп. Гартвига от 2 декабря/19 ноября 1913 г. за № 56 вновь сообщалось, что росс. „делегату попрежнему приходится вести неравную борьбу в сообществе одного французского сотоварища против всех остальных членов комиссии... Наш [росс.] комиссар... отмечает, что на совещаниях самым притязательным и несговорчивым оказывался английский делегат, который едва ли действует в согласии с полученными им инструкциями из Лондона".

[4] См. выше стр. 150, прим. 1.

ского и английского сотоварищей относительно ответа греческому правительству по вопросу об эвакуации Эпира.

[Сазонов.]

№ 199. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 92[1]. 10 апреля/28 марта 1914 г.

Копия в Константинополь.

Франко-турецкое соглашение о займе и экономических вопросах парафировано вчера Думергом и Джавид-беем; последний выезжает завтра в Константинополь.

Извольский.

№ 200. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 54. 10 апреля/28 марта 1914 г.

Получил № 657[2]. Копия в Париж.

Передали сегодня каждый отдельно проект ноты за отсутствием Ягова Циммерману. Английскому послу, который вошел к нему первым, помощник статс-секретаря сказал, что в этом выступлении подчеркивается противопоставление Тройственного согласия Тройственному союзу, на что Гошен ответил, упомянув о недавнем шаге Союза в Афинах, что мы, сговорившись между собой, не выступаем самостоятельно, а предварительно стремимся притти к соглашению с державами другой группировки. Циммерман не мог с этим не согласиться. Всем нам он указал на необходимость в целях облегчения единения в этом вопросе не оглашать этой ноты в прессе, так как в таком случае соглашение оказалось бы

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 88, № 1313, как тел. Извольского М. Гирсу в Константинополь.

[2] В тел. от 8 апр./26 марта за № 657 послам в Берлине, Вене и Риме (сообщается в Лондон) Сазонов, ссылаясь на тел. Бенкендорфа от 6 апр./24 марта за № 102 (см. выше № 155), предлагал, сговорившись с французским и английским послами, представить правительствам названных держав проект ответа Греции. В тел. от 9 апр./27 марта за № 23 Крупенский сообщал, что Сан-Джулиано счел проект ответа удовлетворительным. Тел. от 10 апр./28 марта (номер в лит. копии отсутствует) Шебеко сообщал, что граф Берхтольд сделал несколько возражений, напр., против неопределенности параграфа о воздействии на Турцию и др. Тел. от 11 апр./29 марта за № 39 Шебеко сообщал, что англ. прав-во предписало послу в Вене Бунзену передать Берхтольду, что державы должны сосредоточить все свое внимание исключительно на проекте, переданном Берхтольду, причем, по мнению Грея, представители держав в Афинах могли бы при передаче ноты „сделать устное заявление о желательности немедленного отозвания греческих войск из Албании“.

значительно затрудненным. Мне же он при этом добавил, что очень боится в этом отношении обычной нескромности „Temps". По содержанию ноты Циммерман сказал нам, что по первому его впечатлению она казалась бы приемлемой; его лишь смущает конец, в коем говорится, что державы готовы „user de toute leur influence sur la Porte"[1], так как эта фраза может предположить воздействие даже силой; поэтому он предпочел бы заменить эти слова предложенными уже берлинским кабинетом в Лондоне „conseils amicaux"[2]. Ответ Циммерман обещает дать по подробному изучению ноты и сношению с союзными кабинетами.

Сербеев.

№ 201. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 174[3]. 10 апреля/28 марта 1914 г.

Телеграмма № 592[4] получена.

Сейчас получил сообщение министра иностранных дел со следующим ответом китайцев на наши требования о железных дорогах в Северной Манчжурии: „Железнодорожные линии, поименованные в памятной записке русского посланника, имеют быть точно изучены Китаем и им же постановлено, какая из этих линий подлежит проведению. Если в данное время китайские денежные средства будут недостаточны, то Китай обратится к русским коммерсантам с переговорами о займе капиталов". Я ответил на словах министру иностранных дел, что считаю этот ответ неудовлетворительным и противоречащим всем тем дружеским заверениям, которые мне делались за последнее время по поводу моего отъезда как президентом и им самим, так и другими китайскими сановниками.

Крупенский.

№ 202. Справка, составленная в министерстве финансов.

10 апреля/28 марта 1914 г.

С.-Петербургским Международным Коммерческим банком в 1910 году был открыт сербской офицерской Задруге кредит в 4 000 000 франков. Означенный кредит гарантируется письменными обязательствами Задруги, подтвержденными военным министром и особой нотой королевского правительства. По открытому кредиту

[1] „Употребить все свое влияние для воздействия на Порту".
[2] „Дружескими советами".
[3] Опубл. Siebert, III, S. 277, № 1055.
[4] См. выше № 107.

Задруга уплачивает Международному банку % в размере на 1% выше официальной учетной нормы Banque de France, но во всяком случае не ниже 4% в год. Срок ссуды с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1915 г.

Система погашения кредита следующая:

в 1-й год		500 000 фр.
„ 2-й „		600 000 „
„ 3-й „		900 000 „
„ 4-й „		1 000 000 „
„ 5-й „		1 000 000 „

Неисправное исполнение принятых Задругой на себя обязательств началось в апреле 1912 г.

Несмотря на неоднократные сношения по сему поводу с нашим посланником в Белграде гофмейстером Гартвигом и делаемые им напоминания сербскому правительству, Задруга оставалась неисправным плательщиком.

Согласно последнему представлению Международного банка от [20] 7 января 1914 г. долг Задруги на [14] 1 января сего года составлял 3 728 000 фр.

Ввиду сего [7 февраля] 25 января 1914 г. бывшим министром финансов статс-секретарем Коковцовым было написано письмо председателю сербского совета министров Пашичу[1] с просьбою сделать распоряжение о погашении означенного долга из сумм, полученных от реализации сербского займа в Париже. Означенное письмо было вызвано также и тем, что сербским военным министром Божановичем еще в сентябре 1913 г. было заявлено, что долг Задруги может быть погашен из сумм, которые для этой цели предположено предоставить ему по реализации сербского займа в 250 000 000 фр.

По имевшимся в январе сего года в министерстве финансов сведениям, часть указанного займа была реализована.

№ 203. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

11 апреля/29 марта 1914 г.

При личном всеподданнейшем докладе [7 апреля] 25 сего марта, повергая на благовоззрение вашего императорского величества письмо иркутского генерал-губернатора с приложенными к оному прошениями урянхов хошунов Да и Бейсе[2], я почел долгом выска-

[1] См. т. I, № 196.

[2] См. т. I, стр. 535, прим. 4.

вать мои соображения о возможности удовлетворить эти прошения принятием населения Урянхайского края под русское покровительство. Этим путем, не отступая от высочайше одобренной программы мирного проникновения в сказанный край, мы положили бы конец колебаниям урянхов между присоединением к автономной Монголии и отдачею себя под русскую власть. Вашему императорскому величеству благоугодно было одобрить эти мои предположения.

Во исполнение таковой высочайшей воли приемлю смелость испрашивать, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть объявить через командированного в Урянхайский край чиновника управления иркутского генерал-губернатора населению пяти хошунов, на которые разделяется этот край, что отныне оно принято под покровительство российского правительства. По общепринятому порядку из факта установления протектората России над урянхами должно вытекать для них обязательство не иметь никаких сношений с иностранными властями иначе, как через посредство лица, представляющего на месте российское правительство. Равным образом все споры или столкновения между отдельными урянхайскими хошунами должны быть повергаемы на решение того же представителя в крае российского правительства [1].

Сазонов.

Согласен.

Ливадия, [17] 4 апреля 1914 г.

№ 204. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 93 [2]. 11 апреля/29 марта 1914 г.

Производит большое впечатление вчерашняя телеграмма агентства Гаваса из Петербурга, передающая статью „Вечернего времени“ и план более тесного соглашения и даже союза между

[1] В тел. от 18/5 апреля за № 721 иркутскому ген.-губернатору Сазонов, излагая свою докладную записку и сообщая резолюцию Николая II, добавлял: „Во избежание превратного и преувеличенного толкования этого нашего шага, покорнейше прошу не предавать его гласности“. В ответ на письмо Сазонова от 18/5 апреля за № 307, в котором председателю совета министров были сообщены публикуемая в тексте докладная записка и тел. иркутскому генерал-губернатору, Горемыкин в письме от 22/9 апреля за № 2283 писал: „Считаю долгом уведомить вас..., что я... приветствую принятую ныне меру, являющуюся дальнейшим шагом на пути, который, по моему глубокому убеждению, должен завершиться не чем иным, как полным и окончательным присоединением Урянхайского края к великой державной России“.

[2] Опубл. М., стр. 501.

Россиею и Англией. Сегодня газете „Эхо Парижа“ телеграфируют из Лондона различные комментарии, вызываемые там сказанной статьею. Обсуждение этого вопроса печатью накануне приезда сюда короля Георга и Грея очень нежелательно. Со своей стороны, стараюсь принимать меры к тому, чтобы крупные газеты в роде „Temps“ и „Matin“ не касались этого предмета, но за успех не ручаюсь.

Извольский.

№ 205. Посланник в Софии министру иностранных дел.

%. Письмо. 11 апреля/29 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со времени отправления моей депеши от [18] 5 марта с. г. за № 8[1] о стараниях болгарского правительства заключить заем, сюда приезжал предстаивтель берлинского „Disconto-Gesellschaft“, и, по сведениям, которые мне удалось получить от моего французского коллеги, имеющего постоянные сношения с здешними финансовыми кругами через своих многочисленных соотечественников-финансистов, теперь идет речь об устройстве берлинскими банками для Болгарии в течение ближайшего времени займа в 200—300 миллионов франков. Переговоры не вылились еще ни в какую определенную форму, но, повидимому, берлинские банкиры требуют обеспечения займа концессией на постройку железнодорожной линии, долженствующей соединить Хасково через вновь присоединенные фракийские земли с портом Лагос и на оборудование сего последнего, а также обещанием делать военные заказы в Германии.

Эти сведения, сообщенные здесь французскому посланнику, подтверждаются совершенно другим путем, идущим из Парижа, и вот в какой форме: здешний главный директор Dette Publique г. Стоянов, человек, по своему положению совершенно независимый от правительства, писал недели три тому назад главному директору парижского Banque de Paris et des Pays Bas, являющегося, как вашему высокопревосходительству известно, тем учреждением, которое устраивает все болгарские финансовые дела во Франции, что теперешнее болгарское правительство проектирует заем в Берлине на вышеприведенных условиях и что он, Стоянов, считает своим долгом предупредить об этом la Banque de Paris, так как находит эту операцию нежелательной для Болгарии и опасной для ее будущего кредита. В своем письме г. Стоянов выражает опа-

[1] См. выше № 43.

сение, что обращение Болгарии к другим денежным рынкам вызовет неудовольствие в Париже и закроет для Болгарии на будущее время рынок французский, между тем как страна не может удовлетвориться проектируемым ныне небольшим займом, который весь уйдет на самые неотложные нужды и ни в какой своей части не будет употреблен на столь необходимое для Болгарии возрождение после пережитых ударов. Это письмо было передано директором Banque de Paris во французское министерство иностранных дел, а последнее препроводило его г. Панафье. Вероятно, оно уже известно вашему высокопревосходительству через наше посольство в Париже.

Если бы подобное письмо было написано кем-нибудь из теперешнего правительства, в нем можно было бы видеть шантаж и желание заставить Париж во что бы то ни стало сделать просимую ссуду; но г. Стоянов в этом отношении вне подозрений и просто смотрит несколько дальше и более с государственной точки зрения, чем нынешние правители, которым нужен лишь временный успех и материальные выгоды, которыми обыкновенно сопровождается здесь для правительства всякая финансовая сделка.

Г. Панафье оценивает этот шаг г. Стоянова совершенно так же, как и я, и доносит в том же смысле в Париж, прибавляя, что, так как почти наверное берлинские банки, не имеющие теперь свободной наличности, спекулируют на французские деньги, то было бы крайне неполитично дать возможность французским капиталам сослужить службу немецкому влиянию здесь и обеспечить Германии военные заказы. Ввиду этого французский представитель лишний раз указывает своему правительству на необходимость воспрепятствовать этому займу путем запрещения парижским банкам дать немецким необходимые средства. По словам г. Панафье, у него есть известия из Парижа, что правительство республики, разделяя его взгляд, продолжает твердо держаться мнения, что французские деньги не должны притти к болгарам без должного обеспечения.

Как я уже имел честь упомянуть выше, переговоры по займу в Берлине не привели еще ни к каким положительным результатам, но если бы таковые были достигнуты впоследствии, то вышеупомянутая форма займа, с обеспечением последнего железнодорожными и другими концессиями, явилась бы для Болгарии совершенно новою и потребовала бы специального закона; при обсуждении сего последнего в народном собрании могут, конечно, представиться большие трудности.

Я воспользовался вчерашним свиданием своим с начальником тайного кабинета короля, чтобы спросить его в разговоре, что верного в циркулирующих слухах о займе, на что г. Добрович сказал мне, что Радославов действительно старается его заключить и еще на-днях ему говорил, что не теряет надежды. Министр финансов в заседании народного собрания [апреля] 28 сего марта высказался еще определеннее, указав, что предполагаемый им заем будет непременно заключен, и притом на гораздо более выгодных условиях, чем недавние займы соседних государств, территориальные приобретения коих после войны значительно превосходят болгарские. В разговоре с г. Добровичем я постарался осветить все отрицательные для Болгарии стороны подобного займа: нынешнему правительству, не внушающему доверия ни нам, ни Франции, вряд ли удастся получить сумму, необходимую для того, чтобы поставить государственную и экономическую жизнь страны на действительно прочные и разумные основания; в лучшем случае будет получена сравнительно ничтожная сумма, и то на весьма тяжелых для страны условиях; сумма эта разойдется на самые неотложные нужды,—уплату летучих долгов, ликвидацию реквизиционных свидетельств и т. п.,—а когда ход государственной жизни страны потребует новых и притом более крупных средств на капитальные нужды, Болгария очутится перед закрытыми дверями парижского рынка.

Признавая, что заключение займа, даже на невыгодных основаниях, может несколько упрочить положение настоящего правительства, я намеренно остановился подробно на этом вопросе с Добровичем, который, без сомнения, передаст мои слова королю.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 206. Нота французского посла в Петербурге министру иностранных дел.

№ 110. 12 апреля/30 марта 1914 г.

Monsieur le ministre,

Le 25 février dernier, j'ai eu l'honneur d'écrire à votre excellence en la priant de vouloir bien faire part à Mr. le chef d'état-major de l'armée russe du désir qu'avait le gouvernement de la République de le voir venir en France cette année pour y rencontrer, suivant une heureuse tradition, Mr. le chef d'état-major de l'armée française.

Mr. le général Gilinsky, ayant été depuis lors remplacé dans les hautes fonctions qu'il occupait, c'est à son successeur, Mr. le général

Ianouchkévitch que je serais reconnaissant à votre excellence de faire parvenir l'invitation du gouvernement de la République.

Veuillez agréer etc. Paléologue.

Перевод.

Г. министр,

25 февраля тек. года я имел честь писать вашему превосходительству и просил вас сообщить г. начальнику генерального штаба российской армии пожелание правительства республики, чтобы он посетил в этом году Францию для традиционной встречи с начальником генерального штаба французской армии.

Вследствие того, что г. генерал Жилинский с тех пор оставил ту высокую должность, которую он занимал, я был бы признателен вашему превосходительству за передачу его преемнику г. генералу Янушкевичу приглашения правительства республики.

Примите и пр.

Палеолог.

№ 207. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 12 апреля/30 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ввиду продолжающегося отсутствия в кабинете министра иностранных дел, я время от времени вижусь и говорю с начальником тайного кабинета короля—Добровичем, доверенным лицом короля, в течение слишком 20 лет неизменно пользующимся доверием его величества. Через него я узнаю разные интересующие меня сведения, через него же довожу до короля то, что признаю необходимым.

В одном из писем [1], отправляемых с сегодняшним курьером, я отдаю отчет о беседе, которую я имел с Добровичем по поводу болгарского займа.

Далее разговор коснулся работы правительства с открывшимся 10 дней тому назад народным собранием; мой собеседник высказал предположение, что правительству удастся наладить эту работу. На это я ему заметил, что стоит ли королю поддерживать во что бы то ни стало столь дискредитованное и в стране и за границей правительство, и упомянул о том своем разговоре с королем, о котором я доносил вашему высокопревосходительству в секретном письме от [19] 6 февраля с. г.[2] и в котором я убеждал короля не бояться антидинастических происков шефов оппозиционных партий.

---

[1] См. выше № 205.

[2] См. т. I, № 291.

Мне показалось, что Добрович, являющийся верным отголоском взглядов и настроений короля, хотя и указал на отсутствие сплоченности среди оппозиционных партий, но не особенно заступался за правительство и даже, понизив голос, сказал мне, что не разделяет опасений короля по отношению к главе партии народняков Тодорову, которого считает самым способным и самым талантливым государственным деятелем Болгарии. Затем я указал Добровичу на огромный ущерб, который происходит для страны от отсутствия в столь важный для Болгарии политический момент министра иностранных дел. На отсутствие это жалуются все иностранные представители, избегающие обращаться к Радославову, который, хотя и заведует министерством иностранных дел, но совершенно внешних дел не знает и не интересуется ими. Я затронул этот вопрос потому, что из ответа на него надеялся вывести заключение, в какую сторону будет склоняться в ближайшем будущем курс внешней политики короля. Добрович ответил, что Радославов сам указывал королю на неудобство заведывания им внешними делами страны при условии, что на его руках находится председательство в совете министров и министерство внутренних дел, но что король пока не принял по этому вопросу никакого решения.

Затем я спросил у Добровича, какое значение король хотел придать пожалованию на-днях ордена Радославову. Добрович сказал, что у последнего, несмотря на то, что он часто занимал высокие правительственные посты и был неоднократно председателем совета министров, не было никакого болгарского ордена, что король искал для пожалования удобного случая и что пожалованию этому не нужно придавать особого значения. Я ответил, что никак не могу согласиться с этой точкой зрения и что меня скорее удивило это отличие, так же как удивило то, что некий Софроний Ников, подробности о котором я сообщал вам в депеше от [31] 18 марта за № 9[1], очевидно, с согласия военного министра допускается в офицерские собрания и казармы, где произносит речи против России, не встречающие впрочем никакого сочувствия слушателей. На попытку Добровича придать выступлениям Никова частный характер увлекающегося политикана, я возразил, что это было бы так, если бы он произносил свои возмущающие народную совесть речи в кофейнях или других частных помеще-

[1] В депеше от 31/18 марта за № 9 Савинский упоминал о „политической проповеди в войсках", направленной против России. „Проповедь" эту вел „в Филиппополе расстриженный русский монах Софроний Ников, бывший впоследствии на болгарской военной службе и даже отличившийся при взятии Адрианополя".

ниях, но что при данных условиях я придаю им совершенно другой характер и настоятельно прошу его обратить самое серьезное внимание военного министра на недопустимость подобного явления. Заметив принятый мною тон, Добрович обещал тотчас же повидаться и переговорить с генералом Бояджиевым.

В конце разговора я сделал Добровичу то предупреждение, о котором я писал в депеше от [2 апреля] 20 марта № 11 [1] относительно банд. Я сказал, что я не верю сербским преувеличенным опасениям, но что боюсь вместе с тем, что банды формируются и что если правительство не участвует непосредственно в их образовании, то во всяком случае относится к ним покровительственно; что я считаю это крайне плохим средством для Болгарии восстановить свой утраченный престиж в глазах и соседей, и великих держав, которые строго осудят всякую попытку внести новую смуту и осложнения в еле успокаивающееся политическое положение на Балканах. Добрович уверял меня, что банд не существует, что правительство отнеслось бы к их существованию самым отрицательным образом, понимая, что то, что было возможно в турецкие времена, стало недопустимым теперь, и т. д.

Главной целью настоящего моего посещения Добровича было указать королю на своевременность перемены теперешнего правительства; сделать это в более категорической форме, форме личного разговора с королем, я признавал пока преждевременным и неосторожным и поэтому прибег к этому верному средству довести до сведения короля мой взгляд. Чтобы придать моему шагу большее значение, я просил моего французского и английского коллег, часто говоривших мне о желательности подчеркивать нашу солидарность, найти случай повидаться на этих же днях с г. Добровичем и высказаться в том же смысле. Г. Панафье и г. Бакс, вполне разделяя мое мнение, что подобного рода образ действия произведет впечатление на короля, обещали мне свое содействие.

Примите и пр. А. Савинский.

№ 208. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 214 [2]. 12 апреля/30 марта 1914 г.

Во время берлинских переговоров относительно разграничения сфер экономических интересов Франции и Германии между Харпутом и Диарбекиром предметом разногласия служили, по имею-

[1] См. выше № 140.
[2] Царск. экв.

щимся у меня сведениям, рудники близ Арганы. После продолжительного торга французская и германская группы пришли, будто бы, к соглашению образовать для эксплоатации их франко-германский консорциум. Ввиду того, что рудники находятся в Диарбекирском вилаете, входящем собственно в нашу область, в которой мы заинтересованы не менее остальных держав [1], считаю долгом высказать убеждение о крайней желательности оказать давление на указанные выше группы, в целях предоставления русским промышленникам одной трети предприятия. В случае получения согласия французов и немцев, исключаю возможность опасения встретить противодействие со стороны Порты. Необходимые капиталы найдутся здесь на месте. Предоставлением доли участия России в сказанном деле создалось бы новое звено проникновения и столь желательного постепенного утверждения нашего влияния в сопредельной с нами области Турции [2].

Гирс.

Да.

Ливадия, [18] 5 апреля 1914 г.

№ 209. Журнал совещания по вопросу о возобновлении Россией военной помощи Черногории [3].

13 апреля/31 марта 1914 г.
Секретно.

Председатель совещания: начальник генерального штаба генерал-лейтенант Янушкевич; члены совещания: от министерства иностранных дел—товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов, начальник Ближневосточного отдела министерства камергер князь Трубецкой и российский императорский посланник в Черногории действительный статский советник Гирс; от главного управления генерального штаба: генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-лейтенант Данилов и помощник 1-го обер-квартирмейстера главного управления генерального штаба генерал-майор Монкевиц.

---

[1] На полях против этих слов царская помета.

[2] Подтверждая получение публ. тел., Сазонов ответил: „Предварительно каких-либо переговоров по вопросу об участии наших капиталистов в деле эксплоатации рудников в Диарбекирском вилаете было бы желательно иметь определенное предложение того или иного лица или торгового учреждения, которое могло бы получить нашу поддержку в своих переговорах о франко-германской группе" (тел. от 22/9 апр. за № 748).

[3] Маш. копия, не заверенная. Заголовок подлинника.

Действительный статский советник Гирс, сославшись на свое письмо на имя министра иностранных дел от [23] 10 марта 1914 года[1] по вопросу о возобновлении Россией военной помощи Черногории, дополнил изложенные им в письме взгляды на этот вопрос, отмечая, что коренное изменение характера помощи, оказываемой Черногории, должно заключаться, главным образом, в совершенном устранении какого-либо вмешательства короля Николая как в деле подготовки армии, так и в деле расходования отпускаемых на это Россией сумм.

Генерал-лейтенант Данилов высказал, что имеющегося в настоящее время ассигнования в 600 000 рублей на оказание военной помощи Черногории безусловно недостаточно, если задаться достижением положительных результатов, и что поэтому, в случае возобновления нашей инструкторской деятельности в королевстве, придется испросить в законодательном порядке дополнительные ассигнования, что неминуемо вызовет очень много затруднений. Поэтому предварительно рассмотрения вопроса, какие расходы выпадут на долю России, в случае возобновления нашей военной деятельности в Черногории, необходимо точно установить, какую цель ставим мы себе этой помощью: создание ли достаточно сильной армии для оттяжки, в случае войны с Австро-Венгрией, части сил последней на противоположный нашей западной границе фронт, или же мы имеем в виду ограничиться более скромной задачей не допустить приглашения в Черногорию офицеров других армий и ведение нашими офицерами дела организации вооруженных сил Черногории без особого напряжения, дабы не создавать армии, могущей противодействовать слиянию в будущем Черногории с Сербией, или же явиться серьезным орудием в руках короля Николая для нежелательных нам выступлений.

До настоящего времени заметно в этом вопросе некоторое колебание. Главными доводами против расширения помощи являются следующие: 1) чем сильнее будет черногорская армия, тем более сильным будет в руках короля Николая оружие для самостоятельного предпринятия каких-либо действий, не входящих в расчеты как России, так и соседних балканских государств; 2) усиление черногорской армии и руководство Россией ее развитием и усовершенствованием может повлечь за собою замедление естественного течения к слиянию Черногории с Сербией, и 3) трудно рассчитывать на успешное проведение через законодательные учре-

[1] См. выше № 67.

ждения вопроса о дополнительных ассигнованиях при возобновлении нашей военной деятельности в Черногории.

Ссылаясь на принятое в совещании [3 февраля] 21 января с. г.[1] решение поручить главному управлению генерального штаба составить подробный расчет, какие средства будет нужно ассигновать при возобновлении Россией военной помощи Черногории, генерал-лейтенант Данилов ознакомил совещание с содержанием составленной в главном управлении генерального штаба по сему поводу записки, из которой видно, что расходы, вызываемые возобновлением вышеуказанной деятельности, выразятся в 8 285 127 рублей единовременно и 2 431 043 рубля ежегодно. К этому генерал-лейтенант Данилов присовокупил, что указанные цифры подсчитаны так, что они являются минимальными, при условии лишь сносной постановки дела.

При этом по поводу спорного вопроса о создании в Черногории кадетского корпуса главное управление генерального штаба взглянуло на вопрос таким образом, что создание корпуса офицеров в Черногории путем командирования молодежи для подготовки хотя бы в Россию нежелательно по тем причинам, что, во-первых, требования, предъявляемые к офицерам русской армии, неизмеримо выше тех, которые предъявляются к черногорским офицерам, как офицерам милиционной армии, что вызывает необходимость продолжительного обучения в общих и специальных военноучебных заведениях, а во-вторых, уклад жизни офицера в Черногории совершенно не соответствует укладу жизни русского офицера, более культурного, а следовательно, и более требовательного. Поэтому можно предполагать, что поживший в России черногорский юноша по возвращении в Черногорию не удовлетворится той обстановкой, в которую он попадет, и покинет ряды черногорской армии.

По мнению главного управления генерального штаба, необходимо создать в Черногории же такое военно-учебное заведение, которое готовило бы офицеров в кратчайший срок, не задаваясь широким их образованием и не отрывая молодежи от родной земли и простых привычек.

Таким образом, по мнению генерал-лейтенанта Данилова, рассматриваемый в совещании вопрос может быть разрешен двояко: 1) или Россия будет впредь только для вида продолжать свою деятельность в Черногории, ограничиваясь расходами в 600 000 рублей ежегодно и командированием 3 инструкторов, и при этом не извлечет для себя никаких существенных выгод с военной точки

[1] См. т. I, № 165.

зрения, так как черногорская армия по-старому будет неорганизованной и необученной, или же 2) Россия действительно возьмет в свои руки подготовку черногорской армии, что повлечет за собой крупное увеличение расходов, приблизительно в норме, исчисленной главным управлением генерального штаба.

Первое решение, удовлетворяя, может быть, политическим требованиям, отнюдь не удовлетворит требований чисто военных; при втором же решении будет создана крупная военная сила, которая однако будет полезна России лишь в случае полного подчинения ее голосу России. В оценке того, на какой путь стать,—вся сущность вопроса.

Гофмейстер Нератов с своей стороны высказал, что с точки зрения министерства иностранных дел отнюдь не желательно предоставлять в руки короля Николая крупной военной силы, которая могла бы быть им использована в нежелательном для нас направлении, особенно при разрешении вопроса о слиянии Черногории с Сербией, к чему уже теперь начинают формироваться течения как с той, так и с другой стороны. При этом, согласно сообщению гофмейстера Нератова, до сведения сербского правительства уже доведено, что со стороны России такое слияние препятствий не встретит.

Полный отказ от возобновления нашей деятельности в Черногории также не входит в расчеты министерства иностранных дел, потому что при нынешнем шатком положении королевства весьма желательно там иметь наблюдение и некоторую силу, на которую можно было бы опереться.

Как разрешить этот вопрос,—является компетенцией военного ведомства, но, повидимому, является возможность остановиться на формировании в центре государства небольшого отряда при помощи наших инструкторов и с привлечением к расходам также и черногорской казны.

Генерал-лейтенант Янушкевич обратил внимание совещания на то, что ожидать успеха в деле организации черногорской армии можно лишь в том случае, если все дело будет в русских руках, причем последнее станет возможным только при условии ассигнования необходимых на это средств, так как рассчитывать на черногорскую казну вряд ли возможно.

Генерал-лейтенант Данилов по поводу мнения товарища министра иностранных дел высказал, что содержание постоянного отряда черногорских войск, о котором упомянул гофмейстер Нератов, в настоящее время едва ли возможно, так как оно, во-первых, по-

требует крупных расходов, если отряд этот будет достаточной силы, а во-вторых, содержание постоянных войск в Черногории не подходит к современному укладу жизни королевства. Содержание же, взамен подготовки людского материала для формирования многотысячной армии, лишь незначительного по своим силам отряда, совершенно не удовлетворит потребностей военного ведомства— иметь в нужную минуту хорошо подготовленную и достаточно численную черногорскую армию для оттяжки на себя части сил австрийской армии.

Камергер князь Трубецкой, отмечая, что продолжение нашей деятельности в Черногории лишь для вида неминуемо скомпрометирует Россию, предложил изыскать способ к продолжению этой деятельности, не испрашивая дополнительных ассигнований и ограничиваясь имеющимися в настоящее время 600 000 рублей.

Как таковой способ, князь Трубецкой наметил ограничиться лишь подготовкой офицерского и, в крайнем случае, унтер-офицерского состава для армии; обучение же всей армии возложить на черногорское правительство с тем, чтобы последнее ассигновало на сие необходимые средства из черногорской казны.

При этих условиях на Россию будет падать только часть расходов по организации и подготовке командного состава, а вместе с этим и лишь часть ответственности за успех дела.

Генерал-лейтенант Данилов по этому поводу высказал, что возложение на черногорскую казну части расходов по организации и подготовке армии имеет ряд невыгодных сторон, из коих главнейшие следующие: 1) Шаткость и проблематичность черногорского бюджета не дают оснований быть уверенным, что Черногория действительно будет нести возложенные на нее расходы. Вернее предположить, что, приняв на себя известные обязательства, черногорское правительство, за неимением средств, просто не будет выполнять таковых; потому их придется, в конце концов, взять на себя России. 2) Возложение части расходов на черногорскую казну даст неотъемлемое право королю вмешиваться в дело организации и подготовки армии, что уже признано было совещанием недопустимым. Наконец, 3) принятие на счет русской казны, главным образом и даже почти исключительно, только подготовки командного состава, долженствующего впоследствии служить для инструктирования армии, не обеспечит дела реорганизации и затянет его, ибо инструкторов из черногорцев в один-два года подготовить невозможно, а, кроме того, не будет возможности следить за дальнейшей деятельностью их. Неудача этой деятель-

ности даст повод обвинить нас в неумелой подготовке инструкторов и скомпрометирует работу наших офицеров.

Действительный статский советник Гирс, подтвердив расплывчатость черногорского бюджета и трудность рассчитывать на черногорскую казну, предложил, кроме принятия на русский счет дела подготовки командного состава, создать в королевстве небольшие учебные части, через которые могла бы проходить часть населения для военной ее подготовки.

Генерал-лейтенант Данилов отметил, что обучение в учебных частях может достигнуть поставленной военным ведомством цели, лишь если пропускать через эти части значительное число военнообязанных, которые в нужную минуту послужили бы для создания достаточно сильной армии, чему собственно и отвечают составленные в главном управлении генерального штаба предположения. Обучение же лишь небольшой части военнообязанных существенной пользы не принесет, так как большая часть населения, способного носить оружие, останется необученной, а следовательно, и неиспользуемой в случае войны.

Генерал-лейтенант Янушкевич, сопоставив мнения представителей министерства иностранных дел и генерал-лейтенанта Данилова, высказал заключение, что принятие среднего решения в деле организации и подготовки черногорской армии с военной точки зрения невозможно и что создание постоянной небольшой воинской части взамен обучения всех военно-обязанных, удовлетворяя, может быть, политическим требованиям, совершенно не достигнет целей, преследуемых военным министерством.

Ввиду этого и в соответствии с этими целями казалось бы желательным принятие того решения, которое выработано в главном управлении генерального штаба, если оно допустимо по соображениям общеполитическим и финансовым.

Подготовка одного командного персонала, по мнению генерал-лейтенанта Янушкевича, не может достигнуть цели подготовки армии, так как, возвращаясь в свои селения, подготовленные офицеры и унтер-офицеры, выйдя из сферы русского влияния, естественно растворятся в огромной среде своих односельчан, для которых русское влияние будет неощутительно, и таким образом вся деятельность России может свестись на-нет.

Гофмейстер Нератов высказал, что министерство иностранных дел не придавало вначале важного значения выгоде для России создания в Черногории достаточно сильной армии в случае войны с Австро-Венгрией, а потому и считалось только с необходимостью,

с общеполитической точки зрения, главенствовать в деле реорганизации и подготовки черногорских вооруженных сил, однако при условии наименьшей затраты на то денежных средств.

Но, по выслушании всего сказанного в совещании, гофмейстер Нератов, принимая во внимание указанную наличность в этом деле русских военных интересов, признал, что он готов присоединиться к мнениям представителей военного ведомства.

В общем совещание пришло к заключению, что разрешение вопроса о продолжении русской военной деятельности в Черногории в том или ином виде желательно было бы установить путем обмена мнений между главами соответствующих министерств и внесения затем этого вопроса в совет министров.

№ 210. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

Телеграмма № 697. 13 апреля/31 марта 1914 г.

По сообщению персидского посланника, сегодня последует распоряжение Тегерана о производстве в провинциях выборов в меджлис.

Благоволите настоятельно напомнить Шоджа-эд-Доуле желание императорского правительства, чтобы выборы произведены были и в Азербайджане с осторожным принятием всех зависящих мер к избранию достойных представителей от области.

Копия в Тегеран.

Клемм.

№ 211. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 22. 13 апреля/31 марта 1914 г.

Сегодня состоялось наше очередное совещание о займе, причем для выигрыша времени на заседание приглашены были и черногорские министры иностранных дел и финансов, для выработки текста ответа черногорского правительства, возможно более согласованного с предложениями нашей промемории. По заявлению министров, правительство в принципе принимает все требования держав и желало бы лишь, буде это достижимо, увеличения суммы займа приблизительно на 5 миллионов. На дальнейших заседаниях мы предполагаем заняться возможным сведением черногорского проекта к цифре займа, рассматриваемой совещанием как не подлежащая сколько-нибудь существенному изменению.

Обнорский.

№ 212. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 217[1]. 13 апреля/31 марта 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 182[2] и на телеграмму Извольского № 84[3]. Копия в Париж.

Возвратившийся из Парижа член правления Салоникского банка Салем сообщил мне, что в апреле созывается общее собрание банка и что необходимо, чтобы вопрос о его поглощении Русско-Азиатским банком был решен до созыва. Ввиду состоявшегося уже приезда Путилова в Петербург и крайней необходимости не терять времени, усиленно ходатайствую о содействии вашем и министра финансов к немедленному разрешению вопроса в желательном для нас смысле.

Гирс.

№ 213. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 36. 13 апреля/31 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Недавние события в Битлисе[4] произвели весьма сильное впечатление на константинопольские правящие круги, выдвинув на очередь вопрос об отношении оттоманского правительства к курдам.

Впечатление это было тем сильнее, что в Константинополе не без основания опасались того влияния, которое битлисские события могли оказать на европейское общественное мнение и, в частности, на ход не законченных еще тогда переговоров по франко-турецкому экономическому соглашению.

В происходившем [4 апреля] 22 сего марта заседании комитета партии „Единения и Прогресса“ вопрос об отношении к курдам был рассмотрен весьма подробно. Во время происходивших при этом прений обнаружилось, насколько еще сильна среди турок подозрительность по отношению к России.

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 88, № 1315.

[2] См. выше № 114.

[3] Тел. от 28/15 марта за № 84 Извольский извещал Гирса о желательности его участия в разрешении вопроса о Салоникском банке и о том, что в Париже удалось устранить трудности, препятствовавшие переходу этого банка в русские руки. Извольский указывал, что не следует упускать благоприятного момента.

[4] Имеется в виду восстание курдов, поднятое в районе Битлиса шейхом Селимом. В ночь на 2 апр./20 марта курдам удалось занять Битлис, но к вечеру того же дня они вынуждены были оставить город, а шейх Селим обратился в росс. консульство „с ходатайством о защите и покровительстве“ (донесение росс. консула в Битлисе Чиркова от 22/9 апреля за № 79).

По словам председателя комитета, с самого провозглашения конституции главною заботою оттоманского правительства было внушить курдам сознание превосходства новой формы правления и заставить их отказаться от своих прерогатив, пользование коими нарушало установленный конституциею принцип всеобщего равенства перед законом и пагубно отражалось на прочих элементах местного населения. Однако усилия правительства в этом направлении имели лишь частичный успех. Если, с одной стороны, наиболее культурные курды и примкнули к правительству, немало осталось среди них и таких, которые ревниво оберегают свои прежние права.

Этим не замедлили воспользоваться враги нынешнего правительства. По мнению Мидхата-Шукри, разделяемому, впрочем, и большинством членов комитета, эти враги, вроде бывшего полковника Саффет-бея, Кемаля, потомков Бендер-хана [1], Симко [2], опираясь на содействие революционных турецких комитетов в Одессе и Батуме и пользуясь покровительством русских консулов, успели возбудить курдов с целью вызвать среди них восстание. В их план входило овладеть Битлисом, и быть может, и Мушем, и затем предъявить свои требования в Константинополь, из коих первым было бы удаление нынешнего кабинета.

Хотя правительству и было своевременно известно об этих планах и оно приняло все меры к противодействию им, однако ему не удалось наложить руку на кого-либо из главных агитаторов. Тем не менее принятые меры привели к тому, что попытка курдов овладеть Битлисом не увенчалась успехом, и в настоящее время местное волнение может считаться законченным.

Однако, принимая во внимание общее настроение курдов и несомненно имеющую возобновиться среди них агитацию, правительство решило воздействовать на самих курдов и постараться привлечь их на свою сторону отчасти путем денежных субсидий, отчасти через посредство находящихся в Константинополе и занимающих более видные должности их единоплеменников.

Вместе с тем министр внутренних дел телеграфировал вали

---

[1] Имеется в виду Абдуррезак.

[2] „Его [котурского бека Измаила-Ага-Симко-саларэ] бдительная и ревностная служба по охране границы является серьезным препятствием к развитию турецкой деятельности на персидской территории в районе Котур—Сомай, и в этом отношении нам необходимо было бы оказать ему полную нравственную поддержку" (тел. Чиркова от 25/12 января за № 2). М-во ин. дел сообщило, что считает „весьма желательной" выдачу Симко ружей и патронов (секр. письмо от 31/18 марта за № 236).

Битлиса и Вана принять все необходимые меры к предотвращению на будущее время беспорядков подобно битлисским и по уполномочию Порты предоставил им объявить, в случае необходимости, военное положение в их вилаетах. Наряду с этим Талаат-бей обратился к великому визирю с просьбою сделать серьезные представления перед российским и персидским правительствами о недопущении Симко к турецкой границе, которую, по заявлению ванского вали, он переходит в сопровождении переодетых русских солдат.

В заключение Мидхат-Шукри отметил, что на этот раз, к счастью, движение курдов было направлено против правительства, а не против армян, что привело бы к самым нежелательным последствиям.

Во время последовавших затем прений было высказано пожелание вступить в компромисс с некоторыми из главнейших курдских вождей, и было предложено избрать некоторых из них депутатами или назначить их сенаторами.

Предложение это сочувствия однако не встретило, ввиду опасения, что попавшие таким образом в столицу курдские вожди будут и здесь продолжать подготовление своих планов.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 214. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 38. 13 апреля/31 марта 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как мне сообщают из секретного источника, министр внутренних дел Талаат-бей обратился к великому визирю с письмом, в коем, указывая на сильное впечатление, произведенное битлисскими событиями на население соседних вилаетов, высказывает опасение, что Симко, в свою очередь, не преминет использовать их в своих интересах.

Вместе с тем Талаат-бей просит великого визиря возобновить перед персидским правительством настояния об аресте и выдаче Турции бывшего константинопольского коменданта Саффет-бея, что уже было обещано Персиею. Если в настоящее время Саффет-бей и не находится в персидских пределах, а в России или даже в Турции, то, по всем вероятиям, он не замедлит перейти на персидскую территорию, чтобы быть вблизи от турецкой границы.

Одновременно оттоманский министр внутренних дел полагал бы

желательным обратиться к российскому правительству с тем, чтобы добиться обещания последнего, что ни Симко, ни Абдуррезаку не будет разрешено приближаться к турецкой границе.

Вообще в турецких политических кругах имеется сильное подозрение в причастности Симко и, в особенности, Абдуррезака к курдскому движению и недавним битлисским событиям. В частных беседах со мною великий визирь неоднократно жаловался мне на них и на их постоянные интриги в сопредельных с Россиею и Персией вилаетах.

Примите и пр.[1].

М. Гирс.

№ 215. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 40[2]. 13 апреля/31 марта 1914 г.

Образование в Константинополе русско-турецкого, франко-турецкого и иных смешанных комитетов, имеющих целью сближение Турции с различными европейскими государствами на культурно-экономической почве, вызвало известную тревогу среди известных политических кругов в Вене.

Как мне сообщают, оттоманский посол в этом городе доносит, что в Вене смотрят на образование таких комитетов именно в то время, когда равновесие между двумя группами европейских держав может быть ежеминутно нарушено, как на желание Турции сблизиться с одною или двумя из этих держав.

Так как сближение между Германиею и Турциею уже существует как на почве экономической, так и политической, то в Вене полагают, что германско-турецкий комитет постарается приобрести

---

[1] На полях депеши имеется резолюция: „Ответить, что Симко недавно был в Тавризе, где ему было подтверждено воздерживаться от каких-либо интриг и агрессивных действий в отношении Турции. Симко категорически отрицал какую-либо причастность свою к интригам. Его цель исключительно ограждать вверенную ему область от набегов из Турции курдских шаек, нередко в соучастии с турецкими аскерами. Что касается Абдуррезака, то он в ноябре покинул Персию, долго проживал в Петербурге и никакого участия в интригах принимать не мог. Недавно вызвали из Урмии в Тавриз еще и Шейха-Тага, на которого иногда жаловались турки. Таким образом в пограничной полосе сейчас нет никого, кто угрожал бы спокойствию в турецких пределах, и курдские волнения должны быть приписаны исключительно непорядкам и дурному управлению, существующему в самой Турции. В. Клемм". Эти замечания Клемма были положены в основу письма послу в К-поль от 25/12 апреля.

[2] Лит. копия.

первенствующее значение. Однако в венских политических кругах не скрывают опасения, что подобные планы Германии могут не удаться и что Турция будет искать сближения скорее с Францией и Россией.

По личному мнению Хильми-паши, было бы полезно, преследуя цели, намеченные русско-турецким и франко-турецким комитетами, и содействуя их деятельности, при всяком удобном случае разуверять австрийского посла в Константинополе в существовании какого-либо политического характера у этих комитетов.

М. Гирс.

№ 216. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 107. 13 апреля/31 марта 1914 г.

Монголы просят изменить проект соглашения о железных дорогах[1] в том смысле, что монголы выдадут России концессию на постройку дороги Кяхта—Урга и других дорог, обязуясь никому не выдавать концессий на дороги, кои могли бы быть вредны России в экономическом и стратегическом отношении.

Предлагаемое нами общее соглашение они понимают как запрещение строить железные дороги в Монголии.

Осуществление полученных концессий при условии упомянутого обязательства монголов можно будет откладывать под разными предлогами.

Прошу указаний.

Миллер.

№ 217. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 699. 14/1 апреля 1914 г.

Ваша телеграмма № 216[2] получена.

По словам Николая Рафаловича, Джавид-бей категорически утверждал ему, что он берется добиться отказа Германии от своих требований по поводу допущения нашего представителя в

[1] См. т. I, № 10 (приложение 1).

[2] Тел. от 13 апр./31 марта за № 216 Гирс передавал, что, по его впечатлениям от беседы с Вангенгеймом, „Германия удовлетворилась бы удалением из Совета долга представителя Оттоманского банка и заменою его нашим делегатом". Но ввиду возможного протеста Франции Гирс предлагал предоставить председательствование в течение двух лет делегату Франции, а затем по одному году— делегатам Англии и Германии.

Совет долга, при условии включения в Совет делегата от Турции, как представителя „exédents“, принадлежащих турецкой казне.

Благоволите выяснить, стоит ли и ныне Джавид на этой точке зрения.

Сазонов.

№ 218. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 70. 14/1 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 674 [1].

В случае если бы отказ нашего военного ведомства в выдаче предметов снабжения поставил сербское правительство в затруднительное положение, имейте в виду, что не исключена возможность пересмотра вопроса в смысле отпуска этих предметов приблизительно в половинном количестве, при условии однако окончательного, а не условного приобретения их сербским правительством.

Сазонов.

№ 219. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 40. 14/1 апреля 1914 г.

Барон Макио за отсутствием Берхтольда сообщил сегодня мне, а также моим французскому и английскому коллегам, что державы Тройственного союза поручили своим представителям в Петербурге, Париже и Лондоне представить соответствующим правительствам контр-проект ответа греческому правительству. По словам барона Макио, контр-проект этот содержит лишь незначительные изменения проекта Тройственного согласия; Германия внесла в него лишь редакционные поправки, Италия—оговорку относительно острова Кастеллоризо, австро-венгерское правительство—оговорку относительно свободы языка в Эпире и состава жандармерии.

Шебеко.

№ 220. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Депеша № 11. 14/1 апреля 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства только-что сообщенный мне моим сербским товарищем недавно парафированный делегатами обеих сторон про-

[1] См. выше № 186.

ект греко-сербской конвенции по урегулированию сербского транзита через Солунь [1].

Секретным протоколом, приложенным к названной конвенции, греческое правительство обязуется употребить все свое влияние к тому, чтобы общество Восточных железных дорог согласовало эксплоатацию линии с условиями настоящего договора.

Таким образом, крайне важный для Сербии шаг к получению удобного для нее выхода к морю увенчался успехом. Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что параграф третий конвенции предоставляет Сербии право вполне самостоятельного, в пределах своей зоны, распоряжения нагрузкой, выгрузкой и вообще всякой иной работой без какого-либо вмешательства со стороны греческих таможенных властей. Точно так же, согласно параграфу восьмому протокола *С*, внутренняя ветеринарная служба в сербской полосе подчинена контролю сербского ветеринарного врача, имеющего состоять при сербском генеральном консульстве в Солуни.

Помимо сего, на-днях прибывает в Афины первый сербский делегат, г. Стоянович, для начатия переговоров по заключению между Сербией и Грецией более общего торгового соглашения. Таковое, как известно, уже состоялось между Румынией и Грецией; ныне с предстоящим заключением коммерческого договора между последней и Сербией установятся еще более тесные сношения между тремя дружественными балканскими государствами.

Как отнесется к этому Австрия,—еще трудно сказать. Мне пока лишь известно, что работы австро-греческой комиссии не проходят вполне гладко. Г. Стрейт на-днях мне поведал, что австрийское правительство уже несколько сошло с почвы своих первоначальных требований, изложенных в письме моем от 16/3 марта с. г. [2]; г. Балугджич же полагает, что оно уже раскаивается в преждевременном раскрытии своих карт и предъявлении преувеличенных претензий, результатом коего получилось крайнее недоверие среди греческих делегатов к проискам Австрии.

Примите и пр.

Демидов.

---

[1] К депеше приложен текст „Projet de convention réglant le transit serbe par voie de Salonique“ и протоколы *B*, *C* и *D* по тому же вопросу.

[2] Письмом от 16/3 марта Демидов сообщал о предъявляемых Австро-Венгрией требованиях к Греции в связи с переговорами о торговом договоре. Важнейшее из них сводилось к уравнению торговых преимуществ Австро-Венгрии и Сербии в Салониках, где Сербия пользовалась привилегированным положением.

№ 221. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 220. 14/1 апреля 1914 г.

23 минувшего марта старого стиля великобританский и германский послы ходатайствовали перед великим визирем о концессии англо-германской группе капиталистов нефтяных участков в Месопотамии. Притязания немцев на сказанные участки основывались на принадлежащем Багдадской ж. д. праве опциона на разработку естественных богатств в районе 20 километров по обе стороны пути, притязания же англичан—на переговорах, которые вел Хакки-паша в Лондоне. Концессия уже предоставлена указываемой группе, но подробности ее хранятся до сих пор в тайне. Организованная в 1905 году Deutshe Bank'ом экспедиция из выдающихся специалистов—Кирсли, Бакинг и Чезаре Порро—пришла к совершенно отрицательной оценке достоинства сказанных участков, тогда как новейшие изыскания будто бы причислили таковые к наиболее богатым из существующих.

Гирс.

№ 222. Временно управляющий военным министерством министру иностранных дел.

Письмо № 4375 [1]. 14/1 апреля 1914 г.

Секретно.

В письме от [24] 11 ноября прошлого года за № 5082 [2] военный министр сообщил вашему высокопревосходительству о важности, в целях хотя бы некоторого уравнения нашего положения в Северной Манчжурии с положением Японии, проведения железной дороги от Айгуна к Харбину и Цицикару.

К тому же выводу пришла и особая комиссия для выработки схемы постройки в Северной Манчжурии новых железнодорожных линий [3], высказавшая в заседании своем [4 февраля] 22 января сего года пожелание о проведении линии от Благовещенска к Харбину с веткою на Цицикар с тем условием, чтобы линия эта имела русскую колею и строилась бы или одновременно на всем протяжении, или от Благовещенска.

Вопрос этот [4 апреля] 22 текущего марта был доложен военным министром государю императору, и его императорскому величеству благоугодно было согласиться с нижеследующими соображениями о необходимости для нас этих новых линий:

---

[1] Маш. копия.

[2] В делах б. м-ва ин. дел письмо не обнаружено.

[3] См. выше стр. 5, прим. 2.

Китайская Восточная железная дорога подвержена ударам с юга как со стороны японских, так и китайских сил, и потому связь Манчжурии с Забайкальем по этой дороге является непрочной. При наличии же линий от Харбина и Цицикара к Благовещенску собираемые в Северной Манчжурии наши силы имели бы прочную связь с империей через Благовещенск по Амурской железной дороге. Кроме того, наличие этих линий расширило бы нашу базу, позволив действующим в Северной Манчжурии нашим силам базироваться в будущем не только на Забайкалье, но и на Амурскую область, на культурное развитие которой несомненно окажет большое влияние Амурская железная дорога. Наконец, постройка линий от Харбина и Цицикара к Благовещенску даст нам выход в Манчжурию с Амурской линии и совершенно безопасную связь между Приморским и Манчжурским театрами военных действий, что вполне обеспечит переброску сил и средств с одного театра на другой.

Как можно заключить из имеющейся в моем распоряжении копии секретной телеграммы вашего высокопревосходительства от [14] 1 текущего марта № 471 [1] на имя нашего посланника в Пекине, действительному статскому советнику Крупенскому уже поручено войти по вопросу о предоставлении нам прав на железнодорожное строительство в Северной Манчжурии в соответствующие объяснения с китайским министром иностранных дел.

Между тем, из донесения нашего консула в Цицикаре от [16] 3 марта с. г. № 115/439 [2] видно, что в апреле сего года китайцы намерены приступить к земляным работам по устройству линии Суй-хуа-сянь—Хай-лун-фу, причем по имеющимся сведениям, они рассчитывают получить необходимые для этого средства от Русско-Азиатского банка.

Принимая во внимание вышеизложенное, я полагал бы совершенно необходимым принять с нашей стороны меры к тому, чтобы китайцы не могли осуществить свои намерения строить железную дорогу к северу от Харбина, так как построенная ими в этом направлении линия, не имея нашей колеи, не состоя в нашей эксплоатации и не будучи доведена до Благовещенска, имела бы для нас только невыгодные стороны, способствуя операциям противника в направлении на Благовещенск. Для предупреждения сего

---

[1] См. выше № 3.

[2] В делах б. м-ва ин. дел этот документ не обнаружен.

необходимо постройку этой дороги взять в наши руки и вести ее в обратном направлении, то есть со стороны Благовещенска, или на всем протяжении одновременно.

О последующем прошу не отказать поставить меня в известность.

[Вернандер.]

№ 223. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 707. 15/2 апреля 1914 г.

Ваша телеграмма № 22 [1] получена.

Доверительно.

Согласно предварительным соображениям нашего военного ведомства, по самому скромному подсчету потребуется единовременная затрата 8 000 000 рублей и ежегодная в 2 400 000 рублей на черногорскую армию. В последнюю сумму не включено содержание постоянных гарнизонов в новоприобретенных областях.

В случае если бы было принято окончательное решение продолжать нашу военную помощь и инструкторскую деятельность в Черногории, мы все же, конечно, не считали бы возможным взять на себя все эти расходы, на которые едва ли можно рассчитывать на согласие и Государственной думы.

Ввиду сего нам желательно выяснить следующие два вопроса:

1) можно ли рассчитывать на обращение части займа на единовременные нужды армии, и

2) какая часть ежегодных расходов может быть возложена на бюджет Черногории со вполне достаточной гарантией исправной уплаты.

По первому вопросу вы, быть может, могли бы в порядке личной инициативы доверительно осведомиться о взглядах австрийского и итальянского посланников, каждого в отдельности, ссылаясь на беседы, в коих каждый из них в свое время указывал на желательность продолжения нами военной помощи Черногории.

Для вашего личного сведения: что касается ежегодной уплаты Черногориею доли военного бюджета, то в случае принципиального решения вопроса нашего участия, в числе условий, обеспечивающих совершенно независимую деятельность наших ин-

[1] См. выше № 211.

структоров, намечается назначение русского офицера помощником черногорского военного министра, с должными полномочиями[1].

Сазонов.

№ 224. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо[2]. 15/2 апреля 1914 г.

Частное.

Mon cher comte,

Je vous remercie de votre lettre privée du [7 avril] 25 mars[3], dont j'ai fait copier une bonne moitié pour l'empereur, qu'elle intéressera certainement.

J'ai envisagé plus d'une fois l'éventualité de la nomination de Lord Curson au poste de Foreign Secretary dans le cas d'un changement de ministère. Vos entretiens avec lui et même celui qu'il a eu avec Nicolson au sujet de nos relations avec l'Angleterre ne sont pas tout-à-fait de nature à effacer les souvenirs déplaisants qui pour nous tous s'attachent à son nom. J'y retrouve en grande partie tous les vieux

---

[1] В черновом отпуске далее зачеркнуты слова: „Вы могли бы сказать, что лично не думаете, что Россия расположена была бы в этом случае взять на себя все расходы". В ответ на публ. тел. Обнорский сообщил, что „как из всего хода работ совещания здешних представителей держав о предположенном международном займе, так и из доверительных бесед с моими австрийским и итальянским коллегами, близко заинтересованными в восстановлении русской инструкторской деятельности в Черногории... мне пришлось убедиться в крайней затруднительности добиться сколько-нибудь значительного ассигнования части займа на военные нужды страны". К тому же, считает Обнорский, „привлечение иностранцев к контролю над расходами на военные нужды, неизбежно связанному с хотя бы минимальным ассигнованием из займа, могло бы, пожалуй, вызвать нежелательные и неудобные для нашей инструкторской деятельности осложнения". На второй вопрос Обнорский, ссылаясь на свою депешу от 23/10 февр. за № 5 (см. т. I, стр. 218, прим. 1), ответил, что „черногорское правительство обеспечивает ежегодную уплату в 2 000 000 крон". Наиболее целесообразным разрешением вопроса, считает Обнорский, „...представлялось бы разверстание на 4—5 лет... затраты в 8 000 000 рублей на снабжение армии и ассигнование ежегодно 2 400 000 рублей... Такая комбинация с разверстанием единовременных затрат являлась бы тем более допустимой, что сами черногорцы о крупных единовременных затратах не ходатайствуют, да и в виды императорского правительства не входит создание из черногорской армии боевой единицы". Что касается „обеспечения совершенно независимой деятельности наших инструкторов", то черног. прав-во, указывает Обнорский, „уже в своем проекте выразило полное согласие на назначение русского полковника (или генерала) начальником генерального штаба и вместе с тем помощником черногорского военного министра, со всеми должными полномочиями" (доверит. депеша от 20/7 апр. за № 15).

[2] Маш. копия. Опубл. L. N., II, p. 314—315.

[3] См. выше № 168.

préjugés britanniques qui ont contribué dans une si large mesure à éloigner l'une de l'autre les deux nations européennes qui ont le plus d'intérêt à s'unir.

Il va sans dire que dans les circonstances actuelles il ne peut entre nous et les Anglais être question d'une alliance à l'instar de celle qui existe entre la Russie et la France, mais il ne s'en suit pas encore qu'aucun engagement conclu en vue d'une défense commune de nos intérêts vitaux, menacés par le danger d'une hégémonie allemande en Europe, ne soit ni désirable, ni possible.

Il faut que les Anglais, imbus de leurs anciennes méfiances insulaires, ne perdent pas de vue la nécessité inexorable dans laquelle ils se trouveront de prendre une part active dans la lutte contre l'Allemagne, le jour où celle-ci entreprendra une guerre, dont le but ne pourra être que celui de renverser à son profit l'équilibre européen.

Ne vaut-il pas mieux, à tous ces points de vue, se prémunir à tout jamais contre les dangers sans nombre d'une éventualité pareille par un acte de prévoyance politique qui couperait court aux ambitions toujours croissantes de l'Allemagne? Cet acte, qui, à mes yeux, aurait tout avantage à n'être pas secret,—l'Angleterre ne le commetrait qu'à bon escient, avec toutes les garanties que réclameraient son opinion publique ainsi que les traditions de sa diplomatie. Les risques d'une politique pareille sont nuls et les avantages en sont évidents. Je touche à ce sujet à chacune de mes entrevues avec Buchanan. Nous nous comprenons très bien, mais cela ne fait pas avancer les choses. Les conversations prochaines entre le roi George et les hommes d'Etat français serviront peut-être à poser les premiers jalons sur la route d'une future entente anglo-russe. Je ne voudrais pas encore désespérer du triomphe final du bon sens sur le préjugé et la superstition.

Les nouvelles propositions anglaises au sujet du Transpersan demanderont à être remaniées assez sérieusement pour être acceptables. L'idée première, sur laquelle l'accord paraissait avoir été établi, a été faussée par les Anglais, qui renoncent à la construction de la grande artère internationale que rêvent les initiateurs russes de l'entreprise et dont le but est de relier deux continents pour obtenir des voies de pénétration commerciale dans le Nord de la Perse. C'est plus pratique et plus facile, mais a peu de chances d'être accepté ici. Il faudra pourtant trouver les termes d'un compromis en vue de choses plus graves.

Bonnes fêtes et mille amitiés les plus affectueuses.

Sazonòw.

Перевод.

Дорогой граф.

Благодарю вас за ваше частное письмо от [7 апреля] 25 марта, добрую половину которого я велел переписать для императора, которого оно, несомненно, заинтересует.

Я неоднократно останавливался на предположении о назначении лорда Керзона на пост статс-секретаря по иностранным делам в случае какой-либо перемены в министерстве. Ваши разговоры с ним, а также разговор, который он имел с Никольсоном по поводу наших отношений с Англией, не совсем такого рода, чтобы сгладить те неприятные воспоминания, которые связаны для нас всех с его именем. Я нахожу в них в большой мере все те старые британские предрассудки, которые так много содействовали разъединению двух европейских наций, весьма заинтересованных во взаимном сближении.

Само собой разумеется, что при настоящих условиях не может быть речи о союзе между нами и англичанами, наподобие существующего между Россией и Францией, но из этого еще не следует, что никакое соглашение, заключенное в целях совместной защиты наших жизненных интересов, которые подвергаются опасности от установления германской гегемонии в Европе, не является желательным или возможным.

Надо, чтобы англичане, пропитанные своим старым островным недоверием, не теряли из виду непреодолимой необходимости, которая заставит их принять активное участие в борьбе против Германии в тот день, когда эта последняя предпримет войну, целью которой будет лишь нарушение, к своей выгоде, европейского равновесия.

Не лучше ли будет со всех этих точек зрения предохранить себя раз навсегда от бесконечного числа опасностей, представляемых подобной возможностью, актом политической предусмотрительности, который пресечет все возрастающее честолюбие Германии? Этот акт, который, по моему мнению, много выиграет, если не будет секретным, Англия могла бы предусмотрительно снабдить всеми теми гарантиями, которых потребует ее общественное мнение, а также традиции ее дипломатии. Риск, заключающийся в подобной политике, равен нулю, преимущества же очевидны. Я касаюсь этого вопроса при каждом моем свидании с Бьюкененом. Мы очень хорошо понимаем друг друга, но это не ускоряет событий. Предстоящие переговоры короля Георга с французскими государственными деятелями послужат, может быть, к тому, чтобы наметить первые вехи на пути будущего англо-русского соглашения. Я не хотел бы еще пока отчаиваться в конечном торжестве здравого смысла над предрассудками и косностью.

Новые английские предложения относительно Трансперсидской дороги потребуют довольно серьезных исправлений для того, чтобы стать приемлемыми. Первоначальная идея, на основании которой, казалось, было достигнуто соглашение, извращена англичанами, отказывающимися от сооружения основной международной артерии, о которой мечтают русские инициаторы предприятия, и целью которой является установление связи между обоими континентами для того, чтобы приобрести пути к торговому внедрению в Северную Персию. Это более практично и более легко, но вряд ли будет принято здесь. Однако необходимо найти формулу для компромисса ввиду того, что предстоят более серьезные обстоятельства.

Желаю хорошо провести праздники и посылаю тысячу самых дружеских пожеланий. Сазонов.

№ 225. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 55. 15/2 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 54 [1].

Обычный прием у Ягова был вчера отменен. Сегодня же Циммерман сказал Камбону, что ответ на наш проект ноты будет передан непосредственно в Петербург, Лондон и Париж. Все мы удивлены тем, что берлинский кабинет не дает ответ чрез ваше посредство. Циммерман упомянул Камбону о предполагаемых незначительных, по его словам, изменениях, между прочим в конце ноты вместо „user de toute son influence" — „influence amicale" [2]. Боюсь, как бы не оказались еще какие-либо незначительные изменения в словах, которые на самом деле изменили бы самый смысл ноты.

Сербеев.

№ 226. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 15/2 апреля 1914 г.

Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

La présence à Corfou, de l'empereur Guillaume suscite en Grèce un va-et-vient général, qui relègue les affaires un peu à l'arrière-plan. Après la famille royale au complet, après Mr. Streit, voici Mr. Vénizélos qui s'embarque pour „l'île enchantée".

Je n'ai aucun doute qu'à part les hommages de respect dus au souverain d'Allemagne, il n'y ait échange de vues sur les questions balkaniques pendantes, peut-être même tentative de conciliation, émanant de l'auguste visiteur. Nous sommes assez habitués à ce genre de spontanéités pour ne plus nous en étonner. Le baron de Wangenheim, mandé de Constantinople, se trouve également à Corfou; cette assignation indiquerait qu'on n'y néglige point les relations gréco-turques. Il est à supposer, par conséquent, que l'archéologie n'est pas seule en cause et que, pour intéressantes que fussent les fouilles au temple de la Gorgone, il n'y avait pas moins loisir pour autre qualité de besogne.

Mr. Vénizélos me fit part hier de l'obligation, dans laquelle il se trouvait, de se rendre au pélerinage commun; à l'entendre, il n'en avait guère trop envie. Je ne doute pas, toutefois, qu'il ne profite de sa fugue pour faire valoir le bien-fondé des revendications helléniques.

---

1 См. выше № 200.

2 „Употребить все свое влияние"—„дружеское влияние".

Parlant de la situation en Epire, le premier ministre me dit avoir reçu, par voie indirecte, des nouvelles démentant les exagérations, colportées ici, sur les prétendus massacres de Coritza. Je saisis l'occasion pour lui faire observer, sur la foi des télégrammes de Mr. Petriaew, que plusieurs officiers et soldats grecs paraissaient avoir été impliqués dans cette malencontreuse échauffourée, réprimée, en fin de compte, par la gendarmerie albanaise. Mr. Vénizélos me prit à témoin de ses efforts incessants et loyaux, tendant à écarter l'armée hellénique de toute immixtion dans les conflits entre insurgés et Albanais. Il savait qu'une douzaine d'officiers et environ 80 soldats avaient déserté pour se joindre aux rangs des révolutionnaires—action qu'il réprouvait au suprême degré; mais c'eut été, en tout état de cause, de la plus haute injustice d'en rendre le gouvernement grec responsable. Il faut s'attendre, me dit-il, à de tristes surprises; ainsi, parmi les victimes des récents désordres, n'avons nous pas à déplorer la mort de trois ou quatre Valaques, dont un maître d'école. La Roumanie s'en est émue, ses journaux, inspirés par certaines gens mal intentionnés, adversaires de l'accord, enprofitent forcément pour noircir la Grèce et l'incriminer; le ministre de Roumanie à Athènes esquisse une démarche, toute amicale, il est vrai; une ombre passagère s'étend sur les relations des deux pays amis. A qui la faute? Certes pas au gouvernement hellénique, qui s'emploie de son mieux, au risque de se perdre, à obtempérer aux voeux des Puissances.

Au cours de notre entretien, j'abordai un autre terrain, —plus général — celui de la position dans le pays, du premier ministre, en regard des événements d'Epire; je m'enquérai auprès de lui de ses prévisions d'avenir, de l'impression assez courante dans maints milieux au sujet d'un affaiblissement de son influence, dû à l'état d'apparente contradiction, dans laquelle l'avaient placé les décisions, puis les atermoiements de l'Europe. Mr. Vénizélos, tout d'abord, me remercia chaudement de l'avoir soutenu en termes élogieux, auprès du souverain — paroles que sa majesté trouva bon de lui rapporter. Il ne disconvint pas que la conjoncture pénible actuelle, favorable aux visées de ses adversaires soulevait de vives critiques contre lui; il n'ignorait pas que l'opposition profitait de ses difficultés pour entraîner de nouveaux adeptes; que dans certaines hautes sphères, on le blâmait plus qu'on ne l'approuvait. Mais, pour lui, homme du peuple et constitutionnel pur, rien ne valait, hormis la confiance du souverain,— qu'il se flattait de posséder — et le baromètre de l'opinion qu'il ne cessait de consulter à toute heure. „Or, celle-ci, pour capricieuse qu'elle soit, ne lui faisait pas encore défaut,—me dit-il,—elle m'échappera peut-être si on laisse aller les choses

trop loin en Albanie,— c'est le défaut de ma cuirasse,— et je n'hésiterai pas, en ce cas, à présenter au roi ma démission. Nous désirons vivre dans les meilleurs termes avec nos nouveaux voisinsl,—ajouta-t-il;— qu'on nous en donne les moyens. Autrement, il se dressera entre nous et eux une barrière infranchissable; s'il y a répression sanglante, les Epirotes ne se soumettront jamais à leur sort en Albanie; ils ne seront pas de fidèles sujets à leur prince et constitueront un foyer de troubles — obstacle incontestable aux bons rapports entre les deux Etats; il est temps encore d'éviter l'irréparable".

Ces paroles sont certes des paroles de sagesse et de bonne foi; elles ne font que confirmer la courageuse déclaration du premier ministre à la Chambre à savoir que le gouvernement grec, désireux d'entretenir à l'avenir les meilleures relations avec celui d'Albanie, abandonne désormais toute aspiration tendant à recouvrer les provinces assignés au nouvel Etat.

Il y a crainte constante, il est vrai, d'ingérence active de l'Italie; Mr. Streit m'avait, néanmoins, fait comprendre qu'il se rendait parfaitement compte, que cette appréhension se trouvait atténuée du fait même de la rivalité des deux Puissances adriatiques. Mais, si les troubles venaient à se développer et à s'étendre, si, par exemple les troupes albanaises, aux prises avec les „légions sacrées" subissaient des défaites, ne se pourrait-il pas que la nécessité des choses et les besoins impérieux de l'alliance ne contraignissent les deux rivaux à trouveri pour l'Albanie, quelque modalité d'un accord définitif? Il n'eut point fallu les forcer dans leurs derniers retranchements.

Par ailleurs, les idées changent avec les gouvernants. Si Mr. Vénizélos venait à quitter le pouvoir, il se manifesterait, sans nul doute, un virement de bord, une réaction, des tendances nouvelles, de nouveaux appétits. Quelle garantie possédons-nous, en somme, de la continuité d'une politique amie, loyale et modérée? Nous nous trouvons un peu à la merci d'un changement de personnes. La Triple Entente est lointaine, parfois peu solidaire, la Triple Alliance est proche, d'apparence plus unie, se diront très probablement les nouveaux-venus; nous avons affaire à celle-ci plus qu'à celle-là, rapprochons nous en, et trouvons le moyen d'en tirer quelque profitable compensation. „Eh, que nous importe Vénizélos?" m'objectait un jour un de mes collègues de la Triplice à mes arguments sur la situation intenable qu'on semblait, comme à dessein, lui créer. Cette phrase a son importance; et si je me suis permis de m'étendre sur la question, c'est qu'à tous les points de vue notre tâche en Grèce doit, à mon avis, consister à ménager et à soutenir le gouvernement actuel.

J'ose déplorer que dans le très-mince bilan qu'accuse mon relevé de la semaine écoulée, il n'y ait point eu de place pour la réponse, tant attendue, des Puissances. Je ne manquerai pas, par ailleurs, de vous communiquer ce qui me sera revenu des conversations de Corfou, et je termine, cher Сергей Дмитриевич, en vous priant d'agréer les assurances de mon respectueux et inaltérable dévouement.

Démidow.

P. S. J'apprends de source intime que la question de l'union projetée entre les deux cours de Grèce et de Roumanie n'avance pas trop à souhait. La raison politique prévaudra-t-elle sur les sentiments personnels du diadoque, peu enclin, paraît-il, à ce mariage,—je ne saurais le dire car ni Mr. Vénizélos, ni Mr. Streit n'osent—à ce qu'ils m'affirment,—en parler à sa majesté, qui se refuse à se laisser molester dans les affaires de sa famille. Toujours est-il que le projet de voyage à Sinaia ne paraît pas encore vouloir prendre corps.

Ut in litteris. D.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Пребывание на Корфу императора Вильгельма вызывает в Греции общее оживление, которое несколько отодвигает деловые вопросы на задний план. Вслед за королевской семьей в полном составе, вслед за г. Стрейтом, сейчас отправляется на „волшебный остров" г. Венизелос.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что, помимо почестей, воздаваемых германскому государю, происходит обмен мнениями по поводу текущих балканских вопросов и, быть может, даже попытка примирения, исходящая от августейшего гостя. Мы достаточно привыкли к такого рода неожиданностям, чтобы больше им не удивляться. Барон фон Вангенгейм, вызванный из Константинополя, находится также на Корфу. Этот вызов указывает на то, что там не упускают из виду греко-турецких отношений. Надо, следовательно, полагать, что дело не в одной археологии и что как бы ни были интересны раскопки в храме Горгоны, все же оставалось свободное время и для другого рода дел.

Г. Венизелос сообщил мне вчера о лежащей на нем обязанности отправиться в общее паломничество; если верить его словам, он не очень этого желает. Я не сомневаюсь, тем не менее, что он воспользуется своей поездкой для того, чтобы заставить оценить обоснованность греческих требований.

Говоря о положении в Эпире, премьер-министр сообщил мне, что он получил косвенным путем новые сведения, опровергающие преувеличения, распространяемые здесь по поводу мнимой резни в Корице. Я воспользовался случаем, чтобы указать ему на основании телеграмм г. Петряева, что несколько греческих офицеров и солдат были вовлечены в эту несчастную стычку подавленную, в конечном счете, албанской жандармерией. Г. Венизелос призвал меня в свидетели своих постоянных и искренних попыток устранить греческую армию от всякого вмешательства в конфликты между повстанцами и албанцами. Ему известно, что дюжина офицеров и около 80 солдат дезертировали, чтобы

примкнуть к рядам революционеров—поступок, который он в высшей степени осуждает; но при всех условиях было бы чрезвычайной несправедливостью делать за это ответственным греческое правительство. Надо быть готовым, сказал он мне, к печальным сюрпризам; так, среди жертв последних беспорядков нам приходится оплакивать смерть трех или четырех валахов, из которых один является школьным учителем. Румыния этим взволнована, ее газеты, инспирированные некоторыми злонамеренными людьми, противниками соглашения, широко этим пользуются, чтобы очернить Грецию и обвинить ее. Румынский посланник в Афинах готовит представление, правда, совершенно дружественное; мимолетная тень падает на отношения двух дружественных стран. На ком лежит вина? Несомненно, не на греческом правительстве, которое всячески стремится, рискуя собственной гибелью, исполнить желания держав.

В нашей беседе я затронул другой, более общий вопрос о положении в стране премьер-министра в связи с событиями в Эпире; я осведомился у него относительно его предположений на будущее, относительно довольно распространенного в различных кругах впечатления об ослаблении его влияния, вызванном состоянием кажущегося противоречия, в которое его поставили решения, а затем медлительность Европы. Г. Венизелос прежде всего меня горячо поблагодарил за то, что я поддержал его лестными выражениями перед монархом,—слова, которые его величество счел за благо ему передать. Он не отрицает, что настоящее затруднительное положение, благоприятствующее видам его противников, вызвало ожесточенную критику, направленную против него; он знал, что оппозиция пользуется его затруднениями для приобретения новых сторонников, что в некоторых высоких сферах его больше порицают, чем одобряют. Но для него, человека из народа и чистого конституционалиста, ничто не имело значения, кроме монаршего доверия, которым он льстит себя надеждой обладать, и барометра общественного мнения, с которым он постоянно считается. „Оно, несмотря на всю свою переменчивость, до сих пор мне еще никогда не изменяло,—заявил он мне.—Оно, быть может, перестанет меня поддерживать, если делам в Албании дадут зайти слишком далеко, в этом мое уязвимое место, и тогда я не замедлю представить королю мою отставку. Мы желаем жить в лучших отношениях с нашими новыми соседями,—добавил он,—пусть нам обеспечат эту возможность. В противном случае между нами и ими вырастет непреодолимый барьер; если будут иметь место кровавые репрессии, то эпироты никогда не подчинятся своей судьбе в Албании; они никогда не будут верными подданными своего князя и создадут очаг раздоров—несомненное препятствие для добрых отношений между обоими государствами; но есть еще время избежать непоправимого“.

Слова эти, несомненно, являются словами разума и чистосердечия; они только подтверждают смелую декларацию, сделанную премьер-министром в палате, в которой он заявил, что греческое правительство, стремясь к поддержанию в будущем лучших отношений с правительством Албании, отказывается впредь от всякого стремления к возвращению провинций, переданных новому государству.

Правда, имеется постоянная опасность активного вмешательства Италии. Г. Стрейт однако дал мне понять, что он вполне учитывает, что это опасение ослабляется самым фактом соперничества двух адриатических держав. Но если конфликты начнут развиваться и распространяться, если, например, албанские войска в схватках с „священными легионами“ потерпят поражение, то не слу-

чится ли, что логика вещей и повелительные интересы союза побудят двух соперников найти какую-нибудь форму окончательного соглашения относительно Албании? Не следует доводить их до этого крайнего средства.

Кроме того, идеи меняются в связи с переменой правительства. Если г. Венизелос покинет власть, то произойдет, несомненно, крупный переворот, реакция, обнаружатся новые тенденции, новые аппетиты. Какую гарантию мы имеем, в конце концов, в постоянстве политики дружественной, лояльной и умеренной? Мы находимся в некоторой зависимости от смены лиц. Очень возможно, что вновь пришедшие лица скажут себе, что Тройственное согласие далеко и иногда не слишком солидарно. Тройственный союз близок, и, по видимости, в нем царит большее согласие; мы больше соприкасаемся с последним, чем с первым,—сблизимся же с ним и постараемся извлечь из этого выгодную компенсацию. „А какое нам дело до Венизелоса?"—возразил мне один из моих коллег, принадлежащий к Тройственному согласию, на мои доводы относительно невозможного положения, которое, казалось, умышленно создавали Венизелосу. Эта фраза имеет значение, и, если я позволил себе распространяться по этому вопросу, то это потому, что наша задача в Греции, по моему мнению, заключается, со всех точек зрения, в том, чтобы беречь и поддерживать настоящее правительство.

Осмелюсь выразить свое сожаление, что в очень тощий отчет за прошлую неделю я не могу внести столь ожидаемого ответа держав. Я не премину сообщить вам все, что узнаю о переговорах на Корфу, и заканчиваю, дорогой Сергей Дмитриевич, просьбой принять уверения в моей почтительной и неизменной преданности.

Демидов.

P. S. Я узнал из частного источника, что сближение, проектируемое между дворами Греции и Румынии, не подвигается так, как это желательно. Восторжествует ли политический разум над личными чувствами диадоха, мало склонного, повидимому, к этому браку,—я не берусь сказать, так как ни г. Венизелос, ни г. Стрейт не осмеливаются, как они утверждают, говорить об этом с его величеством, который не позволяет вмешиваться в свои семейные дела. Во всяком случае проект поездки в Синайю до сих пор еще не решен окончательно.

Ut in litteris.

Д.

№ 227. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 224. 15/2 апреля 1914 г.

Выбор Порты на должности генерал-инспекторов восточных вилаетов окончательно остановился на голландце Вестененке и норвежце Гоффе, которые приглашены уже прибыть в Константинополь.

Гирс.

№ 228. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 135. 15/2 апреля 1914 г.

Ввиду приближения коронации шаха и предстоящего затем отъезда регента, полагал бы необходимым озаботиться заблаговременно избранием кандидата на пост садразама. Считаю самым подходящим для сей цели в настоящее время лицом Саад-эд-Доуле, с которым виделся на-днях. Если бы кандидатура эта встретила наше сочувствие, то думаю, что будет лучше предоставить Сааду действовать через своих сторонников, не вмешиваясь и не выступая открыто для поддержания названного сановника, ибо это скомпрометировало бы его в общественном мнении. Предвидя возможное противодействие со стороны англичан, я рекомендую Сааду поддерживать с великобританской миссией хорошие отношения. Мне кажется, что с уходом Эйн-эд-Доуле кандидатура Саада вряд ли встретит серьезное противодействиве со стороны англичан, хорошо сознающих, что по энергии, работоспособности и знанию дела он стоит выше остальных. Вести переговоры о Саад-эд-Доуле с англичанами как здесь, так и в Лондоне считал бы пока преждевременным. Если Сааду после свидания с великобританским посланником удастся склонить последнего на свою сторону, то я мог бы обсудить этот вопрос совместно с Тоунлеем. При совместной поддержке обеих миссий кандидатура Саада имеет некоторые шансы на успех.

Коростовец.

№. 229. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 138[1]. 15/2 апреля 1914 г.

Дополнение моей телеграммы № 106[2].

Переговорив с Кавером и Акбер-Мирзой, решил предоставить последнему вступить в объяснения с министрами и подготовить почву для дальнейшего. Одновременно, ввиду бывшего до сих пор негласного противодействия англичан и невозможности провести дело при их оппозиции, счел полезным предупредить английского посланника, который ответил, что его правительство, получив новые данные о безвредности для судоходства по Каруну отвода воды, изменило твою точку зрения и не намерено нам препятствовать.

---

[1] Маш. копия.

[2] В ответ на тел. Клемма от 19/6 марта за № 524 (см. выше № 45) Коростовец сообщил (тел. от 25/12 марта за № 106), что считает „своевременным поднять вопрос о концессии на соединение Зейенде-Руда с верховьями Каруна“ и вызывает из Исфагани в Тегеран Акбер-Мирзу для переговоров.

Тоунлей прибавил, что хотя шахское правительство против выдачи концессии Акбер-Мирзе и стоящему за ним банку и желало бы оставить ее в персидских руках, но что отговорка эта несерьезна, ибо у Персии нет нужных сумм на такое крупное предприятие. Ввиду сего он готов не только не отговаривать персов, но даже оказать содействие, если получит определенные инструкции из Лондона [1].

Трудно допустить, что английское правительство, придававшее большое значение означенной концессии и вообще усилению нашего влияния в Исфаганском округе, искренне отказалось от противодействия; более вероятно, что миссия, заняв благоприятную нам позицию, будет под рукой убеждать персов не соглашаться на наши предложения. Было бы желательно проверить, какие инструкции даются Тоунлею и насколько мое предположение справедливо.

Коростовец.

№ 230. Военный агент в Цетинье в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 515 [2]. 15/2 апреля 1914 г.

Шеститысячному отряду черногорцев, под начальством бригадира Мартиновича, секретно предписано произвести сегодня ночью нападение на позиции к востоку от Подгорицы и Тузи, занятые отошедшими к Черногории, по Лондонскому протоколу, албанцами племен Хоти и Груда.

Потапов

№ 231. Нота английского посла в Петербурге министру иностранных дел [3].

16/3 апреля 1914 г.

Monsieur le ministre,

With reference to Your Excellency's note of the 15 th/2 nd instant [4] and to the two notes [5] which I had the honour to address to Your Excellency on April 7/March 25 last enclosing copies of two articles

---

[1] См. ниже № 326.

[2] На тел. имеется надпись: „Послано кн. Трубецкому при записке исх. № 194—1914".

[3] Лит. копия.

[4] Нотой от 15/2 апреля Сазонов извещал Бьюкенена, что, изучив ст. ст. 6 и 7 англо-германской конвенции и шесть пунктов объяснительной ноты, росс. прав-во готово присоединиться к этой конвенции после обмена соответственными нотами.

[5] См. выше № 163 и 164.

which are to be embodied in the Anglo-German Convention respecting the Shatt el Arab Riverain Commission, the Bagdad Railway and other cognate matters and recording the six points which are to be included in the explanatory note which is to accompany that Convention, I am now authorised to inform Your Excellency that His Majesty's Government agree to regard the provisions of the aforesaid articles, as well as the six points comprised in the explanatory note above referred to as having force between His Majesty's Government and the Imperial Government.

I avail myself of this opportunity, Monsieur le Ministre, to renew to Your Excellency the assurance of my highest consideration.

[G. Buchanan.]

Перевод.

Г. министр,

Ссылаясь на ноту вашего превосходительства от 15/2 тек. м. и две ноты, которые я имел честь направить вашему превосходительству 7 апреля/25 марта, с приложенными к последней копиями двух статей, подлежащих включению в англо-германскую конвенцию по поводу Шатт-эль-Арабской речной комиссии, Багдадской железной дороги и других связанных с этим вопросов, а также ссылаясь на шесть пунктов, подлежащих включению в объяснительную ноту, которая должна быть приложена к этой конвенции, я уполномочен теперь сообщить вашему превосходительству, что правительство его величества согласно рассматривать условия, предусмотренные указанными статьями, а также шесть пунктов, включенных в упомянутую выше объяснительную ноту, как вступившие в силу между правительством его величества и императорским правительством.

Примите и пр.

[Бьюкенен.]

№ 232. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 711. 16/3 апреля 1914 г.

Ваша телеграмма № 217[1] получена.

Вопрос о поглощении Русско-Азиатским банком Салоникского ныне решен принципиально в положительном смысле. При этом предполагается, что отделения Салоникского банка в областях, отошедших к балканским государствам, перейдут в обладание Русско-Азиатского банка в качестве иностранных отделений последнего. Центральное же константинопольское учреждение вместе с отделениями в Андрианополе, Самсуне и Трапезунде образуют новый автономный Константинопольский банк, фактическим собственником коего явится Русско-Азиатский банк с привлечением к делу и армян-

[1] См. выше № 212.

ских капиталистов. О таковом направлении вопроса осведомлен уже Пападжанов, отправившийся в Константинополь.

[Сазонов].

№ 233. Генеральный консул в Симле товарищу министра иностранных дел Нератову.

Донесение № 3 16/3 апреля 1914 г.

Секретно.

М. г., Анатолий Анатольевич,

В дополнение к моей секретной телеграмме от 14/1 апреля с. г. [1], считаю долгом доложить вашему превосходительству, что меры к предотвращению паломничеств наших бурят через Индию в Лхассу я полагаю желательным принять лишь в качестве временных.

С тех пор как члены тибетской конференции возвратились в Симлу, не только мне, но ни одному из моих коллег не удалось выяснить, как долго еще продлятся переговоры. Скрытность англичан (внушенная ими и другим делегатам) имеет почти комический характер; точно ведется не дипломатическая конференция, а какой-то международный заговор [2]. На самые „невинные" (т. е. не имеющие никакого отношения к существу переговоров) вопросы у них один ответ: „I dont know" [3]. При таких условиях я совершенно лишен возможности отстаивать интересы наших подданных.

---

[1] В этой тел. Набоков предлагал „ввиду отказов в пропуске русских буддистов в Лхассу... осведомить наши власти в Сибири о закрытии границы в предупреждение дальнейших паломничеств через Индию впредь до выяснения вопроса дипломатическим путем".

[2] В донесении от 20/7 марта за № 6 Набоков сообщал, что „конференция в Дели медленно жует свою жвачку и, повидимому, мало подвигается вперед... Но теперь, повидимому,... решено взять китайца и тибетца „измором", т. е. держать их в Дели (где в апреле уже неистовая жара), пока они чего-нибудь не подпишут... Мне представляется, что вся эта дипломатическая канитель предпринята с исключительной целью развязать руки англичанам в Тибете. Чего бы китаец и тибетец в Дели ни подписали..., ясно, что ни мифическое тибетское, ни малонадежное, когда дело идет о верности договорам, китайское правительство не будут соблюдать никаких договорных статей, для них невыгодных, не будучи принуждены к этому силою. Иными словами, англичане через некоторое время почтут себя вынужденными принимать „зависящие меры" для охраны святости международных соглашений, нарушаемых Тибетом, а им только этого и нужно. Чем мутнее будет вода, тем крупнее рыба, которую англичане будут в ней ловить, и я нисколько не удивлюсь, когда через год или два в Лхассе водворится резидент „с подобающим эскортом", „если только англичане придут к убеждению, что игра стоит свеч".

[3] „Не знаю".

Каковы бы ни были результаты конференции, т. е. осуществят ли англичане в полном объеме свою идею протектората над Тибетом, несомненно одно,—что они будут бдительно следить за сношениями Тибета с Сиккимом, Непалом и Бутаном [1], а также с Китаем и Монголией. Ради осуществления этого контроля они, разумеется, будут тщательно охранять границу. Теперь их страх перед „интригами“ России, как я имел случай отмечать, заставляет их в каждом полуграмотном буряте видеть чуть ли не политического эмиссара из Петербурга. Эта их точка зрения и соответствующий ей образ действий, конечно, не изменятся, а еще яснее определятся в будущем. Я не знаю, предполагает ли министерство „принять к сведению“ результаты конференции, долженствующей превратить в мертвую букву соглашение 1907 года, или же имеет в виду пересмотр последнего в части, касающейся Тибета. Смею думать, что мы не имеем никакого основания отказываться от принципа свободы непосредственных сношений русских подданных буддистов, на почве исключительно религиозной, с далай-ламой и другими представителями буддизма в Тибете. Англичане, как я уже имел честь донести вашему превосходительству, придают ст. второй нашего соглашения о Тибете, устанавливающей этот принцип, совершенно произвольное и ограничительное толкование. Я считаю поэтому, что если мы намерены отстаивать самый принцип, следует придать ему более удачную и определенную редакцию; следует установить, что „русские буддисты имеют право беспрепятственно следовать в Тибет через Индию для непосредственных сношений на исключительно религиозный почве с далай-ламой и другими представителями буддизма в Тибете, причем о таковой чисто религиозной цели их проникновения в Тибет перед индийским правительством свидетельствует русский консульский представитель“. Когда наше соглашение с Англией примет такую категорическую и ясную форму, станут невозможны заявления, сделанные мне здесь на-днях, что закрытие границы для русских подданных есть „мера внутреннего распорядка“, и что наше соглашение не дает права

---

[1] Согласно донесению Набокова от 18/5 февраля за № 3 (опубл. в Синей книге, изд. НКИД, 1918 г.) „великобританское правительство заявило Китаю, что оно намерено ограждать Непал, Сикким и Бутан от каких бы то ни было агрессивных действий со стороны китайских войск... Теперь, конечно, Англия воспользуется случаем, чтобы выступить в роли покровительницы этих пограничных княжеств и, ограждая их от проблематических опасностей со стороны Тибета, извлечет возможные выгоды из более тесного подчинения их „благожелательному руководству“ британских резидентов, изолируя вместе с тем Тибет“.

русским буддистам проникать в Тибет через Индию, и не придется здешнему русскому консульству „просить“ о пропуске наших бурят в Лхассу, как о милости, даровать которую зависит от усмотрения индийского правительства.

Я думаю также, что нам не следует соглашаться на посредничество англичан в наших сношениях с Тибетом, которого они, конечно, постараются достигнуть. Что такая система международных сношений с независимыми государствами представляет серьезные неудобства,—кажется, достаточно ясно показал наш опыт с Афганистаном.

В надежде, что ваше превосходительство не сочтете превышением моей компетенции выражение взглядов, основанных на опыте сношений с индийским правительством, позволю себе высказать, что если мы намерены при кажущемся мне неизбежном пересмотре отжившего соглашения 1907 года настоять на указанном выше принципе, то это было бы достижимо лишь в связи с нашим соглашением об Афганистане. Нет для англичан большего пугала, чем указание на фактическую возможность для России в каждую минуту собственными силами, без посредства индийского секретаря по иностранным делам, заставить эмира афганского уважать наши права и интересы. Одного этого указания было бы достаточно, чтобы побудить англичан к сговорчивости по вопросу о свободе доступа наших паломников в Тибет.

Примите и пр.

Набоков.

№ 234. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 43. 17/4 апреля 1914 г.

Me réfère à mon No. 40[1].

Le baron Machio a informé aujourd'hui les représentants de la Triple Entente que le gouvernement austro-hongrois s'était décidé à accepter texte de réponse au gouvernement grec proprosé par Triple Entente avec modifications suivantes: Il propose de supprimer complètement phrase concernant l'île de Castellorizo et de rédiger la dernière phrase de la note de la façon suivante: „En ce qui concerne enfin les îles mer Egée, attribuées à la Grèce, gouvernement de... se déclare prêt comme ceux des autres Puissances, à user de son influence amicale auprès de la Sublime Porte pour que le gouvernement grec ne soit pas

[1] См. выше № 219.

troublé dans possession de ces îles et que décision collective de l'Europe soit respectée par gouvernement turc". Le baron Machio nous a remis en même temps notice, dans laquelle le gouvernement austro-hongrois observe que dans la question de l'égalité de droit des religions et langues en Albanie il ne peut considérer authentique que texte de la décision même que la Commission de Contrôle avait prise à ce sujet. Quant aux desiderata grecs concernant l'enrôlement des habitants de l'Albanie dans la gendarmerie il est entendu que par là aucune atteinte ne pourra être portée à l'oganisation homogène de la gendarmerie nationale. Le gouvernement austro-hongrois propose en outre que représentants des Puissances à Athènes soient invités à suivre communications susmentionées par une déclaration insistant sur évacuation immédiate du territoire albanais. Le gouvernement austro-hongrois exprime en même tempt l'espoir, vu que les négociations projetées ne touchent pas fond de la question, que accord entre Puissances ne tardera pas à s'établir et que démarche à Athènes aura lieu dans le plus bref délai possible. Envoie texte modifications et notice par poste [1].

Schebeko.

Перевод.

Ссылаюсь на мой № 40.

Барон Макио сообщил сегодня представителям Тройственного согласия, что правительство Австро-Венгрии решило принять текст ответа греческому правительству, предложенный Тройственным согласием, со следующими поправками: он предложил исключить совершенно фразу, касающуюся острова Кастеллоризо и редактировать последнюю фразу ноты следующим образом: „Что касается, наконец, островов Эгейского моря, переданных Греции, то правительство... совместно с правительствами других держав, заявляет о своей готовности употребить свое дружеское влияние на Высокую Порту в том смысле, чтобы греческое правительство не встретило препятствий в осуществлении права владения этими островами и чтобы турецкое правительство признало коллективное решение Европы". Барон Макио передал нам одновременно записку, в которой австро-венгерское правительство отмечает, что относительно равноправности религий и языков в Албании оно считает аутентичным лишь текст самого решения, принятого контрольной комиссией по этому вопросу. Что касается греческих пожеланий по поводу набора жителей Албании в жандармерию, то решено, что с этой стороны недопустимо никакое посягательство на однородность организации национальной жандармерии. Правительство Австро-Венгрии предлагает, кроме того, чтобы представителям держав в Афинах было предложено сопроводить указанные сообщения декларацией, требующей немедленной эвакуации албанской территории. Правительство Австро-Венгрии в то

---

1 Эти документы были пересланы Шебеко в СПБ. при препроводительном письме от 18/5 апреля.

же время выражает надежду, что, несмотря на то, что проектируемые переговоры не касаются существа вопроса, соглашение между державами будет установлено без замедления и что выступление в Афинах будет осуществлено в самом непродолжительном времени. Высылаю текст поправок и ноту по почте.

Шебеко.

№ 235. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 227. 17/4 апреля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 699[1].

Джавид подтвердил мне сегодня заявление, сделанное им Н. Рафаловичу. Он действительно берет на себя добиться от Германии допущения нашего делегата в Совет долга при условии замены турецкого комиссара при долге полноправным турецким делегатом. Он намерен ограничить известною определенною суммою часть „excédent", имеющую служить обеспечением Багдадской дороги. Таким образом представителем „excédent" в долге мог бы быть лишь турецкий делегат, т. к. (весь) „excédent" принадлежал бы Турции, выделяющей лишь часть его в обеспечение Багдадской железной дороги. Он не говорил еще об этой комбинации с французами, но полагает, что со стороны французских банкиров не будет упорного сопротивления, если французское правительство согласится на нее. Повидимому, он рассчитывает, что мы повлияем на парижский кабинет, хотя он мне этого не говорил.

Гирс.

№ 236. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 140. 17/4 апреля 1914 г.

Телеграмма № 697[2] получена.

Производя известное давление на Шоджа-эд-Доуле в смысле производства выборов в меджлис в Азербайджане, мы тем самым спасаем дело выборов во всей стране и оказываем шахскому правительству громадную услугу, за которую мы в праве, мне кажется, рассчитывать на удовлетворение хотя бы одного из наших требований. К таким вопросам относятся: концессия на судоходство по

---

[1] См. выше № 217.
[2] См. выше № 210.

Урмийскому озеру[1], Мешедо-Гауданская дорога, орошение Мугани[2] и Зейенде-Руда.

Не признаете ли возможным в разговоре с Исаак-ханом поставить ему один из наиболее интересующих нас вопросов?

Под влиянием английского посланника, настаивающего на созвании меджлиса до коронации, решено провести выборы в провинции в самом непродолжительном времени. Регент выразил мне лично надежду, что императорское правительство, придерживаясь данных обещаний, повлияет на Шоджа-эд-Доуле в желательном смысле.

Коростовец.

№ 237. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 726. 18/5 апреля 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Константинополе № 227[3].

Сообщив содержание этой телеграммы французскому министру иностранных дел, скажите ему, что мы продолжаем считать чрезвычайно важным введение нашего представителя в Совет оттоманского долга. Ввиду этого мы выражаем надежду, что французское правительство не откажет в своем согласии на предлагаемый Джавидом компромисс, ничем не нарушающий интересов Франции[4].

---

[1] Получив запрос Клемма о концессии на Урмийское озеро (тел. от 14/1 марта за № 478), Коростовец обратился к персидскому м-ру ин. дел с официальной нотой (тел. от 17/4 марта за № 92). По сообщению Коростовца (тел. от 31/18 марта за № 118), перс. прав-во продолжало уклоняться от переговоров относительно концессии обычной ссылкой на необходимость рассмотрения документов, подтверждающих права принца Имам-Кули на эту концессию. „Без крупного куртажа,— сообщал Коростовец тел. от 22/9 марта за № 102,— дело, повидимому, не обойдется". Тел. от 15/2 апреля за № 708 Клемм указывал Коростовцу, что „необходимость подачек принята во внимание".

[2] В секретном письме от 18/5 марта за № 138 на имя А. А. Нератова помощник наместника на Кавказе Петерсон сообщил об активной деятельности пограничного с Персией комиссара полк. Цысса, добивающегося получения концессии на персидскую Мугань. Полк. Цыссу было указано, что „делу орошения персидской Мугани будет придан характер правительственного начинания, вследствие чего частным лицам не будет оказываемо содействие, и они рискуют потерять вложенные в предприятие капиталы". Вследствие письма Петерсона м-во ин. дел предложило Коростовцу (тел. от 2 апреля/20 марта за № 632) ускорить разрешение вопроса о концессии банка на орошение Муганской степи.

[3] См. выше № 235.

[4] В черновом отпуске далее зачеркнуто: „Уклончивость последней от содействия в этом вопросе не преминула бы произвести крайне невыгодное впечатление на

Вы могли бы указать при этом на желательность осветить в нашем общественном мнении, несколько подозрительно относящемся к роли Франции в этом вопросе, что со стороны нашей союзницы было, наоборот, оказано нам возможное содействие.

[Сазонов.]

№ 238. Французский посол в Петербурге Палеолог французскому министру иностранных дел Думергу.

%. Телеграмма № 154 и 155 [1]. 18/5 апреля 1914 г.

Secret.

Je sais d'une source privée [2] et sûre que la question de l'alliance anglo-russe a occupé entièrement le dernier entretien que l'empereur a eu avec son ministre des affaires étrangères avant de partir pour la Crimée. Discutant les risques plus ou moins prochains d'un conflit entre la Russie et l'Allemagne, sa majesté aurait considéré même l'éventualité d'une reprise d'hostilités entre la Grèce et la Turquie. Dans ce cas le gouvernement ottoman fermerait les détroits. La Russie ne pourrait tolérer une mesure aussi préjudiciable à son commerce et à son préstige. „Pour rouvrir les détroits,— aurait dit sa majesté,— j'emploierais même la force".

Mais l'Allemagne ne se placerait-elle pas alors du côté de la Turquie? C'est dans une intervention possible de l'Allemagne que l'empereur Nicolas verrait le principal danger des complications nouvelles qui menacent l'Orient. Et c'est pour empêcher la Turquie d'obtenir le concours de l'Allemagne et surtout de se l'assurer au... [3] qu'il espère si vivement la prompte conclusion d'un accord $\frac{\text{avec l'Angleterre}}{1}$.

Je me permets de rappeler à votre excellence que l'empereur Nicolas m'a déclaré qu'il serait reconnaissant à Mr. le Président de faire valoir dans ses entretiens avec le roi Georges les raisons qui exigent, d'après lui, un resserrement des rapports anglo-russes. Mr. le Président ne jugera-t-il pas utile de faire connaître personnellement à l'empereur le résultat de ses entretiens?

наше общественное мнение, и без того нередко обвиняющее Францию в недостаточной поддержке наших прямых интересов". Вместо зачеркнутого — приведенный в тексте конец телеграммы.

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. М., стр. 506—507.

[2] Слова: „d'une source privée" подчеркнуты рукой Николая II.

[3] Пропуск в подлиннике.

Je sais que Mr. Sazonow serait également très sensible à tout ce que vous voudriez bien lui confier de vos conversations avec Sir E. Grey.

Должно быть, Sir Buchanan сообщил Палеологу мой разговор с ним.

Ливадия, [24] 11 апреля 1914 г.

Перевод.

Я знаю из частного, достоверного источника, что вопросу об англо-русском союзе была всецело посвящена последняя беседа, которую имел император со своим министром иностранных дел перед отъездом в Крым. Обсуждая более или менее близкую угрозу конфликта между Россией и Германией, его величество высказал даже предположение о возможности возобновления враждебных действий между Грецией и Турцией. В этом случае оттоманское правительство закроет проливы. Россия не сможет примириться с мероприятием, наносящим ущерб ее торговле и престижу.

„Чтобы открыть проливы,—сказал его величество,—я употреблю даже силу".

Но не станет ли тогда Германия на сторону Турции? В возможном вмешательстве Германии император Николай видит главную опасность новых осложнений, угрожающих Востоку. Чтобы помешать Турции получить поддержку Германии и, главным образом, чтобы обеспечить себе... он сильно надеется на скорое заключение соглашения с Англией.

Я позволю себе напомнить вашему превосходительству, что император Николай мне заявил, что он будет признателен г. президенту, если тот отметит в своих беседах с королем Георгом причины, вызывающие, по его мнению, потребность в более тесном англо-русском сближении. Не сочтет ли г. президент полезным лично сообщить императору результат своих переговоров?

Я знаю, что г. Сазонов будет также очень благодарен за все, что вы захотели бы ему доверить из ваших бесед с сэром Э. Греем.

№ 239. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 97[1]. 18/5 апреля 1914 г.

Встретившись случайно с советником посольства, Маржери рассказал ему о вашем разговоре с Палеологом по вопросу о введении нашего делегата в Совет оттоманского долга. Он интересовался узнать, какие у нас имеются данные предполагать, что немцы удовольствовались бы введением в Совет своего второго делегата и уступили бы по вопросу о председательствовании. Севастопуло вынес впечатление, что Франция теперь пошла бы на такую комбинацию.

Прошу указаний.

Копия в Константинополь.

Извольский.

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 89, № 1317.

№ 240. Итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано итальянскому послу в Петербурге Карлотти.

Телеграмма [1]. 19/6 апреля 1914 г.

Cabinet du ministre No. 514.

Les commentaires de journaux se rapportant à l'entrevue d'Abbazia sont dénués de tout fondement.

Aucun nouvel accord ni relativement à la Mediterranée ni relativement à quoi que ce soit n'y a été conclu.

La politique extérieure de l'Italie comme celle de l'Autriche-Hongrie en plein accord avec celle de l'Allemagne continueront toujours à suivre les voies connues par votre excellence.

Je vous communiquerai par la poste des informations détaillées à ce sujet.

Перевод.

Кабинет министра № 514.

Комментарии газет по поводу свидания в Аббации лишены всякого основания.

Никакого нового соглашения как относительно Средиземного моря, так и относительно чего бы то ни было другого не было заключено.

Внешняя политика Италии так же, как и Австро-Венгрии, будет в полном согласии с политикой Германии всегда следовать по пути, известному вашему превосходительству.

Я вам сообщу по почте подробную информацию по этому вопросу.

№ 241. Поверенный в делах в Буэнос-Айресе министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 5. 19/6 апреля 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Предложив мне секретною телеграммою от [25] 12 минувшего марта [2] иметь неослабное наблюдение по вопросу о предполагаемой продаже Аргентиной своих броненосцев, вашему высокопревосходительству одновременно угодно было поручить мне тщательное осведомление императорского министерства обо всем, что могла бы в той же области предпринять соседняя Чилийская республика.

Ввиду невозможности для меня в настоящую минуту отлучиться из Буэнос-Айреса, получение требуемых сведений для проверки слухов о намерении Чили продать свои суда, возникших здесь немедленно после продажи Бразилиею своего дредноута „Рио-Жанейро", представилось довольно затруднительным. Единственное

---

[1] Расшифрована и переведена с итальянского языка в росс. м-ве ин. дел.

[2] См. выше стр. 100, прим. 1.

достоверное сведение, которое я тогда же имел возможность сообщить по телеграфу вашему высокопревосходительству, было то, что до поры до времени чилийское правительство не намерено продавать своих судов.

Из разговоров, которые я с тех пор имел с моим здешним чилийским коллегой и некоторыми другими осведомленными лицами, я вынес впечатление, что дело с продажей чилийских судов обстоит совершенно так же, как и с продажей аргентинских. После продажи Бразилиею своего броненосца чилийское правительство обратилось к здешнему с предложением сообща и одновременно ликвидировать и свои морские вооружения, благо предложения Турции и Греции представляли к тому прекрасный случай, но вследствие отказа Аргентины также отказалось от этого намерения.

Как и в Аргентине, все Чили желает продажи никуда ненужных ей[1] судов, но против этого президент республики и один министр, вероятно, также морской. Главным препятствием однако, по моему мнению, служит то обстоятельство, что Аргентина пока упорно стоит на своем отказе.

Как бы то ни было, здешний чилийский посланник совершенно открыто заявил мне, что, пока Аргентина сохранит свои суда, мнение чилийского президента и его министра, вероятно, одержит верх, но что в тот день, когда будет решена продажа аргентинских броненосцев, та держава, которая пожелала бы усилить свой флот судами, строящимися в Англии за чилийский счет, поступит благоразумно, поспешив выступить в Сант-Яго с своими предложениями.

Примите и пр. Е. Штейн.

№ 242. Министр иностранных дел послам в Париже и в Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 728. 20/7 апреля 1914 г

(Шифрованные тексты препровождены почтой в Берлин, Вену, Рим).

Ссылаюсь на свою телеграмму № 724[2].

[1] Так в подлиннике.

[2] Тел. от 18/5 апр. за № 724 Сазонов, ссылаясь на тел. Шебеко за № 43 (см. выше № 234), сообщал послам в Лондоне и Париже, что герм. и итал. прав-ва внесли в проект ответа греч. прав-ву такие же поправки, как и предложенные австровенг. прав-вом, но что только от одного последнего исходит записка по вопросу о вероисповедании и языках в Албании. „О составе жандармерии, — заключает Сазонов, — упоминается в телеграмме из Берлина". Аналогичные сообщения передавал из Берлина Свербеев (тел. от 17/4 апр. за № 58) и из Рима Крупенский (тел. от 17/4 апр. за № 25).

Английский посол передал[1] мне просьбу сэра Э. Грея снабдить нашего посланника в Афинах инструкцией представить греческому правительству ноту с поправками, внесенными державами Тройственного союза.

Прошу вас передать министру иностранных дел следующее: не говоря о том, что принятие всех этих поправок равносильно в наших глазах полной капитуляции держав Тройственного согласия и тем самым представляется нам опасным,—мы полагаем, что термин „influence amicale“[2] по отношению к Турции может быть понят последнею исключительно как поощрение к политике, которая может поставить Европу перед новыми серьезными осложнениями.

Считаясь с самолюбием держав Тройственного союза, мы согласились бы на замену предложенного нами термина „toute son influence“ словами „son influence“[3]. Поправку „ne soit troublé“ вместо „ne puisse pas être troublé“[4] готовы принять. Что касается поправки об острове Кастеллоризо, считали бы желательным сохранение нашего текста, ввиду того, что он отвечает как бесспорным правам островитян, так и традиционной политике держав-покровительниц[5].

[Сазонов.]

№ 243. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 41. 20/7 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В целях возможно более тесного сближения между Турцией и Россией на почве политической и культурно-экономической, в Константинополе образуется ныне турецко-русский комитет, проект устава коего считаю долгом представить при сем вашему высокопревосходительству.

---

[1] 19/6 апреля.

[2] „Дружественное влияние“.

[3] „Все свое влияние“—„свое влияние“.

[4] „Не было нарушено“—„не могло бы быть нарушено“.

[5] Тел. от 20/7 апр. за № 106 росс. поверенный в делах в Лондоне Эттер сообщил, что „английское правительство считает возможным согласиться на все изменения, предложенные австро-венгерским правительством, находя, что по существу они не меняют дела“. Тел. от 20/7 апр. за № 26 Крупенский также сообщал о том, что англ. и франц. послы передали римскому кабинету согласие „их правительств на измененную державами Тройственного согласия [вероятно, ошибка в лит. копии: следует читать „Тройственного союза“] редакцию ответа Греции“.

Как вы изволите усмотреть из этого устава, комитет будет состоять из 40 членов, наполовину турок и наполовину русских, а правление—из 12 членов в такой же пропорции. Комитет предполагает действовать на прессу и общественное мнение в видах установления сближения между двумя странами и взаимного их между собой ознакомления, издавать свой ежемесячный орган, устраивать экскурсии по Турции и России, конференции и пр.

Главные расходы по организации и функционированию комитета берут на себя его турецкие члены, которые будут получать субсидию из правительственных или общественных сумм.

Одним из условий существования константинопольского комитета является образование в С.-Петербурге аналогичного русско-турецкого комитета, в состав которого вошли бы хотя несколько турок, если таковых вообще мало в С.-Петербурге.

Позволю себе высказать мнение, что образование таких комитетов можно лишь приветствовать, так как они могут служить немалой помощью в деле сближения России с Турцией. Вследствие этого я считаю своим долгом ходатайствовать о благосклонном содействии вашего высокопревосходительства к образованию в С.-Петербурге русско-турецкого комитета. Образование последнего представляется тем более необходимым, что неудача в этом отношении произведет в Константинополе весьма нежелательное для нас впечатление и отзовется неблагоприятным образом и на политических сношениях наших с Оттоманской империей.

Не могу скрыть, что нынешнее турецкое правительство проявляет тенденцию придать турецко-русскому комитету характер детища младотурецкой политики и не допускать в члены его своих политических противников. Эта тенденция будет однако смягчена деятельностью русских членов комитета, которые будут стараться привлечь к этому делу более широкий круг выразителей общественного мнения, независимо от их политической окраски.

Примите и пр.[1] М. Гирс.

№ 244. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 24 [2]. 20/7 апреля 1914 г.

При последнем свидании моем с регентом его высочество сообщил, что правительством рассылается циркуляр о безотлагательном производстве выборов в провинциях с таким расчетом, чтобы

[1] К депеше приложен проект устава комитета.

[2] Лит. копия.

необходимое для составления кворума число депутатов могло собраться в столице к концу июня. При этом Наср-оль-Мольк не скрыл опасения, что Шоджа-эд-Доуле может не подчиниться инструкциям центрального правительства и даже вызвать беспорядки, которые поставят его в затруднительное положение. Я поспешил успокоить регента заверением, что нашему генеральному консулу в Тавризе даны категорические указания и что он употребит все старания к тому, чтобы воспрепятствовать антиправительственным выступлениям Шоджи и побудить его к выбору достойных представителей от Азербайджана. Регент повторил, что он не сомневается в добрых намерениях императорского правительства, но желал бы, чтобы я еще раз осведомил азербайджанского генерал-губернатора о существовании полного единства взглядов между Петербургом и Тегераном и внушил необходимость руководствоваться в своих действиях предписаниями генерального консульства. Усмотрев из этой беседы, а равно по некоторым другим данным, что персы придают особенное значение успешности выборов в Азербайджане и образу действия Шоджи, я позволил себе (телеграмма от [17] 4 апреля с. г. № 140 [1]) предложить использовать настоящий момент для проведения какого-либо из интересующих нас дел. Персам следовало бы во всяком случае дать понять, что, помогая им в столь важном государственном вопросе, мы рассчитываем встретить и с их стороны более доброжелательное, чем прежде, отношение к нашим справедливым притязаниям. Аргумент этот я намерен употребить в случае предусматриваемых новых возражений шахского правительства по поводу концессии на Урмийское озеро или же, в зависимости от обстоятельств, в вопросе о Гауданской дороге.

Во время дальнейшей беседы регент опять повторил, что намерен покинуть Персию через месяц после коронации и что к тому времени придется озаботиться приисканием подходящего лица на должность первого министра, так как Ала-эс-Солтане слишком стар и недостаточно деятелен для несения столь трудных обязанностей. Регент не назвал, кого он имеет в виду рекомендовать в качестве премьера, но из разговора с сэром В. Тоунлеем мне известно, что его кандидатом является Мостоуфи-оль-Мемалек. Казалось бы, что кандидатура эта не может вызывать с нашей стороны возражений, ибо хотя названный деятель не проявлял особых русских симпатий, но всегда держал себя в отношении нас корректно. К тому же едва

---

[1] См. выше № 236.

ли пребывание Мостоуфи-оль-Мемалека у власти будет продолжительным. Что касается Саад-эд-Доуле, то сэр В. Тоунлей полагает, что у него очень мало шансов на избрание ввиду отсутствия сторонников, а также потому, что Наср-оль-Мольк будет всячески противиться такой комбинации. Мне, впрочем, кажется, что мой английский коллега сам не особенно сочувствует Саад-эд-Доуле и предпочел бы видеть на посту садразама другое лицо.

На мой вопрос о Сепехдаре и о предполагаемом назначении его министром внутренних дел регент спросил, известно ли мне, что названный сановник ведет какие-то секретные переговоры с бахтиарами и с другими лицами, которых он предпочитает не называть, и вообще держит себя несколько странно. Он, конечно, не допускает мысли, чтобы Сепехдар мог принять участие в заговоре против правительства и существующего строя, но поведение его все же является подозрительным, особенно если иметь в виду, что бахтиары не примирились с потерей первенствующего значения и, конечно, будут добиваться возвращения к власти.

Я выразил надежду, что опасения регента по поводу лояльности Сепехдара неосновательны, и заверил его высочество, что с нашей стороны персидское правительство неизменно встретит самое благожелательное и дружелюбное отношение.

Примите и пр. Коростовец.

№ 245. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

⁰/₀ Телеграмма № 194. 20/7 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 190[1].

Одагири на вопрос Гойера, предполагается ли выдавать авансы китайскому правительству в связи с открытием переговоров о сооружении железных дорог в Южной Манчжурии, ответил, что решено не выдавать авансов до подписания контракта. Такая тактика японцев должна ускорить ведение переговоров, которые Одагири рассчитывает закончить к концу лета; таким образом настоящий вопрос перешел уже в стадию реального осуществления, и мне казалось бы, что нам следует ввиду сего ускорить предложением китайцам конкретного проекта нашего железнодорожного строительства в Северной Манчжурии.

Граве.

---

[1] В тел. от 18/5 апреля за № 190 Граве сообщал, что „16/3 апреля Одагири передал китайскому правительству проект контракта на постройку „железной дороги в Южной Манчжурии при участии японских капиталов".

№ 246. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 731. 21/8 апреля 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

(Шифрованные тексты сообщены по почте в Берлин, Вену и Рим).

Ссылаюсь на свою телеграмму № 728 [1].

Турецкий поверенный в делах передал мне ходатайство Порты о принятии термина „influence amicale" [2] в тексте ответной ноты. Я не скрыл от него тех опасений, которые вызывают в нас неоднократные заявления турецких государственных людей, что они ни перед чем не остановятся для завладения островами [3]. Получение турками денежных средств и ожидание дредноутов может поднять их воинственное настроение [4].

Посетившему меня французскому послу я сообщил содержание этой беседы, присовокупив, что все поведение Турции далеко не внушает мне доверия.

Я обратил их [5] внимание на систематическое выселение греческого населения из Фракии, где власти вынуждают селяков выдавать расписки о будто бы добровольном отказе от земли и имущества. Одновременно производится повсеместное возбуждение против греческих купцов и торговли в Малой Азии.

Все эти тревожные симптомы не дозволяют закрывать глаза на опасности осложнений и делают, по нашему мнению, крайне нежелательным дальнейшее смягчение и без того недостаточно, быть может, определенных выражений в тексте ноты.

Сазонов.

---

[1] См. выше № 242.

[2] „Дружественное влияние".

[3] В состоявшейся 14/1 апреля беседе с Шебеко (переданной последним в СПБ. тел. от 15/2 апр. за № 41) турецкий посол в Вене Хильми-паша заявил, „что передача ответа держав... греческому правительству сделает невозможным всякое непосредственное соглашение между Портою и Грецией и побудит Турцию воспользоваться первым подходящим случаем для возвращения необходимых ей островов Хиоса и Митилены".

[4] В черновом отпуске эта фраза написана вместо зачеркнутой: „При наличности такого настроения едва ли представляется желательным давать ему новый повод для поощрения".

[5] Так в подлиннике.

№ 247. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 733 [1]. 21/8 апреля 1914 г.

Сообщается в Рим.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Риме № 26 [2].

Прошу вас выяснить, как могло правительство, при коем вы аккредитованы, дать инструкции своему послу в Риме, не договорившись предварительно с нами по этому вопросу, по коему у нас имеются некоторые возражения. Сазонов.

№ 248. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 736 [3]. 21/8 апреля 1914 г.

Сообщается в Валону.

Ссылаюсь на телеграмму Петряева № 68 [4].

Прошу вас обратить внимание черногорского правительства на крайнюю желательность остановить вступление войск в пределы Албании. Сазонов.

№ 249. Министр иностранных дел послу в Риме Крупенскому.

Телеграмма № 737 [5]. 21/8 апреля 1914 г.

Ваша телеграмма № 27 [6] получена.

Можете в этом вопросе присоединиться к вашим коллегам.

Сазонов.

№ 250. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 108. 21/8 апреля 1914 г.

№ 728 [7] получен.

Никольсон был крайне озадачен, ознакомившись через меня с ее содержанием. Он не думает, чтобы удалось склонить Германию

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 91, № 1319, где помечена № 735.

[2] См. выше стр. 328, прим. 5.

[3] Лит. копия.

[4] Тел. от 20/7 апр. за № 68 Петряев сообщал о переходе черногорцами границы, определенной Лондонскими постановлениями, и о занятии пунктов Варипайс и Сокатмукст на территории племени Кастрати. Ср. выше № 230.

[5] Лит. копия.

[6] Тел. от 20/7 апр. за № 27 Крупенский сообщал, что „французскому послу поручено просить римский кабинет... о снабжении комиссаров Тройственного союза в Валоне инструкциями, тождественными с инструкциями, полученными комиссарами Тройственного согласия, касательно контроля над финансовыми переговорами албанского правительства“.

[7] См. выше № 242.

на выпущение слова „amicale“, ни Италию на сохранение текста о Кастеллоризо. Французское правительство, с своей стороны, уже согласилось на изменения, предложенные державами Тройственного союза, и возобновление переговоров, несомненно, по его словам, сильно затянуло бы дело, поставив греческое правительство в затруднительное положение. Венизелос убедительно настаивает на скорейшем вручении ему ответа. Лично Никольсону не кажется, чтобы согласие наше в данном случае могло быть объяснено уступкою, каким-либо образом задевающею достоинство держав Тройственного согласия. Он в этом смысле телеграфирует Бьюкенену.

Эттер.

№ 251. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁷/. Депеша № 24. 21/8 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Маркиз ди Сан-Джулиано возвратился в Рим после четырехдневного пребывания в Аббации в воскресенье, 19/6 апреля, вечером, а на следующий день, в понедельник утром, на второй день нашей пасхи, я был у него, и мы имели довольно продолжительную беседу, в которой министр рассказал мне подробно свои впечатления о пребывании в Аббации, стараясь убедить меня, что и после его визита к графу Берхтольду ни малейших изменений в направлении итальянской политики не последовало.

Как до, так и после свидания в Аббации, на котором главным образом обсуждался албанский вопрос, державы Тройственного союза не изменили своего убеждения в необходимости настоять на исполнении Лондонских постановлений относительно греко-албанской границы.—Мы поэтому считаем необходимым,—сказал мне министр,—не только энергично настаивать в Афинах в смысле невмешательства Греции в борьбу между албанцами и эпиротами, но и настоятельно советовать афинскому кабинету употребить все свое влияние на эпиротов в целях прекращения как сопротивления решениям Европы, так и наплыву всевозможных греческих элементов, поддерживающих восстание материально и морально.

Вместе с тем,—продолжал маркиз ди Сан-Джулиано,—мы считаем желательным, чтобы и со стороны албанского правительства были сделаны некоторые уступки эпиротам, хотя и не в той мере, в которой мы это советовали принцу Виду, так как мы убедились

в невозможности итти слишком далеко по этому пути, не вызвав возмущения в самой Албании.

Мы надеемся, что, пока в Афинах останется у власти г. Венизелос, Греция подчинится желаниям Европы, скорейшее осуществление которых тем более желательно, что отношение Греции к албанскому вопросу могло бы измениться к худшему после падения нынешнего кабинета, а в таком случае политическое положение значительно осложнилось и обострилось бы, и трудно сказать, к каким принудительным мерам пришлось бы прибегнуть, если эпироты не подчинились бы нашему непреложному решению.

Кстати об Албании,—сказал мне в конце маркиз ди Сан-Джулиано,—по сведениям, полученным графом Берхтольдом, принц Вид, под влиянием своей супруги и приближенных, намерен де провозгласить себя на-днях королем. Ни граф Берхтольд, ни я этого намерения не одобряем, и от принца этого не скрыли, но в случае его осуществления мы не отказали бы новому королю в его признании.

Мы, разумеется,—сказал мне также министр,—беседовали в Аббации и о других, специально нас интересующих вопросах, но я уверяю вас самым положительным образом,—и это уверение он повторил французскому поверенному в делах,—что о Средиземном море между графом Берхтольдом и мною не было и речи. На мой вопрос, отвечает ли истине появившееся известие, что и Австрия требует некоторых концессий в Малой Азии, маркиз ди-Сан-Джулиано мне подтвердил достоверность этого известия, но прибавил, что концессия, требуемая Австрией, весьма незначительна, и что венский кабинет еще не решил, до какой степени он будет на ней настаивать.

В той же беседе маркиз ди Сан-Джулиано меня спросил, не известно ли мне, как отнесся императорский кабинет к ничтожным изменениям, предложенным державами Тройственного союза в проекте ответа Греции, выработанном державами Тройственного согласия, так как, как я имел честь вам об этом телеграфировать, на эти изменения уже получено согласие Франции и Англии.

Я ответил министру, что до сих пор никаких инструкций по этому поводу я не получил. Я при этом спросил его, какими побуждениями руководились державы Тройственного союза, внося эти изменения. Маркиз ди Сан-Джулиано мне ответил, что упущение постановлений о будущей участи острова Кастеллоризо, которому гарантировалось автономное управление наподобие подлежащего введению в Додеканезе, объясняется тем впечатлением,

которое произвело бы на итальянское общественное мнение одно лишь упоминание о Додеканезе. Лондонская редакция совершенно безобидна и не встретила бы с нашей стороны возражений, если бы мы были уверены, что полный текст этого ответа не появится в газетах. Если же эта нота будет опубликована, что более чем вероятно, то итальянская печать и общественное мнение, руководимые людьми несведущими, подняли бы такой шум, что мы сочли необходимым не упоминать о Додеканезе вовсе, хотя бы даже и косвенно. Второе же изменение было предложено Германией, желавшей несколько смягчить выражения, относящиеся к Турции, и не упоминать о нейтрализации присужденных Греции островов, как бы налагающей на Европу некоторое обязательство гарантировать нейтралитет помянутого архипелага. Если я телеграфировал вам 17/4 апреля за № 25[1] изменения, внесенные державами Тройственного союза в наш проект ответа Греции, то это, во-первых, потому, что меня просил об этом парламентский товарищ министра иностранных дел, который, в отсутствие маркиза ди Сан-Джулиано, весьма торжественно вручил мне измененный текст ноты, а во-вторых, потому, что вашу телеграмму от того же числа за № 717[2], предписывающую мне воздержаться от передачи текста ноты, так как ее сообщение ожидалось другим путем, я получил лишь после отправления моей телеграммы. Как я вам телеграфировал, маркиз ди Сан-Джулиано предполагал сначала прибавить к ответу Греции требование о немедленном очищении греческими войсками областей, присужденных Албании, так как он опасался, что поддержка, оказываемая Грециею эпиротам, не только усилит и продлит их сопротивление, но,—и это главное,—могла бы тогда вызвать европейские осложнения, которых маркиз ди Сан-Джулиано стремится всемерно избегнуть, желая сохранения мира и опасаясь австрийского вмешательства.

Примите и пр. Крупенский.

P. S. Завтра я выезжаю на несколько дней в Венецию на освящение выстроенного на подаренной городом земле русского павильона для художественных выставок. Это торжество почтит своим присутствием ее императорское высочество великая княгиня Мария Павловна, которую я буду иметь честь официально приветствовать в Венеции.

Ut in litteris. Крупенский.

[1] См. выше стр. 327, прим. 2.

[2] Содержание тел. Сазонова от 17/4 апр. за № 717 послам в Берлине, Вене и Риме излагается в публ. документе.

№ 252. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 26. 21/8 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Насколько итальянское правительство интересуется укреплением Албании, а итальянское общественное мнение—также необходимым, с итальянской точки зрения, обеспечением сербско-черногорских жизненных интересов,—видно, между прочим, из двух фактов, о которых я считаю долгом не оставить в неизвестности императорское правительство.

Желая помочь Албании и дать ей возможность бороться с эпиротами, итальянское правительство отправило из Бари в Дураццо в подарок албанскому правительству на особо зафрахтованных для этого судах большое количество боевых снарядов, 10 000 ружей для албанского войска и несколько митральез.

Наряду с этим итальянская коммерческая федерация отметила здешнему правительству желательность видеть осуществленными на деле те постановления Лондонской конференции, которые имели в виду обеспечить за Сербией торговый доступ к Адриатическому морю и которым[1], по мнению названной федерации, должна в широкой мере воспользоваться итальянская промышленность. Отвечая на означенное пожелание, маркиз ди Сан-Джулиано официальным письмом от 19/6 апреля уведомил федерацию, что правительство, в сознании того значения, которое этот доступ к морю будет иметь с точки зрения развития экономических интересов Италии в различных частях Балканского полуострова, заверяет, что оно деятельно занимается возможно безотлагательным осуществлением решений, принятых по этому поводу Лондонской конференцией послов.

Примите и пр. Крупенский.

№ 253. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Письмо [2]. 21/8 апреля 1914 г.

Конфиденциально.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Французский посол в Риме, как вам известно, уже более года страдает от последствий автомобильного столкновения, которое вызвало у него сотрясение мозга и имело следствием значительное уменьшение его работоспособности. Занимаясь поэтому гораздо

[1] Так в подлиннике.

[2] Опубл. Siebert, S. 486—488.

меньше делами и реже встречаясь с министром иностранных дел, он не раз просил меня сообщать ему все, что маркиз ди Сан-Джулиано будет говорить об итало-французских делах.

В свое время я вам подробно и неоднократно доносил[1] о моих беседах с министром по поводу этих дел и по его же, министра, просьбе передавал г. Барреру все, что говорили мне в Консульте.

Уезжая на-днях в Париж, французский посол старался застать меня в день своего отъезда, но меня не было дома, и ввиду этого мы условились по телефону, что мы встретимся на вокзале. Здесь французский посол меня просил рассказать ему еще раз, так как ему изменяет память, все слышанное мною от маркиза ди Сан-Джулиано относительно вопросов, интересующих французское правительство. Ввиду того, что до отхода поезда оставалось недостаточно минут для точного и ясного изложения столь деликатных вопросов и так как г. Баррер должен был остановиться в Виареджио на два дня, по пути в Париж, то я предпочел послать ему туда частную конфиденциальную заметку, которую имею честь при сем приложить[2].

Во вчерашней моей беседе с маркизом ди Сан-Джулиано министр меня спросил о здоровье моего французского коллеги, и я сказал по этому поводу министру, что я не преминул сообщить г. Барреру все, что я слышал от него, и устно повторил все написанное мною в упомянутой заметке.

Признавая, что я передаю его мысли с полной точностью, министр меня поблагодарил и выразил при этом большое свое сожаление, что здоровье г. Баррера все еще не позволяет ему заниматься с привычной энергией и умением делами, столь важными для франко-итальянских соглашений.

Примите и пр.

Крупенский.

Приложение.

ad lettre du 21/8 avril — Confidentielle.

Rome, 1914.

Le marquis di San Giuliano a dit à l'ambassadeur de Russie que le gouvernement français proposerait d'étendre l'application de la clause de la nation la plus favorisée non seulement aux questions économiques, mais aussi à toutes les questions politiques. Le Cabinet de Rome n'y verrait pas d'objections à condition d'une réciprocité et égalité de

---

[1] См. т. I № 222; см. выше № 133.

[2] Следующие два абзаца у Siebert'a отсутствуют.

traitement complètes. Toutefois, selon le marquis di San Giuliano, on ne semblait pas l'entendre ainsi à Paris: le gouvernement de la République se réclamerait, au dire du ministre, de ladite clause toutes les fois qu'elle lui était favorable et en refuserait l'application quand elle se trouvait être avantageuse à l'Italie.

Désireux de rétablir des rapports de confiance entre la France et l'Italie, le marquis di San Giuliano assure y travailler avec zèle[1]. Par conviction politique et par amitié pour Mr. Barrère, dont il voudrait fortifier la position, le ministre des affaires étrangères serait disposé à aller au devant des voeux légitimes de la France et à lui faire même certaines concession qui faciliteraient le rapprochement des deux gouvernements et des deux peuples.

Mais il reproche à la France d'oublier que l'Italie d'aujourd'hui n'est plus l'Italie d'il y a cinquante ans. Il y a un demi-siècle, la France étant très grande Puissance et l'Italie quantité presque négligeable, on s'était habitué à Paris à ne pas la traîter sur un pied d'égalité. Aujourd'hui le royaume d'Italie occupe une autre place dans le monde et joue un autre rôle dans la Méditerranée. Rien que par ce fait, la distance entre les deux pays a été réduite au point de permettre à l'Italie de parler avec la France d'égale à égale. L'opinion française ne s'est pas encore, prétend le marquis di San Giuliano, familiarisée avec ce changement de rapport et, tant qu'on persistera à ne pas reconnaître ce fait capital, les efforts sincères du gouvernement italien tendant au rétablissement des relations cordiales risquent de rester stériles.

Mais le ministre est convaincu que le jour où la France reconnaîtra que l'Italie, comme Grande Puissance, a cessé de lui être inférieure, les obstacles pour le rapprochement des deux peuples seront écartés. Quant aux deux questions pendantes, celle de la compétence judiciaire en Tunisie et celle des capitulations au Maroc, la première serait au dire du marquis di San Giuliano, près d'être résolue, et la seconde, quoique présentant encore de multiples difficultés, en bonne voie de solution.

Profitant de cet entretien, l'ambassadeur de Russie, qui n'avait ni qualité, ni compétence d'entrer en discussion sur le fond des griefs indiqués par le marquis di San Giuliano s'est borné a lui faire observer que si la confiance n'était plus la même du côté français c'est qu'on y suspectait que le traité de la Triple Alliance avait subi des

[1] У Siebert'a: „...tut San Giuliano alles in seinen Kräften stehende, um diese Ziel zu erreichen".

modifications ou que de nouveaux accords hostiles à la France et à sa position dans la Méditerranée y avaient été ajoutés. Le ministre a repliqué qu'il avait déjà déclaré au parlement et à Mr. Barrère, et que Mr. Tittoni avait eu ordre de le faire à Paris, que la Triple Alliance avait été renouvelée sans qu'on y eut changé une virgule, qu'aucun engagement additionnel n'avait été conclu entre l'Italie et ses alliées et que les accords entre la France et l'Italie continuaient à avoir même force et valeur que par devant. Le ministre a ajouté que les suspicions françaises semblaient basées sur des preuves qu'on croyait avoir en main et que ces soi-disantes preuves ne pourraient être que de vulgaires faux; que d'ailleurs si ces assurances ne paraissaient pas suffisantes, il était prêt, si le gouvernement français le désirait, à les répéter au parlement en y provoquant une interpellation.

L'ambassadeur s'est borné à répondre qu'évidemment on n'ignorait pas tout cela à Paris, mais qu'on y trouvait les déclarations du ministre des affaires étrangères italien pas suffisamment explicites.

Перевод.

Маркиз ди Сан-Джулиано сказал российскому послу, что французское правительство предлагало бы распространить принцип наиболее благоприятствуемой нации не только на экономические, но и на все политические вопросы. Римский кабинет не возражает против этого при условии полной взаимности и равенства в применении. Однако, по мнению маркиза ди Сан-Джулиано, в Париже этот принцип понимают иначе: правительство республики будет, по словам министра, ссылаться на указанный принцип каждый раз, когда он будет ему выгоден, и будет отказывать в его применении, когда он будет давать преимущества Италии.

Маркиз ди Сан-Джулиано уверяет, что он с усердием над этим работает, желая установить между Францией и Италией отношения взаимного доверия. По своим политическим убеждениям и по дружбе с г. Баррером, положение которого он хотел бы укрепить, министр иностранных дел расположен пойти навстречу законным желаниям Франции и даже сделать ей известные уступки, которые облегчили бы сближение обоих правительств и обоих народов.

Но он упрекает Францию в забвении того, что теперешняя Италия не такова, какова она была пятьдесят лет тому назад. Полвека тому назад, когда Франция была великой державой, а Италия—почти ничтожной величиной, в Париже привыкли не обращаться с ней, как с равной. Теперь итальянское королевство занимает другое место в мире и играет иную роль в Средиземном море. Уже благодаря одному этому расстояние между обеими транами настолько сократилось, что позволяет Италии разговаривать с Францией, как равный с равным. Маркиз ди Сан-Джулиано считает, что французское общественное мнение еще не приспособилось к этому изменению в отношениях, и, пока во Франции будут упорствовать в нежелании признавать это существеннейшее обстоятельство, до тех пор искренние усилия итальянского правитель-

ства, направленные на установление сердечных отношений, рискуют остаться бесплодными.

Но министр убежден, что в тот день, когда Франция признает, что Италия, в качестве великой державы, перестала быть ей неравной, препятствия к сближению обоих народов будут устранены. Что касается двух неразрешенных вопросов, именно о юрисдикции в Тунисе и о капитуляциях в Марокко, то первый из них, по словам маркиза ди Сан-Джулиано, близок к разрешению, а второй, встречающий еще множество затруднений, находится на пути к разрешению.

Воспользовавшись этой беседой, посол России, в обязанность и компетенцию которого не входило обсуждение существа жалоб, высказанных маркизом ди Сан-Джулиано, ограничился замечанием, что если с французской стороны нет прежнего доверия, то это происходит вследствие подозрения, что договор Тройственного союза подвергся изменениям или что к нему были добавлены новые соглашения, враждебные Франции и ее положению на Средиземном море Министр ответил, что он уже заявил в парламенте и г. Барреру, а г. Титтони поручил сделать то же самое в Париже, что Тройственный союз был возобновлен без изменения хотя бы одной запятой, что никакое дополнительное обязательство не было подписано Италией и ее союзниками, и что соглашения, заключенные между Францией и Италией, продолжают сохранять ту же силу и значение, что и прежде. Министр добавил, что французские подозрения якобы основываются на доказательствах, которыми [Франция] будто бы располагает и что эти так называемые доказательства могут быть лишь абсолютно ложными; впрочем, если эти заверения покажутся недостаточными, то он готов, если того желает французское правительство, вызвав запрос, повторить их парламенту.

Посол ограничился ответом, что, очевидно, в Париже все это известно, но что там находят заявления итальянского министра иностранных дел недостаточно ясными.

№ 254. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 21[1]. **21/8 апреля 1914 г.**

В депеше от [7 апреля] 25 марта за № 19[2] мною представлен отчет о положении дела Восточных дорог, как оно вытекает из данных, получаемых сербским правительством. Для последнего ныне нет более сомнений в том, что и Австрия и Италия одинаково, хотя, вероятно, с различными целями, работают против интернационализации дороги; причем первая явно стремится и к тому, чтобы всю вину за неуспех переговоров взвалить исключительно на Сербию и таким образом иметь подходящий предлог для предъявления ей за „строптивость“ и невнимание к жизненным интересам монархии более тяжелые требования[3], быть может, в ультимативной форме.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 171.

[3] Так в подлиннике.

К таковому же убеждению пришли и приезжавшие на-днях в Белград сербские делегаты. По словам г. Иовановича, на совещаниях в Вене происходит какая-то открытая травля Сербии, преимущественно со стороны венгерских уполномоченных, которые порою принимали столь дерзко-вызывающий тон, что сербскому посланнику пришлось в самой категорической форме напомнить о „равноправности“ всех членов совещания. Не следует ли видеть в этом один из обещанных здешним посланником Австрии способов „сорвать“ совещание?

Впрочем, надо думать, что сербское правительство не попадется в расставляемые ему сети. Как я имел честь сообщить по телеграфу, оно, в полном согласии с высказанным вашим высокопревосходительством мнением, решило до поры до времени не прерывать переговоров[1] и будет стоять на почве первоначальных французских предложений. В этом смысле составлены последние инструкции сербским делегатам, которые по возвращении в Вену должны сообщить о том австро-венгерскому правительству.

Из секретной телеграммы нашего посла в Париже, от [8 апреля] 26 марта № 91[2], явствует, что и французское правительство „продолжает предпочитать интернационализацию Восточной дороги“. Но, к сожалению, как известно, взгляды и пожелания парижского кабинета не всегда разделяются французскими банками, на которые оно в редких случаях может оказать соответственное давление.

Я говорил уже ранее, что здесь возникло предположение о происшедшей в планах французской группы перемене под влиянием австрийских настояний. Предположение это достигло ...[3] степени уверенности после получения Пашичем прилагаемого у сего в

---

[1] Тел. Сазонова Гартвигу от 12 апр./30 марта за № 692: „По сведениям Н. Рафаловича, переговоры об интернационализации Восточных дорог возобновятся в Париже приблизительно через три недели. Хотя на успешность их едва ли можно рассчитывать, нам казалось бы, что со стороны Сербии благоразумно было бы их не прерывать, дабы не облегчить Австрии предъявления каких-нибудь требований и выиграть время для выработки приемлемого способа выкупа дорог“. Гартвиг ответил (тел. от 14/1 апр. за № 124), что серб. прав-во через своего делегата в Вене сообщило графу Витали о своей готовности „вести переговоры об интернационализации, но исключительно на условиях, изложенных в первой записке Дютаста и без всякого отношения к железнодорожному строительству в Сербии“. „Пашич заявил мне,—сообщает Гартвиг,—что Сербия отнюдь не намерена прерывать переговоров, дабы отклонить от себя ответственность за провал интернационализаций“.

[2] См. выше стр. 209, прим. 2.

[3] Слово неразборчиво.

копии на ваше благоусмотрение письма графа Витали от 9 апреля нового стиля [1].

В нем есть все, кроме интернационализации; но и это „все" вращается исключительно вокруг концессий и сопряженных с ними финансовых операций. Ясно, что La Régie Générale des chemins de fer (groupe Vitali) желает забрать в свои руки все железнодорожное строительство в Сербии.

Исходя из соображения, что дело интернационализации Восточной дороги, по всем имеющимся неоспоримым данным, надо считать совершенно неосуществимым, то, смею думать, ныне должен быть поставлен на очередь другой, наиболее выгодный для Сербии способ решения вопроса, а именно выкуп ею названной дороги в полную собственность. Засим, если французские капиталисты, при участии русских банков, действительно имеют в виду план, обнимающий одновременно реализацию займа и оборудование новой железнодорожной сети в Сербии, то, казалось, было бы желательно, и с точки зрения наших политических интересов, склонить всеми доступными средствами названную франко-русскую группу к оказанию сербскому правительству материальной помощи, необходимой для выкупа Восточной дороги.

Само собою разумеется, что взамен этой услуги, как Пашич уже дал понять г. Дютаста, сербское правительство охотно предоставит французским предпринимателям постройку одной из двух крупных линий из тех, проекты коих недавно утверждены скупщиной.

Гартвиг.

№ 255. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 23 [2]. 21/8 апреля 1914 г.

По приезде своем в Белград новый болгарский посланник при королевском дворе с первых же дней сумел занять здесь вполне соответственное корректное положение, снискав себе тем симпатии

---

[1] К депеше приложена копия письма графа Витали Пашичу от 9 апр.: „Наше представление о всем деле,—писал Витали,—исходит из плана, охватывающего одновременно реализацию займа и сооружение новой жел.-дор. сети. Мы поэтому подготовили программу работ, согласно которой линии будут сооружаться последовательно друг за другом, по степени срочности, таким образом, чтобы обеспечить сооружение всей сети в целом, которую вы желаете закончить в возможно краткий срок" (подлинник на фр. яз.).

[2] Лит. копия.

и уважение среди политических и общественных кругов. Человек образованный, воспитанный, много путешествовавший и вращавшийся в придворной сфере, Чапрашиков обладает тактом и уравновешенностью, которые столь необходимы дипломату вообще, а в особенности представителю державы побежденной, призванному восстановить связи с державой-победительницей.

Видимо, питая ко мне доверие, он, само собою разумеется, в откровенных беседах со мною непрестанно касается жгучего вопроса о сербско-болгарских отношениях, улучшению коих он намерен посвятить все свои силы. Высказываясь с полным сочувствием по поводу таковых намерений его, я всячески стараюсь доказать моему коллеге, что на пути этом он не встретит никаких затруднений, при условии однако, если в разговорах с сербами он будет тщательно избегать обсуждения недавних горестных событий и связанной с ними македонской проблемы. В интересах обоих государств не следует ныне растравлять еще не залеченные раны, нанесенные братоубийственной войной, острое воспоминание о которой должно же постепенно сгладиться в умах и сердцах родственных народностей, как в свое время исчезли из их памяти тяжелые сливницкие дни.

По счастью, Чапрашиков отдает себе в этом ясный отчет и, как кажется, совершенно расходится во мнениях с софийскими политическими деятелями, которые первым условием сближения с Сербией ставят пересмотр Бухарестского договора, какие-то автономные привилегии для болгарского населения в Македонии и тому подобные притязания, способные лишь поддерживать здесь раздражение и недоверие к Болгарии.

О беседах со мною и о своих впечатлениях за короткое время пребывания в Белграде Чапрашиков, по его словам, подробно доносил лично королю Фердинанду, особливым доверием коего болгарский представитель всегда пользовался еще за время службы в качестве секретаря тайного кабинета его величества.

На-днях Чапрашиков отправился на некоторое время в Софию, где он намерен откровенно объясниться с правительственными лицами и добиться одобрительных указаний, которые позволили бы ему продолжать примирительную деятельность в Сербии. От успеха миссии Чапрашикова в сильной мере будет зависеть улучшение сербско-болгарских отношений.

[Гартвиг.]

№ 256. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 232. 21/8 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 227[1] и на телеграмму Извольского № 97[2]. Копия в Париж.

Предложение Джавида о возможности обусловить введение нашего представителя в Совет оттоманского долга заменою в нем оттоманского комиссара представителем (дол)[3] и „excédent", имеющей, по проекту Джавида, принадлежать Турции, несомненно более выгодно для нас и более приемлемо для французов, нежели допущение второго немецкого делегата. Опасаюсь однако, что Джавид переоценивает влияние, которым он располагает на немцев. Ввиду этого считаю необходимым воспользоваться благоприятным оборотом настроения французов, подмеченным Севастопуло, и не теряя времени добиться принятия или той, или другой комбинации, могущей ввести нашего делегата в Совет долга[4]. Гирс.

№ 257. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 233. 21/8 апреля 1914 г.

По частным, но внушающим безусловное доверие итальянским сведениям, в Аббации министры не смогли столковаться по вопросу об уделении Австрии доли участия в сфере итальянского влияния в Малой Азии. Согласие не было достигнуто также по вопросам о Дунайско-Адриатической железной дороге, о выборе столицы Албании, о занятии Албании на случай невозможности утвердить в ней порядок. Итальянцы настаивали, будто бы, на оккупации соединенными отрядами шести держав, австрийцы— итальяно-австрийских отрядов. Гирс.

№ 258. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 234. 21/8 апреля 1914 г.

Ныне, после заключения в Париже крупного ликвидационного займа Портою, намечен ряд займов для нужд вилаетов. Среди последних находятся также и семь вилаетов Восточной Анатолии.

---

[1] См. выше № 235.

[2] См. выше № 239.

[3] Так в подлиннике. Очевидно „долга".

[4] Тел. в Париж (сообщ. в Константинополь) от 22/9 апреля за № 747 Сазонов выразил свое полное согласие с мнением Гирса, изложенным в публикуемой тел., и просил Извольского „в этом смысле переговорить с министром иностранных дел".

Ради сохранения в них преобладающего нашего влияния полагал бы весьма желательным, чтобы необходимые для всех семи вилаетов 250 до 300 миллионов франков были предложены нашими финансовыми кругами [1].

Гирс.

№ 259. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 148. 21/8 апреля 1914 г.

Ссылаясь на телеграмму Дабижи № 17 [2], телеграфирую ему. Одновременно делаю шахскому правительству официальное представление о прекращении начатого малиатным управлением ремонта Мешедо-Гауданской дороги и предоставлении этого ремонта, на основании заключенного с нашим банком условия, самому Раис-эт-Туджару [3].

Коростовец.

№ 260. Памятная записка английского посольства в Петербурге, министру иностранных дел.

22/9 апреля 1914 г.

Le colonel Phillips, commandant du détachement anglais à Scutari a fourni un rapport d'après lequel les Monténégrins auraient occupé les districts entiers de Hoti et de Gruda en commettant de graves excès.

---

[1] В ответ на публикуемую тел. Нератов в письме от 22/9 апреля за № 266 просил Гирса сообщить свои соображения по вопросу о том: „1) какие гарантии могли бы обеспечить исправную уплату процентов по займу, и 2) какое обеспечение можно было бы получить относительно самого расходования займа". Гирс в депеше от 30/17 апр. за № 49 указал, что он „лишен возможности" ответить на первый вопрос, а по второму вопросу сообщал, что „обеспечением же относительно самого расходования займа представлялась бы ссуда вилаету денег на известную определенную цель... при этом было бы, конечно, весьма желательно получить и концессию, ради которой заключается заем".

[2] В тел. Дабижи от 16/3 апреля за № 17 сообщалось, „что дело Раис-эт-Туджара закончено подписанием условий, предложенных ему Учетно-Ссудным банком Персии. Концессия дороги, как известно, отошла к банку". Далее указывалось, что ремонт дороги, к которому приступило персидское прав-во, является „вредным прецедентом", и потому Морнару должны быть подтверждены права банка.

[3] Тел. от 25/12 апреля за № 761 Клемм указывал Коростовцу, что если Раис-эт-Туджар будет „фактическим хозяином дороги, то... банк, не имея формальной концессии, не в состоянии будет финансировать предприятие" Клемм советовал для воздействия на перс. прав-во указать ему, что в этом случае росс. прав-во будет требовать ремонта дороги „под угрозой воспрещения нами взимания дорожного сбора с наших подданных". Наконец, он упоминал о том, что банк располагает суммой в 25 000 томанов, „из коих могут быть даны вознаграждения в Тегеране за содействие в получении концессии".

Il craint en outre que toute nouvelle avance des Monténégrins pourrait provoquer une insurrection des Kastrati et des Skreli qui jusqu'ici sont restés tranquilles. Une telle insurrection donnerait au Monténégro le prétexte voulu pour dépasser les frontiéres fixées pas les Puissances.

Le colonel Phillips a donc instamment prié que permission soit accordée de poster un détachement des troupes internationales le long de la frontière des Kastrati.

Selon l'avis de Sir E. Grey il n'était pas question d'employer pour des opérations actives hors de Scutari les troupes qui ont été destinées à l'occupation de la ville même. L'ambassade est chargée de s'informer de la manière de voir du gouvernement impérial à cet égard.

Перевод.

Полковник Филиппс, командующий английским отрядом в Скутари, представил отчет, судя по которому черногорцы заняли целиком районы Хоти и Груда, совершив большие насилия. Он боится, сверх того, что всякое новое продвижение черногорцев может вызвать восстание Кастрати и Скрели, которые до сих пор оставались спокойными. Подобное восстание даст Черногории желаемый предлог для перехода границ, установленных державами.

Полковник Филиппс настойчиво просит поэтому дать ему разрешение расположить международный отряд вдоль границы Кастрати.

По мнению сэра Грея, не было речи об использовании для активных операций за пределами Скутари войск, предназначенных для оккупации самого города. Посольство уполномочено узнать о точке зрения императорского правительства на этот вопрос.

№ 261. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Урге Миллеру.

Телеграмма № 744 [1]. 22/9 апреля 1914 г.

Телеграмма от [3 апреля] 21 марта [2] получена.

Столь значительное уменьшение численности монгольской бригады, конечно, отзовется неблагоприятно на возлагаемой на нее задаче служить объединению монгольского государства и содействовать его внешней защите. Ввиду встречаемых однако вами трудностей в переговорах с монгольскими министрами, мы согласны не возражать против ограничения численности бригады четырьмястами человек, включая сюда батарею и пулеметную команду. Число наших инструкторов—шесть офицеров и двенадцать урядников—представляется в таком случае, по заключению военного министерства, достаточным.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 148.

Военное министерство считает однако трехмесячный срок службы монгольских солдат слишком кратким, ибо прошедшие столь краткий срок обучения солдаты не могут представить надежного кадра для монгольской милиции, а самая бригада будет существовать лишь периодически—к концу третьего месяца обучения. Поэтому военное министерство считает минимальным сроком шесть месяцев с увольнением каждые три месяца половины состава бригады.

Генерал Аверьянов выезжает [29] 16 апреля в Ургу для поверки деятельности наших инструкторов и выработки совместно с вами подробностей соглашения о монгольской бригаде.

[Сазонов.]

№ 262. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

⅟. Телеграмма № 109. 22/9 апреля 1914 г.

Копия в Париж.

Никольсон мог лишь повторить уже ранее сказанное, т. е., что изменения, внесенные державами Тройственного союза в текст редакции, показались ему и, по его представлению Грею, до того незначительными, что министр, не сомневаясь в том, что они будут всеми приняты, немедленно телеграфировал о согласии английского правительства послам в Петербурге, Париже, Берлине [1], Вене и Риме, разрешив им сообщить о сем соответствующим кабинетам. Поспешность этого образа действий он объясняет желанием удовлетворить неоднократным просьбам Венизелоса о безотлагательном вручении ему ответа. Я не скрыл от Никольсона вашего удивления по поводу подобного выступления без предварительного обмена взглядов втроем. Эттер.

№ 263. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

⅟. Письмо. 22/9 апреля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Король и королева, в сопровождении статс-секретаря по иностранным делам, отбыли вчера [21] 8 апреля в Париж для отдания

[1] Тел. от 21/8 апр. за № 57 Свербеев сообщал, что англ. посол в Берлине уже сделал статс-секретарю соответствующее заявление, аналогичное заявлению, сделанному франц. послом в Риме. Свербеев также передавал, что, по сведениям, имеющимся у Ягова от герм. посланника в Афинах, „инструкции получены всеми, исключая русского и французского представителей“.

официального визита, сделанного им в прошлом году президентом Французской республики.

Английское общество с полнейшим сочувствием относится к настоящему путешествию их величеств, и печать, без различия направлений, с редким единодушием отзывается о событии, увенчивающем десятилетие счастливо установившихся между Великобританией и Францией дружеских отношений, естественным образом приведших затем в 1907 году к сближению Англии с Россией. Более оживленное, вызванное этим путешествием обсуждение печатью вопросов международной политики, наглядно обнаружило, до какой степени здесь за последние годы успели проникнуться несомненным значением получившегося положения вещей, а также необходимостью его поддерживать в интересах мира и равновесия.

Англичане всех партий и воззрений, повидимому, ныне отказались от бывшего основного принципа их внешней политики „splendid isolation“, стремясь не только к поддержанию, но и к дальнейшему развитию дружественных связей, соединяющих их страну с Россиею и Франциею. Из разговоров с некоторыми хорошо осведомленными лицами у меня составилось впечатление, что этого же взгляда придерживаются главные представители консервативной партии, не исключая и считающегося вероятным в будущем кандидатом на пост министра иностранных дел лорда Керзона, как известно менее других в начале сочувствовавшего идее англо-русского, на почве Персии, сближения. Высказавшись, как мне передали, в этом смысле перед сэром А. Никольсоном, лорд Керзон ныне, будто бы, даже лично склоняется в пользу более тесного приобщения Англии к франко-русскому союзу, одновременно однако сомневаясь в том, чтобы английский народ решился связать себя обязательствами точно формулированного союзного договора.

Позволяю себе в заключение прибавить несколько слов, доверительно сообщенных мне французским поверенным в делах. Г. Флорио не думает, чтобы вопрос об усилении существующего согласия или о союзе между Россией, Англией и Францией был, в подробном во всяком случае обсуждении, затронут ныне в Париже. По его словам, сэр Э. Грей считает, что дальнейшее развитие и скрепление уз, связывающих три державы, могло бы осуществиться лишь после новых предварительных обменов взглядов Англии отдельно с Францией и Россией по вопросам, непосредственно касающимся ее к ним отношений, так как „самое возникновение Тройственного согласия явилось результатом особых соглашений, основанных на взаимных интересах Англии с каждой из этих держав,

и статс-секретарю казалось неправильным в разговорах с французскими государственными людьми касаться подробностей англо-русского договора 1907 г.".

Считаю долгом привести эти слова поверенного в делах, полагая, что они основаны на разговорах между сэром Э. Греем и г. Камбоном накануне посещения Франции их величествами.

Примите и пр.

Эттер.

№ 264. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [1]. 22/9 апреля 1914 г.

Доверительно.

Немедленно по получении телеграммы вашего высокопревосходительства от [20] 7 апреля за № 728 [2] я отправился к сэру А. Никольсону и ознакомил его с ее содержанием. Из ответной телеграммы моей от [21] 8 апреля за № 108 [3] вам известно, что помощник статс-секретаря принял мое заявление к сведению с нескрываемым смущением. Сэру Э. Грею, по его словам, не казалось, что предложенные державами Тройственного союза поправки вносили существенное изменение в предложенный нами текст ответа. Французское правительство, не колеблясь, высказало свое согласие на принятие поправок, и здесь, повидимому, надеялись, что и с нашей стороны не представится к тому препятствий. Сэр А. Никольсон, главным образом, опасается, что дальнейшее ведение переговоров по настоящему вопросу затянуло бы разрешение его на неопределенное, может быть, продолжительное время, что шло бы вразрез с интересами греков и поставило бы в особенно затруднительное положение Венизелоса, настойчиво ходатайствующего о возможно скорейшем сообщении ему ответа держав. Сэр А. Никольсон не отрицает, что слово „amicale" предпочтительнее было бы выпустить из ответа, сохранив текст, касающийся острова Кастеллоризо, но, повторил он мне, „едва ли не в интересах всех держав и, главное, самой Греции безотлагательно покончить с вопросом". Сэр А. Никольсон, как я счел долгом упомянуть в телеграмме, не думает к тому же, чтобы наше согласие в данном случае могло быть объяснено несовместимой с достоинством держав Тройственного согласия уступкой державам Тройственного

[1] Лит. копия.
[2] См. выше № 242.
[3] См. выше № 250.

союза или капитуляцией перед ними. Позволяю себе прибавить, что австро-венгерский поверенный в делах сказал мне вчера, что слово „amicale“ было включено в текст вследствие желания германского правительства, „не имеющего в виду прибегать к решительным мерам давления против Турции“. Я повторил эти слова гр. Траутмансдорфа сэру А. Никольсону, ответившему мне, что, несмотря на это, менее всего желательной представлялась бы ему новая проволочка в передаче ответа греческому правительству.

Примите и пр. Н. Эттер.

№ 265. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 100. 22/9 апреля 1914 г.

Получил телеграммы №№ 728[1] и 731[2].

Тотчас, вчера и сегодня, сообщил их содержание Думергу, который будет иметь случай сегодня, по пути на смотр войскам в Венсене, переговорить с Греем. Из разговоров с Думергом и Маржери я вынес впечатление, что ни здесь, ни в Лондоне не придают большого значения тем или другим поправкам, но опасаются, что державы Тройственного союза окончательно откажутся принять тексты, на коих вы настаиваете, и дадут Греции самостоятельный ответ, что поставит державы Тройственного согласия в весьма затруднительное положение. Что касается специально острова Кастеллоризо, то возражения держав Тройственного союза здесь объясняются нежеланием Италии упоминать в ответе Греции о Додеканезе и убеждены[3], что римский кабинет не откажется от своих возражений. По мнению Маржери, было бы преждевременно и опасно по настоящему поводу возбуждать вопрос о Додеканезе, который будет поставлен на очередь в свое время. О результате разговора Думерга с Греем я узнаю, вероятно, сегодня вечером и буду телеграфировать.

Извольский.

№ 266. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 101. 22/9 апреля 1914 г.

Продолжение № 100[4].

Маржери присовокупил, что здесь не разделяют ваших опасений насчет воинственного настроения Турции, которая выказала во

[1] См. выше № 242.
[2] См. выше № 246.
[3] Так в подлиннике.
[4] См. выше № 265.

время недавних франко-турецких переговоров по экономическим вопросам большое благоразумие и желание сблизиться с державами Тройственного согласия. Что касается ожидаемых турками денежных средств, то, по словам Маржери, от первой части займа у турок не останется никаких свободных сумм, а вторая будет выдана им не иначе, как при условии, что будет обеспечено мирное течение дела.

Извольский.

№ 267. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 102. 22/9 апреля 1914 г.

Получил №№ 733[1] и 735[2].

Маржери разъяснил мне, что французским послам в Риме и других столицах вовсе не было поручено сообщить о согласии парижского кабинета на измененную державами Тройственного союза редакцию ответа Греции, а лишь сообщено для сведения, что Франция, со своей стороны, согласна на сказанные поправки, в случае такого же согласия России и Англии. По словам Маржери, Палеологу еще в субботу было поручено сообщить вам о вышеизложенном.

Извольский.

№ 268. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 69[3]. 22/9 апреля 1914 г

Копии в Париж и Бухарест.

По сведениям из нескольких источников, в Берлине ведутся переговоры о болгарском займе около 250 миллионов франков. Германское правительство, будто бы вследствие настояний бухарестского кабинета, медлило до сих пор своим согласием, несмотря на посредничество (...)[4] в пользу Болгарии[5]. Ныне, повидимому, удалось склонить румынское правительство снять свое „veto", и тут полагают, что заем будет заключен под условием не употреблять ни малейшей доли его на вооружения. Получение займа в течение одного месяца—вопрос жизни и смерти для кабинета

---

[1] См. выше № 247.

[2] Тел. от 21/8 апр. за № 735 в Париж и Лондон была передана тел. Крупенского от 20/7 апр. за № 26 (см. выше стр. 328, прим. 5).

[3] Опубл. Siebert, S. 631.

[4] Так в подлиннике.

[5] У Siebert'а: „Die deutsche Regierung hat bis jetzt angeblich infolge rumänischer Einwendungen ihre Einwilligung nicht gegeben". Конец фразы у Siebert'а опущен.

Радославова, [и] потому он согласится на всякие условия[1] берлинских банкиров, как бы они ни были тяжелы.

Савинский.

№ 269. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 22/9 апреля 1914 г.

Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Les menées de l'opposition contre Mr. Vénizélos ne cessent de se manifester sous toutes les formes et à tout propos. Il faut dire que la situation anormale dans l'Albanie du sud favorise cette culture à l'extrême.

Dans un rapport de ce jour[2], je me suis permis de vous rendre compte des attaques acharnées, inspirées par l'opposition, du journal „Athinai",— attaques auxquelles je me suis trouvé très involontairement mêlé. Dans un des derniers articles il est même dit—le ministère des affaires étrangères de Grèce s'est transformé en chancellerie de la légation de Russie. Toute rumeur, quelque fantaisiste qu'elle soit, est de suite tournée en arme contre le président du Conseil. Ainsi, le bruit s'est répandu que Mr. Vénizélos, las des incertitudes actuelles, avait invité l'Italie à intervenir pour réprimer la révolte en Epire. On met en avant des candidatures à son remplacement, entre autres celle de Mr. Alexandre Zaimis, ancien commissaire en Crête; celle, plus étrange encore à coup sûr, de Mr. Zographos, chef du gouvernement provisoire de l'Epire du nord. Tout cela semble être de la fantaisie pure, mais n'indiquerait pas moins l'existence de certains symptômes d'un énervement qu'on ne saurait ignorer.

Mr. Streit,—retour de Corfou,—m'a parlé de ses conversations avec l'empereur Guillaume et des intentions conciliantes de l'Allemagne dans

---

[1] У Siebert'a следующая часть фразы опущена.

[2] В доверительном письме от 18/5 апреля Демидов писал, что оппозиционная и германофильская газета „Athinai", субсидируемая „нашими противниками в Греции", поместила сообщение, „будто г. Венизелос обратился ко мне с просьбой ходатайствовать перед императорским правительством о взятии под свое особое покровительство православное население Эпира", и что Венизелос „будто бы заявил о невозможности для него оставаться у власти в случае нашего отказа, наконец, что взамен этого покровительства премьер предоставил России широкие концессии на Афоне и т. п.". „Ввиду недопустимости, на мой взгляд, — пишет далее Демидов,—распространения слухов о каком-либо моем вмешательстве во внутренние греческие распри, я счел нужным немедленно потребовать от бюро печати самого гласного опровержения. К этому меня побуждало также желание поддержать г. Венизелоса путем участия моего в намеченном опровержении".

l'affaire d'Epire. Il m'a dit avoir compris de ses entretiens, que l'Allemagne cherchait, avant tout, une pacification, devant écarter les périls de mésentente entre ses deux alliés. C'est la voie qu'elle est tenue de suivre. L'empereur, m'a-t-il dit, lui avait adressé de vifs reproches de ce que le gouvernement grec ne s'était pas adressé, pour son emprunt, à la finance allemande.

Pour ce qui est de la question des îles de l'Egée, il n'en aurait été fait que mention légère, le baron Wangenheim n'étant arrivé à Corfou qu'après le départ du ministre, et la position de l'Allemagne, en cette affaire, étant sensiblement fausse à l'endroit de la Grèce. Tout compte fait, je ne pense pas qu'il y ait eu décision quelconque d'adoptée, si ce n'est l'octroi à Mr. Streit du grand cordon de l'Aigle Rouge.

Mon collègue d'Italie, le comte Bosdari, rentré d'un séjour d'une quinzaine à Rome, s'est plaint à moi de l'extrême grecophobie qui y règne dans les milieux politiques,— jointe à l'ignorance absolue des progrès réalisés par un Etat, auprès duquel il est appelé à jouer un rôle peu conforme, selon lui, aux intérêts de son pays. Par contre, ajouta-t-il confidentiellement, il existe à la Consulta un courant marqué, très favorable à la Bulgarie dont, malgré les fautes commises, on escompte un essor et regain nouveau. Au cours de l'audience que lui a accordée son souverain, le comte Bosdari s'est rendu compte, en outre, du peu de cas que faisait sa majesté italienne du roi Constantin. Il est hors de doute, de l'avis de mon collègue, qu'il ne faille chercher la racine du mal dans l'attitude opportuniste des seconds rôles et des bureaux, dont l'action renchérit toujours sur les tendances directrices, et alimente par ses exagérations intéressés, une animosité peu justifiée en somme et, de ce fait même, plutôt artificielle.

Nous sommes à la veille, semble-t-il, de la remise à la Grèce de la réponse des Puissances. Nous en avons collationné hier, à six, le texte, trouvé identique. Il n'y a divergence qu'au sujet d'un mot de la communication orale sur la nécessité de l'évacuation de l'Epire. Mes collègues d'Angleterre et de France „espèrent" que l'Epire sera immédiatement évacué; les autres demandent cette évacuation en formules plus fermes; tous se sont mis d'accord sur l'expression „s'attend à", quoiqu'ad referendum. J'ai profité de ce nouveau retard pour solliciter de vous, pour acquit de conscience, des précisions relativements à ma participation à la démarche, mes instructions ne concernant que la réponse,— au sujet de l'évacuation de l'Epire,— à la note grecque du 30/17 mars. Je ne doute point que vous n'ayez eu en vue mon adjonction aux deux communications simultanées.

Mr. Streit m'a longuement entretenu des possibilités d'un arrangement à l'amiable entre Epirotes et Albanais. Tous ses efforts sont tendus dans cette direction et, il paraît, tabler sur les moindres indices favorables. Il penchait à croire, sur la foi de données reçues de Mr. Varatassi à Corfou, que les concessions envisagées par le gouvernement albanais s'étaient sensiblement rapprochées des exigences de Mr. Zographos et qu'une reprise de négociations à Durazzo, par le canal de l'ex-préfet de Corfou, pourrait amener la détente et l'accord souhaités. Il paraîtrait que tant Tourkhan Pacha qu'Essad lui-même, se montraient plus conciliants, tout en craignant, pour des motifs d'ordre intérieur que leurs noms ne soient accolés à une action modératrice. Peut-être des conseils allemands venus de Corfou y sont-ils pour quelque chose dans ce revirement. D'autre part, le gouvernement hellénique, ne voulant pas s'immiscer ouvertement aux „affaires d'Albanie", ni paraître „en quémandeur" à Durazzo, serait désireux qu'on fit signe à Mr. Varatassi de vouloir reprendre des pourparlers, que Mr. Streit considère, à tort ou à raison, très susceptibles d'aboutir. Il m'a prié de vous en toucher deux mots, en exprimant l'espoir que vous ne refuseriez pas d'agir dans ce sens par l'entremise efficace de notre commissaire, auquel on est déjà vivement reconnaissant ici de l'appui qu'il a prêté et des conseils bienveillants et sages, qu'il a donnés à Mr. Varatassi.

J'ose croire qu'il ne serait pas mauvais qu'on nous attribuât, fût-ce en partie, le succès de négociations, dont le but est d'assurer une existence viable aux populations orthodoxes de l'Albanie.

Veuillez agréer, cher Сергей Дмитриевич, les assurances de mon inaltérable dévouement.

Démidow.

Перевод.

Конфиденциально.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Происки оппозиции против г. Венизелоса продолжают проявляться в различных формах и по всем поводам. Надо сказать, что ненормальное положение в Южной Албании чрезвычайно этому благоприятствует.

В сегодняшнем донесении я позволил себе сообщить вам об ожесточенных нападках газеты „Athinai", инспирированных оппозицией,—нападках, в которые я против своей воли оказался замешанным. В одной из последних статей даже сказано, что греческое министерство иностранных дел превратилось в канцелярию русской миссии. Всякий слух, как бы фантастичен он ни был, сейчас же обращается в оружие против председателя совета министров. Так, распространился слух, что г. Венизелос, утомленный неустойчивостью настоящего положения вещей, предложил Италии вмешаться для подавления восстания в Эпире. Выдвигаются кандидатуры для его замещения, между прочим кандидатура г. Але-

ксандра Заимиса, бывшего комиссара на Крите, а также несомненно еще более странная кандидатура г. Зографоса, главы временного правительства Северного Эпира. Все это представляется чистой фантазией, но все же указывает на существование некоторых симптомов беспокойства, которые не следует игнорировать.

Г. Стрейт по возвращении с Корфу рассказывал мне о своих разговорах с императором Вильгельмом и о мирных намерениях Германии в эпирском деле. Он сказал мне, что из этих разговоров вывел заключение, что Германия стремится прежде всего к умиротворению, которое должно устранить опасность разногласия между ее двумя союзниками. Это путь, которому она должна следовать. Император,—сказал он мне,—его сильно упрекал в том, что греческое правительство не обратилось за займом к германским финансовым кругам.

Что касается вопроса об островах Эгейского моря, то о них было лишь вскользь упомянуто, так как барон Вангенгейм прибыл на Корфу после отъезда министра, и позиция Германии в этом вопросе является довольно лицемерной в отношении Греции. В конечном итоге я не думаю, чтобы было принято какое-либо решение, если не считать награждения г. Стрейта большим орденом Красного Орла.

Мой итальянский коллега граф Боздари, вернувшись после 15-дневного пребывания в Риме, жаловался мне на крайнюю грекофобию, царящую там в политических кругах и сочетающуюся с полным незнанием успехов, достигнутых государством, при котором он призван играть роль, не отвечающую, по его словам, интересам его страны. Напротив, добавил он конфиденциально, в Консульте замечается ярко выраженное течение, весьма благоприятное Болгарии, от которой, несмотря на совершенные ею ошибки, ожидают нового подъема и роста. В течение аудиенции, полученной им у своего государя, граф Боздари, между прочим, понял, что его величество король итальянский придает очень малое значение королю Константину. Нет сомнения, по мнению моего коллеги, что корень зла следует искать в оппортунистической позиции второстепенных лиц и канцелярий, которые в своих действиях всегда идут дальше намеченных выше тенденций и питают своими сознательными преувеличениями в конечном счете малооправданную и вследствие этого искусственную вражду.

Мы находимся, как видно, накануне вручения Греции ответа держав. Мы сверяли вчера в 6 ч. текст, оказавшийся идентичным. Разногласия имеются лишь в устном сообщении по поводу одного слова, касающегося необходимости эвакуации Эпира. Мои английский и французский коллеги „надеются“, что Эпир будет немедленно эвакуирован; остальные настаивают на этой эвакуации в более категорических выражениях; все согласились принять выражение „рассчитывает“ хотя [бы] ad referendum. Я воспользовался этой новой отсрочкой, чтобы просить у вас, для успокоения совести, более точных инструкций по поводу моего участия в дипломатическом выступлении, так как полученные мной инструкции касаются лишь ответа по поводу эвакуации Эпира на греческую ноту от 30/17 марта. Я не сомневаюсь, что вы имели в виду мое присоединение к этим двум одновременным заявлениям.

Г. Стрейт длительно занимал меня разговором относительно возможности полюбовного соглашения между эпиротами и албанцами. Все его усилия направлены в эту сторону, и он готов положиться на малейшие благоприятные признаки. Он склонен верить, на основании сведений, полученных от г. Варатасси на Корфу, что уступки, на которые идет албанское правительство, зна-

чительно приблизились к требованиям г. Зографоса и что возобновление переговоров в Дураццо, при посредничестве бывшего префекта на Корфу могут привести к желательному успокоению и согласию. Повидимому, как Турхан-паша, так и сам Эсад, оказались настроенными более примирительно, несмотря на их боязнь, вызванную соображениями внутреннего порядка, чтобы их имена не оказались связанными с попытками примирения. Быть может, германские советы, полученные с Корфу, сыграли известную роль в этой перемене. С другой стороны, греческое правительство, не желая открыто вмешиваться в албанские дела или являться в роли „попрошайки" в Дураццо, хотело бы, чтобы г. Варатасси был сделан намек на возобновление переговоров, которые, как основательно или неосновательно считает г. Стрейт, могут увенчаться успехом. Он просил меня коснуться этого в двух словах, выражая надежду, что вы не откажете воздействовать в этом направлении через столь действительное посредничество нашего комиссара, которому здесь уже очень благодарны за оказанную им поддержку и за благожелательные и разумные советы, преподанные им г. Варатасси.

Я смею думать, что будет неплохо, если нам припишут, хотя бы частично, успех переговоров, целью которых является обеспечение сносного существования православному населению Албании.

Примите и пр.

Демидов.

№ 270. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 236. 22/9 апреля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 732 [1], ссылаюсь на мой № 225 [2]. Я непрестанно пользуюсь каждым случаем, чтобы настаивать перед великим визирем, Талаатом, а за последнее время и Джавидом, на необходимости принять решительные меры к прекращению недопустимых преследований во Фракии. В этом гонении проявляется особая ненависть турок к грекам, (что), может быть, отчасти объясняет малое усердие низших властей к выполнению на местах обещаний, вызываемых [3] у центрального правительства.

Гирс.

---

[1] Тел. от 21/8 апр. за № 732 Сазонов, ссылаясь на свою тел. № 731 (см. выше № 246), предлагал Гирсу обратить „внимание турецких министров на преследование христианского населения Фракии".

[2] В тел. от 16/3 апр. за № 225 Гирс сообщал, что им сделано заявление представителям константинопольского патриарха о недопустимости предполагаемой отмены празднования пасхи, что могло бы произвести на турок впечатление политической демонстрации; далее он указывал, что настаивает перед турецк. правительством о воспрещении местным властям принуждать греков к выселению.

[3] Так в подлиннике.

№ 271. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 307. 22/9 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран:

Циркуляр министра внутренних дел о производстве выборов получен. Подробностей приказано ждать с ближайшей почтой.

Сообщив мне эту новость, Шоджа-эд-Доуле заявил, что, как частный человек, он готов оказать императорскому правительству содействие в производстве выборов, если таковые признаются императорским правительством желательными, но, как генерал-губернатор Азербайджана, он не может руководить ими, ибо убежден, что, при первом известии о серьезном намерении приступить к ним, не только в областях, удаленных от Тавриза, как Караджадаг, Соуджбулаг и Ардебиль, начнутся беспорядки, но и в самом Тавризе трудно будет поддержать порядок. Он прибавил, что в течение двух с половиной лет он ни разу не предпринимал экспедиций, стараясь и успевая поддерживать свой престиж и спокойствие в крае убеждениями и другими мирными средствами. Теперь ему придется проливать кровь, чего он не желает, и просит принять его отставку, назначив правителем Азербайджана кого-либо другого из местных жителей или из Тегерана. В течение 2 часов я доказывал ему необходимость руководить выборами как в его личных интересах, так и в интересах края, указывая ему на то обстоятельство, что от нового меджлиса могут быть два результата: или представительный образ правления в Персии будет окончательно скомпрометирован, или меджлис будет умеренным и будет работать на благо страны. Я указал ему некоторые практические способы сохранить влияние на депутатов и по отъезде их в Тегеран, где под давлением окружающей обстановки политические убеждения провинциальных депутатов меняются. Повторил ему еще раз разъяснение об интимной стороне выборов в Европе и заверил его, что при наличии нашей поддержки, каковой он пользовался до сих пор, ему лично никакой опасности от перемены власти в Тегеране нечего опасаться. Я оставил его, повидимому, готовым подчиниться нашему желанию. Полагал бы необходимым присутствие здесь для подготовки населения к выборам урмийского губернатора Этимад-эд-Доуле, как отлично знакомого с населением Тавриза и способного убедить лиц, на которых остановится выбор Шоджа-эд-Доуле, принять звание депутатов. Самому Шоджа-эд-Доуле и мне вряд ли это удастся. Прошу для этого снабдить Введенского категорическим приказанием воздействовать на Этимад-

эд-Доуле в смысле необходимости произвести выборы, вместе с тем необходимо поспешить с укомплектованием стрелковой бригады.

Войска I корпуса начнут отбывать отсюда [28] 15 апреля. Было бы желательно организовать в то же время и прибытие солдат на пополнение наших отрядов. Ранее приведения наших войск в должный состав я полагал бы объявления о выборах не делать[1].

Орлов.

№ 272. Посланник в Рио-де-Жанейро министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 22/9 апреля 1914 г.

Телеграмму [из] Вашингтона получил [3].

Чили продает два броненосца, строимых в Англии, вероятно, Греции. Бра[зилия] заявил[а], что намерен[а] [строить] новые броненосцы, вследствие чего Аргентина отложила продажу своих судов.

Максимов.

№ 273. Управляющий министерством финансов министру иностранных дел.

Письмо № 134. 22/9 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [26] 13 марта сего года за № 119 [4] я сообщил, в ответ на запрос вашего превосходительства, что приобретение Русско-Азиатским банком всего предприятия Салоникского банка представлялось бы, по моему мнению, весьма желательным, но до выяснения всех условий предложенного соглашения с французской финансовой группой, владеющей ныне акциями Салоникского банка, я не считал бы возможным высказаться окончательно за отказ от ранее заключенного договора об участии Русско-Азиатского банка, совместно с французской и английской группами, в приобретении объединяемых в одно предприятие Салоникского и национального Турецкого банков.

В настоящее время, получив более подробные сведения об основаниях проектируемого договора, имею честь уведомить ваше пре-

---

[1] Ссылаясь на эту тел. Орлова, Сазонов в тел. от 23/10 апреля за № 754 просил наместника на Кавказе „либо отложить выступление войск I корпуса до окончания выборов, либо произвести смену наших войск в Тавризе, дабы не было периода, когда в этом городе оказался бы слишком слабый состав".

[2] В лит. копии отсутствует.

[3] См. выше стр. 100, прим. 1.

[4] См. выше стр. 110, прим. 2.

восходительство, что я не встречаю более сомнений в значении приобретаемого Русско-Азиатским банком финансового и политического влияния. Ввиду предоставления названному кредитному учреждению всех отделений Салоникского банка, за исключением Сирии и Смирны, и при условии обеспечения на достаточно длительный срок открытых ныне французскими банками кредитов, Русско-Азиатский банк мог бы превратить в свои отделения все существующие в балканских государствах учреждения Салоникского банка и затем преобразовать этот банк в оттоманское предприятие. При таких условиях значительно уменьшились бы препятствия, которые банк встречал бы в своей деятельности со стороны местных правительства и части населения. Вместе с тем представлялась бы возможность в ближайшем будущем открыть в главнейших пунктах Армении отделения преобразованного Салоникского банка, с привлечением, быть может, к некоторому участию в нем и местных армянских капиталистов.

Ввиду приведенного предположения я не усматривал бы необходимости в распространении ныне на Армению операций других русских банков и в особенности к предоставлению кому-либо из них прав, исключающих одновременную деятельность других кредитных учреждений. Соответственно сему я полагал бы, что ходатайство, заявленное от имени Тифлисского коммерческого банка гг. Манташевым и Пападжановым, подлежало бы отклонению.

Примите и пр.

П. Барк.

№ 274. Памятная записка российского министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

23/10 апреля 1914 г.

En réponse à l'aide-mémoire en date du 22/9 avril c-t [1] le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur d'informer l'ambassade de sa majesté britannique qu'il partage entièrement l'avis de Sir E. Grey que les troupes internationales destinées à l'occupation de la ville de Scutari ne sauraient être employées pour des opérations à la frontière des Kastrati.

A ce qui précède le ministère se fait un devoir d'ajouter que le représentant russe à Cettigné a été chargé d'attirer l'attention du gouvernement monténégrin sur la nécessité de s'abstenir de l'envoi de ses troupes dans territoires albanais.

---

[1] См. выше № 260.

Перевод.

В ответ на памятную записку от 22/9 апреля с. г. императорское министерство иностранных дел имеет честь уведомить посольство его величества короля Великобритании, что оно всецело разделяет точку зрения сэра Э. Грея о том, что международные отряды, предназначенные для занятия города Скутари, не должны быть использованы для операций на границе Кастрати.

К изложенному выше министерство считает своим долгом добавить, что представителю России в Цетинье было поручено обратить внимание черногорского правительства на необходимость воздержаться от посылки войск на территорию Албании.

№ 275. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 751 [1]. 23/10 апреля 1914 г.

Ввиду заявлений Венизелоса о желательности скорейшего получения ответа и не встречая поддержки Франции и Англии ко внесению предложенных нами поправок, мы вынуждены присоединиться к общей ноте держав. Инструкции даны посланнику в Афинах [2].

Сазонов.

№ 276. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 752. 23/10 апреля 1914 г.

Сообщается в Берлин, Вену и Рим.

Дабы не задерживать ответа держав Греции, можете присоединиться к представлениям ваших коллег в форме ноты, а также словесного заявления об эвакуации.

Сазонов.

№ 277. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 103. 23/10 апреля 1914 г.

Личная. Думерг сказал мне, что сегодня он будет иметь случай затронуть с Греем более важные вопросы общей политики и что ввиду этого он не хотел вчера слишком настаивать перед ним на принятии ваших возражений, касающихся ответа Греции.

Извольский.

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 94, № 1322.

[2] Ссылаясь на публикуемую тел., Эттер сообщал Сазонову, что „Никольсон с искренней благодарностью ознакомился с принятым вами решением. Бьюкенен не обнадеживал его в возможности получения вашего согласия, и Никольсон ныне, видимо, сожалеет о преувеличенной поспешности, проявленной в данном случае лондонским кабинетом".

№ 278. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 104. 23/10 апреля 1914 г.

Прошу срочных распоряжений. Продолжение моих №№ 100 и 101[1].

Вчера вечером на приеме в английском посольстве имел объяснение с Греем и Думергом. Оба подтвердили мне соображения, высказанные г. де Маржери, и сказали, что, подробно обсудив сделанное мною от вашего имени сообщение, они пришли к заключению, что было бы крайне нежелательно и даже опасно задерживать ответ Греции из-за изменений, не имеющих, по их убеждению, существенного значения. По словам Грея, при вручении ему выработанного державами Тройственного согласия готового проекта, Ягов не скрыл от английского посла, что подобная процедура несколько унизительна для держав Тройственного союза; поэтому предложенные последними поправки имеют главным образом целью охранить их самолюбие. Думерг присовокупил, что Венизелос с нетерпением ожидает ответа и что для него весьма важно сослаться перед общественным мнением Греции на требование держав очистить Эпир; по сведениям из Вены и Рима, если вследствие дальнейшей проволочки Венизелос подаст в отставку, Австрия и Италия усилят свое давление на афинский кабинет. Вследствие всего вышеизложенного Думерг и Грей единодушно высказались за принятие поправок держав Тройственного союза и за скорейшее вручение Греции ответной ноты. Думерг телеграфирует в этом смысле Палеологу.

Извольский.

№ 279. Посол в Париже министру иностранных дел.

Депеша № 13[2]. 23/10 апреля 1914 г.

Английская королевская чета прибыла во вторник в Париж для отдачи официального визита, сделанного в прошлом году вновь избранным президентом республики г. Пуанкаре; так как, с другой стороны, этот визит является первым, который король Георг V делает главе французского правительства со времени своего вступления на престол, то событие это вызвало здесь особенное воодушевление, и правительство республики, точно так же, как и французский народ, приложили все усилия, чтобы прием, оказанный

[1] См. выше №№ 265 и 266.

[2] Лит. копия.

монарху дружественной державы, оказался исключительно блестящим и сердечным.

Официальная программа пребывания их величеств во Франции заключалась в следующем. После встречи монархов президентом и его супругой, а также президентами палат и высшими должностными лицами, г. и г-жа Пуанкаре отвезли своих высоких гостей в здание министерства иностранных дел, где они будут иметь пребывание. Через час после этого король и королева отдали визит президенту в Елисейском дворце. После сего его величество принимал начальников аккредитованных здесь иностранных посольств и миссий, а вечером у президента республики состоялся парадный обед и после него театрально-музыкальный вечер.

У сего имею честь приложить, в газетных вырезках, тексты тостов, которыми президент республики и король Георг обменялись во время означенного парадного обеда[1]. Речи эти отличались самой теплой сердечностью. Здешняя печать с особенным вниманием отметила слова г. Пуанкаре о том, что визит английской королевской четы является ярким закреплением дружбы, которая ныне освящена временем и опытом, обнаружила свою постоянную действенность и отвечает зрелому убеждению обоих могущественных народов, одинаково желающих мира, стремящихся к прогрессу и одинаково приученных к свободным порядкам. В ответе короля газеты отмечают слова об удовольствии, которое его величество испытывает, находясь во Франции как раз в десятую годовщину после заключения соглашений, которыми оба народа мирным путем разрешили разделявшие дотоле их политические вопросы. Эти соглашения явились основанием тех близких и сердечных отношений между Англией и Францией, благодаря коим оба народа могут ныне работать совместно на пользу интересов цивилизации и мира.

На следующий день, в среду, состоялся, в присутствии высоких гостей, весенний парад войскам парижского гарнизона в Венсене, на котором присутствовало громадное количество публики. После прохождения войск церемониальным маршем были произведены в высшей степени эффектные атаки: пехоты—под прикрытием огня артиллерии—и сквозная атака конницы через пулеметную роту. При отбытии со смотра, когда экипажи их величеств шагом следовали вдоль трибун, находившаяся на последних публика проводила королевскую чету самыми восторженными овациями.

После смотра состоялся торжественный прием в ратуше, а за-

[1] К депеше приложен в газетных вырезках текст тостов.

тем обед, данный королем в честь г. Пуанкаре. Вечером имел место спектакль gala в опере.

Сегодня днем королевская чета присутствует на скачках в Отейле, после чего состоятся обед и вечерний прием в министерстве иностранных дел.

Завтра их величества покидают утром Париж.

Как я имел уже честь упоминать выше, воодушевление французского народа по поводу первого посещения Франции королем Георгом, совпавшим[1] с десятилетием „сердечного согласия“, весьма велико и столь же искренно. В бесчисленных вызванных этим событием газетных статьях отсутствует в этом отношении малейшая диссонирующая нота.

Примите и пр.

Извольский.

№ 280. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 23/10 апреля 1914 г.

В. доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В доверительном письме от [24] 11 марта[2] с. г. посол наш в Риме гофмейстер Крупенский приводит слова г. Фузинато, ясно свидетельствующие о неудовольствии итальянского правительства против Австро-Венгрии, и говорит далее, что, „если более осторожный маркиз ди С.-Джулиано не вполне разделяет мнения гг. де Мартино и Фузинато, он тем не менее не может не желать избавиться от необходимости подчинять политику Италии австрийским указаниям... Но это, разумеется,—продолжает наш посол,—не помешает ему быть впредь, как и до сих пор, послушным исполнителем политики Тройственного союза...“

То же самое можно приблизительно сказать о здешних государственных деятелях, которые, повидимому, сильно тяготятся необходимостью сообразовать политику Германии с нередко вполне чуждыми ей интересами Двуединой монархии.

Мне не раз уже приходилось отмечать в своих письмах неудовольствие, проявляемое в Берлине по поводу как эгоистической политики Австро-Венгрии, так в особенности единоличных, а подчас и совместных с Италией выступлений венского кабинета, ставящих германское правительство перед „fait accompli“.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] См. выше № 80.

Нынешняя зима богата подобного рода выступлениями, и еще недавно Циммерман, за отсутствием статс-секретаря, поведал сэру Э. Гошен о новом шаге, предпринятом, будто бы, Австрией и Италией по поводу желательности возможно быстрого отозвания греческих войск из Эпира, мнение о коем берлинского кабинета было, будто бы, запрошено лишь в самую последнюю минуту.

Мне не удалось однако же выяснить, действительно ли был сделан этот шаг и где именно: в Афинах или в столицах держав Тройственного союза. Осторожно запрошенный мною на эту тему Ягов отозвался полным незнанием. Но суть собственно не в этом, а в тех комментариях, которыми не всегда сдержанный в своих выражениях г. Циммерман сопровождал свое повествование. Державы Тройственного согласия,—сказал он,—всегда сговариваются между собою, а Тройственный союз поступает обыкновенно совершенно иначе. Австро-Венгрия, задумав что-либо, спешит привести свою мысль в исполнение, Италия тянет иногда в другую сторону, а Германия, запрошенная или уведомленная о предполагаемом выступлении в последнюю минуту, принуждена бывает волей-неволей поддержать своих союзниц. Все это сказано было, повидимому, с большим раздражением.

От несравненно более осторожного статс-секретаря мне также приходилось, если вам угодно будет припомнить, слышать, хотя и не столь резкие, но тем не менее весьма горькие жалобы на некорректный образ действий венского кабинета, принимающего в соображение лишь австро-венгерские интересы, не имеющие часто ничего общего с интересами Германии.

Новым поводом к неудовольствию против Двуединой монархии послужили, будто бы, как мне сообщено было из вполне доверительного источника, настойчивые требования венского кабинета, чтобы Германия уступила Австро-Венгрии один, хотя бы самый незначительный, в сфере своего влияния порт в Малой Азии. Переговоры эти велись, повидимому, в Берлине лицом, специально для этого присланным из Вены, и в конце концов увенчались, будто бы, несмотря на сильное сопротивление германского правительства, полным успехом. За достоверность этого известия я, очевидно, ручаться не могу, тем более что я не представляю себе, о каком порте могла бы итти речь. К этому нужно еще прибавить, что, по имеющимся у меня конфиденциальным сведениям, здесь, повидимому, также крайне недовольны предстоящей нейтрализацией Восточных железных дорог и что берлинский кабинет, будто бы, всячески старается влиять на сербское правительство, дабы по-

будить его добиться от Австро-Венгрии согласия последней на выкуп сказанных дорог,—выкуп, о котором в Вене в свое время и слышать не хотели.

Кроме всего вышеизложенного, Германия имеет, мне кажется, еще один повод негодовать на свою союзницу, и повод этот является на мой взгляд самым главным. Сама по себе слабая, вследствие разношерстности своего народонаселения, Австро-Венгрия рядом своих политических ошибок, начавшихся в 1908 г. присоединением Боснии и Герцеговины, еще более себя расшатала и ослабила. Вражда населяющих ее национальностей за последние годы значительно обострилась, дисциплина в армии понизилась, а о неудовлетворительном состоянии ее финансов и говорить не приходится.

В настоящем своем положении Двуединая монархия вряд ли может считаться равноправным с Германией фактором Тройственного союза, и вряд ли она может быть для нее тем могучим пособником, на которого Германия в праве была бы рассчитывать. Все это, очевидно, вполне ясно сознается в Берлине, и германское правительство, видя слабость своей союзницы, волей-неволей принуждено напрягать все свои силы, дабы увеличить численный и боевой состав своей армии и пополнить тем недочет, который замечается теперь в Австро-Венгрии.

Все это однако же не помешает руководителям германской политики действовать и впредь в строгом единении с Габсбургской монархией, отстаивая ее престиж и интересы каждый раз, что им грозила бы опасность.

Примите и пр.

Свербеев.

№ 281. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 21. 23/10 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Граф Берхтольд вернулся третьего дня из своей поездки в Аббацию, куда министр иностранных дел, как вашему высокопревосходительству известно, ездил для свидания с маркизом Сан-Джулиано. Какие вопросы именно обсуждались двумя министрами и сопровождавшими их лицами,—с точностью установить трудно, тем более что материала в настоящую минуту для политических переговоров между ними было очень много.

Не подлежит только сомнению, что одною из главных тем

разговоров было отношение австро-венгерского правительства к итальянскому населению Австро-Венгрии и в частности к учреждению итальянского университета в Австрии. Несомненно также, что официальное обсуждение этого вопроса было весьма неприятно австро-венгерскому правительству и что оно весьма неохотно согласилось коснуться этого вопроса, хотя бы в туманной редакции в официальном сообщении о результате вышеозначенного свидания, текст которого считаю долгом при сем препроводить вашему высокопревосходительству [1].

Нужно полагать, что графу Берхтольду удалось и в этом случае увернуться от каких-либо конкретных обязательств и что маркизу ди Сан-Джулиано пришлось удовлетвориться неопределенными обещаниями и согласием коснуться этого вопроса в опубликованном сообщении, дабы итальянское общественное мнение знало, что вопрос этот обсужден был при свидании министров.

В числе других вопросов, затронутых в Аббации, несомненно были: албанский, Восточных железных дорог, вопрос Салоник, Эгейских островов, о сфере влияния в Малой Азии и возможности слияния Сербии с Черногорией. При болезненной замкнутости австрийских дипломатов вообще, и графа Берхтольда в особенности, притти к каким-либо заключениям из разговоров с ними по упомянутым вопросам весьма трудно. Ближайшее будущее покажет, насколько двум министрам удалось столковаться по всем этим жгучим вопросам, в которых интересы союзников часто не только не тождественны, но даже прямо противны друг другу.

Так, в албанском вопросе только общие противники в лице сербов и греков побуждают Австрию и Италию до поры до времени скрывать глубокое недоверие друг к другу и стремление обеих одержать верх в борьбе за обладание восточным побережьем Адриатического моря.

Общее впечатление от свидания австро-венгерского и итальянского министров иностранных дел в Аббации,—что им удалось продолжить на некоторое время весьма непрочное соглашение, но что те усилия, которые прилагаются с обеих сторон для того, чтобы доказать незыблемость союза, служат лучшим доказательством противного.

Примите и пр.

Шебеко.

---

[1] Приложена газетная вырезка.

№ 282. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 756[1]. 24/11 апреля 1914 г.

Телеграмма № 151[2] получена.

Всякому поползновению шахского правительства посягнуть на казачью бригаду вам надлежит дать самый решительный отпор, заявив, что мы сочли бы это враждебным нам актом и что это сделало бы невозможным отозвание наших войск из Персии. В начале будущей недели состоится совещание относительно реорганизации бригады[3], после чего мы сможем формулировать наши предложения.

Нератов.

№ 283. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 757[4]. 24/11 апреля 1914 г.

Телеграмма № 135[5] получена.

Исаак-хан, утверждая положительно, что регент после коронации тотчас покинет Персию, указал на необходимость ныне же озаботиться составом будущего кабинета, причем также считает Саад-эд-Доуле единственным подходящим кандидатом на пост председателя совета министров. Он частным образом преподал Саад-эд-Доуле настоятельный совет наладить отношения с англичанами и искать сближения с нужными местными деятелями.

Сообщая об этом для личного вашего сведения, считал бы полезным, чтобы вы, как предлагали, затронули вопрос о кабинете в беседах с Тоунлеем, изложив ему доводы в пользу кандидатуры Саад-эд-Доуле.

Нератов.

№ 284. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 105. 24/11 апреля 1914 г.

Прошу срочных указаний.

Пуанкаре и Думерг имели вчера исчерпывающие разговоры с королем Георгом и Греем о вопросах, затронутых в вашем до-

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 22/9 апр. за № 151 Коростовец сообщал о предполагаемом перс. прав-вом уменьшении состава бригады до половины.

[3] Совещание по вопросу о реорганизации персидской казачьей бригады состоялось у генерал-квартирмейстера 27/14 апреля 1914 г. На совещании от м-ва ин. дел присутствовал Клемм.

[4] Лит. копия.

[5] См. выше № 228.

верительном письме № 23[1]. О результатах их, которые представляются мне вполне удовлетворительными, я донесу на-днях с верною оказиею[2].

Извольский.

№ 285. Посланник в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма [3]. 24/11 апреля 1914 г.

Ce matin paraîtra communiqué suivant: Au cours des entretiens qui se sont poursuivis entre Sir Edward Grey et Monsieur Gaston Doumergue à l'occasion de la visite de leurs majestés le roi et la reine d'Angleterre les différentes questions intéressant les deux pays ont été envisagées et l'identité de vues des deux ministres sur tous les points s'est affirmée. En constatant les résultats de la politique poursuivie par les deux gouvernements avec le gouvernement impérial russe, Sir Edward Grey et Monsieur Doumergue sont tombés d'accord sur la nécessité pour les trois Puissances de continuer leurs constants efforts en vue de maintien et de l'équilibre de la paix.

Iswolsky.

Перевод.

Сегодня утром появится следующее сообщение: во время переговоров, имевших место между сэром Эдуардом Греем и г. Гастоном Думергом по случаю приезда их величеств короля и королевы Англии, обсуждались различные вопросы, интересующие обе страны, и подтвердилось тождество взглядов обоих министров по всем вопросам. Устанавливая результаты политики, проводимой обоими правительствами совместно с императорским правительством России, сэр Эдуард Грей и г. Думерг пришли к соглашению о необходимости для этих трех держав попрежнему направлять свои постоянные усилия к сохранению и поддержанию мира.

Извольский.

№ 286. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 86. 24/11 апреля 1914 г.

№ 752 получена[4].

Представителями шести держав, каждым в отдельности, сегодня передана первому министру тождественная ответная нота и сделано словесное сообщение об эвакуации Эпира. Венизелос мне ответил, что сегодня же отдаст распоряжение войскам очистить

---

[1] См. выше № 137.

[2] На лит. копии имеется помета: „Копию послать только в Лондон".

[3] Царск. экз. Номер тел. отсутствует.

[4] См. выше № 276.

все местности, присужденные Албании. Министр иностоанных дел по болезни не мог нас принять.—Текст курьером[1].

Демидов.

№ 287. Вице-консул в Урмии министру иностранных дел.

Телеграмма № 175. 24/11 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран:

Шейх Барзан[2], посетивши меня вчера днем, просил:

1. Принять его под наше покровительство, которому он вполне и везде подчиняется.

2. Устроить его семью в Урмийском районе.

3. Выразил готовность выполнить все наши возможные пред-

---

[1] Текст ноты и формулы словесного заявления Демидова препровожден им в м-во при депеше от 25/12 апр. за № 13. Изменения, внесенные в первоначальный русский проект ноты (см. Gr. Pol., B. 36, II Teil, № 14347), свелись к следующему. Пятый абзац заканчивался словами: „les garanties efficaces nécessaires à la sauvegarde de leurs intérêts religieux et scolaires“. Последующие слова фразы: „et que l'île de Castellorizo jouisse d'un régime spécial qui sera ultérieurement stipulé pour le Dodécanèse“ в окончательном тексте опущены. Заключительный абзац формулирован был таким образом: „En ce qui concerne enfin les îles de la mer Egée, attribuées à la Grèce le gouvernement russe se déclare prêt, comme ceux des autres Puissances, à user de son influence amicale auprès de la Sublime Porte pour que le gouvernement hellénique ne soit pas troublé dans la possession de ces îles et que la décision collective de l'Europe soit respectée par le gouvernement ottoman“. Формула устного заявления, сделанного представителям шести держав в ответ на ноту греч. прав-ва от 30/17 марта: „Les Puissances s'attendent à ce que l'Epire soit immédiatement évacué“.

[2] Шейх Барван вел пропаганду среди курдов северной части Моссульского вилаета, „убеждая их, что Россия желает завладеть Северным Курдистаном, а Англия — Ираком и что поэтому, заняв центральное положение между этими двумя государствами, моссульские курды смогут получить автономию“ („Обзор событий в Ванском вилаете, в Баязидском санджаке, за февраль месяц 1914 года“, составленный и препровожденный росс. вице-консульством в Ване при отношении от 21/8 марта 1914 г. за № 57).

Секр. донесением от 31/13 марта за № 161 Введенский сообщал: „Последние сведения с турецкой границы о передвижении турецких аскеров, конных и пеших, а равно артиллерии, указывают безусловно, что турецкое правительство, под предлогом карательной экспедиции против шейха Барзана, решило заблаговременно укрепить свою границу в военном отношении или, по крайней мере, довести ее до состояния обороны, предшествовавшего турецко-балканской войне“. Позднее, в секр. донесении от 22/9 мая за № 285 Введенский писал: „Учитывая все тяжелые для себя последствия в случае наступления каких-либо политических осложнений в Курдистане, к чему турки всемерно готовятся, ожидая первого толчка к этому со стороны России, Высокая Порта решила заблаговременно“ подготовиться к тому, чтобы „с честью дать отпор как курдскому, армянскому, так и другим вопросам“.

начертания в Ревандузе, куда он намерен вернуться по устройстве семьи для продолжения борьбы с турецким правительством.

Согласно указаниям министерства, оказываю шейху негласное покровительство без выдачи какого-либо свидетельства, на чем настаивал шейх[1].

Введенский.

№ 288. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 34. 24/11 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммами от [17] 4 и [18] 5 апреля сего года за №№ 186 и 189[2] я имел честь донести вашему высокопревосходительству о получении представителями банкиров двух сообщений китайского министра финансов: первое—с просьбой о ссуде около $1^1/_2$ миллионов фунтов стерлингов из предусмотренного ст. *F* контракта о займе фонда на улучшение соляного дела в Китае для выкупа обесцененных банкнот Гуандунской провинции, и второе—с заявлением о решении китайского правительства уменьшить сумму нового займа с 25 миллионов фунтов стерлингов до 15, как вполне достаточную для настоящих потребностей Китая. Из последней суммы 8 миллионов предполагается употребить на монетную реформу, а остальные 7—на погашение краткосрочных займов.

Оба эти выступления, как это стало вскоре очевидным, благодаря неосторожным словам, сказанным главным соляным инспектором сэром Ричардом Дэном в заседании банкиров, вызваны советами англичан, главным образом гонконгской администрацией и Гонконг-Шанхайским банком. Англичане в настоящую минуту сильно обеспокоены, с одной стороны, надвигающимся торгово-экономическим кризисом в Кантоне, вследствие падения курса местных банкнот, грозящим английским интересам в Гонконге; с другой же, они с нескрываемым неудовольствием встречают всякую новую кредитную операцию Китая, имеющую целью не развитие промышленного благосостояния страны, а покрытие дефицитов в государственном бюджете. К таким операциям они всегда относятся отрицательно, так как предвидят близкую несостоятельность ки-

---

1 Тел от 9 июня /27 мая Введенский (вице-консул в Урмии) сообщал, что шейх Барзан, которому м-во ин. дел назначило „временное пособие“ в размере 150 руб. в месяц (тел. Клемма от 5 июня /23 мая за № 1055) „выезжает завтра с соблюдением всех предосторожностей по персидскому паспорту в сопровождении договоренного лица, перса, в Нахичевань, Эриванской губернии“.

2 Содержание этих тел. изложено в публикуемом документе.

тайского правительства уплачивать по срочным обязательствам, а затем, как следствие таковой, установление международного контроля над финансами Китая. Подобная перспектива совершенно не соответствует видам Гонконг-Шанхайского банка, ибо в таковом случае ему придется расстаться с той первенствующей ролью, которую он до сих пор играл в финансовой жизни страны. Во время своих свиданий с предпринявшим месяц тому назад путешествие по югу Китая сэром Ричардом Дэном гонконгские власти и заправилы названного банка имели, как о том сам сэр Ричард проговорился, продолжительные с ним беседы в вышеизложенном смысле. По прибытии своем в Пекин Дэн не преминул ознакомить с содержанием этих бесед главных деятелей финансовой политики Англии в Китае, которые поспешили вызвать желательные для англичан выступления со стороны китайцев, запугав последних сначала неминуемым финансовым контролем, а затем предложив им средство избежать таковой путем уменьшения суммы и получения необходимых денег на выкуп банкнот в Кантоне, падение курса коих в этом очаге постоянного брожения также беспокоило китайцев. При этом, конечно, англичане обещали китайскому правительству свою поддержку.

Подтверждением того, что вышеизложенные заключения относительно роли англичан в этом вопросе отвечают действительному положению вещей, служит, во-первых, отрицательное отношение английского правительства к предъявлению Китаю каких-либо новых условий в связи с заключением нового реорганизационного займа, о чем д. с. с. Крупенский сообщил вашему высокопревосходительству телеграммой от [8 апр.] 26 марта сего года за № 172[1] и, во-вторых, благосклонное отношение представителя

---

[1] В ответ на тел. Сазонова от 5 апр./23 марта за № 642 с сообщением о том, что „Гойер телеграфировал Русско-Азиатскому банку свои предположения об усилении иностранного контроля за соляной монополией и контрольной палатой в связи с переговорами о втором выпуске реорганизационного займа“, Крупенский тел. от 8 апреля/26 марта за № 172 передавал мнение запрошенных им по этому поводу коллег. По сообщению Крупенского, англ. посланник „заявил, что его правительство вообще совершенно не расположено ставить китайскому правительству какие-либо условия в связи с реорганизационным займом“. „Японский посланник, в общем относясь благоприятно к помянутым предположениям, считал бы предварительно необходимым запросить мнение своего правительства“. Относительно герм. посланника Крупенский отмечал, что последний „несомненно также отзовется неимением инструкций“. Французский посланник „готов высказаться в смысле предположений, о коих Гойер телеграфировал Верстрату“ и „желал бы еще присоединить к этому требование о расширении ханькоуских концессий, имея основание полагать, что китайцы на это согласятся“.

Гонконг-Шанхайского банка в Пекине г. Хиллиера к настоящей просьбе китайцев.

Беседа моя с здешним английским посланником рассеяла всякие сомнения в противном, так как сэр Джон Джордан, на мой вопрос о его мнении по поводу новых выступлений китайцев, стал горячо отстаивать правоту и целесообразность решения их в этом направлении и объяснил, что таковые ему представляются вполне благоразумными и вполне вытекающими из известных ему взглядов Юань Ши-кая, не раз высказывавшего ему свои опасения попасть в кабалу иностранцев, благодаря займам у консорциума.

Просьба китайцев об авансе из фонда на улучшение соляного дела в Китае обсуждалась банкирами 16/3 апреля, и после долгих прений было решено, по предложению представителя Русско-Азиатского банка г. фон Гойера, обратиться за инструкциями к группам, высказав при этом мнение о возможности удовлетворения означенной просьбы лишь по подписании китайцами предварительного контракта о втором реорганизационном займе и при условии полного контроля банков над производством операций выкупа обесцененных банкнот. Дав свое согласие на посылку в этом смысле телеграммы в Лондон, г. фон Гойер однако счел долгом указать своим коллегам на то, что удовлетворение ходатайства китайцев, по его мнению, является нарушением контракта о реорганизационном займе и потому вряд ли представляется возможным.

Из разговоров, которые я имел по сему поводу с иностранными представителями в Пекине, заинтересованными в этом вопросе, я выяснил, что французский и японский посланники вполне разделяют только-что выраженный взгляд и высказали его в телеграммах своим правительствам. Сэр Джон Джордан и г. Хакстхаузен придерживаются противоположной точки зрения и, в соответствии с заключением сэра Р. Дэна, заявившего, что ему совершенно достаточно 500 000 фунтов стерлингов на улучшение соляного дела в Китае, находят вполне справедливым, чтобы остальные деньги не лежали без употребления, а были бы использованы на выкуп банкнот Кантона, падение курса коих будто бы сильно отражается и на соляном деле на юге Китая.

В телеграмме моей от [17] 4 апреля сего года за № 186 я уже высказал свое мнение по сему предмету[1], ныне позволяю себе

---

[1] „...Не могу не отметить, что удовлетворение этой просьбы, являясь нарушением контракта о займе, создало бы нежелательный прецедент. Так как эта операция гарантируется избытками доходов от соли, то она, кроме того, делает невозможной проектируемую выдачу авансов под ту же гарантию и таким образом затруднит заключение нового займа“ (тел. Граве от 17/4 апр. за № 186).

присовокупить, что если бы группы сочли возможным пойти навстречу помянутым пожеланиям китайцев, то во всяком случае следовало бы настоять, чтобы, помимо исполнения условий, предложенных банкирами в Пекине касательно выкупа обесцененных банкнот, таковой не ограничился бы лишь теми, которые выпущены в Кантоне, а распространился бы на те билеты и в других провинциях, где падение курса их также вредно отражается на соляном деле, например, в Манчжурии.

Что касается вопроса об уменьшении суммы второго реорганизационного займа, то банкиры приняли к сведению решение по сему предмету китайского правительства и выработали проект соответствующего контракта, который уже послан ими на утверждение групп.

Представляя при сем вашему высокопревосходительству равным образом проект означенного контракта[1], считаю долгом привлечь ваше внимание на ту часть его, которая предусматривает требования об улучшении положений китайских учреждений, деятельность коих служит одной из гарантий реорганизационного займа.

Сначала банкиры хотели упомянуть в проекте лишь о соляной инспекции, основываясь на том, что в контракте о первом займе ничего не сказано о советниках при контроле, однако, по настоянию г. фон Гойера, в контракт помещена отдельная статья, касающаяся и этих последних. Так как редакция этой статьи вполне удовлетворяет гг. Коновалова и Мазо, то я согласился с французским посланником в Пекине не настаивать на включении в проект контракта статьи относительно прав советников контроля в тех же выражениях, как то сделано в контракте о первом реорганизационном займе касательно советника по соляным делам, если, конечно, я не получу других указаний от вашего высокопревосходительства. Упоминаемые в проекте пожелания советников контроля еще не формулированы официально, но, как мне сообщил Н. А. Коновалов, сведутся лишь к заявлению о необходимости реформировать контрольный департамент в самостоятельное учреждение. Осуществление этой реформы, повидимому, не представит больших трудностей, так как сами китайцы возбудили этот вопрос при рассмотрении проекта новой конституции.

Проект контракта предусматривает, что по его подписании таковой должен быть сообщен иностранным представителям пяти

---

[1] К подлиннику документа приложен проект контракта: „The Chinese Government Reorganisation Loan. Second series. Preliminary memorandum of agreement“.

заинтересованных держав. Тогда и возникнет вопрос о тех условиях, которые будут поставлены нами в связи с выражением нашего согласия на вступление в силу этого контракта.

Ввиду сего имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать снабдить меня указаниями относительно взгляда императорского правительства по сему предмету. При этом позволю себе высказать мнение, что, ввиду существующей уже ныне разницы во мнениях представителей держав в Пекине на этот вопрос, как то сообщил вашему высокопревосходительству д. с. с. Крупенский в телеграмме от [8 апреля] 26 марта сего года за № 172[1], представлялось бы наиболее целесообразным, чтобы эти условия были установлены путем непосредственных сношений между заинтересованными правительствами.

Примите и пр.[2].

Граве.

№ 289. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Письмо № 74. 24/11 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к письму д. с. с. Крупенского от 21 марта сего года за № 61[3], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что мною получено сообщение министра иностранных дел от 14/1 апреля сего года за № 98, содержащее ответ китайского правительства на поставленные нами ему условия нашего согласия на пересмотр специфических ставок китайского морского тарифа. В ответе этом министр иностранных дел, выражая свое недоумение по поводу самого факта выставления нами каких-либо требований по настоящему вопросу, просит меня сообщить императорскому правительству, что он считает таковые совершенно неприемлемыми. Представляя при сем перевод означенного со-

---

[1] См. выше стр. 372, прим. 2.

[2] При подлиннике помещенного в тексте документа в качестве приложений препровождены в м-во, кроме упомянутого выше в прим. на стр. 374, следующие два документа: 1) Memorandum to the representatives of the five groups—за подписью E. G. Hillier'a—от 21 апреля (н. с.) 1914 г.; 2) Memorandum of administrative reforms which Sir Richard Dane considers necessary if the salt revenue is to be accepted as a sufficient security for another large loan—от 20 апреля (н. с.) 1914 г.

[3] В письме от 3 апр./21 марта за № 61 Крупенский сообщал, что он ответил „китайскому правительству принципиальным согласием на пересмотр специфических ставок китайского морского тарифа".

общения [1], позволяю себе высказать по сему поводу нижеследующие соображения.

Ближайшим последствием такого отношения китайского правительства к предъявленным нами ему требованиям являлось бы заявление с нашей стороны отказа при таких условиях на удовлетворение вообще его просьбы о пересмотре специфических ставок морского тарифа, но, принимая во внимание указания наших заинтересованных ведомств на те выгоды для русских торговых интересов в крае, которые могут получиться при пересмотре этих ставок, нам придется, повидимому, продолжать переговоры с китайским правительством, ввидах полюбовного разрешения этого вопроса.

В соответствии с этим мне представлялось бы целесоообразным основать наш ответ китайцам на их последнее сообщение на следующих аргументах.

Прежде всего нам следовало бы повторить китайскому правительству, что императорское правительство нисколько не обязано соглашаться на пересмотр сказанных ставок и что если оно это делает, то лишь ввидах доказательства своего расположения к Китаю и желания притти ему на помощь в этом вопросе. Предъявление же нами в связи с этим известных требований вызвано намерением компенсировать приносимый таким образом некоторый ущерб русской торговле в Китае известными льготами для этой последней, которые к тому же по своей незначительности легко могут быть предоставлены китайским правительством без того, чтобы они повлияли каким-либо образом на туземную торговлю. Это тем более, что выставленное нами требование о сохранении для русской торговли чрез сухопутные таможни в Северной Манчжурии ставок ныне действующего там тарифа 1902 года является лишь справедливым, ибо распространение этого последнего на сухопутную торговлю было обусловлено специальным соглашением 1907 года в виде особой уступки, сделанной тогда Китаю; при этом не было совершенно оговорено, что факт допущения нами применения этого тарифа на сухопутной границе повлек бы за собой автоматический пересмотр его ставок в то время, когда они будут пересматриваться согласно обещаниям других держав. Таким образом, отказ китайцев от признания сохранения в силе этого тарифа с допускаемым Россией пересмотром его некоторых ставок, ввидах приспособления их к специально непредусмотренным в них товарам,

[1] Упоминаемое сообщение кит. м-ра ин. дел от 14/1 апреля за № 92 (а не 98, как ошибочно указывается в тексте) приложено к подлиннику публ. документа, в котором изложено основное содержание сообщения.

ввозимым из России, знаменует отказ Китая от исполнения статей III таможенного соглашения 1907 года (сообщение князя Цина [6 июля] 23 июня 1907 г. № 86, приложение к депеше д. с. с. Покотилова [8 июля] 25 июня 1907 г. № 124), последствием чего является признание с нашей стороны самого соглашения нарушенным, а вместе с тем удаление морских таможен со ст. Манчжурия и Пограничная, установленных в силу этого соглашения. Нет сомнения, что при такой альтернативе китайское правительство примет нашу точку зрения на настоящий вопрос.

Что касается вопроса о праве транзита товаров, идущих из Манчжурии во внутренний Китай через Владивосток и обратно, то на исполнении нашего требования в этом смысле мы могли бы настаивать, ссылаясь на прецеденты. К числу таковых относится, во-первых, аналогичный порядок, существующий в Китае в силу ст. IV франко-китайской конвенции, подписанной в Пекине 20 июня 1895 г., и предоставляющий, именно аналогичную с той, которой мы теперь добиваемся, льготу для китайских товаров, следующих транзитом через Аннам, и, во-вторых, действующий ныне транзит соли из внутреннего Китая в Манчжурию через Владивосток, причем при вывозе этого продукта со ст. Пограничная он отнюдь не приравнивается к товарам иностранного происхождения. Наконец, в этом вопросе мы могли использовать также обязательство, данное нам китайским правительством в 1907 году, о том, что „если товарам, привозимым через порт Дальний будут предоставлены какие-либо особые преимущества, не предусмотренные общими договорами о морской торговле и постановлением о сооружении Южно-Манчжурской ветви, то все таковые премущества должны быть предоставлены и товарам, провозимым по железной дороге через ст. Манчжурия и Пограничная“ (нота князя Цина от [15] 2 июля 1907 г. № 93),—но обязательство это было вызвано главным образом нашим желанием поставить наш ввоз в Манчжурию на тех же основаниях, как и японский ввоз туда же через Дальний, и, к сожалению, это наше желание ясно определено в ноте д. с. с. Покотилова от [8 июля] 25 июня 1907 г. и таким образом дает основание китайцам оспаривать наши аналогичные требования относительно вывоза.

К сожалению, в вопросе о получении согласия китайцев не требовать во время переговоров в Кяхте отказа монгольского правительства от права установления внутреннего обложения китайско-монгольской торговли мы не можем пользоваться столь твердыми аргументами, как в остальных двух вопросах при отстаивании нашей точки зрения. Поэтому я считал бы более осторожным

согласиться на разрешение его тем путем, каким предлагают это сделать китайцы в своем сообщении[1], причем, делая такую уступку, мы могли бы рассчитывать на разрешение первых двух вопросов в желательном для нас смысле. С другой стороны, такое решение вопроса не явилось бы в сущности уступкой, так как в случае обнаружения несговорчивости уполномоченных Китая в Кяхте по сему предмету, внутреннее обложение китайско-монгольской торговли могло бы быть введено под видом установления ликина, как то предлагал д. с. с. Крупенский в своей телеграмме на имя вашего высокопревосходительства от [16] 3 декабря 1913 г. за № 786[2].

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство не отказать почтить меня указаниями касательно того, одобряются ли императорским правительством мои вышеизложенные соображения относительно ответа министру иностранных дел по настоящему вопросу, с глубочайшим почтением и пр.

Граве.

№ 290. Товарищ министра иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 758. 25/12 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на последние телеграммы Афанасьева[3].

Благоволите обратить внимание китайского правительства на последствия, к которым приводят его проекты военных реформ в

---

[1] „Вопрос об обложении товаров пошлинами во Внешней Монголии, ввиду наличия суверенных прав Китая в этой стране, может быть, при соблюдении полнейшей справедливости, обсужден при предстоящих тройных переговорах. Ввиду того, что момент переговоров еще не наступил, и принимая во внимание, что предполагаемое обложение должно быть исключено из сферы, затрагиваемой пересмотром специфических ставок ввозного тарифа, министерство не усматривает никаких оснований к насильственному выставлению этого вопроса в смысле условий пересмотра тарифа“ (сообщение кит. м-ра ин. дел от 14/1 апреля за № 92).

[2] В тел. Крупенского от 16/3 декабря 1913 г. за № 786 сообщалось: „Мне казалось бы... возможным установить на китайско-монгольской границе ликинные заставы наподобие существующих во внутреннем Китае, которые взимали бы ликин как с китайских товаров, так и с иностранных, не снабженных транзитными свидетельствами. Относительно иностранных товаров, снабженных таковыми свидетельствами, можно было бы потребовать, чтобы китайское правительство передавало монгольскому треть взысканной им за них полуторной морской пошлины и на этом основании обставить их пропуск через монгольскую границу рядом формальностей вроде перегрузки, досмотра и других придирок, на которые китайцы так изобретательны и которые, в сущности, свелись бы к дополнительному обложению иностранных товаров“.

[3] В тел. консула в Цицикаре от 21/8 апреля за № 178 сообщалось, что „при переформировании сюнфандуй в луцьюнь были уволены как негодные солдаты и некоторые старшие офицеры, вследствие чего произошел бунт при участии офице-

Манчжурии. Не располагая достаточными кадрами для военных формирований, оно создает лишь волнения, отзывающиеся на интересах проживающих в Манчжурии русских и нашего там предприятия Китайской Восточной ж. д. Здраво понятые интересы китайского правительства должны бы подсказать ему, что оно нуждается в Манчжурии лишь в военно-полицейской силе для поддержания порядка и борьбы с разбойничеством.

Благоволите добавить, что повторения бунтов, подобных происшедшему в Цицикаре, неминуемо должно повести к принятию нами необходимых для поддержания спокойствия мер, которых китайское правительство не умеет принимать [1].

Нератов.

№ 291. Консул в Праге министру иностранных дел.

Донесение № 11 [2]. 25/12 апреля 1914 г.

Секретно.

Здешние славянские деятели Крамарж, Клофач, Шейнер, Прейс и Штепанек получили представляемое у сего приглашение к участию в негласном славянском съезде, имеющем состояться в мае текущего года в С.-Петербурге.

Насколько мне известно, все упомянутые чешские деятели изъявили свое согласие участвовать в съезде, но последний едва ли может состояться в мае, так как со сроком его, по всей вероятности, совпадут венгерские делегации.

Примите и пр. [Жуковский.]

Приложение

Копия пригласительного письма славянским деятелям в С.-Петербург [3].

Идея славянского культурного единения на провозглашенных в Праге началах свободы, равенства и братства всех славянских народов подвергается в последнее время тяжелым испытаниям. Ка-

---

ров и начальников первого, второго и пятого отрядов... Для безопасности русских прошу начальника округа о высылке сегодня со станции Цицикар полусотни. Вечером ожидается в случае невыезда губернатора погром города". Ряд тел. (№№ 182, 185 и др.) содержит информацию о дальнейшем развитии восстания, а тел. от 29/16 апреля за № 248 Афанасьев сообщает: „Охранная полусотня ввиду успокоения в войсках и в городе и восстановления законной власти в провинции выступила обратно в свою часть".

1 На черновом отпуске имеется надпись: „Сообщено товарищу военного министра 1 мая] 18 апреля 1914 г. за № 332 и управляющему министерством финансов того же числа за № 333".

2 Маш. копия. Подлинник был, повидимому, направлен росс. послу в Вене.

3 Заголовок подлинника.

жется, никогда еще несогласия и трения между отдельными славянскими народами не достигали такой напряженности и остроты, как в переживаемые нами дни.

Столь блестяще начатая славяно-турецкая борьба завершилась глубоко печальной братоубийственной распрей между недавними союзниками, поведшей к расколу в южном славянстве. С другой стороны, не прекращаются русско-польские несогласия как в России, так и в Галиции, затрудняющие культурное сотрудничество русского и польского народов, судьбы которых столь тесно связаны.

Все эти явления, бессильные поколебать великую славянскую идею, тем не менее очень неблагоприятно отражаются на ее развитии и осуществлении.

Славянские организации, поставившие своей целью проведение в жизнь постановлений Пражского и Софийского съездов, испытывают теперь самые серьезные затруднения. Они не только лишены возможности развивать свою деятельность, но не всегда могут поддержать и сохранить и то, что уже было достигнуто.

При таких условиях является настоятельно необходимым обменяться мыслями по поводу очередных славянских задач и наметить пути для ближайшего будущего. Созыв 3-го славянского съезда при нынешнем положении представляется затруднительным, но было бы вполне возможно организовать совещание выдающихся представителей отдельных славянских народов.

Именно на этой мысли и остановилось С.-Петербургское общество славянской взаимности, пришедшее к заключению о необходимости созвать подобное совещание, пригласив к участию в нем славянских деятелей, разделяющих идеи Пражского съезда.

Совещание это могло бы состояться в С.-Петербурге, или между 4—10 мая или между 11—17 мая по старому стилю (17—23 или 24—30 мая по новому стилю), причем в программу его, по предположению общества славянской взаимности, должны войти, между прочим, нижеследующие очередные вопросы: 1) устройство славянского банка; 2) преподавание славяноведения в школах; 3) участие славян в проектируемой всероссийской выставке и 4) железнодорожные сообщения между славянскими странами. Приведенный краткий перечень очередных вопросов может быть пополнен по указанию участников совещания, почему, в случае возникновения у вас каких-либо предположений по этому поводу, благоволите уведомить об этом инициаторов совещания.

Что касается проектируемого состава совещания, то обществом славянской взаимности одновременно с настоящим письмом посылаются приглашения ряду славянских деятелей, поименованных в прилагаемом списке:

1. Бобчев, Степан Саввич.
2. Людсканов, Александр Константинович.
3. Калинков, Георгий Иванович.
4. Стамбулийский, Стефан.
5. Кошутич, Радован Иванович.
6. Томанович, Лазарь, д-р.
7. Шола, Афанасий.
8. Баляк, Душан Иванович.
9. Тресич-Павичич, Антон Антонович.
10. Царь, Лазарь, д-р.
11. Грибарь, Иван Францевич.
12. Илешич, Франк, д-р.
13. Гурбан-Заянский, Светозар Осипович.
14. Крамарж, Карел Петрович.
15. Клофач, Вячеслав Осипович.
16. Шейнер, Осип Осипович.
17. Прейс, Ярослав Карлович.
18. Штепанек, Карл Карлович.
19. Дмовский, Роман Викентьевич.
20. Страшевич, Людвиг.
21. Кн. Северин-Четвертинский.
22. Сейда, Ян.
23. Марков, Дмитрий Андреевич.
24. Дудыкевич, Владимир Феофанович.

№ 292. Консул в Праге министру иностранных дел.

Донесение № 12 [1]. 25/12 апреля 1914 г.

Секретно

В дополнение к секретному донесению моему от [23] 10 февраля с. г. за № 8 [2], в коем я сообщал о возможности подготовительной секретной организации в Чехии, считаю своим долгом представить вашему высокопревосходительству секретную записку, составленную депутатом Клофачем и лично мною переведенную, в

---

[1] Маш. копия. Подлинник, повидимому, был направлен российскому послу в Вене.

[2] Это донесение в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

коей он предлагает организовать кадры преданных нам людей в тех районах, где необходимо развить симпатии к России, и облегчить нам разведочную деятельность.

Насколько мне известно из сообщений Клофача, он имел случай говорить о своих организационных планах в С.-Петербурге в императорском министерстве и с генералом Жилинским. Что же касается до того или иного отношения к этому вопросу консульства в Праге, то я обращал внимание Клофача на то обстоятельство, что я не могу поощрять его намерения без особого на то предписания вашего превосходительства, хотя признаю его предложения заслуживающими внимания и в этом смысле имел честь в общих чертах докладывать в последнее мое пребывание в С.-Петербурге г. товарищу министра.

Принимая в соображение, что консульство в Праге и все чехи, посещающие меня, находятся, по всей вероятности, под секретным надзором полиции, я рекомендовал Клофачу крайнюю осторожность [1].

Депутат Клофач просил меня исходатайствовать у вашего высокопревосходительства аудиенцию для него во вторник или среду наступающей недели, для чего я и считаю своим долгом представить предварительно с курьером настоящее донесение.

Примите и пр.

[Жуковский.]

---

[1] В секр. донес. от 18/5 мая за № 17 Жуковский сообщает: „По приезде в Прагу мне с первых же шагов пришлось весьма осмотрительно отнестись к совершенно бестактным стараниям чехов завлечь меня в оппозиционное отношение к австрийскому правительству". „Несмотря на попытки некоторых политических чешских деятелей направить консульство в русло одностороннe германофобское, я завязал сношения с чисто австрийскими кругами и тщательно поддерживал их, в особенности в лице наместника, командующего 8-м корпусом и президента полиции". „С политическими деятелями Чехии, — пишет далее Жуковский, — я придерживаюсь осторожного образа действий и, признавая значение для России народно-социальной партии, чуждой идей неославизма, советую лидерам этой партии обращаться непосредственно в С.-Петербург по интересующим их делам. Что же касается партии младочехов и Крамаржа — ее лидера, то я сторонюсь от нее, так как она понимает задачи России в славянстве слишком односторонне и, не считаясь с историческими и религиозными устоями ее, лелеет идеал экономического проникновения в Россию". В заключение Жуковский отмечает „деятельность ‚русских кружков" в Праге, культивирующих знание русского языка. За последние годы, с 1905 г., кружки эти стали ареной нашей революционной молодежи, и единственным средством борьбы против такого направления может явиться основание русского клуба. Надо найти лишь ту форму клуба, которая не вызовет запрета со стороны местной власти".

Приложение.

Записка депутата Клофача [1].

Прага, 1914 г

Значение в военное время духа и настроения войска общеизвестно. Часто на войне дело решается духом войска более, чем совершенством вооружения. Этот психологический момент испытала на себе Австрия уже в 1908 году во время аннексии Боснии и Герцеговины, а также в 1911 и 1912 гг., во время воинственного напряжения между Россией и Австрией. Хотя славяне и дезертировали в Америку, все же можно было мобилизовать достаточно войска. В Чехии мобилизация сопровождалась бурными демонстрациями со стороны народа и запасных. Военное управление поняло, что происходит собственно моральная революция славянского духа и чувства, которые протестуют против войны со славянами. Протестовали резервисты, посылавшиеся на сербскую границу и, что важнее, резервисты, отправленные на русскую границу. Мы держимся того мнения, что эти моменты повлияли на венскую политику и на ослабление военной горячки.

Чтоб подавить без просрочки это славянское направление в молодежи, австрийское правительство и военная власть стараются организовать в школе так называемые „скауты", чтоб воспитать дух школьников в австрийском и практически-военном направлении. Кроме того, в гимназиях и реалках военным поручено читать лекции об австрийской истории, а студенты обучаются стрельбе из военных ружей. Молодежь должна быть выдрессирована в австрийском и военном духе. Эти эксперименты до сего времени не удаются в Чехии, где простой народ, политически воспитанный, настроен народно-социальной партией в духе славянском и руссофильском.

Задачей русской политики должно быть стремление к тому, чтобы этот дух в чешском простом народе не ослабевал. Русская политика должна сознать, что будет значить этот дух, если когда-нибудь дело дойдет до войны. Она должна понять, что значит в моральном и политическом и военном смысле вышеуказанное широкое направление народных масс, которые нельзя отклонить от их славянского сознания. Там, где агитирует народно-социальная партия, предоставленная своим убогим средствам, там жив дух, который нужен славянству. Недавние демонстрации резервистов были результатом агитации партии и ее дисциплины.

---

[1] Заголовок подлинника.

В интересе русской политики—помочь народно-социальной партии, чтобы ее агитация проникла и в те места, где славянское чувство еще слабо. Это—Восточная Моравия и Силезия, края чрезвычайно важные для России в случае войны. На них России следует обратить особое внимание. Агентов посылать в эти края нельзя: их сейчас же схватят. Следует работать осторожно, незаметно и аккуратно. Эту задачу может осуществить партия народных социалистов, которая откроет в указанных районах новые свои секретариаты. Их следует открыть:

1) в Силезии: в Опаве (Троппау) и Моравск. Остраве.

2) в Моравии: в Брне, Прерове и Оломуце.

Надо также учредить ежедневные дешевые газеты на чешском языке в Силезии и Моравии.

Центральный секретариат находился бы в Вене, где имеется до 100 000 рабочего славянского народа, а на его дух уже влияет австрийская, тонко организованная пропаганда.

В Чехии следует учредить секретариаты: a) на Севере ее, где много горных рабочих, b) в Пильзене, c) в Писке и d) в Пардубицах.

Уже существует много наших генеральных и специальных секретариатов, и они все действуют превосходно.

В Восточной Моравии и Силезии тайной целью секретариатов было бы постепенно подготовить целый ряд надежных людей в каждом городе и каждой деревне, чтобы, на случай наступления русского войска через Силезию на Восточную Моравию, были люди, на которых русское войско могло бы вполне положиться. Вопрос теперь идет о продуманной пропаганде славянского руссофильского духа и подготовительной организации. Так же действует и действовала Австрия в русской Польше против России.

Каждый секретариат обошелся бы ежегодно в 1 000 рублей, а всего (с газетами) потребовалось бы до 10 000 рублей ежегодно.

Результат всей акции был бы и быстрым и значительным.

№ 293. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 27. 25/12 апреля 1914 г.

По уверению черногорского министра иностранных дел, в бытность его недавно в Париже, французское правительство дало ему понять, что оно готово снабдить своего делегата в разграничительной комиссии необходимыми инструкциями в видах возможно более благоприятного для Черногории разрешения вопроса об ал-

банской границе, ожидая лишь инициативы и соответствующего уведомления со стороны России. В том же смысле высказался на-днях перед министром иностранных дел и здешний итальянский посланник, правительство которого непосредственно не заинтересовано в разграничении Северной Албании и склонно оказывать в этом отношении поддержку черногорцам в противовес планам своей соперницы Австрии.

Обнорский.

№ 294. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 240 [1]. 25/12 апреля 1914 г.

Получил телеграмму № 748 [2]. Ссылаюсь на свою телеграмму № 768 от 1913 года [3].

Право на разработку рудников в Диарбекирском вилаете было предоставлено русским подданным братьям Маврокордато на чрезвычайно выгодных условиях в августе минувшего года. Турция, находившаяся тогда под угрозой финансового бойкота, готова была ради получения 500 000 фунтов итти на крупные жертвы. Я указал нашим соотечественникам, что снабжение деньгами турок противоречило бы в то время видам императорского министерства. Ввиду этого Маврокордато от сделки отказались. Во время берлинских переговоров французы, представленные фирмой Мирабо, пайщицею Оттоманского банка и владелицею Гераклейских угольных копей, подняли вопрос о рудниках в Аргане. Немцы, представленные франкфуртской Meta-Gesellchaft, не протестовали при допущении французов в это дело, причем, озабочиваясь сохранением преобладающего в нем влияния, готовы были уступить последним 40% предприятия. Переговоры будто бы продолжаются и поныне. Джавид не спешит однако высказаться по вопросу, желая, повидимому, сохранить в своих руках предмет компенсации, которую мог бы предложить немцам.—Не могу не подчеркнуть нежелательность усиления германских интересов в области, в которой было бы необходимо утвердить наше, по возможности исключительное, влияние. В крайнем случае менее вредным для нас, нежели уступку всего предприятия немцам, считал бы распределение его следующим образом: немцам—55%, французам—25%, русским—20%. Помимо этого, братья Маврокордато, отказавшиеся, не желая итти

---

[1] Царск. экз.

[2] См. выше стр. 289 прим. 2.

[3] Содержание тел. от 24/11 авг. 1913 г. за № 768 в основном повторяется в следующих четырех фразах публ. тел.

против видов императорского министерства, от весьма прибыльной сделки, позволявшей им, ввиду чрезвычайных условий времени, сделаться единственными владельцами рудников, вправе рассчитывать на нашу поддержку ради получения хотя бы части тех выгод, которые были бы им обеспечены, если бы они поступили менее лояльно.

Гирс.

Конечно, их нужно поддержать.

Ливадия, [1 мая] 18 апреля 1914 г.

№ 295. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 242. 25/12 апреля 1914 г.

Прошу срочных указаний.

Ввиду частных намеков великого визиря касательно намерения Порты послать чрезвычайное посольство в Ливадию приветствовать государя императора, прошу указаний вашего высокопревосходительства, как мне отнестись к таковому намерению. Осмеливаюсь высказать мнение, что было бы весьма желательно допустить приезд посольства, дабы не дать укорениться здесь крайне неблагоприятному нам в настоящее время впечатлению, что мы не желаем поощрять нынешнее правительство в его стремлении искать сближения с Россией.

Гирс.

№ 296. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 42. 25/12 апреля 1914 г.

Срочно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Джавид-бей и г. Бомпар, каждый в отдельности, ознакомил меня с подробностями заключенного между правительствами Франции и Турции экономического соглашения. Полный текст последнего, вероятно, уже доставлен императорскому министерству, и я позволю себе коснуться сегодня лишь трех пунктов, отличающих соглашение от первоначального его проекта, покорнейше прося ваше высокопревосходительство не отказать в снабжении меня по телеграфу указаниями, ибо при возобновлении переговоров Джавид-бей, несомненно, будет ходатайствовать о принятии также и нами поправок, внесенных в франко-турецкое соглашение, ибо таковые возымеют силу только после выражения на них согласия всеми остальными великими державами.

1) Срок вступления 4% надбавки сокращен с шести (§ 1 проекта нашего соглашения) до двух месяцев.

2) Право обложения акцизом (droit de consommation) предметов, помимо упомянутых в § 4 проекта нашего соглашения, распространяется и на колониальные товары (denrées coloniales).

3) Совершенно новым добавлением к соглашению является статья, предусматривающая снятие с Турции капитуляционных стеснений в области торговых отношений и обещающая заключение договора, касающегося товарообмена между обеими державами на началах публичного международного права:

Le gouvernement français accepte de négocier avec le gouvernement impérial ottoman un accord destiné à régler les échanges commerciaux entre les deux pays sur la base du droit publique international, à la condition que toutes les Puissances intéressées consentent elles-mêmes à traiter sur cette base [1].

Примите и пр. [2]

М. Гирс.

№ 297. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 45. 25/12 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В ответ на письмо от [6 апреля] 24 марта за № 233 [3] и в до-

---

[1] „Французское правительство соглашается вести с императорским оттоманским правительством переговоры о соглашении с целью регулирования торгового оборота между обеими странами на основе международного публичного права, под тем условием, что все заинтересованные державы согласятся вести переговоры на такой же основе“.

[2] Копия публ. депеши была препровождена при письме от 31/18 апр. за № 291 м-ру торг. и пром. Тимашеву, который в ответ на это сообщил письмом от 4 июня/22 мая за № 8558, что по пункту первому он возражает против отказа от 6-месячного срока, а с пунктом третьим согласился бы при условии предоставления Турцией России некоторых компенсаций, например, в виде отказа Турции от права ввести монополию на сахар и от введения монополии на эксплоатацию нефтеносных земель с установлением для русских нефтепромышленников права „приоритета на нефтеносные концессии в Армении“. В своем ответном доверит. письме от 6 июня/24 мая за № 385 Сазонов сообщил м-ру торг. и пром., что считает „желательным предоставить имп. послу в Константинополе согласиться на принятие трех новых пунктов франко-турецкого соглашения при условии, если турки проведут нашего представителя в Совет оттоманского долга“. Тимашев в доверит. письме от 13 июня/31 мая за № 268 снова обращал внимание на то, что принятие указанных пунктов „принесет серьезный ущерб нашей торговле“ и „может иметь весьма невыгодные последствия для наших интересов в Турции“. Ср. т. III, № 36.

[3] При письме м-ва ин. дел от 6 апр./24 марта за № 233 Гирсу была препровождена копия отношения м-ва фин. от 31/18 марта, в котором сообщалось, что ввиду предпола-

полнение к телеграмме моей от [8 апреля] 26 марта за № 203[1] имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что, по случаю обнаруженного нашими керосинозаводчиками беспокойства по поводу возможного введения монополии на керосин в Турции, посольством были безотлагательно приняты меры к успокоению их. Джавид-бею была передана известная вашему высокопревосходительству записка, составленная Бранобелем[2], и главному представителю этой фирмы в Турции было засим предложено отправиться в Париж с рекомендательным письмом к названному государственному деятелю, дабы в частной беседе склонить его принять способ обложения керосина, наиболее отвечающий, по мнению наших керосинозаводчиков, их интересам.

Посольством был избран такой образ действий в целях, с одной стороны, не мешать деятельности наших керосинопромышленников, и, с другой стороны, не отказываться от обеспеченного за нами в переговорах с Джавид-беем соучастия России в одной из отраслей экономической жизни Турции,—соучастия, во всяком случае, представляющегося весьма и весьма желательным в политическом отношении.

Покамест однако пожелания наших керосинозаводчиков приближаются, повидимому, к исполнению. По имеющимся у меня частным сведениям, в управлении оттоманского общественного долга разрабатывается проект обложения керосина акцизом.

При этом считаю однако долгом указать, что мнение наших керосинозаводчиков о невыгодности для них установления монополии на керосин, не разделяется ни состоящим при вверенном мне посольстве представителем нашего министерства торговли, ни многими из компетентных иностранных финансовых деятелей, хорошо знакомых с положением турецкого рынка. Последние утверждают, что наши керосинозаводчики были бы правы, если бы они

гаемого турецк. прав-вом введения монополии „на керосин с предоставлением русским импортерам одной трети всего ввоза керосина в Турцию“, батумские „экспортеры ходатайствуют о принятии мер в защиту отечественной промышленности“. М-во фин. просило „путем дипломатических сношений с турецким правительством оберечь интересы русского керосинового производства“.

[1] Тел. от 8 апр./26 марта за № 203 Гирс сообщал, что „посольство предприняло шаги“ для замены проектируемой в Турции монополии на керосин акцизом. Эта тел. являлась ответом на запрос м-ра ин. дел, последовавший „ввиду поступающих из торгово-промышленных кругов заявлений о желательности“ указанной замены (тел. от 2 апр./20 марта за № 629).

[2] Так в подлиннике; очевидно, бр. Нобель.

были вполне уверены в том, что сумеют сохранить за собой более одной трети ввоза керосина в Турцию, в таковой же возможности здешние финансисты однако сомневаются.

Примите и пр.

М. Гирс

№ 298. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 766 [1]. 26/13 апреля 1914 г.

Сообщается в Цетинье.

Ссылаюсь на телеграмму поверенного в делах в Цетинье № 27 [2]. Не сочтет ли французское правительство возможным дать соответствующие указания своему делегату?

Сазонов.

№ 299. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 23. 26/13 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Принятая нашим правительством мера, чтобы оградить Россию от искусственно поощряемого под давлением немецких аграриев ввоза германского хлеба, и отношение к этому вопросу, проявившееся в нашей Государственной думе, произвели здесь большое впечатление и горячо обсуждаются на страницах повременной печати. Как и можно было ожидать, все консервативно-аграрные газеты обрушились на Россию, обвиняя нас в недружелюбном отношении к своей соседке: они стремятся в то же время доказать, что такие угрозы не устрашат Германии, тем более, что принятая нами мера не может неблагоприятно повлиять на сельское хозяйство в Германии, а лишь повредить русскому вывозу; либеральная и социалистическая печать, относящаяся совершенно отрицательно к искусственному поощрению вывоза продуктов сельского хозяйства из Германии, находит принятую нами меру самообороны вполне естественной и законной; однако и она тем не менее считает нужным отметить, что русское правительство и народное представительство только теперь подумали о борьбе против ввоза немецкого хлеба, когда так заметно ухудшились политические отношения к Германии; и именно поэтому принятая нами мера имеет, по их мнению, характер недружелюбия. По моему поручению, состоящий при посольстве агент министерства торговли и промышлен-

---

1 Лит. копия.

2 См. № 293.

ности подробно разобрал многочисленные отзывы германской печати о русско-германских экономических отношениях в связи с введением у нас пошлины на хлеб и донес об этом по своему начальству.

Копию с сего донесения имею честь препроводить у сего к вашему высокопревосходительству [1].

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 300. Посол в Берлине министру иностранных дел.

%. Депеша № 24. 26/13 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Не получая денег в Париже, Австро-Венгрии все чаще приходится прибегать к займам на германском рынке для удовлетворения своих многочисленных нужд. Так, на-днях консорциум немецких банков взял на себя реализацию 5% босно-герцеговинского займа на сумму 60 000 000 крон, из коих 30 000 000 предназначаются для развития железнодорожной сети в аннексированных провинциях и перестройки уже существующей там узкоколейной сети на нормальную колею. Остальная часть займа должна предоставить средства для осуществления в этих провинциях разных других государственных задач, требующих долгосрочного помещения капитала.

Эти 60 000 000 представляют, повидимому, лишь небольшую часть потребной Австро-Венгрии для Боснии и Герцеговины суммы, каковая, говорят, достигает 400 000 000 крон, так что, вероятно, в скором времени Двуединой монархии придется снова искать необходимых ей средств.

Пока Германия, может быть, и в финансовом отношении приходит на помощь своей беспокойной союзнице без особой охоты, но делает она это, конечно, недаром; с настоящим займом австровенгерское финансовое управление перешло уже к 5%-му типу займа, после того, как в начале 1914 года процент был повышен с 4 на 4½%.

Босно-герцеговинский заем будет предложен к подписке по курсу 99½ или 99¾, но реализующий его консорциум получает его по курсу 96. Кредитные учреждения Австро-Венгрии в реализации этого займа не участвуют.

Примите и пр.

С. Свербеев.

[1] К публ. депеше приложено в копии донесение агента м-ва торг. и пром.

№ 301. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 72 [1]. 26/13 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 69 [2].

Шансы на заключение займа все увеличиваются. Совместно с французским посланником стараюсь доказать королю и здешнему общественному мнению гибельность для Болгарии финансовой политики ее теперешнего правительства и в экономическом и в политическом отношении, о чем подробно донесу следующим курьером. По моим сведениям и по известным вашему высокопревосходительству газетным известиям [3], есть основание полагать, что на заем пойдут английские и бельгийские деньги. Не сочли бы вы полезным, насколько возможно [4], помешать сему последнему? Панафье утверждает, что его правительство, которое он держит в курсе вышеизложенного [3], продолжает препятствовать имеющимися в его распоряжении средствами проникновению сюда французских капиталов [5]. В разговоре [3], [4] с французским посланником здешний министр финансов открыто [4] признал крайнюю неотложность займа [5]. Не стесняясь обременительностью его условий, он старается его заключить возможно скорее и тем укрепить, хотя бы временно, положение правительства. Во избежание последнего желательно было бы напречь все усилия, дабы расстроить планы Радославова и Тончева.

Савинский.

№ 302. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма [6]. 26/13 апреля 1914 г.

Сообщаю копию в Тавриз.

На все мои попытки [7] вступить с шахским правительством в переговоры о заключении концессии на судоходство по Урмийскому озеру я получал от шахского министра иностранных дел весь-

---

[1] Опубл. Siebert, S. 632.

[2] См. выше № 268.

[3] У Siebert'а опущено.

[4] У Stieve IV, S. 94, № 1323 опущено.

[5] У Siebert'а „dass diese Anleihe unbedingt notwendig sei, um die Stellung des jetzigen Kabinets zu befestigen". Следующая фраза у Siebert'а опущена за исключением той ее части, которая присоединена к только-что приведенной фразе. У Stieve это место передано так: „...dass die Anleihe nicht auf geschoben werden könne, er wolle möglichst schnell abschliessen, um die Stellung der Regierung zu stärken".

[6] Номер отсутствует.

[7] См. выше, стр. 322, прим. 2.

ма уклончивые ответы, содержавшие скрытый отказ. Так, обещание затребовать от принца Имама-Кули-Мирзы документы, которыми бы он мог доказать свои права на озеро, нельзя считать удовлетворительным ответом, принимая во внимание, что названный принц недосягаем по дальности расстояния для персидского правительства и что подобные ответы в этом смысле неоднократно были получаемы нами в течение последних лет. Также сомневаюсь, чтобы привело к какому-либо результату данное мне Восугом обещание рассмотреть проект условий концессии независимо от прав на озеро принца Имама-Кули-Мирза. Принимая во внимание громадное значение для нас названной концессии и опасность неожиданной пере(дачи) ее немцам, что однажды едва не осуществилось на деле Шюнеманом [1], считаю необходимым теперь же приступить к фактическому осуществлению плавания по озеру Тавризской железной дорогой, для каковой цели последней следует заключить условие с Будагянцем, как фактически владеющим судоходством, на передачу его судов и инвентаря дороге. Полагаю, что после такой меры шахское правительство сделается уступчивее и пойдет на предложенные нами условия [2].

Коростовец.

№ 303. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

27/14 апреля 1914 г.

In view of the desirability of arriving at an early settlement of the question of the Persian Cossack Brigade and of the Swedish Gendarmerie His Majesty's Embassy has been instructed to make a communication to the Imperial Government to the following effect.

His Majesty's Government regret that they could not under any circumstances support representations of the Russian Government at Tehran in favour of the maintenance or increase of the Cossack Brigade in its present organisation which allows of the Russian officers refusing to recognise the authority of the Persian Minister of War over

---

[1] Имеется в виду договор от 28/15 февраля 1910 г., заключенный между персидским принцем Имам-Кули-Мирзой и азербайджанским отделением немецкой компании „Моссиг и Шюнеман“, на доставку и спуск в Урмийское озеро парового баркаса. Невыполненный договор был в 1912 г. расторгнут.

[2] Правление дороги, по совету Клемма, приступило к переговорам с Будагянцем „с некоторой оглаской, дабы слухи дошли до Тегерана и повлияли бы на уступчивость персов“. Подгурский указывал Коростовцу на то, что можно было бы „приступить к осуществлению нашего права явочным порядком, не спрашивая ни персов, ни Будагянца, ни принца“ (тел. Подгурского от 1 июня/19 мая за № 613).

them, and claiming that they are servants of the Emperor of Russian alone and recognise no other authority.

If, however, the Brigade were completely reorganised and if it were clearly laid down that the Russian officers would obey the orders of the proper Persian authorities, in exactly the same way as the Swedish officers of the Gendarmerie do, and if moreover the conditions of service and pay of the Cossacks were made such as to permit of the force being freely employed wherever required, His Majesty's Government would be willing to urge the Persian Government to accept the request of the Russian Government for an increase of the force. This would of course be on the understanding that the reorganised Brigade would gradually take the place of the Russian troops at present stationed in Persia. On the other hand His Majesty's Government could not agree that this extension of the Cossack Brigade should be made the occasion for curtailing the existing scope of the duties of the Gendarmerie under Swedish officers.

His Majesty's Government would not suggest that the existing force of the Gendarmerie in the northern provinces of Persia should be increased, and would be quite prepared to acquiesce in the reorganised Cossack Brigade undertaking duties in those northern provinces for which the present force of Gendarmerie may prove to be inadequate in numbers. As regards the southern provinces, His Majesty's Government understand that the Imperial Russian Government raise no objections to the numbers of Swedish officers being increased as circumstances may require in order that the efficiency of the Gendarmerie may be improved in those regions.

His Majesty's Government wish to see a more normal state of affairs in North Persia. In their view, to exclude the Gendarmerie now employed in Northern Persia would be a retrograde step; but on the other hand to press that Russian troops should be withdrawn and that their place should be taken by a largely increased force of Gendarmerie under foreign and non-russian officers might be regarded as a set back to Russian interests. The policy consistent alike with the maintenance of order in the North of Persia, of Persian integrity and of Russian interests, appears therefore to His Majesty's Government to be to allow the Gendarmerie under Swedish officers to continue in its existing numbers in the North of Persia, to perform its functions as at present, and meanwhile to reorganise the Persian Cossacks under Russian officers into a force capable of securing order as the Russian troops are withdrawn[1].

[1] Резолюция Клемма: „По поводу этого писания министр заметил английскому послу, что есть черта, за пределы коей им вмешиваться в наши дела было бы

Перевод.

Принимая во внимание желательность достигнуть быстрого соглашения по вопросу о казачьей бригаде в Персии и о шведской жандармерии, посольству его величества поручено сделать императорскому правительству сообщение следующего содержания:

Правительство его величества сожалеет, что оно не может ни при каких условиях поддерживать представление русского правительства в Тегеране по поводу сохранения или увеличения казачьей бригады при теперешней ее организации, позволяющей русским офицерам отказываться от признания над собою власти персидского военного министерства и претендовать на то, что они являются слугами только императора России и не признают поэтому никакой другой власти.

Если однако бригада будет совершенно реорганизована и если будет прямо указано, что русские офицеры будут подчиняться распоряжениям соответствующих персидских властей совершенно так же, как это делают офицеры шведской жандармерии, и если, кроме того, условия службы и оплаты казаков будут так изменены, что станет возможно свободное использование их, когда это нужно, то правительство его величества согласилось бы воздействовать на персидское правительство для удовлетворения им требований российского правительства об увеличении бригады. Само собой разумеется, что это может быть осуществлено лишь при наличии соглашения о том, что реорганизованная бригада постепенно займет место русских войск, расположенных в настоящее время в Персии. С другой стороны, правительство его величества не может согласиться с тем, чтобы усиление казачьей бригады послужило поводом к урезке обязанностей жандармерии, состоящей под начальством шведских офицеров.

Правительство его величества не будет выдвигать мысли об увеличении сил жандармерии в северных провинциях Персии и вполне готово согласиться на то, чтобы реорганизованная казачья бригада взяла на себя выполнение в этих северных провинциях тех обязанностей, для которых силы, имеющиеся в настоящее время в распоряжении жандармерии, окажутся недостаточными. Что касается южных провинций, то правительство его величества предполагает, что императорское российское правительство не будет иметь возражений против увеличения числа шведских офицеров, когда этого потребуют обстоятельства для того, чтобы значение жандармерии было усилено в этих районах.

Правительство его величества желает установления более нормального положения вещей в Северной Персии. С его точки зрения устранение жандармерии, применяемой в настоящее время в Северной Персии, явилось бы шагом назад. Но с другой стороны, если настаивать на том, чтобы русские войска были отозваны, а их место занято значительно увеличенными силами жандармерии под началом иностранных, но не русских офицеров, то это может быть расценено как игнорирование интересов России. Политика, одинаково совместимая с поддержанием порядка в Северной Персии, с неприкосновенностью Персии и интересами России, заключается поэтому, по мнению правительства его величества, в том, чтобы жандармерия под начальством шведских офицеров

опасно, так как это могло бы испортить наши отношения. Мы сами идем навстречу желанию персидского правительства относительно реорганизации бригады; вопрос этот сейчас обсуждается, но развитие шведской жандармерии на Севере мы считаем недопустимым и от этого не отступим. В. Клемм. 14/IV—14».

продолжала в настоящем своем размере выполнять, как и до сих пор, принадлежащие ей функции, с тем чтобы персидское казачество, состоящее под начальством русских офицеров, было тем временем реорганизовано в такую военную силу, которая способна будет обеспечить порядок к тому моменту, когда русские войска будут отозваны.

№ 304. Министр иностранных дел генерал-адъютанту П. К. Бенкендорфу.

Телеграмма № 769. 27/14 апреля 1914 г.
В Ливадию.

Покорнейше прошу вас доложить его императорскому величеству, что:

Великобританский посол уведомил меня о желании его правительства прислать нынешним летом в русские воды эскадру из четырех бронированных крейсеров под командой контр-адмирала, каковые суда могли бы посетить Кронштадт с [17] 4 по [26] 13 июня старого стиля, Ревель—с [26] 13 по [29] 16 и Ригу—с [30 июня] 17 по [3 июля] 20 июня старого стиля. Бьюкенену поручено испросить на это согласие импер. правит-ва и осведомиться, представляются ли с точки зрения последнего удобными означенные сроки. Я сказал послу, что ввиду пребывания здесь с [19] 6 по [22] 9 июня короля саксонского, на мой взгляд было бы предпочтительнее, чтобы английская эскадра прибыла в Кронштадт лишь [22] 9 июня, и обещал ему узнать, последует ли на выбор этого срока соизволение государя императора.

Буду вам благодарен телеграфировать мне высочайшие указания на этот счет.

Сазонов.

№ 305. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 34. 27/14 апреля 1914 г.

М. г. Александр Петрович,

На основании дошедших до него сведений императорский посланник в Лиссабоне донес, что на верфях в St. Nazaire сооружено для турецкого флота 7 канонерских лодок и что в Гавре заготовляются еще 3 военных судна для того же флота. Через Лиссабон проследовал в половине марта ст. стиля турецкий военный транспорт „Решид-Паша“ с офицерами и 600 нижних чинов для приемки сказанных судов.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство благоволить проверить сведения о строившихся

за последнее время в вышеназванных французских портах турецких военных судах и о последующем не отказать меня уведомить.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 306. Министр иностранных дел морскому министру Григоровичу.

Письмо № 35. 27/14 апреля 1914 г.

М. г. Иван Константинович,

Согласно письму вашего в-пр-а от [3 апреля] 21 марта с. г. № 1405/356 [1] я уведомил великобританское правительство, что хотя аэроплан Сикорского и представляет ценный секрет, однако ввиду дружественных наших отношений с Англией ходатайство последней об ознакомлении с означенным аэропланом могло бы быть удовлетворено, но что императорское правительство в свою очередь надеется на содействие Англии к скорейшему и успешному разрешению переговоров о покупке Россиею двух строящихся на заводе Армстронга линейных кораблей для Чили.

Ныне великобританский посол сообщил мне, что его правительство выразило полную готовность исполнить наше желание и не преминуло войти по этому поводу в сношения с Чилийской республикой, но что, к сожалению, ему не удалось склонить последнюю к продаже нам строящихся судов, а получило лишь заверение, что эти суда никому продаваться не будут. Вместе с тем великобританское правительство, выражая благодарность за выраженное согласие доверительно ознакомить его с аэропланом Сикорского, просит оказать в этом отношении содействие командируемым им сюда с указанной целью лицам.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 307. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 74. 27/14 апреля 1914 г.

Телеграфирую послу в Париже.

За № 1 я передаю вам телеграмму [2], с которой я обратился к министру по поводу готовящегося здесь займа. Помимо своей финансовой разорительности для Болгарии,—говорят, что эмисси-

[1] Содержание письма Григоровича в основном изложено в публ. документе.

[2] Тел., обозначенная Савинским „за № 1“, в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

онный курс будет 81 %,—заем этот в случае совершения будет полным порабощением, экономическим и политическим, Болгарии со стороны Берлина и Вены, так как путем требования военных заказов и концессий на вновь предполагаемые железнодорожные линии, оборудование порта Лагоса и т. д. немцы и австрийцы хотят прочно наложить на болгар свою тяжелую руку. Благоразумная часть общественного мнения возмущена и борется, но беззастенчивость правительства не считается с первостепенными интересами страны и преследует лишь свои личные цели и выгоды. Панафье утверждает, что французское правительство продолжает строго держаться своей первоначальной точки зрения и не намерено дать денег настоящему правительству, считая, кроме того, его последнее обращение к Берлину абсолютно некорректным по отношению к Франции, как постоянному кредитору Болгарии. Окончательное решение вопроса зависит, конечно, от короля. Не сочли ли бы возможным и полезным разъяснить сами через французское правительство всю гибельность теперешней финансовой политики Станчову, находящемуся в личных сношениях с королем? Ему можно было бы также указать на то, что ни в Берлине, ни в Вене денег нет и что собранный понемногу заем, который ни в каком случае не будет более 250 миллионов,—а вчера мне говорили в финансовых сферах, что Берлин настаивает даже всего на 200 миллионах,—пойдет весь на неотложные платежи, а на необходимую для страны производительную работу не только ничего не останется, но и впредь на долгое время Болгария ничего не получит от Тройственного согласия, так как после ее обращения к Берлину двери парижского рынка будут для нее закрыты. Если бы на основании этих доводов Станчов телеграфировал королю, телеграмма его, несомненно, отрезвила бы последнего. Обращаясь к вам за содействием, я считаю, что я не преступаю данных мне инструкций, так как перед моим отъездом сюда в январе министр дал мне совершенно определенные указания следить за ходом займа, делиться моими сведениями с вами и стараться помешать займу, дабы не укреплять враждебного нам правительства; а теперь идет речь не о том или другом правительстве, а грозит опасность окончательного и безвозвратного закрепощения немецкого влияния в Болгарии.

Был бы благодарен за телеграфный ответ [1].

Савинский.

---

[1] Ссылаясь на помещенную в тексте тел. Савинского, Сазонов тел. от 29/16 апреля за № 779 сообщал Извольскому (копия в Софию): „Вполне разделяем взгляд посланника на желательность, если возможно, воспрепятствовать заключению Болгарией займа“.

№ 308. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 46[1]. **27/14 апреля 1914 г.**

На-днях меня посетил греческий морской агент г. Кризис. Из беседы с ним я мог убедиться, что в Афинах весьма сильное впечатление производит усиленная деятельность оттоманского правительства в деле создания турецкого флота.

По словам г. Кризиса, английская миссия, стоящая во главе турецкого флота, действует с все возрастающей энергией, и личный состав ее за последнее время достигает 72 человек офицеров и нижних чинов-специалистов. Среди последних ныне имеется 10 электротехников и 20 комендоров, прибывших недавно и получающих весьма крупное для нижних чинов содержание. По объяснению оттоманского морского министерства, эти специалисты вызваны для работ при ремонте военных судов на суше, но ввиду получаемого ими содержания—до 30 турецких лир в месяц, слишком крупного для нижних чинов, хотя бы специалистов, г. Кризис заключает, что они призваны не только для береговой службы, но и для действительной службы во флоте. Такое заключение эллинского морского агента вполне основательно. Оно было, впрочем, подтверждено в частном разговоре моим английским сотоварищем, сэром Луис Маллетом.

Деятельность англичан в этом направлении облегчается особенно тем обстоятельством, что во главе оттоманского морского министерства ныне стоит столь энергичный человек, как Джемаль-паша, поставивший себе целью создать настоящий турецкий военный флот и неуклонно стремящийся к осуществлению этой цели. Находясь в самых лучших отношениях с Лимпусом-пашою и самым лестным образом о нем отзываясь, Джемаль-паша строго выполняет все указания и советы последнего.

Вследствие этого не только практическое обучение турецких морских офицеров и нижних чинов ведется с особой поспешностью и настойчивостью, но и ремонт уже существующих судов турецкого флота производится в столь широких размерах и настолько удачно, что мог бы удовлетворить любое из европейских государств.

По сведениям г. Кризиса, первый из заказанных Турцией Англии дредноутов ожидается в сентябре, а второй—в декабре текущего года, то есть позже, чем утверждают турки. Этим запозданием, по мнению греческого морского агента, объясняется тот притворно любезный тон Порты по отношению к Греции, который замечается ныне, и ее якобы готовность вступить в непосредственные пере-

---

[1] Лит. копия.

говоры с эллинским правительством по вопросу об островах. По убеждению г. Кризиса, тон этот немедленно изменится с приходом дредноутов и переходом преобладающего значения на сторону оттоманского флота.

Насколько турецкое правительство озабочено скорейшим, по возможности, получением строящихся в Англии дредноутов,—видно из того, что, как мне сообщил г. Кризис и как подтверждается из других достоверных источников, оно намеревалось первоначально отказаться от обычно следующих за пробным плаванием разборки и проверки отдельных частей машины, которые должны были отсрочить на месяц получение дредноута. Однако это предположение было категорически отвергнуто Лимпусом-пашой, и ныне решено подвергнуть отдельные части машины проверке ранее пробного плавания, которое должно быть соединено с отправлением дредноута в Константинополь.

Так как греческие дредноуты будут готовы: первый—в июле месяце 1915 г., а другой, только-что заказанный,—лишь через 27 месяцев, то, по крайней мере, в течение шести месяцев перевес будет на стороне оттоманского флота, и такое положение, в особенности в данную минуту, не может не производить сильного впечатления на эллинское правительство.

Г. Кризис спросил личного моего мнения по поводу того, могла ли бы Греция помешать проходу дредноута „Султан Осман" в Константинополь. При этом он отметил, что, по имеющимся у него данным, турки примут все меры к ограждению своего нового дредноута от возможных случайностей, и часть турецкой эскадры будет своевременно отправлена для его встречи и конвоирования.

Я ответил моему собеседнику, что до сентября месяца еще много времени и все зависит от того, какие отношения будут существовать тогда между Грецией и Турцией. Я добавил, что лично я не буду, конечно, ничего иметь против, если бы турецкий дредноут не достиг Константинополя, но эллинское правительство должно прежде всего принять в расчет, как отнеслись бы в Лондоне к такому факту захвата судна, построенного в Англии, интересы коей заключаются в его беспрепятственном доходе до места назначения, так как Турция, в противном случае, была бы вправе отказаться от дальнейших заказов у нее своих военных судов.

О вышеизложенной беседе считаю долгом донести вашему высокопревосходительству, ссылаясь на секретную телеграмму вашу от [30] 17 минувшего марта за № 599[1].

---

[1] В документе ошибка: тел. от 29/16 марта за № 599 (см. выше стр. 256, прим. 2).

Не могу не отметить, что г. Кризис, долгое время пробывший в Константинополе (он состоял греческим морским агентом еще до войны), в общем хорошо осведомлен о положении военно-морского дела в Турции. Будучи в весьма дружеских отношениях с нашим морским агентом, капитаном I ранга Щегловым, он имел случай не раз доказать, что сообщаемые им сведения в главных своих чертах имеют прочное основание.

Вышеуказанная энергичная деятельность оттоманского морского министерства и приход в недалеком будущем двух дредноутов, несомненно, дадут перевес оттоманскому флоту не только над греческим флотом, но и над нашим Черноморским. Возможность такого временного перевеса, как не безызвестно вашему высокопревосходительству, признается и самим нашим морским ведомством.

Я уже неоднократно имел случай указывать на серьезную опасность подобного преобладающего значения оттоманского флота в смысле прочности нашего положения и поддержания престижа русского имени на Ближнем Востоке. Ныне я считаю долгом еще раз подчеркнуть, что действительно широко проявляемая энергия турецкого правительства в деле пересоздания флота и планомерная настойчивая деятельность английской миссии, при присущей туркам склонности к подчинению, несомненно, окажет свое влияние в смысле устранения всех тех недостатков турецкого флота, которыми он до сих пор отличался, и создания из него образцового, в европейском значении этого слова, военного флота, могущего угрожать нам не только в количественном отношении, но и по своему качеству.

М. Гирс.

№ 309. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 47. 27/14 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После долгих переговоров оттоманское правительство подготовило соглашение с группою французских капиталистов, официально скрывающихся под фирмою англо-австрийского банка, об образовании общества, имеющего целью устройство в Оттоманской империи мусульман-эмигрантов.

Общество, имеющее носить название „Société Ottomane pour l'installation des émigrés indigents", должно образоваться на 30-летний срок с основным капиталом в 300 000 турецких фунтов. Помимо вышеуказанной цели, оно берет на себя водворение мусульманского населения, бежавшего во время войны из Адрианопольско-

го вилайета. При этом водворение это не должно, якобы, быть производимо в ущерб греческому населению.

Земли, необходимые для поселения эмигрантов, общество или получает непосредственно от оттоманского правительства даром, или само покупает за счет последнего. За его же счет оно производит все затраты, связанные с постройкой жилищ для эмигрантов и их первоначальным обзаведением.

На это общество обязуется немедленно же обратить 150 000 турецких фунтов. Все суммы, расходуемые обществом за счет оттоманского правительства, будут приносить 6 % и будут обеспечены доходами с принадлежащих государству лесов, оцененными в 300 000 турецких фунтов в год.

Оттоманское правительство выговаривает себе право отказаться по истечении двух лет от вышеизложенного соглашения.

Переговоры о последнем тянутся уже в течение года. Такая затяжка объясняется желанием французских капиталистов заручиться содействием Оттоманского долга, как в видах более верной уплаты причитающихся обществу сумм, так и в целях гарантии прочности самого предприятия.

Совет оттоманского долга уже в течение трех месяцев изучает вопрос, но еще не вынес до сих пор своего решения.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 310. Посланник в Тегеране товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо № 790. 27/14 апреля 1914 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В минувшем феврале я имел честь донести императорскому министерству[1], что главный казначей Персии, не возражая против взноса малиата и акциза в северных провинциях в Учетный банк, старался связать урегулирование этого вопроса с заключением общего соглашения между нашим банком и казначейством. Переговоры по поводу соглашения между казначеем и управляющим Учетным банком с участием миссии продолжаются около двух месяцев, но не привели пока ни к каким осязательным результатам, обнаружив лишь чрезмерность и неприемлемость требований Морнара, имеющего, повидимому, целью затормозить дело.

Не усматривая необходимости связывать вопрос о монетном деле с вопросом о малиате, я старался выяснить взгляд главно-

[1] См. т. I, стр. 444, прим. 2.

го казначея на последний и на возможность компромисса, но убедился вскоре в скрытой недобросовестности названного бельгийского чиновника и в стремлении его создать затруднения на почве якобы нарушения нами интересов персидского казначейства и Шахиншахского банка. Ввиду сего, я остановился на мысли, не выжидая результатов переговоров казначейства и банков, использовать на практике сделанное мне Морнаром вскоре по прибытии моем в Тегеран предложение касательно взноса малиата русско-подданными и персидскими протеже (моя телеграмма в министерство от [13 февраля] 31 января)[1]. Предложение это вызвано было, по признанию главного казначея, затруднениями, кои встречают провинциальные финансовые агенты при взимании малиата с русско-подданных и персов под русским покровительством, уклоняющихся от уплаты причитающихся с них сумм и встречающих якобы поддержку наших консулов, которые объясняют свой образ действия разными неправильностями и злоупотреблениями в деле обложения и взимания. Желая прекратить ненормальное положение дела, наносящее вред персидскому фиску и подрывающее авторитет финансового управления, Морнар предложил, чтобы впредь малиат, начисляемый на русско-подданных, вносился в агентства Учетно-Ссудного банка под контролем наших консулов. Поступающие таким образом суммы должны, согласно его проекту, расходоваться по соглашению миссии с консульством[2].

Предвидя новые возражения со стороны главного казначея относительно способа осуществления этой меры, я решил приступить к применению ее безотлагательно, руководствуясь представленными мне нашими консулами соображениями[3]. Предупредив управляющего Учетным банком для соответствующих с его стороны распоряжений, о намеченной нами комбинации, я вместе с тем обратился к генеральному консулу нашему в Тавризе, прося его разработать подробности всего дела, с тем, чтобы созданный там

[1] Тел. от 13 февр./31 янв. за № 38 Коростовец сообщал, что главный казначей предлагает поставить под контроль консулов взыскание малиата с русско-подданных и состоящих под русским покровительством персов, уклоняющихся от его уплаты.

[2] Судя по общему смыслу и на основании тел. из Тегерана от 13 фев./31 янв. за № 38 (см. прим. 1), здесь, очевидно, описка: вместо слов „с консульством" следует читать: „с главным казначейством".

[3] Тел. от 24/11 марта за № 268 Орлов предлагал производить взимание без бельгийцев, компенсировав их размером предоставленной им суммы. Коростовец тел. от 28/15 апреля за № 162 сообщал, что „большинство сборов казначейства в провинциях все-таки продолжает вноситься помимо нашего банка" и что он предложил консулам обязывать русско-подданных и состоящих под русским покровительством персов к взносу „сборов в агентства нашего банка через наши консульства".

прецедент мог послужить примером для других консульств. Должен заметить, что большинство консулов отнеслось сочувственно к проектируемой мере, сделав лишь некоторые оговорки касательно необходимости иметь точные списки русских и персидских плательщиков, общей суммы малиата, земельного кадастра, времени и способа взимания, источника, из коего должны покрываться вызываемые расходы, и т. п.

Из последней телеграммы д. с. с. Орлова усматривается, что им уже закончены подготовительные работы и сделаны надлежащие сношения с местной администрацией на предмет введения означенного способа во вверенном генеральному консульству округе[1].

О последующем[2] я не премину поставить в известность ваше превосходительство.

Примите и пр. Коростовец.

[1] Вероятно, имеется в виду тел. Орлова от 20/7 апр. за № 302, в которой однако говорится не о сношениях с местной администрацией, а о сношениях с банком. Представляя свои соображения по поводу взимания малиата в своем донесении от 28/15 апр. за № 1810, Орлов считает несомненным, что „консульские представители не будут лишь передаточной инстанцией между плательщиками податей и персидским казначейством, а будут входить в обсуждение законности размеров малиата и того, не нарушит ли внесение подати в данный момент нормального ведения хозяйства плательщика“. Своим влиянием в Персии, по мнению Орлова, Россия обязана тому, что „русские консульства являются единственной инстанцией, где царствует абсолютная справедливость и нелицеприятие“. Орлов считает „опасения, что население перенесет на нас антипатии, которые оно питает к чинам бельгийской администрации, пока во всяком случае преждевременными“. Указывая на то, что 75% земельных собственников Азербайджана являются русскими подданными или протеже, Орлов заключает: „следует признать принятую императорской миссией меру в вопросе взимания малиата историческою в развитии отношений наших к Персии: в летописях стран Востока мы на каждом шагу читаем: „он завоевал страну и собрал дани“. Императорское правительство неоднократно разъясняло, что оно не намерено посягать на территориальную неприкосновенность Персии, но для наших интересов укрепление в сознании населения уже существующего представления, что все прилегающие к нашим южным границам страны — лишь „аманет“ (временный залог) в руках других, должно сыграть очень важную роль“.

[2] Тел. от 27/14 апр. за № 316 Орлов сообщал, что Морнар грозил „отозвать всех бельгийских чиновников Азербайджана“, „если меры, принятые консульством и генерал-губернатором касательно взимания малиата, не будут отменены“. Нота перс. м-ва ин. дел, препровожденная в СПБ. Коростовцем при письме от 14/1 мая за № 883, ссылаясь на заявление Морнара о том, что „ему ничего неизвестно касательно такого соглашения“ о сборе малиата, указывает, что „шахское правительство не может считать такое соглашение действительным“. В своей ответной ноте (от 14/1 мая) Коростовец выразил свое недоумение по поводу этого заявления главного казначея, который „неоднократно предлагал на словах и даже письменно изложить мне свое согласие на установление такого порядка вещей в деле взимания малиата“.

№ 311. Вице-консул в Урмии министру иностранных дел.

Телеграмма № 201. 27/14 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран:

Благодаря крайне неосторожной разведке наших военных на турецкой границе, особенно в районе Хакки, отправляющих своих разведчиков-туземцев, по преимуществу айсоров, в Турцию для сбора сведений, и раскрытой турками недавно после захвата письма одного нашего офицера организации разведки—турецкие власти начали чинить притеснения на границе пограничным жителям по переходу границы.

Турецкий консул жалуется на приемы наших военных разведчиков, побуждающих его правительство усиливать бдительность по охране границы.

Во избежание нежелательных осложнений, а равно в целях возможности нам следить за турецкой границей необходимо рекомендовать нашим военным:

1) крайнюю осторожность в разведке на границе;

2) поручение разведки выдержанным по характеру лицам, старшим, а не младшим офицерам;

3) осведомление о сем вице-консульства и нежелательность принятия без его ведома каких-либо самостоятельных мер по разведке как в Персии, так особенно в Турции.

Копии в Тавриз и Хой.

Введенский.

№ 312. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 777. 28/15 апреля 1914 г.

Ваша телеграмма № 245[1] получена.

Сегодня мною посылается всеподданнейший доклад, в коем испрашиваю разрешение прибыть в Ливадию чрезвычайному посольству, если бы великий визирь обратился к вам с официальною о том просьбою, причем в случае высочайшего соизволения я ходатайствую о разрешении мне дождаться посольства в Ялте, куда выезжаю завтра. Не считаете ли вы желательным, в случае приема посольства, воспользоваться этим для благоприятного направления текущих вопросов? Было бы желательно по возможности

---

[1] „Хотя мне и неизвестно мнение Порты относительно возможности немедленно выслать приветственное посольство в Ливадию, лично полагаю однако, что отъезд посольства в конце апреля мог бы состояться“ (тел. Гирса от 26/13 апр. за № 245).

двинуть вопрос о введении нашего представителя в Совет долга, дабы ускорить подписание связанных с этим соглашений. Быть может, вы могли бы на месте содействовать этому как через Порту, так и сношениями с вашими французским и германским коллегами.

Сазонов.

№ 313. Генерал-адъютант П. К. Бенкендорф министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 28/15 апреля 1914 г.

Государь император изволил изъявить согласие на прибытие английской эскадры в Кронштадт [22] 9 июня.

Граф Бенкендорф.

№ 314. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 64. 28/15 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 69[2].

Вследствие болезни министра иностранных дел мог только сегодня переговорить с ним по содержанию вышеозначенной телеграммы Савинского. По словам министра, некоторое время тому назад берлинское правительство запросило здешнее правительство, не встречается ли со стороны последнего препятствий к реализации на берлинском денежном рынке болгарского займа в размере от 200 до 250 миллионов франков. Румынское правительство никаких возражений не формулировало, а лишь осведомилось, не будут ли вырученные от этого займа деньги употреблены Болгарией на вооружения, на что из Берлина ответили, что имеющиеся у болгарского правительства долговые обязательства и другие неотложные не-военные нужды поглотят всю сумму займа. Об условиях предполагаемого займа министр не имеет определенных сведений и лишь слышал, что синдикат германских банкиров, с которым Болгария ведет переговоры, желает обеспечить за собой на выгодных условиях концессию на постройку железной дороги до Лагоса. Министр также слышал из частного источника, что германский министр торговли будто бы противится выпуску болгарского займа в Германии, находя, что денежные ресурсы страны нужны в данный момент для ее собственной торговли.

Копия в Софию.

Поклевский.

---

[1] Маш. копия; номер отсутствует.
[2] См. выше № 268.

№ 315. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 130. 28/15 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на мое донесение № 21[1]. Копии в Париж и Вену.

Хотя на сделанное Иовановичем австрийскому правительству сообщение касательно Восточных железных дорог со стороны последнего не было дано ответа, и никаких дальнейших совещаний по этому вопросу в Вене не происходило, прибывший сюда директор дороги Миллер дал понять Пашичу, что дело интернационализации окончательно расстроилось и что он готов вступить с сербским правительством в обсуждение какой-либо иной комбинации. На это Пашич сказал, что, конечно, выкуп железной дороги Сербией является наиболее выгодным решением вопроса, предупредив однако Миллера, что если общество потребует за это слишком крупную сумму, то правительство вынуждено будет приступить к постройке своей собственной параллельной линии. Это заявление, видимо, произвело большое впечатление на Миллера. Вместе с сим граф Витали телеграммой сообщил Пашичу, что если сербское правительство в принципе одобряет его последние предложения, то он прибудет в Белград для переговоров. Хотя Пашич оставил эту телеграмму без ответа, Витали тем не менее приезжает сюда не сегодня—завтра. Интересно, что здешний германский посланник вчера посетил Пашича с тем, чтобы предупредить его об окончательном провале дела интернационализации.

Гартвиг.

№ 316. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 132. 28/15 апреля 1914 г.

Получил № 701[2].

Ввиду того, что отказ наш в удовлетворении просьбы сербского правительства о военных снаряжениях действительно поставил последнее в крайне тяжелое положение, я доверительно сообщил содержание вышеозначенной телеграммы Пашичу, который просит принести вам живейшую благодарность за благожелательное участие к интересам Сербии. Сегодня состоится совещание министров по вопросу о крайних надобностях армии. Принятые решения с моими соображениями не премину сообщить с ближайшим курьером.

Гартвиг.

---

[1] См. выше № 254.
[2] См. выше № 218.

№ 317. Нота министра иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

29/16 апреля 1914 г.

Monsieur l'ambassadeur,

Par sa note en date du 23/10 avril ct. [1], votre excellence a bien voulu me communiquer la teneur des articles 6 et 7 qui seront incorporés dans la convention anglo-allemande au sujet du Chatt-el-Arab, du chemin de fer de Bagdad et d'autres questions qui s'y rattachent. Vous m'avez également fait tenir un extrait d'un projet de note explicative au sujet de l'art. 7 clause 6 de ladite convention, comprenant un préambule et 6 clauses qui complètent le sens de l'article en question.

En même temps vous avez bien voulu m'informer de ce que le gouvernement britannique consent à considérer la teneur des deux articles ci-dessus mentionnés ainsi que des six clauses de la note explicative comme ayant, mutatis mutandis, force d'un arrangement entre es gouvernements britannique et impérial. De mon côté j'ai l'honneur de vous faire savoir qu'ayant accepté la proposition du gouvernement britannique d'adhérer aux deux articles susmentionnés de la convention anglo-allemande et aux six clauses de la note explicative ci-dessus mentionnés tel qu'ils sont exposés dans votre note du 23/10 avril ct. le gouvernement impérial consent à son tour à considérer comme obligatoire pour lui la teneur desdits articles et clauses.

Перевод.

Г. посол,

В вашей ноте от 23/10 апреля с. г. ваше превосходительство изволили мне сообщить содержание статей 6 и 7, которые будут включены в англо-германскую конвенцию по поводу Шатт-эль-Араба, Багдадской железной дороги и других связанных с этим вопросов. Вы мне также препроводили извлечение из проекта объяснительной записки по вопросу ст. 7, § 6 указанной конвенции, содержащее вводную часть, и 6 параграфов, которые дополняют упомянутую статью.

В то же время вы изволили меня осведомить, что британское правительство соглашается рассматривать содержание двух упомянутых выше статей, как и шести параграфов объяснительной записки, в качестве имеющих mutatis mutandis силу соглашения между императорским и британским правительствами. С своей стороны, я имею честь сообщить вам, что, принимая предложение британского правительства о присоединении к упомянутым выше двум статьям англо-германской конвенции и указанным выше 6 параграфам объяснительной записки в той редакции, в какой они изложены в вашей ноте от 23/10 апреля с. г., императорское правительство с своей стороны соглашается считать для себя обязательным содержание упомянутых статей и параграфов.

---

[1] В ноте от 23/10 апр. Бьюкенен сообщал Сазонову текст указанных в публ. письме пунктов конвенции, трактующих о судоходстве по Шатт-эль-Арабу и связанных с этим проблемах. См. также выше №№ 163 и 164.

№ 318. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 106[1]. 29/16 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Софию. Получил №№ 69, 72 и 74[2].

Думерг только-что подтвердил мне, что он дал категорические указания французским банкам не предоставлять своих[3] средств Болгарии под видом займа в Германии; по сведениям, полученным сегодня от французского посла в Берлине, переговоры о болгарском займе в Берлине потерпели неудачу, которую Думерг объясняет именно отказом со стороны французских банков[4]. Не премину при первом удобном случае высказаться перед Станчовым в указанном вами смысле. Думерг обещал мне преподать Станчову те же советы.

Извольский.

№ 319. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 107[5]. 29/16 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Константинополь.

Завтра выезжают отсюда в Константинополь голландец Вестененк и норвежец Гофф, назначаемые инспекторами в Армении. Из разговоров этих двух лиц со мной и с доктором Завриевым[6] выяснилось, что они вряд ли вполне правильно понимают предстоящую им роль органов европейского контроля и необходимость опираться главным образом на Россию. Весьма желательно, чтобы тотчас по прибытии в Константинополь они получили от вас надлежащие советы и указания. Доктор Завриев также выезжает в Константинополь и подробно сообщит вам их характеристику и свои наблюдения над ними.

Извольский.

---

[1] Опубл. Siebert, S. 632.

[2] См. выше №№ 268, 301 и 307.

[3] У Siebert'a „keine".

[4] У Siebert'a публикуемая тел. на этом обрывается.

[5] Опубл. Stieve, IV, S. 95, № 1325.

[6] Тел. от 29/16 марта за № 601 росс. послу в Париже и послан. в Брюсселе и Гааге Сазонов сообщил, что „константинопольский армянский патриарх поручил армянскому деятелю русско-подданному доктору Завриеву войти в переговоры с намеченными кандидатами в генеральные инспектора". Сазонов просил „оказать Завриеву, который известен министерству, возможное содействие к исполнению поручений". Росс. посланник в Гааге Свечин сообщал в депеше от 6 мая/23 апр., что, „по словам д-ра Завриева, ему удалось, наконец, убедить г. Вестененка", что излишней подчиненностью Порте он увеличит свои затруднения, которые могут быть преодолены лишь путем давления „на Порту со стороны иностранных посольств в Константинополе и прежде всего русского".

№ 320. Посол во Франции министру иностранных дел.

ꞏ/. Письмо [1]. 29/16 апреля 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении весьма доверительного письма вашего от [2 апреля] 20 марта с. г. за № 23 [2], я не преминул тотчас же переговорить по содержанию оного сперва с г. Думергом, а затем и с г. Пуанкаре, как только он возвратился в Париж, то есть за несколько часов до приезда в Париж английской королевской четы; оба они еще раз обещали мне воспользоваться первым удобным моментом, чтобы указать королю Георгу и сэру Эдуарду Грею на желательность более тесного соглашения между Россиею и Англиею и предложить английскому министру иностранных дел совместно сообщить нам содержание существующего между Франциею и Англиею политического соглашения, каковое могло бы послужить основанием для выработки подобного же соглашения между Россиею и Англиею.

В первый день пребывания здесь английских гостей, всецело занятый официальными визитами, приемами и торжествами, не происходило никаких деловых разговоров; во второй день г. Думерг мог лишь самым беглым образом переговорить с сэром Э. Греем во время следования на смотр войскам в Венсене; но в четверг в министерстве иностранных дел состоялось длинное совещание, в котором с французской стороны приняли участие гг. Думерг, Поль Камбон и де Маржери, а с английской—сэр Эдуард Грей и личный секретарь его сэр Вильям Тиррель. Со своей стороны, г. Пуанкаре имел доверительную беседу с королем Георгом и сэром Эдуардом Греем. В тот же день вечером на приеме в министерстве иностранных дел, как г. Пуанкаре, так и г. Думерг, поставили меня самым подробным образом и почти в тождественных выражениях в известность о результате вышесказанных бесед.

Обмен мыслей между французскими и английскими государственными людьми, прежде всего, коснулся отношений между Франциею и Англиею; приступая к нему, обе стороны единодушно признали, что существующие между обеими странами соглашения не нуждаются ни в каком формальном изменении или дополнении и что, продолжая последовательно и лояльно применять ко всем выдвигаемым политическим вопросам так называемую „Entente

---

[1] Опубл. М., стр. 501—504.

[2] См. выше № 137.

cordiale",—Франция и Англия тем самым с каждым днем укрепляют и развивают соединяющие их узы; при этом было признано также, что Россия самым тесным образом приобщается как Франциею, так и Англиею к их совместной политике. Мысль эта, как вы, конечно, изволили заметить, вполне рельефно выражена в опубликованном здесь и в Лондоне, после вышесказанного совещания, сообщении печати; г. Думерг сказал мне, что каждое слово этого сообщения, редактированного г. Камбоном, было тщательно взвешено и проверено не только им самим, но и сэром Эдуардом Греем, который всецело одобрил упоминание в нем России, а также указание, что целью трех держав является поддержание не только „мира", но и „равновесия". Франко-английское сообщение, уже переданное мною по телеграфу, считаю долгом еще раз препроводить при сем в газетной вырезке.

Окончив обсуждение различных стоящих на очереди вопросов текущей политики, г. Думерг перешел к вопросу об отношениях между Россиею и Англиею и высказал сэру Эдуарду Грею условленные между ним и мною пожелания; при этом он выставил в пользу более тесного русско-английского соглашения, главным образом, два аргумента: 1) усилия Германии отвлечь нас от „Тройственного согласия", являющегося, будто бы, ненадежною и слабою политическою комбинациею, и 2) возможность, путем заключения между нами и Англиею морской конвенции, освободить часть английских морских сил для энергических действий не только в Балтийском и Немецком морях, но и в Средиземном море[1]. (Г. Думерг указал, между прочим, сэру Эдуарду Грею, что через два года у нас будет в Балтийском море сильная эскадра, составленная из дредноутов.) Сэр Эдуард Грей ответил г. Думергу, что лично он вполне сочувствует высказанным им мыслям и был бы вполне готов заключить с Россиею соглашения на подобие тех, которые существуют между Англиею и Франциею; он не скрыл однако от г. Думерга, что не только в среде правительственной партии, но даже среди членов кабинета, имеются элементы, предубежденные против России и мало склонные к дальнейшему сближению с нею; он выразил тем не менее надежду, что ему удастся склонить г. Асквита и других членов правительства к своей точке зрения, и предложил следующий modus procedendi: прежде всего, оба кабинета, лондонский и парижский, могли бы,

---

[1] B L. N., II, pp. 259—262 „...2) une convention navale, conclue entre nous et l'Angleterre libérerait une partie de la flotte anglaise qui pourrait agir avec plus d'énergie...."

по взаимному уговору, сообщить петербургскому кабинету все существующие между Англиею и Франциею соглашения, а именно: 1) выработанные генеральными и морскими штабами сухопутную и морскую конвенции, имеющие, как вам уже известно, так сказать, условный характер, и 2) политическое соглашение, оформленное обменом писем между сэром Эдуардом Греем и французским послом в Лондоне; в письмах этих выражено, что в случае, если по ходу событий Англия и Франция решатся на совместное активное выступление, они „примут во внимание“ вышесказанные конвенции. Одновременно с этим сообщением, лондонский и парижский кабинеты могли бы спросить нас, как мы относимся к затронутому в нем предмету, а это могло бы, в свою очередь, подать нам повод приступить к обмену мыслей с Англиею о заключении соответствующего русско-английского соглашения. По мысли сэра Эдуарда Грея, между нами и Англиею могла бы быть заключена лишь морская, а не сухопутная[1] конвенция, ибо все сухопутные силы Англии уже заранее распределены и, очевидно, не могут кооперировать с русскими. Сэр Эдуард Грей присовокупил, что, тотчас по возвращении в Лондон, он предложит вышеизложенный план действий на обсуждение г. Асквита и других своих коллег. На вопрос г. Думерга, не думает ли он, что было бы желательно придать соглашениям между Россиею, Франциею и Англиею форму не параллельных соглашений[2], а единого „тройственного“ соглашения, сэр Эдуард Грей ответил, что лично он не исключает подобной возможности, но что об этом может быть речь впоследствии, в связи с техническою разработкою предполагаемого русско-английского соглашения.

Все трое присутствовавших на совещании: гг. Думерг, Камбон и де Маржери—сказали мне, что они были поражены выраженною сэром Эдуардом Греем ясною и определенною готовностью вступить на путь более тесного сближения с Россиею; по их убеждению, высказанные им оговорки относительно г. Асквита и других членов кабинета имеют лишь формальный характер, и если бы он не был заранее уверен в их согласии, он воздержался бы от столь конкретных предложений.

Из вышеизложенного, мне кажется, можно заключить, что вопрос, затронутый в письме вашем от [2 апреля] 20 марта[3], поставлен на надлежащие рельсы; гг. Пуанкаре и Думерг обещали мне,

---

[1] В L. N. слова: „а не сухопутная“ отсутствуют.

[2] В L. N. слова: „не параллельных соглашений, а“ отсутствуют.

[3] См. выше № 137.

что г. Камбон будет самым внимательным образом следить за исполнением намеченного сэром Э. Греем плана; со своей стороны, я ознакомил со всеми обстоятельствами дела находившегося здесь посла нашего в Лондоне графа Бенкендорфа, который также думает, что есть полное основание рассчитывать на дальнейший успешный его ход.

Во время пребывания здесь английской королевской четы, я имел случай несколько раз и довольно долго беседовать с королем Георгом, так[1] и с сэром Эдуардом Греем. Король Георг высказал мне, в самых теплых выражениях, свою личную привязанность к государю императору; не входя в подробности предполагаемого развития существующих между Россиею и Англиею соглашений, он выразил мне самым определенным образом свое сочувствие этому плану; с сэром Эдуардом Греем я также не касался подробностей дела, но все, что я от него слышал, убедило меня в том, что мы имеем в нем самого искреннего сторонника дальнейшего и более тесного сближения между Россиею и Англиею. Не желая утомлять вас изложением моих с ним бесед, я упомяну лишь о следующем интересном его заявлении: на мой вопрос, думает ли он, что Италия сдержит данное ею слово относительно Додеканеза, сэр Эдуард Грей ответил, что он вполне верит искренности итальянского правительства и убежден, что Италия очистит эти острова, при условии получения требуемых ею в Малой Азии концессий и, может быть, некоторых преимущественных прав в пределах очищаемой территории; „впрочем,—присовокупил сэр Эдуард Грей,— мною сделаны по этому вопросу публичные заявления (I have publicly commited myself on the subject), и я, очевидно, от этих заявлений не могу отказаться".

Г. Думерг, которому я передал об этих словах, сказал мне, что, со своей стороны, он мог убедиться, что в вопросе о Додеканезе сэр Эдуард Грей занимает весьма твердое и определенное положение.

Примите и пр.

Извольский.

№ 321. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 53[2]. 29/16 апреля 1914 г.

Сегодня Берхтольд выступил в делегациях с обширной речью, в которой, между прочим, коснулся отношений Австро-Венгрии к

[1] Так в подлиннике.

[2] Царск. экз.

России, указав на их неизменно дружественный характер. Ввиду безусловно мирного направления политики императорского правительства и огромных его культурных задач внутреннего благоустройства, Двуединая монархия, по мнению министра иностранных дел, может вполне рассчитывать на дальнейшее развитие этих миролюбивых отношений.

Шебеко.

Да, но не доводить нас до крайности.

Ливадия, [5 мая] 22 апреля 1914 г.

№ 322. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Телеграмма № 72. Валона, 29/16 апреля 1914 г.

№ 1.

Вследствие получаемых здесь сведений о кровопролитиях на юге, комиссия, по просьбе албанского делегата, на сегодняшнем заседании занималась вопросом о положении вещей в Эпире. На серьезность его она решила обратить внимание держав тождественным сообщением, передаваемым за № 2[1]. Австрийский и итальянский делегаты, вначале поддерживаемые другими коллегами, упорно настаивали на включении в это сообщение формулы о необходимости посылки в Эпир европейских войск. Я воспротивился этой прибавке, считая самую меру запоздавшей, трудно исполнимой и могущей заставить международные отряды принять участие в столкновениях. Кроме этого, я опасался, как бы из предложения комиссии о посылке войск австрийское и итальянское правительства не вывели впоследствии международного мандата на вооруженное вмешательство, к чему здесь, повидимому, подготовляется почва. Австрия и Италия усиленно теперь доставляют в Албанию оружие. За последнее время сюда ввезено до миллиона патронов и 15 пулеметов.

Петряев.

№ 323. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Телеграмма № 73. Валона, 29/16 апреля 1914 г.

No. 2.

Texte identique. — Par sa décision en date du 27 novembre passé la Commission de Contrôle avait fait savoir aux Puissances que d'après entente avec les officiers hollandais elle était d'avis qu'il serait possible de former une gendarmerie forte de 1 000 (hommes) qui serait

---

[1] См. ниже № 323.

suffisante pour maintenir ordre et tranquillité dans les provinces à évacuer par les troupes grecques à moins d'une résistance en masse ogranisée. Les faits continuent à prouver que cette résistance organisée existe et que la gendarmerie albanaise par conséquent ne suffit plus à empêcher les dévastations commises par les bandes grecques, ni de prévenir les répressailles de la part de la population albanaise exaspérée et chassée de ses villages incendiés. La Commission croit devoir attirer l'attention des gouvernements respectifs sur la gravité de la situation qui en résulte.

Petriaeff.

Перевод.

Тождественный текст.—Согласно своему решению от 27 ноября прошлого года контрольная комиссия сообщила державам, что по соглашению с голландскими офицерами она считала возможным сформировать жандармерию в составе 1 000 (человек), которая, за исключением случая организованного массового сопротивления, явилась бы достаточной для поддержания порядка и спокойствия в провинциях, откуда подлежат эвакуации греческие войска. Факты продолжают подтверждать, что подобное организованное сопротивление существует и что, вследствие этого, албанская жандармерия оказывается недостаточной, как для того, чтобы препятствовать опустошениям, производимым греческими бандами, так и для того, чтобы предотвратить акты мести со стороны албанского населения, доведенного до отчаяния и изгнанного из своих подожженных селений. Комиссия считает нужным обратить внимание соответствующих правительств на серьезность положения, которое создалось вследствие этого.

Петряев.

№ 324. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо [1]. 29/16 апреля 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В секретном письме от [12 апреля] 30 марта с. г. [2] я сообщал вашему высокопревосходительству о разговоре, который я имел с начальником тайного кабинета короля относительно политики теперешнего кабинета и о том, что я обратился к своим французскому и английскому коллегам с просьбой найти случай высказаться пред г. Добровичем в том же смысле.

Г. Панафье исполнил мою просьбу и имел две длинных беседы: одну—с министром финансов Тончевым, а другую—с г. Добровичем.

---

[1] На документе имеется надпись карандашом: „Было доложено министром лично его величеству".

[2] См. выше № 207.

Министру финансов он высказал, с одной стороны, свое удивление и неудовольствие на его некорректный образ действия в вопросе о займе, устроить который Болгария добивается теперь в Берлине, не спросив у Франции, своего постоянного кредитора, окончательного ответа. Г. Панафье прибавил, что после этого Болгария не должна удивляться, если парижский финансовый рынок будет для нее надолго закрыт; с другой стороны, г. Панафье указал своему собеседнику на все невыгодные и обременительные для страны условия займа: его высокий эмиссионный курс, концессии на новые железнодорожные линии, оборудование порта Лагос, обязательность военных заказов в Германии и др. условия, которые по своим финансовым и политическим последствиям подчинят Болгарию немецкому влиянию и сравнят ее в отношении финансовой независимости с подконтрольными Турцией и Грецией. Г. Тончев пытался неудачно доказать свою правоту, утверждал, что заем нужен ему во что бы то ни стало, и спросил г. Панафье, почему он так солидаризируется с Россией и русской точкой зрения. На это г. Панафье разъяснил ему, что, помимо союзнических отношений, у Франции, хотя и не имеющей в Болгарии непосредственных интересов, есть другие соображения более общей политики, в силу которых ей нужно и важно знать, к какой из больших политических группировок примкнет в случае возможных в будущем осложнений Болгария, и что отдача Болгарией себя путем этого займа в руки немцев явится для правительства республики решающим моментом в смысле его дальнейшего отношения к Болгарии.

В разговоре с Добровичем г. Панафье повторил свою беседу с г. Тончевым и, согласно данному мне обещанию, прибавил, что совершенно не понимает, почему король так держится за правительство, столь непопулярное ни в стране, ни за границей.

Насколько я нашел поддержку в своей работе со стороны французского посланника, настолько оказался не на высоте положения английский представитель, тот самый, на несерьезность которого я указывал вашему высокопревосходительству в своем личном доверительном письме от [18] 5 марта[1] и который, вопреки своей готовности на словах содействовать мне в случае необходимости и вопреки данному обещанию, не счел возможным для себя высказаться в одном со мною смысле под предлогом,—как он признался нашему французскому сотоварищу,—неимения на то инструкций от своего правительства; а еще месяц тому назад он с пафосом повторял свои уверения, данные мне во время первого нашего

[1] См. выше № 44.

свидания, что он всегда и во всем будет мне помогать и итти заодно со мною.

Если ваше высокопревосходительство найдете желательным оказать на короля Фердинанда давление в столь чреватом последствиями вопросе, как заем, путем единодушного его неодобрения державами Тройственного согласия, быть может, вы сочтете полезным вызвать из Лондона соответствующие инструкции сэру Баксу Айронсайду. Но в таком случае я очень просил бы вас сделать это как бы по собственному почину, а не по моей просьбе, дабы для пользы дела не портить моих личных отношений с английским представителем, и вообще я был бы признателен вам за приказание сохранить в тайне ту часть этого донесения, которая посвящена роли английского посланника.

Когда я узнал, что для целей займа будут привлечены английские, бельгийские и др. капиталы, я счел нужным телеграфировать вам (тел. от [26] 13 апреля № 72[1]) и послу в Париже, дабы не упустить никакого средства помешать столь гибельному для Болгарии и нежелательному для нас займу.

В этих же целях я просил вас телеграммой от [27] 14 апреля № 73[2] позволить мне приехать к вам в Крым для личного обмена мыслей, вспомнив ваше предложение пред моим отъездом сюда в случае необходимости испрашивать краткие отпуска.

Данную минуту я считаю для Болгарии весьма важною; у меня есть целый план действий, на который я однако без одобрения государя императора и без вашего разрешения не могу решиться и который я и имею в виду представить вам лично в случае, если вам угодно будет испросить для меня высочайшее соизволение на прибытие в Крым.

Несмотря на то, что правительство держит тон[3], что успех займа уже обеспечен, на самом деле это не совсем так. Помимо тех затруднений и возражений, которые безусловно будут сделаны в народном собрании со стороны оппозиции, даже самые переговоры с берлинскими банкирами идут туго; по моим последним

[1] См. выше № 301.

[2] Тел. от 27/14 апр. за № 73 Савинский испрашивал разрешения на поездку в Крым „для обстоятельного доклада вам [Сазонову] здешнего политического положения, значительно усложнившегося за последнее время, и получения соответственных указаний“. Тел. от 28/15 апр. за № 776 Сазонов ответил Савинскому: „Ввиду нежелательных толкований, которые могла бы вызвать ваша поездка в Крым считаю последнюю в настоящую минуту неудобной“.

[3] Так в подлиннике.

сведениям, банкиры все повышают эмиссионный процент, желая довести его до совершенно неслыханной нормы—81, и, кроме того, норовят уменьшить сумму займа, надеясь низвести ее до 200 миллионов. Это происходит, с одной стороны, конечно, от недоверия, внушаемого нынешним болгарским правительством, а с другой—из-за недостатка свободных денег на берлинском рынке. При этих условиях мне пришла в голову мысль, что если бы императорское правительство нашло возможным изъять теперь хотя бы самую ничтожную часть хранящихся в берлинских банках огромных русских государственных капиталов, то этим заем еще бы затруднился или даже стал бы совершенно невозможным.

Конечно, не мне судить, насколько это возможно и желательно с точки зрения общегосударственной политики, но мне кажется, что слишком церемониться с Берлином не приходится, так же, как он не церемонится с нами: ведь, помимо всех других условий предполагаемого займа, немцы ставят условием покрытие из него долга Болгарии Круппу за прежние заказы и этим открывают Болгарии у Круппа новый кредит, тогда как официально признается, что никакая часть нового займа не пойдет на военные нужды, а лишь на культурные цели.

Считая своею обязанностью не упустить никакого средства, находящегося в моем распоряжении, для воспрепятствования проектируемому займу, я поручил поместить в органах расположенной к России прессы статьи с подробным и живым разъяснением всех невыгодных для Болгарии сторон займа, а также напомнил болгарскому правительству, и в этот раз в категорической форме, давнишнее требование нашего военного министерства о возмещении ему 18 миллионов франков за военные поставки минувшей войны. Такую же мысль возымел и французский посланник по отношению французских бонов на сумму до 100 миллионов, немедленную уплату по которым из предполагаемого займа он потребовал вчера у министра финансов.

Наконец, видя, что работа оппозиции, отчасти благодаря праздникам, а отчасти вследствие отсутствия среди оппозиционных партий должного единодушия, идет несколько вяло, я виделся с главными оппозиционными деятелями—Малиновым, Тодоровым и Бобчевым—и в длинных беседах старался им доказать необходимость и важность соединить свои силы для более энергичных действий.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 325. Посланник в Греции министру иностранных дел.

*/. Письмо. 29/16 апреля 1914 г.

Конфиденциально.

Cher Сергей Дмитриевич,

La plupart des journaux commentent assez défavorablement la réponse des Puissances à la note grecque du 21/8 février. Ils exposent leurs vieilles litanies, à savoir que l'Europe déchire la Grèce lambeau par lambeau, en lui enlevant des régions conquises par ses armes sans lui offrir en retour aucune espèce de garantie sérieuse pour la libre possession de ce qu'on lui laisse; ils se lamentent, non sans quelque fondement, de la différence de traitement dont les Puissances font preuve à l'égard de la Grèce, acquiescant à leurs voeux, docile à l'extrême, et de la Turquie, formulant des réserves et néanmoins ménagée au point qu'on ne se décide à user envers elle que „d'influences amicales".

Je n'en aurais jamais fini, si je devais entrer dans toutes les analyses du document incriminé, dans toutes les exagérations d'une presse surexcitée. Qu'il suffise de constater que le gouvernement fidèle à ses promesses, a intimé, le soir même de l'assignation, l'ordre à ses troupes p'évacuer les districts occupés; à l'heure qu'il est, ses engagements sont réalisés.

En prenant acte de la note que je lui présentai, à la place de son collègue souffrant, Mr. Vénizélos ne me parut, en somme, pas trop mécontent de pouvoir enfin soustraire l'armée hellénique au guêpier albanais, en pleine conformité avec les décisions des Puissances. Il lui fallait, pour des motifs d'ordre intérieur, cette signification formelle et sans ambages. Il se borna à me répéter la prière, déjà formulée par Mr. Streit, que le gouvernement impérial veuille bien agir, par ses conseils bienveillants et modérateurs, auprès du gouvernement albanais en faveur des Epirotes abandonnés à leur sort.

Le président du Conseil me remercia vivement de la part que j'avais prise au démenti récent des fausses affirmations du journal „Athinai", basées sur la nouvelle lancée par le correspondant du „Daily Telegraph". S'il n'eut été, en effet, question que d'une prétendue demande de protection spéciale de la Russie en faveur des populations orthodoxes de l'Albanie, je ne m'en fusse nullement ému; bien au contraire. Mais le fait de voir accolées à cette soi-disant requête, — dans un but tendancieux de polémique et comme contre-partie, — des promesses de cessions territoriales au Mont-Athos, ne pouvait être toléré. Je me suis vu obligé de réagir contre pareil fallacieux prétexte d'agression oppositionnelle, d'autant que mon nom y figurait à chaque ligne. Il faut dire qu'au cours de mes nombreux entretiens avec les ministres grecs

et à la suite des multiples demandes d'intercession amicale, j'ai parfois appuyé sur l'évident intérêt que nous portions au sort de tous les orthodoxes. Nous avons de tout temps possédé en Epire certains droits traditionnels que nous sommes tenus, à mon avis, de jalousement conserver. Jusqu'à nos jours, à Janina, on fête religieusement les anniversaires de nos sollennités nationales. Ce sont des points de contact qu'il ne faut pas négliger, des fils qu'il ne faudrait pas rompre. Tel droit moral de longue date n'est pas loin de constituer un droit politique. Je penche à croire qu'il n'eut pas été mauvais que ces Epirotes se sentissent en partie redevables de leurs libertés au grand Empire protecteur. C'est dans cet esprit que je ne cesse d'agir avec l'espoir que vous voudrez bien m'approuver. Sans nous lier par aucun engagement précis, nous pouvons, à n'en point douter, exercer en ces parages une influence, grandissante dans les circonstances exceptionnelles présentes, et consacrée par la tradition. Je me serais même permis, s'il n'y avait indiscrétion, de préconiser une manifestation de largesse impériale par l'envoi d'un subside pécuniaire, — une fois la crise terminée, — destiné à soulager la misère qui règne au sein de ces populations orthodoxes tant éprouvées.

On fait beaucoup de bruit dernièrement autour des persécutions en Thrace, et les relations greco-turques s'en ressentent vivement. Certains organes de la presse exigent la révision du traité d'Athènes, pacte unilatéral, selon eux, et injustifiable du fait qu'il y a, dans l'Empire Ottoman, dix fois plus de Grecs, que de Musulmans en Grèce. Cette révision fournirait, au surplus, l'occasion pour ouvrir des négociations au sujet de Chios et de Mytilène, dont l'attribution à la Grèce a été reconnue par deux actes internationaux, mais dont, pour des raisons plus sentimentales que réelles, le régime politique et douanier, semble grandement préoccuper les Turcs. De son coté, Ghalib-Bey m'a fait tenir un volumineux dossier à l'appui de ses bruyantes protestations à Athènes contre les vexations grecques en Macédoine.

Les deux thèses ne sont certainement pas dénuées de fondement et vraisemblablement éxagérées, — comme tout objet de polémique sur cette péninsule. Je ne crois, néanmoins, pas me tromper en concluant à certaine majoration voulue des persécutions ottomanes. On sait que les Grecs sont passés maîtres en matière de réclame; ils ont tout intérêt à dénigrer la Turquie devant l'opinion européenne, surtout à la veille du moment où la question des îles va être résolue; obsédés par la nécessité de maîtrise en Egée et appréhendant le renforcement prochain de la flotte ottomane, ils sont assez enclins, semble-t-il, à se prévaloir des moyens que leur offre trop complaisamment la Turquie, soit pour obtenir des garanties plus fermes ou le droit de prémunir

les îles contre toute attaque, soit à la recherche de prétextes pour s'opposer au passage des cuirassés turcs, dont l'arrivée terrorise, en Grèce, les esprits les moins timorés. Il faut dire que l'accroissement de la flotte turque est un sujet d'inquiétude constante en Grèce, le moment approche où l'on devra se décider ici sur les mesures à prendre pour calmer l'opinion. Cherchera-t-on à créer quelqu'incident pour empêcher l'arrivée à destination de ces cuirassés? Parviendra-t-on à un accord préalable au sujet des îles? Telles sont les questions brûlantes qui se posent d'elles-mêmes. Je ne doute point qu'on n'ait envisagé ici toutes les éventualités, l'action hostile directe inclue.

Le voyage prochain de Mr. Vénizélos en Macédoine se rattache aux défectuosités de la nouvelle administration dans les territoires conquis; l'oeil du maître s'y impose depuis longtemps. Les changements successifs de gouverneurs viennent d'aboutir à la nomination récente, à Salonique, de Mr. Sofoulis, l'agitateur samien hors d'emploi. Il faut croire que la visite du président du Conseil remettra au point les nombreuses questions soulevées, et, notamment, celle des réfugiés grecs qui affluent, en masses, des provinces turques.

Les négociations pour le traité de commerce austro-grec poursuivent avec lenteur leur cahoteux chemin; mon collègue de Serbie s'emploie, non sans succès, de concert avec son alter ego, le correspondant du „Русское слово" à Athènes, à en entraver la marche par de gênantes et précoces publications. Il parait que le désaccord s'est mis entre les délégués autrichiens et leurs collègues hongrois, notamment au sujet des droits de cabotage en faveur du Lloyd seul, ainsi que pour le tarif douanier des vins importés par voie de Salonique. Ces divergences d'intérêts autrichiens et hongrois sont habilement exploitées par Mr. Balougdjitch, tenu régulièrement au courant de ces pourparlers à huis-clos.

Veuillez croire, cher Сергей Дмитриевич, à mes sentiments inaltérablement dévoués.

Démidow.

P.S. Dans une série d'articles, censément inspirés et d'ordre oppositionnel, le journal „Nea Imera" faisant l'historique des deux dernières guerres, attribue tout le mérite de l'alliance balkanique au prince Nicolas de Grèce, conjointement avec le prince Alexandre de Serbie. Ces deux artisans de l'Union auraient frayé la route, que Mr. Vénizélos dut forcément suivre! Je me permets de vous citer ce fait à titre de curiosité d'une part, — de l'autre, attendu qu'il semble corroborer mes renseignements sur la participation de certaines hautes sphères à la campagne de presse anti-gouvernementale qui sévit en ce moment.

Ut in litteris. D.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Большинство газет комментирует довольно неблагоприятно ответ держав на греческую ноту от 21/8 февраля. Они повторяют опять свои старые жалобы по поводу того, что Европа раздирает Грецию на куски, лишая последнюю территорий, завоеванных ее оружием, и не предоставляя ей взамен никакой серьезной гарантии в отношении свободы владения тем, что ей оставляют; они жалуются не без некоторого основания на различное обращение держав с Грецией, всегда исполняющей их желания и крайне покорной, и с Турцией, выговаривающей всякого рода ограничения и, несмотря на это, встречающей такую предупредительность, что в отношении ее решаются употребить только „дружественные влияния".

Я никогда бы не кончил, если бы остановился на анализе, который дает чрезмерно раздраженная пресса инкриминируемому документу, а также на всех ее преувеличениях. Достаточно будет констатировать, что правительство, верное своим обещаниям, в самый вечер подписания дало своим войскам приказ эвакуировать оккупированные округа; в настоящее время данные им обязательства уже выполнены.

Г. Венизелос, принимая к сведению ноту, представленную мной ему вместо его заболевшего коллеги, показался мне в конечном счете не слишком недовольным возможностью избавить греческую армию от албанского осиного гнезда, в полном соответствии с решением держав. По соображениям внутреннего порядка ему требовалось прямое и формальное заявление. Он ограничился повторением просьбы, уже высказанной г. Стрейтом, относительно того, чтобы императорское правительство воздействовало своими благожелательными и умиротворяющими советами на албанское правительство для облегчения участи эпиротов, предоставленных своей судьбе.

Председатель совета министров горячо благодарил меня за мое участие в недавнем опровержении ложных утверждений газеты „Athinai", основанных на сообщении, которое пустил в ход корреспондент „Daily Telegraph". Если бы вопрос касался, действительно, только предполагаемого притязания России на специальное покровительство православному населению Албании, то я нисколько бы не обеспокоился; совсем напротив. Но нельзя было терпеть того, что с этим предполагаемым притязанием связывались, в тенденциозных и полемических целях и в качестве компенсации,—обещания территориальных уступок на Афонской горе. Я счел себя вынужденным реагировать против подобного лживого повода для выпадов оппозиции, тем более, что мое имя фигурировало в каждой строчке. Надо сказать, что во время моих многочисленных бесед с греческими министрами и в результате неоднократных просьб о дружеском вмешательстве, я несколько раз останавливался на том очевидном интересе, с которым мы относимся к судьбе всех православных. Мы с давних пор обладаем в Эпире некоторыми традиционными правами, которые мы должны, по моему мнению, ревниво оберегать. По сие время в Янине свято празднуют годовщину наших национальных торжеств. Этими точками соприкосновения ни в коем случае не следует пренебрегать, это нити, которые не следует рвать. Такие давно существующие моральные права легко создают политические права. Я склонен думать, что было бы не плохо, если бы эти эпироты чувствовали себя в отношении своих свобод отчасти обязанными покровительствующей им великой империи. Я не перестаю действовать в этом духе, надеясь, что вы меня

одобрите. Не связывая себя никакими определенными обязательствами, мы можем, без всякого сомнения, осуществлять в этом крае влияние, усиливающееся при теперешних чрезвычайных обстоятельствах и освященное традицией. Я бы даже позволил себе, если это не будет нескромным, рекомендовать по окончании кризиса проявление императорской щедрости в виде посылки денежной помощи, предназначенной для облегчения нужды, царящей среди так много уже испытавшего православного населения.

В последнее время здесь поднят большой шум по поводу преследований во Фракии. Он уже сильно отражается на греко-турецких отношениях. Некоторые органы печати требуют пересмотра Афинского договора, который, по их мнению, является односторонним и несправедливым, ввиду того, что в Оттоманской империи имеется в десять раз больше греков, чем в Греции мусульман. Этот пересмотр явится, кроме того, основанием для открытия переговоров по поводу Хиоса и Митилены, передача которых Греции получила признание в двух международных актах, но, по причинам скорее сентиментальным, чем реальным, политический и таможенный порядок на этих островах видимо очень озабочивает турок. С своей стороны Галиб-бей предъявил мне объемистое дело, оправдывающее его энергичный протест в Афинах против греческих насилий в Македонии.

Оба эти взгляда не лишены основания, но, по всей вероятности, преувеличены, как и всякий предмет полемики на этом полуострове. Тем не менее я думаю, что не ошибусь, если приду к заключению о некотором сознательном преувеличении турецких преследований. Известно, что греки являются мастерами рекламы; они очень заинтересованы в том, чтобы очернить Турцию перед европейским общественным мнением, особенно накануне решения вопроса об островах. Одержимые идеей о необходимости господства в Эгейском море и предвидя усиление в недалеком будущем турецкого флота, они, как видно, весьма склонны воспользоваться средствами, которые им слишком охотно предлагает Турция для того ли, чтобы получить более прочную гарантию или право укрепить острова от всякого рода нападений, или же для того, чтобы создать предлог, который позволит воспрепятствовать прохождению турецких крейсеров, приход которых терроризует в Греции даже наименее боязливые умы. Надо сказать, что рост турецкого флота представляет предмет постоянного беспокойства Греции; приближается момент, когда здесь придется изыскивать меры для успокоения общественного мнения. Не попытаются ли создать какое-нибудь происшествие, которое помешало бы крейсерам достигнуть места назначения? Придут ли к предварительному соглашению по поводу островов? Таковы те жгучие вопросы, которые возникают сами собой. Я ничуть не сомневаюсь, что здесь считаются со всеми возможностями, включая и непосредственные военные действия.

Предполагаемая в ближайшем будущем поездка г. Венизелоса в Македонию вызвана недостатками новой администрации в присоединенных областях; глаз хозяина там требуется уже давно. Постоянная смена губернаторов завершилось последним назначением в Салоники г. Софулиса, оставшегося ныне не у дел бунтовщика с о. Самоса. Надо полагать, что посещение председателя совета министров даст разрешение всем поднятым вопросам и особенно о греческих беженцах, стекающихся массами из греческих провинций.

Переговоры о торговом соглашении между Австрией и Грецией медленно двигаются по своему тернистому пути; мой сербский коллега совместно со своим alter ego, корреспондентом „Русского слова“ в Афинах, препятствует

не без успеха их продвижению путем излишних и преждевременных сообщений в печати. Видимо, имеются разногласия между австрийскими делегатами и их венгерскими коллегами, именно по вопросу о предоставлении одному Ллойду права каботажа, а также по вопросу о таможенном тарифе на вина, импортируемые через Салоники. Эти противоречия между австрийскими и венгерскими интересами ловко используются г. Балугджичем, который всегда в курсе этих переговоров, происходящих за закрытыми дверями.

Примите и пр. Демидов.

P. S. В ряде статей, повидимому инспирированных и имеющих оппозиционный характер, газета „Nea Imera", давая исторический обзор двух последних войн, приписывает всю заслугу балканского союза греческому королевичу Николаю совместно с сербским королевичем Александром. Эти два создателя союза проложили путь, по которому должен был поневоле следовать г. Венизелос. Я позволяю себе это процитировать, с одной стороны, как любопытный факт, с другой стороны, повидимому, как подтверждение моих сведений относительно участия некоторых высоких сфер в кампании, проводимой в настоящий момент антиправительственной прессой.

Ut in litteris.

Д.

№ 326. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 165 [1]. 29/16 апреля 1914 г.

Английский посланник сообщил, что получил от своего правительства указания занять положение благожелательного нейтралитета к испрашиваемой нами концессии на Карун—Зейенде-Руд, воздерживаясь однако от оказания ей активной поддержки.

Коростовец.

№ 327. Директор особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов члену правления С.-Петербугского Международного Коммерческого банка А. И. Вышнеградскому.

29/16 апреля 1914 г.

Письмо № 49. Секретно.

М. г. Александр Иванович,

Г. министр иностранных дел сообщил в министерство финансов, что, в связи с вопросом о погашении долга сербской офицерской Задруги СПБ. Международному Коммерческому банку сербским правительством предполагается произвести хозяйственную ревизию означенного учреждения. При этом гофмейстер Сазонов указал на высказанное председателем сербского совета министров Пашичем пожелание о командировании в Белград представителя Международного банка для принятия участия в помянутой ревизии.

[1] Маш. копия.

Сообщая об изложенном, покорно прошу вас, милостивый государь, о последующем почтить меня уведомлением в возможно непродолжительном времени для сношения по настоящему делу с министерством иностранных дел.

Примите и пр.

Д. Никифоров.

№ 328. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Письмо № 287. 30/17 апреля 1914 г.

Сообщается в Валону.

М. г.,

Наш комиссар в Албании доставил в имп. м-во выработанный международной контрольной комиссией текст конституции албанского государства, первая глава коей у сего препровождается к в. прев-ству.

Не имея со своей стороны возражений по существу означенного проекта, я полагал бы однако желательным дополнить его включением особой статьи, обеспечивающей права, предоставленные Сербии в вопросе о железнодорожном доступе ее к Адриатическому морю. Таковая статья, будучи включена в главу 14-ю вслед за параграфом 3-м под цифрою 3-bis, могла бы быть редактирована в нижеследующих выражениях: „Un accès commercial sera reservé à la Serbie par un port albanais desservi par un chemin de fer international sous le contrôle exercé par une commission internationale composée des représentants des six Grandes Puissances, de la Serbie et de l'Albanie. Le libre usage de ce chemin de fer ainsi que du port est garanti par les Grandes Puissances à tous les Etats d'une manière égale, sous les mêmes conditions et au [1] tout temps, avec liberté de transit pour toutes les marchandises y compris les munitions de guerre"[2]. Изложенная редакция, являющаяся суммарной сводкой постановлений Лондонского совещания послов по сему предмету, именно формулы, принятой 17 декабря 1912 г., и пояснительного к ней толкования, явилась бы, нам кажется, лишь естественным допол-

---

[1] Так в подлиннике.

[2] „Сербии будет предоставлен торговый доступ через один албанский порт, обслуживаемый международной железной дорогой под контролем, осуществляемым международной комиссией в составе представителей шести великих держав, Сербии и Албании. Свободное пользование этой железной дорогой и портом гарантировано великими державами всем государствам в равной мере, на равных условиях и во всякое время, с правом свободного транзита для всех товаров, включая и военные припасы".

нением к тексту конституции, и без того заключающей в себе элементы международно-правовые и не ограничивающейся постановлениями внутреннего распорядка, и определяла бы обязательство, возложенное державами на албанское государство.

В случае, если бы включение в албанскую конституцию статьи об Адриатической железной дороге признано было по каким-либо соображениям неосуществимым, то решение совещания послов по сему вопросу ныне надлежало бы представить от имени держав прав-ву Албании, подобно тому, как они в свое время были сообщены сербскому прав-ву. Последний способ представляет однако, по моему мнению, значительные неудобства. Как в. прев-ство изволите усмотреть из прилагаемых у сего в литографии постановлений Лондонской конференции, последние предусматривают организацию особой международной силы для охраны железной дороги. В настоящее же время, ввиду создания албанской жандармерии и милиции, каковое определено и в проекте конституции, мера эта, предположенная державами в свое время, естественно становится излишней. Вследствие сего сообщение несколько устаревшего текста Лондонских постановлений явилось бы, на мой взгляд, менее соответственным, нежели включение особой заново редактированной статьи в самую конституцию.

Признавая в то же время желательным выступить с вышеизложенным предложением по согласованию взглядов по сему вопросу всех держав Тройственного согласия, имею честь пок. пр. в. превство переговорить в смысле настоящего письма с м. и. д. и о последующем не отказать уведомить меня по телеграфу.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 329. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Письмо № 289. 30/17 апреля 1914 г.

Весьма доверительно.

Копия в Цетинье.

М. г. Николай Генрихович,

Как видно из весьма доверительного донесения вашего превосходительства от [7 апреля] 25 марта с. г. за № 17[1], в беседе с вами черногорский посланник высказывает мысль о том, что в Цетинье начинают сознавать, что новые территориальные приобретения Черногории оказываются ей не по силе и что многие черно-

[1] См. выше № 169.

горцы сожалеют о той проявленной сербами братской щедрости при обоюдном размежевании завоеванных земель.

О трудности для Черногории на собственные скудные средства содержать администрацию и гарнизоны во вновь приобретенных краях писал наш поверенный в делах в Цетинье уже [15] 2 ноября 1913 года в донесении за № 51[1]. „Обстоятельство это,—писал г. Обнорский,—сильно тревожит черногорское правительство, горько сетующее на крайнее настроение своих военных сфер, лишившихся с прекращением русской субсидии и своих организаторов и денежных средств на содержание армии".

С своей стороны при обсуждении вопроса о дальнейшем продолжении военной помощи Черногории императорское министерство не может не считаться весьма серьезно с указанными выше соображениями. По словам нашего военного ведомства, самый скромный подсчет средств, потребных на продолжение военной помощи Черногории, при условии рациональной ее постановки, создает необходимость единовременной затраты в 8 000 000 рублей и ежегодно затраты 2 400 000 рублей. Не предрешая вопроса о том, насколько кажется возможным возложить столь значительные расходы на государственное казначейство, министерство иностранных дел, в полном согласии с военным ведомством, полагает, что в случае, если бы продолжение помянутой помощи было бы решено в утвердительном смысле, представлялось бы необходимым потребовать условий, вполне обеспечивающих расходование и контроль помянутых сумм русскими офицерами, которые фактически явились бы вполне независимыми в своей деятельности инструкторов черногорской армии. Вместе с тем, как не безызвестно вашему превосходительству, в вопросе о постановке нашей военной помощи в Черногории императорское министерство исходит из убеждения в том, что наши действия отнюдь не должны в чем-либо явиться помехой слиянию в будущем Черногории с Сербией. Этим обусловливается сложность задачи, которая поставлена была бы нашим инструкторам, в случае если бы было решено их отправить в Черногорию.

Для успешного выполнения задачи инструкторства в черногорской армии в наших глазах желательно было бы по возможности строго отграничить эту задачу от всяких других привходящих целей и мероприятий. С этой точки зрения представлялось бы

[1] В депеше от 15/2 ноября 1913 г. за № 51 Обнорский сообщал о подписании Белградского соглашения, „по которому к Черногории отходит большая часть Метохии, Ипек, Дьяково и Плевлье".

крайне желательным не брать нам на себя задачу содержания черногорских гарнизонов во вновь приобретенных областях, тем более что при постановке инструкторского дела в Черногории имеется в виду сохранить нынешний милиционный характер черногорского войска, как наиболее приспособленный как к характеру самого народа, так и к задаче сохранить за черногорскими военными силами значение вспомогательного корпуса в соединении с Сербией.

Как видно из упомянутого вашего донесения, мысль о мероприятиях, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов, не перестает озабочивать Пашича. В лице[1] этих мероприятий он ставит задачу с образованием кадров облегчение непосредственных сношений армий, задача коих—совместными усилиями ограждать владения обоих государств.

Вполне разделяя взгляд сербского председателя совета министров и полагая желательным с своей стороны сообразовать действия России в Черногории с начинаниями Сербии, мы задаемся вопросом, не отвечала ли бы такой постановке дела возможность при нашем посредстве, быть может, заключения соглашения между Сербией и Черногорией, в силу коего охрана и администрация во вновь приобретенных областях была бы поручена королем черногорским Сербии. При такой постановке вопроса можно было бы не задевать другого более сложного вопроса о новом размежевании границ между этими государствами, и вместе с тем Сербия фактически получила бы основание и возможность усилить свое влияние в Черногории. Одновременно с сим бюджет Черногории получил бы значительное облегчение в силу сокращения расходов, потребных как на оккупацию, так и на администрацию новых краев. Известная часть освободившихся таким образом средств, а именно около 2 000 000 крон, могла бы пойти на покрытие военных издержек, тем самым наша субсидия могла бы быть сокращена с упомянутой выше цифры 2 400 000 рублей до более скромной 1 600 000 рублей, которая все-таки представляется весьма и весьма значительной. Сообщая вам эти соображения, считаю долгом обратить ваше внимание на весьма доверительный их характер. Так как вопрос о продолжении помощи нашей Черногории может быть решен только по совместном соглашении между военным ведомством и министерством иностранных дел и по высочайшем одобрении выработанных мер, то в настоящее время нельзя еще говорить с полной уверенностью о том или ином разрешении этого

---

[1] Так в подлиннике.

вопроса. Вы могли бы однако, быть может, воспользоваться ближайшим вашим свиданием с Пашичем для того, чтобы весьма доверительно затронуть этот вопрос и спросить его мнение относительно указанной постановки дела, при этом, конечно, всякое вообще указание со стороны сербского министра относительно тех или иных пожеланий Сербии не может не быть принятым нами иначе как с должным вниманием. В ожидании вашего отзыва по упомянутому вопросу пользуюсь случаем, чтобы возобновить вам и т. д.

Нератов.

№ 330. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 343 [1]. 30/17 апреля 1914 г.
Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

Из сообщенных вашему сиятельству в свое время литографий вы уже изволили осведомиться о намерении Учетно-Ссудного банка Персии заручиться, при учасити принца Акбера-Мирзы, сына Зилли-Султана, концессиею на проведение соединительного канала между реками Зейенде-Руд и Карун и производство затем оросительных работ в Исфаганском районе.

Этот проект, судя по имеющимся данным, встретил отрицательное к себе отношение со стороны великобританской миссии в Тегеране, которая, повидимому, относится вообще несочувственно к фактическому укреплению нашего влияния в сказанном районе, хотя он и входит в состав отмежеванной нам соглашением 1907 г. зоны, и которая, кроме того, высказывала опасения, что прорытие означенного канала вредно отзовется на количестве вод в Каруне и через это на существующем на этой реке английском судоходстве.

Однако произведенные подробные изыскания и подсчет количества воды, которое будет отвлечено от Каруна, с убедительностью доказали полную неосновательность последних опасений великобританской миссии, которая тем самым лишилась благовидного предлога формально тормозить наше начинание. Тем не менее, как вы усмотрите из прилагаемой при сем в копии секретной телеграммы д. с. с. Коростовца от [15] 2 сего апреля за № 138[2],

[1] Черновой отпуск написан рукою Клемма.
[2] См. выше № 229.

существует опасение, что англичане все же под рукой будут противодействовать получению нашим банком концессий, каковое опасение не устраняется заявлением сэра Вальтера Тоунлея, о коем упоминается в последующей телеграмме нашего посланника, от [29] 16 сего апреля за № 165[1], также в копии, при сем прилагаемой.

Было бы поэтому весьма полезно добиться того, чтобы великобританскому посланнику в Тегеране было предписано, если не поддержать наше домогательство, то, по крайней мере, официально заявить шахскому правительству, что со стороны лондонского кабинета к осуществлению нашего предположения никаких препятствий не встречается.

Обращаясь к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой сделать соответствующие шаги, я полагал бы, что при объяснении вашем с великобританским министерством иностранных дел вы могли бы, прежде всего, принести ему нашу благодарность за преподанную г. Тоунлею инструкцию, а затем высказать вышеуказанное наше пожелание, мотивируя его тем, что персы, во внимание к интересам Англии на Каруне, могли бы из-за опасения навлечь на себя неудовольствие последней, напрасно затянуть разрешение вопроса.

В ожидании отзыва вашего сиятельства о последующем, пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

№ 331. Посол в Вене министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 54[2]. 30/17 апреля 1914 г.

Председатель австрийской делегации граф Сильва-Тарука, отвечая вчера в Будапеште на тронную речь, сказал между прочим, что Австрия чужда всякой агрессивной политики, но что, с другой стороны, она полагает, что она достаточно сильна для того, чтобы положить конец той антиавстрийской агитации, от кого бы она ни исходила, которая систематически ведется в пограничных местностях и которая не позволяет народам, населяющим Австрию, пользоваться благами мира.

Шебеко.

А кто поддерживает польскую и украинскую партии?

Ливадия, [5 мая] 22 апреля 1914 г.

---

[1] См. выше № 326.

[2] Царск. экз.

№ 332. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 79. 30/17 апреля 1914 г.

Телеграфирую Поклевскому: получил № 64[1].

Сообщенному румынским правительством ответу Берлина, что болгарские долговые обязательства и другие невоенные нужды поглотят все суммы предполагаемого займа, противоречит тот факт, что живущий здесь представитель Круппа потребовал, чтобы из суммы займа был возмещен долг Болгарии за последние заказы, после чего Круппом будет открыт болгарскому правительству новый [кре]дит. В этой манипуляции нельзя не видеть весьма слабо замаскированного назначения части займа на военные нужды.

Савинский.

№ 333. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 170. 30/17 апреля 1914 г.

Дополнение к моей телеграмме № 165[2].

Несмотря на предписание Тоунлею держаться нейтрально в вопросе о концессии Зейенде-Руд, предпринятый нами шаг неприятен англичанам, что подтверждается скрытым воздействием на персов, дабы помешать ее осуществлению. В видах сохранения доброго согласия между двумя миссиями, не будет ли признано уместным вступить в откровенный обмен мыслей с лондонским кабинетом и попутно выяснить, как смотрит великобританское правительство на нашу концессию в Исфагани? Быть может, привлечение английских капиталов или инженеров к участию в концессии примирило бы англичан с этим делом и облегчило бы переговоры с персами, осужденные в противном случае, вероятно, на неудачу.

Коростовец.

№ 334. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 26[3]. 30/17 апреля 1914 г.

Я уже имел случай докладывать вашему высокопревосходительству, что здешнее правительство, обеспокоенное сведениями о движении русских переселенцев в Астрабадскую провинцию, просило меня предупредить наши власти о нежелательности дальнейшей

---

[1] См. выше № 314.

[2] См. выше № 326.

[3] Лит. копия.

русской иммиграции. Устные протесты персов были затем подкреплены письменным сообщением, в котором говорится, что так как покупка земель иностранцами в Персии противна трактатам, то шахское правительство надеется, что дальнейшая иммиграция русскоподданных будет запрещена; в противном же случае оно будет считать наших переселенцев персидскими крестьянами и поселять их по своему усмотрению.

Не находя своевременным вступать в пререкания по этому вопросу, я ограничился указанием на ошибочность персидской точки зрения на право русских приобретать и арендовать земли и вообще на неправильность толкования наших договорных прав. Подтверждение нашего взгляда на этот вопрос представлялось, по моему мнению, полезным, ввиду проявляемого в последнее время персами стремления оспаривать наши законные и освященные давностью права. Мой ответ вызвал возражения шахского министерства иностранных дел, изложенные в пространном сообщении, в коем заключается целый ряд аргументов в защиту персидского толкования 5 статьи Туркманчайского договора [1]. В сообщении этом между прочим указывается, что между двумя правительствами за все истекшее время не было разногласия относительно означенного вопроса, и делается ссылка на ноту российской миссии от [10 октября] 27 сентября 1885 года, в которой заключается якобы совершенно ясное признание отсутствия у русских прав собственности и аренды. Отмечая, что договоры заключаются для того, чтобы избегать затруднений, персидский министр иностранных дел заявляет, что наше толкование означенной статьи будет служить источником хлопот для обеих сторон, и напоминает, что шахское правительство циркулярной нотой от 9 Раби-уль-Евселя 1311 г. предупредило иностранные державы, что никакие сделки, вытекающие из договоров, не будут считаться действительными без государственной печати, а посему оно не может признать моего заявления о законности сделок, утвержденных официальными учреждениями или шариатским порядком.

Ввиду шаткости и необоснованности приведенной аргументации, я счел уместным воспользоваться настоящим случаем, чтобы показать персам, что мы не намерены допускать каких-либо колебаний в этом вопросе, и закрепить наши возражения в письменной форме.

[1] В ноте от 15 Джемади-уль-Ула 1332 г. за № 295/2173, перс. м-р ин. дел различает вопрос о переселении от вопроса о праве владения земельной собственностью и ее аренды и считает, что ст. 5 Туркманчайского договора ограничивает право русских на приобретение собственности жилыми домами, лавками и амбарами. В остальной части нота изложена в публ. донесении.

В ответной ноте[1] я указываю, что Туркманчайский договор не содержит запрещения русским подданным владеть недвижимостями и арендовать оные, а посему нет основания выводить заключение, что то, чего нет в трактате, запрещено, ибо это может повести к рискованным последствиям. Далее мною отмечается, что нота российского поверенного в делах Аничкова[2], на которую ссылается персидское сообщение, как на доказательство признания нами отсутствия у русских прав землевладения, вовсе не дает такого признания, а лишь содержит протест по поводу попытки хоросанских властей чинить препятствия нашим подданным в деле покупки домов.

В заключение, возражая на заявления шахского министерства, что сделки, вытекающие из договоров, не будут считаться действительными без государственной печати, я счел нужным напомнить, что сделки на недвижимую собственность производились на основании истолкований священного шариата и непризнание за ними законного значения может повести к нежелательным результатам, ибо нарушит вековой уклад страны.

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемых в переводе персидского сообщения и моего ответа[3], последний составлен в весьма уверенном[4] и осторожном тоне. Считая дальнейшую полемику бесполезной и ведущей лишь к взаимному раздражению, я намерен оставить новые возражения персов, если бы таковые последовали, без ответа.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 335. Товарищ министра иностранных дел комиссару в Албании Петряеву.

Телеграмма № 806[5]. 1 мая/18 апреля 1914 г.

Сообщается в Афины.

Ваша телеграмма № 73[6] получена.

По словам греческого поверенного в делах, его правительство получило сведения, что албанское правительство склонно предоставить эпиротам следующие льготы: свобода преподавания греческого языка в начальных школах, в прочих лишь для закона

---

[1] Нота от 29/16 апреля за № 63 в основном излагается в публ. депеше.
[2] От 10 октября/27 сентября 1885 г.
[3] См. выше прим. 1, а также стр. 431 прим. 1.
[4] Так в подлиннике.
[5] Лит. копия.
[6] См. выше № 323.

божия; представительство местных элементов в жандармерии на известных условиях; назначение православных губернаторов; областные советы для местных интересов; право петиций на греческом языке.

Прошу вас проверить под рукою эти сведения. Полагаем, что предотвращение осложнений следует искать на этом пути примирения.

Нератов.

№ 336. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Письмо. 1 мая/18 апреля 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Пользуюсь отъездом в Ялту поручика Шинкаренко, состоящего при нашем военном агенте, чтобы переслать вам через него свою записку, в которой я постарался, с одной стороны, в сжатой форме резюмировать здешнее политическое положение, известное вам отчасти по моим многочисленным письмам и донесениям, а с другой—представить на ваше благовоззрение предположительный план действия, который я предполагал более подробно лично развить перед вами, если бы вы не нашли мою поездку в Крым теперь неудобною.

Решившись испросить на нее ваше согласие, я руководился, с одной стороны, важностью минуты, а с другой—вашим личным предложением перед моим отъездом сюда приезжать в Россию, когда будет чувствоваться необходимость в личном обмене мыслей.

Если теперь я позволяю себе направить эти строки прямо к вам в Крым, то потому, что события здесь идут с известною быстротой, и я могу внезапно очутиться перед необходимостью принять то или другое решение.

Благодарю вас за поддержку моего шага относительно займа А. П. Извольским [1], только-что полученная телеграмма от которого свидетельствует о полной готовности французского правительства энергично поддержать нас и констатирует засвидетельствованный Камбоном неуспех болгарского займа в Берлине. При этих условиях я и решился беспокоить вас присылкою этого письма прямо в Крым, и надеюсь, что вы не осудите моих соображений, изложенных в прилагаемой у сего записке.

В двух беседах, которые я имел с королем Фердинандом со времени моего приезда в Софию, я весьма подробно и обстоятельно изложил ему все то, в чем Россия может его упрекать как

[1] См. выше стр. 397, прим. 1.

в прошлом более отдаленном, так и за время последних событий, и высказал, что, несмотря на это, государь император и императорское правительство готовы и теперь протянуть болгарскому народу руку помощи, если король честно и прямо обратится к исконной покровительнице Болгарии и, отобрав власть у авторов письма [6 июля] 23 июня, вручит ее людям, внушающим доверие России.

На возражения короля, что в лице Радославова и его кабинета он имеет верных друзей и преданных слуг отечества, между тем как в лидерах оппозиции видит личных врагов, способных даже на антидинастический переворот, я доказывал королю противное и убеждал его вверить власть людям более достойным. В одном из этих разговоров король намекнул мне на возможность министерства Малинова.

С тех пор, особенно после неудачных для правительства выборов [8 марта] 23 февраля, король подсылал ко мне то тех, то других лиц из своих приближенных, которые давали мне понять, что вера короля в теперешнее правительство поколеблена, что он решил с ним расстаться и что для этого ждет только моего „жеста“. Сознавая, что „жестов“ с моей стороны было сделано достаточно, я тем не менее с тех пор не упускал случая в беседе с самыми близкими к королю лицами высказывать недоумение, почему король, такой дальновидный политик, так держится за столь непопулярное ни в стране, ни вне ее пределов правительство.

Действительными причинами в этом отношении, по моему мнению, являются:

Личный страх, который стамбуловисты, и особенно Геннадиев, внушают королю своими угрозами. Беззастенчивый в своих действиях, находящийся ныне под судом за взяточничество, властолюбивый, соединяющий в себе все свойства македонца—ум, ловкость, энергию, красноречие,—Геннадиев не стеснялся два раза—раз лично, а другой раз через Добровича, грозить королю участью Стамбулова; в первый раз это было накануне второй войны, когда король колебался дать приказ о наступлении; во второй—когда начался идущий ныне процесс и когда Геннадиев требовал во что бы то ни стало амнистии для себя и своих товарищей по процессу...

Личный страх, внушенный таким образом Геннадиевым королю, заставляет последнего не только держать стамбуловистов у власти, но и оказывать через правительство давление на верховный суд, заседания которого идут вяло и, по общему убеждению, будут

тянуться полгода и более, если Геннадиеву не удастся добиться амнистии. В сем последнем, очень вероятном, случае, он сумеет настоять на своем немедленном назначении министром иностранных дел в кабинете Радославова и станет на долгое время душою и воротилою правительства.

2) Другою вероятною причиной колебаний короля удалить от власти кабинет Радославова является страх вызвать неудовольствие многочисленных ставленников либеральной партии как в столице, так и в провинции, которые не успели еще, как здесь выражаются, „достаточно накормиться". Король предпочитает видеть их удаляющимися от власти в более „сытом" состоянии.

3) Затем личные отношения короля к императору Францу-Иосифу не могут не играть известной роли. Не думая, чтобы короля связывало с Австрией какое-либо письменное обязательство, я полагаю однако, что есть нравственные соображения, в силу которых королю трудно при жизни старого императора открыто повернуть свою политику в сторону России.

Предполагая в течение лета посетить свои венгерские поместья, а следовательно, и Вену, король хочет избегнуть упрека императора Австрии в удалении правительства, открыто провозгласившего для Болгарии „австрийский курс".

4) Ко всем этим причинам присоединяются личные свойства короля: его природная двуличность и нерешительность при большой щепетильности.

Как со всеми людьми, одаренными этими свойствами, по-моему, с королем нужно действовать почтительно, но энергично и настойчиво.

В таком образе действий есть, конечно, и отрицательная сторона, но в данную минуту он налагается силою обстоятельств.

После тяжких испытаний, пережитых страною, ей нужны покой, разумное управление, укрепление всех ее сил: военных, экономических, культурных и т. д., для чего требуется в первую голову оздоровление ее финансов. Что же делают ее теперешние правители? Они производят прежде всего вполне незаконные выборы, всеми правдами и неправдами составляют себе искусственное, но впрочем самое ничтожное, большинство в народном собрании, при помощи которого проводят и стараются проводить гибельные для страны проекты. Самым важным из них является, без сомнения, заем.

Получение денег представляется, конечно, актом, укрепляющим власть, а кроме того, при здешних нравах—средством личного обогащения. Движимые этими побуждениями и нисколько не счи-

таясь с жизненными интересами страны, теперешние ее правители готовы заключить заем на каких угодно условиях.

Обрисовывающиеся условия займа, помимо своей необычной финансовой обременительности, угрожают Болгарии разорением в будущем и грозят отдать ее в полную экономическую и политическую кабалу Австрии и Германии.

В положении, которое рискует создаться таким образом, есть два соображения, к которым Россия не может отнестись равнодушно:

1. Отдача Болгарии на съедение австро-немцам противоречит традиционной политике России.

2. Эта отдача предрешает, само собою разумеется, взаимоотношения между Болгарией и Сербией, что, в случае европейских осложнений, уже прямо касается интересов России, а равно парализует то значение, которое может и должно иметь для нас более и более обрисовывающаяся группировка остальных православных балканских государств—Сербии, Греции и Румынии.

Ввиду этого мне кажется, что нам никак не следует допускать ни заключения займа, ни дальнейшего оставления либерального правительства у власти.

При ловкости и хитрости короля оппозиции трудно одной бороться с правительством, и необходимо вызвать решение короля расстаться со стамбуловистами и призвать ко власти демократов.

До сих пор я пользовался для этого всеми имеющимися в моем распоряжении средствами воздействия, к которым я мог прибегнуть без специальных на то инструкций министерства. Ввиду их недостаточной деятельности[1] и во внимание к важности переживаемого момента, мне кажется, что нужно было бы теперь же обсудить те меры, прибегать к которым, без крайней необходимости, конечно, не следует, но принятие коих, во всей их совокупности или в известной части, может быть вызвано в каждую данную минуту обстоятельствами; решиться на это я, конечно, не считаю себя в праве без специального разрешения.

Мой план был бы таков: уловить психологический момент, чтобы иметь с королем самый решительный разговор, который сводился бы приблизительно к следующим пожеланиям:

1. Необходимость удалить правительство, вредное для страны и не внушающее никакого доверия России, от которой одной лишь Болгарии можно ждать бескорыстной помощи и единение с которой только и понятно народному сознанию. Заменить его правительством демократов и народняков.

---

[1] Так в подлиннике. Следует, очевидно, „действенности".

2. Объявить всенародно ошибочность политической программы [6 июля] 23 июня, противной народному сознанию и осужденной народом посредством двух последних выборов, и сделать это категорически, открыто, чтобы ни у кого ни в России, ни в Европе не оставалось сомнения насчет дальнейшей ориентировки болгарской внешней политики.

3. Принять ряд мер, которые бы доказывали с неопровержимостью, что времена политики „сиденья на двух стульях" прошли:

а) открыто протянуть руку Сербии;

б) послать на поклон к государю императору наследника-королевича;

в) просить о принятии его в Николаевскую академию генерального штаба и признать уродливость циркулирующих в городе слухов о возможности его посылки в Берлин;

г) освятить законченный уже более 2 лет собор Александра Невского.

4. Отказаться от ненавистного стране „личного режима", выражающегося особенно в назначениях на военные должности руссофобов и во всевозможных отличиях и служебных поощрениях, расточаемых им, и предоставить решение военных вопросов ответственному правительству; не преследовать церкви [1].

5. Ввиду крайней подозрительности короля, можно было бы еще раз и в самой определенной форме повторить ему, что ни государь император, ни императорское правительство не питают никаких планов против его личности, и совершенно ясно сказать ему, на что он может рассчитывать с нашей стороны.

По исполнении этих условий и если Россия убедится в полной искренности короля, она готова сейчас же содействовать получению Болгарией самой широкой финансовой помощи на возможно выгодных для страны условиях, а затем и возобновить переговоры

[1] В депеше от 2 апр./20 марта за № 12 Савинский, подробно сообщая о положении православной церкви в Болгарии, писал: „Между нынешним правительством и болгарским св. синодом установились открыто враждебные отношения. Либеральная стамбуловская партия, стоявшая как за политическое, так и культурное сближение с Западом, всегда видела враждебный себе элемент в болгарской православной церкви, этой естественной проповеднице религиозно-расовой солидарности между Болгарией и ее великой освободительницей". Далее Савинский сообщал о намерении болгарского прав-ва провести через народное собрание „закон о верах", по которому предполагалось „низведение православной церкви с положения господствующей на одинаковый уровень с другими исповеданиями", — и присоединялся к точке зрения экзарха и членов синода, считая, „что либералы хотят сделать из церкви партийное орудие и подчинить его правительству, а через него царю Фердинанду, и это в то самое время, когда вся страна признает, что „личный режим"— величайшее несчастье и главнейшая причина всех постигших ее зол".

об общеполитическом соглашении и специальной военной конвенции.

В заключение можно было бы обратить внимание короля, что часто указываемая им опасность для династии может притти совсем не оттуда, откуда он ее ждет; она не придет ни от народняков, которые слишком хорошие патриоты, чтобы желать столь сильных потрясений для страны, ни даже от в сущности трусливых стамбуловистов, а она может притти совсем с другой стороны—от возмущенной народной совести, от народа, которому навязывают противную его самосознанию немецкую политику, хуля все, что для него свято и дорого; и эта опасность будет велика и действительно серьезна.

Трудно теперь же решить, представится ли благоприятный момент и когда именно, чтобы высказать королю вышеизложенное, и целью настоящей записки является отнюдь не желание выступать сейчас же и во что бы то ни стало, а лишь желание, с одной стороны, осветить настоящее политическое положение Болгарии, как оно есть, а с другой—заручиться принципиальным согласием императорского правительства на приведение в исполнение вышеизложенного или части оного, смотря по обстоятельствам, если и когда наступит психологический момент, и отнюдь не придавая этому выступлению ультимативной окраски, а лишь характер откровенного обмена мыслей.

Для большего впечатления можно было бы просить дружеские нам французское и английское правительства подкрепить наши шаги, когда и если для них наступит время.

А. Савинский.

Я далек от мысли придавать своей деятельности здесь какой бы то ни было беспокойный или тем более ультимативный характер, но, ознакомившись с местною обстановкой, я убедился, что нужна некоторая твердость в тоне, которую я могу почерпнуть в ваших благосклонных указаниях и если мои предположения удостоятся принципиального одобрения его императорского величества.

Искренне и глубоко преданный вам

А. Савинский.

Я вполне понимаю, что в числе всех сложных общеполитических вопросов, подлежащих вашему решению, болгарские дела не могут стоять на первом месте, но я считал бы, что я не исполнил своего долга и не оправдал вашего доверия, если бы не старался осветить их со всех сторон и привлечь на них ваше особое внимание.

А. Савинский.

№ 337. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 171. 1 мая/18 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Тавриз:

Не встречаю препятствий к предъявлению Шоджа-эд-Доуле генеральным консульством требования „выполнить предписание Тегерана о выборах“, дабы дать ему случай официально высказать свою точку зрения. Против отпуска Шоджа-эд-Доуле для лечения и возложения управления на Сердара-Решида или урмийского губернатора тоже не нахожу возражений, тем более, что оппозиция центрального правительства против Шоджа-эд-Доуле усиливается и поддержка его становится все более затруднительной.

На случай возможного его ухода следовало бы заранее выбрать ему подходящего заместителя, также наметить способ управления Азербайджаном, достаточно обеспечивающий наши интересы, поставив на вид персам, что обходиться без услуг Шоджа-эд-Доуле мы можем лишь при условии предоставления нам действительно реальных гарантий, например: увеличения размещения постоянных гарнизонов бригады.

Если последний вопрос решено поставить в связь с жандармерией, то удаление Шоджа-эд-Доуле следует использовать для проведения другого спорного дела.

Коростовец.

№ 338. Петербургский Международный Коммерческий банк — директору особенной канцелярии по кредитной части Д. И. Никифорову.

Письмо. 1 мая/18 апреля 1914 г.

М. г. Дмитрий Иванович,

В ответ на отношение вашего превосходительства от [29] 16 с. м. за № 49[1] на имя А. И. Вышнеградского, имею честь сообщить, что, ввиду того, что соло-вексельный кредит сербской офицерской Задруге был в свое время открыт нашим банком лишь по настоянию представителей нашего правительства и за моральной ответственностью такового, равно как и сербского правительства, правление банка не имеет оснований входить в отношения, существующие между сербским правительством и сербской офицерской Задругой, а также во внутренние распорядки названного учре-

[1] См. выше № 327.

ждения и вследствие этого не находит возможным командировать в Белград своего представителя для участия в предполагаемой ревизии дел сербской офицерской Задруги.

Ввиду вышеизложенного обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать просить г. министра иностранных дел предложить нашему посланнику в Белграде принять меры к побуждению сербского правительства к скорейшей уплате просроченной части долга сербской офицерской Задруги нашему банку [1].

Примите и пр.

[Шайкевич.]

№ 339. Записка итальянского посла в Петербурге Карлотти.

2 мая/19 апреля 1914 г.

Требования сербов в вопросе о Восточных железных дорогах [2].

6 administrateurs, dont 2 serbes, 2 autrichiens et 2 franco-russes.

Président et vice-président serbes.

Tous les fonctionnaires serbes.

Si en cas de besoin le Conseil d'administration voulait admettre à titre d'exception, des fonctionnaires étrangers, le gouvernement serbe devrait en donner au préalable l'autorisation.

Reconnaissance à la Serbie du droit de rachat dans 10 ou, au maximum, 15 ans.

Construction d'un petit tronçon pour relier les chemins de fer de la Vieille Serbie aux chemins de fer de la Bosnie.

Перевод.

6 администраторов, из них 2 серба, 2 австрийца и 2 француза-русских.

Председатель и вице-председатель сербы; все служащие сербы.

Если, в случае необходимости, административный совет в порядке исключения захочет принять иностранных служащих, то сербское правительство должно будет предварительно дать свое разрешение.

Признание за Сербией права выкупа в течение 10, максимум 15 лет.

Постройка небольшой ветви для соединения железных дорог старой Сербии с железными дорогами Боснии.

---

[1] Содержание публ. письма было в основном сообщено Сазонову в письме Барка от 11 мая/28 апр. за № 50.

[2] Записка написана рукою Карлотти, а заголовок „Требования сербов в вопросе о Восточных железных дорогах" написан по-русски другой рукой, очевидно, в м-ве ин. дел.

№ 340. Представитель Русско-Азиатского банка в Париже Н. Рафалович министру иностранных дел.

Письмо. 2 мая/19 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом изложить вам, как представляется мне в настоящее время вопрос о Восточных дорогах, в связи с вопросом о Дунайско-Адриатической дороге и о сербском железнодорожном строительстве вообще. При этом мне кажется наиболее правильным остановиться последовательно на выяснении точки зрения различных заинтересованных государств и элементов, насколько мне удалось пролить некоторый свет в этот весьма запутанный лабиринт.

I.

Сербия.

Начиная с Сербии, как с наиболее заинтересованной и наиболее интересной для нас страны, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что со времени решения Лондонской конференции послов о предоставлении Сербии экономического выхода к Адриатическому морю, прошло уже значительно более года, а между тем со стороны самой Сербии не было предпринято никаких определенных шагов, дабы придать этому решению практическое значение, выяснить направление будущей дороги и установить условия ее осуществления. Повидимому, Сербия в области железнодорожной политики была всецело поглощена вопросом о Восточных дорогах и стремилась прежде всего обеспечить себе выход в Салоники. Нельзя не признать такую точку зрения весьма обоснованной в том смысле, что линия на Салоники является уже существующим выходом к морю, между тем как Дунайско-Адриатическая дорога находится лишь в стадии разработки и проектирования. Поэтому неудивительно, что сербы отнеслись совершенно отрицательно к требованию Австрии вернуть обществу Восточных дорог линию, которую сербские военные власти захватили во время кампании и передали после демобилизации органам сербского казенного железнодорожного управления. Стремление к выкупу линии вполне соответствует этой точке зрения, допускавшей интернационализацию только как менее желательное, среднее решение, имевшее целью избежать острого конфликта с Австрией, который угрожал сербам минувшим летом, когда о выкупе не могло быть и речи.

Выдвинутое французскими финансистами предложение интер-

национализации, принятое в принципе как Австрией, так и Сербией, лишило первую возможности делать, покуда шли переговоры, какие бы то ни было опасные для последней непосредственные выступления в Белграде. Ныне можно сказать, что в этом отношении так называемая формула графа Витали исполнила свою основную задачу, и угрозы Австрии с течением времени стали мало-по-малу сводиться на-нет.

В настоящее время сербское правительство сообщило как Австрии, так и французской финансовой группе свой ответ на предложение последней, которое содержало приемлемую для Австрии формулу интернационализации. Сербское правительство в своем ответе указывает целый ряд желательных видоизменений этой формулы, которые и послужили бы предметом новых переговоров французов с австрийцами, если бы за это время не произошел известный переворот в мнениях самих австрийцев, о коем будет речь ниже. Нет сомнения, что в настоящее время шансы выкупа значительно возросли, и сербы могли бы достигнуть этого, наиболее желательного для них исхода, если бы они не затрудняли себе дело сами. В этом отношении надлежит отметить: 1) что сербский посланник в Вене Иованович давно уже вселил в австрийцах уверенность, что они могут рассчитывать на значительные уступки со стороны Сербии в случае согласия на выкуп. Иованович, разумеется, действовал так, дабы добиться того, к чему стремилось большинство общественного мнения Сербии, но он стал говорить об уступках этих слишком рано и слишком определенно, чем, несомненно, только развил притязания австрийцев, удовлетворение которых за счет Сербии едва ли может быть нам приятным; 2) ныне, не желая итти слишком далеко по пути оплаты выкупа, сербы стали намекать на возможность простого возврата линий австрийскому обществу. Они основываются на том, что условия концессии Восточных дорог никогда в точности на турецкой территории не выполнялись и что при возврате линий обществу придется уже на сербской территории строго выполнять возложенные на него концессиями обязательства. На этой почве окажется якобы возможным выжить австрийское общество из Сербии по прошествии недолгого времени. Кроме этого, сербы давно уже подумывают о постройке железной дороги, параллельной линии общества Восточных дорог.

По этому предмету нужно иметь в виду, что возможность возврата линий снова придала бы силу воззрениям крайних, враждебных Сербии кругов Австрии, и что при наличии такой возможности, ясно обнаруженной, австрийское правительство, хотя бы ради своего

престижа, ни на какие иные сделки пойти не сможет. Поэтому такой путь едва ли может повести к выкупу. Что же касается до выселения австрийцев в будущем, то такие предположения способны лишь вызвать весьма острые столкновения, ибо трудно предположить, чтобы упущения со стороны общества заставили умолкнуть в Австрии те важные политические соображения, которые привели к покупке австрийцами большинства акций Восточных дорог. Дипломатическое поражение в Сербии, каким, несомненно, явился бы возврат линий, не окупилось бы, таким образом, достижением в будущем желанной цели. Что же касается до параллельной линии, то сооружение таковой несомненно потребовало бы со стороны Сербии более крупных материальных жертв, чем даже дорого стоящий выкуп существующей линии, и может быть рассматриваемо лишь как аргумент и угроза при переговорах.

В самое последнее время взоры сербского правительства снова направились к Дунайско-Адриатической дороге. Сербия выработала целую программу железнодорожного строительства, рассчитанную на несколько лет, стоимость осуществления коей исчисляется в 300 миллионов франков. В эту программу входят как линии, направленные к Румынии, так и железные дороги, связывающие Сербию с Албанией. И те и другие явятся составными частями Дунайско-Адриатического пути.

Когда державами было принято решение о выходе Сербии к Адриатике, судьба Салоник не была еще ясна. Теперь, рассчитывая во всяком случае на возможность пользоваться Салониками, сербы стали рассматривать Дунайско-Адриатическую линию главным образом как средство проникновения в Албанию. Мне известно, что, по сведениям, сообщенным итальянским посланником в Белграде, сербы предполагают, перейдя албанскую границу около Призрена, вести дорогу через Дибру на Эльбасан и оттуда на Дураццо. О политических преимуществах для Сербии от такой трасы можно, конечно, спорить. Можно спросить себя, не укрепит ли самую Албанию проведение железной дороги, соединяющую[1] ряд главнейших ее центров с местом резиденции ее правителя. Такая линия, благодаря обещанию, данному в Лондоне, имеет больше шансов на быстрое осуществление, чем какая-либо железная дорога в самой Албании, не являющаяся звеном Дунайско-Адриатического пути. Но явится ли эта дорога Дунайско-Адриатическим путем в смысле того экономического выхода к морю, о котором постоянно шла речь и которая[1] представлялась жизненной потребностью

[1] Так в подлиннике.

Сербии? С экономической точки зрения, Дунайско-Адриатическая дорога должна быть построена в целях обеспечения кратчайшего и наиболее удобного сообщения сербских центров с Адриатическим морем. Румыно-сербское соглашение о железных дорогах, мост на Дунае, улучшение железнодорожных сообщений Румынии с центром России—все это вместе должно создать современем одну из важнейших артерий европейского обмена. Албанский участок явится лишь ближайшим к Адриатике звеном, в котором заинтересованы все, кому придется пользоваться линией. Если желать скорейшего осуществления этого участка, действительно обеспечивающего выход к морю, то нужно придать принципиальному решению Лондонской конференции более точное очертание, что могло бы быть достигнуто, например, передачей разработки проекта осуществления Дунайско-Адриатической дороги на албанской территории и связи ее с сербскими линиями международной финансовой комиссии в Париже. Это соответствовало бы, поскольку мне пришлось слышать, воззрениям послов в Лондоне, которые предполагали, что вопрос о Дунайско-Адриатической дороге по самому своему характеру будет отнесен к кругу ведения парижской комиссии. Однако он не был внесен в первоначальную программу ее занятий, и пробел этот может быть восполнен ныне, перед вторым ее созывом.

II.

Черногория.

Железнодорожное соединение Сербии с Черногорией, минуя Албанию, сделалось чрезвычайно затруднительным ввиду неблагоприятного для Черногории проведения северной границы Албании, на коем особенно настаивал с этой именно целью г. Иппен, австрийский эксперт, состоявший при графе Менсдорфе. Теперь постройка дороги магистрального типа, соединяющей Черногорию с Сербией, обошлась бы не менее 200 миллионов франков, и таким образом можно говорить в крайнем случае лишь о весьма упрощенной узкоколейной линии. Поэтому в интересах как самой Черногории, так и Сербии, придется соединить первую особым ответвлением с албанским участком Дунайско-Адриатической дороги. Итальянская группа, которой принадлежит порт в Антивари, предусмотрительно хлопочет о предоставлении ей концессии на линию Антивари—Скутари. Эта группа заключила в минувшем году с русским и французским элементами, участвующими в образованном еще в 1909 году синдикате Дунайско-Адриатической дороги, особое со-

глашение, в силу коего указанная ветка, равно как и самый порт, войдут в круг действий этих трех групп сообща. Таким образом, названная концессия испрашивается итальянцами не для себя только, ибо они признают себя связанными вполне этим соглашением, между тем как без них было бы чрезвычайно трудно добиться такой линии, ибо обществу антиварийского порта принадлежит преимущественное право на эту железную дорогу.

С точки зрения Черногории, разумеется, желательно, чтобы Дунайско-Адриатическая железная дорога не была слишком удалена от ее пределов.

III.

Франция.

В железнодорожных вопросах, затронутых настоящим письмом, Франция заинтересована двояким образом. Прежде всего она стремится к предотвращению всех возможных столкновений на этой почве, и поэтому французское правительство так охотно поддержало почин своих финансистов, выступивших с проектом интернационализации Восточных дорог. На этом же основании она не сможет не поддержать и выкуп таковых, ежели, как это можно теперь предположить, он окажется осуществимым. С другой стороны, Франция, являясь главным кредитором Сербии, желает играть в ней и в будущем преобладающую финансовую и промышленную роль. За последние годы французское правительство все более и более определенно защищает ту позицию, что промышленные выгоды, предоставленные французским строителям и французским заводам, должны являться непременным условием допущения подлежащих ценностей на парижский рынок. Из этого не следует, что Франции надлежит занять монопольное положение в тех странах, в которых она заинтересована, но нельзя отрицать того, что мировое значение нашей союзницы только выигрывает от такой политики. В этом отношении мы вправе гораздо более претендовать на Францию за те дела, которые она упустила, как-то: румынский заем в минувшем году, чем на те случаи, когда она достигла тех целей, которые теперь единодушно ставятся себе ее дипломатами, финансистами и предпринимателями. Опасность начинается лишь тогда, когда французская политика идет в одну сторону, а финансисты— в другую, или когда и те и другие вместе уклоняются в сторону, нам нежелательную.

Французские усилия получить постройку проектированной в Сербии железнодорожной сети вполне естественны. С другой сторо-

ны, для Сербии желательно, чтобы эта сеть была выстроена возможно быстрее, возможно лучше и, разумеется, возможно дешевле.

В настоящее время французы пошли по несколько новому пути в том смысле, что они решили образовать для железнодорожного строительства в Сербии франко-русскую группу, в состав которой должны войти все крупнейшие банки Франции. Русской группе предоставляется значительное и вместе с тем активное участие, которое должно выразиться в одной трети управления делом, 15 % заказов и в привлечении русских инженеров к самому строительству в Сербии. Французы предполагают выступить в Белграде с финансовой программой, основанной на выпуске особых железнодорожных займов, обеспеченных доходами железнодорожной сети, по примеру облигаций французских казенных дорог. В техническом осуществлении линий должны участвовать „Régie“ с графом Витали во главе и общество „Batignole“.

Мне представляется весьма вероятным, что указанная финансовая комбинация позволит найти средства для выкупа Восточных дорог, ежели таковой окажется возможным на приемлемых основаниях. Сербам следовало бы воспользоваться в этом отношении французами, которые, повторяю, без сомнения, помогут сербам и при выкупе, а не только при интернационализации.

Тут уместно выяснить в нескольких словах отношения французских финансистов к австрийцам. Было бы большой ошибкой предполагать, что строители, как граф Витали, способны отдать предпочтение австрийцам, у коих они никаких железных дорог строить не могут, перед сербами, которые наметили целую новую сеть. Перед моими глазами прошли все переговоры об интернационализации, и мне было совершенно ясно, что австрийцы надеются после этого первого шага добиться экономического сближения с Францией, понимая, как всегда, под этим термином котировку австрийских ценностей в парижской бирже. Однако мне было не менее ясно, что, в случае осуществления интернационализации, никаких дальнейших шагов со стороны французов не последует и что ни французское правительство, ни крупные банки не решатся дать свое согласие на какие-либо австрийские выпуски, которые могут быть расстроены в любой момент одной газетной статьей. При этом французы прекрасно понимают возможность и вероятие русского усилия против подобных операций, которые кажутся мне весьма затрудненными на долгое время. Разочарованием австрийцев в возможности такого „сближения“ и объясняется в значительной мере их охлаждение к проекту интернационализации.

IV.

Италия.

Интересы Италии в области Дунайско-Адриатической дороги прямо противоположны австрийским. Они стремятся к осуществлению кратчайшей линии, чтобы пользоваться ею для своего ввоза, и, кроме того, они желают приблизить ее к Черногории. Относительно Восточных дорог они хотели принять участие в интернационализации главным образом вследствие тесной связи между этим вопросом и вопросом Дунайско-Адриатической дороги, которую они желают осуществить возможно быстрее, в противоположность австрийцам. Не добившись участия, итальянцы стали всячески проваливать интернационализацию, о чем меня неоднократно предупреждал г. Вольпи. Итальянский посланник в Белграде стал доказывать сербам возможность выкупа, а когда выкуп стал действительно возможным, то итальянцы принялись советовать сербам возврат линий австрийцам, указав на затруднительность для последних выполнить на деле условия концессии. Представляется весьма правдоподобным, что итальянцы дают такой совет сербам, дабы в обмен ускорить Дунайско-Адриатическую дорогу, которая тогда снова приобретет характер единственного „сербского" выхода к морю. В этом лишь пункте наши интересы, как кажется, несколько сходятся с итальянскими, и не подлежит сомнению, что не итальянцы явятся помехой к скорейшему и наилучшему осуществлению этой линии.

V.

Австрия.

В Австрии в настоящее время происходит борьба элементов, стоящих за интернационализацию Восточных дорог, с элементами, отстаивающими выкуп. К первым принадлежит министерство иностранных дел, которое зашло весьма далеко в этом отношении как перед французами, так и перед сербами, и некоторые финансисты, которые все еще не потеряли надежду путем интернационализации сблизиться с французами. Число вторых все возрастает. Это прежде всего немцы, не допускающие, чтобы к австро-сербскому вопросу были примешаны французы и русские, затем это славяне, стоящие за некоторые уступки в пользу Сербии, наконец, это банки, владеющие акциями Восточных дорог, которым мало улыбается перспектива быть вынужденными, при интернационализации, держать в своих руках, по политическим мотивам, свою значительную долю акций будущих международных обществ. Мое впеча-

тление таково, что в близком будущем возьмут верх сторонники выкупа, ибо что-то совершенно не слыхать о сторонниках требования возврата линий, которые поднимут голову только, если сами сербы неосторожно выдвинут это решение согласно наущению итальянцев.

VI.

Россия.

В заключение полагаю необходимым высказать некоторые общие суждения о том, как изъясненные вопросы представляются мне с точки зрения русских интересов.

В проекте интернационализации Россия помогла Франции в тот момент, когда проект этот позволил Сербии перейти от острого конфликта к длительным переговорам. При этом Россия обеспечила себе, на случай осуществления проекта, определенное место, дававшее ей голос и столь ценное для сербов право следить и за нашими недругами и за нашими союзниками. Когда острый момент миновал, то именно пишущий эти строки представитель русской группы два месяца тому назад первый обратил внимание французов особой запиской на возможность и желательность обратиться к переговорам о выкупе, оставаясь лишь под флагом интернационализации. Казалось бы, что можно продолжать эту роль и воспользоваться, как было указано выше, предстоящими переговорами французов с сербами о новой железнодорожной сети, дабы облегчить и ускорить разрешение этого вопроса.

Участие русских элементов в железнодорожном строительстве Сербии в том виде, как оно предполагается, кажется мне наиболее желательным из всех подобных предприятий. Оно не может не быть нам приятным с политической стороны. Оно окажется первым активным проявлением русских экономических сил в Сербии, о чем давно уже просят сами сербы. Вместе с тем, с финансовой стороны оно не явится для нас обременительным, ибо в конечном итоге подлежащие выпуски будут размещены целиком на французском рынке.

Что касается до Дунайско-Адриатической дороги, то мы, конечно, будем продолжать нашу помощь Сербии, не забывая притом ближайшей цели этой линии—обеспечения выхода к морю, равно как и общего ее значения, в котором заинтересована не только Сербия, но и сама Россия.

Примите и по.

Н. Рафалович.

№ 341. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 251. 2 мая/19 апреля 1914 г.

Сегодня подписано великим визирем и германским послом соглашение о продлении на год торгового договора между Турцией и Германией, срок коего истекал [8 июля] 25 июня.

Гирс.

№ 342. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 252. 2 мая/19 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 200[1].

Сегодня состоялось подписание договора между турецким правительством и Норманом о постройке шести контрминоносцев, третьего дня—договор с Крезо-Шнейдером о двух подводных лодках, стоимостью в два миллиона двести тысяч франков каждая.

Гирс.

№ 343. Посланник в Тегеране товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 176. 2 мая/19 апреля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 135[2].

Говорил по содержанию ее с Тоунлеем, который заявил, что зондировал почву касательно Саада, но встретил крайнее несочувствие, свидетельствующее о непопулярности названного лица и невозможности в случае его назначения образовать прочное и авторитетное правительство. Тоунлей считает, что преждевременно выдвигать вопрос о председателе совета и лучше выждать, чтобы определился состав и характер меджлиса, после чего выяснится, кто может явиться подходящим кандидатом для этого поста. Думаю, что Тоунлей имеет в виду Мостоуфи-оль-Мемалека.

Коростовец.

№ 344. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 108. 3 мая/20 апреля 1914 г.

Получил ваши телеграммы №№ 766[3] и 768[4].

Объяснился по их содержанию с Думергом, который ныне со-

---

[1] См. выше № 172.

[2] Повидимому, имеется в виду тел. за № 757 (см. выше № 283).

[3] См. выше № 298.

[4] Тел. от 26/13 апр. за № 768 была передана в Париж тел. из Цетинье от 25/12 апр. за № 27 (см. выше № 293).

общил мне меморандум следующего содержания: „Durant la première période des travaux de la commission de délimitation de l'Albanie du Nord, le délégué français, agissant d'ailleurs en constant accord avec son collègue russe, s'est appliqué, tout en maintenant strictement les décisions de la réunion de Londres, à constituer une ligne de frontière pratique et également défendable pour les deux Etats. Au moment de son second départ pour l'Albanie il a reçu pour direction de maintenir cette attitude. Mr. Doumergue estime toutefois que, conformément à l'accord intervenu au mois de février entre les gouvernements de la Triple Entente, cette question rentre dans la catégorie de celles qui doivent être au préalable étudiées de concert entre leurs représentants à Londres. Mr. Doumergue en a, en conséquence, saisi, en l'accompagnant d'un avis favorable, l'ambassadeur de la République auprès du gouvernement britannique".

Copie à Londres [1]. Извольский.

№ 345. Памятная записка министерства иностранных дел австро-венгерскому послу в Петербурге Сапари [2].

4 мая/21 апреля 1914 г.

La notice, annexée à l'aide-mémoire de l'ambassade impériale et royale du 28/15 avril a. c. interprète les décisions de Londres dans ce sens que la chaîne principale forme la frontière en tant qu'elle est le partage des eaux entre le Lim et le Drin et reproche à la ligne préconisée par la Russie de prendre la chaîne principale pour frontière aussi dans la partie où cette chaîne forme le partage des eaux entre le Lim d'un côté et des fleuves Tzem (Tziévna) et Pronisad (Suhi potok) de l'autre côté quoique ces fleuves se déversent dans le lac de Scutari et non pas le Drin.

---

[1] „В течение первого периода работ комиссии по разграничению Северной Албании, французский представитель, действуя в постоянном согласии со своим русским коллегой, всячески стремился, строго соблюдая при этом решения лондонского совещания, установить приемлемую пограничную линию, которая была бы одинаково удобно защитима для обоих государств. При своем вторичном отъезде в Албанию он получил указание о соблюдении этой позиции. Г. Думерг все же считает, что в соответствии с соглашением, заключенным в феврале между правительствами Тройственного согласия, этот вопрос относится к категории тех, которые должны быть предварительно совместно рассмотрены их представителями в Лондоне, о чем г. Думерг сообщил послу Республики при британском правительстве, присовокупив свою положительную оценку". Копия в Лондон.

[2] Препровождена австро-венг. посольству при aide-mémoire от 4 мая/21 апр. (В подлиннике ошибочно датирована 21/4 апр.) На лит. копиях имеется надпись: „Отправлено [13 мая] 30 апреля".

Il a déjà été observé que les décisions de Londres ne mentionnent pas qu'une partie seulement de la chaîne principale formera la nouvelle frontière.

La chaîne principale doit donc servir de frontière dans toute sa longueur. Ce point de vue se trouve corroboré par le passage suivant du Traité de Berlin: „De là, la nouvelle frontière se dirige par les crêtes de la Mokra Planina, le village de Mokra restant au Monténégro, puis elle gagne le point 2,166 de la carte de l'état-major autrichien, en suivant la chaîne principale et la ligne de partage des eaux entre le Lim, d'un côté, et le Drin, ainsi que de la Tzievna (Tzem) de l'autre. Elle se confond ensuite avec les limites actuelles entre la tribu des Kuci-Drekalovici d'un côté la Kucka-Krajna, ainsi que les tribus des Klementi et Grudi de l'autre, jusqu'à la plaine de Podgoritza, d'où elle se dirige sur Plawnica, laissant à l'Albanie les tribus des Klementi Grudi et Hoti".

On voit que d'après le Traité de Berlin les limites entre les Kuci et les Klementi ne commencent qu'à l'endroit où se termine la chaîne principale, définie comme ligne du partage des eaux non seulement entre le Lim et le Drin, mais aussi entre le Lim et la Tzievna. La frontière du traité de Berlin, tout en laissant la tribu des Klementi à l'Albanie, suit donc la chaîne principale dans toute sa longueur.

D'autre part, la frontière adoptée par la réunion de Londres qui elle aussi, laisse la tribu des Klementi à l'Albanie, se confond, tout comme la frontière du traité de Berlin, „avec les limites actuelles» entre la tribu monténégrine de Koutchi d'un côté et la tribu des Klementi de l'autre côté jusqu'aux territoires de Goussigné et Plava, elle laisse ces villes avec leurs dépendances au Monténégro en suivant la chaîne principale et la ligne de partage des eaux entre le Lim d'un côté, et le Drin de l'autre".

Il semble évident que le point où la frontière abandonnant les limites entre les Koutchi et les Klementi suit la chaîne principale, doit être le même dans les textes de Berlin et de Londres. C'est donc la chaîne depuis l'endroit où elle est la ligne de partage des eaux entre le Lim et la Tzievna qui doit fermer la frontière entre le Monténégro et l'Albanie, et le fait que la tribu des Klementi a été laissée à l'Albanie par la décision de Londres ne saurait infirmer cette interprétation, la même cession se trouvant également mentionnée dans le traité de Berlin.

Перевод.

Записка, приложенная к памятной записке императорского и королевского посольства от 28/15 апреля с. г., толкует принятые в Лондоне решения в том смысле, что границей является основной хребет, поскольку он представляет

водораздел между Лимом и Дрином, и считает неправильным в линии, намеченной Россией, то, что основной хребет предлагается в качестве границы также в той части, где этот хребет является водоразделом между Лимом, с одной стороны, и реками Цем (Цевна) и Пронисад (Сухой поток), с другой стороны, хотя эти реки и впадают в озеро Скутари, а не в Дрин.

Уже было указано, что лондонские решения не упоминают о том, что только часть основного хребта образует новую границу.

Основной хребет должен таким образом служить границей на всем своем протяжении. Эта точка зрения подтверждается следующим местом Берлинского трактата: „Оттуда новая граница проходит по хребтам Мокра Планина, причем селение Мокра сохраняется за Черногорией, затем она достигает точки 2,166 по карте австрийского генерального штаба, следуя основному хребту и линии водораздела между Лимом, с одной стороны, и Дрином, а также Цевной (Цем)—с другой. Затем она совпадает с границей, существующей между племенами Кучи-Дрекаловичи, с одной стороны, и Кушка Крайна и племенами Клементи и Груди—с другой, до долины Подгорицы, откуда она направляется в сторону Плавницы, оставляя Албании племена Клементи, Груди и Хоти".

Таким образом, согласно Берлинскому трактату, граница между племенами Кучи и Клементи начинается только в том месте, где кончается основной хребет, служащий линией водораздела не только между Лимом и Дрином, но также между Лимом и Цевной. Согласно Берлинскому трактату, граница, оставляя племя Клементи за Албанией, следует основному хребту на всем его протяжении.

С другой стороны, граница, установленная лондонским совещанием, оставляя также племя Клементи за Албанией, совпадает точно так же, как и граница, установленная Берлинским трактатом, „с теперешними границами между черногорским племенем Кучи, с одной стороны, и племенем Клементи—с другой, до земель Гуссинье и Плава, затем она оставляет эти города с их пригородами Черногории, и следует основному хребту и линии водораздела между Лимом, с одной стороны, и Дрином—с другой".

Представляется очевидным, что статья, указывающая место, где граница, оставляя в стороне рубеж между Кучи и Клементи, следует основному хребту, должна совпадать в берлинском и лондонском текстах. Таким образом хребет образует границу между Черногорией и Албанией с того места, где он служит линией водораздела между Лимом и Цевной, и тот факт, что племя Клементи было, согласно лондонскому решению, оставлено Албании, не может поколебать это толкование, так как эта передача упоминается также и в Берлинском трактате.

№ 346. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 109 [1]. 4 мая/21 апреля 1914 г.

Копия в Софию.

Станчов говорил Н. Рафаловичу, что он неоднократно указывал своему правительству на крайнюю нежелательность как с политической, так и с финансовой точки зрения заключения займа где

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 101, № 1327.

бы то ни было, кроме Франции; ему ничего не было известно о переговорах с немцами, поставленные коими условия его весьма смущают. Он собирается обратить внимание короля на опасные последствия закабаления Болгарии. По впечатлению Рафаловича, Станчов, повидимому, не пользуется особым доверием нынешнего правительства и не пожалел бы об его исчезновении, но не решится итти открыто против предположений Радославова и Тончева. Французские банки, имея в руках обязательства Болгарии [вы]купить 75 000 000 бонов казначейства при помощи будущего займа, где бы он ни был заключен, спокойно выжидают событий. При перемене министерства в Болгарии, шансы на заключение займа во Франции возрастут, как со стороны правительства, так и со стороны банков, которые впрочем без сомнения потребуют особых[1] гарантий.

Извольский.

№ 347. Посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел.

Телеграмма № 254. 4 мая/21 апреля 1914 г.

Я телеграфирую министру.

Получил вашу телеграмму № 4[2].

Великий визирь высказал мне желание Порты послать в Ливадию посольство приветствовать государя императора и просил меня об исходатайствовании всемилостивейшего согласия государя принять это посольство. Состав последнего будет сообщен мне через два дня, и оно готово будет выехать, в случае высочайшего соизволения, дней через пять.

Гирс.

№ 348. Посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел.

Телеграмма № 255. 4 мая/21 апреля 1914 г.

Телеграфирую министру.

Продолжение № 254[3].

Лично.—Великий визирь доверительно высказал мне, что он очень желал бы сам ехать в Ливадию, но что при нынешнем политическом положении ему нельзя будет отлучиться даже на не-

---

[1] У Stieve слово это опущено.

[2] Тел. Сазонова из Ливадии от 3 мая/20 апр. за № 4: „Для определения срока моего пребывания здесь прошу уведомить, будет ли прислано оттоманское посольство и когда".

[3] См. выше № 347.

сколько дней. Он выразил намерение послать одного из наиболее влиятельных членов нынешнего кабинета. При этих условиях полагал бы, что присутствие вашего высокопревосходительства при приеме посольства было бы крайне полезно для дела. Прошу ваших указаний, надлежит ли мне согласно прежним примерам прибыть в Ливадию ко времени приезда посольства.

Гирс.

№ 349. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 50. 4 мая/21 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По полученным мною из секретного источника сведениям, великий визирь в качестве оттоманского министра иностранных дел предложил по телеграфу турецкому посланнику в Афинах Галиб-Кемаль-бею обратить серьезное внимание эллинского правительства на невыносимое положение мусульман в Македонии.

По словам принца Саид-Халима, Талаат-бей по возвращении своем из поездки в Чорлу, сделал Порте подробный доклад о найденном им положении во Фракии и о принятых им мерах к прекращению выселения греческого населения. Помимо преподания категорических инструкций местным гражданским властям, в помощь последним были командированы значительные отряды войск и жандармов. Подобные меры считаются правительством достаточными.

С другой стороны, Порта ежедневно получает от оттоманских консулов в Македонии отчеты о тяжелом положении мусульман, вызываемом, якобы, самими официальными представителями греческого правительства.

Поручая своему посланнику вступить по этому поводу в переговоры с афинским кабинетом, оттоманское правительство надеется, что им будут приняты меры к прекращению преследования мусульманского населения в Македонии, точно так же, как то было сделано оттоманским правительством для восстановления спокойствия и обеспечения имущества греческого населения во Фракии.

Одновременно с этим оттоманское правительство обратилось к представителям великих держав в Константинополе с памятною запискою, в копии при сем представляемою, в коей указывает на ряд притеснений мусульманского населения в Македонии со стороны греческих властей.

Примите и пр.[1] М. Гирс.

[1] При депеше имеется „Copie d'un memorandum adressé par le Sublime Port à l'ambassade impériale de Russie à Constantinople en date du 30 avril n. s. 1914".

№ 350. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 818. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Сообщается почтой в Вену.

Французский посол сообщил мне предложение своего правительства совместно заявить правительствам австрийскому и итальянскому, что последние события указывают на то, что эти правительства преследуют свою особую политику в Албании, не сообразуясь с лондонскими постановлениями. Французское правительство предлагает поставить вопрос о том, считают ли Австрия и Италия лондонские постановления для себя необязательными или сохранившими силу.

Я сказал послу, что полагаю, что вопрос этот подлежит совместному обсуждению втроем в Лондоне, но что я сомневаюсь в практичности предлагаемого шага, не обсудив того положения, которое мы заняли бы в случае того или иного ответа Австрии и Италии. К этому я прибавил, что в принципе готовы присоединиться ко всякому практическому решению, которое было бы принято Англией и Францией в этом вопросе.

Нератов.

№ 351. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 819. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Телеграммы Извольского № 108[1] и Обнорского № 31[2] получены.

Вполне согласны с предложением французского министра передать вопрос о снабжении делегатов разграничительной комиссии одинаковыми инструкциями на обсуждение в Лондон. В ближайшем времени сообщим конкретные соображения по этому вопросу, пока же находили бы желательным, чтобы делегаты трех держав были снабжены указаниями в общем благожелательном для Черногории смысле.

Нератов.

---

[1] См. выше № 344.

[2] Тел. от 1 мая/18 апр. за № 31 Обнорский подтверждал, со слов итальянского посланника, сведения, сообщенные в тел. от 25/12 апр. за № 27 (см. выше № 293) „о благоприятном отношении римского кабинета к черногорским пожеланиям в деле разграничения с Албанией“.

№ 352. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 7. Ялта, 5 мая/22 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1[1].

Можете сообщить Порте о последовавшем высочайшем согласии на прием здесь посольства. Желательно, чтобы приезд последнего состоялся возможно скорее. Прошу вас также прибыть сюда одновременно с турецким посольством.

[Сазонов.]

№ 353. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 112. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Reçu lettre No. 287[2].

En ai remis aujourd'hui résumé à Grey en présence de l'ambassadeur de France et lui ai expliqué point de vue de votre excellence au sujet intercalation concernant chemin de fer serbe sur l'Adriatique après article 3 de constitution albanaise. Grey partage l'opinion de votre excellence. Il pense qu'il y a lieu incorporer dans texte de la constitution le passage en question sur ce chemin de fer.

Benckendorff.

Перевод.

Письмо № 287 получено.

Сегодня вручил резюме письма Грею в присутствии французского посла и объяснил ему точку зрения вашего превосходительства по поводу дополнения албанской конституции после ст. 3 вопросом о сербской железной дороге к Адриатическому морю. Грей разделяет мнение вашего превосходительства. Он полагает, что следует включить в текст конституции вопрос о железной дороге.

Бенкендорф.

№ 354. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 113. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Reçu télégramme de Paris No. 108[3].

Cambon ayant reçu instructions dont parle Iswolsky, aborda cette question à notre réunion aujourd'hui chez Grey. Grey d'accord sur le principe, pense que pour des instructions précises il faudrait s'informer plus exactement des points litigieux de démarcation entre le Monténégro et l'Albanie.

Benckendorff.

---

[1] Тел. из Ялты от 1 мая/18 апр. за № 1 Сазонов сообщал о согласии Николая II „принять турецкое пос[ольство], если таковое будет отправлено в Ливадию".

[2] См. выше № 328.

[3] См. выше № 344.

Перевод.

Получена телеграмма из Парижа № 108.

Камбон, получив инструкции, о которых говорит Извольский, возбудил этот вопрос на нашем сегодняшнем совещании у Грея. Грей, соглашаясь в принципе, считает, что для точных инструкций следует осведомиться более подробно о спорных пунктах в деле разграничения Черногории и Албании.

Бенкендорф.

№ 355. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 114. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Samedi dernier le ministre de Serbie est venu chez Cambon et chez moi nous lire la circulaire de Serbie qu'il avait remise à Grey sur délimitation serbo-albanaise. Quoique sans instructions directes à ce sujet, Cambon et moi nous sommes décidés aborder ce sujet à notre séance d'aujourd'hui dans un sens favorable. Grey nous répondit n'avoir pas encore examiné le mémorandum de Serbie, mais que, en principe, il pensait comme nous et qu'une ligne frontière devait pouvoir être tracée stratégiquement plus favorable à la Serbie et qui tout au moins éviterait que Prisren et Dibra soient exposés aux balles des fusils tirées sur la frontière albanaise. Grey nous dit pourtant que, d'après ses informations, les torts, lors des dernières escarmouches, n'auraient pas été tout entièrement albanais, que Serbes en se retirant des parages albanais auraient emmené bétail et refusé de le rendre. Il dit que ces faits, appartenant au passé n'altéraient pas son opinion sur la question frontière, mais que le gouvernement serbe paraît (être) opposé à laisser au commerce albanais d'user des marchés de Dibra dans l'ésprit de la résolution de la Conférence des ambassadeurs. Grey pense qu'il y a lieu de s'informer plus exactement sur ce point et pense que si les gouvernements de l'Entente appuient les voeux de Serbie pour la question frontière il faudrait que la Serbie fût amenée à mettre moins d'entraves aux besoins économiques de l'Albanie.

Benckendorff.

Перевод.

В прошлую субботу сербский посол был у Камбона и у меня, чтобы прочесть нам циркуляр Сербии, который он вручил Грею по поводу сербо-албанского разграничения. Несмотря на отсутствие прямых инструкций по этому вопросу, Камбон и я решили отнестись благоприятно к этому вопросу на нашем сегодняшнем совещании. Грей ответил нам, что он еще не ознакомился с сербским меморандумом, но что в принципе он придерживается одинакового с нами мнения и что пограничная линия должна быть, со стратегической точки зрения, более благоприятна для Сербии, во всяком случае обеспечивать Призрен и Дибру от ружейного обстрела с албанской границы.

Грей заявил нам, однако, что, по его сведениям, вина за последние схватки не лежит полностью на албанцах, что сербы, уходя их албанских земель, увели с собой скот и отказались его вернуть. Он указал, что эти факты, относящиеся к прошлому, не меняют его точки зрения в вопросе о границе, но что сербское правительство как будто возражает против допущения албанской торговли на рынках Дибры, как это предусмотрено в решении совещания послов. Грей полагает, что следует получить более точные сведения по этому вопросу, и думает, что, если правительства Согласия поддержат пожелания Сербии в вопросе о границе, то надо побудить Сербию не чинить столько препятствий экономическим интересам Албании.

Бенкендорф.

№ 356. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 115. 5 мая/22 апреля 1914 г.

A notre réunion d'aujourd'hui, l'ambassadeur de France a attiré l'attention de Grey sur une opinion émise par Commission sur utilité d'une occupation des régions en litige en Epire par contingents internationaux. Cette opinion aurait été appuyée par Commissaires d'Italie, d'Autriche, d'Allemagne et d'Angleterre. Grey répondit que commissaire anglais n'avait pas agi en vertu d'instructions, qu'au contraire gouvernement anglais ne comptait coopérer ni à occupation par troupes spéciales, ni à déléguer à cet effet détachement de troupes occupant Scutari. Cambon a constaté que gouvernement anglais partageait à ce point de vue opinion du gouvernement français et qu'il y avait accord. Cambon fit en son nom personnel suivre quelques observations sur l'influence trop marquée que commissaire italien exerçait sur commissaire anglais. Grey répondit que désappréciations de même nature lui étaient déjà parvenus et qu'il ne manquerait pas de s'informer. Cambon nous fit alors part de renseignements provenant d'ambassade de France à Vienne d'après lesquels il paraîtrait que Cabinet de Vienne s'intéressait peu à ce projet d'occupation, tenant au contraire une reprise de négociations entre délégués (Albanais) et préfet de Corfou comme opportune et promettant résultats favorables. Cambon en conclut que ce projet d'occupation aurait surtout origine italienne. Grey semble pencher vers cette opinion.

Benckendorff.

Перевод.

На нашем сегодняшнем совещании французский посол обратил внимание Грея на выдвинутое комиссией мнение о целесообразности оккупации спорных районов в Эпире международными отрядами. Это мнение поддерживается комиссарами Италии, Австрии, Германии и Англии. Грей ответил, что английский комиссар действовал не на основании данных ему инструкций и что, напротив, английское правительство не думало принимать участия в оккупации

ни специальными войсками, ни путем посылки для этой цели отряда из числа войск, занимающих Скутари. Камбон констатировал, что английское правительство разделяет в этом вопросе мнение французского правительства и что между ними существует единомыслие. От своего собственного имени Камбон сделал несколько замечаний относительно слишком заметного влияния, которое итальянский комиссар оказывал на английского комиссара. Грей ответил, что подобные нарекания дошли до него уже из другого источника и что он тогда не преминет навести справки. Камбон сообщил нам затем о сведениях, исходящих от французского посольства в Вене, согласно которым венский кабинет как будто мало интересуется этим проектом оккупации, считая, напротив, что возобновление переговоров между представителями (Албании) и префектом острова Корфу является своевременным и обещающим благоприятные результаты. Камбон сделал вывод, что этот проект оккупации имеет преимущественно итальянское происхождение. Грей видимо склоняется к этому мнению.

Бенкендорф.

№ 357. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [1]. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Retenu à Paris où je pensais faire un séjour de peu de jours, d'abord par une légère indisposition et puis par la courte maladie e le décès de mon cousin P. P. Tolstoy, j'ai assisté sans y prendre aucune part, à la visite à Paris du roi et de la reine d'Angleterre.

Un contat constant avec mon collègue à Paris m'a permis de suivre l'échange d'idées avec Sir E. Grey dont à votre demande le gouvernement français a pris l'initiative. De son côté Mr. Cambon a bien voulu m'informer de ce qui s'était passé.

Je n'ai par conséquent rien à ajouter à ce que Mr. Iswolsky vous aura mandé à ce sujet [2].

A mon retour à Londres, Mr. Cambon me dit que Sir E. Grey lui avait confirmé à neuf [3] ce que, en son nom personnel, il avait dit à Mr. Poincaré et à Mr. Doumergue. Sir E. Grey avait ajouté que depuis son retour le Cabinet se rassemblait journellement pour les affaires [4] d'Irlande et pour le budget et qu'il n'avait pas encore été possible de s'occuper avec ses collègues des graves questions du jour touchant aux affaires étrangères et aux pourparlers de Paris. Il avait dû remettre ces questions pour 8 ou 10 jours. Sir Edward avait pourtant rendu compte de son voyage au premier ministre. Mr. Asquith, sans engager encore le Cabinet, avait répondu qu'il ne voyait aucune difficulté insurmontable à l'exécution des projets dont il avait été question à Paris.

---

[1] Частично опубл. Siebert, S. 812—814 (под 18/5 мая).
[2] У Siebert'а часть письма до конца этой фразы не напечатана.
[3] У Siebert'а „à neuf" опущено.
[4] У Sieber'ta: „wegen der Schwierigkeiten".

Ces mêmes paroles ont été répetées depuis par Mr. Asquith à Mr. Cambon lui-même. Ce dernier a trouvé le premier ministre tout favorable [1].

Il s'agit, par conséquent, d'arrangements militaires éventuels entre la Russie et l'Angleterre comme ceux qui existent entre l'Angleterre [2] et la France. Ces derniers arrangements nous seraient très secrètement communiqués par les deux gouvernements, aprés quoi il appartiendrait au gouvernement impérial de faire au gouvernement anglais telle proposition analogue qui regarderait, comme le cas l'exige plus les marines que les armées de terre.

C'est le point où les choses en sont encore. Elles y resteront tant que cette question n'aura pas été discutée et décidée en Conseil des ministres [3]. Il n'est pas à prevoir que tous les ministres y souscrivent dès l'abord sans offrir quelque résistance. Néanmoins, l'opinion décidée des vrais chefs du Cabinet prendra, je n'en doute guère, le dessus et dès lors les négociations régulières pourront commencer.

Jusque là, je compte laisser mon collègue de France agir en première ligne, la question ayant de fait été soulevée par le gouvernement français [4]. Si le résultat ainsi esquissé devait être obtenu, nous aurions je crois atteint le principal qui est de substituer à l'ordre d'idées jusqu'ici trop purement morales et pacifiques de l'Entente quelque chose de plus palpable.

Mon séjour à Paris et le spéctacle auquel j'ai assisté m'ont confirmé une fois de plus dans l'opinion qu'une alliance ou tout arrangement public ne sont pas possibles et que si même le gouvernement anglais pouvait s'y laisser entraîner, les résultats seraient tout autres que ceux auquels on pourrait s'attendre. Il n'y a pas de doute que l'acqueil fait au roi et à la reine à Paris a été extrêmement châleureux, plus châleureux, m'y a-t-on dit, que lors des visites anglaises antérieures. Le public anglais a sérieusement apprécié cet acqueil [5].

Si, en ces circonstances, une alliance formelle entre la France et l'Angleterre est reconnue impossible, à plus forte raison en est-il de même entre la Russie et l'Angleterre.

Je doute qu'il se puisse trouver une garantie plus forte pour une coopération militaire en cas de guerre que l'esprit de cette entente tel qu'il s'est dévoilé renforcé par les prévisions militaires qui existent.

De fait à récapituler les fases de cette entente, je n'en ai pour ma

---

1 У Siebert'a: „dass der Ministerpräsident derartigen Plänen sehr wohlwollend gegenüber steht".

2 В L. N.: II, p. 315—317 „la Russie".

3 У Siebert'a эта фраза отсутствует.

4 У Siebert'a со слов „jusque là" до конца фразы опущено.

5 У Siebert'a эта фраза отсутствует.

part observé aucune où l'Angleterre aux moments menaçants ait paru hésiter [1]. N'y aurait-il pas a observer que tel a été aussi le cas dans l'entente anglo-russe malgré la difficulté de trouver des solutions pour toutes les questions qui surgissent journellement où les intérêts russes et les intérêts anglais sont également affectés et malgré, aussi, que notre entente avec l'Angleterre n'ait pris, ni en Russie ni en Angleterre pour des raisons trop longues et trop complexes à énumérer, d'aussi profondes racines qu'à Paris et à Londres [2].

La raison en est qu'une alliance aussi prudente qu'elle puisse être, mais publique, rencontrerait en Angleterre surtout, mais pas uniquement, dans le parti libéral une opposition si forte et si publique qu'une bonne partie des résultats politiques visés se trouverait paralysée. Je crois qu'en ces conditions une alliance ne vaut rien, elle n'ajouterait que bien peu de chôses aux garanties que l'Angleterre offre à la Russie et à la France et donnerait, par contre, un terrain de beaucoup plus favorable à l'agitation en faveur de l'Allemagne à laquelle l'Allemagne attache plus de prix que jamais.

Pour résumer ma pensée, je dirai que l'Anglais le plus convaincu qu'un conflit avec l'Allemagne deviendra tôt ou tard inévitable, reculera à la pensée de lier l'Angleterre à des traités d'alliance définis avec des obligations dont il ne peut prévoir les conséquences et les conditions.

Veuillez agréer, monsieur le ministre, etc.

Benckendorff.

P. S.[3] Après que cette lettre fût écrite, Mr. Cambon et moi, nous nous rendimes chez Sir E. Grey pour conférer de diverses questions. J'ai rendu compte hier par télégraphe de cette entrevue. Le temps me manque pour rédiger des lettres confirmant les télégrammes.

A la fin de cette entrevue, Sir E. Grey, en réponse à une question de Mr. Cambon nous dit qu'à son regret il lui avaif été impossible au cours de cette semaine de soumettre au Conseil du Cabinet

---

[1] У Siebert'a: „dass England in bedrohlichen Augenblicken niemals gezögert hat sich auf Frankreichs Seite zu stellen".

[2] У Siebert'a: „dasselbe gilt für Russland jedesmal, wenn die englischen und russischen Interessen zugleich betroffen wurden, und dies trotz der Schwierigkeit, die Politik beider Länder in allen täglich auftauchenden Fragen auszugleichen und trotz der Gründe, auf die einzugehen hier zu weit führen würde und wegen deren die Entente zwischen Russland und England nicht so tiefe Wurzeln geschlagen hat wie zwischen Frankreich und England".

[3] У Siebert'a P. S. не напечатан.

les projets concernant une communication secrète au gouvernement impérial des arrangements existant entre la France et l'Angleterre dont MM. Poincaré et Doumergue l'avaient entretenu à Paris. Il nous dit qu'ils avaient eu deux Conseils de Cabinet par jour affectés en partie aux affaires d'Irlande et surtout au budjet présenté lundi. Il nous répéta à cette occasion qu'il était personnellement favorable à ce projet, qu'il en avait entretenu le premier ministre et que Mr. Asquith partageait son opinion.

A l'instar de mon collègue de Paris je ne vous ai rien télégraphié à ce sujet. Comme lui je pense qu'en matière aussi spécialement secrète et délicate aucune précaution n'est de trop.

En sortant de chez Sir E. Grey Mr. Cambon attira mon attention sur ce côté de la question. Il me dit même qu'à cause du secret militaire, il fallait s'attendre à ce que les autorités militaires d'un côté comme de l'autre de la Manche, ne livrent leur secret qu'avec quelque hésitation.

Ut in litteris.

Benckendorff.

Перевод.

Задержавшись в Париже, где я предполагал пробыть лишь несколько дней, сначала вследствие недомогания, а затем вследствие непродолжительной болезни и смерти моего кузена П. П. Толстого, я присутствовал, не принимая никакого участия, при посещении Парижа королем и королевой Англии.

Постоянная связь с моим парижским коллегой позволила мне следить за обменом мнений с сэром Э. Греем, происшедшим, согласно вашей просьбе, по инициативе французского правительства. Со своей стороны г. Камбон охотно осведомил меня о том, что там произошло.

Я не имею, следовательно, ничего, что мог бы прибавить к сообщенному вам по этому поводу г. Извольским. По возвращении моем в Лондон, г. Камбон сказал мне, что сер Э. Грей подтвердил ему вновь то, что он от своего собственного имени высказал г. Пуанкаре и г. Думергу. Сэр Э. Грей добавил, что с момента его возвращения кабинет собирается ежедневно для обсуждения ирландских дел и бюджета, и что у него еще не было пока возможности заняться совместно со своими коллегами важными текущими вопросами, касающимися иностранных дел и переговоров в Париже. Он вынужден был отложить эти вопросы на 8 или 10 дней. Сэр Эдуард однако отдал отчет о своей поездке премьер-министру. Г. Асквит, не связывая пока кабинета, ответил, что он не видит никаких непреодолимых препятствий для осуществления проектов, о которых шла речь в Париже. Те же самые слова г. Асквит повторил затем самому г. Камбону. Этот последний нашел, что премьер-министр настроен очень благожелательно. Дело, следовательно, идет о предполагаемых военных соглашениях между Росссией и Англией наподобие существующих между Англией и Францией. Эти последние соглашения будут нам строго секретно сообщены обоими правительствами, после чего императорскому правительству надлежит

сделать английскому правительству аналогичное предложение, которое, как это требуется в данном случае, коснется больше флота, чем сухопутных войск.

Таково пока положение дела. Оно останется неизменным до тех пор, пока этот вопрос не будет обсужден и решен кабинетом министров. Трудно предполагать, что все министры сразу подпишутся под этим без всякого сопротивления. Тем не менее, твердое мнение истинных лидеров кабинета одержит верх, в чем я не сомневаюсь, и тогда могут начаться правильные переговоры.

До этого времени я рассчитываю предоставить действовать в первую очередь моему французскому коллеге, поскольку вопрос фактически был поднят французским правительством. Если таким образом намеченный результат будет достигнут, то мы добьемся, я полагаю, главного, которое заключается в том, чтобы заменить систему идей, лежащих в основе Согласия и носивших до сих пор исключительно моральный и мирный характер, чем-то более ощутимым.

Мое пребывание в Париже и зрелище, на котором я присутствовал, укрепили меня лишний раз в том мнении, что союз или всякое гласное соглашение представляется невозможным и что даже в случае, если бы можно было привлечь к нему английское правительство, то результаты оказались бы совсем не такие, на которые можно было бы рассчитывать. Несомненно, что прием, оказанный в Париже королю и королеве, был исключительно горяч, гораздо более горяч, как мне говорили, чем при прежних английских посещениях. Английское общественное мнение очень оценило этот прием.

Если при этих условиях формальный союз между Францией и Англией признан невозможным, то еще больше оснований для того же в отношении России и Англии.

Я сомневаюсь, чтобы возможно было найти более солидную гарантию для совместных военных действий в случае войны, чем подкрепленная принятыми военными мерами идея Согласия, в том виде, в каком она обнаружилась.

В самом деле, если пересмотреть все стадии, пройденные Согласием, то я со своей стороны не знаю ни одной, в которой Англия казалась бы в опасные моменты колеблющейся. Нельзя ли сказать того же и относительно англо-русского согласия, несмотря на трудности, связанные с разрешением всех возникающих ежедневно вопросов, в одинаковой мере затрагивающих как русские, так и английские интересы, и также несмотря на то, что наше согласие с Англией не пустило ни в России, ни в Англии, по причинам, которые слишком долго и сложно перечислять, таких глубоких корней, как в Париже и Лондоне? Это объясняется тем, что открытый союз, как бы осторожен он ни был, встретит в Англии, в первую очередь в либеральной партии, да не только у нее, настолько сильную и открытую оппозицию, что большая часть предусмотренных союзом политических результатов окажется парализованной. Я думаю, что при этих условиях союз ничего не стоит, он очень мало чем дополнит те гарантии, которые Англия предлагает России и Франции, но создаст, напротив, значительно более благоприятную почву для агитации в пользу Германии,—чему Германия придает сейчас большее значение, чем когда бы то ни было.

Чтобы резюмировать мою мысль, я скажу, что англичанин, наиболее убежденный в том, что конфликт с Германией рано или поздно станет неизбежным, отступит перед мыслью связать Англию формальными союзными договорами, включающими обязательства, последствия и условия, которых он не может предвидеть.

Примите, и пр. Бенкендорф.

P. S. После того как письмо это было написано, г. Камбон и я отправились к сэру Э. Грею, чтобы обсудить некоторые вопросы. Я вчера сообщил по телеграфу об этом свидании. У меня нехватает времени для составления писем, подтверждающих телеграммы.

Под конец этого свидания, сэр Э. Грей, в ответ на вопрос, поставленный г. Камбоном, сказал мне, что, к сожалению, он лишен был возможности в течение этой недели передать на рассмотрение кабинета проекты о секретном сообщении императорскому правительству соглашений, которые существуют между Францией и Англией, о чем с ним беседовали в Париже гг. Пуанкаре и Думерг. Он сказал нам, что заседания кабинета происходили два раза в день и были посвящены частью ирландским делам, главным же образом представленному в понедельник бюджету. При этом случае он повторил нам, что он относится сочувственно к этому проекту, что он беседовал о нем с премьер-министром и что г. Асквит разделяет его мнение.

По примеру моего парижского коллеги я не телеграфировал вам ничего относительно этого вопроса. Я думаю, так же как и он, что в столь сугубо секретном и деликатном вопросе ни одна предосторожность не является излишней.

Уходя от сэра Э. Грея, г. Камбон обратил мое внимание на эту сторону вопроса. Он мне сказал даже, что по причине военного характера тайны надо быть готовым к тому, что военные власти как по ту, так и по другую сторону Ламанша, выдадут свою тайну не без некоторых колебаний.

Ut in litteris.

Бенкендорф.

№ 358. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 110 [1]. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Белград.

По сведениям Н. Рафаловича, французская группа имеет основания опасаться, что переданный ею в Вену ответ Сербии на формулу интернационализации Восточных железных дорог встретил там неблагоприятный прием и что некоторые австрийские круги желают воспользоваться этим, чтобы немедленно прервать переговоры и вернуться к требованию возврата линии, предъявленному Австрией до возникновения мысли об интернационализации. Желательно, чтобы сербское правительство продолжало, хотя бы для видимости, переговоры об интернационализации, которые служат нам лучшей защитой от Австрии и позволяют параллельно воспользоваться французами для достижения выкупа, которому последние, повидимому, готовы способствовать. Граф Витали отложил отъезд свой в Белград главным образом потому, что здесь близки к окончанию переговоры об образовании группы крупных фран-

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 101, № 1328.

цузских и русских банков и строителей для финансирования и постройки части новых железных дорог в Сербии.

Извольский.

№ 359. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 111. 5 мая/22 апреля 1914 г.

Французское правительство предполагает созвать международную комиссию по балканским делам в начале июня нового стиля.

Извольский.

№ 360. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 25. 5 мая/22 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Почитаю долгом препроводить у сего на благоусмотрение вашего высокопревосходительства полученную мною доверительно копию проекта соглашения между Сербией и Грецией по вопросу о Салоникском порте.

Соглашение это не получило еще окончательного утверждения, ввиду возникших в последнюю минуту по некоторым пунктам недоразумений, улажение коих поручено бывшему сербским министром торговли Косте Стояновичу, отбывшему на-днях с этой целью в Солунь, где он рассчитывает повидаться с г. Венизелосом.

Оба государства, повидимому, вполне удовлетворены достигнутыми результатами. Особливо довольна Сербия, для которой отныне наступает новая эра свободы и независимости в торгово-экономической политике.

Это именно обстоятельство и вызвало сильное раздражение в венских политических кругах, побудившее австро-венгерское правительство предпринять в Афинах тайные шаги с целью помешать осуществлению договора. По счастью, в Греции не поддались злонамеренным науськиваниям, хорошо понимая, что лучшим залогом прочности политического союза балканских государств может служить дружная, совместная работа и во всех прочих областях: экономической, торговой и культурной.

Потерпев неудачу в своих замыслах, Австро-Венгрия, как сообщают получаемые здесь корреспонденции, стремится ныне выговорить для своей торговли в Салоникском порте какие-то исключительные льготы в подрыв привилегиям, дарованным Сербии.

В чем именно заключаются новые домогательства Австрии,— Пашичу в точности неизвестно.

Примите и пр.[1]

Ник. Гартвиг.

№ 361. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 9.[2] Ялта, 6 мая/23 апреля 1914 г.

Сообщается товарищу м-ра в СПБ., посланнику в Софии.

Считая весьма важным помешать осуществлению болгарского займа на берлинском рынке, мы просим английское правительство поручить своему представителю в Софии энергично поддержать шаги Савинского, направленные к ограждению Болгарии от заключения крайне[3] невыгодной сделки, которая поведет к полному экономическому захвату Болгарии Германиею.

Французский посланник в Софии уже успешно действует в желательном для нас смысле.

Сазонов.

№ 362. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 116. 6 мая/23 апреля 1914 г.

Reçu No. 820[4]. Suite du No. 113[5].

Hier lors de notre entrevue Cambon signala que d'après ses informations le gouvernement d'Italie était bien disposé dans affaire de délimitation monténégrine. Grey pour le moment se borne à instruire son représentant d'adopter attitude en général favorable.

Benckendorff.

Перевод.

Получен № 820. Продолжение № 113.

Вчера во время нашего свидания Камбон указал, что, по его сведениям, итальянское правительство относится положительно к вопросу о черногорском

---

[1] К депеше приложены четыре документа: Projet de convention réglant le transit serbe par voie de Salonique, Protocol B, Protocol C et Protocol D. В 1-й ст. проекта сказано: „Le gouvernement héllénique affecte une étendue dans le port de Salonique, pour une période de 50 ans, ou transit direct des marchandises de provenance et destination serbe".

[2] Опубл. Siebert (без №), S. 632—633.

[3] У Siebert'а это слово опущено.

[4] Тел. от 5 мая/22 апр. за № 820 в Париж и Лондон (почтой в Вену) была передана в тел. Обнорского от 1 мая/18 апр. за № 31 (см. выше стр. 455, прим. 2).

[5] См. № 354.

размежевании. Грей в настоящее время ограничивается указанием своему представителю занять в общем благоприятную позицию.

Бенкендорф.

№ 363. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [1]. 6 мая/23 апреля 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je vous remercie infiniment de vorte lettre personnelle du 15/2 [2] avril. Vous savez combien je partage votre opinion au sujet alliance, je n'ai plus à m'exprimer à ce sujet. Vos préoccupations si légitimes, sont les miennes de tous les instants combien ne me serait-il pas plus facile, de me reposer sur un document signé et publié, que cette constante responsabilité d'avoir à vous entretenir du degré auquel nous pouvons compter sur l'Angleterre, redoutant constamment de vous en dire ne fût ce qu'un mot de trop et de hasardeux.

Si j'y reviens encore c'est plutôt pour vous parler encore une fois de la base même de vos préoccupations et du jugement que vous portez sur l'état d'esprit anglais. Exact dans son ensemble, il ne l'est pas tout-à-fait, quand vous l'analysez de plus près [3].

Quand vous me dites: „Il faut que les Anglais ne perdent pas de vue la nécessité inexorable dans laquelle ils se trouvent de prendre une part active dans une lutte contre l'Allemagne" [4] etc. etc., — cela n'est pas de l'optimisme qui me fait dire, que l'Angleterre s'en rend parfaitement compte. Pour le parti unioniste cela ne fait pas de doute, cela n'en fait guère plus pour l'ensemble du parti libéral, malgré les tendances pacifistes, et il faut bien le dire les préventions contre la Russie à un tout autre point de vue d'une partie de ce parti. S'il en était autrement, Sir E. Grey ne serait plus au pouvoir. Mais le fait même de l'existence de ce sentiment de nécessité inexorable constitue une objection à une alliance. On en voit les inconvénients. — On se dit que, liée à d'autres Puissances l'action politique de l'Angleterre sur le continent, moins indépendante en deviendra moins directe et moins effective, d'un autre côté on en voit pas la nécessité. On sait bien que de toute façon si les choses vont au pire, il faudra marcher. Je viens d'en avoir une preuve nouvelle et il faut le dire bien extraordinaire et inexplicable ailleurs qu'en Angleterre. J'ai su de source bonne, mais très secrète qu'au pire de l'affaire des armements dans l'Ulster et de l'armée anglaise, mot a été passé, qu'en cas de complication

[1] Опубл. (частично) в L. N., pp. 317—318.

[2] См. № 224.

[3] В L. N. эти первые два абзаца не напечатаны.

[4]. Бенкендорф цитирует неточно. Ср. выше № 224.

étrangère, la question de l'Ulster serait dropped par les chefs de parti et les recrus à la disposition du gouvernement. — Si d'un autre côté vous remémorez tous les incidents et questions soulevées depuis l'existence des ententes, c'est le cas où il ne ferait pas la guerre dont Sir E. Grey et Mr. Asquith nous ont prévenu. Et quels que puissent être les progrès de l'agitation en faveur de l'Allemagne, c'est toujours les paroles du roi à Mr. Cambon et moi à Windsor, paroles approuvées par le gouv-t, du moins par Mr. Asquith, qui sont l'α et l'ω du sentiment anglais. C'est aussi pourquoi ces jours-ci à Paris Sir E. Grey n'a pas hésité un instant à s'engager personnellement dans le projet formulé par le Cab-t français. Cela veut dire prèvoir la guerre, oui, conclure une alliance, non. Et quand Mr. Doumèrgue lui a demandé si à défaut d'alliance, les difficultés qui peuvent surgir en Perse ou en Asie, ne deviendraient pas un danger, Sir Edw. a répondu que ces difficultés-là, avec de la bonne volonté de part et d'autre in a friendly way s'arrangeraient toujours, mais que l'opinion publique anglaise était contraire à une alliance. J'ai été assez étonné de trouver à Paris le bruit se répandant que l'Angleterre avait faibli dans l'affaire des îles. Cela est complètement inexact. C'est là une question où le gouvernement anglais est publiquement et officiellement engagé [1]; committed au parl-t et le cas échéant il n'hésiterait certainement pas. Seulement, — et cela a été une des difficultés de la rédaction de la réponse à la Grèce, — le gouvernement anglais trouve tout-à-fait inutile et même inopportun de se répéter ce qui constituerait une menace superflue. Je pense que le gouvernement italien et les autres sont prévenus, et que cela doit suffir. C'est même là un de ces précédés d'esprit anglais, auquel il est faute de se tromper, qui engendre même des diffiicultés lors de démarches communes. Pour Grey la démarche à trois à Berlin, pour proposer une rédaction toute faite, était plus importante que ce texte en lui-même. Et l'accueil fait à Berlin par Mr. Jagow, semble donner raison à ce point de vue.

Pour l'affaire du Transpersan les choses sont différentes, là il y a en effet du préjugé anglais pur, désoler les Indes par mesure de prudence en tout cas. Ce projet de chemin de fer, trop tôt ébruité, a réveillé cet instinct. On en a conclu en Angleterre que, quoiqu'il en soit les ententes et des alliances, si ce chemin de fer réunit l'Europe aux Indes, tout le système de défense des Indes doit être remanié. Ce projet se réalisera, mais dans l'avenir plus ou moins prochain, aujourd'hui nous ne pourrons j'en suis convaincu que pousser des approches.

Vous dites parfaitement bien que les Anglais ont transformé tout

[1] Остальная часть письма в L. N. не напечатана.

le projet en autre chose. Mais c'est que, l'important étant de tenir la question ouverte et de ne pas rompre, je ne sais pas d'autre moyen, qu'à penser d'abord, l'Angleterre comme nous, au plus pressé, sans aboutir au principal au but original des initiateurs russes. Ils devraient bien s'en rendre compte. La chose n'était pas possible il y a 10 ans. Elle ne l'est pas encore, il y a même un certain recul, mais il peut être repris dans un, deux ou trois ans.

Mais je crois que pour cela il faut encore une fois éclaircir l'atmosphère. Il y a du mieux en Perse cela n'est pas suffisant. Je ne puis pas ne pas prévoir de bien grosses négociations avec l'Angleterre. Déjà le gouvernement des Indes devient pressant pour le Thibet, ou de fait, ils se heurtent à des difficultés presque insurmontables, auxquelles nous ne gagnons rien. Que les goûts en Perse soient à revoir ne fait pas de doute pour moi. Si nous aboutissons en toutes ses questions, alors pourra surgir Transpersan, alors mais pas avant. Parce que l'atmosphère sera créée. Demander plus aujourd'hui, en l'état de choses actuels au gouvernement est lui demander ce qu'il ne faut pas donner; par conséquent inutil.

Pour ma part, je ne vous cacherai pas, que le moment psychologique serait venu pour une décision de norte part qui ne pourra jamais être l'objet d'une négociation, parce qu'elle nous regarde seuls, ni un objet de compensation pour la même raison. C'est l'évacuation définitive par nos troupes de Kazvin. Elle n'aurait nuls avantages pour nous, nous l'avons toujours promis, et jamais exécuté ce qui incontestablement lette un jour fâcheux sur notre politique en Perse. Si je crois le moment venu, c'est précisement que personne ne nous en parle plus depuis plus d'un an. Cela sera un acte fait à nous, de notre seule décision, au moment qui nous convient, mais un acte aussi, qui aura en Angleterre un effet énorme, et répondra mieux que toutes choses à tout ce que l'on a pu en dire en Allemagne encore plus qu'ici, et ce que l'Allemagne répète tous les jours à Londres et par la presse et par tous ses agitateurs.

Pour en revenir plus spécialement au mémorandum anglais, j'attends ces jours-ci à Londres Raffalovich qui m'a déjà rendu de très bons services. J'ai causé à Paris avec lui de ce mémorandum, qui évidemment doit être remanié sensiblement pour répondre à son but. D'ailleurs le For. Office sait déjà parfaitement à quoi s'en tenir. Entre autre O'Beirn en arrivant ne leur a caché, que tel quel le document ne serait pas accepté par nous, et Buchanan a dû leur écrire la même chose.

Laissez moi vous prier encore une fois de repenser bien sérieusement à l'évacuation de Kasvin Il est difficile d'exagèrer l'importance

politique de cette initiative prise aujourd'hui. Cette importance est telle qu'elle fait pâlir entièrement à mes yeux les dangereuses garanties que cette occupation militaire nous donne localement.

Il y a une chose qui se voit à Londres bien clairement, et dont il est difficile de juger à distance, combien il nous est avantageux d'aider le gouvernement anglais qui dans mon opinion restera au pouvoir plus longtemps qu'on ne le croit.

Mille excuses de cette longue lettre, bien incomplète pourtant et écrite au courant de la plume et mille amitiés bien sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я бесконечно признателен вам за ваше личное письмо от 15/2 апреля. Вы знаете, как я разделяю ваше мнение по вопросу о союзе, мне незачем распространяться на эту тему. Ваши столь естественные заботы являются одновременно и моими, не оставляющими меня ни на мгновение. Насколько мне было бы легче и спокойнее иметь подписанный и опубликованный документ, чем постоянно нести ответственность за осведомление вас о степени, в какой мы можем рассчитывать на Англию, при этом постоянно испытывая опасение сказать вам хотя бы одно лишнее или слишком рискованное слово.

Если я снова возвращаюсь к этому предмету, то это скорее для того, чтобы поговорить с вами еще раз о самой основе ваших забот и о вашем суждении об английском образе мыслей. Верное в целом, оно все же не совсем правильно, когда вы подвергаете английский образ мыслей более детальному анализу.

Когда вы мне говорите: „Надо, чтобы англичане не теряли из виду стоящую перед ними непредотвратимую необходимость принять активное участие в борьбе против Германии" и т. д., и т. д., то отнюдь не оптимизм заставляет меня сказать, что Англия прекрасно отдает себе в этом отчет. В этом нет сомнений как для унионистской партии, так и для либеральной партии в целом, несмотря на пацифистские тенденции и, это надо прямо сказать, несмотря на предубеждение против России, которое с совершенно другой точки зрения существует в некоторой части этой партии. Если бы дело обстояло иначе, то сэр Э Грей не был бы больше у власти. Но самый факт сознания этой непреодолимой необходимости составляет препятствие для союза. Учитывая заключающиеся в нем неудобства, [англичане] говорят себе, что политика Англии на континенте, будучи связана с другими державами, станет менее независимой и тем самым менее прямой и действительной; с другой стороны, в этом не усматривают необходимости. Всем хорошо известно, что при всех условиях, если дела ухудшатся, то придется пойти [на союз]. Я имею новое доказательство этому и, надо сказать, очень своеобразное и необъяснимое для всякой другой страны кроме Англии. Я узнал из хорошего, но очень секретного источника, что по вопросу о вооружениях в Ульстере и об английской армии было сказано, что в случае внешних осложнений вопрос об Ульстере будет снят лидерами партии и правительству будут предоставлены рекруты. Если, с другой стороны, вы припомните все происшедшие события и все вопросы, поднятые со времени существования Согласия, то это и есть тот случай, при

котором война не будет объявлена, как нас предупредили сэр Э. Грей и г. Асквит. И каковы бы ни были успехи пропаганды в пользу Германии, слова короля, сказанные в Виндзоре г. Камбону и мне и одобренные правительством, по меньшей мере, г. Асквитом, всегда являются альфой и омегой английских чувств. По той же причине сэр Э. Грей на этих днях в Париже, не колеблясь ни минуты, лично обязался поддерживать проект, предложенный французским кабинетом. Это значит: предвидеть войну—да, вступать в союз—нет. И когда г. Думерг спросил его, не превратятся ли, вследствие отсутствия союза, затруднения, которые могут возникнуть в Персии и Азии, в прямую опасность, сэр Эдуард ответил, что эти затруднения при добром желании обеих сторон, дружески расположенных друг к другу, смогут быть всегда улажены, но что общественное мнение Англии настроено против союза. Я был в достаточной степени удивлен распространяемым в Париже слухом, будто Англия уступила в вопросе об островах. Это совершенно не соответствует действительности. Это вопрос, который английское правительство официально и открыто обязалось поставить перед парламентом, и в случае необходимости оно не поколеблется, конечно, это сделать.

Одна из трудностей редактирования ответа Греции заключается в том, что английское правительство считает совершенно бесполезным и даже несвоевременным повторяться, так как это представило бы излишнюю угрозу. Я думаю, что итальянское правительство и другие предупреждены и что этого достаточно. В этом именно и заключается одна из характерных особенностей английского духа, насчет которого не следует заблуждаться и который приводит к затруднениям при совместных выступлениях. Для Грея выступление втроем в Берлине для предложения готовой редакции было более существенно, чем самый текст. Прием, оказанный в Берлине г. Яговым, кажется оправдывает эту точку зрения.

По вопросу о Трансперсидской ж. д. дела обстоят иначе, там действительно играет роль чисто английский предрассудок, сводящийся к принятию на всякий случай таких мер предосторожности, которые выводят из терпения Индию. Проект железной дороги, слишком рано разглашенный, пробудил этот инстинкт. В Англии был сделан вывод, что как бы ни обстояло дело с согласиями и союзами, если эта железная дорога свяжет Европу с Индией, то вся система обороны Индии должна быть пересмотрена. Этот проект осуществится, но в более или менее отдаленном будущем, теперь же мы можем лишь, как я уверен, вести наступление на подступы.

Вы совершенно правильно замечаете, что англичане превратили проект в нечто совсем другое. Но так как самое важное—это держать вопрос открытым и не порывать с ним, то я не знаю другого средства, как обратиться для начала, как Англии, так и нам, к вопросам более срочным, не добиваясь того, что составляет подлинную цель русских инициаторов этого дела. Они должны отдать себе в этом отчет. Дело это было бы невозможным 10 лет тому назад. Оно невозможно еще и сейчас, даже замечается известный регресс, но его можно будет возобновить через один, два или три года.

Однако я думаю, что для этого надо будет еще раз прояснить атмосферу. В Персии замечается улучшение, но этого еще недостаточно. Я не могу не предвидеть в достаточной мере тягостных переговоров с Англией. Уже правительство Индии становится настойчивым в отношении Тибета, где оно сталкивается с трудностями почти непреодолимыми, от которых мы ничего не выигрываем. Что наши намерения в Персии должны быть пересмотрены,—не

представляет для меня сомнений. Если мы добьемся успеха во всех этих вопросах, то тогда может быть поставлен вопрос и о Трансперсидской ж. д., но лишь тогда, а не раньше, потому что тогда будет создана соответствующая атмосфера. Требовать у правительства большего на сегодняшний день, при настоящем положении вещей, это значит требовать того, чего не следует давать, а следовательно, это бесполезно [требовать].

С своей стороны я не скрою от вас, что наступил психологический момент для принятия нами решения, которое, касаясь только нас, никогда не должно превращаться в предмет переговоров или предмет компенсации. Это—окончательная эвакуация наших войск из Казвина. Она не даст нам никакого преимущества, мы всегда ее обещали, но никогда не осуществляли, что несомненно бросает тень на нашу политику в Персии. Если я считаю, что момент наступил, то это именно потому, что с нами никто не говорит об этом уже более года. Это явится нашим собственным шагом, вызванным нашим решением, в подходящий для нас момент, но в то же время—шагом, который произведет огромное впечатление в Англии и будет служить лучшим ответом на все, что по этому поводу могли говорить в Германии, даже в большей степени, чем здесь, и что Германия ежедневно повторяет в Лондоне как через прессу, так и через своих агитаторов.

Для того, чтобы более детально обсудить английский меморандум, я ожидаю на этих днях прибытия в Лондон Рафаловича, который оказал мне уже очень ценные услуги. Я беседовал с ним в Париже об этом меморандуме, который видимо должен быть значительно изменен, чтобы отвечать своему назначению. К тому же Foreign Office уже прекрасно знает, чего ему держаться в этом вопросе. Между прочим О'Бейрн по возвращении не скрыл от них, что таким, каков он есть, документ не будет принят нами. Бьюкенен видимо написал им то же самое.

Разрешите мне просить вас еще раз очень серьезно обдумать эвакуацию Казвина. Трудно преувеличить политическое значение этого шага, предпринятого нами теперь. Это значение настолько велико, что заставляет в моих глазах бледнеть опасные гарантии, которые эта военная оккупация дает нам на месте.

В Лондоне совершенно ясен вопрос, о котором трудно судить на расстоянии, а именно: насколько нам выгодно помогать английскому правительству, которое, по моему мнению, останется у власти дольше, чем это предполагают.

Тысяча извинений за это длинное письмо, все же не исчерпывающее вопроса и написанное наскоро, и тысяча искреннейших дружеских пожеланий.

Бенкендорф.

№ 364. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 63. 6 мая/23 апреля 1914 г.

Главный директор Dresdener Bank, входящий в состав австрийской группы, ведущей переговоры о болгарском займе, выразил вчера в случайном разговоре члену посольства сомнение в возможности осуществить этот заем ввиду того, что немецкие банки—противники политических займов и дают деньги, лишь если сделка является выгодной в финансовом отношении. Между тем Болгария

вряд ли предоставит требуемые ими гарантии и выгоды, заключающиеся в железнодорожной концессии и оборудовании порта Лагос. К заключению займа, будто бы, главным образом побуждает Австрия.

Свербеев.

№ 365. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо [1]. 6 мая/23 апреля 1914 г.
Весьма доверительное.

В начале июня нов. ст. в Вене устраивается международное состязание скачек с препятствиями (Concours hippique). Устроители этих скачек обратились, как мне известно, к некоторым здешним посольствам с официальным приглашением о принятии офицерами в форме участия в состязаниях. Ко мне с подобным официальным приглашением не обращались, хотя до меня доходили частные разговоры о желательности принятия участия в состязаниях наших офицеров. К военному агенту нашему также по этому поводу официально никто не обращался. Весьма вероятно, что австро-венгерское посольство в Петербурге взяло на себя инициативу в этом деле. В таком случае я был бы весьма признателен за сообщение посольству принятого по этому поводу решения, т. е. примут ли наши офицеры участие в означенном состязании, и будет ли им разрешено скакать в форме. Само собой разумеется, что в таком случае выбор офицеров и лошадей должен быть самый тщательный, так как препятствия очень серьезные, и здешние скакуны готовятся к состязанию уже теперь.

Считаю долгом своим обратить ваше внимание на донесения нашего консула в Праге от 10 февраля и 12 апреля с. г. за №№ 8 [2] и 12 [3] относительно секретной организации в Чехии и подготовления кадров преданных нам людей на случай войны нашей с Австрией. Ввиду существующей в настоящее время здесь атмосферы глубокого недоверия ко всему русскому,—чувство, вызванное отчасти неосторожным поведением наших агентов,—я считаю необходимым предложить кол. сов. Жуковскому соблюдать крайнюю осторожность при своих сношениях с местными политическими деятелями и членами оппозиционных партий и воздерживаться совершенно от всего того, что могло бы компрометировать наше консульское представительство в Австро-Венгрии.

[1] Лит. копия.
[2] См. выше стр. 379, прим. 1.
[3] См. выше № 292.

Болезнь императора Франца-Иосифа приняла затяжной хронический характер, и хотя за последние десять дней состояние здоровья его значительно улучшилось, тем не менее можно с уверенностью сказать, что на полное выздоровление и восстановление прежних сил рассчитывать трудно.

Считаю долгом обратить ваше внимание на крайне недружелюбный, вызывающий тон относительно России газеты „Reichspost“ [1], которая считается органом наследника престола. Статья, которая появилась в день приезда в Вену великой княгини Марии Павловны, является одной из менее резких в целой серии статей, появившихся на страницах этой газеты за последнее время.

Примите и пр.

Шебеко.

P. S. Я на-днях обратил внимание заменяющего графа Берхтольда барона Макио на то впечатление, которое, несомненно, произведет в России речь гр. Сильва Таруки [2] в делегациях, заявив ему, что слова эти наверное вызовут самый энергичный, вполне заслуженный отпор со стороны нашей печати, чему со своей стороны могу только сочувствовать, так как считаю возбуждение столь сложных и деликатных вопросов, какими являются украинский у нас и русский в Австрии, в столь неосторожной и вызывающей форме, крайне нежелательным для поддержания тех дружественных отношений между нами, о которых упомянул гр. Берхтольд в своей речи. Препровождаемая мною при депеше за № 26 статья „Pester Lloyd“ [3]

[1] К письму приложена в газетной вырезке статья „Die russisch-rumänische Freundschaft“.

[2] Отвечая на тронную речь при открытии 29/16 апр. в Будапеште делегаций, „председатель австрийской делегации граф Сильва Тарука (близкий друг наследника престола), подчеркивая миролюбие австрийской политики, заявил при этом, что Австрия должна тем не менее дать самый серьезный отпор той антиавстрийской агитации, которая ведется недружелюбно настроенным соседом в пределах государства“ (депеша Шебеко от 5 мая/22 апр. за № 25). При обсуждении бюджета м-ва ин. дел в австр. делегации „главное внимание, — как сообщает Шебеко, — сосредоточивалось на отношениях Австро-Венгрии к России, Румынии и Албании“. Выступившие с речами немецкие депутаты, а также укр. депутат Левицкий „указывали на ведущуюся, будто бы, с ведома русского правительства усиленную антиавстрийскую агитацию в Галиции и Буковине, имеющую окончательной целью отторжение этих провинций от Австрии, и требовали от правительства принятия самых энергичных мер для прекращения вышеозначенных явлений“. В ответной речи Берхтольд „заявил, что, к сожалению, не может оспаривать факты существования антигосударственной пропаганды в Галиции“ (депеша от 16/3 мая за № 27).

[3] Препровождая в газетной вырезке статью из „Pester Lloyd“ от 5 мая/22 апр. Шебеко в депеше от 6 мая/23 апр. за № 26 отмечает, что „статья эта носит официальный характер и является ответом на те нападки, которые вызвала последняя

является, по всей вероятности, результатом этого разговора, а также выступлений нашей печати по этому поводу, которые на этот раз явились вполне своевременными и полезными.

Шебеко.

№ 366. Временно исполняющий должность военного агента в Брюсселе и Гааге в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 70. 6 мая/23 апреля 1914 г.

Секретно.

Ввиду общего довольно напряженного политического положения в Западной Европе, препровождаю при сем записку с некоторыми соображениями по вопросу о возможности нарушения германскими войсками нейтралитетов Бельгии и Люксембурга, в том виде, в каком вопрос этот представляется в данный момент.

Вр. и. д. военного агента

ротмистр кн. Накашидзе.

Приложение

К вопросу о возможности нарушения германскими войсками нейтралитетов Бельгии и Люксембурга [1].

Короткость нынешней франко-германской границы, не позволяющая развернуть на ней всю массу германских войск, а также выгодность для этих последних занять излюбленное немцами охватывающее положение уже в самом начале войны с Францией, выдвинули уже давно вопрос о возможности перехода части германских войск через Люксембург и Бельгию.

Германская железнодорожная политика, стремящаяся создать здесь возможно большее число линий, часто не имеющих значения в торговом отношении, но являющихся новыми путями для перевозки войск, подтверждает предположение, что в случае войны германцы, рассчитывая на полную беспомощность Люксембурга и слабость бельгийской армии, не постеснятся провести свои войска через эти две страны. В настоящее время через треугольник Льеж—Намюр—Люксембург, как видно из прилагаемого чертежа, положены четыре железнодорожных линии, идущих от западной

произнесенная в делегациях речь графа Берхтольда... Статья кончается заявлением, что как в Вене, так и в Берлине слова графа Берхтольда, указывающие на дружественные отношения монархии к России, могут только вызвать чувства удовлетворения ввиду повсеместной жажды мира со стороны населения всех европейских государств".

[1] Заголовок подлинника.

германской границы во Францию, а именно: 1) Malmedy—Brauraing, 2) Lommersweiler — Bertrix — Herbeumont, 3) Vianden—Diekirch—Rodange и 4) Trier—Luxembourg—Esch. Кроме того, имеется еще пятая линия—Herbesthal—Clavier—Ciney—Dinant, которая, проходя очень близко от укреплений Льежа и Намюра и будучи поэтому не вполне безопасной для перевозки по ней войск к французской границе, может однако же послужить для выставления необходимого заслона против бельгийской армии, на полное безучастие которой Германия не может рассчитывать.

Что касается железных дорог, пролегающих к северо-западу от линии Льеж—Намюр, то таковые вряд ли будут использованы германцами, во-первых, потому, что дороги эти подходят к пунктам французской территории, занятие которых чересчур растянуло бы фронт их армий, а во-вторых, также и потому, что такое использование, не принося выгод в стратегическом отношении, неминуемо влекло бы за собой необходимость тратить время и силы на осаду Льежа и Намюра и на борьбу с бельгийской армией, ибо если и можно рассчитывать, что эта последняя помирится с проходом германцев через треугольник Льеж—Намюр — Люксембург, то, с другой стороны, ей нельзя будет остаться спокойной зрительницей, если чужеземные войска подойдут к самой столице государства.

При ничтожной длине вероятных операционных линий и огромном развитии быстрых способов передвижения (железные дороги, автомобили), здесь в случае открытия военных действий более чем где-либо будет важна каждая выигранная минута, а потому надо полагать, что если б германцы решились перейти бельгийскую границу, то переход этот, вероятно, совершится одновременно с объявлением Франции войны, а возможно даже, что под какимнибудь предлогом и несколько раньше. Так как наибольшее из расстояний, которые здесь пришлось бы пройти германским войскам до французской границы, не превышает 110 килом., и имея в виду, что войска эти будут располагать громадным количеством автомобилей и железнодорожного подвижного состава, можно считать, что уже в течение нескольких часов германцы могли бы выставить надежный заслон вдоль линии Льеж—Намюр и обезопасить себя с этой стороны, что сделает их почти хозяевами в Люксембурге и Юго-Восточной Бельгии и доставит возможность спокойно продолжать наступление до соприкосновения с французской армией, которая, в случае начала военных действий Германией, очевидно, появится здесь с некоторым опозданием.

При таких обстоятельствах бельгийское правительство будет

поставлено в очень тяжелое положение. Ему придется решать вопрос, могущий стоить существования самой страны, а именно: оказывать ли сопротивление нашествию, или, наоборот, нарушив в свою очередь международные договоры, стать открыто на сторону завоевателей. В этом случае, вероятно, произойдет борьба симпатий к Франции и Англии с таковыми же к Германии. Если придворные сферы, аристократия и клерикальная партия, находящаяся теперь у власти, из страха перед демократической и антиклерикальной Францией, скорее тяготеют к Германии, то, наоборот, люди свободных профессий, средний класс и рабочие партии не любят и боятся германского цезаризма, видя в нем угрозу французской либеральной культуре, в сфере влияния коей находится Бельгия. Правительство, вероятно, будет опасаться взрыва народного неудовольствия и, может быть, переворота, если бы оно открыто стало на сторону Германии, а потому наиболее вероятно, что оно изберет среднее решение, т. е., обратившись с протестом к великим державам и объявив мобилизацию, дабы его не могли укорить в нежелании защищать свой нейтралитет, оно сосредоточит армию, согласно давно существующему плану, на линии Льеж—Намюр, где эта последняя, будучи слишком слаба, чтобы атаковать германские войска, ограничится прикрытием подступов к Брюсселю, к которому немцы возможно что и не будут даже пытаться наступать.

Таким образом могущее оказаться гибельным для Бельгии столкновение с германскими войсками будет избегнуто, а с другой стороны, бельгийское правительство будет иметь основание заявить, что оно сделало все, что могло, для обороны страны. Наконец, такое среднее положение бельгийской армии дало бы ей возможность в будущем, когда исход борьбы великих держав явно обнаружится, перейти уже открыто на сторону победителя.

Во всяком случае столкновение французских и германских влияний отразится невыгодно на быстроте принятия решения бельгийцами и тем еще более замедлит мобилизацию, которая при отсутствии большого опыта по этой части и слабой подготовленности соответствующих учреждений будет, вероятно, протекать с крупными затруднениями и довольно медленно. Надо полагать, что пройдет около трех или четырех дней, покуда армия сосредоточится на линии Льеж—Намюр.

Но если бы даже можно было предполагать, что бельгийское правительство примет с надлежащей быстротой и притом самое неблагоприятное для германцев решение, то и тогда срока в 2—3 дня, ранее которого бельгийская армия будет во всяком случае

неспособна к действию, окажется достаточным для прохода главной массы германских войск.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие главнейшие выводы: 1) проход германских войск через Бельгию и Люксембург в районе Льеж—Намюр—Люксембург в случае войны Германии с Францией весьма вероятен; 2) если бы переход бельгийской и люксембургской границ произошел внезапно, что также очень вероятно, то бельгийская армия не успеет, даже если бы того и пожелала, оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление этому переходу и дальнейшему передвижению германцев к французской границе.

Ротмистр кн. Накашидзе.

№ 367. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 259. 6 мая/23 апреля 1914 г.

Копия в Берлин.

Из источника весьма осведомленного мне сообщают, будто бы гамбургская фирма „Фосс и Блум“ предлагает Турции приобрести строящийся на ее верфях для германского флота крейсер. Три месяца тому назад Порта обращалась к названной фирме с просьбою уступить ей крейсер, но сделка тогда не состоялась.

Гирс.

№ 368. Особый журнал совета министров [1].

7 мая/24 апреля 1914 г.
Секретно.

По поводу разномыслия, возникшего в междуведомственном совещании по вопросу об иностранной торговле в Монголии (письмо министра иностранных дел от [29] 16 апреля 1914 года за № 323) [2].

(По журналу дел, разрешаемых собственной властью совета министров.)

Для выработки инструкции нашему уполномоченному по ведению тройных переговоров с монгольским и китайским прави-

---

[1] Копия.

[2] Заголовок подлинника. В письме Сазонова на имя Горемыкина от 29/16 апреля за № 323 сообщалось, что особое междуведомственное совещание, под председательством Нератова, для обсуждения вопроса о режиме иностранной торговли с Монголией, собравшееся 25 февраля, „не пришло к единогласному решению“. „Так как решение о направлении, которого нам следует придерживаться в вопросе о режиме иностранной торговли Монголии, — пишет Сазонов, — должно

тельствами по вопросу об иностранной торговле в Монголии при министерстве иностранных дел образовано было, под председательством товарища министра иностранных дел гофмейстера Нератова, междуведомственное совещание с участием представителей министерств финансов и торговли и промышленности.

Имея в виду, что ввоз в Монголию через русскую границу пользуется полной свободой как от пошлинного, так и от всех иных видов обложения, иностранные же товары, идущие транзитом через Китай, уплачивают установленную в Китае 7½-процентную ввозную транзитную пошлину, министерство иностранных дел признает опасным усиливать преимущества, которыми ныне пользуется русская торговля. Стремясь однако насколько возможно затруднить ввоз в Монголию иностранных товаров через китайскую границу, помянутое ведомство остановилось на предположении создать в Монголии внутреннее обложение торговли, по примеру действующего в Китае (ликин). Благодаря сему были бы созданы немалые стеснения для проникновения в Монголию не только китайских товаров, представляющих для нашей торговли наиболее серьезную на этом рынке конкуренцию, но и для всех иностранных товаров, переупакованных или переработанных в Китае и потому подлежащих оплате ликинными сборами. Изложенная мера не может почитаться затрагивающей интересы иностранной торговли в Монголии, так как иностранные товары попрежнему облагались бы лишь установленными трактатами пошлинами.

Представители же министерств финансов и торговли и промышленности в совещании, полагая, что по отделении Монголии от Китая Монголия в праве самостоятельно заключать с иностранными государствами торговые договоры, выразили однако опасение, что предлагаемая министерством иностранных дел мера подвергнет сомнению это право и даст повод Китаю претендовать на распространение на Монголию и своих будущих договоров с иностранными державами. Во избежание нежелательных от сего последствий и в видах обеспечения преобладающего положения для нашей торговли, означенные представители признавали необходимым при предстоящих русско-китайско-монгольских переговорах попытаться выговорить для Монголии право ввести по своей гра-

---

лечь в основание инструкций, которыми будет снабжен наш уполномоченный для переговоров о тройном русско-китайско-монгольском договоре, то я считаю долгом препроводить при сем вашему превосходительству журнал сказанного междуведомственного совещания с покорнейшей просьбой внести оный на суждение совета министров в ближайшем его заседании для установления окончательного взгляда правительства по настоящему предмету".

нице с Китаем самостоятельное пошлинное обложение не только для китайских, но и для всех иностранных товаров.

Не считая возможным согласиться с таким предположением, министерство иностранных дел указывает, что всякое стеснение иностранной торговли в Монголии, несомненно, вызовет протесты со стороны заинтересованных держав, продолжающих считать, что их торговля в Монголии, как составной части китайского государства, должна подчиняться основаниям заключенных с Китаем торговых договоров. Ввиду сего державы эти, несомненно, в стремлении уравнять обложение ввозимых ими товаров с русским импортом, могут войти в непосредственные переговоры с монгольским правительством, которые, при слабости государственного сознания у монгол, могут привести к весьма неблагоприятным для нас результатам.

Признавая, с своей стороны, что проектируемый министерством иностранных дел способ обложения китайских товаров в достаточной мере обеспечит интересы русской торговли и в то же время не вызовет протестов со стороны иностранных держав, гофмейстер Сазонов представил возникшее в междуведомственном совещании разномыслие по сему вопросу на разрешение совета министров.

Приступив к обсуждению настоящего дела, совет министров принял во внимание, что, по объяснению товарища министра иностранных [дел], не взирая на провозглашение самостоятельности Монголии, означенная страна продолжает входить в состав Китая и посему заключенные последним с иностранными державами торговые договоры в отношении таможенного обложения иностранных товаров сохраняют свою силу поныне. Установление, на основании русско-китайско-монгольского договора, по монгольско-китайской границе, пошлинного обложения, затрудняющего проникновение иностранных товаров в Монголию, не являлось бы обязательным для остальных иностранных держав. Таким образом, подобная мера, не принося никакой пользы, была бы не только опротестована заинтересованными государствами, но и вызвала бы немалое их недовольство. При таких условиях проектируемую министерством иностранных дел меру следует признать весьма осторожной и в то же время отвечающей интересам дела. Правда, как правильно заявил министр торговли и промышленности, введение намеченного ведомством иностранных дел пошлинного обложения по границе Монголии с Китаем ввозимых через последний товаров не коснется иностранного импорта в Монголию, так как транзитные через Китай товары, по уплате установленной 5% ввозной и 2½% транзитной пошлины, освобождающей от всех внутренних (ликинных)

сборов в Китае, тем самым избегнут обложения предположенным ныне ликинным в пределах Монголии сбором. Однако нельзя упускать из виду, что все те товары, которые были переупакованы или переработаны в Китае и везутся в Монголию китайскими купцами, будут оплачивать сказанное внутреннее обложение, каковое обстоятельство создаст, несомненно, значительное преимущество для русских, товары коих идут в Монголию при торговых билетах и, вследствие сего, свободны от внутреннего обложения. В то же время такое установление новых внутренних застав, составляя акт административного управления, вряд ли может вызвать основательные протесты или же недовольство со стороны заинтересованных государств. Приходя посему к заключению, что возбуждение вопроса при предстоящих тройных русско-китайско-монгольских переговорах об усилении таможенного обложения по монгольской границе для иностранных товаров значительно затруднило бы означенные переговоры и едва ли увенчалось успехом, так как иностранные державы, несомненно, не подчинятся этому решению, совет министров признал более правильным ограничиться в настоящее время установлением внутреннего обложения в пределах Монголии. Вместе с тем, ввиду наблюдаемого в последнее время значительного усиления ввоза в эту страну изделий некоторых государств и в целях дальнейшего охранения интересов русской торговли, совет министров, согласно предложению, сделанному министром торговли и промышленности, высказался за то, чтобы при переговорах с иностранными державами по вопросам, касающимся Монголии, иметь в виду желательность выговорить, что освобождение ввозимых в Китай иностранных товаров от обложения на внутренних заставах (ликин) при уплате 2½% пошлин действует лишь в пределах Китая и не распространяется на таковые же сборы в Монголии, которая должна пользоваться правом взимания оных в свою пользу.

Подлинный журнал подписан: гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

№ 369. Товарищ министра иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 828. 7 мая/24 апреля 1914 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Вену.

Прошу вас передать генералу Потапову: сербское правительство убедительно просит принять во внимание крайнюю необходи-

мость при разграничении присудить Сербии в окрестностях Призрена деревню Бела с дефилэ в силу оборонительных соображений.

Здешний сербский посланник передал также ходатайство о возможном пересмотре границы близ Дибры, находящейся, по его словам, под ружейным огнем албанцев.

Нератов.

№ 370. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 829. 7 мая/24 апреля 1914 г

Сообщается в Париж, Цетинье и Вену.

Ваша телеграмма № 114[1] получена. Ссылаюсь на мою телеграмму № 828[2].

Полагали бы весьма желательными тождественные указания делегатам трех держав по этому вопросу.

Нератов.

№ 371. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 837[3]. 7 мая/24 апреля 1914 г.

Исаак-хан передал мне доверительно, что Восуг-эд-Доуле намерен провести в военные министры своего брата Каввам-эс-Солтане с тем, чтобы подчинить ему также жандармерию. Я ответил, что против назначения Каввам-эс-Солтане с нашей стороны, вероятно, препятствий не будет, но что подчинение жандармерии военному министру нами ни в каком случае одобрено быть не может. Жандармерия должна оставаться частью полицейскою, а не военною, а потому подчиняться министерству внутренних дел. У нас именно упрекают подчиненную шведам жандармерию в том, что она выходит из своей прямой роли и хочет стать войском, чего не должно быть. Исаак-хан обещал в этом смысле телеграфировать.

Клемм.

---

[1] См. выше № 355.
[2] См. выше № 369.
[3] Лит. копия.

№ 372. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 839 [1]. 7 мая/24 апреля 1914 г.

Личная.

Персидское правительство каким-то путем, повидимому, через английскую миссию, осведомилось о том, что между министерством и вами шла телеграфная переписка по поводу Саад-эд-Доуле. Восуг-эд-Доуле сегодня телеграфировал Исаак-хану, что возбуждение вопроса о кандидатуре Саад-эд-Доуле приписывается ему и что регент и другие лица крайне им недовольны.

Исаак-хан отвечает, что он этого вопроса не поднимал, а из слов гофмейстера Сазонова ему известно, что, обсуждая возможный состав будущего кабинета, вы в числе других кандидатов на должность председателя совета министров упомянули также имя Саад-эд-Доуле. Исаак-хан очень просит, чтобы вы способом, каким признаете наиболее подходящим, выгородили его из этой крайне неприятной и опасной для него истории.

Со своей стороны считаем необходимым, чтобы положение Исаак-хана не было поколеблено.

Нератов.

№ 373. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 119. 7 мая/24 апреля 1914 г.

Reçu le No. 9 de Livadia [2].

Grey ne pourra se prononcer à ce sujet qu'après avoir reçu rapport télégraphique de Bax-Ironside qu'il charge de s'expliquer avec ses collègues de Russie et de France. Nicolson personnellement ne croit pas que la Bulgarie soit en ce moment en situation pour renoncer à l'offre d'emprunt — même onéreux — si possibilité réaliser emprunt à meilleures conditions ne lui est pas donnée sans retard par une autre Puissance, c'est à dire par la France.

Benckendorff.

Перевод.

Получен № 9 из Ливадии.

Грей сможет высказаться по этому вопросу только после получения телеграфного сообщения от Бакс-Айронсайда, которому он поручает переговорить с его русским и французским коллегами. Лично Никольсон не думает, что Болгария в настоящее время находится в таком положении, чтобы отказаться

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 361.

даже от невыгодного займа, если ей не будет предоставлена другой державой, т. е. Францией, возможность реализовать без промедления заем на лучших условиях. **Бенкендорф.**

№ 374. Советник посольства в Париже вице-директору I департамента Трубецкому.

Письмо. Париж, 7 мая/24 апреля 1914 г.

М. г. князь Григорий Николаевич,

По приказанию императорского посла и ссылаясь на секретную телеграмму его от [4 мая] 21 апреля с. г. за № 109 [1], имею честь препроводить при сем вашему сиятельству совершенно конфиденциально сообщенные Парижско-Нидерландским банком Н. Л. Рафаловичу копии: 1) с донесения представителя банка в Софии по делу о переговорах относительно предполагавшегося к выпуску в Берлине болгарского займа и 2) с письма болгарского министра финансов на имя Парижско-Нидерландского банка относительно обязательства болгарского правительства выплатить из выручки первого болгарского займа, который удастся заключить, помещенные во Франции боны на сумму 75 миллионов франков [2].

Передавая эти документы императорскому посольству, Н. Л. Рафалович просил иметь в виду, что о сообщении их, в особенности первого из них, банк убедительно просит не доводить до сведения французского правительства.

Примите и пр. **М. Севастопуло.**

P. S. По поводу этого дела г. де Маржери только что подтвердил мне, что в Берлине, повидимому, окончательно отказались от выпуска болгарского займа, преимущественно ввиду необходимости, в коей оказалась бы Болгария, обратить крупную часть выручки на выкуп бонов, помещенных во Франции, которая не преминула заявить в Софии, что она будет настаивать на своих правах в этом отношении.

Ut in litteris. **М. Севастопуло.**

Приложение. [3]

Sophia, [5 mai] 22 avril 1914.

«La Kambana», qui passe pour être inspirée par le ministère des finances, annonçait ce matin la conclusion d'un emprunt à Berlin avec

---

[1] См. выше № 346.

[2] Копия упоминаемого письма хранится в деле.

[3] В левом верхнем углу документа имеется надпись: „Просят не говорить французам об этом документе“.

le concours de banques anglaises, de 250 millions 4,50%, à 85, sans garantie spéciale.

En réalité les negociations avec le groupe de la Disconto ne sont pas aussi avancées, mais elles se poursuivent activement et la chose pourrait être considérée comme faite, si le gouvernement bulgare n'était arrêté par la crainte de ne pouvoir faire accepter par le Sobranié les exigences allemandes. Son hésitation à ratifier le contrat serait compréhensible, car il ne s'agit de rien moins que de la main-mise politique et économique de l'Allemagne sur la Bulgarie. Lorsque Mr. Schlippe est venu ici il était accompagnè par Mr. Michahelles, propre frére du ministre d'Allemagne à Sofia et représentant de la maison Warburg de Hambourg, qui est à la tête du syndicat. Dès le premier entretien, ce dernier a placé nettement la question sur son véritable terrain. „Entendons nous bien, a-t-il dit, si nous vous consentons un emprunt, ce n'est pas un placement que nous voulons faire. Nous pouvons, sans sortir de chez nous, trouver pour notre argent un emploi au moins aussi avantageux. Si nous consentons à vous rendre ce très grand service, ce sera uniquement en échange de concessions économiques et industrielles".

Leur point de vue n'a pas varié en dehors de la construction du port et du chemin de fer de Porto-Lagos, ils exigent la concession d'autres lignes et une très grosse commande militaire (on a parlé d'un nouveau matériel d'artillerie de campagne).

Le gouvernement irait peut-être jusque là, car ses jours sont comptés s'il ne conclut pas l'emprunt, mais les Allemands veulent plus encore, ils n'acceptent pas de courir les risques d'une adjudication même avec un droit de préférence, et réclament un engagement ferme. Mais pour cela il faut changer la loi et c'est ce qui arrête Radoslavoff et Tontcheff. Comment demander au Sobranié, oú ils ont une si faible majorité, de suspendre en faveur d'étrangers le jeu régulier des institutions? Ce serait faire la partie trop belle à l'opposition.

Dans l'espoir d'obtenir des conditions moins dures, le ministre des finances a offert au syndicat de lui donner en garantie l'excédent du produit des banderoles et du timbre. Dès que je l'ai su, j'ai fait une démarche auprès de Mr. Stoyanoff, pour attirer son attention sur les graves inconvénients que pouvait entraîner la mesure projetée et pour faire, en ce qui me concernait, les plus expresses réserves. Mr. St. m'a déclaré qu'il était absolument défavorable à cette idée, dont il avait immédiatement signalé les dangers à Mr. Tontcheff. Le ministre a passé outre, en faisant valoir que les Allemands n'imposeraient peut-être pas la présence d'un délégué allemand et se contenteraient du versement

par le délégué français des excédents à la Banque de Crédit (la banque allemande de Sofia). Mr. St. a ajouté qu'il y avait peu de chancces de voir cette proposition de garantie acceptée par Berlin.

Il faut reconnaître que la tâche du ministre des finances n'est pas commode. Il n'a rien à attendre de Paris. D'autre part la situation financière s'aggrave rapidement: la vie économique du pays est suspendue; les banques regorgent d'argent qu'elles n'osent employer (près de 30 millions pour les seules Banques Générale et Balkanique). Les commerçants n'osent pas passer d'ordres importants aussi longtemps que la question du change ne sera pas définitivement règlée ce qui ne se produira quele jour ou la Banque Nationale disposera de l'or nécessaire pour rétablir ses crédits à l'étranger. Or, en l'absence d'exportation, c'est au gouvernement seul, qui lui doit 140 millions, qu'elle peut s'adresser. Enfin l'ajournement indéfini du règlement des bons de réquisition aussi bien que des bons remis à des particuliers à l'étranger provoque des plaintes et des réclamations incessantes. Ainsi tout dépend de la conclusion de l'emprunt et c'est pourquoi après les quinze jours qui viennent de s'écouler, ma conclusion reste la même si les négociations avec le groupe allemand n'aboutissènt pas, le ministère devra se retirer. Déjà on constate au palais un certain revirement, que facilite la faveur dont jouit le nouveau ministre de Russie Mr. Savinsky

L'impuissance de Vienne, les exigences de Berlin, dont le roi n'ignore pas les sentiments à son égard, tout cela a contribué à ébranlé sa confiance en Radoslavoff. L'échec de l'emprunt le déciderait probablement à lui chercher un successeur.

Перевод.

„La Kambana", которая считается инспирированной министерством финансов, сообщила сегодня утром о заключении займа в Берлине при содействии английских банков на 250 млн. из 4,5% по 85 без специального обеспечения.

На самом деле переговоры с группой Disconto не зашли еще так далеко, но они ведутся активно, и дело могло бы считаться завершенным, если бы болгарское правительство не испытывало опасения, что ему не удастся заставить собрание принять германские требования. Его колебания по поводу ратификации договора должны быть понятны, так как речь идет не более, не менее как о политическом и экономическом господстве Германии над Болгарией. Когда г. Шлиппе прибыл сюда, его сопровождал г. Михаеллес (Michahelles), родной брат германского посланника в Софии, и представитель фирмы Варбург в Гамбурге, стоящей во главе синдиката. Во время первых же переговоров этот последний поставил вопрос на надлежащую почву. „Прежде всего договоримся о том,—заявил он,—что если мы соглашаемся дать вам заем, то это не потому, что мы ищем помещения для капитала. Мы можем в пределах своей страны найти для наших денег во всяком случае не менее выгодное употребление.

Если мы соглашаемся оказать вам эту чрезвычайно большую услугу, то только в обмен на экономические и промышленные концессии".

Их точка зрения не изменилась: помимо сооружения порта и железной дороги Порто Лагоса, они требуют концессии на другие линии и очень значительный военный заказ (говорят о новом оборудовании полевой артиллерии).

Правительство, быть может, пойдет на это, так как дни его сочтены, если оно не заключит займа, но немцы хотят еще больше: они не соглашаются подвергать себя риску получения подряда с торгов даже при предоставлении им преимущественных прав, но требуют твердого обязательства. Однако это требует изменения закона, что останавливает Радославова и Тончева. Как приказать собранию, где они имеют такое незначительное большинство, отменить в интересах иностранцев обычное действие законодательных установлений? Это значило бы сыграть на руку оппозиции.

В надежде добиться менее жестких условий, министр финансов предложил передать синдикату в виде гарантии излишек доходов с бандеролей и гербовых марок. Как только я узнал об этом, я обратился к г. Стоянову, чтобы привлечь его внимание к тем серьезным неудобствам, которые может повлечь за собой проектируемое мероприятие, и указать, поскольку это касалось меня, на мои вполне ясные возражения. Г. Ст[оянов] мне заявил, что он—безусловный противник этой идеи, на опасности которой он немедленно указал г. Тончеву. Министр обошел этот вопрос, указав, что немцы, быть может, не будут настаивать на присутствии германского представителя и удовлетворялся тем, что французский представитель будет вносить излишки дохода в Кредитный банк (германский банк в Софии). Г. Ст[оянов] добавил, что имеется мало шансов на то, чтобы это предложение гарантии было принято Берлином.

Надо признаться, что задача министра финансов не легка. Ему нечего ждать от Парижа. С другой стороны финансовое положение быстро ухудшается: экономическая жизнь страны замерла, банки изобилуют деньгами, которые они не решаются применить (около 30 млн. имеют только банки Générale и Balkanique). Коммерсанты не решаются давать значительных заказов до тех пор, пока валютный вопрос не будет окончательно урегулирован, что произойдет не ранее того дня, когда Национальный банк будет располагать золотом, необходимым для восстановления его кредита за границей. Однако при отсутствии экспорта он может обратиться только к правительству, которое ему должно 140 млн. Наконец, отсрочка на неопределенное время урегулирования вопроса о реквизиционных бонах, а также о бонах, находящихся у частных лиц за границей, вызывает непрекращающиеся жалобы и протесты. Таким образом все зависит от заключения займа, и вот почему теперь, по истечении 15 дней, мое заключение остается тем же: если переговоры с германской группой не увенчаются успехом, министерство вынуждено будет подать в отставку. Уже констатируют известный поворот во дворце, способствующий благорасположению, которым пользуется новый русский посланник г. Савинский.

Беспомощность Вены, требования Берлина, отношение которого к королю не остается ему неизвестным, все это способствовало подрыву его доверия к Радославову. Неудача с займом, по всей вероятности, заставит короля решиться подыскать ему преемника.

№ 375. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. **Париж, 7 мая/24 апреля 1914 г.**

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [27] 14 с. апреля за № 34[1], я не преминул чрез посредство нашего здешнего морского агента проверить сообщенные нашим посланником в Лиссабоне сведения о строившихся за последнее время во Франции судах для турецкого военного флота.

Ныне считаю долгом препроводить у сего составленную капитаном II ранга Дмитриевым справку по настоящему вопросу, присовокупляя, что, по заявлению нашего морского агента, заключающиеся в оной сведения проверены и представляются вполне достоверными.

Примите и пр. Извольский.

Приложение.

Военно-морской агент во Франции.

5 мая/22 апреля 1914 г. № 321.

В половине апреля нового стиля турецкий транспорт „Решид-Паша" привез в С.-Назер (St. Nazaire) команду на четыре канонерские лодки „Превеза", „Хио", „Бурак-Рейс" и „Айдин-Рейс", строившиеся для турецкого правительства на заводе „Chantier Atlantique". Сдав команду, транспорт перешел в Гавр, где передал команду на три канонерские лодки „Изис-Рейс", „Дурак-Рейс" „Гиссар-Рейс" и[2] строившиеся на заводе „Forges et Chantier de la Mediterrannée". Закончив свою миссию, транспорт, после захода в Шербург, перешел 30 апреля в Саусгемптон, куда, пополнив запасы, перешли и канонерские лодки, для совместного следования оттуда в Турцию. Главнейшие данные строившихся в С.-Назере лодок нижеследующие: водоизмещение—510 тонн; скорость хода—14 узлов; запас угля—110 тонн; артиллерия—два 100 *мм.* орудия, два 47 *мм.* и два пулемета; число человек экипажа—62. Главнейшие данные лодок, строившихся в Гавре: водоизмещение—420 тонн; скорость хода—14,5 узла; запас угля—85 тонн; артиллерия—три 75 *мм.* орудия, два 47 *мм.* и два пулемета; число человек экипажа—64. Все семь лодок предназначаются для службы в Персидском заливе.

Капитан II ранга Дмитриев.

---

[1] См. выше № 305.

[2] Так в подлиннике.

По имеющимся во французском морском министерстве сведениям, кроме вышеупомянутых судов, других заказанных турецким правительством судов во Франции не строится.

Капитан II ранга Дмитриев.

№ 376. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 28. 7 мая/24 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По дороге из Парижа в Константинополь армянский деятель доктор Завриев заехал в Берлин и зашел вчера ко мне. Цель его приезда сюда была ближе ознакомиться с деятельностью основанного здесь немецко-армянского общества и главным образом повидать помощника статс-секретаря г. Циммермана, которому обещал его представить известный знаток армянского вопроса—доктор Лепсиус.

Доктор Завриев сообщил мне между прочим о своих впечатлениях, вынесенных им из последнего пребывания в Париже и встречи с вновь назначенными инспекторами в Армении голландцем Вестененком и норвежцем Гоффом. По его словам, при ближайшем знакомстве с ними он несколько изменил о них свое мнение, высказанное в секретной телеграмме посла нашего в Париже от 29/16 апреля за № 107[1]. Из первых бесед, которые он имел с будущими инспекторами, он почти убедился, что они смотрят на себя как на турецких чиновников; теперь же после продолжительных с ними разговоров он приходит к тому заключению, что они начинают понимать ту роль, которую они призваны играть, и окажутся на высоте своей задачи, в особенности если будут продолжать воздействовать на них в желательном смысле, главным же образом если они получат соответственные инструкции.

Доктор Завриев придает большое значение вырабатываемым ныне Портою инструкциям и имеет основание опасаться, что турецкое правительство по всегдашней своей системе сделает все, чтобы путем ловко составленных инструкций инспекторам свести к нулю и без того доведенный до минимума проект реформ. Порте не удастся это сделать только в том случае, если державы выкажут в этом вопросе полное единодушие. Главная цель поездки Завриева в Берлин и заключается в том, чтобы убедить германское правительство в необходимости не отделяться в этом вопросе от России.

---

[1] См. выше № 319.

Доктор Завриев был принят сегодня Циммерманом вместе с доктором Лепсиусом и после этого, за час до отъезда своего в Константинополь зашел в посольство. Не застав меня дома, он вкратце изложил Боткину свой разговор с Циммерманом. Прежде всего он старался доказать помощнику статс-секретаря, что армяне в своих стремлениях не преследуют ни отделения от Оттоманской империи, ни расчленения последней, а добиваются лишь сносного и безопасного существования. Далека также от армян мысль воспользоваться какими-нибудь разногласиями между державами—наоборот, всякая рознь между последними всегда тяжело отзывалась на участи армян.

Завриев старался также внушить помощнику статс-секретаря, что армяне действуют не под влиянием какой-либо державы, подразумевая Россию, а руководствуются в своей деятельности исключительно интересами армянского народа, который к тому же является верным слугой того государства, в подданстве коего он состоит.

Все эти мысли подробно были развиты доктором Завриевым, и в подтверждение их им было указано на целый ряд фактов из событий последних лет.

Чтобы дать возможность армянам добиваться своих скромных идеалов мирным путем, державы должны единодушно поддерживать их, а не работать в руку Турции.

Г. Циммерман очень внимательно выслушал д-ра Завриева и заверил его, что берлинский кабинет вполне сознает важность проведения реформ, которые были выработаны совместно с Россией, обещая ему не отделяться в этом вопросе от последней. Таким образом армяне могут быть уверены, что Порта не встретит поддержки Германии в своем стремлении уклониться от принятых на себя обязательств.

Общее впечатление, вынесенное д-ром Завриевым из беседы с г. Циммерманом, вполне благоприятное, и он покинул Берлин в убеждении, что в этом вопросе германское правительство всецело поддержит нас в Константинополе, если только мы с достаточной энергией здесь это потребуем.

Не могу не высказать опасения, что впечатления Завриева слишком оптимистичны и что слова г. Циммермана, как с ним это бывает часто, не совпадут с действиями его же самого и герм. правительства.

Началом деятельности здешнего немецко-армянского общества, о возникновении коего я писал в депеше моей от [13 февраля]

31 января за № 6[1], доктор Завриев вполне доволен и уверяет меня, что даже присутствие в нем таких лиц, как д-р Рорбах, не может придать его деятельности враждебного России оттенка.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 377. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 7 мая/24 апреля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Во вторник статс-секретарь принужден был отменить обычный еженедельный свой прием, но, встретившись со мною в тот же вечер на обеде, он сказал мне, что строгое наказание, к коему приговорены были Берлинер и его спутники, произвело здесь крайне тяжелое впечатление.

Как вы заметили,—продолжал статс-секретарь,—немецкие газеты за последнее время перестали уже заступаться за неосторожных авиаторов, убедившись, что, перелетев, несмотря на запрет, через русскую границу, они должны будут, очевидно, понести ответственность за необдуманный свой поступок; но, прибавил он, общественное мнение имело однако же основание надеяться, что, за отсутствием не только каких-либо указаний на шпионаж, но даже и малейшей возможности подобного шпионажа, судебные власти выкажут более снисходительности к немецким авиаторам, особенно ввиду 2-месячного предварительного их ареста.

На мое замечание, что я лично не мог усмотреть в прессе того неблагоприятного впечатления, о котором говорит Ягов, и что газеты на мой взгляд отнеслись объективно к состоявшемуся в Перми приговору, собеседник мой возразил, что это объясняется, будто бы, исключительно умеряющим его, Ягова, воздействием на германскую печать, которая готова была разразиться сильнейшим против нас негодованием.

В ответе своем статс-секретарю я обратил его внимание на то обстоятельство, что, если примененная по отношению к Берлинеру и К° мера наказания и может показаться с первого взгляда несколько строгою, то впечатление это, без сомнения, должно будет измениться по ближайшем ознакомлении со всеми обстоятельствами дела, так как Берлинер и его спутники, повидимому, сильно себя скомпрометировали, а к тому же, сказал я, наши судебные власти должны были, очевидно, сообразоваться с действующими у нас

[1] См. т. I, № 251.

законами. При этом я напомнил своему собеседнику неоднократные его заявления о том, что его нисколько бы не удивило, если бы немецкие авиаторы, провинившиеся—притом Берлинер уже вторично—в запретном перелете русской границы, подвергнуты были возмездию за рискованный свой поступок.

Не отрицая этого, а также и того, что, как он выразился, немецкие авиаторы „n'on fait que des bêtises", статс-секретарь прибавил, что он тем не менее твердо рассчитывал на снисходительность нашего суда, который, приняв в соображение отсутствие шпионажа и 2-месячный предварительный арест Берлинера и его спутников, должен был бы, казалось, ограничиться определением сравнительно легкого наказания за „чисто спортивный их полет", тем более что и германское правительство проявило полную свою сговорчивость в деле Полякова.

В заключение Ягов возобновил свои жалобы на нашу печать, не упускающую, будто бы, ни одного случая, чтобы отметить враждебное свое настроение к Германии. Как на образец ее некорректности статс-секретарь указал между прочим на то обстоятельство, что в ответ на заявления, сделанные им, Яговым, в бюджетной комиссии, русские газеты чуть ли не в один голос охарактеризовали эти заявления „повинною, принесенною Германиею".

Неудивительно поэтому,—продолжал статс-секретарь,—что и германское общественное мнение, в свою очередь, сильно возбуждено против России и что здешнее правительство лишено возможности не только положить предел, но и мало-мальски сдерживать законное это возбуждение.

С своей стороны я не мог не выразить статс-секретарю глубокого моего сожаления по поводу часто весьма бестактных выходок нашей печати против Германии, указав ему однако же на то, что и мы не имеем основания быть довольны немецкою прессою, которая чуть не ежедневно позволяет себе помещать на своих столбцах самые оскорбительные и враждебные против нас выходки, „а вы,—прибавил я,—все же имеете возможность держать ее в руках, тогда как мы лишены этой возможности".

На это мне отвечено было, что, не допуская нападок на деятельность министерства внутренних дел, императорское правительство поневоле принуждено смотреть сквозь пальцы на враждебность, проявляемую печатью в области внешней политики и в особенности по отношению к Германии.

Беседу эту я счел долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, и это тем более, что возбуждение против Рос-

сии, по доходящим до меня со всех сторон сведениям, повидимому, не только не уменьшается, но скорее даже с каждым днем все более и более усиливается.

На возвратном пути из Корфу император Вильгельм с императрицей навестили бывшего германского посла барона Мумма ф. Шварценберга на вилле его в Portofivo. Посещение это входило в программу путешествия его величества и многими здесь комментируется в смысле возможности возвращения г. Мумма к активной деятельности. Как вам угодно будет припомнить, Мумм ф. Шварценберг был посланником в Китае и затем послом в Токио. Теперь же его называют кандидатом на пост статс-секретаря и объясняют это интересом, проявленным ныне Германией к дальневосточной политике.

Примите и пр.

Свербеев.

№ 378. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 351. 7 мая/24 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Уход Апшеронского полка и слух о предстоящих выборах волнует население и порождает слухи об окончательном выводе наших войск, замене их персидской жандармерией, уходе в отставку Шоджа-эд-Доуле и замене его генерал-губернатором из Тегерана. Неспокойные элементы населения ободрены этими слухами, и следует опасаться открытых выступлений, особенно со стороны лиц, пользующихся иностранным покровительством или находящихся на службе у бельгийцев. Особенно следует опасаться впечатления, которое слухи эти произведут на дикое население Карадага и Соуджбулагского района, губернаторы коих не располагают никакими средствами усмирения волнения.

Чтобы опровергнуть эти слухи, считаю необходимым произвести несколько военных демонстраций в виде прогулок отряда по городу и учебной стрельбы новыми гаубицами, снаряды которых при попадании образуют ямы в сажень глубиной, и разрешить Шоджа-эд-Доуле применить к распространяющим вздорные слухи меры строгости, не выходящие, конечно, за пределы уважения к человеческому достоинству виновных.

Копии в Тифлис, Хой, Урмию, Соуджбулаг и Ардебиль.

Орлов.

№ 379. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 33 [1]. 7 мая/24 апреля 1914 г

Вчера я посетил графа Окума, чтобы принести ему поздравления по случаю назначения премьер-министром.

Граф принял меня в своей официальной резиденции, где я столько раз имел свидания с его предшественниками—Кацурой, Сайондзи и Ямо-Мото. Так как Окума не знает ни одного европейского языка, то беседа наша шла при посредстве переводчика, одного из секретарей здешнего министерства иностранных дел. После обычного обмена приветствий я в кратких чертах повторил собеседнику моему то, что именно было заявлено, согласно телеграфной инструкции от [9 октября] 26 сентября № 3053, графу Ямо-Мото в минувшем ноябре о неизменном намерении императорского правительства твердо следовать на Дальнем Востоке политике доброго согласия с Японией и солидарности наших взаимных интересов в Китае, поскольку они определяются политическими конвенциями 1907, 1910 и 1912 годов.

Граф Окума ответил мне, с обычным своим злоречием, нижеследующее.

Он считает себя другом России и [2] с тех пор, как 36 лет тому назад по его мысли в Россию были посланы два японца для изучения страны и языка [2]. Тогда императором Александром II ему был пожалован высокий орден Белого Орла. С того времени, изучая с интересом историю России, он, Окума, всегда находил, что Япония должна следовать примеру России, призванной Петром Великим на путь западной культуры. Как Петр избавил Россию от феодального режима, так и в начале прошлого царствования Мейдзи Япония освободилась от уз феодализма. И ныне Япония идет по тому же пути социального, экономического и политического усовершенствования, каким шла и идет Россия. Он вообще находит много общего в истории обоих государств, и несомненно сходство их национальных особенностей. Эта общность дает основание рассчитывать, что обе соседние страны—самые значительные и могущественные на Востоке—поймут друг друга и укрепят взаимные связи для блага всего цивилизованного мира.

В Европе,—продолжал гр. Окума,—политическое равновесие поддерживается двумя группами держав—Тройственным союзом и Тройственным соглашением. Япония слишком далеко отстоит от

---

[1] Лит. копия.

[2] Так в подлиннике.

Европы, чтобы вмешиваться активно в европейские дела. Но она граничит и дружит с Россией, она состоит в союзе с Англией и соглашении с Францией. Ныне Китай сделался центром мировой политики, и обе вышеназванные группы европейских держав начинают все более и более интересоваться Китаем. Окума находит, что, поскольку сказанная группировка европейских государств имеет отношение к китайским делам, Япония должна войти в Тройственное соглашение, чтобы таковое сделалось для Дальнего Востока не тройным, а четверным. К этой цели будет стремиться политика его кабинета, и он, с своей стороны, прилагает все старания к успешному ее проведению.

В заключение Окума высказал пожелание видеться со мной каждый раз, когда я, помимо моих официальных сношений с министром иностранных дел, найду нужным дружески и откровенно обменяться с ним мнениями.

Я поспешил поблагодарить моего собеседника за любезный прием и заверил его, что не замедлю довести до сведения императорского правительства дружеские его заявления по отношению России, где он пользуется широкой популярностью.

Из слов нового японского премьера (записанных мною немедленно по возвращении от него) ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что к обычным со стороны руководителей японской политики заверениям дружбы по отношению к нам в сказанном мне гр. Окумой впервые выступает новые элемент. Князь Кацура неоднократно повторял мне, что китайские вопросы должны быть решены исключительно при участии двух наиболее заинтересованных в китайских делах государств, именно России и Японии. У покойного премьера сложилась даже стереотипная фраза для выражения этой мысли. На своем своеобразном немецком языке он говорил: „Wenn wir—Japan und Russland—zusammen stehen in China, keiner kommt zu uns".

Гр. Окума к русско-японской группе желает привлечь остальных двух членов европейского Тройственного соглашения—Англию и Францию. Говоря это, гр. Окума как будто хотел подчеркнуть, что при нынешних обстоятельствах участие названных двух держав необходимо для осуществления политических задач, положенных в основание наших соглашений с Японией по китайским делам.

Гр. Окума, несмотря на свои 76 лет, легко увлекается и охотно импровизирует. Поэтому я затрудняюсь решить, упомянул ли он о четверном соглашении для „красного словца" или такова действительно политическая программа нового кабинета. Но ссылка его

на желательность общности действий в Китае государств Тройственного согласия и Японии тем более знаменательна, что как раз в настоящее время отношения между Японией и Великобританией несомненно затронуты их взаимным соперничеством в долине Янцзы.

Примите и пр.

[Малевский-Малевич.]

№ 380. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

8 мая/25 апреля 1914 г.

Confidentiel.

En complément à son aide-mémoire en date du 10 avril/28 mars [1] a. c. le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur de porter ce qui suit à la connaissance de l'ambassade d'Angleterre.

Le ministère de la marine impériale accordera aux ingénieurs de l'amirauté anglaise toutes les facilités en vue de la visite de l'aéroplane „Ilia Mourometz" système Sikorsky aussitôt après sa livraison c'est à dire pas avant le mois de juin style russe. Cette visite ne saurait avoir lieu avant ce terme, le système de l'appareil de Mr. Sikorsky étant un privilège déclaré des usines Russo-Baltiques. D'autre part si le gouvernement britannique était désireux de faire construire un appareil de ce type aux usines Russo-Baltiques, le ministère impérial de la marine ne manquera pas de lui prêter son plein concours en vue de faciliter cette commande.

Перевод.

В дополнение к своей памятной записке от 10 апреля/28 марта с. г., императорское министерство иностранных дел имеет честь довести до сведения английского посольства нижеследующее:

Императорское морское министерство окажет инженерам английского адмиралтейства все возможное содействие в отношении посещения аэроплана „Илья Муромец" системы Сикорского немедленно же после его сдачи, т. е. не ранее июня месяца по русскому стилю. Посещение не сможет иметь места до этого срока, ввиду того, что система аппарата г. Сикорского представляет привилегию Русско-балтийских заводов, за ними закрепленную. С другой стороны, если британское правительство пожелает построить аппарат этого типа на Русско-балтийских заводах, то императорское министерство не преминет оказать ему полное содействие для облегчения этого заказа.

---

[1] См. выше № 196.

№ 381. Английский посол в Петербурге Бьюкенен министру иностранных дел.

Письмо [1]. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Monsieur le ministre,

En me référant à la conversation que j'ai eu l'honneur d'avoir avec votre excellence le 31/18 janvier dernier au sujet du Tibet je suis maintenant chargé de vous informer que les négociations à trois qui on été menées à Delhi sont venues au point où le gouvernement de sa majesté croit nécessaire de mettre le gouvernement russe au courant de ce qui s'est passé et de lui communiquer les documents ci-dessous indiqués:

(1) Copie du projet de Convention qui a été parafé par les plénipotentiaires des trois gouvernements.

(2) Les cartes explicatives[2].

(3) Copie d'un projet de règlements pour le commerce, parafé par les plénipotentiaires de la Grande Bretagne et du Tibet[3].

(4) Copie des notes échangées par les deux plénipotentiaires au sujet de la frontière indo-tibétaine[4].

En les transmettant à votre excellence j'ai l'honneur d'expliquer que si le gouvernement de sa majesté s'est abstenu jusqu'à présent de faire connaître au gouvernement russe les phases antérieures des négociations c'est parce que l'attitude des plénipotentiaires chinois et tibétain a rendu une telle démarche inutile avant qu'il ne fut possible de constater quel arrangement ils seraient tous deux prêts à accepter. Quant à la convention même, le gouvernement de sa majesté n'a point cessé dès l'ouverture des négociations de viser un accord qui, tout en portant la moindre atteinte possible aux accords existants actuellement et surtout à la Convention anglo-russe de 1907, et tout en offrant en même temps un compromis raisonnable entre les prétentions extravagantes des gouvernements chinois et tibétain, fournirait quand même de réelles garanties de durabilité.

Les seuls points qui touchent directement aux engagements pris

---

[1] Копия м-ва ин. дел.

[2] К подлиннику приложены: Map showing India-Tibet frontier, as mutually agreed upon by the British and Tibetan Plenipotentiaries, на двух листах (No 1 Western Section, No 2 Eastern Section) и Map showing boundaries of Tibet, на 1 листе.

[3] Хранится, как и карты, в Арх. Вн. Пол. в деле К. ст. 1481.

[4] К подлиннику приложена нота Мак-Магона от 24/11 марта на имя тибетского уполномоченного Lönchen Shatra и ответная нота последнего на имя Мак-Магона от 25/12 марта.

par le gouvernement de sa majesté en 1907 vis-à-vis de la Russie sont les deux suivants:

(1) La décision relative aux concessions industrielles et financières (article 6).

(2) L'autorisation accordée à l'agent commercial anglais à faire de temps en temps des visites à Lhassa (article 8).

Quant au premier votre excellence n'ignore pas que la question de concessions financières et industrielles est actuellement réglée par l'article 3 de la Convention anglo-chinoise de 1906 et, pour ce qui concerne la Russie et la Grande Bretagne, par les garanties de désintéressement incorporées dans l'article 4 de la Convention anglo-russe de 1907.

Ces articles accordent à la Chine un monopole de concessions de ce genre-monopole dont elle ne s'est jamais ou du moins très rarement servie.

Cependant il est devenu clair que le gouvernement tibétain n'acceptera pas l'état de stérilisation qu'impose en effet à leur pays le système actuel, et que ce gouvernement a l'intention d'entreprendre lui-même le développement de ses ressources naturelles.

De même, après les évènements des trois dernières années le gouvernement tibétain ne veut pas se voir obligé d'avoir recours uniquement à la Chine pour les moyens nécessaires à la réalisation de tout projet de développement. D'ailleurs il est évident que cette facon d'agir serait peu conforme aux intérêts de son autonomie récemment acquise même si la Chine fût en état de lui fournir des moyens suffisants et d'un caractère propre à ses besoins.

Afin de faire face à cette difficulté l'article 6 de la nouvelle convention annule l'article 3 de la Convention anglo-chinoise, privant ainsi la Chine de son monopole; mais on y a ajouté une clause d'après laquelle le terme „puissance étrangère“ tel qu'il est employé dans l'article 9 (d) de la Convention anglo-tibétaine de 1904, ne s'applique pas à la Chine, ce qui permet aux sujets chinois de jouir de toute concession que pourrait leur accorder le gouvernement tibétain.

Le gouvernement de sa majesté propose en même temps que l'article 4 de la Convention anglo-russe de 1907 soit annulé car, du moment que l'article 3 de la Convention anglo-chinoise est abregé, et que, par conséquent, l'article 9 (d) de la Convention anglo-tibétaine est remis en vigueur, les garanties de désintéressement dans l'article 4 laisseraient la Grande Bretagne et la Russie dans une position désavantageuse vis-à-vis des autres Puissances en ce qui concerne des concessions en Tibet.

Le gouvernement de sa majesté n'ignore pas que, si cette propo-

sition est adoptée et mise en vigueur, il aurait encore en vertu de la Convention anglo-tibétaine de 1904, le droit de mettre son véto à toute concession qui pourrait être accordée aux sujets de toute autre Puissance que la Chine. Or, n'ayant pas l'intention de se servir de son véto pour stériliser le Tibet — ce qui serait d'ailleurs completement inefficace — le gouvernement de sa majesté se plait à croire que le gouvernement impérial ne soulevera aucune objection à l'annulation de l'article 4 de la Convention anglo-russe.

Cette annulation paraît nécessaire au gouvernement de sa majesté pour mettre fin à un état de choses qui pourrait causer de graves difficultés à l'avenir et entraver sérieusement le développement tranquille et normal du gouvernement, de l'industrie et du commerce du Tibet—développement qui à l'avis du gouvernement de sa majesté britannique ainsi que du gouvernement impérial, offre le seul espoir d'une liquidation satisfaisante et définitive de la question tibétaine.

Quant à la permission de visites Lhassa (voir 2) je suis chargé d'expliquer à votre excellence que l'agent commercial britannique à Gyantse ne s'y rendra qu'en cas de nécessité absolue. Cette permission n'est sollicitée que pour des raisons d'ordre pratique car l'expérience prouve que le droit de rapports directs avec les autorités tibétaines au sujet d'affaires commerciales, accordé au gouvernement de sa majesté d'aprés l'article 2 de la Convention anglo-russe, ne devient effectif que si l'agent britannique peut de temps en temps discuter ces questions personnellement avec des dignitaires tibétains plus haut placés que ceux de Gyantse.

Votre excellence se rappellera sans doute que c'était précisement à cause de la difficulté de se mettre en rapport avec le gouvernement tibétain que des évènements sont survenu en 1904 qui ont nécessité l'envoi d'une expédition anglaise à Lhassa.

En ce qui concerne les stipulations de l'article 6 quant à la division du Tibet en deux parties qui seraient soumises à deux systèmes et à deux degrés différents de contrôle par la Chine et le Tibet respectivement, je suis chargé de soumettre à votre excellence les considérations qui les ont motivées. Le gouvernement de sa majesté après un examen sérieux des frontières et territoires revendiqués par les gouvernements chinois et tibétain respectivement, et après avoir comparé ces revendications avec les données qu'il possède à ce sujet, s'est convaincu que le seul espoir de reconcilier les prétentions exagérées et tout opposées des deux gouvernements serait d'adopter le projet compris dans les articles 2 et 9 et dans les troisième et quatrième notes attachées à la Convention. Toutefois le gouvernement de sa majesté

reconnait le bien fondé de la demande avancée par les Tibétains pour une autonomie absolue dans le territoire dit „zone extérieure".

En portant ce qui précède à la connaissance de votre excellence je crois devoir lui rappeler que les évènements de ces dernières années ont amené un changement si radical dans la situation et une modification si profonde dans les relations des diffèrents partis intéressés que certains changements s'imposent dans les arrangements actuellement en vigueur si le but poursuivi par la politique anglo-russe doit se réaliser en assurant au Tibet un avenir pacifique et prospère.

Convaincu que les propositions que j'ai eu l'honneur de soumettre à votre excellence portent la moindre atteinte possible à ces arrangements, compatible avec le règlement durable des questions dont il s'agit, le gouvernement de sa majesté aime à croire que le gouvernement impé, rial abordera ces questions dans le même esprit de conciliation et avec les mêmes sentiments amicaux qui ont caractérisé les relations réciproques des deux gouvernements depuis huit ans.

En dernier lieu je suis chargé d'insister près de votre excellence sur l'importance capitale de ce que l'assentiment du gouvernement impérial soit accordé aussitôt que faire se pourra. Outre l'inconvénient pratique de prolonger indéfiniment le séjour aux Indes des déléguès tibétains et chinois il est fort à désirer que la convention soit signée avec le moindre délai possible. Tout délai pourrait entrainer le renouvellement d'hostilités entre les troupes chinoises et tibétaines, ce qui ne manquera pas d'avoir des suites dont il est impossible de prévoir la portée.

Je profite de cette occasion de renouveler à votre excellence l'assurance de ma très haute considération.

George W. Buchanan.

Приложение.

Copy.

Proposed tripartite Convention.

(Text as initialled by Plenipotentiaries on 27th April 1914.)

His Majesty the King, the Chinese President, and the Dalai-Lama. being sincerely desirous to settle by mutual agreement various questions concerning the interests of their several States and further to regulate the relations of their several Governments, have appointed their Plenipotetiaries, &...

Who have compared, &..., have agreed as follows:

Article 1.

The Convention specified in the Schedule to the present Convention shall, except in so far as they may have been modified by, or may be inconsistent with or repugnant to, any of the provisions of the present Convention, continue to be binding upon the High Contracting Parties.

Article 2.

The Government of Great Britain and China recognising that Tibet is under the suzerainty of China, and recognising also the autonomy of Outer Tibet, engage to respect the territorial integrity of the country, and to abstain from interference in the administration of Outer Tibet (including the selection and installation of the Dalai-Lama), which shall remain in the hands of the Tibetan Government at Lhassa.

The Government of China engages not to convert Tibet into a Chinese Province. The Government of Great Britain engages not to annex Tibet or any portion of it.

Article 3.

Recognising the special interest of Great Britain in virtue of the geographical position of Tibet in the existence of an effective Tibetain Government, and in the maintenance of peace and order in the neighbourhood of the frontiers of India and adjoining States, the Government of China engages, except as provided in Article 4 of this Convention not to send troops into Outer Tibet, nor to station civil or military officers, or establish Chinese colonies in the country. Should any such troops or officials remain in Outer Tibet at the date of the signature of this agreement, they shall be withdrawn within a period not exceeding three months.

The Government of Great Britain engages not to station military or civil officers in Tibet (except the Agents escorts), or to establish colonies in that country.

Article 4.

The foregoing article shall not be held to preclude the continuance of the arrangements by which, in the past a Chinese high official with suitable escort has been maintained at Lhassa, but it is hereby provided that the said escort shall in no circumstances exceed 300 men.

Article 5.

The Governments of] China and Tibet engage that they will not enter into any negotiations or agreements regarding Tibet with one

another, or with any other Power, excepting such negotiations and agreements between Great Britain and Tibet as are provided for by the Convention of 17th Septemper 1904 between Great Britain and Tibet and the Convention of 27th April 1906 between Great Britain and China.

Article 6.

Article III of Anglo-Chinese Convention of 1906 is hereby cancelled, and it is understood that in Article IX (d) of the Anglo-Tibetan Convention of 1904 the term „Foreign Power" does not include China

Not less favourable treatment shall be accorded to British commerce than to the commerce of China or the most favoured nation.

Article 7.

(a) The Trade Regulations of 1893 and 1908 are hereby cancelled.

(b) The Tibetain Government engages to negotiate with the British Government New Trade Regulations for Outer Tibet to give effect to Articles II, IV, and V of the Convention of 1904 without delay; provided always that such Regulations shall in no way modify the present treaty except with the Chinese Government.

Article 8.

The British Agent who resides at Gyantse may visit Lhassa with his escort whenever it is necessary to consult with the Tibetan Government regarding matters arising out of the Convention of 17th September 1904, between Great Britain and Tibet, which it has been found impossible to settle at Gyantse by correspondence or otherwise.

Article 9.

For the purpose of present Convention the borders of Tibet and the boundary between Outer and Inner Tibet shall be as shown in red and blue, respectively on the map attached hereto.

Nothing in the present Convention shall be held to prejudice the existing rights of Tibetan Government in Inner Tibet, which include power to select and appoint the high priests of monasteries, to retain full control in all matters affecting religious institutions.

Article 10.

In case of differences between the Governments of China and Tibet in regard to questions arising out of this Convention, the aforesaid Governments engage to refer them to the British Government for equitable adjustement,

Article 11.

(Ratification Clause).

Schedule.

1. Convention between Great Britain and China relating to Sikkim and Tibet at Calcutta the 17th March 1890.

2. Convention between Great Britain and Tibet, signed at Lhassa the 17th September 1904.

3. Convention between the United Kingdom and China respecting Tibet, signed at Peking the 27th April 1906.

Notes.

The Notes exchanged are to the following effect:

(1) It is understood by the High Contracting Parties that Tibet forms part of Chinese territory.

(2) After the selection and installation of the Dalai-Lama by the Tibetan Government, the latter will notify the installation to the Chinese Government, whose representative at Lhassa will then formally communicate to His Holiness the titles consistent with his dignity, which have been conferred by the Chinese Government.

(3) It is also understood that the selection and appointment of all officers in Outer Tibet will rest with the Tibetan Government.

(4) Outer Tibet shall not be represented in the Chinese Parliament or in any other similar body.

(5) It is understood that the escort attached to the British Trade Agency in Tibet shall not exced 75 per cent of the escort of the Chinese representative at Lhassa.

(6) The Government of China is hereby released from its engagements under Article III of the Convention of 1890 between Great Britain and China to prevent acts of aggression from the Tibetan side of the Tibet-Sikkim frontier.

(7) The Chinese high official referred to in Article IV will be free to enter Tibet as soon as the terms of Article III have been fulfilled to the three signatories of this Convention, who will investigate and report without delay.

Перевод.

Г. министр,

Ссылаясь на разговор, который я имел честь вести с вашим превосходительством 31/18 января с. г. по поводу Тибета, мне поручено теперь осведомить вас, что переговоры втроем в Дели достигли такой стадии, что правительство его величества считает необходимым поставить российское правитель-

ство в известность о происшедшем и сообщить ему перечисленные ниже документы:

1) Копию проекта конференции, парафированной уполномоченными трех правительств.

2) Объяснительные карты.

3) Копию проекта регулирования торговли, парафированного уполномоченными Великобритании и Тибета.

4) Копию нот, которыми обменялись двое уполномоченных по поводу индо-тибетской границы.

Вручая их вашему превосходительству, я имею честь пояснить, что, если правительство его величества воздерживалось до сих пор от сообщения российскому правительству относительно предшествовавших стадий переговоров, то это потому, что позиция уполномоченных Китая и Тибета делала подобный шаг бесполезным впредь до наступления возможности установить, какого рода соглашение они оба будут готовы принять. Что касается самой конвенции, то правительство его величества не переставало с самого начала переговоров искать соглашения, которое, нанося по возможности наименьший ущерб существующим соглашениям, и особенно англо-русской конвенции 1907 г., и в то же время представляя разумный компромисс между нелепыми требованиями китайского и тибетского правительств, представляло бы тем не менее реальные гарантии своей прочности.

Единственными пунктами, которые непосредственно затрагивают обязательства, возложенные на себя правительством его величества в 1907 г. по отношению к России, являются два следующие:

1) решение, касающееся промышленных и финансовых концессий (статья 6);

2) разрешение, предоставленное английскому торговому агенту, посещать время от времени Лхассу (статья 8).

Что касается первого пункта, то вашему превосходительству известно, что вопрос о финансовых и промышленных концессиях в настоящее время регулируется статьей 3 англо-китайской конвенции 1906 г., а что касается России и Великобритании, то он регулируется гарантией их незаинтересованности в этом вопросе, предусмотренной ст. 4 англо-русской конвенции 1907 г.

Эти статьи представляют Китаю монополию на концессии этого рода,—монополию, которой он никогда, или во всяком случае очень редко, пользовался.

Тем не менее стало очевидно, что тибетское правительство не согласится на то состояние оскудения, в которое повергает его страну существующая сейчас система, и что это правительство питает намерение само приступить к эксплоатации своих естественных богатств.

В то же время, после событий трех последних лет, тибетское правительство не желает быть вынужденным прибегать исключительно к Китаю за средствами, необходимыми для осуществления всякого экономического проекта. Кроме того очевидно, что такой способ действия не отвечал бы интересам недавно приобретенной автономии даже в том случае, если бы Китай был в состоянии доставить Тибету достаточные средства, притом такого рода, который отвечает его нуждам.

Чтобы покончить с этим затруднением, статья 6 новой конвенции аннулирует статью 3 англо-китайской конвенции, лишая таким образом Китай его монопольного права; но к этой статье добавлен пункт, согласно которому термин „иностранная держава“ в том смысле, в котором он употреблен в статье 9 (d)

англо-тибетской конвенции 1904 г., не применяется к Китаю, что позволяет китайским подданным воспользоваться любыми концессиями, которые им сможет предоставить тибетское правительство.

Правительство его величества предлагает в то же время аннулировать статью 4 англо-русской конвенции 1907 г., так как с того момента, как отменена статья 3 англо-китайской конвенции и, следовательно, вступает в силу статья 9 (d) англо-тибетской конвенции, гарантия России и Великобритании в их незаинтересованности, предусмотренная статьей 4, поставила эти державы в невыгодное положение в отношении других держав по вопросу о тибетских концессиях.

Правительству его величества известно, что в случае принятия и введения в действие этого предложения за ним, на основании англо-тибетской конвенции 1904 г., останется право наложения запрещения на всякую концессию, предоставляемую подданным любой другой державы, кроме Китая. Однако, не намереваясь пользоваться своим правом наложения запрещения в целях разорения Тибета, что к тому же оказалось бы совершенно безуспешным, правительство его величества хотело бы думать, что императорское правительство не представит никаких других возражений относительно аннулирования статьи 4 англо-русской конвенции.

Правительству его величества это аннулирование представляется необходимым для устранения такого положения вещей, которое в будущем могло бы вызвать большие затруднения и серьезно препятствовать спокойному и нормальному развитию управления, промышленности и торговли Тибета,—что по мнению как правительства его британского величества, так и императорского правительства, представляет единственную надежду удовлетворительной и окончательной ликвидации тибетского вопроса.

Что касается разрешения посещать Лхассу (см. 2), то мне поручено объяснить вашему превосходительству, что британский торговый агент в Джиантсе будет бывать там лишь в случаях безусловной необходимости. Домогательство этого разрешения вызвано лишь причинами практического характера, так как опыт показал, что право непосредственных сношений с тибетскими властями по поводу торговых дел, предоставленное правительству его величества на основании статьи 2 англо-русской конвенции, может оказаться действительным лишь при том условии, что британский агент будет иметь возможность время от времени лично обсуждать эти вопросы с должностными лицами Тибета более высокопоставленными, чем те, которые имеются в Джиантсе.

Ваше превосходительство наверно припомнит, что именно по причине трудности сношений с тибетским правительством имели место события 1904 г., которые вызвали отправку английской экспедиции в Лхассу.

Что касается положений статьи 6 по поводу разделения Тибета на две части, подлежащие подчинению двум различным системам с различной степенью контроля со стороны Китая и Тибета, то мне поручено представить вашему превосходительству соображения, их вызвавшие. Правительство его величества, после тщательного изучения границ и территорий, притязания на которые предъявляют китайское и тибетское правительства, и после сопоставления этих требований с данными, которыми оно располагает по этому вопросу, убедилось, что единственная надежда примирить преувеличенные и противоречащие друг другу притязания обоих правительств заключается в принятии проекта, предусмотренного статьями 2 и 9 и третьей и четвертой нотами, при-

ложенными к конвенции. Во всяком случае правительство его величества признает обоснованность выдвинутого тибетцами требования абсолютной автономии территории, носящей название „внешней зоны“.

Доводя вышеизложенное до сведения вашего превосходительства, я считаю нужным напомнить, что события последних лет привели к такому радикальному изменению положения и к такой глубокой перемене отношений различных заинтересованных сторон, что требуется изменение действующих в настоящее время соглашений, если цель, преследуемая англо-русской политикой, должна быть осуществлена путем обеспечения Тибету мирного и благополучного будущего.

Убежденное в том, что предложения, которые я имел честь представить вашему превосходительству, наносят наименьший возможный ущерб этим соглашениям, в то же время обеспечивают длительное урегулирование вопросов, о которых идет речь, правительство его величества хотело бы думать, что императорское правительство проявит при обсуждении этих вопросов то же намерение достичь соглашения и те же дружеские чувства, которые отличали взаимоотношения обоих правительств в течение последних восьми лет.

В заключение мне поручено указать вашему превосходительству на чрезвычайную важность получения согласия императорского правительства по возможности немедленно. Помимо практических неудобств, вытекающих из неопределенно длительного пребывания в Индии тибетских и китайских представителей, чрезвычайно желательно, чтобы конвенция была подписана по возможности безотлагательно. Всякая отсрочка может повлечь за собой возобновление военных действий между тибетскими и китайскими войсками, что не замедлит вызвать последствия, пределы которых трудно предвидеть.

Примите и пр.

Джордж В. Бьюкенен.

Приложение.

Проект трехсторонней конвенции.

Копия.

(Текст, парафированный уполномоченными 27 апреля 1914 г.)

Его величество король, китайский президент и Далай-Лама, побуждаемые искренним желанием урегулировать взаимным соглашением различные вопросы, затрагивающие интересы их государств, а также урегулировать на будущее время взаимоотношения своих правительств, назначили своих уполномоченных,..... которые, явившись..., согласились на нижеследующем:

Статья 1.

Конвенция, подробное название которой указано в приложении к настоящей конвенции, сохраняет свою обязательную силу для высоких договаривающихся сторон, поскольку она не изменена, находится в соответствии и не противоречит какому-либо положению, предусмотренному настоящей конвенцией.

Статья 2.

Правительства Великобритании и Китая, признавая сюзеренитет Китая над Тибетом и автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную неприкосновенность этой страны и воздерживаться от вмешательства в

управление Внешнего Тибета (включая выборы и возведение в сан Далай-Ламы), которое должно остаться в руках тибетского правительства в Лхассе.

Правительство Китая обязуется не обращать Тибета в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибета или какой-либо части его.

Статья 3.

Признавая особую заинтересованность Великобритании, в связи с географическим расположением Тибета, в существовании сильного тибетского правительства и в сохранении мира и порядка вблизи границ Индии и примыкающих государств, китайское правительство обязуется, за изъятием, предусмотренным ст. 4 настоящей конвенции, не посылать войск во Внешний Тибет, не посылать гражданских или военных должностных лиц и не создавать китайских поселений в этой стране. Если какие-либо военные отряды или должностные лица окажутся во Внешнем Тибете ко дню подписания настоящего соглашения, то они должны быть отозваны в течение срока, не превышающего трех месяцев.

Правительство Великобритании обязуется не посылать в Тибет военных или гражданских должностных лиц (за исключением конвоя агента) и не создавать поселений в этой стране.

Статья 4.

Предшествующая статья не предполагает прекращения действия соглашения, согласно которому до сих пор высокое китайское должностное лицо с соответствующим конвоем проживало в Лхассе, но настоящим предусматривается, что указанный конвой ни при каких обстоятельствах не должен превышать 300 человек.

Статья 5.

Правительства Китая и Тибета обязуются не вступать в сношения или соглашения друг с другом или с другими державами по поводу Тибета, за исключением сношений и соглашений между Великобританией и Тибетом, предусмотренных конвенцией от 17 сентября 1904 г., и между Великобританией и Китаем, предусмотренных конвенцией от 27 апреля 1906 г.

Статья 6.

Статья III англо-китайской конвенции 1906 г. настоящим отменяется и подразумевается, что в статье IX (d) англо-тибетской конвенции 1904 г. выражение „иностранная держава“ не относится к Китаю.

Торговле с Великобританией должно быть обеспечено не меньшее благоприятствование, чем торговле с Китаем или с наиболее благоприятствуемой нацией.

Статья 7.

а) Правила регулирования торговли 1893 г. и 1908 г. настоящим отменяются.

в) Тибетское правительство обязуется разработать совместно с британским правительством новые правила регулирования торговли для Внешнего Тибета, чтобы выполнить без промедления статьи II, IV и V конвенции 1904 г., при

непременном условии, что эти правила ни в чем не изменят настоящий договор, за исключением, предусмотренным в отношении китайского правительства.

Статья 8.

Британский агент, резиденция которого находится в Джиантсе, может посещать Лхассу со своим конвоем, когда представляется необходимость совещаться с тибетским правительством по вопросам, возникающим из конвенции от 17 сентября 1904 г. между Великобританией и Тибетом, которые нельзя будет уладить в Джиантсе посредством переписки или иным путем.

Статья 9.

Для целей настоящей конвенции границы Тибета и пограничная линия между Внешним и Внутренним Тибетом должны быть соответственно изображены красным и голубым на приложенной к настоящей конвенции карте.

Ни одно положение настоящей конвенции не должно быть истолковано в смысле ограничения прав, которые принадлежат тибетскому правительству во Внутреннем Тибете и охватывают право выбора и назначения высоких священнослужителей в монастырях и полный контроль во всех делах, связанных с религиозными установлениями.

Статья 10.

В случае возникновения разногласий между правительствами Китая и Тибета в связи с настоящей конвенцией, упомянутые правительства обязуются обращаться к британскому правительству за справедливым их разрешением.

Статья 11.

(Статья, регулирующая порядок ратификации.)

Приложение

1. Конвенция между Великобританией и Китаем по поводу Сиккима и Тибета, подписанная в Калькутте 17 марта 1890 г.

2. Конвенция между Великобританией и Тибетом, подписанная в Лхассе 17 сентября 1904 г.

3. Конвенция между Соединенным королевством и Китаем по поводу Тибета, подписанная в Пекине 27 апреля 1906 г.

Ноты.

Обмен нотами установил следующие положения:

1) Высокие договаривающиеся стороны условились, что Тибет составляет часть китайской территории.

2) После выборов и возведения в сан Далай-Ламы, производимых тибетским правительством, Далай-Лама доводит о возведении его в сан до сведения китайского правительства, представители которого в Лхассе формально сообщают его святейшеству титулы, соответствующие его сану, пожалованные ему китайским правительством.

3) Установлено также, что выборы и назначение всех чиновников во Внешнем Тибете относятся к компетенции тибетского правительства.

4) Внешний Тибет не должен быть представлен в китайском парламенте или другом подобном учреждении.

5) Установлено, что конвой, состоящий при британском торговом агентстве в Тибете, не должен превышать 75% конвоя китайского представителя в Лхассе.

6) Правительство Китая настоящим освобождается от обязательств, предусмотренных статьей III конвенции 1890 г. между Великобританией и Китаем, о предупреждении агрессивных действий со стороны Тибета на границе Тибет—Сикким.

7) Китайскому высокому должностному лицу, упомянутому в статье IV, предоставляется право въезда в Тибет немедленно по выполнении условий статьи III, засвидетельствованном тремя лицами, уполномоченными подписать настоящую конвенцию, которые обязаны без промедления расследовать этот вопрос и доложить.

№ 382. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 844 [1]. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Ваша телеграмма № 91 [2] получена.

Ввиду неопределенности положения в Албании, желательно, чтобы наш стационер в настоящее время не появлялся в албанских водах.

Нератов.

№ 383. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому-Козелл.

Телеграмма № 847. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Ваша депеша № 23 [3] получена.

Не найдете ли возможным, воспользовавшись удобным случаем и в самой дружеской форме, навести Братиану на обмен мыслей по поводу исключительных мер, применяемых к болгарам во вновь присоединенных областях? По словам болгарского посланника в Петербурге, меры эти строже, чем те, кои применялись к болгарам в старой части румынской Добруджи; в частности требование до-

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 4 мая/21 апр. за № 91 Демидов сообщал о намерении русского стационера отправиться из Афин в Корфу и Венецию и на обратном пути посетить албанские порты.

[3] В депеше от 14/1 апреля за № 23 Поклевский-Козелл подробно сообщал о составленном румын. либеральным кабинетом и одобренном сенатом проекте „закона об организации государственной власти в присоединенной к Румынии части болгарской территории, получившей название „Новой Добруджи“.

кументов, удостоверяющих права на земельную собственность, тем менее оправдывается, по его мнению, что у болгар развито обычное земельное право, при коем нет документов.

Ваше дружеское представление могло бы сопровождаться указанием на стремление России в целях умиротворения по возможности всюду содействовать смягчению политики искусственной национализации на Балканах, на которую сами румыны справедливо жалуются в Австро-Венгрии и в греческих областях[1].

Нератов.

№ 384. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу

⁰/₀ Письмо [2]. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Доверительное.

Из прилагаемого в копии секретного донесения императорского посла в Константинополе[3] видно, как успешно идет, под умелым руководством английского адмирала, работа по созданию сильного турецкого флота. Сведения, которыми располагает наше морское ведомство, в свою очередь подтверждают данные, сообщаемые М. Н. Гирсом.

Между тем ясно, какие роковые последствия может иметь для нас утрата господствующего положения на Черном море, а потому нам, разумеется, нельзя спокойно относиться к дальнейшему, и притом столь быстрому, развитию оттоманских морских сил.

Конечно, и с нашей стороны принимаются меры к усилению Черноморского флота, но, как известно, мы в этом отношении поставлены в неравные с Турцией условия, так как благодаря существующим стеснительным правилам о проливах мы принуждены строить суда на месте, тогда как Турция, приобретая корабли за границей, может беспрепятственно вводить их в Черное море.

Такое обстоятельство, подрывая возможность достаточной обороны нашего южного побережья, может при дальнейшем усилении турецкого флота, выдвинуть, помимо нашей воли, необходимость для нас пересмотра нынешнего положения о проливах.

Но, искренно стремясь избежать всяких поводов к осложнениям на почве восточного вопроса, мы желали бы сохранить подобающее нам положение на Черном море, не прибегая к мерам чрезвычайным.

---

[1] К черновому отпуску приколот телеграфный бланк со следующим текстом: „Одобряю проект телеграммы в Бухарест, прошу ее отправить. Сазонов".

[2] Царск. экз.

[3] См. выше № 308.

Для этого нам было бы весьма важно, чтобы развитие турецкого флота, по крайней мере, не шло более скорыми шагами, нежели возможно для нас, пользуясь исключительно местными средствами, соответственно усиливать наш Черноморский флот для поддержания нынешнего соотношения сил в Черном море.

Быть может, вы найдете удобную минуту, чтобы самым дружеским образом переговорить о вышеизложенном с сэром Э. Греем и сказать ему, что мы были бы весьма признательны, если б он мог оказать влияние на адмирала Лимпуса в желательном для нас смысле.

Обращаясь в данном случае к содействию великобританского правительства, мы имеем в виду, прежде всего, что когда вопрос об английской миссии был затронут прошлою осенью попутно переговоров касательно миссии генерала Лимана фон Сандерса, сэр Э. Грей выказал нам большую предупредительность и даже выражал готовность содействовать полному отстранению англичан от задачи воссоздания турецкого флота. Кроме того, мы полагаем, что если в Англии склонны итти навстречу ясно обнаруживаемому нами желанию к большему сближению между Россией и Великобританией, то последней следовало бы пользоваться случаями с своей стороны на деле показать нам свою готовность считаться с нашими насущными интересами. Наконец, мне кажется, что даже для самой Англии ввидах возможного взаимодействия с нами на севере, было бы полезно, чтобы мы могли усиливаться на Балтийском море, а не были принуждены посвятить все свои средства лишь на укрепление нашей военно-морской силы на Черном море.

О результате ваших доверительных и дружеских объяснений с Греем по сему поводу я буду ожидать от вас уведомления [1].

Примите и пр. Сазонов.

---

[1] В дополнение к публ. письму Сазонов, ссылаясь на рапорты военного агента в Турции, в весьма секретном письме Бенкендорфу указывает на то, что „турки хлопочут о доставлении дредноута“ „Султан Осман“ в Турцию под английским флагом. „Едва ли, — пишет Сазонов, — великобританскому правительству надлежало бы удовлетворить это пожелание, так как это явилось бы услугой политического характера, направленной к ущербу для Греции и выходящей собственно за пределы принятых на себя английскими судостроительными фирмами по отношению к оттоманскому правительству обязательств. Мы считаем поэтому, что Англии следовало бы предоставить туркам осуществить доставку названного судна на свой риск и страх, без всякого вмешательства в это дело“. В заключение Сазонов просит Бенкендорфа „объясниться в этом смысле самым дружеским образом с сэром Э. Греем и сообщить... о взгляде его на сей вопрос“ (весьма секр. письмо от [25] 12 мая за № 352).

№ 385. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 120 [1]. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Hier Grey me dit que m'ayant vu depuis son retour qu'en présence de Cambon, il tenait à me faire personnellement part de l'impression du roi, du gouvernement anglais et de la sienne de la réception qu'ils avaient reçue à Paris. Il s'en exprima dans des termes les plus châleureux.

Il y attache une très grave importance au point de vue de solidification de l'Entente qu'il considère désormais enracinée en France comme en Angleterre. Il passa ensuite à ses conversations avec Doumergue concernant sujet traité dans ma lettre par courrier et dont Iswolsky vous aura informé. Il m'a exprimé toute sa sympathie, ainsi que celle du premier ministre. Il me dit que projet serait présenté au Conseil dès au plus tôt, mais qu'il n'avait pu le faire jusqu'ici, l'attention du Cabinet étant concentrée toute entière sur les affaires pressantes en cours et sur budjet lequel a, parait-il, exigé discussions longues et répétées. J'attache de l'importance à cette entrevue provoquée par ministre destinée évidement à confirmer en cette occasion programme de politique anglaise au sujet Entente des trois Puissances.

Benckendorff.

Перевод.

Вчера Грей сказал мне, что так как по своем возвращении он видел меня лишь в присутствии Камбона, то он желает лично мне передать впечатления короля, английского правительства и свои собственные от приема, оказанного им в Париже. Он говорил о нем в самых горячих выражениях.

Он придает ему очень большое значение с точки зрения укрепления Согласия, которое он считает пустившем отныне глубокие корни как во Франции, так и в Англии. Он перешел затем к своим беседам с Думергом по вопросу, которого я коснулся в моем письме, посланном с курьером, и о котором Извольский вас вероятно уже осведомил. Он выразил мне все свое расположение так же, как и расположение премьер-министра. Он сказал мне, что проект будет представлен в совет министров в ближайшем будущем, но что до сих пор он не имел возможности это сделать, так как внимание кабинета было полностью сосредоточено на срочных текущих делах и на бюджете, который повидимому потребовал длительных и повторных обсуждений. Я придаю значение этому свиданию, происшедшему по инициативе министра и очевидно предназначенному для подтверждения при этом случае программы английской политики по вопросу о Согласии трех держав.

Бенкендорф.

[1] Лит. копия.

№ 386. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 27 [1]. 8 мая/25 апреля 1914 г.

В дополнение к секретной телеграмме моей от [6 мая] 23 сего апреля за № 63 [2] имею честь представить вашему высокопревосходительству некоторые сведения об условиях заключения здесь болгарского займа. Финансовая группа, ведущая переговоры с Болгарией, состоит из берлинских крупных банков — Disconto-Gesellschaft, Dresdener Bank и некоторых австро-венгерских с Wiener Bank Verein во главе. Австро-венгерские банки приняли бы на себя лишь необходимую часть (около 50 миллионов) займа, размер коего был бы не менее 200 миллионов франков. Обсуждается, повидимому, также участие австро-венгерской промышленности в болгарских заказах; кроме того, из займа был бы уплачен краткосрочный аванс в 30 миллионов, предоставленный Австро-Венгрией Болгарии несколько месяцев назад.

Главные выгоды для Германии составляли бы концессии на железные дороги и оборудование портов. Кроме того, были бы, очевидно, погашены свидетельства болгарского казначейства, коими оплачивались заказы у крупных германских фирм — Круппа и т. п.

Краткие сведения о займе появляются в печати, которая прямо указывает на то, что Австрия рассчитывает, в случае осуществления этого займа в Германии, на более благожелательное отношение со стороны Болгарии к державам Тройственного союза.

Здешние же банкиры, как я уже телеграфировал, смотрят, будто бы, на это дело с чисто финансовой точки зрения и, повидимому, с неособенной охотой идут на эту сделку. От Мендельсона, который сам не участвует в этой группе банкиров, я слышал, между прочим, мнение, что ему кажутся гарантии, даваемые Болгарией, недостаточно серьезными.

Вообще все это дело пока нельзя, повидимому, считать решенным в положительном смысле, и директор Dresdener Bank высказал на-днях мнение, что деньги будут в конце-концов даны Болгарии из Франции.

Примите и пр.

Свербеев.

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 364.

№ 387. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 138. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Телеграфирую Извольскому. Получил телеграмму № 110[1]. Копия в Вену.

Сербское правительство не отказывалось от переговоров об интернационализации. Но вчера здешний австрийский посланник сделал устное заявление, что правительство его не может принять интернационализацию на условиях, изложенных в последней сербской ноте, и вынуждено вернуться к первоначальному требованию о возврате дороги Восточному обществу. В таком случае,—ответил Пашич,—и Сербия имеет законное право вернуться к своему первоначальному решению о выкупе дороги, в каковом смысле правительство уже объяснялось с директором Миллером. А если венский кабинет и в этом деле будет создавать препятствия, то Сербии останется один выход—постройка параллельной дороги, что едва ли будет выгодно Австрии. Барон Гизль смягчил тон, сказав, что он лично находит желательным полюбовно сговориться, что если бы Сербия согласилась на некоторые концессии, то дело могло бы уладиться. Пашич повторил уже однажды сказанное: Сербия готова обещать смычку двух линий—на Увац и Ведиште с распространением на эти линии четверной конвенции. Если в дальнейшем Австрия проявит благожелательность, то, быть может, Сербия согласится на предоставление Австрии еще какой-либо концессии на железнодорожную линию с правом поставлять материал. Гизль просил дать письменный ответ.

Гартвиг.

№ 388. Военный агент в Германии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 247[2]. 8 мая/25 апреля 1914 г.

Секретный

По мере того как с началом денежных поступлений по единовременному военному налогу Wehrbeitrag выясняется несомненность значительного превышения этих поступлений по сравнению с первоначальными приблизительными расчетами, германская пресса с возрастающей настойчивостью указывает на неизбежность внесе-

---

[1] См. выше № 358.

[2] Копия. Переслано при препроводит. отношении помощн. 1-го обер-квартирмейстера главного управления ген. штаба от 6 июня/24 мая за № 7708 на имя вицедиректора канцелярии м-ва ин. дел Базили.

ния осенью сего года нового законопроекта об усилении германской армии.

Органы лагеря, симпатизирующего этой мере, основывают необходимость и неотложность дальнейшего развития вооруженных сил империи на следующем.

Россия значительно усиливает свою армию. Вместе с тем благодаря 2½-миллиардному займу во Франции она принимает ряд мер к ускорению мобилизации и сосредоточению своих армий на западной границе. Вследствие необходимости в самом начале кампании сосредоточить возможно большие силы на французской границе, Германия принуждена оставить свои восточные провинции (Завислянскую Пруссию и Силезию) почти совершенно беззащитными. Между тем в Германии все еще не использован в полной мере закон о всеобщей воинской повинности, так как и сейчас еще около 70 тысяч годных для военной службы молодых людей не призываются под знамена. Вместе с тем численность и богатство народонаселения Германии продолжает расти, а бремя налогов не столь велико, как в некоторых других государствах; единовременные же расходы, которые вызвали бы усиление армии еще на 50 000 человек, легко могут быть покрыты путем займа. При этом следует отметить, что противная новому усилению армии пресса ограничивается в настоящее время преимущественно внесением поправок в расчеты сторонников ожидаемого нового военного законопроекта и старается главным образом умерить разных предъявляемых требований. Во всяком случае, за исключением крайних левых органов печати, в немецкой прессе уже почти не встречается возражений против использования излишка денежных поступлений по единовременному военному налогу для нужд военного ведомства.

Излишек этот определяется в настоящее время в размере не менее 200 и до 350 миллионов. В окончательном же виде сумма излишка определится лишь в конце лета настоящего года.

Что касается вопроса о назначении, которое будет дано этой сумме, то из некоторых коротких заметок, встречающихся пока в прессе, и на основании высказанных некоторыми достаточно компетентными лицами мнений можно с некоторой достоверностью предполагать, что эти несколько сотен миллионов пойдут главным образом на усиление обороны страны со стороны восточного врага путем формирования новых частей и дальнейшего развития фортификационной подготовки восточного театра войны.

В случае же значительного превышения поступлений по едино-

временному военному налогу и выяснения возможности при достаточно благоприятных условиях реализовать новый заем, увеличив в то же время некоторые налоги или изыскав новые, весьма вероятно, что и настоящей осенью рейхстагу будет предложено утвердить законопроект о перевооружении пехоты, а может быть, даже и полевой артиллерии.

Недавнюю поездку статс-секретаря имперского казначейства в столицы союзных государств ставят в связь с подготовкой разрешения всех этих вопросов с финансовой точки зрения.

Генерального штаба полковник Базаров.

№ 389. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [1]. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Monsieur le ministre,

Comme j'ai eu l'honneur de vous informer par le télégramme en date du 15/2 avril [2], Sir Edward Grey me fit ce même jour prier de passer chez lui.

En me recevant le secretaire d'Etat me dit que depuis son retour de Paris il n'avait eu d'autre occasion de me voir qu'en présence de l'ambassadeur de France, ce qui ne lui avait pas permis de me communiquer, autant qu'il le croyait nécessaire, combien avaient été profondes les impressions recueillies au cours de cette visite. Il me dit qu'en me les décrivant il croyait me communiquer non seulement ses impressions personnelles, mais celles du roi et de tous ceux qui avaient fait partie du voyage.

Sir E. Grey me dit que ces impressions avaient de beaucoup dépassé son attente; qu'il ne saurait assez se féliciter de l'accueil du président de la République et de Mr. Doumergue, avec lesquels un complet accord sur les questions en cours et la situation politique générale avait été établi; qu'il y avait plus, que l'accueil fait à leurs majestés partout où elles avaient paru, et en toute circonstance avait eu un caractère de sympathie réelle sur lequel il n'y avait pas eu moyen de se tromper; le gouvernement anglais en avait tiré la conclusion que le principe de l'entente était enraciné en France autant qu'en Angleterre et qu'il se trouvait par là tout spécialement confirmé et rendu entièrement stable.

---

[1] Опубл. Siebert, S. 809—810 (частично и под 29. IV); L. N., p. 318—320; Stieve, IV, № 1333 (частично и под 29. IV).

[2] У Siebert'а и Stieve первая половина первой фразы отсутствует.

Sir E. Grey usa en cette circonstance d'une chaleur de langage dont il est peu coutumier et qui dénotait une conviction acquise dont il avait tiré ses conclusions.

Son intention, en m'invitant à venir pour me dire seulement cela, était manifeste. Il voulait me signaler le début d'une phase de rapprochement avec la France encore plus réel.

Cette intention me parut encore plus marquée quand il me dit sans autre transition que j'avais sans doute été mis au courant de l'entretien qu'il avait eu avec Mr. Doumergue concernant la Russie. Sir Edward Grey me dit qu'à Paris, loin de ses collègues et sur l'heure il lui avait été impossible d'apporter autre chose que ses propres sympathies au projet qui lui avait été formulé, que les deux gouvernements mettraient le gouvernement impérial au courant de tous les arrangements supplémentaires existant entre la France et l'Angleterre; qu'aujourd'hui il pouvait me dire que dès son retour à Londres, il en avait parlé au premier ministre qui avait partagé son opinion et ne trouvait aucune objection à ce projet, mais que la chose était forcément trop serieuse pour pouvoir être décidée sans approbation du Conseil du Cabinet.

Sir Edward me dit qu'à son regret cette première semaine il lui avait été impossible de réunir le Cabinet dans ce but, vu que l'attention des ministres avait été complètement absorbée par la question de l'Ulster et la nécessité de présenter le budjet à date fixe.

Je ne répondis que peu de mots. Je remerciai Sir Edward de sa communication, je lui dis que j'en appréciais toute l'importance et je résumai la situation, en disant que si les deux gouvernements nous communiquaient leurs arrangements, le gouvernement impérial s'il le jugeait à propos, serait libre de faire au gouvernement britanique telle proposition sur des bases analogues. Je lui dis qu'il connaissait, j'avais lieu de le croire, l'opinion de votre excellence sur la nécessité d'une concentration plus effective de la Triple Entente qui n'aurait même pas exclu une alliance à l'instar de celle du groupe des trois autres Puissances. Sir Edward me répondit qu'il ne croyait pas possible une alliance. Je dis que personnellement, j'avais constaté les mêmes difficultés. Il ajouta seulement: „mais vous voyez que même aujourd'hui nous n'en avons pas avec la France“ [1].

Au cours de l'entretien j'avais dit à Sir Edward que moi-même, retenu à Paris pour affaires privées, j'avais assisté dans la foule à la visite anglaise et que pour tant que j'en pouvais juger, je trouvais

[1] Остальная часть письма и у Siebert'а и у Stieve отсутствует.

parfaitement exactes ses impressions sur la visite; j'ajoutais que telle était aussi l'opinion de notre ambassadeur à Paris.

C'est au sujet de l'accord et de la concentration de la Triple Entente que Sir Edward me parla incidemment de son entretien à Paris avec Mr. Iswolsky. Il me dit qu'il lui avait exprimé son regret d'une divergence d'appréciation entre votre excellence et lui au sujet de la rédaction de la réponse au gouvernement grec. Il me dit que cette affaire étant heureusement close, comme il l'avait appris à son retour à Londres, il ne comptait nullement y revenir à neuf. Comme explication il me dit qu'il se pourrait que votre attention se soit concentrée spécialement sur la dernière phase de l'incident en la séparant de l'incident dans son ensemble.

Sir Edward pense qu'à le prendre depuis ses débuts à Athènes et à le suivre dans toutes ses phases, vos conclusions en pourraient être modifiées.

Pour clore cette lettre je me permets de signaler à votre excellence l'article du „Times" que j'ai transmis au ministère impérial; il a paru le lendemain-même de mon entretien avec Sir Edward. Depuis j'ai eu maints entretiens avec d'autres hommes d'Etat, tout comme avec Lord Stamfordham et Lord Esher qui jouissent de la confiance du roi. Tous ces entretiens avaient le même caractère que celui que le secretaire d'État m'a développé et sur lequel je me permets d'attirer l'attention spéciale de votre excellence.

Veuillez agréer, monsieur le ministre, l'assurance de ma haute considération.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Как я имел честь сообщить вам телеграммой от 15/2 апреля, сэр Эдуард Грей в этот день просил меня посетить его.

Во время приема статс-секретарь сказал мне, что после возвращения из Парижа он не имел случая видеть меня иначе, как в присутствии французского посла, что лишало его возможности сообщить мне так подробно, как он считал это нужным, насколько глубоки были впечатления, полученные им во время этого посещения. Он сказал мне, что, описывая их мне, он думает, что сообщает не только свои личные впечатления, но и впечатления короля и всех тех, которые принимали участие в поездке.

Сэр Э. Грей сказал мне, что его впечатления на много превзошли его ожидания; что он не может достаточно оценить прием, оказанный президентом республики и г. Думергом, с которыми было установлено полное соглашение по текущим вопросам и общему политическому положению; что, больше того, прием, оказанный их величествам всюду, где они появлялись, и во всех случаях, носил характер действительного расположения, относительно которого нельзя ошибиться; английское правительство сделало из этого вывод,

что принцип Согласия пустил во Франции такие же корни, как и в Англии, и что благодаря всему этому он особенно утвердился и приобрел полную прочность.

Сэр Э. Грей говорил об этом с горячностью, ему мало свойственной и свидетельствовавшей о сложившемся убеждении, на основании которого он делал свои выводы.

Его намерение при приглашении меня для того, чтобы сказать мне только это, было очевидно. Он хотел указать мне, что Англия вступает в фазу еще более реального сближения с Францией.

Это намерение он, по-моему, подчеркнул еще сильнее, сказав мне без всякого перехода, что я, вероятно, был посвящен в беседу, которую он имел с г. Думергом по поводу России. Сэр Э. Грей сказал мне, что в Париже, вдали от своих коллег, он не имел возможности немедленно выразить что-нибудь, кроме своего личного сочувствия проекту, который был ему сообщен и который заключается в том, что оба правительства посвятят императорское правительство во все дополнительные соглашения, существующие между Францией и Англией; что сегодня он может мне сообщить, что после своего возвращения в Лондон он говорил об этом с премьер-министром, который разделяет его мнение и не встречает никаких возражений против этого проекта, но что вопрос этот чересчур серьезен для того, чтобы его можно было решить без одобрения кабинета.

Сэр Эдуард сказал мне, что, к его сожалению, в течение этой первой недели он лишен был возможности собрать кабинет для этой цели, ввиду того, что внимание министров было полностью поглощено вопросом об Ульстере и необходимостью представить бюджет к определенному сроку.

Я ответил лишь несколькими словами. Поблагодарив сэра Эдуарда за его сообщение, я сказал ему, что даю себе отчет во всем его значении, я резюмировал положение, сказав, что если оба правительства сообщат нам свои соглашения, то императорское правительство получит возможность, если оно найдет это нужным, сделать британскому правительству подобное же предложение на аналогичных основаниях. Я сказал ему, что у меня есть основания думать, что ему известно мнение вашего превосходительства о необходимости более действительного объединения Тройственного согласия, которое не исключает даже союза по примеру группы трех других держав. Сэр Эдуард мне ответил, что считает союз невозможным. Я заметил, что лично я констатирую наличие тех же трудностей. Он только добавил: „но вы же видите, что даже теперь мы не вступаем в союз с Францией“.

Во время беседы я сказал сэру Эдуарду, что я сам, задержавшись в Париже по личным делам, присутствовал в толпе во время английского посещения и, насколько я могу судить, я нахожу его впечатления от посещения совершенно верными; я добавил, что такого же мнения придерживается и наш посол в Париже.

В связи с единением и концентрацией Тройственного согласия, сэр Эдуард рассказал мне случайно о своей беседе в Париже с г. Извольским. Он сказал мне, что выразил Извольскому свое сожаление по поводу разногласия между вашим превосходительством и им в оценке вопроса о редакции ответа греческому правительству. Он сказал мне, что вследствие счастливого окончания этого дела, о чем он узнал по возвращении своем в Лондон, он ни в коем случае не предполагает вновь к нему возвращаться. В виде объяснения, он мне

сказал, что, быть может, ваше внимание было особо привлечено последней стадией инцидента, которую вы отделяли от инцидента в целом.

Сэр Эдуард полагает, что если взять инцидент с самого его возникновения в Афинах и проследить во всех его стадиях, то вы, быть может, изменили бы свои взгляды.

В заключение этого письма я позволю себе указать вашему превосходительству на статью в „Times“, которую я переслал императорскому министерству; она появилась на следующий день после моей беседы с сэром Эдуардом. С тех пор я имел многочисленные беседы с другими государственными людьми, которые все, как лорд Стамфордгам и лорд Эшер, пользуются доверием короля. Все эти беседы носили тот же характер, что и беседа с статс-секретарем, на которую я позволяю себе обратить особое внимание вашего превосходительства.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 390. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 114 [1] 9 мая/26 апреля 1914 г.

Получил письмо № 273 [2]. Копия в Константинополь.

Французское правительство уведомило банкиров Мирабо, что ему было бы очень приятно предоставление братьям Маврокордато участия в рудниках в Аргоне. При этом мне было объяснено, что дело это действительно предлагалось на рынке турецким правительством за 500 000 турецких фунтов, но долгое время без успеха, так как оно не считалось особенно выгодным.

Извольский.

№ 391. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 115. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Собрание финансовой комиссии назначено французским правительством на 15 июня нового стиля, по соглашению с немецкой делегацией, которая надеется, что к тому времени будут закончены турецко-германские переговоры. Из переговоров бывшего здесь на-днях Гельфериха в министерстве иностранных дел явствует, что Германия не будет возражать против определенной Францией доли участия Сербии и Греции в Оттоманском долге.

Извольский.

---

[1] Опубл. Stieve, IV, № 1330.

[2] Препровождая текст шифрован. тел. посла в К-поле от 25/12 апр. за № 240 (см. № 294), м-во ин. дел письмом от 26/13 апр. за № 273 просило Извольского „не отказать в зависящих сношениях по предмету ее с французским министром иностран. дел“.

№ 392. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 116. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 916 [1]. Копия в Лондон.

В разговоре со мной по ее содержанию Маржери высказал предположение, что французский посол развил перед вами общие соображения о политике Австрии и Италии в албанском вопросе. Маржери присовокупил, что Палеологу не было поручено делать вам никакого конкретного предложения по этому вопросу.

Извольский.

№ 393. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 117 [2]. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Копия в Константинополь.

Из разговора с бывшим здесь на-днях Гельферихом секретарь финансовой комиссии Понсо вынес убеждение, что в Берлине очень озабочены нашим требованием касательно введения русского делегата в комиссию долга, ибо видят в этом препятствие к получению нашего согласия на таможенную надбавку.—Гельферих был осведомлен о переговорах с Джавидом касательно введения полноправного турецкого делегата, но не высказывался о том, действительно ли это являлось бы ценным для Германии. Он упомянул также и о втором немецком делегате, но лишь вскользь и, видимо, мало надеясь на успех. Понсо полагает, что нам именно теперь следовало бы возобновить переговоры в Берлине. Маржери сказал мне секретно [3], что Бомпар извещает, что, в случае если бы действительнс представлялось возможным добиться введения нашего делегата ценой введения полноправного турецкого делегата, то со стороны Франции не встретится к тому препятствий.

Извольский.

№ 394. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 118. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Получил телеграмму Гартвига № 138 [4]. Копия в Белград.

Вчера австрийский посол заявил здесь, что предъявленное в Белграде требование о возвращении железной дороги обществу от-

---

[1] Очевидно, в лит. копии ошибка; следует: № 818. См. выше № 350.

[2] Опубл. Stieve, IV, № 1331.

[3] У Stieve: „heute“.

[4] См. выше № 387.

нюдь не закрывает дверь дальнейшим переговорам. Вместе с тем он горячо благодарил от имени своего правительства парижский кабинет за дружеское содействие в целях улажения этого вопроса.

Извольский.

№ 395. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 119. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Получил письмо от [30] 17 апреля за № 278[1].

На мое письменное сообщение по его содержанию Думерг ныне ответил памятной запиской, что предложение ваше о включении в текст албанской конституции особой статьи, относящейся к предоставленному Сербии коммерческому выходу к морю через албанский порт, принадлежит, по его мнению, к разряду вопросов, подлежащих предварительному совместному обсуждению в Лондоне представителей Тройственного согласия; г. Полю Камбону уже даны соответственные инструкции.

Извольский.

№ 396. Вице-консул в Хое министру иностранных дел.

Телеграмма № 55. 9 мая/26 апреля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграмму Орлова за № 351[2]:

В здешнем районе также замечается повышенное настроение в связи с уходом ширванцев и 2 батарей 21 артиллерийской бригады. Наиболее волнует население слух о предстоящей смене Шоджа-эд-Доуле, распространяемый главным образом бельгийцами, крайне недовольными вмешательством русских в порядок взимания малиата.

Провокаторская деятельность турок среди курдов усиливается, особенно в Урмийском и Макинском районах.

---

[1] См. выше № 328.

[2] См. выше № 378. Ссылаясь на эту тел. Орлова, Введенский сообщает, что в Урмии „уход ширванцев толкуется так же, как и апшеронцев“, а „меры, рекомендуемые генеральным консульством, будут наверное истолкованы населением в смысле желания нашего правительства водворить силой конституцию“. По сведениям вице-консула, „персидские эмигранты — федаи из Турции, запрашивают здешних о действительном повороте нашей политики, дабы вернуться в Персию к обычным грабежам. Желательно, — говорит в заключение Введенский, — не вмешивать наши войска каким-либо путем в выборы и выделить Урмийскую провинцию на несколько лет от всякого участия в выборах“.

Шахское министерство иностранных дел предписало губернаторам пограничной полосы наиболее снисходительное отношение к туркам, напоминая о необходимости точного исполнения соглашения с Портою о выводе оккупационных турецких отрядов из Персии.

Макинские курды, главари коих возвратились из Маку на свои кочевки с крупными денежными подарками сердара, крайне интересуются неизвестной им дотоле Германией. Кооперация этой державы с Турцией в целях выдворения русских из Азербайджана ныне является самой распространенной темой разговора среди курдов в Маку, и особенно Сомая и Энзеля, эвакуируемых ширванцами.

Для охлаждения страстей было бы весьма своевременным предпринять ряд военных прогулок на север и юг с производством учебной артиллерийской стрельбы[1].

Копии в Тавриз, Тифлис, Урмию и Соуджбулаг.

Чирков.

№ 397. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 116. 9 мая/26 апреля 1914 г

Монгольское правительство ходатайствует об отпуске обещанного оружия, а именно 6 орудий и 3 000 снарядов, 4 пулеметов и 400 000 патронов, 20 000 драгунских винтовок и 20 000 000 патронов на следующих основаниях: при подписании контракта уплачивается 400 000 рублей, остальная сумма уплачивается ежегодными взносами не менее 60 000 рублей, обеспечиваемых внутренними пошлинами с монгольской торговли. Последних за прошлый год было около 55 000 лан. Взнос в 400 000 рублей удерживается из ссуды в 3 000 000 рублей.

Миллер.

[1] Ген. консул в Тавризе Орлов сообщил тел. от 7 мая/24 апр. за № 350, что им передано Шоджа-эд-Доуле мнение росс. прав-ва относительно выборов в Азербайджане, которые могли бы „вывести страну из затруднительного положения" при условии избрания „умеренных депутатов". Секр. тел. от 9 мая/26 апр. за № 352 он сообщал ответ Шоджи, сводившийся к тому, что вследствие глубокой вражды между прав-вом и народом и утраты уважения к законам для осуществления выборов в Азербайджане необходимо „создать какую-нибудь военную силу... хотя бы в 5 000 вооруженных", обеспечить избрание за „истинными мусульманами", сохранить существующее ныне военное положение в Азербайджане и пр.

№ 398. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 853 [1]. 10 мая/27 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Чиркова от [7 мая] 24 апреля 1914 г. [2].

Полагаем, что было бы всего лучше, если бы вы доверительно обратили внимание вашего германского коллеги на деятельность упомянутых запасных немецких офицеров, несогласную с духом нашего соглашения, по которому Германия отреклась от политических и стратегических интересов в нашей сфере влияния.

Выступление персидских властей против этих немцев считаем не достигающим цели и способным лишь вызвать нежелательные осложнения.

Нератов.

№ 399. Английский посол в Петербурге Бьюкенен английскому статс-секретарю по иностранным делам Грею.

⁄. Телеграмма № 110 [3]. 10 мая/27 апреля 1914 г.

Tibet.

Minister for Foreign Affairs waits at Livadia for Turkish mission and is not expected here until the end of next week. I there fore thought it best to state our case fully in note [4], explaining your despatch № 156, especially referring to two points which concern Russia and to division of Tibet into two zones, and explaining reasons which render revision of existing arrangements imperative, and urging necessity of prompt reply. I handed this note to Mr. Neratow and submitted it at once to examination, so that Minister for Foreign Affairs may be able to give me a reply as soon as he returns. I explained that documents which I have given him about the Tibet frontier, the two Tibet zones and trade have no practical interest for Russia, but friendly relations existing between the two governments made us anxious to keep them informed of all that had taken place during last negociations. I more said when I had my first conversation with Mr. Sazonow, His Excellency was anxious that we are going to put forward

---

[1] Лит. копия.

[2] В упоминаемой в тексте тел. Чирков сообщал, что „из Урмии выехали в Дильман и Хой два германских военных шпиона“, и что он предполагает „побудить персидские власти к принятию мер против указанных лиц и воспрепятствовать дальнейшим их работам“.

[3] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[4] См. выше № 381.

far-reaching demands with regard to Tibet, and had told me not to demand exagerated concessions. We have owing to it restricted our demands to minimum which would render any request for such concessions superfluous, and I therefore share confidence that Imprerial Government would give their consent to modifications which in no way concern Russian interests. His Excellency replied he could say nothing until Mr. Sazonow returns, except that he would do all his possible to expedite the reply and that modifications will be examined in a most friendly spirit.

Перевод.

Тибет.

Министр иностранных дел ожидает в Ливадии прибытия турецкой миссии, поэтому сюда его ждут не ранее будущей недели. Ввиду этого я счел наиболее правильным изложить полностью наше дело в ноте, объясняющей ваше сообщение № 156, особо остановившись в ней на двух пунктах, касающихся России и разделения Тибета на две зоны и объяснив причины, настойчиво требующие пересмотра существующего положения и вызывающие необходимость в скором ответе. Я вручил ноту г. Нератову, представив ее на немедленное рассмотрение, так что министр иностранных дел сможет мне дать ответ тотчас же по своем возвращении. Я объяснил, что переданные мной ему документы относительно тибетской границы, двух тибетских зон и торговли не имеют практического интереса для России, но дружественные отношения, существующие между обоими правительствами, побуждают нас информировать ее обо всем, что имело место во время последних переговоров. Я сказал еще больше, когда имел свой первый разговор с г. Сазоновым. Его превосходительство беспокоился, что мы выдвинем далеко идущие требования в отношении Тибета, и сказал мне, чтобы мы не требовали преувеличенных уступок. В соответствии с этим мы сократили наши требования до минимума, который делает излишним всякую просьбу о подобного рода уступках. Поэтому я надеюсь, что императорское правительство даст свое согласие на изменения, которые ни в какой мере не затрагивают интересов России. Его превосходительство ответил, что он ничего не может сказать до возвращения г. Сазонова, кроме того, что он сделает все от него зависящее для ускорения ответа и что предложенные изменения будут рассмотрены в самом дружественном для нас духе.

№ 400. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 56. 10 мая/27 апреля 1914 г.

При обсуждении бюджета министерства иностранных дел делегациями большинство ораторов резко критиковало заявления гр. Берхтольда касательно отношений Австро-Венгрии к России. Они при этом указали на усиленные вооружения России, на антиавстрийскую агитацию в Галиции и Буковине, а также на наводнение, будто бы, страны целой армией русских шпионов, как на весьма тревожные симптомы, противоречащие миролюбивым заявле-

ниям министра иностранных дел. Особенно резкими выпадами против России отличались глава правого крыла австрийской палаты господ граф Клам-Мартиниц и украинский депутат Левицеский[1]. Граф Берхтольд в своей ответной речи заявил, что он не отрицает прискорбного факта антиавстрийской агитации в Галиции. Последняя вызвала даже недавно вмешательство судебной власти. Правительство со своей стороны зорко следит за этим движением, источник которого кроется в известных политических течениях в соседнем государстве. Что же касается российского правительства, то оно неоднократно заявляло австро-венгерскому правительству о непричастности его к такой пропаганде.

Шебеко.

№ 401. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 142. 10 мая/27 апреля 1914 г.

Получил телеграмму Извольского № 118 [2].

Заявление австрийского посланника в Париже еще раз свидетельствует, что угроза Сербии, в случае создаваемых ей препятствий, построить параллельную линию, произвела желательное воздействие. Вчера барон Гизль, не дожидаясь официального ответа сербского правительства, вновь посетил Пашича с целью осведомиться, какие концессии Сербия может дать Австрии, если дело Восточной дороги получит какое-либо иное направление.

Копия в Париж.

Гартвиг.

№ 402. Товарищ министра иностранных дел министру иностранных дел в Ливадию.

Телеграмма № 857. 10 мая/27 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 117 [3].

Полагаю, что переговоры с немцами по вопросу о нашем делегате надлежало бы продолжать не нам, а туркам, тем более что турецко-германские переговоры об экономическом соглашении еще не закончены.

[Нератов.]

---

[1] Повидимому, ошибка, имеется в виду депутат Левицкий.

[2] См. выше № 394.

[3] См. выше № 393.

№ 403. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 121. 11 мая/28 апреля 1914 г.

Grey a réuni aujourd'hui Cambon et moi. Pour faire suite à notre dernière réunion, il nous a lu télégramme à délégué anglais portant instructions d'avoir à adopter attitude favorable à modification tracé frontière en faveur Monténégro et en général d'eviter de se séparer de ses collègues russe et français. Ce télégramme est fort précis. Cambon et moi avons informé Grey que le ministre d'Italie à Cettigné avait confirmé aux représentants de Russie et de France bonnes dispositions en cette affaire de gouvernement d'Italie. Passant à frontière serbe, Grey nous dit que délégué anglais en conversation privée avec notre délégué avait exprimé opinion qu'il était désirable trouver ligne frontière qui stratégiquement mettrait cet Etat à l'abri, mais qu'il pensait que d'ajouter des villages à la Serbie en dehors des nécessités stratégiques offrirait sérieux inconvénients. Grey nous dit que délégué anglais était partisan d'une ligne intérmédiaire entre celle recommandée par délégués russe et français et celle proposée par délégués de Triple Alliance. Grey nous dit qu'il enverra à délégué anglais nouvelles instructions où, tout en lui recommandant intérêts serbes, il approuvait pourtant principe énoncé par celui-ci que rectification devait avoir pour objet non pas simple extension territoire serbe par annexion nouveaux villages, mais garantie stratégique de Dibra et Prizren avec annexion des villages nécessaires à ce but. Nicolson, qui assistait à séance, fit, en se reférant à resolutions de réunion des ambassadeurs, observation que Serbie devra prendre mesures qui permettent accés produits albanais aux marchés devenus serbes.—Aucune autre question ne fut abordée.

Benckendorff.

Перевод.

Грей пригласил сегодня Камбона и меня. Продолжая наше последнее свидание, он прочел нам телеграмму английскому делегату, содержащую инструкции о необходимости занять благоприятную позицию в вопросе об изменении направления границы в пользу Черногории в вообще о желательности избежать разногласий с его русским и французским коллегами. Эта телеграмма очень ясна. Камбон и я осведомили Грея о том, что итальянский посланник в Цетинье подтвердил представителям России и Франции добрые намерения итальянского правительства в этом деле. Переходя к вопросу о сербской границе, Грей сказал нам, что английский делегат высказал в частном разговоре с нашим делегатом то мнение, что желательно было бы установить такую пограничную линию, которая со стратегической точки зрения обеспечила бы этому государству безопасность, но он полагает, что передача Сербии селений, помимо тех, передача которых диктуется стратегической необходимостью, вы-

зовет серьезные затруднения. Грей заявил нам что английский делегат является сторонником промежуточной линии между той, которую предлагают французский и русский делегаты, и той, которую предлагают делегаты Тройственного союза. Грей сказал нам, что он пошлет английскому делегату новые инструкции, в которых, поручая ему защиту сербских интересов, одобрит все же выдвинутый им принцип, что целью пересмотра должно быть не простое расширение сербской территории путем присоединения новых селений, но стратегическая защита Дибры и Призрена путем присоединения селений, нужных для этой цели. Никольсон, присутствовавший при этой беседе, заметил, ссылаясь на решение совещания послов, что Сербия должна будет принять меры, которые позволят албанским товарам поступать на рынки, ставшие сербскими. Никаких других вопросов не поднималось.

Бенкендорф.

№ 404. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 66. 11 мая/28 апреля 1914 г.

Получил № 847 [1].

Председатель совета министров выехал на несколько дней для сопровождения королевской семьи во время ее путешествия по Дунаю. Позволю себе заметить, что к болгарам во вновь присоединенных областях применяются не исключительные меры, а временное положение, вотированное парламентом и подлежащее изменению лишь в законодательном порядке. Вследствие этого наше заступничество за болгар не может, по моему мнению, привести к практическим результатам, между тем как мой даже самый дружественный обмен мыслей (с) председателем совета министров по этому вопросу внутреннего румынского законодательства будет истолкован как официальное с нашей стороны представление и произведет весьма неблагоприятное впечатление как на румынское правительство, так и на здешнее общественное мнение. Считаю долгом добавить, что в вопросе о болгарском займе и постройке моста через Дунай румынское правительство выказало полнейшее доброжелательное отношение к Болгарии. Между тем образование в Софии „Добруджской лиги", с целью поддержания духовного единства с Болгарией отошедшей к Румынии (области), вызывает здесь опасение болгарской агитации в Новой Добрудже и, вероятно, содействовало установлению более сурового режима в этой провинции. Ввиду вышеизложенного, а также отсутствия председателя совета министров, я воздержусь от всяких разговоров с здешним правительством по содержанию вашей телеграммы № 847 до получения повторных указаний вашего высокопревосходительства.

Поклевский.

[1] См. выше № 383.

№ 405. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 34[1]. 11 мая/28 апреля 1914 г.

В апрельском выпуске журнала „Гайко-Дзихи" (Дипломатические известия) помещена статья об англо-японских отношениях, вызванная известной речью Винстона Черчилля в палате общин по поводу морского бюджета. Речь эта передана была новой японской редакцией Рейтерского агентства в явно тенденциозном изложении. Читая телеграмму Рейтера, можно было думать, что великобританский первый лорд адмиралтейства произнес панегирик англо-японскому союзу, как лучшему обеспечению сохранности английских колоний на Востоке. Только когда получены были здесь английские газеты, выяснился истинный смысл заявления морского министра в парламенте.

Статья „Гайко-Дзихи" дает понятие о том, как в действительности речь Черчилля принята была японским общественным мнением.

Вообще в здешней печати уже неоднократно высказывалась мысль, что союз между Англией и Японией утратил свой первоначальный характер и хотя и продлен до 1921 года, однако уже не может быть столь же выгоден для Японии, как в 1905 году, если не изменит своего направления. Последнее, по мнению японцев, должно ныне отклониться от чисто политических задач в сторону экономических: Англия, поддержавшая Японию в 1905 г. политически, должна бы в настоящее время способствовать развитию ее финансов и торговли.

Однако, высказав такие пожелания (разделяемые, повидимому, и новым премьером), японцы не скрывают от себя всех трудностей практического их осуществления. Главным препятствием для экономического сближения между Англией и Японией является их соперничество в Китае. Печать не без горечи отмечает, что в Китае англичане более других иностранцев противодействовали успехам Японии, и вообще Англия является в Китае не союзницей Японии, а скорее ее соперницей. Отсюда делается вывод: если между Японией и Англией не установится на почве китайских дел экономического союза, то и политический их союз утратит всякое значение, и Японии придется искать более тесного сближения с Россией или другой европейской державой, например, Германией, имеющей интересы в Китае.

---

[1] Лит. копия.

Конечно, подобные мнения не являются результатом зрело обдуманного политического плана. Но я считаю долгом их отметить, как все чаще и чаще повторяющееся выражение неудовольствия японцев их союзниками.

Примите и пр.

[Малевский-Малевич.]

№ 406. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

Телеграмма № 867. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Чиркова за № 56 [1].

Личная.

Прошу расшифровать лично. Абдуррезак состоит у нас на жаловании. Цель его приезда в Тавриз—сблизиться по возможности с Шоджа-эд-Доуле, чтобы впоследствии при его содействии принять персидское подданство и получить какой-либо административный пост.

Благоволите внушить Абдуррезаку необходимость действовать крайне осторожно и отнюдь не предпринимать ничего против турок. Он должен пока проживать в Тавризе совершенно частным человеком, не играть никакой роли и не поддерживать явных сношений с генеральным консульством.

Подробности ближайшей почтой [2].

Клемм.

№ 407. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому

Телеграмма № 25 [3]. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Получил № 117 [4]. Ссылаюсь на телеграмму Нератова № 857 [5].

Выясняются следующие три возможные комбинации для проведения нашего представителя в Совет оттоманского долга: 1) Предложение Джавида—провести представителя турецких „excédents“

---

[1] Тел. от 10 мая/27 апр. за № 56 вице-консул в Хое Чирков сообщал о прибытии из Эривани Абдуррезак-бея, который „в Тифлисе имел беседу с наместником и его помощниками по гражданской и военной частям по некоторым вопросам, представлявшимся им на обсуждение министерства“. Чирков далее сообщал о том, что Абдуррезак через три дня выезжает в Тавриз.

[2] Соответствующий документ в делах б. м-ва ин. дел. не обнаружен.

[3] Опубл. Stieve, IV, № 1332.

[4] См. выше № 393.

[5] См. выше № 402.

с тем, чтобы Германия не настаивала на втором своём делегате. Наш посол в Константинополе не вполне разделяет уверенность Джавида, что ему удастся убедить Германию при этом условии согласиться на допущение русского делегата. Однако нам было бы существенно заручиться согласием Франции, дабы изолировать противодействие Германии в сделке, отвечающей интересам Турции. 2) Замена второго французского представителя Оттоманского банка представителем России. Или 3) допущение второго германского делегата одновременно с нашим. Если б удалась первая комбинация, полагаем, что она была бы наиболее приемлемой для Франции. Однако хотим надеяться, что она не откажет в согласии на одну из двух последних, если понадобится, тем более, что голос русского представителя будет, очевидно, парализовать приобретение Германией нового места и при всякой комбинации не нарушит равновесие в ущерб Франции. С своей стороны, полагаем, что наиболее простой и осуществимой комбинацией была бы третья, т. е. допущение германского и русского делегатов.

Помимо сего, мы вправе ожидать услуги от Франции взамен нашей существенной уступки в области железнодорожного строительства в Турции, которую мы сделали совершенно дружески, не требуя компенсаций. Кроме того, в своем соглашении с Турцией Франция, не уведомив нас предварительно, пошла на уступки, из коих одна, а именно согласие сократить срок вступления в силу таможенного тарифа вместо шести месяцев через два после подписания договора, отразится весьма невыгодно на предстоящей реализации нашего урожая.

Передавая все эти соображения Думергу, вы могли бы осторожно намекнуть на желательность скорейшего выяснения вопроса до созыва финансовой комиссии [1], ибо наше участие в распределении долей долга, пока не решен вопрос о постоянном представительстве в Совете долга, может показаться недостаточно оправданным, в глазах нашего общественного мнения. До сих пор нам с трудом удалось удержать печать от обсуждения этого вопроса единственно с целью не подвергать нежелательной критике отношение к нему Франции.

Во всяком случае я считал бы желательным просить французское правительство дать нам совершенно определенный, ясный

[1] В циркулярной вербальной ноте от 21 апр. н. ст. за № 45454/30, препровожденной Гирсом в копии в СПБ. при депеше от 25/12 апр. за № 43, Порта ходатайствовала „о скорейшем возобновлении работ финансовой комиссии".

ответ о том, можем ли мы рассчитывать на его поддержку для проведения нашего делегата в той из трех комбинаций, которая была бы принята и Германиею.

Сазонов.

№ 408. Записка вице-директора канцелярии министерства иностранных дел Базили.

Севастопуло просил Муравьева передать вам нижеследующие соображения по поводу содержания телеграммы № 25[1] из Ялты касательно нашего представительства в Совете оттоманского долга. Мысли эти вполне соответствуют и слышанному мною в Париже и представляются мне весьма трезвыми.

Допущение второго германского делегата одновременно с нашим французам очень нежелательно. Ясно, что введение в Совет долга чужого, хотя бы и нашего, представителя не может в деле защиты французских интересов компенсировать введение в него германского делегата. Из трех предложенных нами комбинаций французам наиболее улыбается введение представителя турецких излишков одновременно с нашим представителем. На эту комбинацию французы уже согласились, и Севастопуло не видит, почему сначала не выдвинуть в Берлине эту именно комбинацию, не говоря вовсе немцам о двух других. По его мнению, французы будут очень недовольны, если мы будем настаивать на других комбинациях, и надо предварительно исчерпать все средства добиться принятия Германией предложенной Джавидом комбинации. В Париже, по словам Севастопуло, думают, что под давлением вопроса о надбавке немцы уступят.

Мысль о замене второго французского представителя русским тоже мало симпатична Франции, очевидно, предпочитающей защищать самой свои интересы, чем доверять их нам. Но французы все же обещают ее рассмотреть[2].

Б[азили.]

№ 409. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 83[3]. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Копии в Ялту, Париж и Лондон. Получил телеграммы из Ялты № 9[4] и Бенкендорфа № 119[5].

---

[1] См. выше № 407.
[2] Записка не датирована.
[3] Опубл. Stieve, IV, № 1334.
[4] См. выше № 361.
[5] См. выше № 373.

Видя, что переговоры о займе в Германии подвигаются вперед и что оппозиция не надеется на свои силы, дабы ему помешать, имел вчера весьма обстоятельный разговор с Добровичем, указав ему подробно на всю опасность приготовляемого правительством шага и на то, что в момент, когда король решится удалить нынешнее правительство, Франция при благосклонном отношении России предоставит Болгарии или заем на выгодных условиях или, по крайней мере, необходимый до выпуска займа аванс. Эти уверения даны мне французским посланником. Добрович обещал передать разговор королю. Английский посланник, запрошенный из Лондона о настоящем положении, обратился ко мне с предложением, телеграфировать в Лондон все, [что] я пожелаю. Я просил его вызвать из Лондона инструкцию высказаться перед Добровичем в смысле моего разговора. Подробности курьером. Савинский.

№ 410. Посланник в Афинах товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма [1]. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 845 [2].

Хотя греческое правительство тщательно избегает всякого наружного вмешательства в албанско-эпирские дела, тем не менее министр иностранных дел мне доверительно поведал, что он порою негласно сообщает Зографосу сведения, могущие действовать на него умеряющим образом. Желая успеха настоящих переговоров на Корфу, он и ныне прилагает усилия в этом направлении. Король вчера открыто высказался о преувеличенности, на его взгляд, требований Зографоса. Здесь все возлагают большие надежды на благоприятный исход этого совещания и достижение компромисса.

Демидов.

№ 411. Посланник в Афинах товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 100. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Ввиду предстоящего выезда в Крым турецкого чрезвычайного посольства с Талаатом во главе, Венизелос усердно [просит] меня повергнуть к стопам государя императора почтительнейшее его

[1] В лит. копии указан № 174, затем он зачеркнут и написан № 99, который также зачеркнут.

[2] Тел. от 8 мая/25 апр. за № 845 Нератов указывал, что греч. прав-ву следовало бы посоветовать эпиротам согласиться на уступки, принятые албанским прав-вом и признанные контрольной комиссией вполне приемлемыми.

ходатайство о том, не признает ли его величество возможным внушить оттоманскому министру необходимость подчиниться решениям держав в вопросе об островах. На незыблемой почве греческого суверенитета над Хиосом и Митиленой Венизелос готов в самом примирительном духе приступить немедленно к обсуждению с Портою уступок, могущих удовлетворить самолюбие Турции и облегчить задачу оттоманскому правительству перед турецким общественным мнением.

Копии в Петербург и Константинополь.

Демидов.

№ 412. Посланник в Черногории министру иностранных дел.

Письмо. Триест, 12 мая/29 апреля 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На этих днях мне случайно довелось встретиться с черногорским дипломатическим представителем в Белграде (бывшим делегатом в Лондоне) Лазарем Миушковичем, возвращавшимся из Цетинье к месту своего служения, и иметь с ним продолжительную беседу. Он сообщил мне некоторые не лишенные интереса данные о настроениях в Черногории в связи с ходом сербо-черногорских переговоров относительно объединения правительственной деятельности обоих, ныне сопредельных сербских государств; поспешаю представить их на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Миушкович был вызван в Цетинье, где провел около двух недель в переговорах главным образом с королем Николаем, от которого ему нужно было получить надлежащие полномочия для выработки и заключения формального соглашения по вышеупомянутому вопросу с белградским правительством. Соглашение это имеет в виду установление возможно однородного для обоих государств административного, финансового и военного управления и для объединения задач их внешней политики, имеющей быть направленной к охране сербской территории и сербской народности, при сохранении обеих династий и политической индивидуальности каждой из договаривающихся сторон. Ради успеха дела решено применять величайшую осмотрительность и умеренность при выборе соответствующих мероприятий, дабы не создать повода к вмешательству третьих лиц, т. е. главным образом Австро-Венгрии.

Таковы, в главнейших чертах, основные задачи и условия весьма секретных переговоров, которые ведутся в настоящее время между

Белградом и Цетинье. Мой собеседник счел нужным однако начать с признания своих опасений за скорый и благополучный исход предпринятого дела.

„Если,—говорил Миушкович,—все черногорцы, как один человек, проникнуты необходимостью такого соглашения с сербами и видят в нем единственный выход из того отчаянного положения, в котором они очутились после двух войн, то нельзя того же сказать о короле Николае, помыслы которого попрежнему направлены в сторону более резкого обособления от Сербии.

„После обмена известных писем с королем Петром господарь не освободился от недоверия к своему затю и к Пашичу и, по всем признакам, не перестанет создавать под разными предлогами помех к заключению намечаемого соглашения. За время моих разговором с ним по поводу моих полномочий я не мог не подметить в аргументации его величества расчета на то, что обещанная ему русским правительством помощь в деле оборудования и содержания черногорской армии и предстоящее восстановление его непосредственных сношений с русскою[1] помогут ему оказать сопротивление „натиску унионистов“ по ту и по другую сторону черногорско-сербской границы.

„Зная такое настроение господаря, мы сговорились в Белграде включить в соглашение лишь такие условия и взаимные обязательства, против которых он не имел бы ни повода, ни оснований возражать и которые позволили бы России „санкционировать или гарантировать“ проведение в жизнь нашей схемы совместной с Сербиею государственной жизни.

„Если же, раз уже решившись пойти на сближение с Сербиею и после обмена письмами с королем Петром, король Николай остановился бы на полпути, я предвижу катастрофу и для него и для его дома, не говоря уже о всех осложнениях, которые такой образ действий создал бы для Черногории и для Сербии, одинаково стремящихся к тесному и прочному объединению государственной жизни обеих стран. Без него Черногория не может и помышлять о каком-либо экономическом или политическом укреплении, а в частности о закреплении за собой доставшихся ей в удел новых земель.

„Мы решили поэтому выработать совершенно приемлемое для короля Николая соглашение, такое, которое будет à prendre ou à laisser[2]; без этого условия труды наши пропадут, а господарь

---

[1] Так в подлиннике.

[2] „Принято или отвергнуто“.

не проникнется той ответственностью, которую он понесет, в случае если отклонит выработанный нами проект".

Я счел долгом возможно точно передать слова моего собеседника, оставляя до личной проверки в Цетинье оценку сообщенных им данных; они во всяком случае проливают определенный свет на отношения подданных короля Николая к своему господарю в деле сербско-черногорской унии.

Высказав в свою очередь Миушковичу, как личное мое мнение, что у нас не могут не относиться с сочувствием ко всякой попытке обоих сербских государств мирными путями достигнуть напрашивающегося объединения их экономических и политических задач, я счел уместным присовокупить, что мне однако неизвестно, сочтет ли императорское министерство желательным вообще вмешаться в это дело в той или иной форме, будь то предполагаемая Миушковичем „санкция" вырабатываемого соглашения, или „гарантия" беспрепятственного проведения его в жизнь.

Примите[1] и пр.

А. Гирс.

№ 413. Поверенный в делах в Константинополе товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 267. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграммы № 227[2] и 232[3].

(По словам Джавида), он полагает, что ему удастся уговорить немцев не противиться допущению нашего представителя в Совет оттоманского долга. Он надеется однако, что взамен жертв, на которые он вынужден будет пойти ради этой цели, мы со своей

[1] В дополнение к публ. письму А. Гирс по приезде в Цетинье сообщил в весьма доверит. письме от 30/17 мая, что окончательное решение „короля Николая обменяться письмами с сербским королем" сложилось под давлением некоторых членов скупщины, „требовавших незамедлительно делового сближения с Сербией". Однако, пойдя на это сближение, король Николай устранил от участия в нем своих министров, причем, по убеждению „посвященных в дело лиц", он „все сделает, чтобы намечаемое формальное соглашение не состоялось". В заключение А. Гирс предполагает, „что все то, что теперь делается под ее [тайны] покровом, станет, и может быть, в скором времени, известно заинтересованным третьим лицам, которые не преминут воспользоваться обстоятельствами для своих целей", и высказывает опасения, „что господарь склонен будет в таком случае искать опоры в этих заинтересованных третьих лицах, кем бы они ни оказались".

[2] См. выше № 235.

[3] См. выше № 256.

стороны не откажем сделать и ему некоторые уступки в железнодорожном вопросе, отдалить конечный пункт железнодорожной линии на востоке до Эрзерума и расширить источник, из которого Порте разрешено будет черпать необходимые для постройки дорог средства. Я ответил ему, что едва ли мы найдем возможным пойти навстречу его пожеланиям, ибо мы новых условий не предъявляем, он же выступает с домогательствами, противоречащими уже принятому нами и им проекту соглашения.

Гулькевич.

№ 414. Поверенный в делах в Константинополе товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 268. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Джавид-бей сказал мне, что ему удалось уговорить германское правительство продолжать экономические переговоры в Константинополе. Немцы не могли не признать, что участие лишнего посредника—Хакки-паши—затянуло бы переговоры, а они будто бы весьма озабочены скорейшим их окончанием. Джавид надеется, что выбор германского правительства падет на директора Анатолийских железных дорог Хюгенен, с которым полагает столковаться недели в две. Чтобы удовлетворить самолюбие немцев, Джавид обещал им подписать соглашение в Берлине.

Гулькевич.

№ 415. Поверенный в делах в Константинополе товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 269. 12 мая/29 апреля 1914 г.

Великий визирь, пригласив меня к себе, просил меня передать императорскому правительству настоятельное ходатайство Порты о продлении данного нами в 1907 г. разрешения на взимание в течение 7 лет 3% таможенной надбавки. Ввиду обеспеченного Турции согласия остальных держав и вероятного в ближайшем будущем завершения наших экономических и железнодорожных переговоров, полагаю, что нам невозможно будет отказать Порте в ее просьбе. При таких условиях беззамедлительный ответ только усилил бы благоприятное впечатление, которое наше согласие произведет здесь.

Гулькевич.

№ 416. Товарищ министра иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 874[1]. 13 мая/30 апреля 1914 г.

Телеграмма № 194[2] получена.

Для осуществления наших проектов железнодорожного строительства в Манчжурии образуется общество по образцу аналогичных французского и бельгийского. Учредители общества возлагают свое представительство в Пекине на Гойера. Благоволите оказать ему содействие и поддержку в поручаемых ему переговорах.

Крупенский сообщил нам о данных перед отъездом из Пекина китайскими сановниками заверениях относительно стремления китайского правительства установить с нами дружелюбные и предупредительные отношения. Мы ожидаем от китайского правительства доказательств искренности этих заверений и будем судить о них прежде всего по его отношению к нашим пожеланиям в вопросе о железных дорогах в Северной Манчжурии, которому мы придаем первостепенную важность, особенно ввиду того, что китайское правительство за последнее время выдало концессии на железные дороги представителям главнейших наций. Отказ русским в таких концессиях мы будем принуждены рассматривать как акт, недружелюбный России.

Объясняясь с министром иностранных дел, благоволите присовокупить, что настоятельно необходимою для нас является линия Благовещенск—Харбин с веткой на Цицикар, потребность в проведении которой ощущается и местным китайским населением. Мы желаем, чтобы китайское правительство выдало представляемому Гойером обществу концессию на эту линию на условиях, аналогичных с концессиями, выданными за последнее время французам, англичанам и бельгийцам.

Что касается остальных железных дорог, перечисленных в нашей телеграмме № 471[3], то, не предполагая ныне же приступить к их осуществлению, мы желали бы лишь заручиться в пользу представляемого Гойером общества опционом на их постройку, когда относительно ее своевременности и желательности последует соглашение между нами и китайским правительством.

О последующем благоволите телеграфировать.

[Нератов.]

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 245.

[3] См. выше № 3.

№ 417. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 57. 13 мая/30 апреля 1914 г.

Копия в Белград.

Сербский посланник сообщил мне вчера, что он вынес из объяснений своих с представителями австро-венгерского правительства впечатление, что последнее выступление Австро-Венгрии в Белграде с требованием о возможном возвращении Сербией железных дорог обществу имело скорее целью ограждение престижа империи, нежели желание вызвать конфликт и что австро-венгерское правительство в сущности не будет противиться выкупу железных дорог Сербией при условии получения от нее известных компенсаций и гарантий для будущего. То же впечатление вынес и я из бесед моих с Пашичем. Объяснения Иовановича на Ballplatz'е, повидимому, носили довольно бурный характер, но не исключают возможности соглашения. Какие требования выставит Австрия,—до сих пор неизвестно, но надо полагать, что они коснутся вопросов тарифов, полученных концессий, смычек некоторых линий с австрийскими и заключения торгового договора с Сербией.

Шебеко.

№ 418. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 84[1]. 13 мая/30 апреля 1914 г.

Прошу срочных указаний. Копия в Ялту.

После шагов, сделанных вами в Париже и Лондоне, а мною и французским посланником здесь, для воспрепятствования займу, считаю, что нами исчерпаны все средства воздействия. Между тем настойчивая необходимость в займе делает его все более и более вероятным. Ввиду этого и дабы не дать австро-немецкому влиянию окончательно укрепиться в Болгарии[2], я решаюсь предложить вам последнее средство, подробно обсужденное сегодня мною совместно с французским посланником и представителями здешних французских банков: довести до сведения короля, что Россия продолжает питать недоверие к теперешнему правительству, но в своей традиционной заботливости о Болгарии и во внимание к ее затруднительному положению и грозящей ей финансовой и политической

---

[1] Опубл. у Siebert, S. 633—634; Stieve, IV, № 1335.

[2] У Siebert'а и Stieve: „um der Erstärkung des hiesigen österreichisch-deutsch Einflusses vorzubeugen".

кабале[1], предлагает устроить выдачу Франциею лично королю необходимого теперь же для страны аванса, например миллионов в сто, без тех тяжелых и унизительных для самолюбия условий, которые ныне обсуждаются в Берлине[2]. Одновременно с этим следует заявить, что впредь до заключения займа Франция отказывается от уплаты 75 миллионов по бонам, а мы—от 45 миллионов по бонам за военные поставки. Представитель французских финансовых интересов в Софии выражает решительную уверенность, что созданная таким образом финансовая конъюнктура[3], почти равносильная немедленной реализации займа, создаст полную невозможность для берлинских банков устроить заем. Помимо спасения Болгарии от австрийской кабалы в будущем[4], результатом этого шага будет и непосредственное умаление здесь австро-немецкого влияния, а в скором времени и полное или, по крайней мере, частичное удаление нынешних правителей, внезапная отставка которых ныне же представляет, конечно, немалые затруднения[5]. В этих затруднениях я вполне отдавал себе отчет, когда советовал вчера королю через [Добров]ича перемену правительства, почему и сделал в разговоре намек на возможность компромисса и образования коалиционного кабинета. На основании всех разговоров с французским посланником и готовности, с которой правительство республики поддерживало нас всякий раз, что мы обращались к нему по вопросу займа, я думаю, нет сомнения, что в этот раз и в Париже примут решение, нам удобное и желательное, но само собой разумеется, что для успеха нужно[6], чтобы Париж поставил для займа гораздо более выгодные условия, чем Берлин, в чем не сомневается здешний представитель французских банкиров. Последний—человек весьма опытный и сведущий и может во всякую данную минуту поста-

---

[1] У Siebert'a и Stieve: „aber nach wie vor um Bulgarien und seine politische und financielle Unabhängigkeit besorgt ist".

[2] У Siebert'a и Stieve: „ohne die schweren Bedingungen zu stellen, über die jetzt in Berlin beraten wird".

[3] У Siebert'a и Stieve: „...dass eine derartige Operation".

[4] У Siebert'a и Stieve: „Abgesehen davon, dass wir Bulgarien dem österreichischen Einflusse in Zukunft entziehen".

[5] У Siebert'a и Stieve: „...und früher oder später wird auch der Sturz des jetzigen Kabinettes eintreten, während eine unmittelbare Entfernung der uns missliebigen Minister grosse Schwierigkeiten nach sich ziehen würde".

[6] У Siebert'a и Stieve: „Ich darf annehmen, dass die französische Regierung wie früher, so auch diesmal auf unsere Wünsche eingehen wird, wobei man natürlich ins Auge behalten muss, dass..."

вить Париж в известность о всех деталях. Если бы вышеизложенный, признаюсь, несколько необычный, план действий удостоился одобрения императорского министерства, прошу, не теряя ни минуты, сговориться с Парижем и дать мне соответственные инструкции[1], так как условия займа могут быть подписаны министром финансов со дня на день, и тогда дело станет труднее и деликатнее из-за отношения к германскому правительству[2]. Ранее, чем решиться предложить этот шаг[3], я долго обдумывал положение и выжидал хода событий[4], теперь вижу, что это—последнее средство, но, не прибегнув к нему, я считал бы, что мы не исполнили своего долга ни по отношению к Болгарии, ни по отношению к собственным интересам[5].

Савинский.

№ 419. Поверенный в делах в онстантинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 54. 13 мая/30 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера меня посетил болгарский посланник Тошев, находившийся в обычном мрачном настроении. Таковое еще усугубилось разрывом переговоров касательно заключения торгового договора между Болгариею и Турциею, последовавшим однако, согласно заявлению Тошева, по его же собственному почину.—Переговоры эти продолжались всю зиму, то приближаясь к благополучному завершению, то удаляясь от такового.

Джавид-бей по возвращении из Парижа сказал мне, что переговоры с Болгариею чересчур затянулись и что, ввиду этого, он решил взять на себя председательство оттоманской делегации, надеясь достигнуть соглашения в два-три заседания. Несколько дней спустя он сказал мне, весьма удовлетворенный ходом занятий комиссии, что дело подвигается успешно вперед, что болгары оказались весьма сговорчивыми и приняли все его требования. Само-

---

[1] У Siebert'a и Stieve эти 5 слов отсутствуют.

[2] У Siebert'a и Stieve: „...und dann die ganze Frage wegen der deutschen Regierung verwickelter (у St. — verwickelt) werden würde".

[3] У Siebert'a и Stieve начало фразы до этого слова отсутствует.

[4] У Siebert'a и Stieve эти 4 слова отсутствуют.

[5] У Siebert'a и Stieve: „...bin aber zur Einsicht gekommen, dass uns kein anderer Ausweg bleibt, wenn wir die Interessen sowohl Bulgariens als auch Russlands wahren wollen".

уверенный тон Джавида внушил мне некоторое сомнение в его намерении ответить болгарам взаимностью. Опасения мои оправдались. Добившись от болгар уступок, на которые они рассчитывали, турки, со своей стороны, отказались пойти навстречу пожеланиям болгар. В наиболее важном для последних вопросе о ввозной пошлине на муку, вместо действующей ставки в 11% ad valorem, турки повысили ее обложение до 20%. При этом турки признались, что они вовсе не намереваются ухудшить условия ввоза болгарской муки в Турцию, но, что если они сделают болгарам уступку в этом вопросе, то, в силу принципа наиболее благоприятствуемой нации, таковая одновременно сделается достоянием всех остальных держав. Между тем Турции предстоят более серьезные для нее переговоры о заключении торгового договора с Россиею. Уменьшение пошлины на муку явится предметом торга с русским правительством, и этот козырь следует приберечь до той поры. Предоставленная же России льгота немедленно распространится и на Болгарию.

При наличии таких условий Тошев телеграфировал в Софию, советуя своему правительству немедленно отозвать отсюда болгарских уполномоченных и прервать переговоры.

Примите и пр.

Гулькевич.

№ 420. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

% Депеша № 120. 13 мая/30 апреля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Переговоры мои с монгольским правительством о железнодорожном и телеграфном соглашениях, о новой ссуде, об отпуске обещанного в Петербурге Сайн-Ноин-хану оружия и о дальнейшей деятельности наших военных инструкторов прерывались болезнью Сайн-Ноина и монгольского министра финансов, приготовлениями монголов к ежегодной процессии Майдари и самой процессией и обычным стремлением монголов откладывать и затягивать дело. Несмотря на это, я обменялся с монгольскими министрами несколькими проектами договоров и соглашений по вышеупомянутым вопросам и, повидимому, убедил их в неосновательности уклонения от подписания соглашения о постройке телеграфной линии Монды—Улясутай.

Что касается железнодорожного соглашения, то Да-Лама и Сайн-Ноин-хан упорно отказываются от заключения такового, видя

в этом как бы отказ от своих прав на железнодорожное строительство в пределах Халхи. Во время одной из бесед моих с Да-Ламой, последний высказал свое твердое убеждение, что для Монголии было бы лучше подольше не строить никаких железных дорог. Воспользовавшись этим, я посоветовал министру иностранных дел предложить от себя совету министров написать мне ноту о нежелании монгольского правительства ни выдавать кому-либо железнодорожных концессий, ни строить железных дорог на собственные средства, за неимением таковых. Когда же настанет для железнодорожного строительства время, то монгольское правительство обратится, конечно, в силу дружественных отношений, к содействию России. Результаты этого шага пока еще не выяснились.

Во второй день пасхальных праздников у меня состоялся раут с ужином, на котором были все монгольские министры, не исключая и Да-Ламы, со своими товарищами, и приближеннейший в в настоящее время к хутухте сановник Шанцзотба, заведующий всеми монгольскими монастырями, а равно и имениями и имуществом его святейшества. Во время раута, прошедшего, повидимому, очень удачно, Сайн-Ноин-хан очень просил меня возможно скорее провести вопрос о доставлении в Ургу в рассрочку обещанного ему в Петербурге оружия. Министр финансов Тушету-ван горько жаловался на полнейшее безденежье. Я уклонился от каких-либо точных обещаний, указав на то, что скорое разрешение вопросов об оружии и займе зависит прежде всего от отношения самого монгольского правительства к вопросам, интересующим императорское правительство.

Устройство по инициативе Сайн-Ноин-хана двух палат для обсуждения текущих правительственных дел преследует во внутренней монгольской политике двоякую цель: отвлечь несколько внимание хошунных князей от печальных последствий легкомысленной наступательной политики монгольского правительства и дать им и чиновникам монгольских министерств хотя бы призрачное представление об участии их в делах правления, по примеру древних курултаев (сеймов) времен Чингис-хана.

Верхняя палата, собирающаяся на заседания по воскресеньям, состоит из министров, главных хошунных князей и товарищей министров. Нижняя палата, заседающая по пятницам, состоит из второстепенных князей и чиновников. Последние под впечатлением своего участия в государственных делах прекратили пока свои требования об уплате им жалованья. Заседания оканчиваются обыкновенно обильным питьем кумыса и молочной водки. В целях под-

нятия благосостояния страны решено ввести во всех хошунах обязательное занятие земледелием. Это даст монгольскому правительству новый предлог отказывать в отводе русско-подданным годных для хлебопашества земельных участков.

Недавно богдохан, кочующий близ своей резиденции в нескольких палатках, обратился ко мне через Ханда-цинь-вана с просьбой выдать ему на русском и монгольском языках охранный лист, воспрещающий русским подданным проезжать через его кочевье и устраивать там пикники. Выразив готовность сделать об этом соответствующее объявление, я посоветовал Ханда-цинь-вану выставить стражу, но он заявил, что стража или спит, или в нужный момент отсутствует. Поэтому он очень просил исполнить желание своего повелителя иметь охранный лист генерального консульства, каковой тут же ему и был вручен. После этого его святейшество несколько раз присылал ко мне своего министра иностранных дел благодарить за этот документ: никто теперь не нарушает спокойствия кочевой ставки его святейшества.

Приехавший неделю тому назад в Ургу советник монгольского правительства Козин произвел на всех монгольских министров благоприятное впечатление. Я передал в его распоряжение остаток двухмиллионной ссуды и телеграфный доход, что облегчит г. Козину организацию при монгольском министерстве финансов государственного казначейства.

Доносяя вашему высокопревосходительству об изложенном, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется императорскому поверенному в делах в Пекине.

Примите и пр.

А. Миллер.

УКАЗАТЕЛЬ I.

Именной [1]

[1] Цифры обозначают страницы

УКАЗАТЕЛЬ II.

Корреспонденты [1]

---

[1] Цифры обозначают номера документов.

Германия.

Греция.

Норвегия.

Италия.

Китай.

Монголия.

Персия.

Румыния.

Сербия.

Соединенные штаты.

Министерство ин. дел: №№ 64, 85
Посольство — министерство ин. дел: №№ 11, 51, 52

Турция.

Министерство ин. дел — посольство: №№ 31, 39, 185, 217, 232, 312, 352
Посольство — министерство ин. дел: №№ 60, 61, 70, 71, 72, 81, 109, 114, 120, 121, 141, 161, 162, 172, 182, 183, 203, 212, 213, 214, 215, 221, 227, 235, 243, 256, 257, 258, 270, 294, 295, 296, 297, 308, 309, 341, 342, 347, 348, 349, 367, 413, 414, 415, 419
Посольство — министерство финансов: № 26

Франция.

Ноты, пам. записки: № 206
Министерство ин. дел — посольство: №№ 2, 29, 77, 91, 137, 165, 237, 242, 246, 247, 275, 298, 305, 328, 350, 407
Посольство — министерство ин. дел: №№ 20, 21, 22, 42, 47, 54, 66, 87, 92, 93, 94, 95, 179, 188, 189, 199, 204, 239, 265, 266, 267, 277, 278, 279, 284, 285, 318, 319, 320, 344, 346, 358, 359, 374, 375 (приложение), 390, 391, 392, 393, 394, 395
Военный агент: №№ 190, 375 (приложение)
Русско-Азиатский банк — посольству во Франции: №№ 139, 340
Перехваченная переписка: № 238

Черногория.

Министерство ин. дел — миссия: №№ 223, 248, 369
Миссия — министерство ин. дел: №№ 67, 68, 69, 97, 98, 159, 160, 194, 195, 211, 293, 412
Военный агент: № 230

Швеция.

Миссия — министерство ин. дел: № 101

Япония.

Посольство — министерство ин. дел: №№ 105, 379, 405
Переписка министерства ин. дел с другими ведомствами.
Военное: №№ 108, 124, 222
Морское: №№ 123, 306
Наместник на Кавказе: №№ 106, 177
Председатель совета министров: №№ 149 (приложение), 167
Финансов: №№ 187, 202, 273
Генерал-адъютант Бенкендорф — министру ин. дел: № 313
Министр ин. дел — генерал-адъютанту Бенкендорфу: № 304
Докладные записки министра ин. дел Николаю II: №№ 125, 203
Журналы совещаний: №№ 99, 209, 368
Международный Коммерческий банк: №№ 327, 333
Внутренняя переписка министерства ин. дел
Товарищ министра ин. дел — министру ин. дел: №№ 402, 403
Советник посольства в Париже — послу в Париже: № 115
Записка вице-директора канцелярии м-ва: № 408

УКАЗАТЕЛЬ III.

Темы дипломатической переписки[1].

Австро-Венгрия.

1. Австро-итальянские противоречия — см. Италия (1)
2. Австро-русские противоречия — 192, 321, 331, 365, 400
3. Австро-румынские отношения — 15, 146

Также см. Германия (6) и Италия (8)

4. Австро-черногорский пограничный инцидент — см. Черногория (1)
5. Босно-герцеговинский заем — 300
6. Военные маневры — 7
7. Восточные ж. д. — см. Сербия (1)
8. Дунайско-Адриатическая ж. д. — см. Сербия (3)
9. Секретная организация в Чехии — 292, 365. Также см. Россия (13)

Албания.

1. Австро-итальянские противоречия — см. Италия (1)
2. Албанская конституция — 328, 353, 395
3. Албано-черногорский конфликт — см. Черногория (2)
4. Вопрос о посылке русского стационера в Албанские Воды — 382
5. Итало-албанские отношения — см. Италия (5)
6. Северо-албанское разграничение — 197, 344, 345, 351, 354, 355, 362, 369, 370, 403
7. Финансовая комиссия — см. Турция (21)
8. Финансовые переговоры — 249
9. Эпирский вопрос — 4, 5, 21, 34, 80, 93, 112, 113, 117, 127, 138, 142, 143, 144, 155, 168, 179, 193, 195, 198, 200, 219, 225, 226, 234, 242, 246, 247, 250, 251, 262, 264 265, 267, 269, 275, 276, 277, 278, 286, 322, 325, 335, 356, 363, 410

Англия.

1. Англо-итальянские переговоры — см. Италия (2)
2. Англо-китайско-тибетская конференция — см. Тибет (1)
3. Англо-русская морская конвенция — см. Россия (1)
4. Англо-русское соглашение 1907 г. — см. Персия (2)
5. Англо-японские отношения — см. Япония (1)
6. Внутреннее положение — 78, 86, 145, 178, 224

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов, цифры, проставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Бельгия.

Болгария.

Германия.

Греция.

Италия.

Китай.

Монголия.

Нидерланды.

Норвегия.

Персия.

Россия.

Румыния.

Сербия.

Тибет.

Турция.

Франция.

Черногория.

Швеция.

Япония.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
4	1 сн.	пеим.	прим.
5	23 сн.	И.янопо	Имяньпо
6	14 св.	llearn	I learn
7	16 сн.	par conséquen	par conséquence
8	17 сн.	'Entente	l'Entente
8	16 сн.	les	îles
8	5 сн.	ait	fait
8	2 сн.	es	les
25	16 сн.	дипоаматический	дипломатический
33	7 сн.	Гошев	Тошев
70	при док. № 69 после даты опущено		Весьма секретно.
85	17 сн.	oins	joins
86	9 св.	l's était	il s'était
86	10 св.	upplémentaire	supplémentaire
86	11 св.	tati.nnée	stationnée
89	2 сн.	на	но
93	12 сн.	dεs idées	des idées
96	2 св.	тайных	тройных
97	19 сн.	Чу-кин	Чу-кин».
98	15 сн.	15 000 000	150 000 000
119	1 сн.	П. Бари».	П. Барк».
136	2 св.	Рекомендую	Рекомендуя
135	6 сн.	стр. 66,	стр. 96,
143	16 св.	eur	leur
162	8 св.	организационный	реорганизационный
183	19 св.	écemment	récemment
205	1/2 сн.	Тел. Гартвига от 30/17 марта за № 102 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.	Имеется, очевидно, в виду тел. Гартвига от 30/17 марта за № 104. См. выше № 118.
251	8 сн.	l'I lande	l'Irlande
271	3 сн.	со.бщал е решении	сообщал о решении
274	1 св.	скажет он,	скажет оно,
274	3 сн.	пометка	помета
278	5 св.	(2 decenbre)	(2 décembre)
283	14 св.	предстаивтель	представитель
309	3 сн.	jugue	fugue
314	5 св.	переворот	поворот
315	15 св.	противодействве	противодействие
315	6 сн.	твою	свою
317	4 сн.	Андрианополе,	Адрианополе,
323	12 сн.	помощнки	помощник
340	6 сн.	транами	странами
356	10 сн.	совеги	совести
371	2/3 сн.	договоренного	доверенного
377	16 сн.	премущесгва	преимущества
391	1 сн.	стр. 322, прим. 2.	стр. 323, прим. 1.
393	2 сн.	Революция	Надпись
391	20 сн.	имоющиеся	имеющиеся
407	16 св.	es	les
407	1 сн.	проблемах	вопросах
413	20 св.	p'évacuer	d'évacuer
422	7/8 сн.	завершилось	заве.шилось
422	4 сн.	греческих	турецких
423	14 св.	сторбны	стороны
423	14 св.	любблы.ный	любопытный
423	21 сн.	участи	участии
453	2 св.	их	из
461	11 сн.	avaif	avait
462	15 сн.	сер	сэр
463	7 св.	правильные	нормальные
463	15 сн.	diffiicultés	difficultés
469	20 св.	norte	notre
469	19 сн.	j'.avons	l'avons
469	1 сн.	Kasvin	Kazvin
473	2 сн.	См. выше стр. 379, прим. 1	См. выше стр. 381, прим. 2
481	7 сн.	Sophia, (5 mai) avril 1914.	Sophia, 22 avril 1914.
487	22 св.	удовлетворялся	удовлетворятея
505	19 сн.	Бьюкенен.	Бьюкенен
515	16 сн.	равных	размах
520	5 сн.	Stieve, IV, № 1330.	Stieve, IV, S. 102, № 1330.
521	3 сн.	Stieve, IV, № 1330.	Stieve, IV, S. 102, № 1331.
530	14 св.	12 мая/29 апреля 1914 г.	Ялта, 12 мая/29 апреля 1914 г.
530	3 сн.	Stieve, IV, № 1332.	Stieve, IV, S. 103, № 1332.
532	3 сн.	Stieve, IV, № 1334.	Stieve, IV, S. 106, № 1334.

